

Е. В. А. Д О Р

 КРИК
ДАФЭНА

Londori sindaell ma unn,
Lou rill lun, lou rill maya,
Ann fia togroo sufraya
Ma unni dsurr lulahaunn...

So lunlo samda, Tunivy
Fa liyu luu farlitraya
Ann lunnill im sandannily
El niaf farli un ilaya.

Loo sun vukr dan nidarr
La undima ril loo suffa,
Saah lurr limma travinarr,
Linnarr, un enfill sinkrauffa...

Е . В . А . Д О Р

Санкт-Петербург
Издательство
ООО «Округ»
2005

"Крик Дафэна" может показаться обычной сказкой с обычным счастливым концом, но это впечатление иллюзорно. Наступает миг, и главный герой неожиданно теряет "мечту" и сталкивается с тайной силой, уничтожающей всё вокруг. Ему, вместе с читателем, придётся стремительно осваивать неведомую реальность и вывернутый наизнанку мир, который предательски обнажит свои бездны и обернётся той стороной, в которую *добровольно не ходят, но попадают невольно* – в момент страшного сна или безоглядного бегства от самого себя. Наблюдая за увлекательным продвижением героя навстречу неизвестности и судьбе, читатель обнаружит, как будущее соединяется с прошлым, а реальное с ирреальным; как простой парень становится сверхчеловеком, а любимая девушка – недоступной королевой неведомых стран... Это невероятно, но в лабиринтах описываемых миров каждый читатель может повстречаться с самим собой.

Издательство: ООО **"ОКРУГ"**
Санкт-Петербург
тел.: +7(812) 715 1480
E-mail: dafen@mail.ru

© Е.В.А. Дор, 2005.
© издательство ООО «Округ», 2005.

ISBN 5-98603-003-6

ПОСВЯЩАЕТСЯ

академику
Девяткову Николаю Дмитриевичу,

вдохновителю и истинному Человеку,
ставшему прообразом одного из главных героев.

ВЫРАЖАЕТСЯ СЕРДЕЧНАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ

за помощь и поддержку

Орловой Татьяне Ратмировне
и
Коротких Андрею Юрьевичу,

без которых эта книга
не стала бы тем, чем она является.

За основу взяты реальные события, но имена некоторых героев, ввиду их просьб, были изменены.

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Душа моя - подстреленная птица,
клубок отчаянья и призрачной надежды.
Порой мне кажется, что всё лишь снится,
что живы все, и любим мы, как прежде.*

*И боль не в счёт. Я суть постичь хочу.
...И странно, но я всё еще лечу.*

Сайлюш Доор Шиир

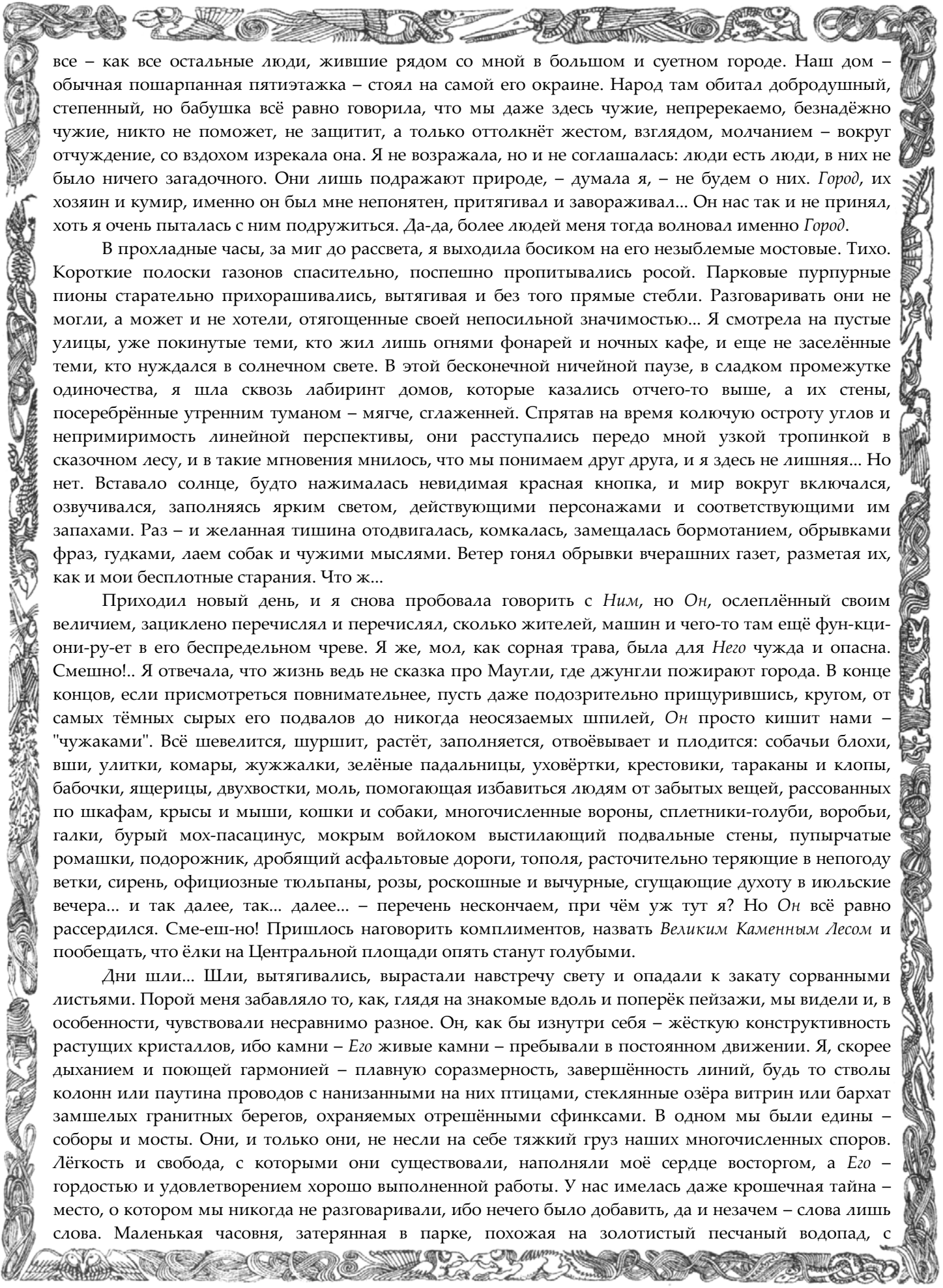
"...Все соки, выжатые или вытекающие из растений, следует запереть в стеклянных сосудах, все листья, цветы, корни - в глиняных банках, хорошо закрытых, чтобы под влиянием проветривания не выдохлась жизнь растений, как бы впавших в обморочное состояние".

Гиппократ

1.

– Дин! Динни-и-и!

Жучиный поединок был в самом разгаре. Награда ждала рядом, спутанная, мягкая и беспомощно сучащая ножками. В косых лучах уже осеннего солнца удерживающие паутинки казались призрачными, ненадежно кружевными, однако толстое тельце, как приклеенное, болталось посередине. Кстати, а вы-то видели, как дерутся жрутины жучки? Нет? Жаль, вы много потеряли. Ну ничего, жизнь ведь еще не кончилась, правда? Может быть, когда-нибудь... Я вот уже десять минут, замерев и почти не дыша, наблюдала, как два великолепных жрутня молотили друг друга мельтешащими когтистыми лапками. Оскорбительно клацая жвалюстями и топорща усики, они вдруг сцеплялись в интимной близости, впрочем, прилежно попыхтев и потолкавшись, тут же распадалась в разные стороны, как бы устыдясь своей секундной беспомощности. От этого сердились ещё больше, чуть пятились, но через мгновение всё равно притягивались – вновь и вновь, опять и опять. Потом, окончательно рассвирепев и перестав, наконец, сомнительно обниматься, они принялись яростно долбиться рогатыми лбами, будто вколачивая невидимые гвозди. Методично. Сухо. Сосредоточенно. Пока один из них, глянцево чёрный, не отступил, всего на полшажка, на полвзмаха. Но и этого было достаточно, чтобы второй, полосатый, вызывающе застрекотал, жадно чавкнул ртом и, взбрыкнув, перешёл в атаку... Как бы не так! Вместо того чтобы продолжать отступление, ещё секунду назад якобы побеждаемый им противник вероломно рванулся вперёд, поднырнул под него и резко надал крыльями, чуть было не выбросив полосатого жучка за пределы листа. Зелёное поле колыхнулось и развело их на исходные позиции. Они, не отдыхая, тут же

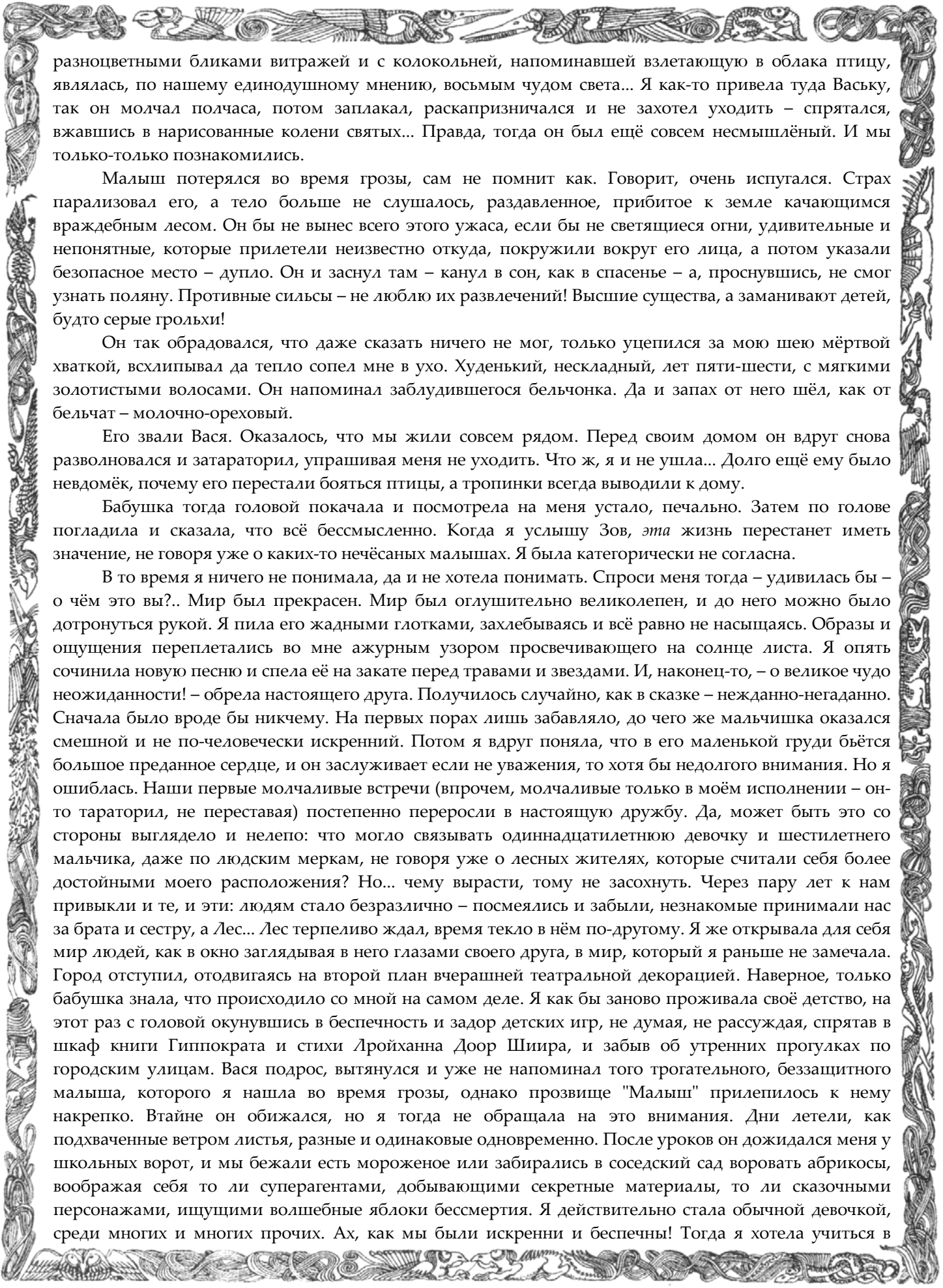

все – как все остальные люди, жившие рядом со мной в большом и суетном городе. Наш дом – обычная пошарпанная пятиэтажка – стоял на самой его окраине. Народ там обитал добродушный, степенный, но бабушка всё равно говорила, что мы даже здесь чужие, непререкаемо, безнадежно чужие, никто не поможет, не защитит, а только оттолкнёт жестом, взглядом, молчанием – вокруг отчуждение, со вздохом изрекала она. Я не возражала, но и не соглашалась: люди есть люди, в них не было ничего загадочного. Они лишь подражают природе, – думала я, – не будем о них. *Город*, их хозяин и кумир, именно он был мне непонятен, притягивал и заворачивал... Он нас так и не принял, хоть я очень пыталась с ним подружиться. Да-да, более людей меня тогда волновал именно *Город*.

В прохладные часы, за миг до рассвета, я выходила босиком на его незабываемые мостовые. Тихо. Короткие полоски газонов спасительно, поспешно пропитывались росой. Парковые пурпурные пионы старательно прихорашивались, вытягивая и без того прямые стебли. Разговаривать они не могли, а может и не хотели, отягощенные своей непосильной значимостью... Я смотрела на пустые улицы, уже покинутые теми, кто жил лишь огнями фонарей и ночных кафе, и еще не заселённые теми, кто нуждался в солнечном свете. В этой бесконечной ничейной паузе, в сладком промежутке одиночества, я шла сквозь лабиринт домов, которые казались отчего-то выше, а их стены, посеребрённые утренним туманом – мягче, глаженней. Спрятав на время колючую остроту углов и непримиримость линейной перспективы, они расступались передо мной узкой тропинкой в сказочном лесу, и в такие мгновения мнилось, что мы понимаем друг друга, и я здесь не лишняя... Но нет. Вставало солнце, будто нажималась невидимая красная кнопка, и мир вокруг включался, озвучивался, заполнялся ярким светом, действующими персонажами и соответствующими им запахами. Раз – и желанная тишина отодвигалась, комкалась, замещалась бормотанием, обрывками фраз, гудками, лаем собак и чужими мыслями. Ветер гонял обрывки вчерашних газет, разметая их, как и мои бесплотные старания. Что ж...

Приходил новый день, и я снова пробовала говорить с *Ним*, но *Он*, ослеплённый своим величием, заиклено перечислял и перечислял, сколько жителей, машин и чего-то там ещё функции-они-ру-ет в его беспредельном чреве. Я же, мол, как сорная трава, была для *Него* чужда и опасна. Смешно!.. Я отвечала, что жизнь ведь не сказка про Маугли, где джунгли пожирают города. В конце концов, если присмотреться повнимательнее, пусть даже подозрительно прищурившись, кругом, от самых тёмных сырых его подвалов до никогда неосязаемых шпилей, *Он* просто кишит нами – "чужаками". Всё шевелится, шуршит, растёт, заполняется, отвоёвывает и плодится: собачьи блохи, вши, улитки, комары, жужжалки, зелёные падальницы, уховёртки, крестовики, тараканы и клопы, бабочки, ящерицы, двухвостки, моль, помогающая избавиться людям от забытых вещей, рассованных по шкафам, крысы и мыши, кошки и собаки, многочисленные вороны, сплетники-голуби, воробьи, галки, бурый мох-пасацинус, мокрым войлоком выстилающий подвальные стены, пупырчатые ромашки, подорожник, дробящий асфальтовые дороги, тополя, расточительно теряющие в непогоду ветки, сирень, официозные тюльпаны, розы, роскошные и вычурные, стущающие духоту в июльские вечера... и так далее, так... далее... – перечень нескончаем, при чём уж тут я? Но *Он* всё равно рассердился. Сме-еш-но! Пришлось наговорить комплиментов, назвать *Великим Каменным Лесом* и пообещать, что ёлки на Центральной площади опять станут голубыми.

Дни шли... Шли, вытягивались, вырастали навстречу свету и опадали к закату сорванными листьями. Порой меня забавляло то, как, глядя на знакомые вдоль и поперёк пейзажи, мы видели и, в особенности, чувствовали несравнимо разное. Он, как бы изнутри себя – жёсткую конструктивность растущих кристаллов, ибо камни – *Его* живые камни – пребывали в постоянном движении. Я, скорее дыханием и поющей гармонией – плавную соразмерность, завершённость линий, будь то стволы колонн или паутина проводов с нанизанными на них птицами, стеклянные озёра витрин или бархат замшелых гранитных берегов, охраняемых отрешёнными сфинксами. В одном мы были едины – соборы и мосты. Они, и только они, не несли на себе тяжкий груз наших многочисленных споров. Лёгкость и свобода, с которыми они существовали, наполняли моё сердце восторгом, а *Его* – гордостью и удовлетворением хорошо выполненной работы. У нас имелась даже крошечная тайна – место, о котором мы никогда не разговаривали, ибо нечего было добавить, да и незачем – слова лишь слова. Маленькая часовня, затерянная в парке, похожая на золотистый песчаный водопад, с

разноцветными бликами витражей и с колокольной, напоминавшей взлетающую в облака птицу, являлась, по нашему единодушному мнению, восьмым чудом света... Я как-то привела туда Ваську, так он молчал полчаса, потом заплакал, раскапризничался и не захотел уходить – спрятался, вжавшись в нарисованные колени святых... Правда, тогда он был ещё совсем несмышлёный. И мы только-только познакомились.

Малыш потерялся во время грозы, сам не помнит как. Говорит, очень испугался. Страх парализовал его, а тело больше не слушалось, раздавленное, прибитое к земле качающимся враждебным лесом. Он бы не вынес всего этого ужаса, если бы не светящиеся огни, удивительные и непонятные, которые прилетели неизвестно откуда, окружили вокруг его лица, а потом указали безопасное место – дупло. Он и заснул там – канул в сон, как в спасенье – а, проснувшись, не смог узнать поляну. Противные силсы – не люблю их развлечений! Высшие существа, а заманивают детей, будто серые грюльки!

Он так обрадовался, что даже сказать ничего не мог, только уцепился за мою шею мёртвой хваткой, всхлипывал да тепло сопел мне в ухо. Худенький, нескладный, лет пяти-шести, с мягкими золотистыми волосами. Он напоминал заблудившегося бельчонка. Да и запах от него шёл, как от бельчат – молочно-ореховый.

Его звали Вася. Оказалось, что мы жили совсем рядом. Перед своим домом он вдруг снова разволновался и затараторил, упрашивая меня не уходить. Что ж, я и не ушла... Долго ещё ему было невдомёк, почему его перестали бояться птицы, а тропинки всегда выводили к дому.

Бабушка тогда головой покачала и посмотрела на меня устало, печально. Затем по голове погладила и сказала, что всё бессмысленно. Когда я услышу Зов, *эта* жизнь перестанет иметь значение, не говоря уже о каких-то нечёсаных малышах. Я была категорически не согласна.

В то время я ничего не понимала, да и не хотела понимать. Спроси меня тогда – удивилась бы – о чём это вы?.. Мир был прекрасен. Мир был оглушительно великолепен, и до него можно было дотронуться рукой. Я пила его жадными глотками, захлебываясь и всё равно не насыщаясь. Образы и ощущения переплетались во мне ажурным узором просвечивающего на солнце листа. Я опять сочинила новую песню и спела её на закате перед травами и звездами. И, наконец-то, – о великое чудо неожиданности! – обрела настоящего друга. Получилось случайно, как в сказке – нежданно-негаданно. Сначала было вроде бы никчему. На первых порах лишь забавляло, до чего же мальчишка оказался смешной и не по-человечески искренний. Потом я вдруг поняла, что в его маленькой груди бьётся большое преданное сердце, и он заслуживает если не уважения, то хотя бы недолгого внимания. Но я ошиблась. Наши первые молчаливые встречи (впрочем, молчаливые только в моём исполнении – он-то тараторил, не переставая) постепенно переросли в настоящую дружбу. Да, может быть это со стороны выглядело и нелепо: что могло связывать одиннадцатилетнюю девочку и шестилетнего мальчика, даже по людским меркам, не говоря уже о лесных жителях, которые считали себя более достойными моего расположения? Но... чему вырасти, тому не засохнуть. Через пару лет к нам привыкли и те, и эти: людям стало безразлично – посмеялись и забыли, незнакомые принимали нас за брата и сестру, а Лес... Лес терпеливо ждал, время текло в нём по-другому. Я же открывала для себя мир людей, как в окно заглядывая в него глазами своего друга, в мир, который я раньше не замечала. Город отступил, отодвигаясь на второй план вчерашней театральной декорацией. Наверное, только бабушка знала, что происходило со мной на самом деле. Я как бы заново проживала своё детство, на этот раз с головой окунувшись в беспечность и задор детских игр, не думая, не рассуждая, спрятав в шкаф книги Гиппократ и стихи Лройханна Доор Шиира, и забыв об утренних прогулках по городским улицам. Вася подрос, вытянулся и уже не напоминал того трогательного, беззащитного малыша, которого я нашла во время грозы, однако прозвище "Малыш" прилепилось к нему накрепко. Втайне он обижался, но я тогда не обращала на это внимания. Дни летели, как подхваченные ветром листья, разные и одинаковые одновременно. После уроков он дожидался меня у школьных ворот, и мы бежали есть мороженое или забирались в соседский сад воровать абрикосы, воображая себя то ли суперагентами, добывающими секретные материалы, то ли сказочными персонажами, ищущими волшебные яблоки бессмертия. Я действительно стала обычной девочкой, среди многих и многих прочих. Ах, как мы были искренни и беспечны! Тогда я хотела учиться в

школе, стать лётчицей и найти своих родителей, которых никогда не видела... Школьные годы пролетели так же быстро, как жизнь фиолетовых бабочек Мохолонело.

Беззаботная пора оборвалась, неотвратимо и безжалостно, как умирает невесомый тополиный пух после летней грозы. Только что казалось, пушистый снегопад будет кружить вечно... И вот уже *ничего*, кроме грохота падающей водяной неизбежности и жалких грязно-белых клочков на траве.

Кажется, это случилось в воскресенье, хотя теперь, наверное, день недели совершенно неважен. Было нестерпимо жарко. Стволы деревьев так раскалились (я даже сквозь стены слышала их стон), что ещё чуть – и они вспыхнули бы простыми поленьями. Просевший асфальт дешёвой халвой прилипал к подошвам и приторно пахнул. Каменные карнизы на домах нависли с угрожающей кровожадностью, выжидая замешкавшегося внизу прохожего. Занавески в открытых окнах поникли безжизненно, жалко, будто белые флаги всеобщей капитуляции. И главное – духота, почти болезненное ощущение вдоха, когда горячий плотный воздух с трудом проталкивался, утрамбовывался в распаренные лёгкие и уж совсем тяжело извлекался наружу. Васька куда-то уехал, и я маялась, не имея ни малейшей возможности даже поделиться с кем-нибудь тем ужасом, который свалился на меня в одну секунду.

Бабушка умирала. Бабушка. Умирала. Ба... У-ми-ра-ла... И я ничем не могла ей помочь. Только сидела рядом и гладила, гладила её по прохладной руке, ставшей такой невесомо прозрачной и незнакомой. Тепло её ладоней растворялось и уходило навсегда.

Она, цепляясь взглядом за моё лицо, задыхаясь в немоте, пыталась что-то говорить, одними губами, но я сквозь душно-вязкую пелену, как сквозь водную толщу, безуспешно ловила каждый жест, каждый звук. Тщетно... И только несколько лет спустя (события соскальзывают, путаются) я осознала, что бабушка в последний раз пыталась защитить меня, спасти от всего того, что было мне предначертано. Она шептала, что не нужно искать родных, потому что их нет и никогда не было, что не надо бояться, так как она всегда будет со мной, стоит лишь позвать Фрийс'ху, что она ничего не успела... не... успе... лааа... Я хотела сказать ей – не волнуйся, живи, живи, живи... Я хотела крикнуть это ей или кому-нибудь другому – тому, кто был за это в ответе, крикнуть в глаза, с отчаяньем, с негодованием и любовью, но не могла... так же, как не могла уже сказать никому, никогда слово "люблю", а лишь видела белое лицо, опутанное сетями времени, и знала, что буду помнить его среди бесчисленных многих других, слышать неясное бормотание среди неистребимой какофонии звуков, чувствовать родное дыхание, днём и ночью, всегда рядом с собой, как собственное дыхание, как голос, зовущий домой... А когда я совсем обезумела от горя и пряталась в углу за кроватью, ослепшая и оглохшая, мир вдруг треснул и разорвался со звуком лопнувшей материи, хлынул в меня, удушая и болезненно корбя. И тотчас же с неприятной отзывчивостью кто-то закричал рядом – визгливо, пронзительно, остро ввинчиваясь в голову, кто-то из тех, кто всегда бесполезно и выжидательно топчется около умирающих. Что-то падало и катилось, дребезжала посуда в буфете, оконное стекло радужно выгнулось и выплеснулось тысячами звонких капель вниз на тротуар.

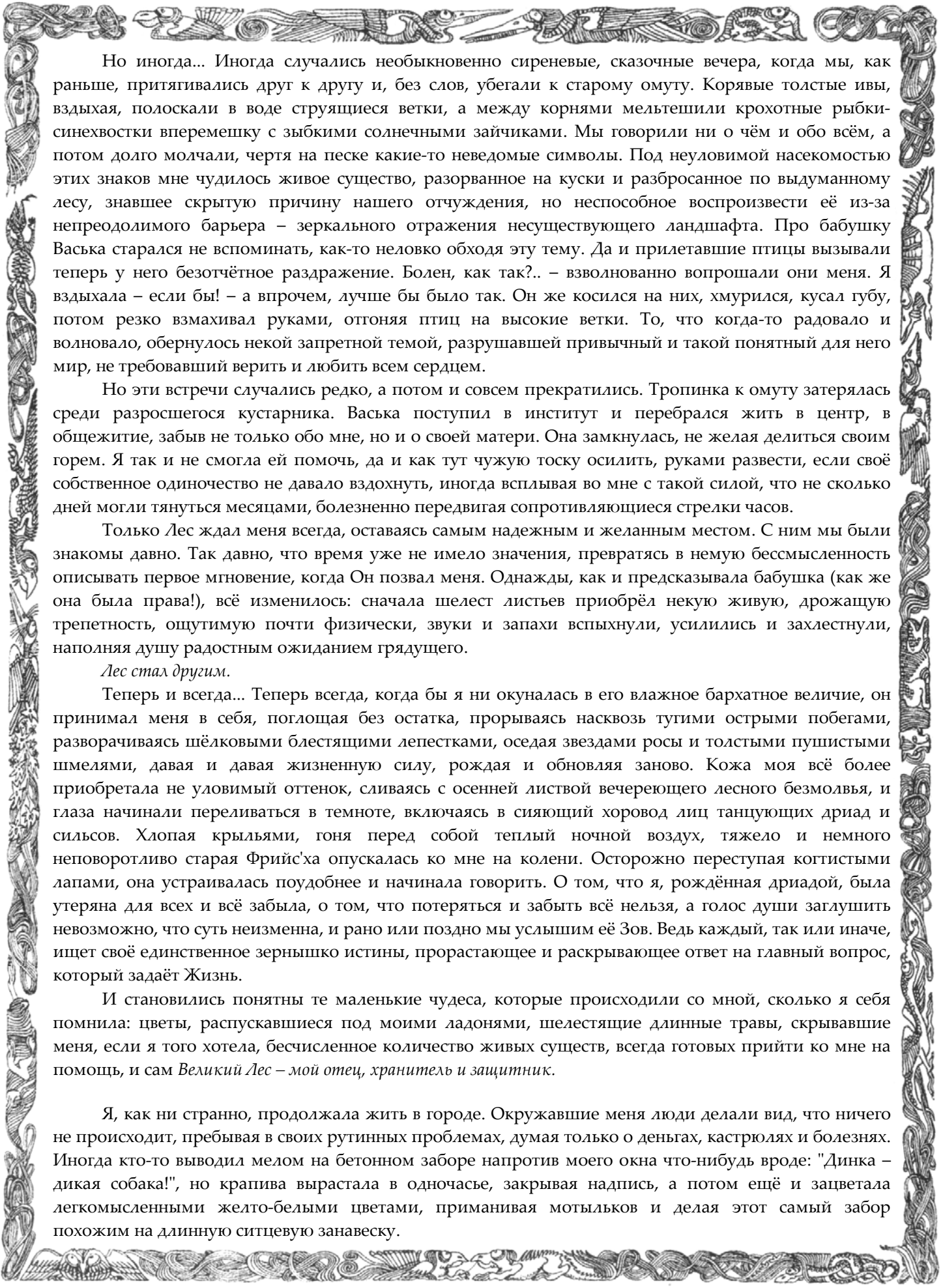
И сквозь образовавшийся проём, на секунду заслонив собою небо, заволакивающе плавно вылетела и растворилась в солнечном мареве большая призрачная птица, чем-то отдалённо напоминавшая сову.

Тишина. Давящая пустота. Одинокая смятая постель, как забытая скорлупа. Хоронить было некого. Бабушка ушла навсегда.

Пытаясь подавить панический, безотчётный страх, соседи суеверно поставили на кладбище крест, хоть под ним никто и не лежал. Пустое, ни о чём не говорившее сочетание букв на могильной табличке так и не стало именем умершей. Моей бабушки.

Васька меня сторонился, но я на него не обижалась. Он совсем вырос и, как мне казалось, поглупел (*пустой накал и мнимая чувственность, бесполезное сотрясение воздуха* – нащёптывал мне на ухо ветер). Мечтал выиграть первое место хоть в чём-нибудь, к тому же влюбился в новенькую девчонку из параллельного класса. Хм!.. Попался на смесь томной взрослой походки и лживо-наивного взгляда.

Мы почти не встречались.

Но иногда... Иногда случались необыкновенно сиреневые, сказочные вечера, когда мы, как раньше, притягивались друг к другу и, без слов, убегали к старому омуту. Корявые толстые ивы, вздыхая, полоскали в воде струящиеся ветки, а между корнями мельтешили крохотные рыбки-синехвостки вперемешку с зыбкими солнечными зайчиками. Мы говорили ни о чём и обо всём, а потом долго молчали, чертя на песке какие-то неведомые символы. Под неуловимой насекомостью этих знаков мне чудилось живое существо, разорванное на куски и разбросанное по выдуманному лесу, знавшее скрытую причину нашего отчуждения, но неспособное воспроизвести её из-за непреодолимого барьера – зеркального отражения несуществующего ландшафта. Про бабушку Ваську старался не вспоминать, как-то неловко обходя эту тему. Да и прилетавшие птицы вызывали теперь у него безотчётное раздражение. Болен, как так?.. – взволнованно вопрошали они меня. Я вздыхала – если бы! – а впрочем, лучше бы было так. Он же косился на них, хмурился, кусал губу, потом резко взмахивал руками, отгоняя птиц на высокие ветки. То, что когда-то радовало и волновало, обернулось некой запретной темой, разрушавшей привычный и такой понятный для него мир, не требовавший верить и любить всем сердцем.

Но эти встречи случались редко, а потом и совсем прекратились. Тропинка к омуту затерялась среди разросшегося кустарника. Васька поступил в институт и перебрался жить в центр, в общежитие, забыв не только обо мне, но и о своей матери. Она замкнулась, не желая делиться своим горем. Я так и не смогла ей помочь, да и как тут чужую тоску осилить, руками развести, если своё собственное одиночество не давало вздохнуть, иногда всплывая во мне с такой силой, что не сколько дней могли тянуться месяцами, болезненно передвигая сопротивляющиеся стрелки часов.

Только Лес ждал меня всегда, оставаясь самым надежным и желанным местом. С ним мы были знакомы давно. Так давно, что время уже не имело значения, превратясь в немую бессмысленность описывать первое мгновение, когда Он позвал меня. Однажды, как и предсказывала бабушка (как же она была права!), всё изменилось: сначала шелест листьев приобрёл некую живую, дрожащую трепетность, ощутимую почти физически, звуки и запахи вспыхнули, усилились и захлестнули, наполняя душу радостным ожиданием грядущего.

Лес стал другим.

Теперь и всегда... Теперь всегда, когда бы я ни окуналась в его влажное бархатное величие, он принимал меня в себя, поглощая без остатка, прорываясь насквозь тутими острыми побегими, разворачиваясь шёлковыми блестящими лепестками, оседая звездами росы и толстыми пушистыми шмелями, давая и давая жизненную силу, рождая и обновляя заново. Кожа моя всё более приобретала не уловимый оттенок, сливаясь с осенней листвой вечеряющего лесного безмолвия, и глаза начинали переливаться в темноте, включаясь в сияющий хоровод лиц танцующих дриад и силсов. Хлопая крыльями, гоня перед собой теплый ночной воздух, тяжело и немного неповоротливо старая Фрийс'ха опускалась ко мне на колени. Осторожно переступая когтистыми лапами, она устраивалась поудобнее и начинала говорить. О том, что я, рождённая дриадой, была потеряна для всех и всё забыла, о том, что потеряться и забыть всё нельзя, а голос души заглушить невозможно, что суть неизменна, и рано или поздно мы услышим её Зов. Ведь каждый, так или иначе, ищет своё единственное зернышко истины, прорастающее и раскрывающее ответ на главный вопрос, который задаёт Жизнь.

И становились понятны те маленькие чудеса, которые происходили со мной, сколько я себя помнила: цветы, распускавшиеся под моими ладонями, шелестящие длинные травы, скрывавшие меня, если я того хотела, бесчисленное количество живых существ, всегда готовых прийти ко мне на помощь, и сам Великий Лес – мой отец, хранитель и защитник.

Я, как ни странно, продолжала жить в городе. Окружавшие меня люди делали вид, что ничего не происходит, пребывая в своих рутинных проблемах, думая только о деньгах, кастрюлях и болезнях. Иногда кто-то выводил мелом на бетонном заборе напротив моего окна что-нибудь вроде: "Динка – дикая собака!", но крапива вырастала в одночасье, закрывая надпись, а потом ещё и зацветала легкомысленными желто-белыми цветами, приманивая мотыльков и делая этот самый забор похожим на длинную ситцевую занавеску.

Чем я мешала?.. Не знаю. Те, кому я помогала, леча травами и пением, сначала плакали и готовы были руки целовать, а потом отчуждались, прятали глаза и натянуто улыбались. Вот и отец Никодим, заботившийся обо мне после "смерти" бабушки, сутулился при встрече и хмурил брови. А вчера пришел и долго сидел во дворе, задумчиво теребя седую бороду, вздыхая и качая головой. Так и ушёл, астматически прижимая к груди руку в незавершённом отворачивающем жесте, ничего не сказав. Чужая, и ему чужая...

– Смотрите, смотрите, опять перед её окном танцуют лазоревые бабочки. Сколько их, сколько, наверное, целая сотня!

– А вы видели старую яблоню, ту, в которую ударила молния? Знаете, она вся в цвету, и какой аромат, боже, какой аромат!.. Кажется, наша улица вдруг стала садом!

– У дворовой собачонки – резиновая она что ли? – опять щенки. Только теперь их двадцать, и один полосатый...

– А в пригороде стадо коров околело – может, кто отравил?..

Меня это не касалось, не липло. Я словно видела себя со стороны, как летящее мимо облако... Пусть говорят. Я знала – им так легче. Но однажды объявился Васька, взъерошенный, злой, долго топтался на пороге и вдруг раскричался, враз перестав быть тем, кого я любила и берегла. Зря это было, зря. А бабушка мне говорила... Странное человеческое чувство всколыхнулось во мне, сжимая горло и перехватывая дыхание. Обеспокоено зашумели деревья во дворе, откликаясь на мою боль. Я будто вернулась в свою прежнюю, некогда беззаботную жизнь и поняла, что она не исчезла, не стёрлась, она есть как и прежде, но где-то там, неведомо где, а здесь... Я вздрогнула, пытаюсь разглядеть в знакомом лице хоть отблеск того света, который так притягивал меня раньше – пусто и зябко. Рослый рыжий парень кричал – почему мне? – бессмысленные обвинения. Как в день смерти бабушки я опять ничего не слышала, только видела, как корчится его рот, выталкивая наружу слова – горькие стусики, шлепавшиеся на пол и растекавшиеся грязью. Что-то про то, что я мешаю ему нормально (как все!., как все?) жениться, что я – лесная ведьмачка! – его околдовала, что чудес на свете не бывает, что теперь всё-всё-всё потеряно, потому что жить так дальше и больше он не в силах, и что лучше б я его в том клятом лесу и не находила – никогда!.. *Никогда... Никогда...*

Никогда.

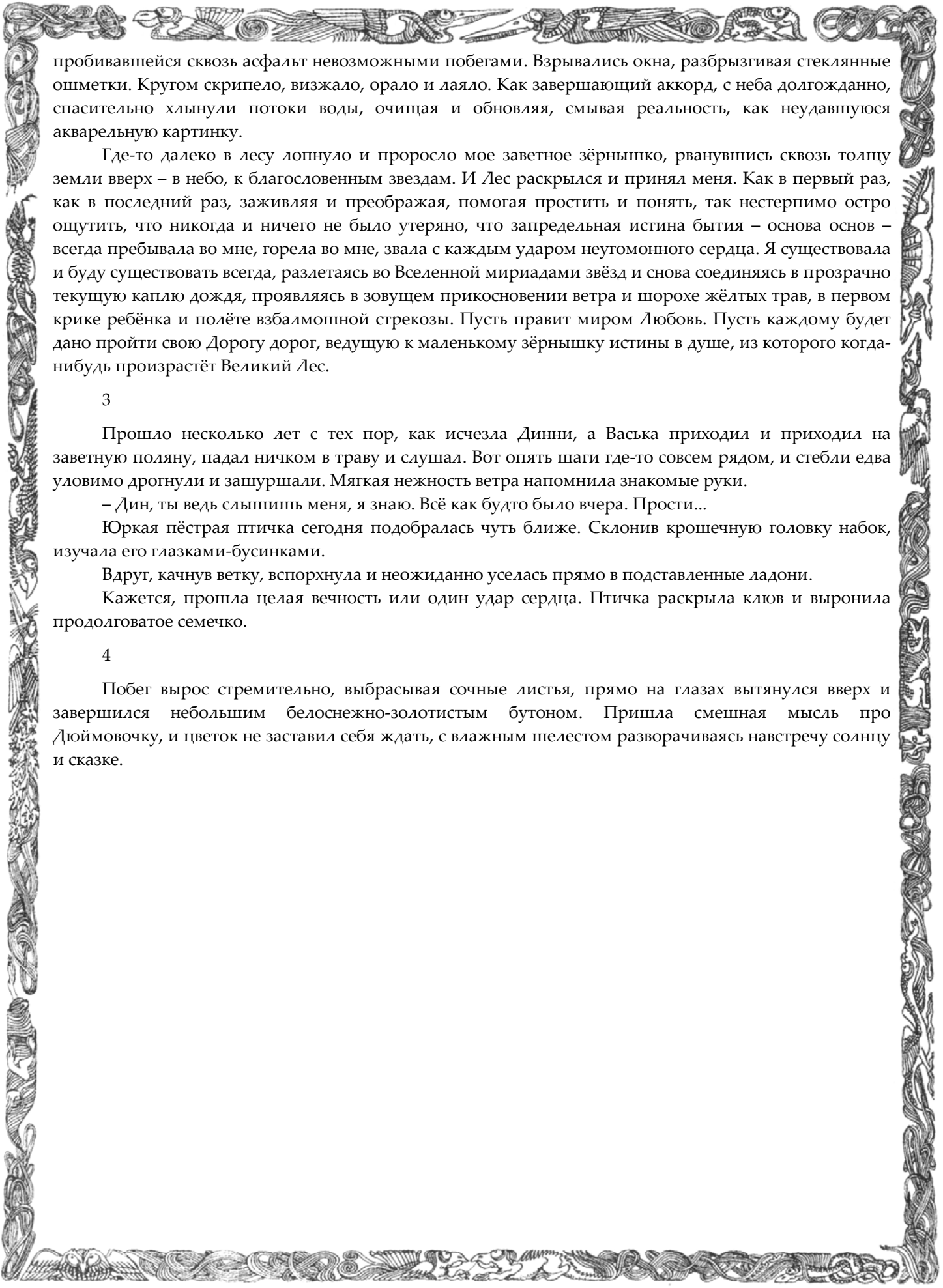
"Враз обе рученьки разжал... Жизнь выпала копеечкой ржавою", – услужливо прошептал мне кто-то на ухо давно забытые строки. Васька, милый, родной Васька, единственный друг, пусть такой сумбурный и непредсказуемый, и ты теперь не со мной... *"Исчезни!!!"* – прокричал он в довершение, одним своим словом припечатывая приговор.

Вот и конец. Одна.

Я подняла глаза и вдруг увидела за его плечом, в полуоткрытую дверь, нет, гораздо дальше, за ней – в лестничном окне – голубую кромку Леса, такую завершённую и исчерпывающе чистую, каким может быть движение к горизонту. И я хотела найти в нём опору, но оно затягивало меня, звало, и я почувствовала, что свободна, ибо уход мой из этого мира отнюдь не подводил черту и не означал отречения и отверженности. Моя задача была выполнена, роль сыграна, предназначение свершилось – полностью и бесповоротно. Мне просто было пора в дорогу...

Хлопнула выстрелом дверь.

Мир рухнул назад оглушительным рёвом листвы за окном, застучавшими ветками, ломающими и крушащими всё вокруг. Корни шершавыми змеями выбирались наружу, помогая покидать привычные места деревьям, устремившимся прочь из города в своё первое величайшее путешествие. Поблизости затрещала просевшая машина. Ветром сорвало, поволокло и зашвырнуло на крышу мокрое бельё. Туда же закинуло мусорный бачок, забытые детские игрушки, банки с вареньем, остывавшие на чьём-то подоконнике, старые стулья, шахматную доску, газеты, герань, облупленный скворечник, кактусы в горшках, кастрюли, метлу, резиновый крылечный коврик и множество другого, уже невидимого из-за поднявшейся посреди двора песчаной бури. С раскатыстым грохотом рухнул старый гараж. Не сколько досок тут же поднялись в воздух и улетели на юг в быстро темнеющие тучи. За ними, как настоящая летающая тарелка, стартовал вверх продуктовый киоск, рассыпаясь хлебами и проделами, засеивая город гречневой, рисовой и пшеничной крупой, тут же

пробивавшейся сквозь асфальт невозможными побегami. Взрывались окна, разбрызгивая стеклянные ошметки. Кругом скрипело, визжало, орало и лаяло. Как завершающий аккорд, с неба долгожданно, спасительно хлынули потоки воды, очищая и обновляя, смывая реальность, как неудавшуюся акварельную картинку.

Где-то далеко в лесу лопнуло и проросло мое заветное зёрнышко, рванувшись сквозь толщу земли вверх – в небо, к благословенным звездам. И Лес раскрылся и принял меня. Как в первый раз, как в последний раз, заживляя и преображая, помогая простить и понять, так нестерпимо остро ощутить, что никогда и ничего не было утеряно, что запредельная истина бытия – основа основ – всегда пребывала во мне, горела во мне, звала с каждым ударом неутомонного сердца. Я существовала и буду существовать всегда, разлетаясь во Вселенной мириадами звёзд и снова соединяясь в прозрачно текущую каплю дождя, проявляясь в зовущем прикосновении ветра и шорохе жёлтых трав, в первом крике ребёнка и полёте взбалмошной стрекозы. Пусть правит миром Любовь. Пусть каждому будет дано пройти свою Дорогу дорог, ведущую к маленькому зёрнышку истины в душе, из которого когда-нибудь произрастёт Великий Лес.

3

Прошло несколько лет с тех пор, как исчезла Динни, а Васька приходил и приходил на заветную поляну, падал ничком в траву и слушал. Вот опять шаги где-то совсем рядом, и стебли едва уловимо дрогнули и зашуршали. Мягкая нежность ветра напомнила знакомые руки.

– Дин, ты ведь слышишь меня, я знаю. Всё как будто было вчера. Прости...

Юркая пёстрая птичка сегодня подобралась чуть ближе. Склонив крошечную головку набок, изучала его глазками-бусинками.

Вдруг, качнув ветку, вспорхнула и неожиданно уселась прямо в подставленные ладони.

Кажется, прошла целая вечность или один удар сердца. Птичка раскрыла клюв и выронила продолговатое семечко.

4

Побег вырос стремительно, выбрасывая сочные листья, прямо на глазах вытянулся вверх и завершился небольшим белоснежно-золотистым бутонem. Пришла смешная мысль про Дюймовочку, и цветок не заставил себя ждать, с влажным шелестом разворачиваясь навстречу солнцу и сказке.

*Тоска... Непобедимая тоска, всемо-
гущая, всепожирающая... Толстое сте-
клянное отчуждение, упавшее тесным
куполом: трудно дышать, невозможно
думать, тягостно жить... Слышишь
гулкий стук моей бьющейся души? Где
ты, отзовись? Одному не пробиться, не
раскинуть крылья... Что мы ждем и
что ищем? Смотри! Капелька за ка-
пелькой утекают минуты нашего
бессмертия, прозрачные стеклянные
слёзы, крошечные кирпичики одино-
чества. Льются, льются, текут,
сливаясь, переливаясь и сворачиваясь
душным кольцом великого Змея Пе-
чали, хранителя потерь и утрат.*

ГЛАВА 1. ВАСЬКА.

*Но ты... ты – ускользаешь.
А я- смотрю в небо.
Если бы звездам упасть...
Прошли бы мы тот же путь?
Крик... Крик... Птица моя, молчи.
Не разглашай присутствия.
Дай еще миг.
Звонящая боль, отпусти...*

Вааль Силь Хаэлл

1

Цветок пел. Хотя тот необыкновенный, мелодично шелестящий звук, с которым выбрасывались листья, вряд ли можно было назвать музыкой в прямом понимании этого слова.

Мир замер.

Среди чутко наблюдающей тишины, поскрипывавших вокруг деревьев прямо на глазах рос хрупкий замок моей мечты, не давая вздохнуть, пошевелиться, обещая не сметное богатство надежды – жизнь, когда-то перечеркнутую одним моим словом.

Сколько же времени прошло с тех пор?

Детство, юность... Вспоминая, я словно перекладываю толстую стопку дней, которые сейчас кажутся затёртыми и одинаковыми, подобно бумажным листам. Первые из них чисты или содержат обрывки предложений, другие заполнены от края до края, однако их очередность неслучайна и подчинена как бы чужой воле, проявленной на некоторых страницах резкими замечаниями и комментариями. Всё моё детство было испорчено вмешательствами и комментариями и воспринималось мною как умопомрачительный калейдоскоп незаслуженных неделестей и недоразумений. Взять хотя бы имя, которым мать наградила меня с быстротой выбитого в магазине чека, ничуть не заботясь о последствиях. Склонилась надо мной, сморщилась, погружаясь в раздумье, и, неожиданно чихнув, с облегчением произнесла: "Васенька... Самый настоящий Васенька! И что тут думать, в конце-то концов!". Может быть, для неё это и впрямь было облегчением (я догадываюсь, что назвать ребёнка – дело весьма и весьма непростое) и, конечно же, она не хотела мне неприятностей, но для меня как раз это и явилось не "концом концов", а началом начал. Моё детство дало опасный крен и чуть не пошло ко дну, как корабль от прямого торпедного попадания. Впрочем, я как-то исхитрился, извернулся и удержался на плаву, лишь морщась на обидные приставочки и склонения моего незатейливого кошачьего имени. Имя-то, может, и греческое, но ни греки, ни святые Василии моими обидчиками в расчёт не брались, а вот коты, по их мнению, во дворах прогуливались почему-то все, как на подбор, Васьки. В портфель ко мне тайком пихали порченную колбасу, однажды даже дохлую крысу, а вслед орали истошное "Мяу!!!". Если прибавить к этому цвет моей шевелюры рыжий-прерыжий – и её неистребимую способность путаться и торчать во все стороны, а так же мою неистребимую способность впутываться во всё и вся без разбора, то легко можно представить, во что вылилось моё первое десятилетие, как, впрочем, и второе тоже. Не будем трогать третье – оно только началось, и хочется, ох как хочется надеяться на лучшее!

Отца своего я помню плохо. Осталось ощущение пьянящего запаха уставшего после работы мужчины и воспоминание о моей робости, постепенно переросшей в необъяснимый страх – страх, граничивший с молчаливым обожанием, возможным лишь на расстоянии и в очень нежном возрасте. Он меня не замечал, никогда со мной не играл, никогда не хвалил, впрочем, и не ругал тоже, только однажды, столкнувшись в дверях, досадливо смерил взглядом

и процедил сквозь зубы: "И в кого такой конопатый уродился, будто и не мой..." Протянул руку, но так и не дотронулся. Каждый день я тихонько устраивался в уголке и незаметным рыжим гномиком наблюдал за огромным силуэтом, жившим в кресле у окна. Отчуждение между нами росло и вскоре стало непреодолимым. Когда мне исполнилось пять лет, отец ушёл из моей жизни, и я ещё очень долго не мог приблизиться к высокой отполированной спинке, из-за которой, как мне чудилось, вот-вот покажется он. Став немного старше, я сформулировал-таки вопрос – где отец? – но так и не осмелился задать его. Маялся около матери, с опаской вышагивал вокруг неё, откладывая и откладывая момент истины. Таким образом протянул почти три года, а когда всё же промямлил что-то, оборвавшееся на высокой ноте, она, отяжелев фигурой и вмиг став потерянно безликой, уплыла куда-то вглубь дома, забывая закрывать за собой двери и оставив на столе безнадежно остывающий чай. Ещё через два года мне случайно попала на глаза свадебная фотография улыбающейся пары: в невесте я узнал маму, а вот жених... Высокий темноволосый мужчина не напоминал мне ни-ко-го, не говоря уже о моём отражении в зеркале, и уж тем более никак не ассоциировался с детскими страхами и мечтательными ожиданиями, пережитыми мною в далёком углу одиночества. И в конце-то концов, какая разница – умер он или продолжает где-то своё неведомое существование, счастлив ли в новой семье или в новой жизни?.. Для меня отец исчез навсегда. Вместе с вынесенным на помойку креслом и позже тайком сожжённой фотографией.

Но свою роль он сыграл окончательно и бесповоротно – с его уходом я замкнулся, начал сторониться сверстников. Тогда же начались мои побеги в лес, в котором я пытался спрятаться, прежде всего от самого себя. Городской парк одной стороной переходил в лесной массив, где строгие английские лужайки постепенно зарастали лопухами и репейниками. Юные мамыши с колясками туда уже не догуливали, уступая эстафету рьяным собачникам и скучающим мальчишкам. У меня была своя личная тропа, едва различимая среди травы, ведущая в сказочный мир шепчущих великанов. Я напрочь отказывался называть это место дубовой рощей. Кто бы говорил! Любой, услышавший, как переговариваются деревья, соприкасаясь в вышине ветками, согласился бы со мной, не раздумывая. Я не представлял для исполинов опасности, копошась где-то далеко внизу вместе с жуками и полёвками. Воспоминания леса были пропитаны солнцем, утоптанная труха в дуплах и на лесной тропинке пахла земляной влагой и муравьями... Мои ощущения были сумбурными. Однако сильнее прочих помнился аромат дикой сирени, распускавшейся с щедростью и напором хмельного лета. Её было неисчислимое множество на дальних заливных лугах за рощей, и с холма она смотрелась бело-розовым океаном, изрезанным изумрудными течениями колеблющейся листвы. Аромат сирени... Чуть горький, чуть сладкий, в меру густой, в меру лёгкий и никогда ненадоедающий. Твой запах, Динни.

Ещё один лист развернулся, глянцево упругий, весь покрытый сеточкой прожилок, как будто исписанный замысловатыми иероглифами истории моей жизни.

Однажды я заблудился, как говорится, в трёх деревьях. Знакомое вдруг разом обернулось чужим и неприветливым, налетел сильный ветер, небо затянуло тучами. Тропинки назад больше не существовало. Дубы сгрудились вокруг, впервые враждебно потряхивая ветками, и прицельно, больно, предательски сыпали сверху желудями. Мой крик утонул в надвигавшемся шуме дождя. Я готов был кинуться сломя голову неизвестно куда, лишь бы не стоять на месте. Но тут от ближайшего дерева отделилась стайка светящихся огоньков и, выстраиваясь в колышущуюся на ветру линию, потянулась к моему лицу. Сквозь слёзы я так и не понял, были ли это ночные светлячки или что-то иное – это уже не имело никакого значения, ибо другой конец сверкающей ленточки исчезал в узком отверстии, расположенном почти у самой земли. Залезая в дупло, как в материнское лоно, я почти с обморочным восторгом устроился внутри и, наконец-то, обрёл покой.

Ты нашла меня в лесу, нашла для жизни. Но это было после, а тогда – тогда я просто ревел, выплакивая своё тайное горе, окунувшись в ласковую волну твоих пахнувших сиренью волос. "Всё будет хорошо, малыш!" – пообещала мне ты и отвела назад к людям.

Ты, Динни, вернула мне способность воспринимать мир целостно, если так можно было выразиться о шестилетнем ребёнке, которому вдруг возвратили потерянную часть души. Я долго играл всерьёз, что ты моя старшая сестра, и это было самое счастливое и понятное время. Но однажды - мне стукнуло уже лет одиннадцать или двенадцать – я случайно заметил, как красиво изгибаются твои губы, когда ты улыбаешься, как рождаются ямочки на щеках. Необъяснимое чувство, волнующее и непосильное, захлестнуло меня, скручивая живот сладкими спазмами. Я почти испугался, ещё не зная, что просто взрослею. Я готов был бесконечно наблюдать за тобой, но ты уже на другой день обеспокоено перехватила мой взгляд: "Что с тобой, малыш, ты заболел?" Я смутился - до одури, до горячей волны внезапного стыда, до липких ладоней и разбегающихся мыслей. "Ничего", – промямлил я и, спасаясь, влюбился в Наташку из соседнего класса. Так зародилось моё предательство, давшее исход из пустяка, из мимолётной робости и начинающейся гормонально-подростковой истерии. За Наташкой уже ходило трое мальчишек, и поэтому мои пробные чувства не заметил никто, включая саму Наташку. Это был первый опыт, и во второй раз я был более смел и настойчив: Маша, сидевшая со мной за одной партой, разрешила носить её портфель, что, впрочем, очень скоро мне надоело. Дальше я увлёкся Тамаркой – бледной тихой девочкой с тёмной косой и вечной скрипкой в кожаном футляре. Она каждый день играла и играла, и, кажется, ей прочили великое будущее. В конце концов, она уехала в столицу поступать в музыкальное училище, и я её больше не видел. Потом кто-то влюбился в меня и забрасывал почтовый ящик записками. Я подозревал, что это ехидно и выжидательно шутит мой бывший друг, толстый Петька, безответно вздыхавший по Машке и отчего-то не простивший мне её портфель. Короче, школьные годы пронеслись незаметно, хоть и излишне запутанно. Вспоминать можно было много. Вспомнить – нечего.

С Динни я виделся всё реже. С определённого момента пять лет разницы в возрасте становятся непреодолимым барьером. Я стал тяготиться ею, то ли стесняясь, то ли теряясь в собственных чувствах. Она понимающе молчала и не задавала никаких вопросов. Сколько раз я клялся себе, что завтра же утром позову её – как раньше – за абрикосами или купаться на нашем заветном месте, придумывал без труда нужные слова, но наступало это роковое утро, и я со стыдом понимал, что вот эти самые слова – просто улыбнуться и сказать – совершенно невысказано. Так и проживал я две жизни: одну в своих мыслях, другую – в одинаковых днях. Привык. И лишь когда случались необыкновенно сиреневые сказочные вечера, мы вдруг натыкались друг на друга прямо на людной улице и, облегчённо рассмеявшись, заговорщически убегали, как и прежде, к далёкому омуту и болтали, смеялись и вновь были счастливы. Недолго, ах, как недолго!..

Побег продолжал расти, а с ним вместе росла и крепла моя надежда.

Когда же это случилось по-настоящему, разом и бесповоротно? Я не смог бы назвать день и час, когда я забыл о Динни окончательно. Есть время безумству и безудержному гону, когда невозможно усидеть на месте, когда хочется неизвестно чего, но чтобы этого чего-то было очень и очень много, когда каждый прожитый день считается бездарно потерянным, если не провести его в шумной компании, а вечером не прижаться к таким же ищущим губам. Аллилуйя! Да здравствует молодость и будь она проклята! Ибо именно тогда мы можем получить всё и всё потерять.

Непредсказуемо и неизбежно я окунулся в сладостный мир ошибок.

Я встретил Люсинду на набережной. Был предзакатный час, и одинокая фигура девушки на берегу показалась мне почти трагической. Я непроизвольно устремился к ней, полный щекочущего ожидания, волнения и забытой робости – чувствами, которыми когда-то в далёком детстве я болел, о которых позже мечтал, а потом, на первом курсе, зачитываясь Верленом, мечтал уже осознанно и нетерпеливо. Она повернулась ко мне, будто у нас было назначено свидание, и вместо изумления или недоверия, смутно мною ожидаемых, я услышал ироничные слова уверенной в себе женщины. Чуть наклонив голову набок, более чем выразительно, придерживая развевающиеся волосы, она улыбнулась откровенно и ободряюще, обнаруживая на щеках две маленькие округлые ямочки. Что-то дрогнуло внутри меня, сердце

вспомнило что-то давно забытое, детское, но не удержало, упустило, покоряясь первому впечатлению. А оно определённо впечатляло, сразу и безоговорочно: девушка была немыслимо, неправдоподобно, чертовски хороша. Гладкий широкий лоб, иссиня-чёрные волосы, карминовая помада на узких губах и такого же цвета узкое платье, крохотная жилка на виске, просвечивающая через тонкую матовую кожу – Снежная Королева да и только. Поверил бы, что заморозит, если бы не жаркий огонь в прищуренных глазах. В силу своей природной неукротимости я, кажется, без остановки вещал: о погоде и друзьях-оболтусах-студентах, о бандитах и беззащитных барышнях на ночных улицах, о... не помню уже о чём. Она понимающе кивала и улыбалась. Её улыбку можно было снимать в рекламе зубной пасты.

Я провожал незнакомку до дома и не знал, что делать дальше. "А дальше... – сказала она, помолчала секунду и неожиданно погладила меня по щеке. – Какой ты, право слово, милый. Милый и редкостно рыжий". Ещё через секунду я отчаянно целовал её сомкнутые губы, настойчиво, сумасшедше, пока она, наконец, не ответила.

Ещё один лист с шелестом развернулся.

Теперь, когда прошло столько времени, я понимаю – Люсинда играла со мной, как со слепым котёнком, то беспричинно отталкивая, то подпуская поближе, обволакивая, дразня и обещая. Яркая, уверенная в себе, ни разу не проигравшая. Зовущее движение точёной руки – иди сюда, милый, какой же ты, право, всё-таки рыжий! – запах морозного утра, свежий и обжигающий, зелёная кристальная глубина глаз, притягивающих, заполняющих и подавляющих разум. Опадало к её ногам снежное кружево, чуть задерживаясь стрелочками лямок на твёрдых горошинах сосков. Перешагивая через белоснежный ворох одежды, она опускалась ко мне, скользя мимо моих пересохших губ восхитительными линиями тела. Сгорая от стыда и нетерпения, я тапил в глубину ложбины меж её грудей своё онемевшее от желания лицо и забывал обо всём. В моей душе всевластно цвела зима.

Дрожь вдоль спины, классические, почти обязательные следы от ногтей на плечах, давящее прикосновение гладких бёдер, обхвативших, поймавших меня в неразрывное кольцо. Крошечная снежинка на её левой груди – оживающая татуировка – вздрагивающая лучиками в такт нашим движениям. Блестящие волосы, змейками расползающиеся по подушке. Вдруг отрезвляюще спокойный голос – ну, что ты так навалился, мне же тяжело! – и рука, тянущаяся за сигаретой.

Вспоминая, я засмеялся. Какой же я был дурак! Что ж, за что боролся – на то и напоролся. Это позже я узнал, что, как правило, что хочешь, то и получишь, что ищешь, то обязательно и найдёшь. Рано или поздно. Так или иначе.

Мы зачастили в театры и на выставки, в клубы и на тусовки. Я почти не посещал лекции, я принадлежал ей днём и ночью, следуя любым её прихотям и капризам. Она научила меня не терять голову в драке и совершенно не заботиться ни о чём в ночных безумствах. "Чувствовать себя подмятой – без сонетов – напором страсти... Быть мишенью рук грубых, быстрых... Ласки ж грустные меня не воспаляют*..." – шептала-цитировала она, вздрагивая подо мною. Я прерывал её, как она того и просила, грубо, утверждающе, входя в неё раз за разом. Моя душа была подмята, как и её тело, и хотела неизвестно чего – боли? хохота? вечного оргазма? – чем хуже было, тем было лучше. В поисках острых ощущений мы записались на запрещённые занятия по тай'джидо, где обучались смертельному стилю – бою без правил и на поражение. Это добавило мне уверенности и незапланированного цинизма. Я сменил друзей и распорядок дня. Однажды Люсинда заявила, что я не должен бросать институт. Вроде бы кто-то сказал ей, что философ-историк – это звучит тоже гордо. Я пожал плечами и экстерном сдал все экзамены за второй курс. Весь последующий месяц мы не вылезали из её спальни, куря траву, изучая Кама Сутру и умопомрачительно экспериментируя. Но всё когда-нибудь заканчивается. Рано или поздно. Так или иначе. Впрочем, я опять не заметил, как и когда наступило начало конца. Зима не может длиться вечно. Нельзя бесконечно наслаждаться хрустальным

* Белла Гусарова. Сука-любовь.

совершенством построения логических отношений. Холод обжигает так же, как и огонь. Огонь её сердца пылал синими всполохами и не давал живительного тепла.

Как-то раз ночью мне приснилась Динни. Солнечным утром, плывущим под шум июльского леса, под аккомпанемент комариного оркестра и перекатывающийся шорох трав она сидела на нашей поляне и, подперев ладонью локоть, ела абрикос, аккуратно откусывая по крошечному кусочку, так как оранжевая ранка тут же начинала обильно сочиться влагой. Она не видела меня, а я никак не мог взобраться к ней, вдруг став опять маленьким и одиноким, безуспешно съезжая по пологому склону, как будто специально намазанному чем-то скользким. Кажется, я кричал, но сон в моём варианте превращался в немое кино. Я всё равно кричал, чувствуя, что сейчас произойдёт нечто ужасное, непоправимое. Оно не заставило себя ждать: на очередном неуклюжем пируэте, глянув вверх, я обнаружил вместо Динни сосредоточенную Люсинду, методично обсасывающую крупную чёрную косточку. У косточки медленно отрастали шесть когтистых ножек и пара жёстких крылышек. Не обращая на это внимания, девушка закончила трапезу и, привстав с травы, сильно подбросила новоиспечённого жука в небо. Тот взмыл в воздух и, басовито загудев, унёсся прочь. Люсинда облизнула пальцы и пристально посмотрела на меня, обнажая в улыбке мелкие острые зубы.

Я проснулся с криком, который, я думаю, услышали далеко вокруг. Люсинда спала рядом, даже не пошевелившись, мертвенно белела в темноте откинутаая рука, чётко выделяясь на фоне разметающихся волос. В лунном свете чуть приоткрытые губы казались синими. Зубы, естественно, были нормальными, но стальной маникюр на пальцах выглядел хищно заострённым. Когда она резко открыла глаза, я чуть не закричал снова. Но меня успокоили весьма старым и действенным способом.

На следующую ночь кошмар повторился опять.

Люсинда купила мне снотворного, но то, что я больше не помнил своих снов, не вернуло мне прежнего состояния. Она же была само очарование, терпение и предупредительность. Я не помню, когда сделал ей предложение стать моей женой, но отлично помню, как она спокойно ответила: "Да".

Неделя пролетела незаметно. Я жил будто в тумане или гипнозе, изредка всплывая на поверхность, чтобы ещё раз убедиться, что творится что-то неладное. Я был рад и одновременно страдал, примерял новый костюм и задыхался в тугом воротничке. Увидев же мою невесту (мою невесту? МОЮ???) в только что законченном прозрачно-облачном подвенечном платье, не мог оторвать восхищённого взгляда, желая её как впервые и отчего-то опасаясь целовать в губы. Что-то было не так, неправильно, нелогично. Наши отношения перестали быть образцом совершенства – они утратили утончённый смысл. Я мучительно оппонировал сам себе, доказывая и утверждая прописные истины, путаясь в простом и раздражаясь на очевидное. Опоры больше не было, мир смазлся и потёк, сворачиваясь и мутя рассудок. Я предприимчиво решил плыть по течению, остерегаясь резкими движениями ещё более усугубить ситуацию.

Новый гляцевый лист с шумом вырвался на волю и развернулся подобно зелёному победному флагу.

Пригласительные билеты на свадьбу были глубокого чёрного цвета с золотой витиеватой каймой по краю и двумя колечками посередине, накрепко соединёнными в бесконечность. Я отправил почти все. Осталось несколько, среди которых я вытянул один, предназначенный моей матери, решил не посылать, а отвезти и отдать прямо в руки: мы давно не виделись, и глупо было не использовать такой удачный момент и всепрощающий предлог. Не будет же она вздыхать и корить меня в столь знаменательный день. Сама же каждый раз не унималась – когда женишься да когда женишься?

Старый трамвай полз по расхлябанным рельсам, грохоча на перекрёстках. Дорога на край города была неблизкой: я решил не ехать в метро. Отдавшись ностальгическим воспоминаниям, наслаждался самим процессом ничегонеделания, глядя на проплывавшие мимо родные, но забытые улицы, низкие пяти- или трёхэтажные дома с осыпающейся штукатуркой на линиях фасадах, лохматые обломанные тополя, стёртую брусчатку

пешеходных дорожек и новое, неуместное здесь кафе – слишком красочное, слишком облепленное пластмассовыми вывесками. Дворовые собаки казались ниже ростом и добродушнее, чем в центре. На остановке я заметил свою бывшую классную учительницу, постаревшую, в домашних шлёпанцах на подагрических ногах. В трамвай она не села, но увидев моё лицо сквозь стекло, заулыбалась, и у меня впервые за последнюю неделю потеплело на душе.

К матери я вошёл, насвистывая и неся перед собой только что купленный торт. Начался переполох: захлопали соседские двери, и за пять минут я успел повидаться практически со всем населением нашего двора, лишь окно Динни осталось занавешенным. "Она скоро придёт", – торопливо сообщила мне мать и, увидев моё изменившееся лицо, тихо добавила: "А ты разве не к ней приехал?" Я сердито оттолкнул блюдечко с тортом и процедил сквозь зубы: "Вот ведь... просроченный подсунули!" Потом вздохнул и, глядя в её озадаченное лицо, выложил пригласительный билет. "Красивый, – только и вздохнула она, но в руки брать не стала. – Ты как хочешь, Василёчек, но... Не пара она тебе, Люсинда эта, ох, не пара!" Я вскочил, опрокинув табурет, и сердито зашагал по комнате. Мать семенила следом и тараторила, будто у нас кончалось время на армейском свидании: "Васенька, не торопись, я ещё не завтра помру, будет у меня минута на внуков полюбоваться. А всё одно эта Люсин... да просто Люська!!! – Люська твоя никого тебе рожать и не думает, вот чувствует моё сердце!.. Беда... Ой, чу-у-ует...". Она не выдержала и вдруг тоненько заголосила: "Мечтала, Диночку будем сватать. Она о тебе вот давеча опять спрашивала-а-а...". Я так резко остановился, что мать налетела на меня со всего маху, мягко толкнув бюстом, ойкнула, испугалась, увидев мои глаза, и осела прямо на пол, зажав рот ладонью. Я вышел, в сердцах так сильно хлопнув дверью, что медная ручка осталась в моей ладони. Я швырнул её прочь, чуть не выбив лестничное окно, и без того треснутое. Решительно пересёк пыльный двор. Ну, погодите у меня! Диночка, говорите?! Ладно... Сейчас я ей всё скажу!!!

Прохладная парадная приняла меня, как тысячи тысяч раз когда-то давным-давно. Я помнил здесь каждую ступеньку, каждую выбоину и царапину. Помнил и теперь ненавидел. Не было больше сил терпеть эту муку, враз проявившиеся ночные кошмары и былые детские обиды, несбывшиеся надежды и невысказанные даже себе самому потаённые желания – предала, ты меня, конечно же, предала! – всё, всё, всё, что так тяготило и разрывало мою душу.

А кругом дышал летний вечер – душный, пропитанный травами, цветами и жарившейся неподалёку картошкой. После раскалённого суетного дня всё вокруг расслабилось, замерло, оседая пылью, кружась и осыпаясь невесомым дождём одуванчиков. Из открытых окон неслась тихая мелодия – дом дружно смотрел сериал, пытаюсь хоть на время отвлечься от сериала своей собственной жизни – милого безразличия однообразной повседневности.

Не помню, как оказался перед знакомой дверью. Злой, измученный, спина взмокла от пота – казалось, что это не я молотил ногами, а ярость моя бушевала, пытаюсь найти выход безумию, которым я был тогда болен.

Дверь распахнулась. Неожиданно. Долгожданно.

Я провалился внутрь – в благословенную прохладу.

И упал прямо к ногам Динни. Упал, больно ударившись носом, запачкал пол кровью и от этого ещё более разозлился. Какого чёрта?!

И тут меня понесло. Кажется, я не хотел говорить и половины того, что сказал. Я вообще совсем не то хотел. А что?! Не знаю что. Может быть, душа моя молила о чудесном исцелении.

Я выплеснул на Динни свои страхи, боль, гнев, обиды и сплетни, нашёптанные нам в спину ещё в школе – всю ту ложь и фальшь, в которой я существовал, попавшийся и запутавшийся. Я орал, требовал какой-то отнятой у меня свободы, что-то доказывая, а потом разревелся, как последний идиот, как маленький потерянный мальчишка. Впервые за эти годы. Слёз почти не было – сухие раздражающие спазмы, скручивавшие горло и выдавливавшие из глаз одинокие капли. Как же я себя ненавидел! А заодно и её.

Динни стояла, смотрела на меня и молчала. Господи, опять молчала! Скажи же хоть что-нибудь!!! Почему ты молчишь?!.. Хрупкая, беззащитная, она едва доходила до моего плеча –

когда я успел так вырасти? На фоне стены с цветочным узором она казалась феей, нереально прекрасной, нарисованной Боттичелли. Только глаза – огромные, влажные, понимающие и всё равно безмерно удивлённые – жили и любили меня, дурака, по-прежнему. Лишь в зрачках росла и множилась печаль.

"Ну, что ты смотришь на меня?! Чтоооо?!.. Уставилась... Не нравлюсь??? Приручила меня, как зверя! – я не мог остановиться. – Что ты вмешиваешься в мою личную жизнь?! Она моя!!! МОЯ!!! Слышишь??? Только моя!!! Тебе в ней не место! Ни в ней, ни в моих снах!!! Оставь меня в покое! Исчезни!!! Навсегда!!!"

Она не осуждала меня. Нет. Только вдруг что-то лопнуло, порвалось. Что-то жизненно важное, соединявшее её со мной и, более того, её – с этим миром.

"Исчезни!!!"

Будто я своими словами подтвердил какие-то сомнения и, не желая того, отпустил её на волю – туда, где затерялся настоящий дом.

"Исчезни!.."

Она судорожно вздохнула и закрыла лицо руками.

"Ис...чез...ни..."

Столько отчаянья и безысходности было в этом простом жесте, что я вдруг на секунду прозрел, будто всплыл на поверхность и глотнул свежего воздуха, враз приходя в себя. Растерянно замолчал, проводя по лбу ладонью. Морок, всё морок... Динни?!.. Динни, ты наконец-то рядом??? Я сто лет хочу сказать тебе - Дин, прости...

И, ещё не осознавая чудовищность потери, я шагнул к ней.

И, как водится, не успел.

Реальность заволновалась, как водное зеркало, небрежно разбитое камнем, и, закрутившись в спираль, внезапно развернувшись, разделившись на тысячи лепестков, тысячи жадных язычков, слизнувших окружающую действительность.

Боль, пронизывающая насквозь.

Крик. Чей?

Сознание возвращалось. Слишком медленно. Слишком быстро. Я сидел посреди разрушенной прихожей, вжав лицо в колени, и кричал, закрывая голову от оседавших на меня клочков обоев, штукатурки, щепок и листов рассыпающихся книг. Опустошенный от собственного бреда и ещё не понимающий до конца, что же произошло на самом деле. Рухнула входная дверь, забив горло пылью, окончательно и бесповоротно поставив печать на отпущенном мне времени. Некому было говорить те немногие короткие слова, так мало и так много значившие. Некому и незачем.

Динни исчезла, исполнив моё последнее желание.

Так же таинственно и безвозвратно, как и её бабушка.

Ещё один лист, ещё одна горькая страница.

Обратная дорога была бредом, сном наяву, маетой, смертью и возрождением. Я почти спятил, хотя давно не чувствовал себя столь ясно и болезненно чутко, замечая каждый камень под рельсами, каждый чужой взгляд, шоркнувший вскользь, каждое дуновение сквозняка, каждую вспорхнувшую за окном птицу. Где я пребывал все эти годы? Как смог перечеркнуть образ, когда-то спасший меня от меня самого? Что значат теперь мои полуистлевшие обиды, так трепетно и бережно хранимые всё это время? Тлен, пустота, бесполезность.

Дин! Ты была в моей жизни всегда, и я, где-то в глубине души, был уверен – прости! – что так будет вечно. Привычное, близкое и родное не уберёт, не понял, не постиг. Права была мать, но что ей до того теперь. И что мне теперь до того, кто меня ждёт дома. Дома?.. Я ведь никогда не чувствовал себя у Люсинды дома. Я надолго задумался, очнувшись только у её парадной. Шаркая, как старик, неспешно поднялся на знакомый этаж и остановился у квартиры. Озадаченно уставился на ключ – он не соответствовал дверному замку. Позвонил, с удивлением вслушиваясь в чужие плёпающие шаги.

"Кого-о-о?" – прокричал чей-то голос, и дверь приоткрылась, звякая массивной цепочкой. В щель выглянула подозрительная старуха, кутаясь в застиранный халат и ногой не давая ускользнуть нечёсаному полосатому коту. "Лю-юсю-ю?! Нет такой!.. И не было никог...да!"

Дверь скрипнула и гулко захлопнулась, дохнув на меня нафталиновым старческим духом. Изнутри недовольно поскрёбся кот и, обиженно мяукнув, затих.

Я ошарашенно огляделся вокруг: общее и частности на месте. Может, я и сошёл с ума, но не до такой же степени? Вот и у Кутькиных справа, как всегда, газета торчит из ящика. Они его на цифровой замок запирают, а почтальонша из вредности пихает, как она выражается, "прэссу" только наполовину. Слева хирург живёт – дверь блестящая, будто в операционное отделение. Грозится покрасить, но до сих пор так и не... Господи!.. Я вновь надавил на звонок.

"Кого???" – визгливо спросил уже знакомый голос. – "Хулиганы??? Счас милицию!.."

Шаги удалились. Я остался один. Теперь действительно один, и на самом деле – окончательно и бесповоротно. Я, со всей широтой своей рыжей души, умудрился па терять сразу двух девушек, хоть ни одна из них по-настоящему и не могла бы раньше называться моей.

"Добрый вечер, Вася", – дружно поздоровались старушки, высаженные в ряд на скамейке у парадной.

"Добрый..." – непроизвольно откликнулся я и чуть не схватился за голову – они меня знали?!.. Притормозил около них и осторожно поинтересовался: "А в пятнадцатую кто-то новый переехал?"

"Что?! – не поняли хором старушки. – Там же Яфремовна! Она уж считай полвека в ней проживает, – они нестройно захихикали, – и ещё полвека проживёт! Назло всем нам!.. На свадьбу-то пригласишь?"

Я медленно, не отвечая (хватит уже вестись на провокации, нет смысла спрашивать о Люсинде и удивлённо узнавать, что я женюсь не на ней, а на какой-нибудь Клаве, кассирше из соседнего магазина... А здесь тогда что я делаю? Нет, стоп!), развернулся и пошёл в никуда, ибо другой дороги у меня отныне больше не было.

2

Цветок продолжал расти. Но вместо очередного листа вверх вытянулась аккуратная зелёная стрелочка, и на её конце неторопливо, торжественно завязался бутон.

Я сидел и смотрел на него, не в силах даже пошевелиться. Я чувствовал себя ребёнком, впервые попавшим в театр, и поверившим, что на сцене разыгрывается настоящая прекрасная сказка.

Я сидел и ждал. Неотвязно крутилось в голове, что нужно зачем-то обязательно дотронуться до бутона. Он раскроется, и там будет сидеть Дюймовочка. Обязательно.

Время шло.

Это было трудно, невысказанно, желанно и почти невозможно – вот так взять и поверить, согласиться с тем маленьким мальчиком, который пока ещё жил внутри меня. Цветок ждал. Мальчик тоже.

Медленно, осторожно, опасаясь неизвестно чего, я прикоснулся к бутону. Он был прохладный и необыкновенно живой наощупь.

Вдруг что-то шевельнулось внутри него, нарушая зыбкое равновесие. Он качнулся.

Я тотчас отдернул руку. Уставился, соображая, что же мне делать. Додумать я не успел. Раздался звучный хлопок, как будто выскочила пробка из бутылки шампанского. Цветок дрогнул и раскрылся.

Он походил на большую бело-золотистую лилию, очень крупную, с круглым синим пестиком размером с ажурное кофейное блюдечко.

Блюдечко было занято.

Существо, вальяжно расположившееся на нём, Дюймовочку не напоминало совершенно.

– Ну, и что ты тарацишься на меня, как кикиорра на вызревшую поганку? Я несъедобный, ни в сыром, ни в жареном, ни в гугельхуповом виде, – высказалось оно, глядя на меня с некоторым внимательным сожалением, лениво поскребло пушистый живот, икнуло и

небрежно закинуло ногу на ногу. Чуть помолчало и, вздохнув, возобновило разговор: – А может, ты вообще говорить не умеешь? А?..

Выбор – это относительная смерть, уничтожающая, стирающая из жизни друзей, привычки, устоявшийся образ существования: любимые пирожки с капустой, газеты по утрам и вечерние телефонные звонки, герань на окне и старого кота в измятом кресле. Раз – и ты уже летишь в пропасть, неизвестно куда, непонятно зачем, с пустыми руками и тревогой в сердце... И лишь единицы прыгают в эту пропасть сами, следуя тайным велениям души, зову зерна истины, устремляясь в чудесный полёт за мечтой, наконец убеждаясь в том, что всегда умели летать. Лишь они используют свою привилегию выбора, пытаясь осознать и постичь смысл происходящего с ними, чтобы потом вновь уяснить, что и этот шаг был им предопределён изначально.

ГЛАВА 2. ПРИВИЛЕГИЯ ВЫБОРА.

*Достоин мир звенящей пустоты
единожды несказанного слова...
Взмахнувши бровью, улетела ты,
прорвав собою целостность былого.*

Лэ По

1

Его звали Врахх.

Если точнее – Уль Враххильдóрст зинф Дóфрест из рода потомственных почтовых дóфрестов, которые с самого начала великой лесной Династии обладали привилегией доставлять информационные семена. Данное послание было передано мне конфиденциально, попросту говоря, тайно. От некой влиятельной персоны с пометкой "совершенно секретно".

Врахх был необыкновенно горд своей миссией и считал, что выполнил ее прекрасно.

Как же он ошибался! Но об этом мы узнали гораздо, гораздо позднее.

А пока мы удобно устроились прямо на поляне и мило болтали. Спасибо Враххильдорсту, терпеливо дождавшемся, пока схлынут первые яркие впечатления, так потрясшие меня до глубины души – *иные существа?.. да! ну, конечно же, живут по соседству... только вы их не замечаете... так сказать, параллельные миры?.. ну, что ж, и не без этого!.. ой, чего только не сыщется, если оглядеться повнимательнее!* – и вот я уже сидел, как ни в чем не бывало, совершенно спокойный, – *да здравствует моё пристрастие к фантастическому чтиву!.. спасибо Лему и Рэю Бредбери!* – будто всю мою жизнь газеты и письма нам бросали не в ящик, а приносили и отдавали прямо в руки всякие диковинные существа.

На первый взгляд дофрест напоминал миниатюрного дракончика размером с шиншиллу, не больше, – такой же толстый и пушистый, – но с полагающимися для дракона кожистыми крылышками, – редкие волоски на них топорщились серебристыми мягкими иголочками, – и гребенчатым хвостом, длинным и гибким, служившим ему дополнительной опорой, так как перемещался он исключительно в вертикальном положении. Однако вместо драконьей морды у дофреста имелось самое натуральное лицо – да-да, именно *лицо!* – выразительная и весьма гротескная физиономия с налётом загадочной многозначительности в подвижных бровях и в глубоко посаженных глазках, видимых из-под этих самых бровей только благодаря перекатывающимся в зрачках красным бликам, и в саркастически поджатых губах, впрочем без труда растягивающихся в широкой улыбке. Его изящные лапки-ручки с чуткими пальцами пианиста во время разговора постоянно пребывали в движении, лишь изредка замирая сложенными на крутом животе. Он понимал всё с полуслова, обладал чувством юмора и отличался отточенными манерами пожилого мажордома, мудрого и немного уставшего от жизни.

А жил он очень давно, помня те времена, когда вместо нашего города было заросшее лесом болото – богом забытая дыра. На философско-историческом факультете, на котором я учился, представляя не лучшую половину четвёртого курса, он мог бы читать блестящие лекции. Я улыбнулся и сказал, что студенты, справившись с первой неадекватной реакцией, вызывали бы его на "бис", и аудитория ломилась бы от благодарных слушателей.

Врахх долго смеялся, растягивая рот и комично хлюпая носом. Потом обозвал меня умелым притворщиком, качал головой, хихикал и говорил, что я далеко пойду, ой как далеко-о-о, и что со мной не всё так просто, как кажется с первого взгляда.

– Василий, друг мой. Разговор наш, конечно, очень интересен, но время идёт, а вместе с ним и нам пора собираться в дорогу. Ты нам нужен. Зачем? По пути я частично введу тебя в курс дела – прямо скажем, весьма необычного. Более подробные объяснения ты получишь по прибытии – от того, кто меня послал. Его имя я пока назвать не уполномочен, но поверь мне на

слово, что в высших кругах нет более влиятельной и значимой персоны. Естественно, после её Величества – пресветлой Королевы Великого Леса.

– Врахх, друг мой, – я никак не мог начать воспринимать дофреста серьёзно, не до конца ещё осознавая смысл происходящего. – Ну, почему я должен куда-то идти? Мне что, нобелевскую премию дадут и по телевизору покажут, в смокинге и блестящих ботинках? Так об этом я мечтал в далёком незатейливом детстве, а оно, как ты понимаешь, кануло безвозвратно. И если я вам так нужен, то зачем был устроен этот розыгрыш с птицей?

Я спрашивал и спрашивал, пытаюсь засыпать словами образовавшуюся неизвестно откуда бредовую ситуацию. Говорил, говорил и говорил... Идти – куда, почему? Какая королева?.. Я им нужен. Кому им? Зачем? И откуда они про меня столько знают? А?..

Ответом мне была тишина.

Дофрест сидел, неспешно разглаживая пушистое колено, раскладывая шерсть на идеально ровный пробор. Откровенно скучая.

Я решил выдержать классическую паузу и тоже надолго замолчал. Это не произвело на него никакого впечатления и не прервало его методичного занятия.

Вокруг шумел лес. Плавно качались деревья, размышляя о чём-то своём, глобальном и незыблемом. Самоотверженно стучал дятел, совершенно не заботясь о драгоценном содержимом своей красношапочной головы. Наперегонки носились, сверкая на солнце, лёгкие вертолётники-стрекозы. Монотонно шуршала под ветром трава, перетряхивая в своих плетёных лабиринтах стрекочущих кузнечиков. На краю поляны беззастенчиво буйно, пьяняще ароматно цвела сирень, пенисто-розовая и фиолетовая. Стоял месяц май.

Всё казалось бы сном, пустым наваждением, если бы не маленькое сказочное существо, ждущее рядом.

– Я не сказочное существо. И совсем не маленькое. Мы, дофресты, живём гораздо дольше вас, людей. И ещё вопрос – кто кому снится? Хм. И – хи-хи! – кто проснётся в холодном поту?

Врахх немного помолчал, потом небрежно взъерошил шерсть на колене, испортив при этом свою длительную, почти ювелирную работу, встал, потянулся и внимательно, грустно посмотрел мне прямо в глаза.

– Почтовые семена, мой юный друг, да будет тебе известно, просто так не рассылаются! – веско изрёк он. – Кто же по пустякам беспокоит почтенных дофрестов? Когда мы берёмся доставить письмо – а это очень дорого стоит! – посылающий должен быть совершенно уверен, что оно дойдёт в полной неприкосновенности. Мы быстры, неподкупны, надёжны, и нас невозможно отследить. Ты зря смеялся над передаточной птицей. Настоящего посыльного легко поймать и убить, а маленькое семечко практически невычислимо и всегда находит адресат. Просто и элегантно. В данном случае, задача была более сложной и ответственной. Я прибыл лично и должен не только объяснить, но и сопроводить тебя, помогая в пути, указывая дорогу, по-возможности, оберегая.

– По-возможности... Очень мило. Многообещающе! – я хмыкнул.

– Не надо иронизировать. Ты сейчас, как щенок перед миской молока – вкусно, много, однако можно и захлебнуться, но если совсем не пить, то и помереть недолго. В первом случае, по крайней мере, несколько вариантов.

– Вы предлагаете пить?

– Я предлагаю даже поплавать в нём, если уютно... Легко отказываться от того, чего никогда не видел, и, представь себе, о чём совершенно ничего не знаешь. И если ты не мечтаешь и ни во что не веришь, а все твои желания выражаются одной незатейливой фразой – жить, чтобы просто жить! – то, я прибыл не по адресу. Жаль!

– Жаль? Вы предлагаете мне неизвестно что, так сказать, в нескольких вариантах? И вам жаль?.. – я почти проникся собственными оскорблёнными чувствами.

– Я предлагаю тебе жизнь. В различных её проявлениях. Жизнь, полную чудес, опасностей и... любви. Если это слово ещё хоть что-нибудь для тебя значит. А оно значит, иначе ты не сидел бы на этой поляне и не твердил бы заикленно имя нашей пресветлой Королевы.

Врахх замолчал, видимо решая, стоит ли вообще продолжать этот бессмысленный, с его точки зрения, разговор. Но потом, увидев моё лицо, ставшее в одно мгновение напряжённым и сосредоточенным, он вздохнул и снова пожал плечами.

– Ну, хорошо. Об этом я хотел поговорить несколько позднее – в том случае, если бы ты дал своё согласие на совместную прогулку. Вопрос выбора пока ещё стоит перед тобой, так сказать, остро назревающий. Ладно. Наверное, с этого надо было начинать, – дофрест поёрзал на месте, устраиваясь поудобнее. – Мы знаем о твоём горячем желании увидеть одну юную особу, некогда исчезнувшую из поля зрения, кстати, по твоей же вине. Да-да! Из-за *твоей* глупой безрассудности, несдержанности и амбиций. Здоровый юношеский максимализм, знаешь ли, может быть хорош и своевременно результативен, но причём же здесь юная барышня, чьё положение оставляло желать лучшего, а, попросту говоря, нуждалось хотя бы в эпизодической дружеской поддержке, которой, с некоторого момента, ты её не баловал... Не перебивай!

– Я не желаю обсуждать это, да ещё с крылатым болтливым комком шерсти... – разговор начал меня раздражать, а с другой стороны это странное создание что-то явно знало и умалчивало.

– Ни слова больше, Василий. Это же всего лишь некий экскурс в историю, ни о чём не говорящий, только констатирующий некоторые факты. В конце концов, ты действительно прямо *сейчас* можешь встать и отправиться домой к своему дивану и незатейливому распорядку дня под названием "дежавю". Вот только про меня тебе придётся забыть – раз и навсегда. И сюда потом не приходи! Никаких птиц больше не будет! Нет? Тогда изволь дослушать меня до конца. Идёт? Вот то-то и оно!.. Никто тебя ни в чём не упрекает. Можно сказать, что ты даже сыграл нам на руку. Так или иначе, время вернуться назад пришло. Я говорю о девушке. (Я только теперь до конца начал сознавать, что наш разговор уже давно ведётся об исчезнувшей... Динни?! Всё-таки о ней! Или мне просто этого хочется? Я окончательно запутывался. Да, я хочу вновь увидеть Дин, но при чём же здесь весь этот бред? Королевы, дофрасты и передаточные зёрна?) А с твоей помощью этот процесс прошёл хоть и болезненно, но зато естественно и быстро. Свой выбор она сделала добровольно. Тем более, это совпадало с нашими целями.

– Цель оправдывает средства? – я размышлял, пытаюсь сопоставлять несопоставимое, соединяя весь свой институтский опыт по философии и опыт жизненный, а вообще-то, банально выигрывая время. – И цель, наверное, великая. Может, нужно спасти человечество? – я сделал резкий выпад, в принципе не зная – зачем, но так или иначе пытаюсь схватить дофреста. Ладони больно хлопнули по пустому месту.

– Не так резво, молодой человек, не так резво, – Врахх продолжал сидеть, даже не поменяв позы, только теперь не с левой, а с правой моей стороны, непонятно как успев переместиться на два метра вбок. – И что бы ты предпринял, окажись я в твоих руках? Крылья бы повыдёргивал и вставил вместо них теннисные ракетки? Обрил наголо в шахматном порядке, выкрасив в сине-буро-малиновый цвет, или что?

– Или что, – буркнул я, так глупо никогда ещё себя не чувствуя. Раздражение вдруг куда-то улетучилось, уступив место странному чувству успокоения, окутавшему меня подозрительно быстро. – Ну... хорошо. Сдаюсь. Запутался. Объясняй мне с самого начала.

– Вот так-то гораздо лучше. А то я начал уже беспокоиться, что ты никогда не поверишь до конца в моё существование. А сначала-то как восторгался... Фантастика! – кричал. – Фантастика!.. Ну, хорошо. Если не возражаешь, я, всё же, расскажу тебе сказку. Не вздыхай – короткую. Про симпатичную девочку, беззаботно жившую в одном городе вместе с бабушкой. Бабушка, как водится, её очень любила и всячески баловала. А когда она сшила внучке модную зелёную шапочку...

– Мне помнится, что шапка была красной!

– Это носы у алкоголиков поутру красные, а шапочка была умопомрачительного зелёного цвета, да ещё и с вышитыми цветочками по краю, – улыбнулся Враххильдорст. – Надо ли говорить, что, когда девочка надевала шапочку, даже кровожадные серые волки были готовы

стричься под овечек и маршировать рядом с ней в торжественном почётном карауле. Все птицы и звери выполняли любое её желание, потому что девочка была заколдованной принцессой великого лесного королевства и пряталась в городе от злых-презлых колдунов, претендовавших на престол. Они искали её, чтобы убить. Шапочка же обладала волшебным свойством делать человека невидимым для врагов, создавая некую защиту своему владельцу. И сказка сказывалась бы как нельзя лучше, но у принцессы появился друг, с которым она проводила свободное время. Они росли вместе, наслаждаясь смешными безобидными глупостями, делающими детей такими счастливыми – шалили, купались, загорали, воровали яблоки...

– Абрикосы! Мы воровали абрикосы, и не было у неё никакой зелёной шляпки!

– Василий, ну, где свободный полёт фантазии, радужные видения освободившегося разума? Это же сказка. А путешествие в твоё историческое прошлое давно миновало. Так вот, вернёмся к нашим баранам, точнее детям. Они уже далеко не дети – юноша и девушка, влюблённые друг в друга, но ещё не осознавшие свои чувства. А шапочка-то потихоньку истончалась, ветшала, с каждым днём всё меньше прикрывая свою хозяйку. Но это уже было неважно. Пришло время вернуться принцессе назад и приступить, так сказать, к исполнению своих непосредственных почётных обязанностей. Но как сообщить её высочеству об этом? Ведь она выросла среди людей, и теперь у неё было горячее, любящее, почти человеческое сердце. И тут великому советнику приснился вещий сон, одним махом разрешивший казалось бы неразрешимые противоречия. Была найдена подходящая претендентка, фигурой и характером исключавшая любые промахи, своевременно подстроена случайная встреча, – и вот юноша и думать забыл о своём первом непорочном романтическом увлечении. С этого момента у него практически не было свободного времени. Ему некогда было даже думать!

Вот теперь мне стало по-настоящему плохо. Боль, спрессованная где-то в глубине души, ожила и с новой силой разлилась по всему телу.

– А дальше пошло как по маслу! – дофрест не замечал моих переживаний. Или же удачно делал вид. – Побегало, покатилося, полетело... Юноша превзошел самого себя и наши ожидания. В довершение устроил шикарную – до безобразия! – сцену, тем самым, поставив не то что точку – жирную кляксу, запятнавшую его репутацию, а заодно и репутацию остальных людей, если не сказать более напыщенно – всего человечества. Большого нечего было и желать. Принцесса вернулась, лесные жители возликовали, но радоваться оказалось несколько рановато. Спутав все карты, от молодого человека сбежала его подставная подружка...

– Где Динни?! – собственный голос показался мне чужим. Я был готов на что угодно, лишь бы услышать ответ. Вся моя жизнь, весь смысл сконцентрировался в маленьком существе, спокойно сидящем рядом. Врахх продолжал:

– Возьми себя в руки. Фи! Ты сейчас взглядом прожжёшь на мне дыру или сам захлебнёшься от ярости. Труп мне только не хватало!.. – он, хрустнув пальчиками, потянулся. – Значит, ты хочешь услышать, где она? Ну, и что ты сделаешь, когда узнаешь? Пойдёшь, как герои в ваших человеческих сказках, за тридевять земель стаптывать железные сапоги и грызть чугунные хлеба, лбом и кулаком прошибая преграды? Чтобы что? Чтобы сказать, что ты её любишь? Так этого теперь недостаточно. Маловато-с. Да-да. И – увы. Впрочем, и Динни больше нет. Та девушка исчезла, умерла... растворилась на обойном рисунке.

Он вздохнул, грустно и проникновенно мудро. Его осведомлённость меня давно уже не удивляла.

– И знаешь ли ты те единственные заветные слова, которые могут вновь разбудить сердце прекрасной Королевы – великой Диллинь Дархаэллы?

Он замолчал.

А мои губы тихо повторили, складывая простые буквы в мелодичную песню колокольчика:

– Великая... Диллинь Дархаэлла.

– И ты ещё говоришь, что у меня есть выбор?!

Возмущение моё было скорее притворным, нежели настоящим. Решение принялось как бы само собой и, наконец, осело в душе неким промежуточным пониманием. Я уже согласился на временное незапланированное помешательство, если от него будет хоть какой-нибудь толк. Дофресты, драконы, да хоть космические мутанты, сказки или параллельные миры – какая разница!.. Мои губы сами собой растянулись в улыбке. "Личностно-исторический характер времени через его связь с такими экзистенциями, как "надежда" и "решимость", подчеркивающие в феномене времени определяющее значение будущего". Неплохой заголовок для дипломной работы! Моя любимая девушка оказалась лесной Королевой – белая кость, голубая... вернее, зелёная кровь и всё такое прочее... Чёрт! Я перестал улыбаться. Проклятье! Сажу здесь и рефлексирую на свои мечты, как подросток на очередной брэнд, а вокруг – сплошная реальность! Я на самом деле умудрился попасть в гущу какой-то небывальщины – какая уж тут писанина! – настоящей сказочной истории! И Королева, если я сумею найти её, действительно станет моей женой. Откуда же весь этот сарказм, почему я упорно цепляюсь за мысль, что всё это – бред? Может быть, потому, что Динни оказалась не такой, какой я её себе представлял? И я готов поверить во что угодно, но только не в то, что она теперь *Великая Диллин Дархаэлла*. Ведь эта девушка, скорее всего, меня не любит. И непонятно, как добиться её любви, ибо она накрепко усвоила правило, что люди не достойны её внимания. Я могу совершать подвиги, могу умереть ради неё, разбиться в лепёшку, но не в силах вернуть назад даже нашу дружбу. Меня затягивает странная игра, которую ведут неизвестные силы, и в ней мне отведена второстепенная роль. Конец же сей истории непредсказуем, пусть рядом со мной и оказался такой удивительный сопровождающий, как дофрест...

– Понимаешь ли, Василий, – вещал между тем Врахильдорст, – это с какой стороны посмотреть. Иные люди абсолютно уверены, что имеют право на выбор и используют его – каждый день, каждую секунду, – решая, как и с кем им жить, что есть, где спать. Но, на самом деле, всё ими уже прожито и съедено, и они просто идут по проторенной дороге, следуя велению рока, не в силах изменить хоть что-нибудь, даже меню заказанного обеда или цвет туалетной бумаги... Немногие начинают задумываться над тем, куда же ведёт их эта дорога, больше напоминающая глубокую узкую колею. Когда же на ней встречается развилка, тут-то неизбежно приходится делать выбор, как правило, полностью и бесповоротно изменяющий всю жизнь. Выбор – это относительная смерть, уничтожающая, стирающая из жизни друзей, привычки, устоявшийся образ существования: любимые пирожки с капустой, газеты по утрам и вечерние телефонные звонки, герань на окне и старого кота в измятом кресле. Раз – и ты уже летишь в пропасть, неизвестно куда, непонятно зачем, с пустыми руками и тревогой в сердце... И лишь единицы прыгают в эту пропасть сами, следуя тайным велениям души, зову зерна истины, устремляясь в чудесный полёт за мечтой, наконец убеждаясь в том, что всегда умели летать. Лишь они используют свою привилегию выбора, пытаются осознать и постичь смысл происходящего с ними, чтобы потом вновь уяснить, что и этот шаг был им предопределён изначально.

– Но ведь тогда в этом нет никакого смысла! – удивился я.

– Отнюдь! Определенный смысл есть во всём: в ползущей скользкой улитке и шумном дворцовом перевороте. Кстати, я затрудняюсь сказать, где его больше. Ладно, я думаю, что у нас будет ещё достаточно времени для занимательных философских споров и бесед. Оч-чень на это надеюсь!

– Ну, и куда мы дальше?

– Только не куда, а как. Извини, но я сяду тебе на шею... вернее, на плечо. В этой комбинации мы и будем перемещаться в дальнейшем – так удобнее нам обоим. Если ты не возражаешь, конечно.

Я не возражал.

Врахх оказался удивительно лёгким, тёплым и слегка щекотал мне щёку своим пушистым боком. Немного поворочавшись, он уцепился за куртку и крепко обвил мою шею

длинным хвостом, умудряясь при этом не царапать её гребнем. Потом заставил повернуться на север и, немного поколебавшись, громким вибрирующим фальцетом начал нараспев читать какую-то тарабарщину.

Через некоторое время всё повторилось вновь. Потом опять.

Я почувствовал, что дофрест занервничал.

Время шло.

Ничего не происходило.

– Факир был пьян, и фокус не удался, – усмехнулся я. – Может, стоит превратиться в зёрнышки и позвать передаточную курицу? Она нас клюнет, а потом снесёт, как два золотых яйца? По прибытии, так сказать.

– Дела обстоят гораздо хуже, чем ты себе представляешь. Нам придётся идти совсем другим путём, и путь этот устан далеко не коврами и розами.

Договорить он не успел. Земля под моими ногами дрогнула и стала расползаться, разрывая зелёный травяной настил на неопрятные куски, сверху лохмато-стебельчатые, а снизу жирно-чернозёмные. А из образовавшихся щелей поплёрли, стремительно окружая и замыкая нас в кольцо, странные серые грибы, вонявшие гнилой картошкой.

Из оцепенения вывела резкая боль – спасибо Врахху, вцепившемуся в мой затылок острыми когтями и верещавшему прямо в ухо:

– БЕГИ!!!

Раздался громкий, сухой хлопок. Прямо у моих ботинок лопнул первый гриб, разбрасывая вокруг пыльную труху и маленькие тугие шарики, которые, стукаясь о землю, тут же прорастали шевелящимися ножками и усиками. Что-то дикой болью обожгло мне ногу. С дурным предчувствием я посмотрел вниз: несколько насекомых, толкаясь и стрекоча, деловито лезли под штанину в радостном предвкушении обеда.

Я выругался и отпрыгнул.

Дофрест намертво прилип к моей голове, напоминая старинный боевой шлем из шкуры загадочного животного с торчащими вверх крылышками. При этом он визжал и выкручивал мне уши, явно пытаясь мною управлять.

Теперь грибы взрывались повсюду, раз-

брасывая и разбрасывая смертоносные ядра. Жуков становилось всё больше. Они напирали, суетливо переговаривались, постепенно выстраиваясь в некое подобие осмысленной структуры и, наконец, хлынули мне под ноги, будёновской лавиной заполняя всё вокруг и не оставляя ни малейшего шанса к отступлению.

Я, неожиданно для себя и, видимо, для них тоже, резко скакнул навстречу катившемуся потоку и, с хрустом круша вражеские ряды, бросился к лесу. Сзади послышалось что-то вроде щёлкающей команды, и шевелящаяся ковровая дорожка, не сбавляя скорости, начала разворачиваться, методично направляясь по моим следам.

Я бежал к омуту.

Я летел к нему, неся, не чуя под собой ног.

Не помня себя, я стремился к заветному месту, которое мы с Динни когда-то давно, играя, считали "волшебным".

Врахх сидел на моей макушке, слегка ослабив хватку, и только хвост его так же крепко обвивал мою шею.

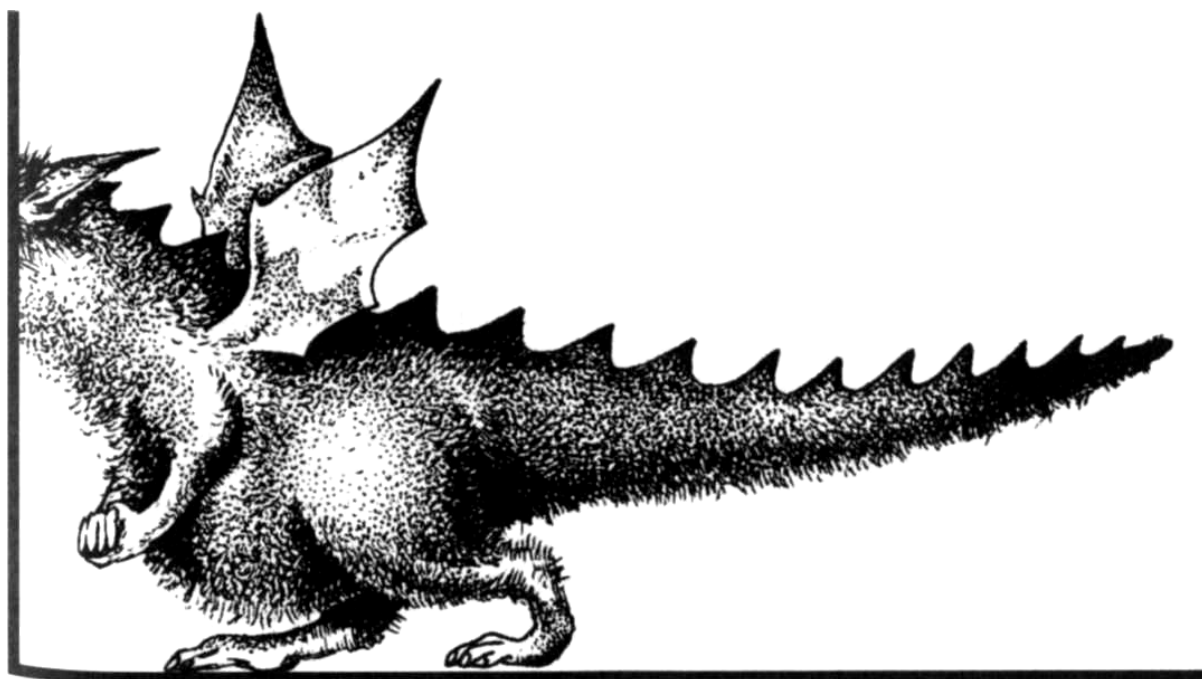
Добежав до берега, я с размаху бросился в воду, пытаясь хоть как-то приглушить жгучую боль в искусанных ногах.

Вода приняла меня, смывая и унося вцепившихся насекомых, остужая и промывая раны.

У берега оказалось непривычно глубоко, хотя память подсказывала обратное. Я потянулся ногами вниз, судорожно нащупывая дно. Его не было. Поднявшаяся волна вернулась назад и скрыла меня с головой.

И тут пришла запоздалая мысль:

– Интересно, а умеет ли плавать дофрест?

...Смерть дерева не является окончательной смертью в нашем понимании этого слова. Оно продолжает жить в предметах и вещах, окружающих нас.

Но тихая грусть, исходящая, истекающая мне в руки, вызывала состояние некой печальной незавершенности, неоправимой утраты смысла, прерванности пути существа, так и не ставшего чем-то значительным.

ГЛАВА 3. СУЕТА ВОКРУГ ДОФРЕСТА.

*Нет более грубой ошибки, нежели чем
перепрыгивать пропасть в два прыжка.*

*Ллойд-Джордж Хаэлл**

*Былого нет.
Есть только страх и мука,
бессмысленных побед
хранимый нежно груз,
и список лет,
зачёркнутый разлукой,
размытый след
когда-то жданных уз.*

Вааль Силь Хяэлл

1

Я задышался.

Пузырьки воздуха кружились вокруг меня в феерическом танце, то уносясь куда-то, то прилипая к телу прозрачным скафандром, не дающим, впрочем, ни воздуха, ни тепла. Я медленно парил в текучем пространстве, потеряв счёт времени, не осознавая больше – жив я или умер.

Что-то тяжело давило мне на лоб, съезжая на глаза. Я мотнул головой, стараясь сбросить непрошенного наездника. Резкое движение вернулось в тело тысячами иголок, пробуждая сознание, возвращая желание жить.

Я снова дёрнулся. Ещё. Ещё и ещё. Забарабанил руками и ногами, извиваясь и подтягиваясь. Где-то слева ударил поток солнечного света.

Я потянулся к нему каждой клеточкой, каждой частицей своего тела, превратившись в единую летящую стрелу – видящую цель и не видящую препятствий...

И со звонким чмокающим звуком, разбрызгивая сверкающие на солнце капли и гоня от себя волну, я всплыл посреди фонтана. В самом центре города.

Кто-то простуженно вскрикнул, а маленькая девочка, стоявшая у парапета, уронила в воду едва начатое мороженое, посмотрела сначала на тонущее сокровище, а потом на меня. С глубочайшим упрёком в голубых глазах.

Я шагал к краю фонтана, с трудом переставляя ноги, ставшие непомерно тяжёлыми из-за мокрых брюк и разбухших, пускавших пузыри ботинок. Воды было по колено.

Вслед мне, благосклонно-небрежно, смотрели три обнажённые нимфы с отбитыми носами и с кувшинами в красивых каменных руках.

А навстречу, радушно протягивая живые и не такие красивые руки, шёл милиционер.

– Жарко стало, голубчик? Пойдём, дорогой, в отделение! У нас прохладно – остудишься... Суток, этак, на пятнадцать. А то сразу видать, что у тебя от жары крыша совсем утекла. Так мы её быстро прилепим на место...

Пролетавшая мимо ворона, внезапно изменив курс и отрывисто каркнув, спикировала прямо на блюстителя порядка и со снайперской точностью обгадила ему фуражку.

Сбоку кто-то радостно заржал.

Милиционер, тут же крутанувшись на смех, шагнул в сторону, выискивая весельчака.

А я, в свою очередь, сделал несколько шагов в противоположном направлении и растворился в праздной слоняющейся толпе, спрятавшись за необъятных размеров тётю, тащившую на поводке упирающуюся левретку. Вслед неслись сочувственные комментарии:

– Эй, молодой, ты по траве иди, по траве! А то следы мокрые за тобой тянутся, как взлётная полоса. За километр видать... Модная у тебя кепочка однако. Даже водой не попортило. Откуда достал-то? Подари, а мы ментов в другие края пошлём. Куда подальше... Эй, молодого-о-ой!!!

2

Дом встретил меня запустением, некой затхлой брошенностью и забытыми деталями интерьера. Показалось, что я не был в нём, по крайней мере, год. Знакомые с детства предметы воспринимались чужими, как будто только что привезённые из комиссионного магазина. Повезло хоть, что мать уже месяц в санатории, а то был бы я хорош – этакий мокрый. Объясняй ей потом – не поверит...

Не включая свет, стягивая на ходу брюки, при этом неловко размахивая штаниной и брызгая на стены, я пропрыгал на одной ноге в свою комнату и плюхнулся в любимое кресло. Хотелось курить, но сигареты разбухли, а за новыми пришлось бы идти на улицу. Произошедшее со мной казалось навязчивым бредом.

– Тихо шифером шурша, крыша едет не спеша, – шепотом продекламировал я сам себе. Звук собственного голоса неприятно резанул уши, показавшись неуместным в полутемной, враждебной, болезненно напряжённой квартире. Не покидало стойкое чувство, будто я в доме не один.

– Что они там несли про кепку? Не было ж на голове ничего, – кажется, постепенно разговор с самим собой входил у меня в привычку. Я провёл рукой по влажным взъерошенным волосам, пытаясь придать им хоть какую-то видимость причёски. И тут меня прошиб холодный пот. Я всё вспомнил. Абсолютно ВСЁ.

– О, боже, где же дофрест? – я метался из угла в угол, пиная и разбрасывая настороженные, как бы не мои предметы, не зная, что предпринять, куда кинуться и что теперь делать. Злюка-судьба сыграла со мной гадкую шутку. В какой-то миг я заставил себя остановиться и, вложив все отчаянье, всю мою веру в невероятно-несбыточное, что было силы проорал:

– До-оф-ре-е-ест!!!

– Ну, что ты так надрываешься, мальчик? Какой же ты, право, нервный. Гимнастику по утрам надо делать или медитировать, хотя бы на горшок с кактусом, – Врахх сидел в кресле, удобно развалившись, сложив ручки на животе, и с интересом наблюдал за моими акробатическими этюдами. – Как я понимаю, ты опять жаждешь дружеского философского разговора с приятным во всех отношениях собеседником. Пожа-алуйста! Как я могу отказать такому симпатичному молодому человеку?!

Он был сухой.

3

– Ну! Сделай её, Василий! Она того заслужила!

По моему лицу тёк струйками пот, оставляя на щеках неровные блестящие дорожки.

Шёл третий час моей жестокой битвы с картофелиной, лежавшей на столе прямо передо мной. Я проигрывал.

– Ты не должен стараться заставить её! – суетился рядом дофрест. – В конце концов, она же женщина. Пусть, и такая своеобразная. Ты обязан понять её, прочувствовать целиком и полностью, ощутить её тонкую, нежную кожу, белую сочную плоть, вкусно-аппетитную, и отказаться от своих низменных гастрономических желаний, приняв её высшее предназначение – родить! А потом попробуй объяснить ей, почему именно здесь, в таком неподходяще экстравагантном месте ты просишь её прорасти.

– Врахх, я, наверное, самый бестолковый твой ученик. Ничего не выходит... – я устало развёл руками.

– Не волнуйся, не самый бестолковый! – хохотнул он. – Ты просто первый мой ученик. Я ещё никогда и никого не учил, так что мне не с кем сравнивать. Лучше наберись-ка терпения,

раз уж сам напросился в ученики! А если хоть раз получится, то и дальше пойдёт, как по маслу. Это как на слаломных лыжах учиться ездить – стоит лишь однажды правильно повернуть ноги, и процесс становится привычным, к тому же, потом никогда не забывается. Хоп! – и поехал с горы. Куда и когда надо.

Я посмотрел на дофреста, пытаюсь представить его на лыжах, да ещё на слаломных. Потом не выдержал и расхохотался.

– Ну, это ты сказал, так сказал! А на лыжах любой дурак сможет. Чего там уметь-то? Пару шишек разве что поставить придётся, бывает, руки-ноги ломают, но редко. А тут... Заставить расти!!!

Я, не глядя, сделал неопределённое вращательное движение рукой, показывая всю бессмысленность данного занятия.

Картофелина дрогнула, слегка развернулась и выбросила тонкий прозрачно-розовый побег, извивающийся, стремительно вытягивающийся и слепо шарящий по гладкой поверхности.

Прошла минута. Другая.

Посреди стола лежала безглазая голова медузы Горгоны, шевелящаяся, разве что только не шипящая. Ростки-щупальца цеплялись за всё, до чего только могли дотянуться, постепенно передвигая мамашу к краю, видимо в поисках более благодатных Угодий. Чашки и сахарница на столе мелко дребезжали.

Зрелище было неприятное, и я, схватив новоявленную картофельную осьминожицу, выбросил её прямо в окно на ближайшую клумбу. Земля чмокнула и тут же выдала несколько новых зелёных ростков.

– Великолпно! Просто отлично! Что ж, Василий, ты способен меня расстрогать, право слово!.. – захлопал в ладоши Враххильдорст.

– Ну, так и поаплодируйте моим скромным достижениям. Ладно? Пустячок, а приятно, – я облегчённо вздохнул, по возможности приводя свои мысли в относительный порядок.

– Очень ты впечатлительный. Небось еще скажешь, что теперь с трудом будешь засыпать по ночам, вздрагивая от каждого шуршащего звука и заставляя меня лежать с тобой в обнимку. Так я тебя обрадую – скоро по ночам вообще спать не придётся. Чем дальше, тем будет любопытственнее и любопытственнее. Какой уж тут сон?

Я не ответил, не в силах удивляться даже на знакомую цитату в столь странный момент. Крутом мерещились оживающие морковки, говорящие пауки и ещё какая-то безумная дребедень, пищащая и шустро разбегающаяся.

Хотелось есть, но было совершенно непонятно, как и что теперь отправлять в рот, не боясь получить кучу сюрпризов на моё бедное чрево. В голове крутилась единственная спасительная мысль про пищевые добавки и таблетки, которыми якобы питаются космонавты.

– Нё к чему так переживать и забивать себе голову всяческой ерундой, – заворчал Враххильдорст. – Кушай, пожалуйста, всё подряд – к чему привык или что больше нравится. Пища всегда остается пищей. Живая она или нет – это не мешает ей становиться неотъемлемой частью тебя самого и эволюционировать в твоём теле, так сказать, на халяву. Простой жизненный принцип гармоничного дополнения и перетекания одного в другое на взаимовыгодных условиях. По твоему лицу видно, что ты понял, и я больше тебя не задерживаю на пути к долгожданному холодильнику. Передавай ему привет. Кстати, и на мою долю захвати пару яблок и ванильную плюшку – ту, которая сверху и так давно меня соблазняет, строя изюмные глазки.

Мы удобно расположились в кресле, поглощая булочки и запивая их: я – пивом, а дофрест – лимонадом, очень ему понравившимся. Выпив уже литр, – непонятно, как это в нем поместилось, – и явно не собираясь останавливаться, он сидел, крепко держа третью бутылку обеими руками, любовно прижавшись щекой к влажному горлышку. Напиток произвел на него ошеломляющее, странно возбуждающее, прямо-таки магическое действие, и если бы Врахх был человеком, я сказал бы, что он просто в стельку пьян.

– Вась...ся, ты слушаешь мь...ня? Слушай! – он с трудом удерживал на мне блуждающий взгляд. – Вокруг всё живое! Ну, всё без исключения! Видишь стол? Так это и не стол вовсе. А настоящий дуб. Только пре-об-ра-зо-ван-ный в стол. А он про это ничего знать не хочет... и упрямо думает, что он – дуб. И ведь прав, сучок ему в селезёнку. Совершенно прав. И коль хочешь, чтоб стол, то есть дуб, задравши четыре ноги, скакал, как горный козёл, надобно его попросить... Веж-ли-во. А еще лучше назвать, для начала, по имени. Как – имя не знаешь? Научу!!! – тут дофрест рыгнул и чуть не выронил драгоценный сосуд. – Лет через сто вообще будешь у меня та-акой молодец! Как так – столько не живёте?! Это вы зря, – он взгрустнул. – Возможностей своих не знаете. Раньше люди по несколько сотен лет... и ничего. А теперь?.. Совсем вы себя не бережёте... Эх!.. Эх-эх-эх...

С каждым словом Врахх бормотал тише, неразборчивее, и, наконец, захрапел, так и уснув в обнимку со своим стеклянным сокровищем, мелодичным эхом повторяющим раскатистые рулады. Я осторожно пододвинул его на середину кресла. Он засопел, чему-то улыбаясь во сне, и шевельнул хвостом.

Я сидел рядом. Настроение у меня было самое решительно-боевое.

Я пристально посмотрел на стол.

Посмотрел. На стол.

И упорно не мог отделаться от ощущения, что стол, в свою очередь, смотрит на меня. Не менее пристально. И даже с некоторым любопытством.

Мы долго изучали друг друга в полумраке наступающего вечера. Я догляделся до того, что мне стало казаться, будто резные, деревянные ножки начали деформироваться, местами выпирая сучками и ветками, удлиняясь и покрываясь корой.

Я встал и подошел к столу, обходя его по периметру. Потом вдруг протянул руку и погладил полированную поверхность. Она оказалась неожиданно тёплой и очень приятной на ощупь. Я стоял, водя пальцем по столешнице, повторяя замысловатые узоры и зигзаги, и мне чудилось, как из маленького желудка вырывается крошечная стрелочка роста, как поднимается над землей молодой дуб, как...

Острая боль пилой резанула мне бок.

Я отдернул руку.

Потом, преодолевая себя, положил её обратно.

Смерть дерева не является окончательной смертью в нашем понимании этого слова. Оно продолжает жить в предметах и вещах, окружающих нас. Но тихая грусть, исходящая, истекающая мне в руки, вызвала состояние некой печальной незавершенности, непоправимой утраты смысла, прерванности пути существа, так и не ставшего чем-то значительным.

За десять минут нашего безмолвного диалога я узнал о жизни леса больше, чем за всю свою жизнь. И обрёл нового, необычного друга.

4

Дофрест мирно посапывал в кресле.

Я дружески беседовал со столом, а вокруг сгущался вечер.

Конечно же, я пропустил тот момент, когда полутьма из милого уютного сумрака жилой комнаты превратилась во враждебную, тревожно дышащую субстанцию, мерцающую и клубящуюся вдоль стен. Предметы как бы смазались и поплыли по краям, теряя чёткость и плотность. Лишь большое овальное зеркало, висевшее у двери, набирало силу, полыхая красными огнями в глубине, уже напоминая проём, ведущий в другую, такую же комнату, с каждым мгновением всё более и более материальную.

Врахх заметался во сне, но так и не проснулся, заскулил и выпустил тонкую, прозрачную нить слюны, потянувшуюся на подушку из уголка его приоткрытого рта.

Не помню, как я оказался посреди комнаты. Мне было отвратительно, нестерпимо худо. Я стоял и не мог пошевелиться, не мог даже оторвать взгляда от изменяющегося мира за невидимой границей зеркальной рамы. Единственное, что я знал точно, что это страшное

место, как бы оно ни смотрелось. И мне туда не надо. В довершение всего я почувствовал на себе пристальный, изучающий взгляд, бесцеремонно ощупывающий и примеривающийся. Так, наверное, смотрит перед броском удав, размышляющий, как лучше съесть свою жертву – с хвоста или с ушей.

Это оказалась не змея. Посреди комнаты – той комнаты! – медленно сконцентрировался тёмный мужской силуэт. Не знаю, почему я решил, что это мужчина, – фигура была плотно закутана в длинное подобие плаща с капюшоном, накинутым на голову, полностью скрывающим лицо, – может быть, из-за высокого роста и невероятного чувства силы, исходившей от него. Он стоял и смотрел, наслаждаясь страхом и безвыходным положением, в котором я пребывал, как беспомощное насекомое, запаянное в кусок янтаря. Кажется, за это время я прожил не одну, а несколько жизней, и все они были с мерзкими и трагическими финалами. Наконец, мне надоело умирать, снова и снова воскресая, чтобы вновь окунаться в леденящий душу ужас. Судорожно зацепившись за хрупкое, ненадёжное, едва зарождающееся чувство раздражения, – не хочу быть сожранным!!! – я рванул на волю. Безуспешно.

– Не надо трепыхаться... Ваша жизнь – суeta суeta... Томление духа... Иди сюда... сюда, сю... да... – голос притягивал, манил, опутывал липкой паутиной, уже видимой, уходящей белыми пульсирующими канатами прямо в открывшийся проём. Казалось, звучащие слова управляют нитями, настойчиво подтягивающими меня к замершему в ожидании силуэту.

Вот и всё. Хотелось закричать, но и это сейчас было мне не под силу. Как глупо.

Я закрыл глаза, не в силах больше смотреть на приближавшуюся фигуру. Стало ещё хуже.

Действие продолжалось с методичностью затянувшегося спектакля, который меня почему-то обязали досмотреть до конца. Угасающее сознание выхватило запоздалую картинку: я, в неестественной позе, деревянными шагами бредущий по комнате, и жалкое тельце дофреста, измятой, скомканной тряпкой валяющееся на полу... Опрокинутый стул, разлитая бутылка недопитого лимонада и фотография Динни, смеющейся на фоне весеннего леса.

И тут я, всё-таки, заорал что-то банально-привычное, вроде "Пожар!!!!", "Убивают!!!!", и в один миг мир ответил мне грохотом, звоном бьющегося стекла и падающей посуды. Что-то, большое и тёмное, пронеслось мимо и с размаху ударило в зеркало, оглушительно взорвавшись со вспышкой пламени и разлетающимися повсюду кусками дерева и стекла. Это дубовый стол, прыжками покрывший расстояние до врага, врезался в него и, разбив, перестал существовать сам.

Будто отвечая на мой крик, начал разгораться огонь, заматавая следы погрома, треща и осыпаясь искрами. Повалил густой дым, застилал глаза и забивая горло.

Сунув за пазуху бесчувственного дофреста, я вылез в окно и, не сознавая, что же делаю, прыгнул вниз с пятого этажа. Уже в полёте, с ужасом глядя на стремительно надвигающуюся землю, я успел подумать, что умереть мне придется-таки сегодня, но если я выживу, может быть через дыру в пробитой голове мне вложат хоть немного ума! Зажмурился... и рухнул в упругие, извивающиеся картофельные ростки, образовавшие под моим окном нечто вроде живого батута, мягко и аккуратно принявшего меня в свои надёжные объятия. Я лежал на подрагивающей подушке, потрясённый и абсолютно невредимый.

Вслед мне полыхнуло по-настоящему, высадив окно и вышвырнув остатки горячей мебели.

Теперь "Пожар!" кричали все хором, выскакивая из дому кто в чём, таща детей и канделябры, выкидывая из окон вещи, тряпки и тюки. Оперативно подкатила ярко-красная пожарная машина, громко и победно завывающая. Пожарные один за другим бросались в огонь, заливая и заливая всё вокруг густой белой пеной, скрывающей следы нашего бегства.

...Магары – страшные существа и необыкновенно могущественные. В чём вы, молодой человек, уже имели возможность убедиться, так сказать, на собственном опыте. Но они не принадлежат здешнему миру. И в этом, пожалуй, единственное наше спасение и надежда. А теперь можно с уверенностью добавить, что и встречи с ними могут иметь некий иной финал, отличный от обычной отвратительной развязки. Прошу не просить меня описывать детали трапезы, завершающей их разговоры с живущими на земле, к кому бы они ни относились. Тут одинаково не везёт и людям, и другим существам, проявленным в данной реальности. Бедолаги. Светлая им память.

ГЛАВА 4. ГОРОД.

*Мысли скачут... Пьяный сторож,
Пёс цепной - рассудок мутный
Охраняет сердца морок.
Страх и холод... Скоро утро.
Сон во сне – двойные двери.
Не пройти и не проснуться.
Всё, во что я только верил,
Позади... Не оглянуться.
Скоро утро. Или вечер.
Тьма кругом - не разобраться -
Опустилась мне на плечи...
Что ж, пришла пора прощаться.*

Вааль Силь Хаэлл

*Когда я играю со своей кошкой, я допускаю, что она развлекается
со мной больше, чем я с ней. А с некоторых пор, я нахожу, что и
моя судьба имеет непосредственное отношение к этому пушистому
и вкрадчивому народцу...*

Личные наблюдения

1

Врахх болезненно застонал и заворочался.

Мы поднимались на чердак институтского здания, куда удалось пройти только благодаря тому, что на вахте дежурила тетя Катя, давняя мамина приятельница. Было поздно и институт закрывался.

– Ты, Васёк, чего на ночь-то глядя?.. В библиотеку? После ко мне заходи. Пирожками домашними угощу. А библиотека-то... бог с ней, она, наверное, уже и не работает. Станный ты какой сегодня – весь взъерошенный... А кругом что творится, что творится-я-аа! Слыхал, небось, в лесу-то, у северного парка, саранча объявилась. Говорят, полдня куда-то топала, а потом вдруг затормозила и в пять минут сама себя и пожрала. Академики наши затылки чешут, так ничего и не поняли. А в городе, рассказывают, террористы совсем обнаглели: дом взорвали среди бела дня. Хорошо хоть, никто не погиб. Люди не спали – так все успели выскочить. Да и огонь потушили быстро, а сам дом старый, так ему хоть бы хны, да и это вроде бы где-то рядом с вами, на окраине... Ладно Ильиничны нашей в городе нет, пуцай себе отдыхает... а то она, маманя твоя, точно бы перенервничалась... Вот уж была охота лишний раз вздохнуть да ойкать за других, – тараторила, не умолкая, тетя Катя и даже ловко пихнула мне в руки пирожок, который, обнаружив ночью, мы с дофрестом и съели с превеликим Удовольствием.

Врахх растерянно молчал, страдая от головной боли. Мне было его искренне жаль, но лимонада под рукой не имелось, а похмельный синдром в данном случае больше ничем не лечился. Впрочем, мне было не лучше: очень хотелось курить.

Чердак был оборудован ребятами с нашего курса под художественно-экспериментальную мастерскую, естественно, совершенно официальную, с разрешения декана. Надо ли говорить, что небольшая группа студентов – естественно, совершенно неофициально – пользовалась помещением для собственных нужд, в какой-то мере тоже очень художественных и экспериментальных. Был установлен строгий распорядок и очередность. Сегодня мы пришли не в своё время.

Я так устал за этот бесконечный день, что, кажется, забыл постучаться. Территория была занята и, судя по происходящему, уже давно. Целеустремленно пройдя через мастерскую к

холодильнику, где, якобы, должны были храниться какие-то очень необходимые для творческого процесса ингредиенты, среди плотного строя водочных, винных и пивных бутылок я выудил непонятно как попавшую туда единственную бутылку лимонада и облегченно вздохнул – дофрест был спасён! Тут же на подоконнике обнаружил две нескрытые пачки Chesterfield, блаженно вздохнул и экспроприировал их тоже. За моей спиной раздалось яростное шушуканье, заскрипел старый, продавленный диван.

– Васька, какого чёрта тебе здесь надо?! – из-под покрывала на меня смотрела разъярённая девица, растрёпанная и раскрасневшаяся. Я изобразил раскаяние и пожал плечами: "девица" была знакомая, мы вместе учились, можно было не церемониться. Она не унималась: – Я свою очередь три недели жду. Думаешь, раз запасной ключ себе сделал, так можно являться в любое время?!

– Ласточка моя, я о тебе же и пекусь, – сказал я, а потом симпровизировал: – Слышишь голоса? Через пять минут здесь будет толпа народа: в институте тараканов травят, а заодно какую-то новомодную отраву проверяют. Зверюшки шестиногие изо всех щелей полезли, всех цветов и калибров. И скажи своему кавалеру, что урок по практической эротике на сегодня закончен.

Под покрывалом заворочались. Из-под него высунулся парень с параллельного потока, медленно багровеющий от злости и что-то бурчащий в весьма невежливой форме. Ему бы чуть выждать, невозможно взять брюки и философии...

Оказалось, что он – хоть и студент, но, увы, совсем не философ. За брюками-то потянулся, но потом, забыв о своих обнажённых телесах, резко вскочил и размахнулся, собираясь ударить. Я уклонился. Тот не удержал равновесия, саданул кулаком об угол стоящего рядом шкафа и взвыл. Не дожидаясь, пока он опомнится, я несильно, больше для порядка толкнул его в плечо, развернул и одновременно сделал подсечку. Парень охнул и неуклюже плюхнулся на пол. К нему, вскрикнув, кинулась подружка.

– Ещё один пируэт – ударю по-настоящему, – назидательно пообещал я ему. – Тогда свидание окончится раньше времени.

– Зря ты, Вась, – девушка укоризненно посмотрела на меня, прикрываясь стянутым с дивана покрывалом. – Ведь нет же никаких тараканов. А если так сильно нуждаешься, сказал бы – мы понятливые, и нечего разыгрывать боевое нападение. Не шуми, мы уже уходим.

– Да, ладно. Я ж не нарочно.

Заворочался, завздыхал дофрест. Я придержал его рукой и отвернулся, давая ребятам возможность одеться, а главное – пряча шевелящуюся на груди куртку. За моей спиной сдавленно ахнули и выругались. И замолчали, как будто их разом кто-то проглотил. Не выдержав такой красноречивой тишины, я посмотрел через плечо – картина была впечатляющая: вскочив на диван, открывшая от удивления рот, стояла моя знакомая, окончательно забывшая, что её одежда лежит аккуратной стопкой рядом. Тут же, так и не успев до конца натянуть штаны, медленно поднимая руку и показывая на что-то, теперь уже бледнел, а не краснел парень с параллельного. А по стене, из-под двери, изо всех щелей лезли тараканы – рыжие, черные, большие и маленькие. Казалось, им не будет конца. Обивка дивана напоминала дорогой персидский ковер золотисто-коричневых оттенков. Только узор на нём постоянно трансформировался, складываясь то в древние письмена, то в горные вечерние пейзажи. Игра формы и цвета завораживала. Потом один из тараканов решил обследовать новый свободный участок и неспешно, обстоятельно, полез по голой девичьей ноге.

Девушка взвизгнула, высоко подпрыгнув, соскочила на пол и бросилась бежать. В приоткрытую дверь было видно, как в полумраке коридора постепенно растворялось белое пятно её тела. Стихли вдалеке шлёпающие шаги босых ног.

– Ну, что ты стоишь, вдумчиво, как в туалете? Догоняй! – я сунул забытую впопыхах одежду ничего не соображающему парню и толчком придал ему направление и скорость.

Мы с дофрестом, наконец-то, остались одни. Закрыв за сбежавшими влюблёнными дверь, я повернулся и не обнаружил ни одного насекомого.

Пришла моя пора удивляться. Не много ли сюрпризов на сегодня?..

– В самый раз. И может быть, ты вынешь меня из-под своей нестиранной куртки? Уверяю тебя, это не лучшее место во вселенной. Тем более, что здесь не подают шикарнейший из напитков. А лимонадная бутылка, изъятая тобой из холодильника, катастрофически нагревается.

– Извини, Врахх, я ещё не привык к твоей новой привычке, – я хотел пошутить, но фраза получилась серьёзной.

Я высадил его на освободившийся диван, устроив из покрывала весьма сносное ложе, и выдал реабилитационную бутылку лимонада.

– Только смотри, а то опять плохо будет. Еще помрёшь. Как я без тебя?

– А что, было бы весьма интересно посмотреть, как ты – и без меня? Кстати, букашек-таракашек я сюда не вызывал. Так что, поздравляю с боевым крещением. С меня ящик лимонада. Потом. И не смотри на меня, как старая девственница на порнографическую картинку. Мелкая ложь – это не в моём вкусе... Так что, кадет, равняйся, смирно! Обучение идет успешно. Ордена и медали после войны. А пока, в ружьё! Марш по борделям. По бабам, по бабам, по ба-а-абам...

– Врах, родной, по-моему, тебе уже можно ничего не пить. Ты опять несёшь...

– Это курицы несут, а я так, только чуть-чуть нам настроение поднимаю. Всё нормально, Вась, сядь, не надо за меня так волноваться. Я в полном порядке, – дофрест вдруг заговорил обычным, чуть усталым голосом, – уж и пошутить нельзя. Иногда.

– Но откуда же, на самом-то деле, взялись эти чёртовы тараканы?! Я ведь просто так говорил, хотел только, чтобы ребята побыстрее куда-нибудь испарились...

– Это ещё хорошо, что он у тебя, достопочтенный Уль Враххильдорст, только начал обучение, – сзади тактично кашлянули. – А то ведь бедные дети и на самом деле могли исчезнуть. Испариться... *Ex abrupto**, так сказать... Было бы жаль – оч-чень старательные студенты.

2

Я повернулся и встретился глазами с заведующим библиотекой, профессором Вяземским Трояном Модестовичем, читавшим у нас интереснейшие лекции по философии и вопросам нестандартного мировосприятия. Он доброжелательно улыбался. Сквозь его силуэт просвечивал стоящий за ним стол, табурет и плакат на стене с лозунгом: "Студент! Ты готов совершить эксперимент?!".

– Добрый вечер, Василий. Весьма было приятно наблюдать за вами. Весьма. Я всегда говорил, что вы – очень способный, многообещающий молодой человек. С таким творческим подходом к жизненным трудностям, поверьте мне, вы далеко пойдёте. Жаль, что сегодня не экзамен – обязательно поставил бы вам отличную оценку. *Ex animo, ex cathedra***.

Я смотрел на него и ничего не понимал. Кажется, глаза мои в соответствии с какой-то сказкой увеличились до размера тележных колёс. Нестандартно квадратной формы.

А Троян Модестович просто наслаждался ситуацией. Стоя в величавой позе, небрежно облокотясь на стол, он был похож на графа (или князя?) – высокого, сухощавого, элегантного, с длинным породистым лицом и слегка тяжеловатой челюстью. Его тонкий горбатый нос являл собой отдельное произведение искусства. Обычный костюм сидел на профессоре, как новый фрак, сшитый по частному заказу. Фигура его постепенно уплотнилась, а в воздухе завитал свежий аромат Kenzo.

– С вашего позволения, я присяду. *Dura necessitas****. Возраст, понимаете ли, даёт себя знать, – он изящно взмахнул рукою.

* – внезапно, сразу; без предварительной подготовки

** – от души, непререкаемо

*** – суровая необходимость

Сбоку захихикал, зажимая рот, давясь и булькая, Враххильдорст. Потом, видимо не выдержав напряжения, он расхохотался уже в голос, упав на спину и комично подпрыгивая ножками, не обращая на всё ещё удивлённого меня никакого внимания.

– Возраст ему, видите ли, не позволяет... Ха-ха-ха! Ну, Троян, повеселил, порадовал... Да-а! Рассказывают, на приёме у Королевы, кажется в прошлый четверг, ты кому-то по морде заехал, извиняюсь, по наглomu аристократическому профилю, а позднее, приударив за новенькой фрейлиной, уронил её прямо в цветущие кусты пиоркоктусов, упав следом прямёхонько сверху. Конечно же, совершенно случайно. Наверное, радикулит разыгрался. Надеюсь, девушка оказала тебе своевременную первую помощь?

– Я тоже очень рад встрече, уважаемый Уль Враххильдорст. Прошедшую сотню лет о твоей персоне тоже слышно только хорошее, – произнёс Троян Модестович, церемонно кивнув головой и делая ударение на слове "тоже". – А в последний день события, происходящие с вами, столь увлекательны, что я решил лично засвидетельствовать вам свой восторг. И познакомиться с твоим спутником, кстати моим учеником, так сказать, заново. Успокойтесь, Василий. На вас лица нет. Пора уже начинать осваиваться со своей новой ролью, тем более, что это у вас получается преотменно, – он улыбнулся мне ободряюще, выжидательно и облегчённо вздохнул, когда я улыбнулся ему в ответ. – *Disce libens: quid dulcius est quam discere multa**? А всяческие не уверенности, страхи-ахи, непонятности – это дело банальное, житейское, без этого никак нельзя. В конце концов, надо же с чего-то начинать. Поверьте, *dimidium facti, qui coepit, habet*** . Начало – пожалуй, самый ответственный момент, для большинства так ни во что и не переходящий, – сразу бросают дело или гибнут по неопытности, – а вам дан такой прекрасный шанс в лице несравненного Враххильдорста. *Disce, sed a dotis****, – Троян Модестович чуть приподнял бровь и подмигнул дофресту.

– *Docendo discimus*****, – к моему удивлению пробурчал в ответ тот.

– Может, мне было бы легче, если бы я хоть что-нибудь понимал, – в свою очередь пожал плечами я, имея в виду одновременно и латинский язык, так мною в институте и недоученный, и мои приключения с дофрестом. Первые сумбурные впечатления схлынули, и теперь я почему-то был несказанно рад вдруг появившемуся профессору. – А уважаемый Враххильдорст только нагнал тумана, но так ничего и не объяснил. Куда-то меня тащит, а с недавнего времени события и вообще вышли из-под его контроля. Тут вы появляетесь неизвестно откуда. Кстати, ничему не удивляясь, мило и ненавязчиво вливаетесь в нашу странную компанию. Чему я, между прочим, рад. Рад, рад, и снова рад! А то дофрест – ещё тот попутчик... Как вы сказали про начало? Гибнут по неопытности? Так вот: я готов на решительные действия, но только на те, о которых я хоть что-то знаю наперёд. Тем более, что в этой непонятной истории у меня есть и личный интерес.

– Личный интерес – это хорошо, – обрадовался профессор и, наконец, забывая о латыни, доверительно сообщил: – Не вдохновляют меня бескорыстные порывы, героические и романтически прекрасные. Совершать их способны лишь глупцы или безумцы. На первый, беглый взгляд вы, Василий, не напоминаете ни тех, ни других. А пояснения – будут вам и пояснения. Думаю, довольно скоро и не без моего горячего участия. Чем могу, помогу, уж не обессудьте... Итак – милости прошу, пройдемте.

3

Мы сидели в институтской библиотеке и пили кофе. После трёх выкуренных, одна за другой, сигарет чашка горячего кофе воспринималась как подарок свыше.

– Как вы говорите, Василий? Он появился прямо в зеркале? Очень, очень интересно. Вы знаете, что в рубашке родились? Какое везение! Первый раз слышу, чтобы кому-нибудь удалось

* – учись охотно: что есть приятнее, чем много учиться?

** – тот сделал поддела, кто уже начал

*** – учись, но у учёных

**** – обучая, учимся сами

уйти от магара. Да ещё и невредимым. Нет, вы действительно ничего не понимаете... Потрясающая удача! Потрясающая!

Троян Модестович вскочил и пошёл вдоль полок быстрыми шагами, меряя расстояние до тёмного окна и обратно. Была глубокая ночь. Дофрест сладко спал, устроившись прямо на широкой книжной полке в отделе научной фантастики, подложив под голову двухтомник Стругацких.

– Магары – страшные существа и необыкновенно могущественные, в чём вы, молодой человек, уже имели возможность убедиться, так сказать, *de actu et visu*^{*}, – он опять заговорил на латыни. – Но они не принадлежат здешнему миру. И в этом, пожалуй, единственное наше спасение и надежда. А теперь можно с уверенностью добавить, что встречи с ними могут иметь некий иной финал, отличный от обычной отвратительной развязки. Прошу не просить меня описывать детали трапезы, завершающей их разговоры с живущими на земле, к кому бы они ни относились, – он на секунду притормозил на повороте. – Тут одинаково не везёт и людям, и другим существам, проявленным в данной реальности. Посоветовать можно только одно: ни в коем случае нельзя бояться. *Alia omnia*^{**}! Хотя это звучит и абсурдно, в таком-то положении. Однако... стоит попытаться. И необходимо любой ценой, вы слышите – любой! – используя малейшую возможность, да-да, нарушить зрительно-осозательный контакт. Что в вашем случае и было сделано путём разбития зеркала. Скажите спасибо столу – если бы не он, не сидеть бы нам тут за чашечкой кофе.

– Знаете, Троян Модестович, мне до сих пор не по себе. Он ведь, спасая меня, покончил жизнь самоубийством... Жил бы себе и жил. А так только горстка пепла и осталась. И той уж, наверно, нет.

– Я думаю, с тобой, Василий, позволь мне перейти на "ты", случилось нечто особенное, уникальное, – профессор сделал неопределённое движение рукой, это могло обозначать что угодно. – Это удастся очень немногим людям. Ты сумел отождествиться с сущностью предмета, поняв и прочувствовав его изнутри, выражаясь понятнее – дойти до самой сердцевины. А он, в свою очередь, пророс в тебе, принимая твои радости, заботы и печали как свои собственные, насколько это вообще возможно. На какой-то краткий миг вы стали друг другом! *Vivat*^{***}!!! – он хлопком соединил свои длинные ладони, породив эхо, побежавшее вдоль бесконечных полок. Дофрест заворочался во сне. – В результате, нападение на тебя стол воспринял как непосредственную угрозу себе. С твоей смертью часть его тоже перестала бы существовать. Поэтому сейчас ты ощущаешь некоторую пустоту в душе, и так будет всегда, – он вздохнул. – Стол – лишь первая твоя потеря в длинном списке утрат, составляемом всеми нами в течение жизни. Но в твоём случае именно эта смерть оказала тебе неоценимую услугу. Существует некая закономерность, обнаруженная очень и очень давно. Если какая-нибудь сущность жертвует добровольно – заметь, по собственному желанию! – свою долгую жизнь в обмен на жизнь человека, ценность которого обычно ставится под сомнение – я имею в виду точку зрения растений, животных и всех остальных существ – то этот самый мир этих самых растений, животных и других разнообразных существ изменяет к нему своё отношение, начиная общаться с ним, помогая советом, выручая в сложных ситуациях. Отдавая дань памяти погибшему, человека как бы допускают в огромный разнообразный мир, о котором до сего момента он даже не имел понятия.

– Точно. Тараканы прибежали, как дрессированные... И картошка внизу поймала меня, будто баскетболист удачно брошенный мяч, когда я падал из окна. Тоже жизнь спасла. Второй раз за день. Надо же.

От волнения я начал говорить незатейливо просто. События последних дней промелькнули в голове, складываясь, как в калейдоскопе, в сложный закономерный рисунок.

* – по опыту и наблюдениям

** – всё что угодно, только не это

*** – Ура! Да здравствует!

– А что, была ещё и картошка? – Троян Модестович в задумчивости остановился около окна. – Что ж, события развиваются более чем стремительно. Может, это и к лучшему. Тогда и нам надо поторопиться. *Carpe diem**! – он прищёлкнул пальцами. – Забирай дофреста, ему всё равно пора просыпаться. Мы отправляемся в весьма примечательное место. Думаю, что там найдутся ответы и на твои вопросы. По крайней мере, на те, которые ты в состоянии сформулировать на данный момент.

Мы шли между книжными стеллажами. Я нёс Врахха, прижимая его к своему плечу. Что ни говори, но это уже стало входить в привычку. А ведь в начале он собирался вести меня куда-то сам. Лично. К неведомому своему нанимателю. Теперь же мы только и делали, что куда-то бежали и явно не в нужном направлении, а по пятам, скрежеща и жарко дыша в затылок, следовала госпожа Неизбежность, тяжелым катком давя всех окружающих, встречных и поперечных.

Пройдя завершающий отдел исторической литературы, мы упёрлись в глухую стену, на которой висел портрет Карла Маркса – в полный рост, с развевающейся шевелюрой и пламенным взором (когда начались перестроечные времена, картину перенесли в библиотеку подальше за стеллажи, где она и пылилась в тишине и забвении). Перед ней мы и остановились: я – в нерешительности, а Троян Модестович – задумчиво примериваясь.

– Пожалуй, подойдёт. Хотя никогда не знаешь, как это сработает на сей раз, – сказал он, склонив голову набок и прищуриваясь. – *Bona venia vestra***... Начнём-с!

Стремительно шагнув вперед, профессор вытянул руку и пальцем начертил замысловатый знак прямо на лбу у идеолога пролетариата. Нарисованный символ тут же засветился, став видимым и объёмным, делая лицо Карла Маркса немного фривольно игривым и живым. Одно мгновение мне казалось, что он посмотрел на меня и многозначительно приподнял левую кустистую бровь. Я до того удивился, что пропустил момент, когда изображение испарилось, истаяло, как мокрая бумага, оставив по еле себя пустой прямоугольный провал – дверь в мерцающую темноту. Удовлетворенно хмыкнув, Троян Модестович решительно ухватил меня за локоть и увлёк за собой – прямо в только что созданную им чёрную дыру.

У меня заложило уши и закружилась голова. Хотелось сказать: "Полёт прошёл нормально, можно отстегнуться, мы прибыли к месту назначения".

Огромное всемогущее Ничто слотнуло, а потом выплюнуло нас неизвестно где.

* -лови мгновение, пользуйся сегодняшним днём

** - с вашего позволения

...Мне виделся милый, изящный профиль: чуточку вздёрнутый нос, тревожные ресницы, пушистыми крыльями бабочки вздрагивающие над глубиной фиалковых глаз, губы, чей нежный четкий рисунок прятал неуловимость лёгкой улыбки. Гордый поворот головы, всплеск волос, текущих, струящихся бесшумным водопадом, разбивающимся кольцами у стройных колен. Станный, непривычный покрой одежд, сложный и одновременно простой – незатейливостью листвы, переплетеньем трав. И знакомый аромат сирени после летней грозы. Имя, звучащее переливом лесных колокольчиков. Где ты, Диллин, отзовись.

ГЛАВА 5. БИБЛИОТЕКА.

*Годы, люди и народы
Убегают навсегда,
Как текучая вода.
В гибком зеркале природы
Звезды – невод, рыбы – мы,
Боги – призраки у тьмы.*

В. В. Хлебников

1

– Проходи, располагайся поудобнее. Кстати, глаза можно уже открыть. Здесь лучше смотреть перед собой, а то что-нибудь невзначай уронишь.

Ронять, действительно, можно было очень и очень много.

Мы находились в великолепном помещении, напоминавшем старинную гостиную – с громоздкими золочёными креслами, камином в форме средневекового замка и галереей портретов, развешенных по стенам. Скользнув взглядом по ближайшему, я обнаружил Мону Лизу работы Леонардо да Винчи и неожиданно понял, что могу спорить на что угодно, но передо мной висит подлинник.

– Здесь вообще не бывает подделок. Все вещи в этом удивительном месте истинные. И не вздрагивай, пожалуйста. Я не читаю твои мысли – они и так светятся прямо у тебя на лице sub согопа*, – Троян Модестович, улыбаясь, провёл пальцем себе по лбу, кивнул в мою сторону и, вздохнув, удобно расположился на небольшом диване, вытянув ноги по направлению к камину, в котором понемногу самопроизвольно разгорался огонь. – Сие замечательное хранилище содержит в себе редчайшие ценности. Есть некогда утерянные или уничтоженные человечеством, а так же спрятанные и ждущие своего часа клады и термы. По сути дела, мы находимся в отражённой реальности всех существующих библиотек и музеев. Здесь можно увидеть лучшие произведения искусства, когда-либо созданные людьми, и ещё не созданные никем, и получить ответ на любой вопрос, если он правильно сформулирован. Не теряй времени, мой юный друг. Ищи, и да сопутствует тебе удача. Если, конечно, тебе что-нибудь нужно. Как у тебя с вопросами? Ещё имеются? – он улыбнулся и, потянувшись к ближайшей полке, выудил себе книгу в потемневшем кожаном переплёте.

Библиотека как отражённая реальность?!.. Я по-новому огляделся вокруг. Вместо только что висевшего портрета – улыбка Моны Лизы заменилась на плотоядную ухмылку какого-то незнакомого субъекта, бородатого и не в меру кровожадного – висел другой портрет, такого же размера, но в узкой чёрной раме. Субъект повёл плечами, подмигнул мне и растянул рот, что называется до ушей, являя мне и всем присутствующим коричневые косые зубы. Отсутствие передних давало возможность лицезреть красный мясистый язык, беспокойно подрагивавший в глубине. Я не успел удивиться, как меня отвлекло непонятное движение сбоку – кто-то шмыгнул из-за шкафа под диван. Диван качнулся и изменил цвет своей обивки. Троян Модестович даже бровью не повёл. Сквозь пламя в камине просвечивало бездонное, звёздное небо.

Впоследствии я описывал происходящее в библиотеке – или, лучше сказать, саму Библиотеку – каждый раз несколько иначе. То, что видели мои глаза, не соответствовало тому, что слышали мои уши. Я как бы одновременно пребывал в нескольких местах и в нескольких временах, которые жили, дышали и двигались совершенно обособленно, но, тем не менее, взаимосвязанно.

– Карвука хрумст? – вкрадчивым шёпотом поинтересовался злодей из траурной рамы.

* – под венком

– Это сэр Синь Боорда, – не отрываясь от чтения, сказал Троян Модестович. – Изошрённейший был убийца и негодяй, но прославился сочинительством – именно его перу принадлежат первые паталомические детективы. А впрочем... Фак пошт вонн! – выкрикнул он уже портрету. Тот хмыкнул и отвернулся, на ходу трансформируясь в старинную, чуть размытую фотографию молодой женщины. В нижнем углу изображения шла порывистая надпись: "Марина Цветаева. Коктебель 1913". Ниже, очень мелко: "Милому Серёжень..." – дальше расплывалось. Девушка моргнула и указала взглядом на что-то за моей спиной.

Итак. Вопросы, говорите, имеются ли у меня?.. Я устроил спящего Врахильдорста в роскошном кресле и начал свою экскурсию. На что, интересно, указывала девушка с фотографии?.. Чего тут только не было: ящички и резные инкрустированные коробочки сменялись пожелтевшими рукописями, сваленными прямо поверх высоких стопок книг, сложенных на столах, полках и даже прямо на полу. Вдоль стен высились бесчисленное множество стеклянных шкафов, этажерок и подставок, тоже забитых различными вещами, большими и маленькими, новыми и старыми. На первый взгляд здесь царил полный хаос. Но, приглядевшись, я уловил некую закономерность расположения – угадывалась взаимосвязь предметов по смысловым и территориальным признакам.

– Направо пойдёшь – богатым станешь, налево – голову потеряешь, а вот к тому шкафу, как раз в самый раз, досье на магаров отыщешь, – сонный Врахильдорст, потягивающийся и довольный, устраивался в кресле по примеру Трояна Модестовича, подставляя огню пушистый бок.

Следуя совету, я направился к громоздкому шкафу невероятных размеров, сделанному из красного дерева, приоткрыл дверцу и едва успел отскочить в сторону – с полок на меня хлынул поток книг, папок, отдельных листов и скрученных рисунков. Всё это живописно высыпалось на ковёр, образовав беспорядочную кучу. Я опустился рядом. Мелькали корешки с надписями на египетском, китайском, иврите. На некоторых стояли непонятные знаки и символы. Протянув руку, я взял ближайший ко мне свиток и развернул: изображённое существо оказалось хорошо знакомым, что называется до боли, до мгновенно вернувшегося ужаса. Холодный, оценивающий взгляд из-под надвинутого капюшона обещал быструю и жестокую смерть.

Сильный толчок в плечо вернул ощущение реальности. Я клюнул вперёд носом и выронил рисунок.

– Ну, нельзя быть таким впечатлительным, ты же не юная барышня, впервые увидевшая голого гусара, – не удержался дофрест от едкого замечания. Он сидел на мне верхом, привычно обернув хвостом мою шею. – Василий!.. Это лишь картинка, а к ней, кстати, и текст прилагается. Весьма и весьма любопытный.

Я возобновил попытку и... ничего не почувствовал. Горел огонь в камине, Троян Модестович читал книгу, Врах от нетерпения слегка подёргивал жесткими крылышками, приятно задевая меня по уху, пытаюсь заглядывать в манускрипт.

Рисунок смотрелся просто рисунком, а сбоку шла колонка крошечных вытянутых буковок, написанных сверху вниз. Приглядевшись, я понял, что написано по-русски, но не современным, а дореволюционным шрифтом, витиевато изогнутым, пестрящим ятями и фитами.

– Перестань топтаться, я буду читать вслух. И пересядь, пожалуйста, на соседнее кресло! – я решительно ссадил Враху в мягкие подушки: – Ммм... "Магары – жители планеты Мардук, это имя так и осталось за ней, но шумеры называли её Нибиру. По этому магары иногда в хрониках упоминаются как нибирийцы". По мне, так как их не называй, всех отвести за бруствер и из пулемета, да от бедра... Читаю дальше. "Мардук – огромная планета, которая вращается... ретроградно".

– Мальчики налево, девочки... направо! – не удержавшись, прокомментировал теперь уже дофрест, показывая пальцами в разные стороны. – Все планеты нашей системы движутся в одном направлении, а эта летит в другом, к тому же сверху вниз относительно остальных – по огромному эллипсу.

– Вы совершенно правы, уважаемый Враххильдорст. Её путь пролегает где-то между орбитами Марса и Юпитера, – неожиданно подал голос Троян Модестович. Он отложил свою книгу и продолжил: – Кстати, шумеры знали, что Мардук проходит через нашу Солнечную систему каждые три тысячи шестьсот лет и каждый раз, когда она появляется, это большое несчастье для Земли.

– Ну, и что им от нас нужно? – поинтересовался я, изучая непривлекательное изображение.

– Им хочется есть. У нас бы сказали "panem et circenses*", – развёл руками Троян Модестович. – И они не упускают такую редкую возможность. В определённый момент на короткий срок устанавливается непосредственная связь между планетами, уподобляющаяся широкому проспекту, по которому без лишних хлопот и затруднений магары могут гулять туда-сюда сколько душе угодно. С той только разницей, что никакой души у них нет и в помине. И им хочется кушать, кушать и кушать, а питаются они исключительно отрицательными эмоциями людей – страхом, злобой, жадностью, гневом, – высасывая человека, оставляя вместо него лишь пустую оболочку. Времени им отпущено всего ничего – месяц, пока не полетят дальше. Но за этот месяц можно уничтожить или подчинить целую планету. По прошествии срока контакт разрывается, и Мардук улетает за орбиты внешних планет, исчезая из нашего поля зрения. До следующего раза.

– Так чтож-таки было со мной? Меня ведь чуть не съели, а никакой "морды" Мардука в небе пока не наблюдается?

– Иногда, Василий, это совершенно неважно, – грустно улыбнулся профессор. – Существуют пространственно-временные туннели, черные дыры, искривления пространства, коими магары великолепно умеют пользоваться. Им совсем необязательно выходить в наш мир, так сказать, в собственном теле, они могут создать окно, через которое жертва сама прыгает им в рот. Только открывай его пошире. Как это выглядит, ты проверил на собственном бесценном опыте. Кстати, до тебя ещё никому не удавалось похвастаться чем-то подобным, так как встреча заканчивалась не в их пользу... Считай, тебе повезло, – я медленно кивнул в ответ. А Троян Модестович продолжал: – Для их цели как нельзя лучше годятся зеркала. Существует даже теория, по которой идею их изготовления подкинули нам именно магары – этакая извращённая услуга с далеко идущими последствиями. Через зеркало можно не только кушать, но и управлять человеком, провоцируя его на безобразнейшие поступки, формируя личность, воспитывая неких уродов, способных изменить ход истории, даже государства. Хорошо хоть не целой планеты. Воистину, *abyssus abyssum invocat***...

– Так что же получается, сказка про Белоснежку – это не вымысел? Ведь королева-мачеха пользовалась именно таким услужливым зеркалом, – у меня вдруг возникло подозрение, что если бы я заглянул в него, то, скорей всего, узнал бы лицо главного потустороннего советника.

Я задумался. Внутренне пообещал себе, что не буду больше глядеться в зеркала, невелика потеря, кого я там не видел!

– Троян Модестович, у меня такое чувство, что я зря искал этот свиток. Вы и так рассказываете, как по писаному читаете.

– Что ты, Василий, я могу дать только небольшую историческую справку и не более. Единственное, о чём действительно стоит упомянуть, а может быть уже пришла пора кричать на каждом перекрёстке – это то, что до следующего пришествия планеты Мардук осталось всего пятьдесят два года. Сущие пустяки, по меркам-то вечности. *Ad restim res rediit****. И это совершенно некстати совпадет с парадом планет.

– Но ведь она же прилетала и раньше. И ничего, обошлось, – пожал плечами я. Мысли мои путались... Впрочем, одно я знал точно – я вляпался в какой-то неразрешимый лабиринт,

* – хлеба и зрелищ

** – "Бездна взывает к бездне" (подобное влечёт за собой подобное или одно бедствие влечёт за собой другое).

*** – дело дошло до верёвки (хоть в петлю лезь)

настоящий клубок событий, существ, целей... Хотел найти исчезнувшую девушку, а наткнулся бог знает на что. И главное, что назад дороги нет, и билет в один конец... Хотя, я уже и не очень-то хотел в этот самый назад.

– Может и обошлось, но далеко не для всех, – вещал Троян Модестович. – В прошлый её приход, примерно три с половиной тысячи лет назад, взорвавшимся вулканом Санторин в Эгейском море была полностью уничтожена крито-микенская цивилизация – тебе, как начинающему историку, это должно быть известно. Образовался пролив Гибралтар, затопило всю Месопотамию, а из Красного моря ушла вода, которая, вернувшись назад, на огромной территории уничтожила, сравняла с землёй всё на своём пути. Так сказать, произошла маленькая репетиция конца света, к слову сказать, использованная некоторыми в своих целях. Именно в этот сложный период Моисей вывел еврейский народ из Египта на Синайский полуостров. Судя по содержанию Ветхого Завета, они шли по дну Красного моря как посуху, а потом вернувшиеся волны смели преследовавшее их войско фараона.

– Надо же, никогда не смотрел на эту историю под таким углом, – улыбнулся я.

– Да, да, *carpatum dulcia: nostrum est Quod vivis: cinis et manes et fabula fies**, – профессор задумчиво помолчал. – Не выдержал даже большой Сфинкс: его голова отломилась и рухнула вниз, а сам он был засыпан песком и пеплом. Пришлось Аменхотепу откапывать его, а уж голову водружал на место Тутмос четвертый... Ладно. Пусть мертвецы смотрят свои сны спокойно. Ты помнишь, что до повторения осталось пятьдесят лет, – он помахал в воздухе указательным пальцем. – Обрати внимание: противостояние планет бывает каждые сто семьдесят шесть лет. Неприятно, конечно, но далеко не смертельно. Однако, когда это совпадает с пришествием Мардука, вот тут-то уж всё летит в тартарары. Туц-тын-дын, как говорят мои студенты... Пришлось небесное тело оказывается лишним, полностью разлаживая хрупкое равновесие и дополнительно усиливая и без того негативное энергетическое воздействие. Здесь уже "натянута тетива" из планет может не выдержать. А в прошлый раз нам повезло – Мардук опоздала на двадцать три года. Всего лишь на двадцать три. На целых долгих двадцать три года, хотя подробности ее прилёта были весьма неприятны... Читай, давай дальше. Обязательно отыщется что-нибудь новенькое. У меня такое чувство, что каждый раз я возвращаюсь в несколько другую Библиотеку, место, отличное от предыдущего, и в руки мне попадают книги, которые, может быть, и не стояли на полках в прошлое мое посещение. Здесь всё течёт и изменяется, оставаясь неизменным в целом. Читай. Да, между прочим, не надо читать подряд, выхватывая главное.

– Главное?... – переспросил я себе под нос и громко продолжил: – Например, про конец света? Уже отрепетированный. Куда ж главнее, о нём все пишут, кому не лень, – я быстро пробежался глазами по мелко исписанным страницам. – И понятно, тема-то такая увлекательная, нервы щиплет и душу холодит. Да и завершающее шоу придётся посетить всем. Тут уж не отвертеться. Вот. "...Периодически планеты Солнечной системы выстраиваются по одной линии, резонируя и усиливая энергетический потенциал каждой в отдельности, в целом же представляют собой некую линзу, соединяющую энергии всех планет наподобие единого луча. Воздействие столь велико, что существует конкретная вероятность гибели..." Вот и допрыгались. Всем блага творительная, праздничная раздача простыней и белых модных тапок, основной сбор на кладбище... А, нет, тут ещё не конец. Надежда, кажется, действительно умирает последней. "...Из-за сильнейшего резонанса может произойти расслоение планеты на две составляющие: из основной физической массы будет выделен эфирный двойник, совершенно самостоятельная планета, но более высокого уровня развития". Вот это да-а! – я удивлённо посмотрел на профессора.

– Да-да. Понимаете, Василий, ведь это уже было однажды. Причем, именно с Мардуком, – Троян Модестович вдруг опять обратился ко мне на "вы". Он уже давно перебрался к нам поближе, пристроившись в кресло около молчащего, внимательно слушающего и кивающего Враххильдорста. – Много десятков тысяч лет назад, в очередной раз появившись в нашей

* - можно веселиться: нынешний день наш, а после ты станешь прахом, тенью, преданием

системе, Мардук попала во всеобщее построение и, не выдержав колоссальной энергии, расслоилась на две составляющие, отделив от себя вторую планету – светлую Даэйю. Легенда про исчезнувшую, путешествующую во вселенной прекрасную планету – абсолютная истина. Вот только сами магары не смогли переселиться на свою новую, чудесную родину, недоступную для весьма злобных, хищных и агрессивных существ, как они. Им досталась территория подстать им самим: Мардук – весьма мрачное место, излучающее тяжелые вибрации, сплошь покрытое камнем, изливающееся лавой и огнём. Попав на очередной, так называемый парад планет уже без опоздания, подтолкнув своим присутствием течение событий, магары надеются на то, что какое-нибудь небесное тело последует их примеру. И тогда возможен захват отягощенной части, вторая – эфирная – их не интересует в виду своей несъедобности, – он ехидно усмехнулся и покачал головой.

– Вы рассказываете, а у меня весьма нехорошее предчувствие, – недовольно поморщился я, – про конец света и ад на земле. Ну почему, почему такое чувство, что следующая очередь – наша?

– Ваша-то ваша, но ведь существуют весьма точные путеводители на сии небеса, делающие этот путь даже безопасным, – не согласился со мной профессор. – Со времён Будды и Христа написаны тонны, только люди почему-то не спешат ими воспользоваться. Может быть, придёт кто-нибудь и объяснит им. Не надо отчаиваться раньше времени, молодой человек, ещё не вечер. *Calamitas virtutis occasio. Certa viriliter, sustine patienter. Certum est omnia licere pro patria**. И даже если обратиться к народным сказаниям, как к древней и наиболее понятной информации, то на злодеев-разбойников обязательно отыскивались добрые молодцы. Земля-матушка ещё не перестала рожать своих удалцов, и не в первый раз на неё катится вражеская лавина.

– Сейчас ещё скажете, что мне надо срочно записываться в ряды спасательного отряда. Вокруг меня несомненно что-то происходит, но на роль народного героя? Нет уж, увольте, – я уже устал от столь глобального разговора и решил свести его к нелепой шутке.

– А что, Вася, внешние данные у тебя хоть куда. И эти замечательные рыжие кудри – сказочно – раз зашла речь о сказках, – хороши. Все девчонки будут наши, – подключился оживившийся Врахильдорст, видимо тоже решивший сменить трагическую тему. Он легкомысленно хихикал, свесив ножки и болтая ими в воздухе.

– Да уж, конечно. Вот только меч-кладенец поищу, – улыбнулся я, – и вперёд -искать Коцея или Соловья-разбойника, которые сидят и ждут меня на перекрёстке с хлебом-солью и распростёртыми объятиями, делать им нечего, – я повернулся и, изобразив на лице максимально героическое выражение, засунул руку поглубже, роясь в куче свитков и бумаг. Что-то гладкое, приятно тёплое толкнулось в ладонь, змеей опутывая пальцы. Я резко вытянул руку, извлекая из разъезжающейся кучи необычный предмет – плоский медальон с массивной цепочкой. Он был сделан из непонятного материала и украшен резьбой в виде переплетающихся листьев и цветов, а посередине блестел круглый синий камень. С обратной стороны было что-то написано и под креплено объемным изображением короны, увитой побегами.

За моей спиной не раздавалось ни единого не то что звука, даже вдоха. Я повернулся. Выражение лиц Трояна Модестовича и Врахильдорста не отличалось широким разнообразием – выжидающее, слегка напряжённое и очень нетерпеливо заинтересованное. Желание шутить исчезло в одно мгновение.

– Вы оба такие отчаянно торжественные, – вопросительно глядя на них, осторожно произнёс я, – что мне хочется встать на вытяжку. Что происходит? А?!.. Как будто я нашёл, по крайней мере, корону царя Соломона или отгадал тайну Бермудского треугольника, разом вернув оттуда всех пропавших... Троян Модестович, хоть вы-то что-нибудь скажите. Это что, всё-таки, такое? – тут я сделал произвольный жест, протягивая медальон своим замершим

* – *Бедствие – пробный камень доблести. Сражайся мужественно, выдерживай терпеливо. Всем следует пожертвовать для родины.*

собеседникам. Они колыхнулись в сторону, подальше от диковинной вещицы. Потом Троян Модестович кашлянул и заговорил со мной как со смертельно больным человеком, которому каким-то образом надо сообщить час смерти. Очень и очень близкий.

2

– Ты сядь, Вася, сядь. Вот сюда, в кресло! – участливо приговаривал профессор. – Хватит на сегодня поисков. Откопал ты уже в куче свою жемчужину, более копать нечего. Можешь находку на шею надеть, с этого момента она теперь от тебя никуда не денется. *Ad finem saeculorum** – хоть выбрасывай.

– Вы о ней говорите, как о живой, – удивился я, внимательно разглядывая своё новое приобретение, так смиренно лежащее на моей ладони. – Она ж не дикая собака, которая вдруг спятила и, непонятно зачем, выбрала себе хозяина.

– Очень похоже на истину. Оч-чень похоже! – согласился Троян Модестович. – По крайней мере, я ни за что не стану проверять, что будет, если вдруг мне захочется отнять у тебя твоё новое сок-кров-вище и повесить себе на шею. Даже думать об этом не стоит. И опять же, мне никогда не нравились галстуки и ювелирные украшения. Носите сами себе на здоровье, – профессор так увлёкся, что, говоря, потирал шею, будто прогоняя неприятные навязчивые ощущения. Он опять расхаживал по комнате, оживленно жестикулируя.

Враххильдорст сосредоточенно разглядывал находку, старательно вытягивая шею. Повинуясь внутреннему порыву, я сам подошел к нему и сел рядом как раньше, взяв его к себе на колени. Вмиг став неподвижной плюшевой игрушкой, дофрест обречённо замер, выкатив глазки и топорща крылышки. Я засмеялся и погладил его по блестящей серебристой шёрстке.

– Врахх, дружище, мне кажется, ты ей нравишься. Будем считать, она поведала мне великую тайну о том, что якобы для тебя она совершенно безопасна, можешь даже потрогать, если очень хочется.

К моему удивлению он тут же вытянул ручку-лапку и погладил резные завитки. Раздался мелодичный, едва слышный звон где-то в глубине головы, как эхо далеких-предалеких металлических трубочек, раскачиваемых ветром.

– Это она так разговаривает, – сказал вдруг Враххильдорст и, помолчав, добавил:

– Знаешь, мы почему-то воспринимаемся ею как одно неразрывное целое. Что ж, мне несказанно повезло. Кто бы мог подумать, что я буду прикасаться к знаменитому артефакту, который никто и в глаза-то не видел. Поздравляю тебя! – он патетично раскинул ручки и крылышки. – Ты держишь в руках именную королевскую печать, принадлежавшую истинной, изначальной Королеве растительного и животного мира, а так же мира стихий и духов. Сей предмет был создан так давно, что постепенно превратился в миф, легенду, в нечто недоступное – то, что никто из ныне живущих никогда и не лицезрел. До сегодняшних дней дошли только диковинные, чудесные истории, повествующие о необыкновенных возможностях, дающихся её владельцу. Истории столь невероятные и фантастичные, что стало совершенно невозможно отделить правду от вымысла. На протяжении тысячелетий небылицы обрастали всё более пикантными и волнующими подробностями, гибли отважные рыцари, исчезали и находились прекрасные дамы, разрушались и вновь возводились города, замки, лабиринты, а через это мерцающей нитью проходила тайна утерянной загадочной печати великой Королевы. Никто так толком и не знает, что же она может на самом-то деле... Теперь же, раз она нашлась, я думаю, не придётся долго ждать, – вдруг коротко пообещал Врахх, косясь на объект нашего разговора. – Тем более, что события и без неё разворачиваются непредсказуемо и стремительно.

Слушая дофреста, я с интересом рассматривал её вновь и вновь, скользил пальцами по сложному орнаменту, вырезанному из необычного, темно-коричневого материала, удивляясь красоте камня, зажатого между лепестками. Его синий глубокий цвет завораживал, притягивал взгляд... Камень успокаивал и одновременно будоражил, оживая и как бы обретая голос,

* – до скончания веков

утешал, спрашивал о горестях и бедах, понимая, как понимает близкий друг, сопереживая и обещая помощь, как никто из друзей. Печаль моя с неослабевающей силой всколыхнулась в глубине души, поднимаясь изнутри воспоминаниями, застилая глаза, гася звуки...

Я грезил наяву.

Мне виделся милый, изящный профиль: чуточку вздёрнутый нос, тревожные ресницы, пушистыми крыльями бабочки вздрагивающие над глубиной фиалковых глаз, губы, чей нежный четкий рисунок прятал неувимую лёгкую улыбку, когда-то даримой и мне. Гордый поворот головы, всплеск волос, текущих, струящихся бесшумным водопадом, разбивающимся кольцами у стройных колен. Станный, непривычный покрой одежд, сложный и одновременно простой – незатейливостью листвы, переплетением трав.

И знакомый аромат сирени после летней грозы.

Имя, звучащее переливом лесных колокольчиков. Где ты, Диллинь, отзовись! И как ответ на призыв, долетел, зазвучал тихий неторопливый разговор.

3

– Нет, это невозможно. Времени осталось так мало. А нам предъявлена невыносимая ноша обвинений и угроз. Магары совсем обезумели. Они требуют отдать им людей, неспособных совершить Переход.

– Моя Королева, прошу Вас выслушать! Магары не так уж и неправы. Люди Вам неподвластны. Вы никак не можете помочь им. Они сами не в силах принять нашу помощь, погрязнув в невежестве, омрачении и гордыне, называя себя "царями природы", что же тут можно сказать. Вы ведь убедились в этом на своём собственном горьком опыте. А теперь почему-то их защищаете.

– Советник, мы все способны заблуждаться. Да, они мне не близки и не симпатичны. Но люди не все таковы, какими вы их описываете. И даже те из них, которые одержимы, несут в своём сердце Великое Зерно.

– ...которое у них никогда не прорастёт!!!

4

Голоса таяли, растворялись, утекая сквозь пальцы мелким сухим песком, рассыпаясь в пыль, уносимую ветром забвения. Песочные часы времени снова перевернулись, схлопывая пространство, как пустой надутый пакет бумаги.

*Никто не дерётся так зло,
неоправданно беспощадно и свирепо, как
бывшие друзья. Убивая насмерть. Зная
своего противника как самого себя,
чувствуя и предугадывая любое его
движение. Встречая его болью и
яростью. Здравствуй, друг. Умри, враг.*

ГЛАВА 6. ДЭЛЬФАЙСА.

*Странны пути любви, диковинны обличья,
нет правил и мерил, и легче разгадать
сколь стоит по утру безумный гомон птичий?
Чем пахнет солнца круг, упавший в море спать?*

1

– Какой хорошенький!..

Мне на голову лилась вода.

Вздрагнув, я приоткрыл один глаз, уклоняясь от тёплой солёной капли. На меня смотрело очаровательное личико, улыбающееся, с озорно прищуренными глазами. Обрамляющие его длинные волосы были очень светлыми, со странным зеленоватым оттенком. Они пахли водорослями, морской глубиной и живыми рыбами.

Стояло раннее утро. Где-то рядом шумела, накатываясь волнами, вода, отдаваясь глухим приливом в моей нагретой солнцем голове. Я вдруг почувствовал горечь во рту, занемевшие ноги, мелкие камешки, врезавшиеся в спину.

– Где я, врах меня побери?! – я с трудом поднялся. Немного посидел, прикрыв ладонью воспалённые глаза. – Где..?

– Где, где, на бороде. Очнулся, и то хорошо. На солнце можно так перегреться, что кожа потрескается, и мозги – в яичницу. В таком виде только в кино сниматься. Фрэдди Крюгером.

Прикосновение тонкой руки было неожиданно прохладным, снимающим боль и возвращающим память.

Ну, что же, очередной перелёт, то есть перенос, переброс, выкрутас прошёл нормально. Я опять неизвестно где, с чем себя и поздравляю. Порадовавшись тому, как мало это событие меня теперь трогает, я осторожно огляделся вокруг.

Окружающее радовало и душу, и тело. Солнце только-только появилось над далёкой линией горизонта, придавая воде неповторимый золотистый оттенок, проявляя разноцветное многообразие прибрежной гальки и выхватывая лучами резвящихся в воздухе чаек. Неподальку ровной линией тянулась растрескавшаяся от времени и солёного ветра каменная полоса пирса. Повернув голову, я встретился с выжидающим взглядом синих глаз, таких немыслимо ультрамариновых, что казалось, будто в пушистое обрамление ресниц заключены частички самого моря. Девушка сидела рядом, немного откинувшись, небрежно облокотясь на руку и подставив утреннему солнцу обнажённое тело, не прикрытое ничем, кроме развевающихся прядей.

Наверное, я дольше положенного не мог отвести взгляд, но зрелище того стоило. Её влажная гладкая кожа напоминала шелковую поверхность подводных растений, Мягких и упругих одновременно. Маленькая грудь такой же завершенной формы, как Раковина-пателла, сама просилась в ладонь. Длинные вытянутые ноги заканчивались Небольшими аккуратными ступнями с ноготками, подобными ряду перламутровых лепестков.

– Нравлюсь, – не спросила, а скорее констатировала моя новая знакомая. Неожиданно рассмеявшись, она вскочила и бросилась к морю, с разбега нырнув в волны.

А я остался сидеть дурень дурнем, отгоняя навязчивое ощущение, что никакой девушки не было и в помине, тупо смотря на волны и ловя себя на том, что если она сейчас вернётся верхом на дельфине, я совершенно, ну совершенно не удивлюсь. Даже если вместо дельфина будет зубастая акула...

Она вернулась и не одна. С ней, неизвестно откуда взявшись, вынырнуло ещё несколько молодых пловчих, тоже обнажённых, но странное дело, это казалось теперь абсолютно естественным. Удивительно же было то, что одна из них вывела на берег девочку лет пяти, темноволосую и ясноглазую. Трудно было себе представить маленького ребёнка, ныряющего на глубине.

– У вас что, сегодня конкурс морских красавиц или акция в поддержку нудистов? – вместо приветствия непроизвольно поинтересовался я.

Девушки дружно рассмеялись, а кроха спросила:

– Дяденька, а зачем на вас столько надето? Вам холодно? Или у вас лапы кривые, и вы стесняетесь?

Ответом ей был новый взрыв всеобщего веселья.

Я молчал, не в силах сказать хоть что-нибудь и откровенно наслаждаясь сей ошеломительной компанией. Они чинно расселись рядом, подставляя солнцу и ветру тела, слегка тронутые загаром. Малышка отошла и у прибоя принялась строить ракушечный замок, заталкивая внутрь упирающегося недовольного краба, который отчего-то не хотел быть королём.

Мою первую знакомую звали звучным именем Сэйерия Лайютаися. Я сначала подумал, что это розыгрыш, ведь таких имён не бывает. Они снова засмеялись и сказали, что не бывает у людей, а у них возможно. Я поинтересовался, у кого это у них. Все замерли. Удивление было написано на их лицах столь явно, что я даже растерялся. Молчание затягивалось. Потом кто-то из них робко поинтересовался, что же я делал здесь в такой ранний час и в таком странном виде. Моё появление их очень озадачило. Они сказали, что приняли меня за путешествующего дриальда – такое и раньше случалось, только редко – и долго не верили, что я всего лишь человек. Мне так и не удалось их убедить. Перейдя на непонятный певуче-свистящий язык, девушки что-то долго доказывали друг другу, возбуждённо размахивая руками и тыча в мою сторону тонкими пальчиками. Потом, видимо, им надоело, и разговор опять перешёл в привычное русло на привычном языке.

Сэйерия улыбнулась мне и ободряюще кивнула:

– Ты действительно странный. В тебе есть что-то необычное, недосказанное, как в чёрном ящике фокусника, из которого вдруг вылетают рыбы, сыплются кораллы и жемчуга. Мне кажется, что ты и сам не знаешь, кто ты и что тебе надо. Вот и бросает тебя из стороны в сторону, как корабль без руля и парусов, а волны выбрасывают то на один берег, то на другой.

Наверное, она и сама не знала, насколько была права.

Мы перебрались с ней поближе к пирсу. Я скинул куртку и штаны, правда, рубашку снимать не стал, пряча под ней печать, сидел на большом камне, болтая ногами в тёплой прозрачной воде, и курил. Столько лет мечтал попасть на море... И вот, воистину

не знаешь, где найдёшь, где потеряешь. Кто-то говорил мне, что рано или поздно, так или иначе, все наши желания обязательно исполняются.

– Ты называй меня для простоты Тася. Таисия. Меня и в городе так зовут. Что ты удивляешься, не вечно же мы здесь на берегу сидим. Скучно. Ну и что, что мы не люди. Нет, к русалкам не имеем ни-ка-ко-го отношения. Не ляпни нашим – обидятся. Мы – дэльфайсы! – она вызывающе вскинула прелестное личико. – А русалки... русалки по рекам и озёрам прячутся. Просторы не для них! Сами бледные, глупые, рыбы полудохлые, только и способны что кого-нибудь на дно тащить. Тоже мне хобби – трупы коллекционировать!.. Ладно, ладно, не смотри на меня так. Ну, приукрасила, ну, чуть-чуть! Хорошо. Не глупые. Не бледные. Не полудохлые, в море тоже встречаются, и мертвецы им ни к чему, но ведь они нас и сами не сильно-то любят. Мы для них изгой, хоть предки у нас и общие – уродины, скрестившиеся с людьми, – только русалки от воды ни ногой, то есть ни хвостом, а мы можем и так, и сак. Как угодно. И хвост нам без надобности – только мешает. В определенных моментах так особенно.

Склонив голову набок, Таисия посмотрела на меня лукаво-изучающе, демонстративно вытягивая неправдоподобно красивые ноги.

– Слушай, извини за любопытство... – я чуть смутился и решил сменить тему: – А как вы под водой разговариваете? Там же ведь... Ну, никак же не... Вот имя твоё, например. Как оно звучит по-настоящему, по-вашему – по-морскому?

Девушка быстро глянула на меня, Улыбнулась и вдруг, сильно запрокинув голову, издала переливчатый свиристый звук, оборвавшийся на высокой ноте, выпрямилась и пояснила:

– Мы так дельфинов призываем, а Имя моё звучит... – она снова улыбнулась, а потом вдохнула поглубже и выдала такой пронзительный крик, невыносимо тонкий, вибрирующий, что я от неожиданности зажмурился, хватаясь за уши, а сидящие на пирсе чайки, заполошно крича, взвились в воздух. На нас оглянулись, но Таисия помахала подругам рукой, и те снова вытянулись на песке. Я покачал головой и рассмеялся: – Вот это да!

Неторопливо, чутко оценивая ситуацию, подошла, уставшая играть одна, маленькая дэльфайса и уселась рядом на камне. Тася положила ей руку на голову, перебирая тёмные мягкие кудряшки. Девочка вдохнула и прижалась к ней щекой. Потом неожиданно пересела на мои колени, с любопытством разглядывая лицо, трогая волосы и шею. Наткнувшись на витую цепочку, осторожно вытянула из-под рубашки печать. Я аккуратно накрыл её ладонью, хоть никакой опасности и не ощущалось, ссадил ребёнка с колен, хлопнул по мягкой попке, посылая играть к загорающим девушкам, и повернулся спросить что-то у Таисии.

И упёрся в застывший, испуганный взгляд распахнутых синих глаз.

– Почему ты не сказал?! – голос выдавал непомерное усилие, с которым девушка удерживала себя на месте.

– Не сказал что?.. – опешил я.

– Кто ты?! Почему здесь?! Почему я?! Уплывай!!! – она не давала мне слово вставить, отодвинулась на безопасное расстояние и сидела, скрестив руки и плотно сжав колени, как будто это могло спасти её от меня и от неотвратимых теперь неприятностей. – И не надо мне врать, что ты нашёл её на дороге, в кустах. С дарственной надписью и инструкцией по эксплуатации. Мы, дэльфайсы, может, и отсталие по чьим-то меркам, но про эту вещицу тоже наслышаны, и что-то рассказы о ней не напоминают забавную сказочку – всё больше какая-то жуть.

– Прощу тебя, погоди! Я, правда, нич... – начал я, но Тася, не слушая и не оборачиваясь, уже пошла к подругам.

Внезапно завизжали девичьи голоса, радостно и слаженно, приветствуя подъезжающих мотоциклистов. Раздались ответные гудки. Рядом с пляжем остановилось несколько "Харлеев", на которых, как когда-то мы шутили, ездят одни только Дэвидсоны. Ребята, прибывшие на них, без всяких шуток и выглядели настоящими "дэвидсонами": татуировки, кожаные ремни, чёрные очки, тёмная одежда и повязки на головах – всё было в наличии, не говоря уже об их легендарном транспорте. По реакции моих недавних приятельниц можно было догадаться, что они здесь более чем желанные гости. Быстро натягивая неизвестно откуда взявшуюся нехитрую

одежду, еле-еле прикрывающую самые интимные места, – хотя я думаю, что при таком-то эскорте можно танцевать канкан абсолютно голыми даже на центральной площади, – перешучивающиеся дэльфайсы расселись по мотоциклам. Туда же посадили счастливую малышку, которая смеялась и кулачком жала на гудок.

Лишь Тася никуда не спешила, слишком тщательно расправляя короткий полосатый сарафан, оглядываясь на меня задумчиво и нерешительно. Парень, стоящий около неё, стрельнул в моём направлении цепким, оценивающим взглядом, что-то не громко спросил, махнул рукой остальным – мол, уезжайте, догоним! – и направился в мою сторону. Я поднялся ему навстречу.

2

– Послушай, Василий. Мне глубоко плевать, что говорят о нас с Тасей и те, и эти. Я её люблю... и точка! Я ещё в детстве знал, что у меня всё произойдет не как у всех. Да и тошнит уже от этого игрушечного жития-бытия, когда женятся из-за квартиры или стремительно растущего живота невесты. В гробу я видал такие сходки-разводки с кучей брошенных детей, алиментами, судами и ненавистью до конечного старческого маразма. Деньги меня не волнуют, сколько надо – столько и будет. Да не в них дело и не в их количестве. И даже не в старине Харли! – он усмехнулся, кивнув в сторону своего мотоцикла.

Вот уже полчаса мы сидели на том же самом камне, курили и разговаривали, глядя в зыбко колеблющуюся воду. Тасе быстро надоело нас слушать. Успокоившись и снова скинув сарафан, она улеглась рядом загорать.

Парня звали Артёмом. С первой же секунды было ясно, что я ему не враг и Тасе не угроза, что сам нуждаюсь в помощи и совете. Мне даже ничего не пришлось говорить. Он просто подошёл ко мне мягкой уверенной походкой профессионального бойца, спокойно протянул для рукопожатия крепкую ладонь и, когда наши руки встретились, сдержанно улыбнулся, признавая во мне своего. Потом посмотрел на Таисию и, подмигнув ей, заулыбался уже широко. Та вздохнула и пожала плечами.

Теперь она загорала неподалёку, делая вид, что мы её совершенно не интересуем.

Выслушав компактный вариант моей истории, Артём почему-то сразу же поверил в её истинность, по ходу задавая лишь короткие дельные вопросы и иногда смешно комментируя.

Потом рассказал свою историю, не менее впечатляющую.

Невесту себе он выловил, ни много, ни мало, в море-окияне сетью, лет семь-восемь назад, проходя практику на небольшом рыболовном судне. Когда вытащили улов, среди копошащейся рыбы обнаружилась неподвижная холодная рука. Сбежалась команда во главе с капитаном. Галдя и мешая друг другу, стали раскапывать. Вытащили тело, облепленное тиной и чешуей, плеснули из ведра водой – тут-то всё и закрутилось. Кажется, кто-то сдавленно ахнул и выругался: "Русалка, мать её...". Разом забыли про искусственное дыхание. Стояли и глазели. Вперед протиснулся Петрович, в прошлом неплохой фельдшер, пощупал у неё запястье, отыскивая пульс, обнаружил за ушами слегка трепещущие жабры, хмыкнул и подытожил: "Жива, стерва". Потом капитан предложил перенести её к себе в каюту, при этом прятал взгляд и сделавшиеся лишними руки. Команда топталась рядом, выражая собой полную бесполезность. Мнения разделились: половина предлагала продать нежданно свалившееся богатство в институт на опыты или секретным службам на экстренные задания, другая половина большей частью молчала, пристально разглядывая очевидные достоинства девичьего тела и что-то бормоча про то, что море не война – уж точно всё спешет. Артём не помнил, как оказался около девушки, прокладывая себе дорогу локтями и кулаками, расходясь не на шутку, понимая, что нет у него дороги назад, удачных уловов и капитанского будущего. А если он выживет, то не будет иной судьбы кроме этого Морского чуда, так и не открывшего своих распрекрасных глаз. Тем временем обе половины команды сплотились в единое целое, видимо решив, что приемлемы и тот, и другой варианты вместе, а последовательность можно обсудить позднее, после того как будет устранён свихнувшийся стажёр. Драка была жестокой. Молодой человек никак не соглашался добровольно прыгать в море, явно предпочитая умереть на месте.

Наконец, схватив за руки и за ноги, его швырнули в набежавшую волну. Удостоверившись, не всплыл ли, рванули к русалке, опять не сходясь во мнениях относительно первоочередности использования. И долго стояли, растерянно и молчаливо, понимая, что проклятая девка как есть сбежала, и теперь ищи-свищи ветра в поле, а рыбу в море.

...Сквозь слегка приоткрытые глаза девушка прекрасно видела всё, что разыгралось на палубе. Подождав, когда хрустнула первая кость, и дикий крик оповестил о наличии пострадавшего в команде атакующих, она, стараясь не привлекать внимания, передвинулась поближе к борту. Почему-то медля, с непонятной для неё тревогой наблюдала, как полетело вниз бесчувственное тело, неловко ударившись о воду. Она прыгнула следом, не только обретая свободу, но и желая отблагодарить человека, только что спасшего ей больше, чем жизнь.

Сразу же нырнув как можно глубже, увидела его, парящего в синеве подводного неба и постепенно опускающегося всё ниже и ниже. Схватив юношу за волосы, она вытолкнула его на поверхность. Позвала дельфинов, но те не откликнулись, видно были слишком далеко, поэтому долго сама буксировала его к берегу. Девушке повезло: в том месте, где она выползла на камни, волоча за собой тело, совсем рядом, прямо вдоль пляжа проходило шоссе. Первая же машина, сигнала и визжа тормозами, свернула на обочину и остановилась.

О "юноше, якобы подружившимся с дельфинами", писали местные газеты. Артем тогда изрядно устал от назойливых корреспондентов, но тут в соседнем посёлке родился двухголовый телёнок, и история чудесного спасения затёрлась, сменяясь новыми событиями.

Артём же ничего не забыл. Немного поразмыслив и сопоставив расстояние от места, где он очутился в воде, до берега, на котором его нашли, он пришел к невероятным выводам: оказалось, что в бессознательном состоянии он поставил новый местный рекорд на пятикилометровой дистанции... В дельфинов он не верил.

Друзья отмечали, что после больницы он стал задумчивым и замкнутым, пристрастился гулять в одиночестве, оставляя в гараже свой Харлей (!) и, как правило, по самому берегу "самого синего моря", купаясь и заплывая далеко за буйки. Но они списывали это на посттравматическое состояние. Договорились оставить его в покое и ждать – авось, само пройдет.

Артём не помнил, кто уговорил его пойти в ночной клуб. Всё потеряло смысл, умерло и родилось заново, когда маленькие прохладные руки легли ему на плечи, и мелодичный голос спросил, можно ли пригласить его на танец. Знакомые очень светлые волосы теперь были убраны в сложную причёску, но фигуру и лицо он узнал бы из целой толпы даже пьяным.

С тех пор прошло два года.

Несколько друзей были посвящены в невероятный факт существования дэльфайс. Удивление и сомнения улетучились при первом же взгляде на девушек. Ребята шутили, что они – тайная ложа "Вол'ных байкеров", и что пора крепить к "Харлеям" паруса да уходить в открытое море. Не нужно было просить хранить молчание. Все прекрасно понимали, что реакция рыбаков на Таисию была скорее обыденным правилом, нежели исключением. В худшем случае девушек просто и цинично забили бы камнями. Во избежание неприятностей и для всеобщей призрачной безопасности. А вдруг они топят и пожирают детей?

3

– Вась, печать-то покажи. Не буду я руками её трогать. Обещаю. Есть у меня за что приятно подержаться, – он бросил взгляд на нежащуюся неподалёку дэльфайсу. – Что ты сама-то о ней думаешь? Естественно, о печати...

– Думаю, что это, в какой-то мере, простейший телепорт, – я пожал плечами и добавил: – Только не определил пока, как им пользоваться. Уверен, печать работает ещё и как определённая защита. К тому же, она сама выбирает себе хозяина, и отнять её невозможно.

– А вот я сейчас проверю! – Артём засмеялся и, грозно сдвинув брови, протянул вперёд руку, усиленно изображая бандитское нападение.

Я непроизвольно отодвинулся, но из центра камня уже выросло, ветвилось голубое деревце. Секунда, две. Молния образовала как бы искрящуюся живую арку, соединяющую синий камень и лицо Артёма, ставшее удивленным и по-детски беззащитным.

Я отскочил, но печать существовала сама по себе, зависнув в воздухе маленьким летающим объектом, гудящим и горячим, натягивающим цепь на моей шее.

От пронзительного крика заложило уши – Тася, в невероятном затыжном прыжке пролетев в нашу сторону, отбросила Артёма вбок, вместо него попав под мерцающую голубую ветку. На секунду молния обтекла девушку, заключив её в переливающуюся ртутную скорлупу, чуть приподняла, потащила по воздуху над полосой пирса и зашвырнула далеко за линию прибоя, с неприятным звуком сильно ударив об воду, и тут же исчезла, будто выключилась, напоследок шмякнув печатью по моей груди.

– Не успею, – только и выдавил я, бросаясь бежать по каменному молу, пытаюсь не потерять то место, где в волне скрылось тело.

Сзади взревел двигатель, пахнуло бензином и, обгоняя меня, по каменной полосе мимо рванул на своём Харлее Артём. Не останавливаясь на краю причала, грохочущая машина оторвалась от твёрдой поверхности и, описав дугу, тяжело рухнула в море вместе со своим седоком.

Припекало полуденное солнце. О камни разбивались прозрачно-зелёные волны с белой зефирной пеной. Кружили чайки. Пейзаж совершенно не соответствовал моменту.

Прошло минута. Две. Три. И, наконец, показалась... Таисия со шлейфом блестящих волос, тянущихся из глубины.

– Помоги, – только и выдавила она, с трудом выпихивая на камни Артёма. Он не дышал. – Какой дурак! О море, какой дурак! Ну, что со мной будет?! Ведь не изжарило, а если сразу в воду окунуть, так и вообще ничего не страшно. Васенька, ну сделай что-нибудь! Что-нибудь!!! Ну же!!! А-а...

Дэльфайса рыдала уже в голос, закусив в отчаянье губы и заламывая руки, как обычная человеческая женщина.

Я тронул её за плечо... Хорошо. Ладно. Хуже (куда уж хуже?!) не будет. Я зажал печать в ладони, закрыл глаза и сосредоточился. Сиди смирно, нервная ты моя защитница!.. Что же делать?! Как там первая помощь-то оказывается? Вот чёрт, неужели забыл?!.. От ужаса, что не смогу и не сумею, похолодело в груди. Панически обмерло сердце... Сердце, сердце, сердце... Шум прибоя зазвучал прямо в сердце, попадая под его удары. Тик-так, так... Сердце или часы времени отбивают неустойчивый ритм?.. Море, море, море, но не живое, а нарисованное на картине Айвазовского. "Смотри, какая прелесть, – говорит кто-то рядом и берёт меня под руку, – Тема, слышишь... Ну, куда ты смотришь?". Почему же Артём, ведь я Василий. Или уже нет?..

Кто-то действительно взял меня за руку, не надо так трясти, оторвёшь же... Тася, зачем ты мечешься от одного к другому? Я в полном порядке, вот только Теме надо физиотерапию...

Постепенно я приходил в себя. Теперь я точно знал, что мне делать дальше. Пришлось отвесить Таисии оплеуху и оттолкнуть в сторону, чтоб не мешала.

Я нагнулся над Артёмом и поставил печать символом вниз прямо на солнечное сплетение – раз, наложил сверху руки – два, и с силой надавил! Ттрррии!!! Готово.

– Друг, ну, что ты так орёшь? Тыфу, точно дурак, бить-то зачем, синяк ведь будет. Печать послушно выдала порцию тепла и света, и теперь Артём сидел рядом, ничего не соображая, молотя в воздухе кулаками. Одежда на нём была совершенно сухая. Я хмыкнул – хорош! – пожалуй, не достаёт только гвоздики в петлице.

– Ну вот, Тася, получи в целости и сохранности. Подписи не надо, а печать поставили. Любимый твой, смотри, уже в себя пришёл – молодец! И взгляд вполне осмысленный. Кстати, куда вы оба смотрите с таким интересом? – продолжая говорить, я заинтриговано повернул голову.

На берегу на ближайшем камне сидел Врахильдорст. Он улыбался.

И нарочито медленно аплодировал.

– Браво, Василий. Ты делаешь явные успехи.

Он помолчал, заулыбался ещё шире и обратился к моим новым знакомым:

– Моё почтение, леди. Восхищён вашей несравненной красотой. Вы самая очаровательная дэльфайса, какую я когда-либо встречал. В этом мире. Юноша, примите мои поздравления. У вас умопомрачительная невеста. Буду рад посетить свадебную церемонию. Весьма. Разрешите, я ненадолго украду вашего нового знакомого, на пару минут и пару слов. Василий, пойдём, прогуляемся за вот эту живописную кучу камней. Моё почтение, мы не прощаемся.

– Вася, это что еще за клоун? – услышал я вслед удивлённый голос Артёма. Я обернулся и молча развёл руками.

Я, как всегда, посадил дофреста на плечо. Он безостановочно говорил:

– Ты прав, конечно же, прав. Если не считать королевской печати, я – единственный твой способ перемещения туда-сюда-обратно, а с ней ты обращаться пока что не умеешь. Как мы недавно убедились... Пришлось же нам попотеть, пока мы тебя обнаружили, и ведь несказанно повезло, что печать оставляет за собой некое подобие призрачного шлейфа. След держится несколько минут, а потом растворяется. К слову сказать, представляешь, каково нам было, когда ты вдруг начал исчезать. Едва удалось засечь направление, хоп! – тебя уже уволокло. Так шустро даже у меня бы не вышло. Что ж, пришёл момент менять тактику, практику и энфактику. Теперь я тебя удивлю. Назад поедem весьма экстравагантным способом. У нас времени до вечера, на закате возвращаемся, а то профессор волнуется, понимаешь ли – нравишься ты ему, что поделать. Да и книжек поучительных раскопали аж целую стопку. А ведь их ещё и прочесть нужно, причём, тебе, а после топать дальше. Ты не забыл, что у нас есть великое "дальше" и не менее великая цель с посещением особо важных персон, включая королевский приём с торжественным обедом?

Враххильдорст тараторил и тараторил, перепрыгнув на ближайший камень и развернувшись ко мне носатым лицом:

– Как же здесь хорошо-о-о! Может, искупаемся? Ты тут уже полдня – в море-то залезал? Вася, ты чего хохочешь? Что я такого сказал смешного-то, а? Перестань...

Кажется, я сто лет так не веселился. Всё напряжение прошедших дней разом свалилось мне на плечи, и я сбрасывал его, смахивал, как прилипший мусор, трясаясь от смеха, обретая, наконец, возможность хоть ненадолго расслабиться и насладиться морским ветром, прозрачностью сверкающей водной глади и ослепительным южным солнцем – когда потом выпадет такая удача снова? Вдруг впереди тьма, промозглые болота с комарами, насморк, сырые ботинки и затяжные дожди?

Выскочили из-за камней ребята, чтобы узнать – по какому случаю такое оживление? Ничего не поняли, но через минуту смеялись вместе со мной, даже Врахх захихикал, всё громче и громче по мере нашего совместного рассказа.

– ...Я и не собирался её лапать, я ж пошутил, – вещал в свою очередь Артём, – а она – зануда, оказалось, шуток не понимает. Как шарахнет меня – в глазах замельтешило, глюки пошли классические. Стало казаться, что печатка живая и говорит мне что-то, только я не разобрал: язык был непонятный, певучий такой, и слова растягивались. Потом второй раз шарахнуло, но уже по-свойски, как в спарр... хоп!.. ринге – привычно, я сразу в себя пришел. Смотрю, Тася в небе парит и сияет. Финиш, думаю, приехали, ангелом стала. Потом чувствую, нет, что-то здесь не так. С таким выражением на лице не возносятся. А уж когда эта гадость её в море зашвырнула, понял, – хана! – не видать мне больше Таисии, как своих ушей. А про такое я думать не могу-у!!! Сам знаешь, сержусь сильно. Вот и опять осерчал не на шутку. Одна только мысль и осталась – мне без неё не жить. А тут ещё ты под руку, только и твердишь, что не успеем. Ага, не успеем, а кони у рыцарей на что?! Вот это был прыжок так прыжок. Ну, и донырлялся я до конца. До победного. До темноты в глазах и шума в голове. Казалось, что я не в море утонул, а в собственном горе. Пожрало меня отчаяние. Целиком. И вдруг сердце как толкнет что-то, да так резко, так больно, будто оно футбольный мяч, и по нему пробил решающий пенальти. Решающий всё. И ведь главное, что попали. Вася, ты прости, я, вроде бы,

дрался. Вон у тебя какой фингал расплывается. Красотища! Это у меня с детства – чуть что, сразу в глаз. Привычка – дурища, вторая натурища... А в груди до сих пор болит. Может, тоже синяк остался? – продолжая говорить, Артём, не глядя, задрал рубашку, показывая то место, где у него "якобы болит".

Прямо в центре, на месте солнечного сплетения резко отпечатался багровый след от королевской печати. Настолько чётко, что видна была каждая буква, каждый листик на веточках, обвивающих изображение короны.

Артём присвистнул.

– Вот это да, татуировка просто super! Получилась, что надо, на всю оставшуюся жизнь. Я теперь меченый-читанный, что ли? Или это вместо почётного ордена на память?

– На вашем месте я бы не радовался, молодой человек, – дофрест задумчиво тёр лоб, поглядывая то на оставшийся след, то на притихшую дэльфайсу. – Вот и девица-красавица такого же мнения. Сомневается в оказанной чести. Молчит весьма и весьма красноречиво.

– А что тут скажешь. В легендах о таких отметинах нет ни всплеска, ни шороха, лишь намёки, – глубоко вздохнула Таисия. – Я читала, что печать являет собой некое мерило истины, проявляет настоящие чувства и поступки. Носящий её непроизвольно вмешивается в ход событий, обостряя, ускоряя ситуацию и стремительно приближая развязку, влияя на людей, заставляя их вести себя естественно и более соответствующе их натуре. И не только на людей. Посмотрите, сегодня всё началось из-за печати: она спровоцировала несчастный случай, правда, потом сама же и исправила последствия. Я же ей очень благодарна, – чуть тише прошептала девушка. – Не будь сегодняшнего происшествия, я, может быть, так никогда и не узнала бы – люблю ли... – она виновато глянула на Артёма. Тот лишь качнул головой и улыбнулся. – Люблю ли я тебя... Да, милый. Сначала я ощущала лишь благодарность – ведь ты спас мне жизнь. Потом – любопытство: ведь никто и никогда не любил меня. Но однажды... Помнишь, как-то я не ушла ночью в море, а осталась с тобой смотреть на закат? Вот тогда-то всё и началось. Губы, твои губы были настолько тёплыми... не чужими, не безразличными, а бережными и такими ласковыми... Я вдруг почувствовала, что моё сердце стучит чаще, а тело заполняется волнами тепла. Будто само море перекачивалось в моих венах. Это было так необычно, удивительно. И самое главное, что это мне понравилось! Потом были и другие закаты. Подруги, естественно, меня не одобрили, и я, наверное, всё же согласилась бы с ними, если бы не твой приход, Василий. И если бы не печать...

– Уважаемая Сэйерия Лайютайся, – закивал Врахильдорст. – Сейчас уже можно говорить о том, что вам троим сказочно повезло. Происшествие закончилось благополучно, но могло быть и по-другому. Если бы молодой человек не любил вас по-настоящему, если бы то, что он чувствовал и чувствует к вам, вдруг оказалось подделкой – страстью, привязанностью, привычкой, просто желанием обладать вами, как диковинной вещью, возвышающей его в глазах окружающих, – он бы погиб. Потому, что только истинная любовь обладает способностью творить жизнь.

– Любимый, – синие глаза Сэйи наполнились слезами. – Сегодня я впервые испугалась, что потеряю тебя. Только увидев, что ты умираешь, я поняла... Артём, ты для меня – больше, чем море.

С грохотом разбилась о камни очередная волна, и наступила необычная тишина, будто море отреагировало на слова дэльфайсы и растерянно отхлынуло, обидевшись на её признание.

– Может, нам отойти подальше от берега? – спросил я, внимательно разглядывая колеблющуюся поверхность. Чувство опасности не давало мне покоя.

– Тась, ради тебя я готов проститься и с жизнью, и с Харлеем... – не обратив внимания на мой вопрос, промолвил Артём, крепко обнимая Сэйю.

– Что ж, – как ни в чём не бывало продолжал дофрест, – вы проверили свои чувства, а Василий получил неоценимый урок. Но сердце мне подсказывает, что это далеко не конец, – он посмотрел на нас с выражением строгого школьного учителя, поставившего за экзамен пятёрки, и, однако, чем-то недовольного, как будто мы использовали шпаргалки.

– Ух, Василий, так и знал, что это из-за тебя, – сказал Артём, легонько толкая меня в бок. – Я тут думаю – пора всё менять. Каждый день, как подарок, а в воздухе давно уже что-то витает, вот-вот прорвётся какой-нибудь дрянью. Девчонкам-то, как они говорят, до морской каракатицы, им лишь бы пляж их любимый не портили. Наивные! В городе давно слухи ползут. Поговаривают, что инопланетяне из воды выходят, ночью дно светится, а в небе тарелка висит. Тась, ну, что ты так на меня смотришь? Я на центральной площади народ не агитировал. Вести себя твоим подружкам нужно было скромнее – глазки в пол и волосы в косичку. Бабки потихоньку звереют, местные девицы стервенеют. Ну, не бить же их, какие ни какие, а они тоже женщины. А сегодня мне передали, с утра прикатил подозрительный тип, назвавшийся спецом-корреспондентом. Очень дотошный. Интересовался у народа про тарелку, место просил показать. Хм, за деньги любой согласен! Так что мы – да, Тася? – уезжаем, перебираемся в город побольше, где люди – толпа, и ни до чего ей нет дела!..

Дэльфайса, не ответив, высвободилась из его объятий и со странным выражением на лице посмотрела вдаль, потом вздохнула, глянула себе под ноги и непроизвольно подняла несколько камешков.

– А купать ты её в ванне будешь? – с сомнением поинтересовался дофрест.

– Если надо, купим надувной бассейн. И каждый год – отдыхать на побережье! – уверенно возразил Артём.

– Что-то энтузиазма на лице у девушки не видно. И загрустила опять же. Таисия сидела задумчивая и складывала маленький Стоунхендж. Вдруг подняла голову и прислушалась. К нам медленно спускались уже знакомые байкеры. За ними чуть поодаль шли девушки. Все были странно притихшими и печальными, только маленькая дэльфайса с упоением доедала подтаявшее мороженое, не поддаваясь всеобщей меланхолии.

– Сэйя, мы уходим. Быстро. Прощайся! – крикнула ближайшая девушка. – У нас очень мало времени. Сейчас здесь будет людно!..

– Я уже знаю, – сказала Тася, даже не двинувшись с места, только ещё ниже опустила голову.

– Раз знаешь, так быстро! – недовольно добавила другая. – Прости, Тёмочка, любовь окончена. Подругу себе ещё найдёшь. Ты у нас парень видный, до Сэйи, небось, девицы гроздьями на шее висели – выбирай любую или всех сразу, а нас волна зовёт! Говорили нам – чем ближе к людям, тем хуже для здоровья. Ну, что вы, мальчики, так обиделись? Конечно, с вами было весело, весьма познавательно, а теперь, чао, machos.

Дэльфайсы сутились по берегу, производя непонятные с первого взгляда манипуляции, перекладывая камни на берегу и что-то бросая в воду, в которой постепенно начинала высвечиваться мерцающая зеленоватая полоса, уходящая от берега прямо в морские глубины. Сквозь переливающуюся толщу угадывалась ровная наклонная дорога, выложенная каменными плитами, уводящая неизвестно куда, и в этой неизвестности светились, пульсируя и разбегаясь, размытые живые огоньки – путеводные маячки отступления.

Среди озабоченно собирающихся дэльфайс в молчании замерли брошенные байкеры, в одно мгновение переставшие существовать для них, став ушедшим прошлым, легко забытым и теперь несущественным. Это было настолько явно, так оскорбительно очевидно, что, казалось, ещё секунда, и назреет скандал.

– Вы не можете вот так взять и уплыть. Только из-за того, что накрылось это фиговое место, вы даёте дёру??? Перейдём куда-нибудь дальше – побережье тянется до горизонта. Вам что, мало?! – заговорил один из них, видимо, из последних сил пытаясь оставаться спокойным. Потом, не выдержав, перешёл на крик. Его, наконец, услышали:

– Это место единственное в своём роде, и если вы не понимаете, то нам вообще не о чем разговаривать. И мы сами решаем, где и с кем нам быть. Никто не смеет нами командовать, – старшая дэльфайса остановилась около него и говорила размеренно, монотонно, наставляюще. – Красавчик, не капризничай! Мне было с тобой так чудесно. Не грусти, всё когда-нибудь кончается. Прилив сменяется отливом, а шторм – штилем. Я буду вспоминать о тебе... ну хочешь, с нежностью. Прощай!

И тут она совершила грубую ошибку – видимо, желая как-то исправить зыбкое положение, протянула руку и погладила по щеке своего бывшего любовника. Он отшатнулся, как от пощечины, зло выругался и замахнулся на растерявшуюся девушку, но, передумав, цепко схватил её за руку и поволок к мотоциклу.

– А может, и не было никакого корреспондента? Может, это ты проболтался о нас??? – взвизгнула та, безуспешно пытаясь вырваться.

– Заткнись! – прошипел в ответ парень, на секунду остановившись, глянул на неё уничтожающе, одним своим видом подтверждая её догадку. Девушка ахнула и от неожиданности – неужели правда? – на какой-то момент перестала сопротивляться.

Но тут остальные дэльфайсы бросились ей на выручку, вмиг образовав единую кучу малу. Байкеры тоже не зевали: воодушевлённые поданным примером, вытаскивали по одной своих бывших подружек, явно намереваясь не дать им беспрепятственно скрыться.

– Тася! Ни шагу! Вась, присмотри за ней... Я сам разберусь! Сам!!! – бросил мне Артём и решительно вклинился в общую свалку, раскидывая сцепившийся клубок на отдельные разъяренные составляющие. Развернулся, прикрывая собой девушек. Тут же получил ощутимый короткий тычок в бок. Не раздумывая, ответил, уходя в сторону и успевая удивиться жесткости и силе удара, нанесённого по нему. По своему крутанулся, разворачиваясь, плавно нагибаясь и одновременно выбрасывая назад ногу, жёстким концом ботинка приходя кому-то по голени. Привет, чувак, получи – распишись. Отступил на полшага в сторону, уклоняясь от летящего в висок кулака, пропуская его мимо лица и слегка разворачивая своей ладонью, захват, вперёд, вверх, сильный толчок. Бывай, не кашляй. Удар... Ну, что же вы все на одного?! И про барышень совсем забыли. Удар... Остановитесь! Удар... Откуда такая ненависть? Никогда не думал. Что когда-нибудь. Придётся. Биться. Со своими!

Никто не дерётся так зло, неоправданно беспощадно и свирепо, как бывшие друзья. Убивая насмерть, зная своего противника, как самого себя, чувствуя и предугадывая любое его движение, встречая его болью и яростью. Здравствуй, друг. Умри, враг.

Стремительно короткая, ожесточенная схватка. Кровь на камнях, разбавленная солёными брызгами. Дэльфайсы, замершие по колено в воде в сиянии набегающих волн.

Потом всё разом закрутилось, закричало, задвигалось. И не нужно мне больше удерживать Тасю, рвущуюся в драку за любимым. И неважны и бессмысленны угрозы уезжающих байкеров.

Подожёл Артём:

– Тась, не плачь. Тася... Я живой! А кровь – так она не моя. Если что, меня Василий опять пропечатает, и буду, как новенький, – он гладил и гладил её по вздрагивающим плечам.

– Сэйя, уплываем! Быстрее!!! – подбежала одна из подруг. Она скинула одежду, и я с удивлением заметил, что тело девушки начало медленно трансформироваться, выступая серебристым плавником вдоль позвоночника и наращивая перепонки между пальцами рук.

– Барышня! Вы что не видите, что она не хочет? – проговорил я, заслоня собой обнимающуюся пару. – И вообще, влюблённым мешать – это моветон.

– Ну, не будь же душой... Сэйя!!! – с трудом стараясь не замечать меня, продолжала дэльфайса. – Зачем он тебе?! Тебе?! Если останешься с ним – никогда не сможешь вернуться в наш город. Ты всегда поступала по-своему, но сейчас мы просим тебя, умо-ля-ем – пойдём с нами! – она явно нервничала. Другие, замерев, молчали, но и без слов было видно, как они расстроены перспективой потерять подругу. – Скорее, коридор меркнет. Надо спешить. Сэйерия! Сэйий!!!

– Простите меня... но я не с вами. Я с ним! – девушка лишь сильнее вцепилась в обнимающие руки, всем телом прижимаясь к Артёму.

– Что ты несёшь? Быстрее! И ради какой бездны ты его тогда вытаскивала?.. Пусть дельфины людей спасают!.. Идём же!!! Нет?.. Но почему нет?? – последние слова слились и перешли в пронзительное свиристение.

– Я люблю его!!!

– Какая ещё любовь?! Ты что, воздуха передышала?.. Он же человек!!!

– Не-е-ет!!!

Крик, хлёткий, как удар прибоя, отгораживающий, перечеркивающий то, что было, и то, чего не было.

Крик, проступивший в воздухе подобно черте между нами и уходящими в море девушками.

Неожиданно вернулась маленькая дэльфайса, теперь похожая на перламутрового ангела, но вместо крыльев с мягким полупрозрачным плавником между лопатками. Подойдя к нам вплотную, поступью, не оставляющей следов на песке, она потянула меня за рукав, заставляя присесть. Её грустные глаза были так близко, что превратились в две огромные голубые планеты, переливающиеся и живые. Они придвинулись, постепенно заслоня собой небо и море. Я ощутил дуновение теплого ветра, маленькие нежные губы еле ощутимо прикоснулись к моей щеке.

– Прощай... – прошептала девочка и, чуть помедлив, протянула мне плотно сжатый кулачок, осторожно разжимая пальчики.

На ладонке лежала большая жемчужина, неправильно вытянутая, густого жёлтого цвета, чем-то напоминая большую косточку лимона. Я зачарованно взял её двумя пальцами, не зная, что же делать со столь необычным подарком. Кажется, всего только мгновение я разглядывал своё новое приобретение, но когда опять посмотрел перед собой, малышки уже не было, и только волны монотонно набегали на пустой берег.

5

К вечеру похолодало. Наползли тучи, пузатые, клубящиеся, заполнившие собою всё небо. Они постоянно двигались, сталкивались и перетекали друг в друга, переливаясь всевозможными оттенками синего и серого. Море потеряло прозрачность, накатываясь теперь тяжёлым свинцовым одеялом, оставляющим после себя на берегу обрывки гнилых водорослей и медуз. Невесть откуда налетело множество чаек, принёсших на своих крыльях суету и непрекращающиеся крики.

Мы перебрались повыше, нашли укрытое от ветра место и уселись на траву.

– У меня такое чувство, будто сегодня день моего рождения. Подарки сыплются с неба, точно его расстреляли картечью, и оно напоминает решето. Только не ленись собирать, – я задумчиво крутил в руках загадочный подарок маленькой дэльфайсы.

Таисия кивнула и взяла у меня жемчужину. Та тут же ответила на прикосновение, медленно разгораясь изнутри золотистым неярким свечением. Уже через минуту она стала похожа на крошечного светлячка. Подержав немного, девушка вздохнула и протянула мне её обратно. Помигав на прощание, мой драгоценный подарок угас, снова став обычной жемчужиной, если это определение вообще можно было к ней как-то применить.

– Это косточка плода подводного дерева, растущего на такой немыслимой глубине, что никто из живущих людей никогда и не видел нашего сада. Наверное, мне тоже больше не доведётся. Сердце подсказывает, что вчерашний день утонул безвозвратно, и ничто не может вернуть его беззаботность и праздничность. А мне путь домой заказан. Навсегда. Что ж, я сделала свой выбор и ни о чём не жалею, – дэльфайса взяла Артема за руку и, развернув её ладонью кверху, удобно устроилась на ней щекой. Тот, приблизившись к уху девушки, что-то нежно ей прошептал. В ответ она фыркнула и счастливо рассмеялась.

– И куда вы теперь?.. – улыбнулся и я. В груди тоскливо защемило, напомнило о себе своё собственное, бережно хранимое воспоминание.

– А ты? – вопросом на вопрос ответил Артём. Я пожал плечами. Он усмехнулся и продолжил: – Вот то-то и оно, что какая разница. Куда бы мы ни пошли, есть у меня глубокое убеждение, что мы с тобой теперь связаны накрепко в один неразрывный узел, – Артём потёр место, где под рубашкой пряталась весьма специфическая отметина. – Дороги у нас, может, и разные, да вот судьба одна. Как я понял, конец света всё-таки ожидается, хоть его многие и не заметят. Вопрос выбора встанет перед каждым, а отказ от выбора тоже есть своеобразное решение поставленной задачи, – он резко рубанул в воздухе ладонью. – Каждый имеет право на

то, что слева, и то, что справа. Выбирая свою жизнь, мы выбираем прежде всего то, каким образом она закончится. Короче, если суждено – свидимся!

Тася легонько коснулась моего плеча, снимая с него невидимую глазу пылинку:

– Ты, Васенька, береги себя. Себя, дофреста, печать, жемчужину... Великий океан, как много получается! Про последнее твоё приобретение скажу, что если она и не обладает такой же силой, как королевская печать – тут ей и по рангу не положено – но что-то она умеет несомненно. Например, определяет отравленную или заговоренную жидкость, изменяя её цвет на чёрный, имеет небольшую власть над водой – тут уж ты сам пробуй, экспериментировать. Каждая жемчужинка творит чуть иное, что-то неповторимо своё, личное. Если же она получена в подарок, сделанный от чистого сердца, то сила её увеличивается втрое. По крайней мере, в этой вещи нет тёмной глубины, как в первом твоём сокровище...

Прощание наше явно затягивалось. Мы понимали, что стоит лишь подняться и разойтись, как события сегодняшнего дня окончательно завершатся. Настал момент, когда всё было сказано и повторено неоднократно. Нам осталось лишь одно мгновение из тех, которые помнятся потом всегда: спокойный взгляд глаза в глаза, хлопок по плечу, рукопожатие, может, встретимся ещё. Обязательно встретимся – когда-нибудь.

И вот только два силуэта быстро удаляются по дороге, держась за руки и не оглядываясь. Вслед, провожая, потекли погрузившие тучи, осыпаясь мелким морозящим дождиком, не долетающим до земли и зависающим в воздухе влажной микроскопической пылью.

Врахх выразительно зевнул и вытянул намокший хвост. – Пора, – только и сказал он.

Решительно, по-собачьи отряхнувшись, он звонко хлопнул в ладоши и что-то невнятно пробормотал. На подставленной ручке медленно сгустилась из воздуха металлическая коробочка, напоминающая табакерку.

– Эта табакерка, – подтвердил мои мысли дофрест, – содержит внутри весьма любопытный порошок, свойства коего так и не изучены окончательно. На чём основано его действие – до сих пор остаётся загадкой, темой для бесконечных разговоров и гипотез. А по мне – так без разницы. Службу свою он служит исправно.

Враххильдорст очень осторожно приоткрыл коробочку и высыпал себе на ладонь небольшое количество её содержимого. Внешне это напоминало ровную горку обычной пыли, серой и невзрачной.

– А это и есть самая что ни на есть прозаическая пыль, но собранная, – дофрест сделал многозначительную паузу, подняв вверх указательный палец, – на полках библиотеки, которую тебе посчастливилось посетить. Ощущая себя неотъемлемой частью этого удивительного пространства, пыль стремится вернуться назад, так как не принадлежит сему миру. Направляясь домой, под прикрытием книжных полок, она прокладывает дорогу, как путеводная нить Ариадны, и поможет попасть туда, где нам действительно следует быть уже давно.

Он разделил горку на две неравные части, большую протянул мне, аккуратно сместив её на тыльную сторону моей ладони.

– Давай быстрее, пока она не намокла.

– А что быстрее-то? – не понял я.

Врахх не ответил, лишь картинно что-то обрисовал в воздухе ручкой. Я вздохнул и посмотрел на крошечную серую Фудзияму – что там дофрест говорил о необычном способе перемещения, которым мы должны якобы вернуться назад? Подождав немного неизвестно чего, ощущая себя заправским наркоманом, я наклонился к плотной маленькой горке. Она пахла книгами, мятой и ещё чем-то знакомо забытым. Задумавшись, я непроизвольно вздохнул. Кучка ожила, рассыпаясь лёгким облаком, летящим мне прямо в лицо.

Я не удержался и чихнул.

... Тогда я впервые задумался о том, что мы давно уже не дети, и что разницы в возрасте для любви не существует. Но, увы, в молодости мы неспособны ждать – время измеряется монотонной бесконечностью, а необдуманый кивок головы в чужую сторону, глупое неосторожное слово может повлечь за собой непредсказуемые последствия. Человеческая жизнь якобы не стоит ничего, а смерть воспринимается как игра воображения. К сожалению, за ошибки молодости порой приходится расплачиваться все последующие годы. И даже смерть иногда не является достаточно весомой и убедительной ценой...

ГЛАВА 7. ОПЯТЬ БИБЛИОТЕКА.

*Так зыбко было, словно в летней дрожи
пух одуванчика, одно мгновенье
живущего... И так исчезновенье
улыбки в смехе незаметно тоже...*

*Дыханье ветра, одуванчик, крылья
весны июньской, топкая улыбка...*

*О, память горькая, судьба слепая!
Всё перешло в ничто – и без усилия
Малейшего... всё так легко, так зыбко...
И знать – что ты была, какой – не зная!*

Хуан Рамон Хименес

1

– Si finis bonus, laudabite totum*.

В голосе Трояна Модестовича сквозила лёгкая ирония, но для меня его слова прозвучали долгожданнейшей музыкой. Впрочем, его я не увидел – вокруг была сплошная темнота.

– Я ослеп, или мои глаза ещё в пути?

– Ох, прости, конечно же ты в полном порядке. Иногда забываю, насколько вам, людям, важны условности, всякие там мелочи и детали, вроде интерьерного окружения.

Пространство вокруг меня вспыхнуло белым неоновым светом. Мы находились в сверкающем современном зале, скорее напоминающем рубку космического корабля, нежели виденную ранее библиотеку. Никаких шкафов и камина не было и в помине, причем, говорящих портретов мне, всё-таки, не хватало. Под ногами так и осталось лежать прежнее ковровое покрытие, тянущееся от стены до стены, скрадывающее звуки шагов и создающее некое подобие уюта в столь грандиозном помещении. Естественно, за центральным столом, положив на него ноги прямо в направлении монитора, в мягком кожаном кресле удобно устроился Троян Модестович. На экране перед ним возникали и пропадали какие-то таблицы, тексты и рисунки.

– Присаживайся рядом, а Враххильдорст сейчас придет. Любопытный он. Пошёл на экскурсию – осмотреться: библиотека же каждый раз выглядит по-иному. Omnia mutantur, nihil interit**. Сегодня она удивила даже меня! Ни разу ещё не видел её в столь суперсовременном виде: небось, пришли новые поступления из области научной фантастики.

– А книги куда подевались? Враххильдорст говорил, вы что-то раскопали интересное? – я обвёл взглядом пустую, стерильно чистую мебель.

– Так вот же оно, на экране! – серьёзно, чуточку рассерженно сказал Троян Модестович, показывая прямо в центр мелькающего изображения. Лишь заглянув в его глаза, я увидел, что в них притаилась улыбка, совершенно необходимая и даже по-отечески доброжелательная.

Я устроился поудобнее, сосредоточившись на пробегающих мимо буквах, цифрах и символах. Так прошло минут пять. Профессор небрежно стучал по клавишам, откинувшись в кресле, правда, ноги со стола он убрал.

– Вот снова про магаров, – говорил он. – Смотри, Василий, как выглядело небо три с половиной тысячи лет назад. А это алое пятно на небосклоне справа и есть Мардук. Картина, кстати, весьма точно отражает грозную реальность, посетившую Землю в далёком прошлом.

Я заморожено смотрел на развернувшееся передо мной феерическое зрелище. Небо пылало, напоминая северное сияние, вдруг решившее сменить гамму на багрово-алые и

* – если конец хороший, то всё похвально (всё хорошо, что хорошо кончается)

** – всё меняется, ничто не исчезает

золотисто-черные тона, вертикальными всполохами расчертившее воздушное пространство до далёкого горизонта. И над всем этим великолепием царила жаркая красная планета.

– И вы хотите сказать, что через некоторое время это повторится?

– Молодой человек, я, может, и не хочу, – саркастически улыбнулся Троян Модестович, – но вероятность сего прискорбного события очень велика. Скорее, будет даже несколько хуже. *Omnia orta cadunt**. Вот хотя бы Библию взять – весьма живо описано. Если принять во внимание возможное расслоение нашей Земли, то события обещают быть очень накалёнными. Во всех отношениях и для всех без исключения.

– Ну, хорошо. *Pereat mundus, fiat justitia***, – от волнения я вдруг вспомнил давно забытую фразу. Профессор с интересом поднял на меня глаза. Я продолжал: – Допустим, прибыли магары, планеты стоят в ряд, Земля находится на грани рас-сло-е-ния – и что?! Вверх уносится прекрасная новорожденная планета, а род человеческий, стена и корчась, гибнет в ненасытной пасти пришельцев?

– И да, и нет! Для кого-то – "да", для кого-то – "нет". У меня сложилось мнение, что часть людей, например, естественно и непринуждённо, может быть даже ничего не заметив, вознесётся вместе со светлой планетой, только однажды невзначай обратив внимание, что мир вокруг отчего-то стал лучше, чище, светлее, а соседи, некогда отравлявшие жизнь окружающим, куда-то дружно уехали.

– Представляю себя на их месте, – хмыкнул я. – Или, вернее, не представляю!

– Вряд ли подобное случится с тобой. Ты относишься к той редкой породе людей, которые не согласны плыть по течению и хотят, по возможности, сами докопаться до сути происходящего, для них *super omnia veritas****, а потом – добровольно принять решение, сделать, так сказать, попытку выбора. Грудью на амбразуру – как приятно! Головой об стену – вопрос ещё, что крепче?! Полюбить – так королеву, проиграть – так миллион! А ты ещё, к тому же, не чужд сострадания – весьма гремучая смесь. Не сможешь ведь смотреть, как погибают дети...

Я хмуро посмотрел на Трояна Модестовича:

– Превыше всего истина – согласен! Но причём же здесь дети?

– А ты думаешь, когда начнётся светопреставление, их вежливо отведут за ручки в сторону? Хорошо. Действительно, причём тут дети? – он устало прикрыл глаза. – Люди в пожилом и зрелом возрасте бывают столь же наивны и несведущи. Прожив долгую, порой спокойную жизнь, радуясь маленьким приобретениям и сетуя на невзгоды, они так и не задают себе вопросы "почему?" и "что дальше?". И вот тут-то и возникает проблема: а что с ними-то? Ведь они внешне очень симпатичные граждане. Где то мерило, тот незримый пропуск, по которому человек получает право на поездку в иную, сказочно прекрасную реальность... или не получает? А, Василий?

– Не знаю. Вопрос, достойный Достоевского! Ни много, ни мало – мерило истины? Скажу лишь то, что я ощущаю внутри себя самостоятельную силу, поселившуюся вот здесь, – я прикоснулся ладонью к середине груди, чуть правее сердца и чуть выше висящей печати. – Когда я делаю что-то не так, то почти сразу же ощущаю боль, иногда сильную, иногда еле заметную, некое беспокойство, тянуще-ноющее чувство неправильности случившегося и в какой-то момент вдруг понимаю, как надо поступить правильно. Как будто существует незримый кодекс, проявляющийся столь своеобразным способом – то самое мерило, по которому следует жить.

– Зерно истины! – отрешённо кивнул Троян Модестович.

– Зерно?..

– Где-то уже слышал про него? – не удивился тот. – Что ж, термин далеко не новый. Некогда мне примерно также описывала наличие "зерна истины" внутри себя одна знакомая

* – всё, что возникло, гибнет

** – пусть погибнет мир, но да свершится правосудие

*** – превыше всего истина

дриада. Что ты смотришь на меня? Небось, ещё скажешь, что и дриада не существует. Так спешу тебя обрадовать – есть!!! Надо признать, очень своеобразные особы, – Троян Модестович прищёлкнул языком и мечтательно заулыбался, видимо вспоминая нечто приятное. – Живут весьма организовано, правда, *sub alia forma**, имея централизованное государство во главе с королевой. Уверяют о наличии некоего нематериального начала, находящегося в зародышевом состоянии практически у каждого разумного существа – сильсов, грольхов, дэльфайс, русалок, кикиморр, да мало ли их существует, и даже, представь себе, у людей, правда, не у всех.

– А что, люди в самом конце списка? Мелочь, а неприятно.

– За державу ему, видите ли, обидно. Хм! – усмехнулся он. – А за какие такие заслуги ставить их на почётное место? Да, человечество преуспело в техническом и иных прогрессах, но мало кто из людей в своём яром рвении, научных поисках и производственных достижениях замечает, сколь стремительно человечество катится в пропасть одиночества – некую мёртвую зону отчуждения, добровольной самоизоляции, постепенно ведущей к смерти. Не очень ли дорогая цена за десяток "сенсационных" открытий? Нобелевская премия за оружие массового уничтожения? И причём же здесь природа? Если невозможно достичь знаний, не мучая собак, не лучше ли вообще обойтись без знаний?

– Но ведь не всё человечество таково. Вас послушать, мы монстры какие-то!

– Оно, в смысле человечество, таково, каково есть, и более не каково! – поучительно, истинно по-профессорски отвечал Троян Модестович. – Во-первых, я сказал "мало кто", а не все. Есть, конечно, отдельные личности, которые своими же воспринимаются как больные или, по крайней мере, странные. Не любит кушать китовый фарш – смешной. Не срубил дерево посреди огорода, красивое мол, – психодерматит. А сами потихоньку начинают вводить в меню суп из человеческих эмбрионов. Говорят, молодит несказанно быстро. Согласен, это крайности, между которыми чего только не сыщется. Но, тем не менее, *solitudinem faciunt, racem appellant***.

– А что во-вторых? – не унимался я.

– Во-вторых... А во-вторых, существует спорное мнение, что спасти человечество может только само человечество, путём приятия в себя природу как живую сознательную субстанцию, естественную среду обитания, существующую как вовне, так и внутри всего! Кстати, природа должна ещё и сама согласиться пойти на столь интимное сближение. Одна надежда, что она мудра и способна понять всех своих детей, даже и таких неразумных.

– Спасение утопающих – дело рук самих утопающих?

– Конечно же, Василий, конечно, – со вздохом согласился Троян Модестович и вдруг улыбнулся: – Представляешь, что было бы, если бы утопающий перестал трепыхаться и понял, что вода не враг ему, а изначальная прародина. Может, волна сама бы его на берег доставила, причём, не вышвырнув на камни, а выложив осторожно, под музыкальное сопровождение прибоя.

Я пожал плечами и вдруг, представив сию картину, улыбнулся: – *Mare amicus****?

– Вася, такой идиотически счастливой улыбки я у тебя ещё не видел, и, кажется, ты что-то вещал... по-иностранному? – прямо из монитора на стол вылез дофрест, таща за собой початую бутылку лимонада.

– Можно подумать, мы с тобой сто лет знакомы, чтобы ты мог помнить все мои улыбки. А по-иностранному я знал, но только забыл! – фыркнул я. – Откуда лимонад-то взял, добытчик?

– Где взял, там уж нет! – насутился Враххильдорст, крепко обнимая горлышко. – Я думаю, у меня талант прорезался – а может, он у меня всегда был, но только я про него тоже забыл? – находить сей чудесный напиток в любом месте и при любых обстоятельствах. О чём спор то идёт?

* – в другом виде, в иной форме

** – они создают пустыню и называют это миром

*** – море-друг?

– Сей молодой человек, – Троян Модестович картинно повёл рукой в мою сторону, – ищет неведомый путь спасения целого человечества в свете грядущих эпохальных событий. Пока не нашёл.

– А что, человечество надо спасать? Эт-то новость. Да ещё и грядёт что-то? Не слыха-ал, – дофрест удобно расположился, свесив, по обыкновению, ножки и устроив бутылку между зажатыми коленями. Он загадочно улыбался. – Тебя-то что так мучает, Васёк? *Quid brevi fortes jaculamur aevo multa**?

– *Quia nominor***... человек. Чёрт, по-русски разучился говорить, – смутился я. – Ну, правда, не понимаю я, как с природой на слияние-понимание идти? Что делать-то? На лебеду медитировать, слушая шум ветра в голове, цветы не рвать и собак бродячих пристраивать?

– Вот так-так. Тебя-то, Василий, этот вопрос должен заботить менее всего, – икнул Враххильдорст. – Ты-то давно идёшь на сие сближение, даже если этого ещё и не знаешь, поскольку ты уже прошёл некоторый селекционный отбор путём естественного скрещивания с природными сущностями. Соединяешься с природой, так сказать, изнутри на генном уровне. По-моему, это самый быстрый и надёжный путь. Ну, что ты так на меня смотришь, уважаемый результат эксперимента? Как будто я сказал, что ты родился от пьяного сторожа Филимона и старой треснувшей оглобли? Нет и нет. Это, несомненно, произошло очень давно и совершенно иначе, чем ты вообразил, – захихикал дофрест, наслаждаясь выражением моего лица, – и не с тобой, а с твоим прадедушкой, наверное. Или прапрабабушкой, может быть...

Троян Модестович внимательно посмотрел на болтающего дофреста. Потом хмыкнул и перевёл взгляд на меня, уже выжидательно.

– Значит, Враххильдорст тебе ничего не рассказывал. Ай-ай-ай. Молчание, конечно, золото...

– Да ни... ничего он мне не говорил! – выдавил я из себя. Возмущению моему не было предела. – Тоже мне, золотце!

– Да! Мне некогда было! Попробуй-ка озвучивать серьёзные вещи в процессе длительного бега по пересеченной местности, – он ненадолго оторвался от сладкого горлышка, демонстративно насупив лохматые брови, видимо, пытаясь изобразить обиженного и оскорбленного. Получилось не очень-то убедительно.

– Лимонад надо употреблять реже, может времени будет больше! – чуть миролюбивее откликнулся я, поскольку не мог обижаться на него более чем... ну, пять секунд. – Ладно, ладно. Святое. Я понимаю. Так что там, всё-таки, про моё природное естество? Пока ещё я ничего не понял!

– И потом вряд ли... – икнул Враххильдорст.

– Ты пей, любезный мой, пей, а я Василию кое-что покажу, – заступился за меня улыбающийся Троян Модестович. Его пальцы забегали по клавишам. На экране мелькали и раскрывались страницы. – Вот, например, весьма занимательный документ. *Intus et in cute****. Полюбопытствуй, Василий.

Весь экран заполняло схематическое изображение дерева и стоящей около него девушки. Снизу шел текст:

"Дриады, или дриальдадьдинны, – это изначальные сущности Великого Леса, несущие на себе почётные права и обязанности покровительства, защиты и заботы обо всех деревьях, произрастающих на земле – прошлой, нынешней и грядущей.

Жизнь дриады полностью и неразрывно связана с деревом, её породившим. Младшие дриады, или гамадриады, как правило, живут не более двухсот лет, рождаясь и погибая вместе с деревом. Они нежны, пугливы, беззащитны и, практически, не вступают в контакт с людьми, видя в них источник опасности. Гамадриады не могут далеко удаляться от своего родительского дерева, фактически являясь зависимыми территориально. Внешне они напоминают девочек-

* – к чему нам в быстротечной жизни помогать столь многого?

** – потому что я называюсь...

*** – и внутри, и снаружи

подростков, хрупких, с короткими пушистыми волосами, ореолом окружающими их головки, и, как правило, не носят никакой одежды за исключением цветочных венков и бус".

– Девочки-одуванчики, – я улыбнулся, представив сей скаутский отряд юных защитниц зелёных насаждений, марширующий парами по лесной опушке, и пробормотал себе под нос: – Так, а я-то здесь причём?

"...Но некоторые деревья легко доживают до пятисот и более лет. Связанные с ними махадриады называются старшими или дриальдальдиннами. Их количество очень незначительно: по всей земле едва можно насчитать более трех десятков тысяч таких долгожителей. Они обладают куда более широкими возможностями и привилегиями и способны накапливать опыт и обучаться, что ставит их на несколько ступеней выше гамадriad, предоставляя шанс выйти на более высокий уровень эволюции. Постепенно их влияние с одного дерева может распространиться на целую рощу и даже лес. В этом случае, живущие там гамадриады и иные обитатели переходят в их непосредственное подчинение".

– Вот, представляю, жили, не тужили, и вдруг, раз, появилось непрощеное начальство, – ухмыльнулся я, не отрываясь от текста. – И, тем не менее, причём здесь я?!

– Что ты, Василий, всё не так уж плохо, – возразил профессор, пропуская мимо ушей мой последний вопрос. – Старшие дриады, конечно, не подарок, и характер немного крут, да и умны даже слишком, но...

– Легко себе представить, дама, которой несколько сот лет, да ещё и старая дева, наверное, – я немного преувеличенно поёжился. Решил занять выжидательную позицию – сами обо мне вспомнят. Хотят говорить о дриадах – отлично!

– У них немного другое мнение по данному вопросу! – заулыбался Троян Модестович. – Тем более, что и мыслят они в этом направлении очень даже свободно и творчески.

– А я всё думал, о чём это шумят деревья? А они, оказывается, эротически фантазируют. То-то шелест листьев столь сладостно завораживает и тянет на размышления. Ладно. Читаю дальше. "Около двухсот пятидесяти лет назад по сообществу дриад был нанесён массированный удар, унесший немало их жизней... – я озабоченно посмотрел на профессора. Тот махнул рукой, мол, чего объяснять, просто читай и всё. Я продолжил: – В связи со стремительным прорывом в области науки и техники были уничтожены огромные территории зелёных насаждений. Например, на острове Гаити почти все деревья были обращены в уголь, несмотря на то, что это привело к экологической катастрофе, грозящей смертью всем жителям острова. И так повсюду. Уничтожение деревьев резко сократило количество дриад. И если старшие дриальдальдинны способны защитить свои участки, – их магия необыкновенно сильна, – то гамадриады беспомощны, и гибель их, как правило, ужасна".

Профессор вздохнул. Врахх оставил свою бутылку и сидел, задумчиво ковыряя в ухе. От комментариев воздержались оба.

Выдержав минуту молчания, я продолжил:

"В день лунного противостояния в год поющего единорога состоялся большой Совет пяти великих маххимус-дриальдальдинн, под чьим покровительством находятся пять основных земель планеты. После долгих споров и обсуждений была принята программа по защите оставшихся дриад, а с ними и деревьев, находящихся под их контролем".

– Их решение можно было назвать даже оригинальным, – сказал Троян Модестович. – Они решили действовать исподволь, в обход, не привлекая к себе внимания. Это был своего рода шедевр стратегического искусства, этакое внутреннее биологическое оружие. *Sub certa specie**. Зачем уничтожать противника, если можно его изменить – взгляды, мысли, мотивацию – и при этом ещё получить массу удовольствия.

– Вы так об этом говорите, что можно подумать, вы попали в список испытуемых объектов, – пробормотал я. – Ну, и как? Приятно быть подопытным кроликом?

– Не без того, не без того. Кстати, кролик ведь не знает, что он испытуемый объект, как ты изволил выразиться, – профессор немного помолчал, глядя на меня задумчиво и сочувственно.

* – под определённым углом зрения

Я так и не понял, серьёзно он говорил или нет. – Это была величайшая жертва и величайший дар людям. Можно, конечно, спорить, – чуть помолчав, сказал он и прочитал дальше вместо меня: – "Дриадам позволили вступать с людьми мужского пола в контакты, целью которых было рождение детей смешанной крови. Ребенок-дриальд соединял качества отца-человека и матери-дриады, гармонично совмещая в себе технологическое и природное восприятие мира. Оставаясь внешне обычным жителем города или деревни, который так же как все учился в школе, институте, работал, женился, воспитывал детей и т.д., он обладал способностью слышать Зов великого Леса, неся в своей душе Зерно Истины, передавая его своим детям и внукам", – он оторвался от чтения. – Лет сто назад, может меньше, учёные обнаружили у некоторых людей лишний ген, непонятно для чего существующий. Было отмечено, что имеющий его человек чаще других обладает паранормальными способностями. Сей доклад был изъят одной весьма специфической службой и там и растворился. А случаев смешных поначалу было множество. Да и сколько их было-то!!! *Tempus omnia revelat**. Давно мы так не веселились, правда, Врахильдорст?

– Да! – тут же откликнулся тот. – Помнишь целительницу бабу Настю, которая лечила больных наложением на них живых кошек и собак? И ведь успешно! А малец один... забыл его имя. Так у него птицы, как попугаи, все подряд разговаривали. Да-а... Одна мадам чуть умом не тронулась, когда поняла, что по тараканам может погоду предсказывать. Те к дождю в ряд выстраивались, а перед магнитной бурей организованно к соседям уходили, оставляя её в полном ошарашенном одиночестве, – закатив глазки, дофрест предавался воспоминаниям.

– Да-да! Тронешься тут умом! – передразнил его профессор. – А случай в зоопарке?! Когда сторож сего заведения, всеми уважаемый дядя Лёша, извините, Ляксей Сямёныч, вдруг повадился спать в клетке с удавами. Говорил, что чувствует, как им у нас холодно и неудобно. Вобщем, за сотни лет можно многотомные труды написать, что кто-то, наверное, и делает в виде докладов и донесений. Но это лишь замеченные и зафиксированные случаи, а ведь большинство людей пока ещё не осознало степень своего изменения. Чудесные зёрна крепко спят в их неразбуженных душах.

– По вашим словам, дриады подвиг совершили, – задумчиво проговорил я, и веря, и не веря в услышанное. – А о людях тех вы подумали? Как им-то было?

– Ну, что ты, Василий. Конечно, подумали! – почти хором отозвались мои собеседники, а Троян Модестович договорил за обоих: – Теперь, мне кажется, весь природный мир только о них и думает. Мнения, между прочим, очень сильно расходятся. Одно очевидно и несомненно – спасти человечество от тотального исчезновения, каким бы путём это не случилось, может только его слияние с природой. Возможно, не таким образом, но...

– Вы опять вернулись к тому, с чего начали.

– Конечно, и постоянно будем возвращаться! Все дороги ведут... куда? Правильно. Именно туда. Выход только один – не обособляться, а чувствовать себя частью единого целого под названием "живой мир", ощущая каждую его частицу, будь то пылинка на дороге, трава в лесу или же завод, успешно выполняющий план. Что же делать, людям придётся совместить в себе эти два несовместимые начала. Птица не полетит с одним крылом, человек не найдёт смысл бытия, если не распахнет двери своей крепости, в которую он сам себя замуrowал, и не впустит туда все многообразные проявления существующей реальности. Так что вам надо лесным девам только "спасибо" сказать за открывшуюся возможность, даже если она минимальна и призрачна.

– А если люди не захотят? Ведь такое тоже может случиться. Ведь жили же они как-то раньше, и чем раньше, тем более в ладу с этой самой природой.

– Так то раньше! А теперь... Может случиться что угодно! Никто и не спорит, но только не надо делать из человеческой массы этакий бестолково смешанный винегрет. В финале судьба каждого будет зависеть только от его стремлений и мотиваций, но это – в конце. *Unusquisque*

* – время всё обнаруживает

sua noverit ire via. Usque ad infinitum, usque ad finem, usque ad mortem, usque ad absurdum*. А сейчас всем дана некая возможность переосмысления жизни, и многие уже хотят переосмысливать. Правда, ещё не могут чётко сформулировать, а только ощущают тревогу и понимают - дальше так жить нельзя. А как можно - для них пока тайна, покрытая мраком.

– Остаётся только дёрнуть за верёвочку, и мировой торшер зажжётся, всем станет светло, тепло, и прорастёт в душе крупа истины! – я вздохнул. – И как это будет выглядеть? Вместо волос на груди заколосятся ростки пшеницы или полезут зелёные листья?

– Нет, конечно, нет! – почти ласково возразил Троян Модестович. – Ничего подобного не случится, хотя тебе, Василий, это и пошло бы: к рыжим волосам – зелёные побеги. Классическое сочетание! *Ingenui vultus puer ingenuique pudoris***... Ладно, шучу. На самом деле, внешне никто ничего, может, и не заметит. Изменения будут происходить постепенно и на всех уровнях – физическом, эфирном и т. д. Надеюсь, ты понимаешь, о чём это я? Проще говоря, проснётся лишний ген, сработав как бомба замедленного действия, провоцируя перестройку на молекулярном уровне, обновляя организм, создавая его практически заново. А если... *si finis bonus, laudabile totum****!

– Суперлюди. Но ведь это же бред!

– *Mirabile dictum*****, но... почему же бред? Наш организм итак постоянно обновляется: каждые десять лет – весь целиком, включая кровь, ткани, кости. Правомерно говорить о полной смерти человека, так как по прошествии этого срока от него не остаётся вообще ничего, ни одной клетки, ни одной капельки или волоса. Можно сказать, что тело – абсолютно иное, новое, вновь рождённое, вот только свежий вариант в большинстве случаев, к сожалению, несколько хуже предыдущего, – он посмотрел мне прямо в глаза: – Загляни в себя! Я же вижу, что ты согласен.

– Когда-то в детстве я почему-то верил, – задумчиво и осторожно я перебирал далёкие воспоминания, – что никогда не буду дряхлым, что со временем на финишной прямой мне будет выдан приз не в виде обязательного старческого маразма, больничной койки и груды бесполезных таблеток, а в виде бесценного багажа мудрости, здоровья и силы. Однажды я безрассудно смело заявил себе, что лучше уж умереть, чем писать под себя, брюзжать и портить нервы окружающим. И вот по прошествии лет, оглядываясь назад, мне нечего добавить или изменить в том обещании. Я полностью согласен с тем, как вы говорите, давно исчезнувшим мальчиком. Мало того, он живёт во мне и сейчас, и я иногда слышу его голос. *Verum est...*

– *Verum est quia absurdum******, – закончил за меня Троян Модестович. – Bravo, Василий. Bravo! Не ожидал от тебя таких способностей к языкам и ярким воспоминаниям.

– Я и сам от себя не ожидал.

– Всё когда-нибудь случается впервые! Не беспокойтесь, молодой человек, это не затянувшийся приступ маниакальной депрессии. Я, как ты понял, возвращаюсь к нашему разговору, правда, к конкретному мальчику, жившему двадцать лет назад, это тоже имеет весьма отдалённое отношение. Я предполагаю, что зерно истины – зов леса, совесть, назовите как хотите, – присутствовало у тебя с первой же секунды рождения, не говоря уже об утробе матери. И ты не единственный: каждый второй, третий или пятый, не знаю, но таких, как ты, очень и очень много. Вы, несомненно, неповторимо разные, но не стоит вас сваливать в одну кучу. И всё же нечто общее, объединяющее вас – есть. Конечно, большинство людей способно воспринимать мир как единое гармоничное целое, возможно, даже и без пресловутого зерна истины в душе. В конце концов, бог с ним с этим героическим экспериментом, которым так

* – Пусть каждый умеет идти своим путём. Вплоть до бесконечности, вплоть до конца, вплоть до смерти, вплоть до абсурда.

** – мальчик с благородной внешностью и благородной скромностью

*** – если конец хороший, то всё похвально

**** – странно сказать

***** – это истинно, ибо абсурдно

гордятся древесные дамы, но вся проблема в том, что это народное большинство преспокойно, аморфно, амёбообразно существует в своем кисельно-студенистом пространстве и ничего не хочет менять. Вам не кажется, юноша, что мы пошли по кругу?

– Да, есть такое ощущение. Проблема всеобщего спасения, как привязанная, еле дует за нами безотрывно. Кто-то однажды мне сказал, что если удастся спастись самому, то рядом спасутся тысячи. Может, стоит пойти этим путём? А там глядишь, остальные и сами собой как-то выкарабкаются. И действительно, ни к чему притягивать сюда дриады за их прелестные ушки – пусть себе живут спокойно в своих женских героических глупостях, думая о том, что это именно они спасают мир.

– А ты хочешь сам? Ладно, ладно!.. С тобой, говоришь, разобраться – и кто ты у нас таков? Вот я смотрю на тебя, смотрю и думаю, кого же ты так сильно мне напоминаешь? Кого-то хорошо знакомого. Но кого?! – Троян Модестович многозначительно помолчал, прищурил глаза, разглядывая меня то под одним углом, то под другим. Вздыхнул. – Пока не даётся мне в руки твоя призрачная бабушка. Или прабабушка? Или ещё дальше? В конце концов, *tempus omnia revelat**! Есть у тебя в семейной биографии какая-нибудь история, граничащая с чем-то неправдоподобным – с тем, во что не верят и, тем не менее, тайком передают внукам и правнукам?

Он даже подался вперёд, вдруг оживившись и глядя на меня столь нетерпеливо, что я передумал говорить заранее приготовленную фразу, замолчал и надолго задумался.

Он ждал.

В моей голове бессвязно возникали, проносились и исчезали лица, даты, обрывки событий, но все старания были тщетны – одна пристойная, прозаическая банальность и ничего более.

– Можешь не комментировать, – усмехнулся профессор. – Твоё лицо как раскрытая книга, итак видно, что поиск окончился ничем. Лес с ними, с родственниками. Может реликвия какая-нибудь имеется? Лучше бы, чтобы с дарственной надписью и прилагающейся фотографией в полный рост. Шучу, можно без портрета – я непривередливый.

– Да вроде нет никаких реликвий. Вот только крестик мама носит, даже в бане не снимая, хоть сама и неверующая. А крестик тот странный, скорее на руно похожий, деревянный, витой, как будто и не вырезанный вовсе, словно ветка сама в узелок завязалась. Он у мамы с детства. Передается эта вещица по женской линии и вроде бы приносит удачу.

– А откуда взялась, не вспомнил?

– Да тут и вспоминать нечего. История на три копейки! Вроде бы прапрадед мой был женат на приёмной дочке лесника. Совсем недолго. Та родила ему ребенка, девочку, и сбежала, как в воду канула. Болтали, что медведь загрыз... Ерунда! Какие там медведи? Отродясь не водились! А девочка та – моя прабабушка – рассказывают, странная была, слегка умом тронутая, нелюдимая: только с птицами да кузнечиками и играла, а других детей сторонилась. Правда, потом отошла, с отцом в город жить переехала, а большая стала – выучилась на ветеринара. Сам бог велел, раз ей с животными здорово удавалось. Да у меня мама тоже ветврач, получается, что потомственный, в третьем колене, – с каждым предложением я рассказывал медленнее и медленнее, как будто бы слышал это впервые и от постороннего человека.

Профессор аж подскочил с кресла, собираясь что-то сообщить, но не успел.

– А я всегда говорил, что твои рыжие кудри, Васёк, далеко неспроста, – Врахильдорст, уже изрядно захмелевший и от этого настроенный благодушно, решил, наконец, поучаствовать в разговоре. Но последующая его тирада так и не была высказана, прерванная раскатистой отрыжкой, плавно перешедшей в мучительную икоту. Замахав ручками, он с мольбой в вытаращенных глазках посмотрел на Трояна Модестовича. Тот изучающе обошёл меня вокруг и продолжил за дофреста, пытаясь попадать в промежутки между душераздирающими звуками:

* – время всё обнаруживает

– Принимая во внимание твои, Василий, рыжие кудри, как изволил выразиться Враххильдорст, немного вытянутый разрез глаз тоже не очень часто встречающегося чуть золотисто-зелёного цвета, и... позволь тебя повернуть и заглянуть за правое ухо, вот же она – probatio liquidissima*! – родинку в форме трилистника на обратной стороне мочки, можно сделать осторожное предположение относительно твоей родословной.

– Вы меня как породистого щенка рассматриваете – родословная, масть, лапы, уши. Глядишь, скоро на выставку поведёте за золотой медалью и дорогим ошейником!

– А как же, пренебреженно! Но это в будущем, а сейчас, в настоящем, скажи мне, пожалуйста, в каком лесу резвилась твоя прааа...бабушка? Естественно, перед тем как быть съеденной медведем. Название сего загадочного места сохранилось в ваших семейных хрониках?

– Да что в нём загадочного-то? У нас там и домик есть, старенький правда, почти развалился. А леса те давно уже объявлены заповедными – Солнцевские заказники. Это в двухстах километрах от города по южному направлению, – я хотел ещё что-то добавить, но по выражению профессорского лица понял, что говорить больше ничего не придётся.

Троян Модестович, резко крутанувшись в направлении компьютера, застучал клавишами, через минуту откинулся и картинно поманил рукою:

– Прошу знакомиться – твоя дальняя родственница и прааа...прааа...родительница... Великая герцогиня Лаас Агфайя Хаэлл! – маха-дриальдадьдинна, владеющая девяносто девятью лесами и рощами, живущая уже более... более чем. В случае с данной особой опасно даже думать о количестве прожитых ею лет: вдруг узнает о посетившем нас дерзком интересе – хлопот не оберёшься! Лучше просто делать комплименты, по возможности изысканно умные.

Дама, изображённая на экране, заслуживала не только комплиментов, но и откровенного восхищения, потому что была прекрасна. Не как женщина – скорее, как вечерний осенний лес. Её красота сияла тем совершенством, которое приводило меня когда-то в трепет. Может, я был ещё слишком молод и мало встречал женщин, но я готов был спорить – передо мной была одна из тех, редчайших, которые кажутся слепленными из другого теста. На вид ей можно было дать не более тридцати пяти. Она улыбалась одними глазами, а плотно сжатые губы выражали презрительное спокойствие. Волосы действительно были такого же глубокого рыжего цвета, как и у меня. Или, скорее, у меня были, как у неё?

На этом сходство и кончалось.

– Хороша?! – прищёлкнул пальцами профессор. – Весьма скандальная особа! Одна из немногих, отказавшихся подчиниться решению всеобщего Совета, за что, между прочим, и понесла серьёзное наказание. Её лишили некоторых прав, званий и территорий, а в назидание другим строптивым дриадам, не желающим ничего видеть дальше опушки своего леса, обязали родить детей смешанной крови, чтобы великое зерно дриальдадьдинны-махадриады смогло размножиться и передаться по наследству, неся людям и деревьям надежду на спасение. Пусть не думает, что она особенная, absque omni exceptione**! Употребив весь свой ум, изворотливость, связи, угрозы и обещания, Лаас Агфайя избежала оскорбительного для неё принуждения, – да уж, necessitas caret lege***! – при этом ещё и сумела вернуть себе все отнятые леса, титулы и привилегии. Хм!.. Оказывается, она, всё-таки, родила единственного ребенка, правда, особо не обременяя себя родительскими заботами. Вообще-то, легче представить умиляющегося дракакурда в окружении вылупившихся куксов, нежели эту даму с младенцем на руках. К тому же её всегда заботила идеальная фигура и великолепие бюста, полностью исключаяющие радости и заботы материнства.

– Представляешь, Троян, я сплю и вижу, как мы познакомим эту чопорную леди с её симпатичным нежданно-негаданным отпрыском. Вот это будет номер!.. – Враххильдорст мечтательно зажмурился.

* – очевиднейшее доказательство!

** – без всякого исключения!

*** – необходимость закона не знает

– Спорим на сто бутылок лимонада, что тебе не удастся даже приблизиться с Василием к герцогине, не то что заговорить. А если случится чудо, и она примет его как родного, я – клянусь книжными полками! – исполню любое твоё желание. Однако... *Adhuc sub iudice lis est**! И надо же так размяться! *Caelum capite perrumpere conaris***!

– Ловлю на слове! И оставь в покое мою гениальную голову и, тем более, небо. Ха!.. А я уже, кажется, кое-что придумал! – нетерпеливо затряс хвостом дофрест. – Что ж... Я получу тройную радость: от зрелищного воссоединения семьи, исполнения желания и огромного количества лимонада, поскольку моё желание будет о нём, о нём и только о нём. Я вижу, что ты уже испугался и передумал. Поздно, батенька, поздно!

– Ничего я не испугался! *Absurdum****! Это тебя уже пьянит пока не выигранный и, соответственно, не выпитый лимонад. Успокойся – он пока не твой. Лучше подумай, как воплотить в жизнь свою нереальную идею.

– Даже и не собираюсь! Жизнь прекрасна и удивительна, а споры решаются сами собой, по мере прохождения событийного ряда.

– Словосочетание-то какое знаешь – "событийный ряд". Нет, чтобы сказать по-простому: поживём – увидим! – не унимался Троян Модестович.

– За "простого" ты мне ещё ответишь. Я очень сложный, глубокий, мудрый и всеми уважаемый дофрест, – тут Враххильдорст опять икнул, и это несколько подпортило весомость его заявления. Ничуть, однако, не смутившись, он продолжил: – А ты на слова реагируешь, как катт на гнездо иичену.

Тут я не выдержал, оторвался от досье на мою прапрабабушку и, глядя на дофреста, воскликнул:

– Пожалуйста, можно я дочитаю, интересно же! Троян Модестович, на вас одна надежда, возьмите нашего ува-жа-е-мо-го Враххильдорста и, если вас это не очень отяготит, прогуляйте по периметру зала: он в себя придёт, а я пока быстренько дочитаю. В конце концов, она мне, всё-таки, какая-никакая родня, хоть и в N-ом колене.

– *Et tu, Brute*****, – улыбнулся Троян Модестович. – Ты посмотри, Враххильдорст, мы ему, оказывается, мешаем. Где благодарность?! И как быстро он, однако, осваивается, если не сказать иначе. Теперь уж молчите, молодой человек. Ладно, мы уйдём, но недалеко и ненадолго! – он заговорщически подмигнул дофресту. – У меня тут за поворотом спрятан в стене выдвижной бар с оч-чень приличным коньяком в ассортименте – Хенесси Ричард третий, отличнейший купаж – слышали о таком? И что вы смотрите на меня, ува-жа-е-мый, – он очень точно спародировал мою интонацию, – с такой отчаянной надеждой во взоре? Коньяк вам уже не в радость? Тогда ответьте мне на элементарнейший вопрос: а знаете ли вы, что такое "кока-кола"? Нет? Ну-у-у, батенька, я вас умоляю! Пройдёмте, пусть сей юноша грызет сомнительный гранит знаний всухомятку. В гордом одиночестве к тому же. *Ergo bibamus******!

Воцарилась тишина.

2

Я читал, погружённый в невероятные, сказочные истории существ, очень разнообразных внешне, чьи жизни тянулись столетиями или трагически обрывались раньше срока.

Вот, например: ближайшая родственница, названная сестра моей прародительницы, дриальдадьдинна, – великая герцогиня Эвил Сийна Хаэлл – не менее экзотическая особа, обожающая бои дракакурдов с дикими каорхарами, печёные лиловые персики в соусе из редчайшего корня *Cicutra Verosa****** и, в отличие от своей разборчивой подруги, частые

* – спор ещё не решён!

** – ты пытаешься пробить небо головой!

*** – абсурд!

**** – и ты, Брут...

***** – итак, выпьем!

***** – цикута, ядовитое растение

беспорядочные связи с мужчинами, независимо от того, кем эти мужчины являются. Говорят, что она была замечена даже с грольхами и лешайрами. Мнения разошлись только в количестве и комбинации участников, что, кстати, никак не задело чувств и достоинства самой герцогини. Обычно, как сообщали многочисленные документы, сплетни и наговоры лишь стимулировали её неуёмную натуру.

Далее: ближайший советник королевы, сильс – лорд Иафэй Рист Хросс – с виду милейший старик, которому больше бы подошли плёпанцы, халат и трубка, чем управление некоей конторой под безликим названием "Лесное сообщество коммерческих и гражданских консультаций", но с небольшой пометкой в тексте, – смотри сноску код 31783, – отсылавшей меня к тайной организации по решению насущных государственных проблем. Старо как мир. Под внешностью респектабельного джентльмена скрывался местный пожилой Джеймс Бонд со всеми вытекающими последствиями, что только ещё раз подтверждало золотое правило минного поля, призывающее к осторожности и ещё раз к осторожности.

Его единственный сын, тоже сильс, тоже лорд – Енлок Рашх Хросс – имел безукоризненное, тщательно прорисованное лицо леонардовского *condottiere*, где каждая черта несла отпечаток ума и благородства. Впрочем, впечатление могло быть ошибочным: порой я наблюдал, как даже самые красивые лица являлись таковыми, лишь оставаясь неподвижными. Нечто же скрытое, глубинное, отталкивающее проявлялось, как только они приходили в движение. Мои предположения не были безосновательными и теперь: едва я посмотрел молодому лорду в глаза, как тут же подумал – эти глаза лучше было бы прятать под чёрными очками или держать зажмуренными. Лицо источало благонравие, а они не лгали и выглядели как глаза змеи, безжалостной и смертельно опасной. Первое впечатление, приправленное этим взглядом, наводило на мысль, что сильс был не тем, кем старался казаться. Кем же тогда, на самом-то деле? За ответом пришлось бы прыгать в тёмную бездну, ибо чем дольше я разглядывал портрет, тем сильнее он притягивал и настораживал меня. Каждой своей чертой, каждой деталью, начиная от гениального рисунка рта до изящной серьги в левом ухе в виде дракона, кусающего свой хвост, он будто рассказывал о некой страшной тайне, надёжно спрятанной и преданной забвению. Пожалуй, только широкие, слегка надломленные брови напрямую указывали на его властную натуру, свойственную личностям неординарным и излишне самоуверенным. Что ж, тут ему можно было только посочувствовать, ибо старший Хросс явно не собирался уступать место Хроссу младшему – своему единственному сыну, которому, с одной стороны, и так дозволялось многое, а с другой стороны, как я понимаю, никак не удавалось обойти своего влиятельного родителя. Впрочем, куда же выше? Выше только королева...

Кстати, вот и о... нет, ещё не о королеве, а о королевской наставнице – отдельная внушительная глава – о старейшей из племени оборотней вар-рахалов клана птигонов, Фрийс'хе пти Раха'л, оберегавшей и воспитывавшей нынешнее юное Величество.

Что-то шевельнулось в моей душе, вырастая в тревожное предчувствие, долгожданную недосказанность, далёкое воспоминание. Кажется, Динни как-то пару раз упоминала это имя, а может похожее, сразу же после смерти её бабушки. Не знаю почему, но раскрывая документ, я надеялся увидеть знакомые старческие черты, однако около её имени была запечатлена лишь большая птица, чем-то напоминавшая серую сову, видимо олицетворявшую основной облик сущности птигонов.

Далее было написано, что большинство вар-рахалов (оборотней) – будь то птигоны, существующие большую часть своей жизни в птичьем обличье, вулфы, принимающие вид огромных волков, катты, предпочитающие ласково-свирепые повадки лесных кошек или змиуры, использующие за образец мудрость и спокойствие змей, – при необходимости могут принимать любой человеческий образ, некогда ими увиденный. Но тут же делалась сноска, что ввиду их чрезвычайной гордости, они, как правило, выбирают себе один единственный прототип на всю жизнь. Ниже прилагалась схематическая фигура человека без каких-либо отличительных признаков, зато ещё ниже значился длинейший список заслуг каждого представителя племени в отдельности, который, естественно, я и не собирался читать, с

упорством барабана по клавишам, глядя в светящийся экран, ища неизвестно чего, выхватывая из текста имена, отдельные события и даты. Вар-рахалы. Дальше. Дриады. Дальше. Дэльфайсы. Дальше. Сильсы... Опять сильсы?

"Сильсы – высшие изначальные сущности, живущие с момента образования мира, но ему не принадлежащие, пришедшие из-за Предела Вселенной". Понятно, явились неизвестно откуда и, небось, к тому же и командуют. Хотя нет – если они умны, то к видимой власти, скорее всего, не рвутся, формируя ситуацию интригами, советами и угрозами. Ах да, ведь главный советник королевы, этот... лорд Хросс, он же сильс! Что ж, надо признаться, они преуспели. Тогда вступает в силу правило номер раз: от сильных мира сего держись ка-ак можно дальше.

Дальше. Грольхи. "Злобны, хитры, осторожны, агрессивны. Информация закодирована. Код № 6666". Хм, и тут есть белые пятна... или чёрные дыры?

Сколько всего, надо же! Одних названий, заковыристых и понятных, грозных и смешных хватит на увесистый том. По каждому виду существ или отдельной выдающейся личности – целые художественные отступления – маленькие главы чужой удивительной жизни. Хотя нет, вот опять, как и в случае с грольхами, про кого-то всего две сиротливые фразы:

"Хийсы – трансформирующиеся рэйвильтрайдерсы, в виде почётного исключения причисленные земными вар-рахалами к своему племени оборотней. На самом же деле родина хийсов – ..." А после тире опять значился какой-то умопомрачительный пятизначный код пресловутой секретности, набрав который, я обнаружил чистый документ, то ли предварительно стёртый, то ли ещё ненапечатанный. Таинственные рэй-видь-рай-дерсы пожелали остаться в не менее таинственной неизвестности.

Так, дальше. Конгрессы, советы, балы...

Я глянул на часы, прислушался к оживлённым голосам в отдалении – импровизированная пьянка постепенно достигала апогея, мне же сколько ни пей, догнать их было невозможно, вот и не пойду туда! – решил напоследок не читать подряд, а воспользоваться поисковой системой, наугад введя: "Великая лесная Королева". Компьютер натужно загудел и неожиданно быстро выдал список. Кликнув по первому попавшемуся названию, я с недоумением уставился в ночное звёздное небо, развернувшееся во весь экран.

Хм. А дальше пошла сплошная астрология, планеты, кометы... Причём же здесь лесные уголья? К тому же – опять Мардук?! Так, в момент построения планет земля стонет и страдает, живое гибнет, деревья превращаются в пепел, птицы обугливаются на лету... Я уже понял, что будет не сладко, а глобально гадко. Лекарство от смерти-то прилагается? Так... не то, не то, не то, опять не то... А вот, интересно: "Как некое отражение, отклик на всеобщую мольбу планета порождает необычную сущность, совмещающую в себе единый принцип жизни, способность гармонизировать и уравнивать, разрешая неразрешимое, соединяя несоединимое, давая толчок к началу трансформации на всех планах бытия. В мир приходит Великая Королева всего живого, рождаясь в том народе, который наиболее полно на данный момент отражает существующую реальность. После выполнения своей миссии Королева исчезает так же невероятно, как и появляется – из ниоткуда в никуда. Последнее пришествие Королевы было вызвано прилётом планеты Мардук, совпавшим с парадом планет Солнечной системы, что уравнивало противостояние сил, удержав Землю от несвоевременного тогда расслоения". Было бы интересно заглянуть в лицо этого главного принципа... Ну-ка.

Друг-ящик опять загудел, щёлкнул и выдал целый раздел под названием "Исторические документы", в котором обнаружилось ещё с десятков папок. Вскрыв одну под грифом "Картинки", в ожидании пока загрузится долгожданное изображение, я тихонько отступал по столу жизнеутверждающее "Сердце красавицы склонно к..." и повернулся к экрану, на котором уже появилась верхняя часть лица.

Знакомые чуть вьющиеся светлые пряди, украшенные сверкающими каплями росы или, может, драгоценными камнями, освещенные сбоку неярким утренним солнцем, которое превращало ореол волос в подобие нимба, чистый высокий лоб с едва заметными вертикальными морщинками меж гордо изогнутых бровей...

В вакууме тишины я ждал продолжения. Серая пелена экрана опадала, постепенно, послонно проваливаясь вниз и отставляя мне женский портрет.

Непривычный цвет спокойных ласковых глаз, состоящих из россыпи синих звезд и комет, фиолетовыми и кобальтовыми росчерками разлетающихся от бездонного центра, прямой нос с изящным вырезом маленьких ноздрей, чуть приоткрытые улыбающиеся губы...

Имя, уже готовое сорваться навстречу любимому облику, так и осталось непроизнесённым.

Это была она и не она. Как отражение в слегка изогнутом зеркале – чуть темнее глаза, более синие и серьезные, чуть тоньше губы и прямее нос – как если бы существовала её старшая сестра, невероятно близко на неё похожая, растворившаяся давным-давно в глубине времён и миров и призрачным немислимым сходством проступившая в чертах своей младшей сестры.

Я грезил наяву, погружаясь в омут воспоминаний, в бездонный ларец желаний, тяжёлым грузом покоящийся у меня на сердце. Диллин Дархаэлла, Великая лесная Королева, как занесло тебя в мир людей, для чего? Что искала ты среди нас? Или это насмешка судьбы надо мной? И над тобой? Воистину знание умножает скорбь души. Может, лучше было пребывать в неведении? Понятно, почему ты, но почему я? Все вопросы оставались без ответов. Пока. Я точно знал, что они где-то есть, эти самые ответы, готовые, упакованные и перевязанные ленточкой, с моим именем на обёртке, ждущие за каким-нибудь следующим поворотом этой странной истории.

Я смотрел на всё-таки чужое лицо, а видел тебя. Как будто не было этих лет, разделяющих и одновременно пока ещё связывающих нас. Память услужливо развернула страницу беззаботной юности, тщательно спрятанную даже от самого себя.

...Мы договорились встретиться, но я опоздал. Побежал искать Динни в лес, на наше заветное место. По дороге вдогонку пошёл дождь, тёплый летний дождь, дробно стучащий по нервно вздрагивающим листьям, с трудом прорывающийся через них и опадающий в пересохшую землю. Словно отвечая на благодарный вздох почвы под ногами, капли застучали всё быстрее и быстрее, сливаясь в единые прозрачные жгуты, столбиками упирающиеся в грозное небо. Откуда-то сбоку неожиданно буйно ударил солнечный свет, проходя сквозь водопад дождя тысячами бликов крошечных светил. Я шёл среди феерического великолепия огней, проходя под радугами как под разноцветными воротами, отмечающими весь мой путь до озера. Ещё издали я услышал её смех – казалось, что это просто дождевые капли звенят, ударяясь о поверхность воды. Я заспешил напрямую через мокрый кустарник, выскочил на берег и вдруг увидел купающуюся Динни. Она меня не заметила, увлеченная игрой с рыбками, стайкой мелькавшими у её колен. Дождь опять усилился, на стыке вод вздувая пузыри, превращающие поверхность озера в пупырчатую кожу невиданного зверя. Распугав рыбок резким движением, Динни тряхнула головой, собирая в пучок волосы, до этого скрывавшие её наподобие накидки, и, запрокинув лицо, разведя в стороны руки, подставила под сияющие струи своё обнажённое тело. Я непроизвольно шагнул назад под защиту ветвей, растерянный, оглушённый, понимая, что с каждым мгновением у меня всё меньше шансов выйти, посвистывая, и как ни в чём не бывало спросить: "Привет, как водичка?". Я стоял и смотрел, наплевав на все условности и запреты, потому что именно в такие мгновения и приходит ощущение того, что ты живёшь и любишь по-настоящему. Я стоял и смотрел, вспоминая и удивляясь, как же я пропустил тот момент, когда из угловатой смешливой девчонки она превратилась в красивую молодую женщину. Я стоял и смотрел... Потом повернулся и молча ушёл.

Тогда я впервые задумался о том, что мы давно уже не дети, и что разницы в возрасте для любви не существует. Но, увы, в молодости мы неспособны ждать – время измеряется монотонной бесконечностью, а необдуманый кивок головы в чужую сторону, глупое неосторожное слово может повлечь за собой непредсказуемые последствия. Человеческая жизнь якобы не стоит ничего, а смерть воспринимается как игра воображения. К сожалению, за ошибки молодости порой приходится расплачиваться все последующие годы. И даже смерть иногда не является достаточно весомой и убедительной ценой.

Неожиданно напомнил о себе компьютер, что-то прогудел и, щёлкнув, затих.

Изображение дрогнуло и истаяло цветными точками, оставив после себя чёрный прямоугольник такого густо непроницаемого цвета, что он казался дырой в пустоту. Намерение у меня родилось самое идиотское, но я решил с собой не бороться и протянул руку, собираясь коснуться экрана. "Не стоит... этого... делать...", – голос был неприятный, безжизненно тихий и, тем не менее, властный. Я завертел головой – естественно, никого не увидел. Лишь вокруг стусилась тишина, как будто бы я угодил под стеклянный колпак. "Условности, опять условности... Не надо суетиться... Сегодня мы хотим... говорить, не убивать... Только говорить". Опять магары?! И зачем я им нужен? Почему именно я?... Хм. Поговорить им, видите ли, надо... Ну, да. Убить всегда успеют, слышали уже про такое. С их точки зрения подопытная крыса должна быть благодарна за продолжение эксперимента, а не за смерть во имя науки? Что-то горячее и тяжёлое недовольно зашевелилось на моей груди под рубашкой, очень своевременно напоминая о своём присутствии. Я улыбнулся и накрыл рукой королевскую печать. Отчего-то полез в карман, достал жемчужину и положил перед собой. Она гневно светилась красным. Ах вы мои бдительные! Втроём нам никто не страшен. Мне сделалось легко и безудержно весело. Я представил, что опасный гость как бы не настоящий, а нарисованный, и тут же окончательно успокоился, откинувшись в кресле, по примеру Трояна Модестовича важно взгромоздив ноги на стол – грязными подошвами по направлению к монитору. Достал сигарету, но закурить не успел.

"Мы вполне понимаем ваше человеческое желание поиграть в героя. Это позже. У вас непременно будет такой шанс, но сейчас у нас мало времени, а поговорить необходимо". Теперь, кроме звучащего в голове холодного шепота, прямо передо мной, зависнув в черноте, неспешно ползла светящаяся полоса готического шрифта.

– Что нужно-то? – беседовать с непрошеным гостем не хотелось совершенно, но где-то в глубине меня разгоралось любопытство: "А что будет, если все-таки?.."

"Нужно-то вам – остаться живым и невредимым, как минимум. Как максимум, мы можем доставить вас в конечную точку вашего путешествия. Немедленно. И вы встретитесь со своей возлюбленной. Взамен мы ничего не требуем – своим согласием вы решите проблемы многих".

– С чего это вдруг такая благотворительность? – насутился я. Упоминание о Динни ушатом ледяной воды как нельзя вовремя вернуло действительность. – От вашего предложения несёт сэконд хэндом: не ново и уже где-то применялось. Нет уж, увольте. Да и вообще, я не ищу простых путей, а бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Тем более, не люблю, когда мотивы собеседника мне непонятны. Испокон веков такие альянсы приводили на плаху.

"Зря. Другого раза не будет. Вы не понимаете, от чего отказываетесь".

Экран за моими ботинками вдруг стусился голубым. Изображение вновь ожило, дыша дождевой прохладой и набегающими волнами. Из озера прямо на меня выходила освещенная солнцем Динни. Мокрые волосы струились по плечам и спине, спадая почти до колен. Влажная кожа на груди и бёдрах при каждом шаге переливалась и вспыхивала множеством радужных искр. В памяти опять всплыла картина Боттичелли, только теперь Афродита была мне знакома. Знакома, желанна и... недоступна... Что ж, как всегда – игра без правил. Получика опять ниже пояса. А чего я, собственно, ждал?

Печать внезапно рванулась вперёд и, сдёрнув меня с кресла, увлекла моё тело за собой, в полёте скорректировав направление удара. Головы. Естественно моей. Прямо в центр экрана. Гол. Десятка. Бис! Чуть отдышавшись, растирая стремительно растущую на лбу шишку, я сидел около разбитого монитора, глядя то на паутину трещин, солнышком разбегающуюся от середины, то на печать, скромно висящую как ни в чём не бывало на своём обычном месте, то есть, на моей многострадальной шее. Увидев упавшую на пол вторую свою спутницу, ставшую привычно жёлтой, я машинально нагнулся, собираясь её поднять. Тут же надо мной бухнуло, слегка посыпав стеклышками, и повалил густой дым. Подхватили почин соседние мониторы, ответно разбрасываясь экранами и беспорядочно вспыхивая то тут, то там. Запахнув

жемчужину в карман, я ползком в нижнем ярусе отступил под прикрытие широченного директорского стола.

Прибежал Троян Модестович, засуетился, подпрыгивая и что-то крича про винчестеры и "убитую" систему.

Следом притащился, волоча хвост и безвольно поникнув крыльями, Врахильдорст. Пьяно икнув, полез на ближайший стол. Покряхтел. Перекинул через край толстое брюшко. Наконец, как-то преодолев подъём, он выпрямился, обведя окрестности мутным взором, резко хлопнул ручками и, видимо для убедительности, что-то визгливо прокричал в пространство. После чего его вырвало вниз, прямо на шикарное ковровое покрытие. Неизвестно, какая из произведенных манипуляций подействовала более всего, но дым и буханье прекратилось тотчас же, пелена рассеялась, открывая нашим взорам прискорбнейшее зрелище грандиозного погрома. Посреди всего этого безобразия с немим укором на лице восклицательным знаком возвышалась фигура профессора.

– Ну, Ва-а-а, hrenus* тебя дери... Amabilis insania! Destruam in zadus, perdus, pizdus, mordus ex auribus asinum! Da chtob teba pripodninum et horrible pripustinum! Senilis progresus! Mus in pice! Bla... bla... bla*... – он судорожно вздохнул и чуть спокойнее продолжил: – Ну... Sit modus in rebus**, студент бешеный. Asinus in tegulis***! Ну нельзя же так часто и так продуктивно, ex abrupto**** разносить всё вокруг. Или кто-то за тобой охотится? Не пойму, у тебя что, спина крестом помечена? Или что-нибудь пониже спины?! Ты случайно фамильное серебро у кого-нибудь не позаимствовал? Почему вдруг такой интерес к твоей скромной персоне? XY(z)...!!!

– А меня преследуют? – начал было я и осёкся.

– Ex Cathedra*****! Именно так! Оглянись вокруг – явно присутствует injuria realis*****! Даже беглого взгляда достаточно, чтобы констатировать факт бандитского нападения. Или ты будешь упираться, настаивая на том, что здесь имело место землетрясение?

– Ладно, Троян. Не видишь, ему и без нас тошно, – вытирая рот, вступился за меня Врахильдорст. – Сейчас вон, по моему примеру, его ещё и вырвет на многочисленные факты и доказательства участия-причастия к, как ты выразился, бандитскому нападению. К тому же, сам ведь говорил, что здесь всё мираж, иллюзия, обман зрения, так что будь добр – окажи услугу, уж помашки руками, сделай, как было, а то спать ложиться среди мусора неэстетично. Могу перевести: magis inepte, quam ineleganter***** ... Да, Вася, или тебе уже всё равно?

Мне было всё равно. Как говорится: по барабану, до лампочки, едино и без разницы, короче всё-рав-но! Плевать на жуткий бардак и чихать на звучную латынь.

Устроившись в ближайшем кресле, я вытянул ноги и устало закрыл глаза – пусть хоть рота пьяных дракакурдов скачет верхом на пушистых каттах, а мне бы хоть пять минут – в тишине и покое – с мыслями собраться...

* – непереводимые эмоциональные выражения

** – во всяком деле знай меру

*** – осёл на крыше (невиданное)

**** – без предварительной подготовки

***** – непререкаемо

***** – оскорбление действием

***** – скорее нелепо, чем неизящно

Что ж... Свобода – понятие относительное. Спросите у цветка – свободен ли он, или корни – это цепь, которая приковала его к кормилице-земле? И он обречён в своём заточении? А может быть, для него не существует этого плена, потому что он никогда о нём и не думает? Тогда, может быть, свободен баловень-ветер, качающий его листья? Стоит только спросить его об этом... Безбрежный мир переплетений, связей и пут. Бесконечный лабиринт. Может, тогда свобода – это только миг перед уходом, когда ты, наконец-то, остаёшься только наедине с собой и со смертью?

ГЛАВА 8. ЛЕС.

*Зеленый лабиринт души подобен лесному царству,
Ибо он огромен до бесконечности.
И входов в него множество.
Да выход только один,
крошечный, как укол новорожденного комара.*

1

– Милая Фрийс'ха, мне так тревожно сегодня. С момента моего возвращения прошло всего несколько лет, а я только теперь постепенно начинаю осознавать, зачем я пребывала среди людей. В груди, вот здесь, растёт и копится чувство тревоги и ожидания неотвратимой беды. Я ощущаю каждое дуновение ветра, трепет листьев за тысячи миль отсюда, слышу, как отчаянно крикнул пойманный умирающий зверь, тысячи зверей, сотни тысяч – крики, шепоты, мысли, чувства. Вокруг тысячи тысяч, миллионы, бесчисленное количество сущностей, населяющих наш мир. И не только птицы, звери и растения – мудрые силсы, беспечные дэльфайсы, ненасытные грольхи, лешайры, кикиморры, вар-рахалы, корневики, дракакурды, русалки, гномы, черхадды, йокли, хуччи, крошечные дараины – множество множеств форм жизни... Я везде и нигде. Одновременно мне понятны мысли и чаянья людей – совершенно иные и, как ни странно, такие же. Мне тяжело. Невыразимо тяжело!..

– Это душа, моя госпожа. Величайший дар и величайшее испытание. Но только она знает ответ на мучающий Вас вопрос.

2

Дофрест заворочался у меня подмышкой, в довершение ещё и начал икать, ритмично вздрагивая брюшком. Наконец, окончательно проснувшись, он широко зевнул, громко хрустнув челюстями, и уселся мне прямо на грудь увесистой теплой тушкой.

– Вась, перестань притворяться. Ты давно ведь уже не спишь.

– Нет, сплю.

– Нет, не спишь. Открывай глаза, а то в нос рыгну!

– Будешь угрожать – в карман засуну!

Из вредности, зажмурившись сильнее, я попытался спихнуть Враххильдорста, но он удержался, крепко уцепившись ручками за карман моей рубахи. Упорно не желая просыпаться, я попытался опять погрузиться в желанное сновидение, но состояние было утеряно безвозвратно: я слышал, дышал и чувствовал. Я проснулся. Мало того – что-то жёсткое ощутимо врезалось мне под лопатку, а над головой кто-то свистел и копошился, сыпя сверху мелким мусором.

То, что я принял за ковёр в библиотеке, оказалось толстым слоем мха, покрывавшим всё пространство под могучими деревьями, заслонившими кронами небо, лишь местами пробивались отдельные солнечные лучики, высвечивавшие в воздухе невесомые пылинки. Пахло папоротником. Где-то в вышине пели невидимые птицы.

Я отодвинулся от узловатого корня, пересадил дофреста на колено и огляделся.

– Хорошо хоть, что не пустыня и не дно океана. Интересно, какое бюро путешествий составляет маршрут круиза? Как я понял, над выбором путёвки я, всё-таки, не властен?

– Как знать, как знать... Возможно, именно твоё горячее желание определяет направление перелёта, – Врахх чесался, зажмурившись от удовольствия.

– А профессор? Он с нами не ездит?

– А ему зачем? У него и так всё имеется. Библиотека – шикарное место, а Троян, своего рода, её неотъемлемая часть. Пытался он как-то пару раз отделиться от неё и воплотиться в нормальных условиях бытия – влюбился он, видите ли! – да так ничем это хорошим и не кончилось. А потом, профессор не настолько реален, как ты думаешь. Вернее, не в том смысле

существует, как может показаться. То есть, не так, как на первый, беглый взгляд... Тьфу, запутался. Одним словом, довольствуйся моим приятным обществом и точка! Или тебе по-иностранному повторить?

– А вот этого не надо. От латыни голова уже по швам расплзается. И потом, ты меня совершенно устраиваешь. Как товарищ по... путешествиям, – я заулыбался. – Кстати, Сусанин, помнишь, что ты куда-то меня вёл? Или уже лимонадная амнезия прогрессирует? Рановато. А может у вас, почтовых дофрестов, как у чукчей и индейцев, алкогольная зависимость с полбутылки, с полглотка?

– Куда вёл, туда и веду. Когда надо, тогда и дойдём. Терпение, мой юный друг – ещё не вечер! Ещё не выкурена последняя сигарета, есть патроны, запасной анекдот и фляга лимонада. Попробуй, скажи, что нам не весело. Когда так развлечёмся?

– Да уж, развлечения! Меня чуть не убили, а ему весело!

– Так ведь не убили же!

– Ладно, пойдём умоемся. Тут за деревьями ручей журчит.

Я привычно подхватил его на плечо и двинулся в сторону мелодично перекатывающегося звука. Ручей оказался совсем недалеко, прямо за деревьями, беря начало между корней и извиваясь сверкающей лентой, то пропадавшей, то появлявшейся среди высокой остроконечной травы.

На берегу, опустив в воду ноги, сидела девчушка лет девяти, с кудрявым затылком и тоненькой нежной шейкой. По её золотистым на свету рукам и ногам шла сложнейшая татуировка, изображавшая перевитые ольховые ветки. Пожалуй, это было единственное, что покрывало её загорелое тело, но и того хватало с избытком. Обернувшись на мои шаги, она сначала вздрогнула и, видимо, хотела убежать, но, заметив дофреста, заулыбалась и осталась сидеть на месте. У неё был доверчивый взгляд и мелодичный, подстать ручейку, голос.

– Доброе утро, – напевно произнесла она. – Извините, вы появились столь внезапно, что я немного растерялась. Могу ли я чем-нибудь быть полезной?

– Не волнуйся, мы здесь неофициально, – опередив меня, важно ответил Врахильдорст. Он приосанился и восседал, как известный киноартист, собирающийся дать автограф начинающей статистке. – К тому же мы немного устали в пути и с радостью отдохнули бы в столь приятном месте. Нам необходимо умыться и позавтракать!

Она повела нас вглубь леса, по дороге что-то бесечно рассказывая и постоянно оглядываясь, не отстаём ли мы. С первого взгляда было понятно, что к обычному ребёнку она не имеет никакого отношения, и даже не в татуировках было дело... Я пригляделся к ней повнимательнее – создавалось впечатление, что в любую секунду девочка могла исчезнуть, раствориться в обступивших нас деревьях и кустах. Её фигурка бесшумно мелькала впереди, и пару раз мне чудилось, что детская рука проходила заслонявшие тропинку ветки насквозь. В остальном вопросов не было – она отбрасывала тень, не летела по воздуху и, главное, вела нас к долгожданному завтраку, который так громко требовали наши бурчащие животы.

Девочку звали Юнэйся, и она была гамадриадой ольхового дерева, о чём через некоторое время сообщила сама. Что означало полное несоответствие её внешнего облика и преклонного, по моим меркам, возраста.

– Пришли! – радостно сообщила она.

Открывшееся нашим глазам место походило на небольшую гостиную под открытым небом. Толстые стволы деревьев образовывали здесь надёжную защиту от посторонних глаз: местами они плотно смыкались, представляя собой единую шершавую стену с удобными выпуклостями и углублениями, напоминавшими полочки и ниши. Густая мягкая трава под ногами была неправдоподобно ровной, травинка к травинке. Слева располагалось озерцо с чистой водой и плотным песчаным берегом, с одной стороны сморщившимся в подобие ступенек. Поверхность слегка бурлила – на дне водоёма бил ключ.

Я разделся и почти благоговейно вошёл в воду.

Я ожидал, что вода будет ледяной, но она лишь приятно холодила, слегка касаясь струями уставшего тела. Вволю наплававшись, смыв с себя нечто большее, чем просто грязь, я вылез на солнышко и растянулся на траве.

Дофрест, как ни странно, тоже полез купаться, чуть-чуть поплескался на мелководье, плывя мехом, брызгаясь крылышками и фыркая, и вдруг, взвизгнув, прыгнул на глубину, по-детски подобрал ножки, зажав нос пальцами и зажмурившись. Шумно вынырнул и, мастерски работая хвостом, стремительно пересёк водоём. Выбравшись на берег около меня, расположился рядом сушиться.

Мы откровенно блаженствовали.

А вокруг разворачивалось настоящее феерическое действие. Невесть откуда вылез здоровенный корень, свернувшийся спиралью и тут же прямо на глазах обросший слоем коры, сравнявшим все шероховатости и неровности. Тем самым, в одну минуту был готов отличный стол. Рядом с ним из земли выкарабкивались корни поменьше, разрастаясь в уютные кресла с высокими спинками и подлокотниками.

Надо всей этой конструктивной невообразимостью суетилось множество существ: летающих, ползающих, прыгающих, бегающих, деловито суетящихся и озабоченно стрекочущих. Все они что-то тащили, двигали, перекачивали, сортируя и раскладывая на столе ягодно-плодово-ореховые пирамидки. В деревянные чаши разливались напитки, тягуче-медовые или прозрачно-пенистые. Чашечки, блюдечки и вазочки заполнялись разноцветными и разнопахучими смесями, мешанинами и отдельными кусками, знакомого и незнакомого вида. Закончив приготовления, шепуршаще-копошащееся войско разбежалось кто куда, вмиг растворившись в траве и листве. Нас тактично оставили одних. Не мешкая, мы уселись за стол.

Сразу же моё внимание привлекло огромное блюдо с крапчатыми яйцами, снесёнными кем угодно, но только не курицей, однако они завлекательно пахли жареными грибами со сметаной. Не удержавшись, я взял одно и аккуратно надкусил плотную, упругую оболочку. Результат превзошёл все ожидания: внутри оказалась ароматная сочная мякоть, чуть пряная, чуть острая, действительно напоминавшая по вкусу грибы – лисички! – запечённые в печи с приправами и деревенской сметаной.

Врахильдорст поглощал ярко-оранжевую кашицу, черпая её из мисочки непосредственно пальцем, ничуть не заботясь о манерах и приличиях. Впрочем, кто их знает, что принято здесь и не принято там? Может, у кого-то высшим достижением воспитания считается умение наступить ногой и рвать зубами? Или изящно ковыряться ноготком в цветочном пестике?

Умяв три пары грибных яиц, я решил экспериментировать дальше. Для начала тоже копнул пальцем оранжевой кашицы у замешкавшегося дофреста, на секунду онемевшего от такой наглости и тут же отодвинувшего чашечку на недосягаемое для меня расстояние. Вкусно! Даже очень вкусно – мангово-сливочный джем? Цветочное мороженое?

По-хозяйски оглядев огромный стол, я цепко определил для себя некую очередность экзотических блюд, решив "обожраться-таки и помереть молодым", но пере попробовать хотя бы половину пищевой экспозиции. Единственное, что усложняло реализацию задуманного, было расстояние до выбранных мною кушаний. Заметив напряженный мыслительный процесс, так некстати отразившийся на моём лице, Юнэйся махнула мне рукой, мол, нечего беспокоиться, и слегка прищёлкнула пальцами. Появились смешные существа, похожие на крошечные белые колпачки. Сверху у каждого имелся ещё один колпачок поменьше, вроде головы, и пара полупрозрачных ручек-крылышек, которыми они необыкновенно ловко подцепляли нужное мне блюдо, вдвоём или втроём транспортируя его в мою сторону, невесомо переплывая прямо по воздуху. При этом колпачки издавали шелестящий звук, напоминавший тихое, тактичное перешептывание.

– Это дараины. Мои первейшие друзья, трудолюбивые и разумные. Звук, который вас заинтересовал, действительно является их формой общения между собой, – Юнэйся явно гордилась своими старательными помощниками. – Они заботятся о семенах и зёрнах растений, охраняя и наполняя их силой. Им ведомы процессы превращения семени в дерево или цветок.

Если бы не дараины, то тёмные силы могли бы вмешаться, преобразовывая растительный мир в хищную, ненасытную флору...

– И нас бы всех скушали, – перебил я симпатичную, серьезно вещающую хозяйку, принимая от дараинов объёмное блюдо с полосатыми плодами.

– Вы зря смеетесь, – по-детски надула губки Юнэйся. – Поверьте, это совсем не весело!

– А что за тёмные силы, которые нас злобно гнетут? Повсюду враги, убийцы и шпионы кардинала? – я никак не мог заставить себя говорить серьёзно.

– А что такое "кардинал"? Ну вот, вы опять смеетесь! А зря! Большие неприятности начинаются с незначительных мелочей: проезжающие мимо туристы оставляют после себя огромные выгоревшие пространства, вслед за проходящим по лесу лесником начинаются очередные вырубki. И это только люди! Не говоря о других жителях нашего мира и миров за его Пределом.

– Например, Мардук?

– Вы знаете про магаров? – дриада так неподдельно искренне удивилась, что я еле удержался, чтобы не рассмеяться.

– Да кто ж не знает про магаров?!

– Вы опять шутите!

– Да нет, просто до сих пор не могу привыкнуть, что столь юная особа вещает как... ну, как...

– Как старый мудрый лешаир, – обстоятельно закончила за меня Юнэйся.

– А лешаир – это, в смысле, леший?

– Странно, знаете про магаров, а в простом путаетесь. Нет ведь леших. Только в сказках придумали, что по лесу ходит дед весь во мху и народ заманивает. Лешаиры не такие.

– А какие? С сучками вместо рук и ног? Как пеньки или колоды?

– Да нет же!!! Как пеньки и с сучками – это корневики! – она уже чуть не плакала.

Дофрест оторвался от обсасывания пальцев, вздохнул и отодвинул чисто вылизанную мисочку.

– Вы бы пошли прогуляться, – предложил он. – Заодно и в терминах определитесь. Уважаемая Юнэйся, у сего молодого человека преобладает зрительное восприятие над всеми остальными. Вы ему покажите, и дело в шляпе, то есть, в дупле! Тут же живёт поблизости почтенный Илэйш Эшх. Если мне, конечно, не изменяют остатки памяти.

– Точно! Дедушка Эшх! – дриада оживилась и, соскочив со своего кресла, резво обежала вокруг стола, явно намереваясь прервать мою трапезу. – Пойдёмте, ведь вы же наелись. Правда-правда. Вы больше совершенно не хотите есть. Ни-чу-точ-ки.

Это походило на заклинание, я решил было возмутиться, но опоздал – аппетит растворился, как вчерашние мыльные пузыри – раз и нету. Осталось лишь чувство полного удовлетворения – поел, как песню сложил.

– Пойдёмте же! – её голос мог растопить и глыбу, не то что моё и без того стоворчивое сердце.

– Идём. И давай на "ты", а то слишком витиевато, извини, не привык. Да и вроде бы, ты меня старше получаешься.

Юнэйся кивнула, соглашаясь то ли со своим почтенным возрастом, то ли с более приватным обращением, и потащила меня куда-то прямо через расступавшиеся кусты, оставив на поляне удовлетворенно улыбавшегося Врахильдорста, как я успел заметить, придвигавшего к себе очередную тарелочку с чем-то диковинно бирюзовым.

3

Наша прогулка напоминала скачки с препятствиями и совсем не походила на культурно-просветительскую экскурсию – я уже начал опасаться за содержимое моего желудка, нещадно взболтанное и перетряхнутое, но очередной поворот внезапно окончился круглой лужайкой с лубочной избушкой посередине. Не снижая скорости, Юнэйся подскочила к двери и энергично забарабанила в неё кулачком.

– Дедушка! Ты дома? Деда-а!!!

Я присел на вросшую в землю завалинку под вдавленным пыльным окошком.

– Она всегда была такая суетливая. Белки – и те меньше скачут, – неторопливый, чуть шамкающий голос раздался у меня прямо над ухом. – Молодозелено.

Я повернулся к внезапному собеседнику и чуть не стукнулся с ним носом. Рядом, почти вплотную, сидел, закинув ногу на ногу и сложив на коленях кряжистые руки, невысокий сморщенный старичок в чистой клетчатой рубаше, плотных, защитного цвета штанах и соломенных плетёных лаптях. У него были ласковые смеющиеся глаза под нависающими бровями и колоритные усы, неровно подстриженные явно неприспособленными для этого ножницами. Тут же лежала медленно утасающая трубка с потемневшим янтарным мундштуком и полустертой резьбой.

– Дедушка, ты опять куришь?! Тебе же вредно. Вот поймаю поганцев, которые снабжают тебя этой гадостью. Небось, опять грольхи?

– Здравствуй, ладушка! Что ж ты перед гостем-то ругаешься? Ай-яй-яй... Пойдёмте-ка лучше в дом, – покрхтывая, он поднялся с завалинки и, уже входя в дверь, снова повернулся ко мне: – Илэйш Эшх, к вашим услугам. Прощу, проходите.

Внутри оказалось чисто и уютно. Комната была маленькая, с закопченной печкой, лавкой, сундуком и столом посредине. Терпко пахло сохнувшими повсюду пучками трав, подвешенными прямо к потолку. Единственное окошко давало столько света, сколько было нужно, чтобы не стукаться об углы. Впрочем, сам хозяин, мастерски лавируя между незатейливой мебелью, проворно забежал за печь и вынес оттуда старую керосиновую лампу. Взгромоздив её на стол, он тихонько поскрёб крутой бок и вежливо попросил: "Зажгись, пожалуйста". Лампа тут же засветилась. Старичок развернулся к нам и, потрепав по щеке девочку, спросил:

– Ну, егоза, знакомь, кто сей добрый молодец? Зачем пожаловал?

Юнэйся замаялась, вдруг разом растеряв весь свой пыл, и в смятении глянула на меня: действительно, не рассказывать же о наших пустяковых спорах. Как там дофрест говаривал – надо определиться в терминах? Сейчас определимся.

– Меня зовут Василий, – пришёл я ей на помощь. – Я, понимаете ли, здесь проездом. Вернее проходом. Скоро назад, и следа не останется, не то что тропинки.

– Василий, говоришь? Ну, Лес с тобой, пусть будет Василий. Каждый зовётся так, как о себе думает, а имена, что листья, опадают и вырастают новые. Эх-

эх-кхех... Глядишь, и из Василия произрастёт что-нибудь неожиданно-негаданное, – он зорко окинул меня взглядом, будто примериваясь. – Проездом-проходом? Случайно? Эх-эх... Ты идёшь своей единственной, незримой тропой, думая, что осторожно пересекаешь не тронутый луг, а сам оставляешь после себя такую колею, по которой может пройти даже табун каорхárov.

– Какую колею? Табун кого? Каар...херроф?

– Ка-ор-ха-ров! – терпеливо поправил меня дед. – Какую, какую... Широкую! Твоя судьба, как и тень, следует за тобой повсюду! Что под рубашечкой-то, а? И карман, вон, правый светится. Скажи ещё, что фонарик забыл выключить? Смотри-и, светляк-то перегорит али штанину протлеет.

Я потянулся рукой к штанам – какой такой фонарик? – опомнился и замолчал. Постепенно пришло чувство, что дофрест – паршивец! – опять всё знал наперёд, решил очередное занятие мне устроить по ликбезу. Ну, что ж – поликбезимся! Ещё и удовольствие получим: собеседник-то попался редкостный и очень мне симпатичный.

Я улыбнулся и неожиданно успокоился.

– Вот то-то и оно. И ножки свои уставшие протяни, – не унимался удивительный старичок. – Для спешки время не пришло. Отдыхай пока, ума набирайся. Добрый молодец не плечом, а умом силен. Слыхал, небось, как Иванушка в сказке со Змеем Горынычем бился? Ведь пока не изловчился, не смог его победить. Кстати, он не Горыныч, а Горынович – отчество у него такое.

– А ведь верно. Меня ещё в детстве этот вопрос занимал: что значит "изловчился"? Что он такого сделал-то? – мне было опять легко и весело. Компания приятная, а остальное не имело значения. Чем дальше в лес, тем глубже в сказку? Что ж, в чудеса я поверил уже пару дней назад, так что пусть будут и Иваны со Змеями Горыновичами! До кучи, так сказать... Русский я человек али как, в конце-то концов?

Лешайр, глядя на меня, хмыкнул в усы и понимающе кивнул:

– Что сделал, то и сделал. Каждый ловчился по-своему.

– А их много было?

– Да словно клопов лесных. Все в Иванушки лезут, кому не лень! Каждому охота царевну в жёны, да за просто так, и полцарства в придачу. Кто попроще – мечтают о сокровищах Горыновича, да чтоб без драки, потихоньку стащить и бегом дворец покупать. Будто Змей – полный кретин – дома не ночует, только за красными девицами и летает. Делать ему нечего! Он у нас гуманист и джентльмен, девушки его и так любят, отбоя нет. Чего за ними бегать-то? К тому же, как ты думаешь, он постоянно, что ли, в чешуе щеголяет? Сам попробуй – спокойной жизни конец! – он поучительно воздел к потолку узловатый палец. – Надо уступать дорогу дуракам и сумасшедшим. Уступив – сразу выиграешь. Вот так-то, милоч.

– Вы меня заинтриговали. Какой-то совершенно немыслимый парень. Познакомьте на досуге!

– Легче лёгкого! Он у нас общительный, в хорошем смысле слова, – глупцов жрать перестал, почитай, уж лет семьсот назад. У него от них изжога. Говорит, яд человеческий в десять раз сильнее змеиного.

– Да ладно уж, может, я и глупец, не знаю, но точно глупец неядовитый, – фыркнул я, старательно поддерживая беседу и по старой привычке переводя разговор на себя.

– Значит, не глуп. Дурак никогда себя дураком не признает. А с Горыновичем, пожалуй, ты и сам встретишься, уж больно он фигура колоритная – мимо не пройдёшь, конём не объедешь, на ковре не облетишь.

Притихшая Юнэйся с явным интересом слушала наш разговор. Потом, как будто что-то вспомнив, оживилась и, улучив момент, встряла в беседу:

– Дедушка, посмотри в свою книгу, а? Что ждёт Василия? Чего ему опасаться?

– Стоп, стоп! – я аж привстал на месте. – Я не красна девица, а дед не цыганка. Не надо мне гадать, а то предсказания обладают премерзким свойством сбываться, да с точностью до

наоборот. Я уж сам как-нибудь, не нужно за меня выбирать дорожный указатель. Не лишайте удовольствия вляпаться в какую-нибудь бяку самостоятельно и обкушаться ею до одурения.

– Ну, Василий, ты даёшь. Думал, что ты умён, но чтобы настолько!.. – лешайр преувеличенно восторженно поцокал языком.

– Без оскорблений попрошу! На себя посмотрите: классический почётный член Академии наук! – в следующую секунду мы, всё-таки, не выдержали и дружно захихикали, не обращая внимание на удивлённо распахнутые глаза замершей рядом Юнэйси. Старичок махнул на меня рукой.

– Гадать, как просит внушка, я тебе, конечно же, не буду: ты и так много чего знаешь, а что не ведаешь – полезно через собственные шишки да синяки постигать. Вернее приложится. Вон на лбу какой красавец! Уж точно, того, кто его поставил, не забудешь... Да мало ль тебе советов по жизни дадено было? Помнишь хоть один?

– Естественно. Не писать мимо горшка, мыть руки перед едой, не целовать чужих девушек, не обижать маленьких, не дразнить собак, уступать дорогу поездам и место пенсионеркам, не... – я старательно загибал пальцы, в глубине души понимая, что я действительно не могу вспомнить ни одного стоящего совета – одни прописные "умные глупости". Дедушка Эшх улыбчиво кивал, казалось, ещё минута и он скажет: "За экзамен тебе ставлю five..." и подпишет зачётку.

– Про горшок и девушек – это ты молодец, правильно подметил. Так что говорить я тебе, всё-таки, ничего не буду. И не смотри на меня так жалостливо, Юнэйся, ты уже не маленькая, должна понимать, почитай, на вторую сотню лет перевалила, – тут он окончательно развернулся ко мне, покрутил усы, оглядел с головы до ног и добавил: – А вот в дорогу, пожалуй, дам я тебе, Василий, в коллекцию к висюльке с фонариком, одну полезную вещицу, правда, одноразового пользования. Ну, ничего, чтобы голову врагу срубить и одного замаха достаточно, а в любви важен, по сути, только один поцелуй – самый первый. Да и...

– И?... – улыбнулся я.

Он меня уже не слушал да и не слышал, кряхтя, залез под лавку, что-то продолжая бубнить, сбившись на учительские интонации. Из-под лавки остались видны только его лапти и полосатые носки с пронзительно-оранжевыми заплатками. Что-то гремело и шершаво переставлялось. Выкатилась кастрюля, яблоко и пара свечек. Выскочил огромный, толстый кот, сверкающий глазищами и недовольно мяукающий. Натолкнувшись на меня, он приосанился и, задравши хвост, гордо прошествовал к печи, на которую, впрочем, запрыгнул еле-еле, натужно скребанув когтями по известке. Заняв ключевую позицию, уставился на нас с важно-презрительным видом генеральской жены, случайно увидевшей километровую очередь за сосисками.

Наконец вылез и лешайр, пыльный, но очень довольный собой. В кулаке он сжимал небольшой клубок то ли ниток, то ли какой-то непомерно длинной травы.

– Вот. Правда, остатки. Запоматова, извините старика.

– Ух ты-ы!.. Дедушка, это ж путеводная трава! – глаза Юнэйси стали уж совсем невообразимой формы и размера. – А поговаривали, что она давно нигде не растёт. Врали, значит, чурки дубовые!

– Почему врали? И точно, не растёт. Считай, что у меня просто закатилась, – отряхиваясь, проговорил он.

– И сколько у тебя всякого разного закатилось, а, деда? – недоверчиво прищурилась дриада.

– Много будешь знать – корни посохнут, и листва опадёт! Придётся тебя окучивать да окапывать – была забота! Я уж лучше помолчу, а то от работы не только корни сохнут, то есть кони дохнут... А ты, Василий, смотри сюда. Сказки читал? Вот и молодец. Если потерялся али заблудился где – кинь клубок о землю, притопни, прихлопни, он и покатится, а ты за ним следом ступай. Правда, куда выведет – это наверняка сказать нельзя, но то, что выведет – точно! Получай.

Я попытался преисполниться важностью и торжественностью момента – не получилось. Мысленно плюнул и обыденно засунул клубок в свободный карман: – Спасибо!

На печи насмешливо фыркнул кот. Лешайр, погрозив ему кулаком, сказал:

– Не твоё дело, Васька. Знай – молоко лакай.

– Тоже Василий? Тёзка?

– Вот и я говорю: имя пора тебе менять, а то действительно, кто-нибудь с котом перепутает. Ничего, срок придёт, всё само собой произойдет. И рот не успеешь захлопнуть, а муха уже влетела...

Дед так и не договорил, наверное, опять что-то очень важное. Вот так всегда по жизни – не хватает слова, вдоха, шага.

За оконцем вспыхнуло, замерцало пульсирующее живое марево. Потом вмиг стихло, успокоилось и вернулось назад многоголосьем и смехом.

Оглянулся назад – дед усиленно приглаживал усы, кот спрятался, а Юнэйся замерла, всматриваясь в мутное стекло, старательно протирая его пальчиком.

– К нам прибыл ревизор? – осведомился я, но ответа не дождался.

Дедушка Эшх, приосанившийся и важный, предварительно крикнув, отряхнул и без того чистую рубашку, приоткрыл низенькую дверь и вышел наружу.

4

Поляна перед избушкой была забита до предела.

Сначала было непонятно, как в такое маленькое пространство умудрилась поместиться вся эта говорливо-шевелиющаяся пёстрая толпа. Приглядевшись, я увидел, что лужайка, слегка смазанная по краям, с проступавшими сквозь расплывающиеся деревья мраморными колоннами и гобеленами (будто лес совместился с покоем дворца), растянулась до размеров небольшого конференц-зала, вместившего в себя около ста человек. То есть, на первый, очень беглый взгляд собравшихся можно было назвать людьми. На второй, тоже весьма беглый, становилось совершенно очевидно, что к людям сии персоны имеют весьма отдалённое отношение. Например, ближайшая дама, стоявшая перед окном избушки, основательно загораживавшая нам обзор своей великолепной спиной в декольте, открытом гораздо ниже пояса, вдруг рассмеялась на настойчивое бормотание склонившегося к ней кавалера и, похлопав его по плечу веером, развернулась, что-то говоря ему в ответ. Ого!!! Бриллиантовая стрекоза, сидевшая на её ухе, не скрывала его необычную удлинённо-острую форму, гармонично сочетавшуюся с таким же удлинённым разрезом показавшегося глаза – золотистого, при полном отсутствии белка. У мужчины, целовавшего подставленную руку, обнаружился аккуратный, чуть выступавший гребень, идущий вместо шейных позвонков, раздваивавшийся и исчезающий под волосами. Дальше – больше! Подошедшая к ним нарядная девочка оказалась и не девочкой вовсе. Стоило мне прикинуть к стеклу, и я понял, что впечатление юности было вызвано лишь стереотипом мышления, связанным только с маленьким ростом, так не гармонизировавшим с мудрой усталостью глаз и сеточкой морщин на всё ещё очень красивом лице. На плече "девочки" восседала не большая птица: что-то среднее между вороной и попугаем. Дама в декольте и гребенчатый кавалер церемонно поздоровались и с птицей, и с её миниатюрной хозяйкой, слегка наклонившей голову (причём, именно в этой последовательности – птица, а потом дама). За хозяйку, как и следовало ожидать, ответила ворона-попугай, чья длинная тирада вызвала очередную серию кивков, поклонов и приседаний, после чего экзотическая пара отбыла, уступая место следующему занятому персонажу, щеголявшему чешуйчатой кожей и беспокойным раздвоенным языком, во время приветствия то и дело выскакивавшим наружу.

– Может, выйдем? – прошептала Юнэйся над самым ухом. От неожиданности я подскочил, чуть не выдавив лбом оконце. Тьфу ты, сову тебе в дупло, кто ж под руку-то?..

– Выйдем, выйдем. А смокинг? Я не при параде, – прошепел я, растирая многострадальный лоб. – А за окном он самый и наблюдается, если это не сплошные глюки, конечно.

– Что такое плюки... глюки? Не путай меня! – суетилась дриада. – Пойдём! Да нас даже никто и не заметит, в такой толчее-то, а так ничего не слышно. Чего стёкла-то вышибать? Они в лесу большая ценность.

Она в последний раз дёрнула меня за рукав и выскочила из избушки, в спешке хлопнув дверь. С печи выжидательно смотрел кот.

– Ну-рр? – спросил он, привставая на лапах.

– Пока, усатая морда, – вздохнул я. – Береги деда.

Всё моё было при мне – собирать нечего, ожидать некого. Раз пошла такая пьянка, режь последний огурец! Я шагнул следом.

Меня никто не заметил: кто скользил скучающим взглядом, кто заученно, не всматриваясь, кивал головой. Хоть сиди на крылечке, хоть курсируй по залу-поляне – никому до меня не было никакого дела. Красотища! Я огляделся повторно, так сказать, в непосредственной близости: интригующая мешанина из сногшибательных красоток и сказочных персонажей, как будто только что сошедших с экрана фантастического сериала о звёздных войнах. Для начала изучил первую названную группу – никогда не видел столько роскошных женщин разом и так близко. Впечатление не портили ни сюрреалистическая форма ушей, глаз, рук и голов, ни цветочное сочетание волос и кожи. А что, по мне так фиолетовая кожа весьма неплохо дополняется изумрудными кудрями и золотой помадой на губах. Не без труда оторвавшись, наконец, от созерцания окружавших меня соблазнительных форм и объёмов, проглядывавших, просвечивавших и просто откровенно выставленных напоказ, я попытался-таки найти ушедшего лешайра и его внуку, высматривая их среди толпы – безрезультатно! Жаль. В данный момент их общество было бы как нельзя кстати: сформулировались вопросы, требовавшие наискорейших ответов. Ладно, подожду. Я решил следовать своему обычному правилу – не сопротивляться событиям. Когда ещё попаду на подобное сборище? А вопросы, как говаривал дофрест, разрешатся по мере... Кстати, как-то там дофрест?

Кто-то резко схватил меня сзади за локоть. Юнэйся?.. Она поспешно затащила меня за огромного субъекта, напоминавшего неудачно наряженного бритого медведя.

– Наше дело плохо! – заговорщически прошептала она. – Что-то случилось. Лет шестьдесят к нам не прибывала великая герцогиня. Если приехала сама – жди беды! Не зря же говорят: не радуйся долгому затишью – обязательно встретишь Эвил Сийну.

– А нас осчастливила именно Эвил Сийна?.. Знаком!

– Знаком?! – поперхнулась Юнэйся.

– Господи, ну что ты так испугалась? Заочно, конечно. Наслышан, начитан, ни разу не видел воочию. Вот ведь судьба: только прочитал – сразу практическое занятие. Забавно.

– Заба-авно??? Может, тебе и весело, а мы живём под её властью. Ах, если бы она нас просто не замечала! Герцогиня же использует свои законные территории для игрищ, мягко говоря, не соответствующих лесному этикету... Придумать такое способен лишь больной хрумм или помешанный кикимрúх!

– Но она, как я понимаю, не может сменить поле деятельности на Париж или Гавайи? – уточнил я, вспоминая прочитанное про дриад в библиотеке и одновременно отмечая про себя названия новых лесных жителей. Надо же, хрумм и кикимрух?

– Да, как всякая дриада и она скована рамками леса, – Юнэйся чуть погрустнела. – А ты её защищаешь?

– Да нет, отчего же. Пытаюсь понять.

– Да что тут понимать?! Да, мы – дриады. Да, мы прикованы к месту и дереву, нас породившему, но ведь можно воспринимать это не как тюрьму, а как высшее предназначение – служение Лесу. Вот, например – не надо ходить за тридевять лесов – соседняя дриальдальдинна, тоже герцогиня, Сейрин Ния Хаэлл, её любят и уважают. Все-все, даже самый крошечный новорожденный дараин знает, что махадриада сделает всё возможное и невозможное для каждого своего подопечного, будь то цветок или живое существо.

Стоявший рядом медведь обернулся и подозрительно зыркнул на нас из-под лохматых нависающих бровей: "Цыц, мелкотня!". Юнэйся машинально кивнула и, утянув меня пониже, возбуждённо зашептала мне прямо в ухо.

– А мы живём, как на муравейнике – сплошная суeta и, того гляди, подожгут. А она!.. – девочка сделала многозначительную паузу. – Она-то набрала себе бездельников и весело проводит время. Вот, полюбуясь. Они-и – её свита. Глаза б мои не смотрели! Тебе в новинку, понятно – с первого раза завораживает, но потом быстро привыкаешь. Мыльный пузырь тоже играет всеми цветами радуги, а внутри него пустота. Пшик. Рукой тронешь, хлоп и нету, стоишь весь в мыле.

– Может быть... А наверху-то что? Разве никто не знает?

– Знают! – помрачнела Юнэйся. – Но дриальдальдинна имеет полное законное право на свои фантазии. Конечно же, наказывать и осуждать её не за что – ведь никто не погиб, трава зелёная и кора не облезла. Так это же не её заслуга! Дедушка Эшх трудится с утра до вечера и с ночи до утра.

– А где он, кстати?

Ответа не последовало. Толпа, замолкая и разворачиваясь в одну сторону, спрессовалась, очищая посредине свободное место. В наступившей тишине, шурша и выбрасывая листья, распускаясь цветами, прямо из-под земли полезли побег, стремительно свиваясь в некое подобие зелёной арки. Минута – и цветущий проём был завершён. Он вспыхнул изнутри, засветился и загустел. Из него выкатилась ковровая да рожка, вслед за которой появилась женская фигура, вышедшая наружу с достоинством коронованной особы.

Я слотнул, Юнэйся скривила губы и отвернулась. Остальные склонились в глубоком поклоне.

Вновь прибывшая неспешно прошествовала по дорожке. Теперь она была слишком близко, чтобы не заметить, что она не просто красива, а царственно хороша, притом, что весь её облик бросал вызов всем и каждому, поднимая из глубины души самые противоречивые чувства: восторг и желание, преклонение и жажду, безумие и отрешенность. Я никогда не понимал, как за одну ночь с Клеопатрой кто-то платил жизнью. Теперь вопрос отпал сам собой. Может и правы были те, кто за несколько часов умопомрачительного взлёта могли распротиться со всем, чем обладали.

Эвил Сийна была невысока ростом, что, тем не менее, не мешало ей смотреть на всех сверху вниз. Обнажённое тело сплошь покрывали изображения растений, руны и знаки. Спереди, с пояса до колен, ниспадал каскад из нитей с нанизанными драгоценными камнями, оставляя открытыми бёдра. На высокой груди, закрывая расправленными крыльями соски, замерли две красно-белые бабочки. В комплект к ним такая же бабочка примостилась на узеньком бриллиантовом ожерелье, плотно обвивавшем шею. На каждом пальце на руках переливалось кольцо. Густые волосы, собранные на затылке, удерживались хрустальными, вспыхивающими искрами шпильками. Через пару минут от изобилия украшений у меня зарябило в глазах. Да уж, всего было по-царски слишком.

Вслед за ней на поляну выступили две чёрные лоснящиеся фигуры. Охранники? Любовники? Или то и другое вместе? Обведя толпу обжигающим взглядом, они встали за спиной герцогини, демонстративно поигрывая мускулами, готовые в любую секунду прыгнуть и вцепиться в горло каждому, невзирая на ранг и комплекцию. Толпа подалась назад. Эвил Сийна удовлетворённо улыбнулась и приветственно подняла руку.

Арочный проём постепенно угас, цветы роняли лепестки, листья засыхали и опадали прахом. Всего несколько секунд за спинами чёрных телохранителей бушевала осень. Миг, и двери не стало.

В последнее мгновение из затухающей глубины выскользнула невзрачная фигурка, прошмыгнула вперёд и примостилась у ног дриальдальдинны, едва доставая ей до бедра.

– Грольх, надо же, – вот теперь Юнэйся удивилась по-настоящему. Я присмотрелся повнимательнее.

Человечек, – а более всего он походил на уродливого человечка – щуплый, лысый, с белёсым лицом, с непомерно длинными пальцами на худых руках, завернутый в некое подобие накидки, скрывавшей его до кожистых серых стоп, примостился около герцогини, заглядывая ей в глаза со смешанным выражением преданности и хитрости. Под мышкой он держал футляр продолговатой формы – то ли музыкальный инструмент, то ли незнакомое оружие.

– Отчего он такой незагорелый и неупитанный? Мама в детстве не любила? – улыбнувшись, поинтересовался я. – Или собратья кашу отнимали? Характер, небось, от этого сильно испортился – брюзжит перед дождиком и не любит птичек с цветочками?

– Грольхи живут под землей, а наружу выкапываются только ночью – покушать. Кстати, они плотоядные, – не отрываясь от происходящего на поляне, сухо сообщила дриада.

– Еще скажи, хищники.

Юнэйся серьёзно посмотрела мне прямо в глаза и промолчала. Мне сделалось неуютно. Шутить тут же расхотелось. Вспомнилась Динни, которая однажды что-то такое говорила про грольхов и заманиваемых ими в лес детей. Я тогда, конечно, ей не поверил, теперь же поглядел на щуплую фигурку внимательно, оценивающе запоминая. Будто что-то почувствовав, человечек вздрогнул и уставился в нашу сторону – холодный взгляд выкаченных рыбьих глаз скользнул по толпе, распахнулась щель рта, образуя горизонтальную линию, растянутую от уха до уха. Это могло обозначать и улыбку, и предупреждение, в зависимости от фантазии смотрящего.

– Герцогиня предпочитает экзотику? – я предусмотрительно сдвинулся за широкую спину стоявшего впереди медведя.

– И экзотику, и эротику... Смотри, дедушка Эшх!

Действительно, обнаружился протискивающийся вперёд лешайр, всё ещё не перестающий приглаживать усы и покряхтывать. Подошёл к Эвил Сийне, слегка склонил голову, что-то тихо сказал ей. Та снисходительно улыбнулась в ответ одними губами, одновременно приподняв брови, и сделала рукой неопределенный жест собравшимся, мол, вольно, разойдитесь, можно и расслабиться. Из-за поднявшегося облегченного гула я не расслышал последовавшие слова, лишь по выражению её лица догадался, что лешайру было предложено прогуляться. Небрежно оттолкнув коленкой грольха, дриальдадьдинна двинулась по поляне, впрочем, не сходя с ковровой дорожки. Следом пристроился задумчивый Эшх и пара бесшумных телохранителей, воспринимавшихся уже как естественное, почти неодушевленное дополнение. Они неспешно шли в нашу сторону. Я прислушался.

– ...нет, госпожа, позвольте не согласиться с вами, – донёсся до меня голос Илэйш Эшха. – Свобода – понятие относительное. Спросите у цветка – свободен ли он, или корни – это, всё-таки, цепь, которая приковала его к матери-земле, и он обречён в своём заточении? Может, свобода – это только миг перед уходом, когда наконец-то остаёшься только наедине с собой и со смертью?

Герцогиня грациозно мерила шагами дорожку, не возражая, но явно оставаясь при своём мнении. Потом неожиданно продекламировала:

*Свобода – мечты легкий ветер,
Рождённый улыбкой Творца.
А вновь унесённые листья?
То Вечности вздох без конца...*

– Великий Лройх'н Доор Шиир. Кто не читал сих великолепных стихов?! – лешайр понимающе кивнул и продолжил:

*Свобода – надменное эхо.
Кто сможет его удержать?
А может, то хрупкая птичка
В руке, что боишься разжать?..*

Они немного помолчали, затем Эшх осторожно возобновил разговор:

– Слишком быстрый взлёт таит в себе не менее стремительное падение, а большая удача вызывает массу мелких бед. Не совершайте необдуманных поступков, госпожа. Порою повернуть назад бывает уже невозможно. А вырвавшись из так называемой клетки, ничего не стоит тут же угодить в другую, более крепкую.

– Мне кажется, ты забываешь, с кем говоришь! – герцогиня продолжала улыбаться, но глаза её прищурились, прикрывая ресницами медленно копящийся в них гнев. На лешайра она больше не смотрела. Ещё три шага – дорожка закончилась. Собеседники плавно затормозили, останавливаясь у самого края коврового полотна. – Здесь решаю я. Я! Только я и больше никто! То, что ты являешься прекрасным собеседником, делает тебе честь, конечно же, но не дает права – никакого! – заваливать меня советами, пусть даже, на твой взгляд, и удачными. Я уже не маленькая, времена вытирания носа и попки, слава Лесу, давно миновали.

Оба выдержали паузу, прекрасно понимая, что никакие насморки и грязные подгузники маленьким дриадам не грозят и в помине.

– Госпожа, – Илэйш Эшх первым прервал молчание, грустно посмотрев на красную линию ковра, отделяющую их от зелёной травы. – Я осмелюсь – не считите за дерзость! – добавить, что ваш выбор касается не только вас. Подумайте об этом перед тем, как сделаете последний шаг! Всё имеет начало и финал, две природы, две стороны. Палка – и та о двух концах. Монета о двух сторонах, и пусть на одной у неё выгравирован прекрасный профиль, но на второй – всегда выбита цена. В данном случае цена может оказаться слишком высокой. Хватит ли у вас сил и мужества оплатить по счёту, пройдя этот путь до самого конца?!

– Сил и мужества?! – голос герцогини дрогнул и перешёл на злое шипение. – Ещё добавь "ума и смелости". Одно и то же, что обозвать меня трусливой идиоткой! Да как ты смеешь, короед! Я не нуждаюсь в твоём сочувствии. Ха! Обвинять меня в трусости и глупости, сомневаться в моей судьбе? Моё расположение совсем вскружило твою старую плешистую голову! А зря! Смотри, так недолго и в немилость попасть – будешь гнить в болоте с дурами-кикиморрами!

Лешайр слушал молча, покорно, моргая на каждое "моё" и "меня", лишь однажды его седая голова чуть заметно качнулась – видимо, хотел возразить, но удержался. Может быть, когда оскорбления коснулись кикиморр?.. Стоял, низко склонившись в почтительном поклоне.

– Вот так-то лучше! – Эвил Сийна ткнула в него лакированным ногтем, заставляя наклониться ещё ниже. – Так ты смотришься гораздо уместнее и естественнее: почтительному возрасту должна быть присуща почтительность. Живи тихо, и жизнь твоя продлится долго.

Она трижды глубоко вздохнула, успокаиваясь, развернулась и сделала несколько шагов по дорожке. Эшх остался стоять на месте, не разгибаясь и не поднимая глаз. Герцогиня недовольно возвратилась.

– Зачем же так демонстративно и принародно? Лешайр выпрямился.

– Кстати, я не открыла тебе ещё самого главного. Можешь радоваться: всю власть над моими лесами и рощами я передаю тебе, а сама ухожу, отбываю, растворяюсь... Надеюсь, безвозвратно. Это вопрос уже решённый. Я выбрала: назад пути нет!

– И каким образом?.. – едва слышно прошептал Эшх.

– О! Конечно же, удивительным и непредсказуемым! Надеюсь, это поразит воображение, и не только твоё. А уж след в истории...

– ?!.

– Кхм, – кашлянула Эвил Сийна, чуть скосила глаза от досады – немой вопрос в глазах лешайра сбивал её с мысли – и, повысив голос, продолжала: – Мне преподнесли в дар преобразующий жезл. Да! Фатш Гунн теперь у меня! У ме-ня!!! И я собираюсь во что бы то ни стало пустить его в ход, – казалось, она сейчас заорёт или расхохочется.

Илэйш Эшх вздрогнул и поражённо уставился на дриальдадьдинну.

– Вы?!.. Ты?!.. Ты собираешься порвать изначальную связующую нить – нить со своим родовым деревом?! – забыв про условности, торопливо заговорил лешайр. – Ах, безумное дитя! Остановись! Ты погубишь себя! Ещё никому не удавалось...

– Молчать!!! Старый болван! Раскаркался, как обожравшаяся трупам ворона! – отбросив приличия, герцогиня визжала, словно обокраденная торговка. – У меня всё получится! ВСЁ!!! Мне обещана полная свобода и целый мир в придачу! – она в упоении развела руки в стороны и вдруг яростно оглядела собравшихся. – А от "родной" лужайки меня, простите, тянет блевать!..

Толпа начала панически редеть, выдавая ретировавшихся вихреобразным колебанием воздуха, хлопком и образующимся после этого пустым местом. Из желающих высказаться остался только лешайр, которого как раз никто и не собирался слушать.

По всей вероятности, считая беседу законченной, герцогиня что-то отрывисто крикнула через плечо, подзывая грольха. Не глядя, протянула руку. Тот бережно вложил в неё загадочный футляр. Повернувшись к оставшимся немногочисленным зрителям, у которых любопытство победило чувство самосохранения, Эвил Сийна, победно улыбаясь, демонстративно медленно щёлкнула застежками, раскрывая футляр, и достала наружу продолговатый предмет – витой, узорчатый, с остриём на одном конце и внушительным рубином на другом. Теперь уже всем было понятно, что это отнюдь не музыкальный инструмент. Кругом загалдели, задвигались, приближаясь вперёд или наоборот ударяясь в бегство вслед за уже исчезнувшими ранее. Дриальдальдинне это было безразлично. Она поудобнее обхватила руками Фатш Гунн, высоко подняла его над головой и, наслаждаясь гротескной значимостью момента, вдруг расхохоталась, откинувшись и закрыв глаза. Сверкнула алая молния, наискосок пронзившая камень, небо потемнело, быстро набухая и провисая тяжёлыми тучами.

И тут лешайр, казалось, до этого поникший и безучастный, рванулся к герцогине, пытаясь достать до неё, метя по жезлу, но явно не дотягиваясь. Время потекло медленнее, вязко обволакивая присутствующих. Все замерли. Лишь два чёрных охранника стремительно трансформировались, вытягивая тела и обрастая короткой шерстью. Миг, и две крупные кошки, обогнув хозяйку, устремились на Эшха, отшвырнув его в траву, комкая и топча старческое тело. Рядом со мной кто-то сдавленно ахнул: "Великий Лес, геркатты!"

– Стойте!!! - не помню, как я кинулся вперёд, дупя криком, точно хлыстом. Мне навстречу неспешно разворачивалась герцогиня – глаза её метали молнии.

– Кто таков?! – рявкнула она.

– Отмените экзекуцию! Именем пресветлой Королевы! – я постарался вложить в свои слова максимальную твёрдость. Брови Эвил Сийны поползли вверх. Она оглядела меня не в пример внимательнее, нахмурившись, задумалась.

– Кто пустил сюда... примата?!

– Я – человек. И это звучит гордо!

– Человекообразное нагло дерзит. Глупо и безрассудно. Что ж, я жду продолжения и поскорее! – резюмировала она. Подняла руку, щелчком приостанавливая своих старательных слуг. Те замерли над распростёртым телом, лишь их чёрные хвосты раздражённо нахлестывали бока.

– Итак, прыткий молодой че-ло-век, что же вам угодно?! Надеюсь, что ваш героический порыв таит под собой хоть ничтожную каплю ума. Ну!!! – без усилий включившись в игру, герцогиня отрепетировано надела на себя маску благожелательно-холодной заинтересованности, поглядывая то на меня, то на переливающийся маникюр на ногтях.

Помня, что разговор с женщиной лучше начинать с комплимента, а впрочем, всё равно надо же было с чего-то начинать, я произнёс:

– Я слышал, что вы столь же умны, сколь красивы. А увидя как вы красивы, я надеюсь на вашу мудрость, сравнимую лишь с вашей привлекательностью, – тут я сделал паузу и, глядя в её ничего не выражающее лицо, решил перейти к делу: – Глупо убивать лешайра. Он же вам потом и пригодится.

– Хм. Ещё один советчик. Бесплатный. Ишь, расплодилось. Год, что ли, урожайный? Или к дождю?.. – она мечтательно посмотрела на небо, потом гораздо жёстче на меня. Сказала, безглаголиво отворачиваясь, в одну секунду теряя интерес. – Пшел вон, наглец!

– Вам стоило бы обращаться чуть вежливее с тем, кого вы видите в первый раз...
– Надеюсь, и в последний, – не оборачиваясь, категорично отрезала она.
– Смотрите, чтобы потом не было мучительно больно. Вдруг я имею высокопоставленных родственников?!

– А ты имеешь?.. Ну-ну, врешь и не зеленеешь, – скосив глаза, спокойно возразила Эвил Сийна, но мне показалось, что в её голосе прозвучало сомнение. Взгляд стал более цепким, сравнивающим, глаза заledenели, будто беря меня в прицел. Так и не вспомнив, кому же я могу приходиться седьмой водой на киселе, она приняла решение. – Что ж, имеешь, так имеешь. А мы поймеем тебя. Эй, киски! – обольстительно улыбнувшись, она скомандовала, снова прищёлкнув пальцами. – Нет времени, после. Деда и этого нахала ко мне – живыми!

Ткнув в моём направлении жезлом, дриальдальдинна развернулась и осторожно сошла на траву. Кругом всё замелькало, снова ускорившись и завертевшись вокруг нас.

Я же со всех ног ринулся к лешайру, на ходу выдернув у какого-то зазевавшегося щеголя весьма крепкого вида дубинку, которой и огрел по спине ближайшую кошку. Верхом на второй, уцепившись за круглые уши, как заправский ковбой, восседала Юнэйся, отчаянно визжавшая и, по всей вероятности, тоже решившая взять огонь на себя. Кошка шипела и отмахивалась от неё, как от назойливой мухи, при этом не забывая наступать деду на грудь. Моя же киска развернулась ко мне со свирепой стремительностью, жарко дохнув пастью и продемонстрировав нешуточный набор острых клыков. Особо не раздумывая, я ткнул между ними дубинкой, заталкивая её как можно глубже, прокручивая и ранив kloкочущее горло, одновременно уклоняясь вбок от летящей мне в живот когтистой лапы. Стоп, подруга! Или же друг? Стоп! Не так быстро!.. Геркатты, говорите? А по мне так обычные кошки, только переростки. Стоп! Кишки мне ещё самому пригодятся. А не хочешь ли пальцем в глаз? В желтенький. Нет?.. Прилипнув к сопернице как можно плотнее, я лупил и лупил её куда попало, не давая возможности кромсать меня когтями. Что, не сильна в ближнем бою? Она утробно выла, напирая и дёргая головой, безуспешно пытаясь сняться с воткнутой в пасть палки. Не нравится?! Получай! За деда! За родной Лес!

Я дрался яростно, нанося удары вслепую, не раздумывая, вкладывая в них всего себя, стараясь не обращать внимание на скребущие по спине лапы и что-то тёплое, струйкой ползущее вдоль позвоночника. Я удовлетворённо отметил, что давным-давно забытые занятия по тай'джийдо (вот оно как бывает: спасибо, Люсинда, кем бы ты ни была – спасибо!), наконец-то,годились по-настоящему – тело само собой вспоминало и воспроизводило нужные движения и захваты, уберегая себя, то есть меня, от действительно опасного противника.

В очередной раз рванувшись вбок, кошка-оборотень сбила меня с ног. Мы покатались по траве, удаляясь от лежавшего лешайра.

Юнэйся же давно свалилась со своего рычащего "скакуна", отчасти добившись желаемого, поскольку тот, тоже бросив деда, стоял теперь над ней, горя глазами, капая тягучей слюной ей прямо в лицо и придавив раскинутые в стороны руки, тагуировка на которых была заляпана кровью – нежно салатового цвета. Девочка не сдавалась и отчаянно пинала ногой открытый вражеский живот. Геркатт ждал, явно издеваясь над своей жертвой. Сытый и холёный, он никуда не торопился, абсолютно уверенный в своих силах, явно получавший удовольствие непосредственно от самого процесса.

В это время под крики, суматоху и паническое бегство последних свидетелей Эвил Сийна довершила задуманный эксперимент, одним сильным движением вонзив Фатш Гунн в густое переплетение травяных стеблей под ногами – земля застонала, дрогнула и прогнулась, родив зелёную волну, разбежавшуюся кругами от торчащего жезла. Вспыхнула и ударила из туч ветвистая синяя молния, нижним концом устремляясь к герцогине, обтекая её блестящей оболочкой и вздёргивая над землёй, как тряпичную куклу, застрявшую в ветвях старой яблони. Неожиданно стала заметна переливающаяся изумрудная пуповина, связывавшая дриальдальдинну с земной поверхностью под ней. В данный момент изумрудный цвет менялся на алый. Изменения сопровождались побочными, явно неприятными ощущениями: Эвил Сийна больше не смеялась, куда-то растеряв всю свою спесь. Её тело агонизировало,

скрючивались пальцы, а немой рот жадно хватал воздух. Выпученные глаза слепо отражали небо.

И тут она закричала – пронзительно завизжала, перекрывая раскаты грома.

Будто сжалившись, небо и земля одновременно отпустили свою распятую жертву. Лопнула связующая пуповина снизу, угасла синяя молния сверху.

Без чувств, тяжело и нелепо, рухнула в траву герцогиня, рассыпав шпильки и драгоценные камни. Вспорхнули освобождённые бабочки, отцепившись от карминовых сосков, и красно-белыми лоскутками улетели в клубящееся небо.

Окончательно исчезли проступавшие ранее покои дворца, унося с собой последнего зрителя. Возле тела дриальдалинны суетился грольх, длинными пальцами прищёлкивая и помахивая над её лицом, что-то бубня и напевая. Эвил Сийна вздрогнула, застонав, с трудом села и отсутствующе огляделась вокруг.

Поверхность поляны уже перестала колыхаться, но волны, достигшие ее края, перекинулись на растущие там деревья, раскачивая их всё сильнее и сильнее, выдирая корни, с хрустом ломая ветки. Рухнуло одно дерево, потом другое, ещё и ещё... То тут, то там с треском валились стволы, картечью разлеталась земля, образуя рваные ямы. Навстречу рушащемуся лесу из туч снова ударила молния. Вспыхнули упавшие ветки, повалил дым.

Прямо с застрявшей в горле дубинкой, полоснув меня на прощанье лапой, убежала к очнувшейся хозяйке кошка, на ходу трансформируясь и опять преобразаясь в чёрную мужскую фигуру. Оборотень, зло выдернув изо рта окровавленное орудие, смерил меня запоминающим взглядом. Конец, сфотографирован и сосчитан. Стало на одного смертельного врага больше... Я обернулся к Юнэйсе.

В этот момент вторая кошка, державшая девочку, наступила когтистой лапой ей прямо на лицо и переместила туда всю свою тяжесть. Тело под ней конвульсивно выгнулось и замерло окончательно. Где-то далеко в лесу раздался оглушительный треск падающего дерева, умершего вместе со своей дриадой.

– Не-е-ет!!! - нащупывая на бегу печать, я устремился к Юнэйсе.

Исковерканное тело девочки мерцало и таяло, растительный орнамент татуировки ожил, прорастая из земли крошечными ольховыми побегам. Но они тут же падали в тлевшую траву, сбитые обжигающим потоком ветра.

Сквозь дым и колеблющийся воздух я ещё различал, как во вновь созданный портал, уже без демонстративной пышности геркатты унесли на руках "великую" герцогиню Эвил Сийну Хаэлл – растрёпанную и грязную. Замыкал отступление грольх, прижимавший к груди жезл.

Мы остались одни.

Кругом горело, трещало и часто сыпало искрами. Трава чернела и скручивалась. Застонал лешайр. Приподнялся.

– ...Юнэйся. ...Где? ...Юнэйся?

– Молчи, дедушка, береги силы, – я старался не смотреть ему в глаза. Он сразу всё понял и обмяк на моих руках.

– Вася, помоги подняться. Где эти... остальные?

– Отбыли, разумеется, а мы вот тихо жаримся. Ещё чуть – и будет полная готовность с румяной хрустящей корочкой. Может, пора выбирать, а то у меня волосы дымятся, да и твои усы не лучше? – я плавно перешёл на фамильярности. Что ж, неприятности сближают. Котлеты на сковородке далеки от церемоний.

– Кабы не горело кругом, я бы вывел, а так...

– Да-а, водички бы не помешало! – мечтательно сказал я и с удивлением уставился на свои штаны, на которых расплзлось большое мокрое пятно. – Эт-то что ещё такое?

Сунул руку в карман и вытащил жемчужину, стремительно увеличившуюся в размерах, превратившуюся в пористую губку и исходящую тонкими струйками воды. Извлеченная на свет, губка вмиг потяжелела и брызнула во всю силу. Не удержав, я бросил сей фонтанирующий источник на землю, тут же разлившийся огромной лужей. Вырвавшаяся водная стихия азартно бросилась в бой. Поле битвы закипело, забулькало, непроницаемо

покрываясь белым паром. Стало душно, как в бане. Когда, наконец, поутихло и развеялось, нашим глазам предстало жалкое погорелище, на добрый километр простиравшееся вокруг. У моих ног плавала жемчужина – опять маленькая, желтенькая. Выловив её и запихав в мокрый карман, я поднял на руки Илэйш Эшха и понёс его в сторону нашего с дофрестом завтрака.

Стоит ли говорить, что никакой поляны мы не нашли, как и кушавшего на ней Враххильдорста.

5

– Васёк, ты правее бери. Правее, – еле слышный голос лешайра сипел и прерывался, по морщинистой щеке катилась слеза, прочерчивая в саже извилистую дорожку. – Тут недалеко река.

Минут через десять я действительно вышел на берег лесной речушки, густо заросший кустами и тонкими невзрачными берёзками, нашёл место с удобным сходом, защищенное с трех сторон ветками, уложил на траву деда, умылся и, стянув рубашку, выполоскал её тоже. Сигареты, к моей радости, частично уцелели, и я с блаженством затянулся.

– Так вот в чём корень, – проговорил Эшх, глядя на моё нательное украшение. – Эх, эх. То-то я чувствовал, что у тебя что-то есть под рубашкой. Шутил. Подумал, что другое. А это, оказывается, печать! Какие уж тут шутки. Ускорили, значит, события. Что ж, муть со дна поднимается быстро, истину не спрятать даже в самом глубоком дупле. Вот только девочку жаль... Эх!

– Они мне за неё заплатят! Они мне... ответят... за... – я задохнулся, не в силах говорить: перед глазами стояла Юнэйся, живая и невредимая. – Если бы я знал, если бы не печать, если бы не я...

Если бы не ты, Юнэйся всё равно бы погибла, – задумчиво ответил лешайр, с трудом выговаривая родное имя. – Не ведаю, что наплели Эвил Сийне – глупости всякие, наверное, – но даже каждый дараин знает, что отрыв от родного леса любой дриады, пусть и высшей дриальдальдинны, влечёт за собой катастрофу для неё и, более того, для этого леса... с коллективной гибелью проживающего населения. Герцогиня должна была бы это знать.

– Но она кричала что-то про жезл, дающий кучу возможностей? – переспросил я, отжимая рубашку.

– Фатш Гунн?.. Преобразующий жезл? Да нет. Слухи о его могуществе сильно преувеличены. Конечно, он может освободить дриаду, оторвав её от места, как правило, уничтожая последнее, то есть, это самое место (он ожесточённо выдрал из бороды волосинку и покрутил её передо мной, демонстрируя как этот самый отрыв происходит), но он же не восполняет источник силы, необходимый для дальнейшего обособленного её существования. Старая подпитка уничтожена, а новой недостаточно. В конце концов, если ты дерево, то глупо рубить себе корни – птигоном, как не старайся, не стать, а ветки засохнут непременно.

– И, тем не менее, это странно. Герцогиня производила впечатление женщины очень и очень неглупой.

– Конечно, она не гнилая колода! Но и тех, кто окрутил её, пеньками не назовёшь. Били наверняка, по самому больному месту: всем ведь известна нездоровая тяга Эвил Сийны к новому и неизведанному. Я думаю, что ей пообещали что-то сверхъестественно заманчивое, иначе она не была бы так уверена в себе.

– Грольхи. Это грольхи! – высказал я свою версию, вспоминая маленького уродца. – Я читал, они весьма изворотливы, лживы и умны.

– Может, и грольхи. Только сдается мне, что за этим стоят силы более значительные, скорее нездешние. Уж больно гадко пахнет последняя история. А печать? – он задумался и, наконец, медленно закончил: – Что печать... Только ускорила развязку, как я и говорил. Ты ведь уже в курсе сего замечательного предмета?

Я хмуро промолчал. В голове проносились последние сумбурные дни... Ускоряет. Да уж. И укорачивает, несомненно. Чужие жизни, например. Вот дрянь! Рука сама непроизвольно

потянулась к шее, срывая непрошеное украшение. Юнэйся, прости! Спасибо за науку, а опыт, жизненно-горький, я, пожалуй, буду набирать в обычном рабочем порядке.

Размах - и печать полетела в реку. Без плеска ушла на дно, сразу же пропав из вида.

Дед лишь молча усмехнулся в усы и от комментариев воздержался. Да и кому они нужны – эти комментарии? И так тошно. Потом он покряхтел, поднялся, глянул в воду как в зеркало, но умываться не стал, поводил по себе руками, оглаживаясь и отряхиваясь. Раз-два, и рубашка у него вновь стала чистой, штаны высохли, на ноги вернулись лапти, и даже усы с шевелюрой оказались расчёсанными – как и прежде. Оглядев себя снова, он удовлетворенно кхекнул и подмигнул своему отражению.

Подозвал меня, ощущал мне спину как заправский хирург, повздыхал:

– Знатно тебе располосовали... Ничего. Зато будешь настоящий добрый молодец. Шрамы останутся, а они, как известно, только украшают мужчину. Что, болит? – он снова прохладно заводил руками. Боль тут же улеглась, лишь слегка стянуло кожу. – Вот и готово. Ближайшие два дня, больной, вам противопоказано биться с драконами и скакать на боевых дракаурдах.

– А ожидаются драконы и... дракаурды? А эти, которые вторые, они обязательно должны быть боевыми? – блаженно выгнув вылеченную спину, поинтересовался я.

– Ожидается дальняя дорога и то, что связано с ней, – отрезал Эшх.

Вечерело. Что делать и куда идти было непонятно. Моя рубаха подсохла, мы отдохнули, вот только где-то в области сердца нестерпимо ныло, как будто часть его была выдрана поживому и рана пока не затянулась.

Неподалёку неожиданно ухнуло, бухнуло, в довершение ещё и плюхнуло, вспугнув птиц и нарушив вечернюю тишину. По воде животами кверху проплыло несколько рыбин, потом ещё и ещё.

– Опять рыбу глушат, поганцы, – всерьёз встревожился дед. – Каждый год наезжают, труху им в печёнку!

Он ещё немного поохал, повздыхал:

– Ладно, засиделись. Пошли, прогуляемся. У меня идея проклюнулась, может, и не самая удачная, но другой-то ведь, увы, нет. А под лежащий камень, как известно, вода не течёт, а только москитник мочится. Это уж точно. Точнее не бывает.

6

– Эй, парень! – из кустов, на ходу застёгивая ширинку, вывалился небритый мужик, с виду классический турист – в кедах, ветровке, потёртых штанах и с плеером в нагрудном кармане, с крошечными наушниками, лихо перекинутыми через плечо. – Ты откуда здесь взялся? С неба, что ли, свалился – парашютист?

– Да нет. Мы тут с дедом отдыхаем неподалеку, вольным способом, так сказать. Вот, решили перед сном прогуляться, – я машинально придал своему лицу наиболее соответствующее выражение.

– А дедок? – мужик хохотнул. – В соседнем кусту присел и не смог разогнуться? Я непонимающе огляделся – рядом никого не было.

– Станный ты, вроде бы не пьяный... может, укуренный или грибов замахнул? Да нет, для грибов рановато... – турист поскрёб щетинистый подбородок, с трудом пытаясь откопать смысл там, где его никогда и не было. – Хрен с тобой, водки хочешь? Пошли, компанию обновить. Гвоздь программы, дорогой гость на вечер, – он снова хохотнул, по-свойски хлопнул меня по плечу и безапелляционно потащил за собой в сторону мерцавшего костерка, раньше мною отчего-то не примеченного. – А дедок твой, признайся, ведь язвенник-трезвенник, да ладно, не слепой же – сам дорогу найдёт, как облегчится. К нам или к вам.

У костра сидело человек семь таких же небритых субъектов. В руках одного тихонько тренькала расстроенная гитара. Ароматно экспансирующая вокруг удивительнейший из запахов, варилась уха, видимо, из только что набитой той самой рыбы. Поодаль стояла пара машин и палаток. Из одной, слегка подрыгивавшейся, раздавалось девичье хихиканье, иногда прерываемое настойчивым мужским бормотаньем, но на это никто не обращал внимания,

поскольку наступал торжественный момент разлития первой бутылки. Остальные же стеклянные близняшки ждали своей неотвратимой очереди под соседней берёзой. Вечер обещал быть долгим и насыщенным.

На нас глянули умеренно заинтересованно, молча подвинулись, давая место у костра, и тут же вручили специнвентарь в виде гранёного стакана и хрусткого мокрого огурца.

– Вася, – честно признался я.

– Не рыбнадзор – и ладно, – добродушно отозвался сосед слева, толстый, щекастый парень примерно моего возраста, и пояснил: – Разговор до второй не начинают.

Выпили. Дружно закусили. Повторили.

Гитарист перестал мучить народ настройкой и бойко ударил по струнам. Для распевки затянули привычную "милую мою", не забывая при этом чокаться и отхлебывать из стаканов.

Из палатки, восприняв песню как призыв к трапезе, вылезла растрепанная, раскрасневшаяся деваха, расстегнутая до пупка и продолжавшая хихикать. Подошла к костру, успев на ходу запахнуться и живописно подобрать волосы. Заметив меня, плотоядно оглядела с ног до головы, улыбнулась ещё шире и, обойдя вокруг, решительно втиснулась рядом со мной справа, без раздумий принимая полный стакан. Чуть с опозданием из той же палатки выбрался такой же как все небритый мужчина средних лет, настороженно блеснувший на меня очками и лысиной – я ему явно не нравился. Подойдя, выжидательно присел с другой стороны костра, стакан не взял, а закурил самокрутку, осторожно затягиваясь и по-хозяйски косясь на развеселившуюся девушку.

– Илона, – многозначительно сообщила мне та, одним махом выпивая водку и закусывая брызнувшим огурцом. Глядя мне в глаза, медленно слизнула текущий по руке рассол, игнорируя неослабевающее наблюдение своего кавалера.

– Илонка, не путай гостя! – пожурил её мой сосед слева и добавил, понижая голос: – Она у нас проказница. Ух! Не обращай внимания.

Девушка несогласно захихикала, правда, уже не глядя на меня, но при этом не забывая плотно прижиматься бедром и коленкой. Как я понял, серьёзно здесь к ней относился только очкарик напротив, уже докуривший и теперь пьющий, но ещё не поющий.

Компания оказалась давняя, закадычная: в леса и поля они ездили ни много ни мало – лет десять, балуясь рыбалкой да охотой, причём в очень широких рамках. Места здесь были сплошь глухие, лесник свой, знакомый, купленный. Хоть рыбу, хоть зверя бей, хоть кого хочется, хоть с песнями по поляне прыгай – никто и слова не скажет, потому как и нет никого на многие километры вокруг. Вот чему так удивились мои новые знакомые: действительно, как с неба свалился! Впрочем, меня так по-настоящему и не допросили, приняв на веру неубедительную историю про дикий отдых на дикой природе. Теперь толстяк слева, назвавшийся Федором, сидел со мной в обнимку, благодушно пьяный, распевающий про белогвардейского офицера, мечтающего о встрече с ненаглядной прелестницей почему-то обязательно в колющем стоге сена. Между песнями бурно и говорливо обсуждались погода и водка, удачный лов и спущенное колесо, деньги, политика, футбол, микс-файт и мототриал, постепенно съехали на женщин и собак, анекдоты приобрели пикантную остроту и длинную бороду. Ко мне привыкли и перестали замечать.

Илона, всё чаще смеявшаяся невпопад, так и не дождавшаяся ухаживаний с моей стороны, под конец свалилась с бревна, мелькнув гладкими ногами, и разразилась очередным приступом истерического смеха. Её подняли и на руках унесли в палатку. Она для вида побрыкалась, но была явно довольна оказанным вниманием.

Я почти не пил, скорее делал вид – сидел и курил, одну за другой: свои давно кончились, но меня тут же щедро одарили пачкой Кента. Однако настроение так и не исправилось, хоть я очень старался, поддерживая беседу и даже пробубнив пару знакомых песен. Зачем-то спросил у соседа про недавний пожар. Пожар? Какой, мол, пожар – удивился тот. А, пепелище... Так это уж лет пять прошло с тех пор, зарастать начало помаленьку. Отчего случилось? Да оттого: хипаны мимо топали, костёр плохо затушили – писать надо было гуще да прицельнее, вот и не загорелось бы. Я слушал и не слышал. Смысл сказанного доходил до меня частями, рвано

обособленно, путаясь в лабиринтах измученного разума. Я потрясённо огляделся вокруг. Значит, не было ничего и никого? Ни лешайра, ни дофреста, ни избушки с котом? Пять лет я где-то плутал да пропадал в беспамятстве? Пока не пропал окончательно... Вот так, наверное, и сходят с ума. Привет, ку-ку, с кем не бывает. Как тебя зовут, дорогая моя подруга – шизофрения или белая горячка? А, впрочем, неважно. Какой с меня спрос, а с тебя ответ. Так, маньячу помаленьку, безобидно депрессивный... Что ж теперь блюсти чистоту линии? Наливай, Фёдор! И поскакали, братишка, в рай!

Часа через два я уже был хорош несказанно. Мужики оказались что надо – свои, близкие и понятные. Я расслабился, растёкся, подобрел и, кажется, даже запел, бурно принимая участие в музыкальном сопровождении, выбивая ритм ложкой по котелку, стакану, полену, колену, голове, чужому стакану и чужой голове – в общем, по чему придется. В связи с неожиданной песенной амнезией я приспособился громко выкрикивать окончания строчек и быстро запоминавшийся припев, за что был крепко и влажно расцелован Федей, с которым мы решили не расставаться – никогда!

Часов в пять утра ряды наши изрядно поредели. Нас оставалось только трое... как... не помню, кого?... Как много их людей хороших... лежать осталось в тишине... Нет, эта песня, всё-таки, не по этому случаю. Окончательно решив добить спиртной запас, мы с Федей и лысым очкариком, оказавшимся умнейшим и добрейшим дядей, устроились потеснее к утасаживающему костру и торжественно дали друг другу клятву верности и уважения. Федя порывался скрепить договор кровью, но ножик для чистки рыбы куда-то завалился. Поэтому общим голосованием было принято брататься водой, для чего, объяснили они, необходимо всем вместе нырнуть в реку, а потом крепко обняться, и пусть знает мир, что нет ничего крепче настоящей мужской дружбы! Ввиду количества выпитого, к реке не шли, а бойко ползли на четвереньках, немного прокатились по отлогому берегу, но удачно и своевременно притормозили как раз на прибрежных камнях. Решили не раздеваться – так показалось торжественнее – и в воду рухнули почти одновременно.

Светало. Над рекой поднимался туман – сизый, плотный, осязаемо ватный. Было тихо и по-утреннему свежо. У берега оказалось неглубоко. Мы плескались как дети, валяясь и перекатываясь на мелководе, распутивая мальков и просыпающихся птиц. Мне было легко и радостно. Сон. Всё – сон...

Освежая гудящую голову, зажмурившись, я окунулся лицом в воду, гордо изображая ныряльщика. Что-то холодное и длинное скользнуло по шее, обвиваясь дважды и проваливаясь под одежду. Я заорал: "Змея!" и, пытаясь сорвать её, но лишь затягивая, шальной пробкой выскочил на берег, продолжая вопить: "Помогите!" и стремительно трезвея. Рванул на груди рубашку, глянул и обомлел.

На своём излюбленном месте висела моя старая знакомая – королевская печать. Как говорится, и года не прошло. Хотел было снова её в реку, но пальцы обожгло предупреждающей болью – цепь секундно полыхнула жаром, мол, не тронь, побаловались и хватит! Ладно, понял, не дурак, видать судьба наша такая. Будем жить вместе, дружно и весело, круша окружающую реальность, раз уж у нас такая планида.

Из реки медленно выползали мои новоиспеченные братья. На их лицах отражалась гремучая смесь остаточного алкоголя, жадного интереса и полного непонимания происходящего.

– Васек, эт-то чегой-то? А?... Да-ай посмотреть! Как же ты эт-то выловил? Исхитрился, да? Скажи, исхитрился? – Фёдор чуть не плакал от обиды. – Почему-у всегда не мне-е?

– Во везёт! Она ж золотая, наверное. И камень потянет карат так на... десять... – прищурившись, констатировал мой лысый "брат", более спокойный, как-то уж слишком вдумчиво выливавший воду из своих карманов. – Дай посмотреть!

– Ва-сек, эт-то чегой-то, говорю? Иди-и сюда. Ты представляешь, сколь каждому получится на нос? Конкре-етно!.. Слышь?! Мы – богачи!!! – сияя, не унимался Фёдор.

– Успокойся, не видишь что ли, он и не собирается делиться, – раздражённо оборвал его "лысый".

– В каком смысле "не со-би-ра-ет-ся"? – взгрустнул тот. – Я не по-онял.

– Сейчас поймешь. Васёк тебе быстро растолкует!

Я и попытался, что-то горячо и искренне утверждая, вразумляя и доказывая, размахивая руками и бия себя в грудь – безрезультатно!

Очарование утра рухнуло со стремительностью падающей гильотины, отсекающей остаточные иллюзии и смешные несбыточные планы. Я что-то трепетно объяснял, но слова звучали неубедительной сказкой. Что значит – она и раньше была моя? С каких это пор? Потерял? Ага. И мы тоже потеряли, даже чуточку быстрее... до тебя. Нельзя трогать? Хорошо, не будем. Завернем в тряпочку и поменяем. На что? На стойкую валюту, чудак. Ёш...ты, только время зря теряем!

Было такое ощущение, что я кричу им с экрана телевизора, а звук предусмотрительно выключен, что я слепоглухонемой и живу на другой планете и в другом времени. Меня не слышали. Меня вообще больше не существовало. Была только ОНА, близкая и доступная, осталось руку протянуть и... Из калейдоскопа выражений на их лицах стойко укрепилось одно – жадно-выжидательно-агрессивное. Стой, братан, не уйдёшь! Заповеди велели делиться. Да и по понятиям!

Ну, ровно дети малые. Вот ведь...

Я, ещё нетвердо держась на ногах, отступал в сторону кустов. Лысый брат с братом Федей, покачиваясь, также нетвердо, но целеустремлённо огибали меня по кругу, разделяясь и заходя с двух сторон. Что, братцы, любовь прошла, загнили помидоры? А как же нерушимость мужской дружбы?

– Чой-то вы здесь делаете, а? Тонул что ли кто? – на берегу стояла заспанная, примятая с одной щеки Илона.

– Дуй быстро в лагерь и буди народ! – вдруг приказал лысый и, видя, что она так ничего не поняла, а главное не тронулась с места, фальцетом заорал: – Чего встала, дурында?! Пшла за подмогой! Бы-ыстра-а-а!!!

Девушка взвизгнула и унеслась в сторону палаток.

– Всё! – хрипло подвёл черту Федор. – Копец тебе, парень.

Со стороны лагеря раздались заполошные крики и перебранка. Дальше пошло бойчее: прибежали остальные, ругаясь, натягивая на ходу штаны и рубахи, затормозили на берегу, вмиг оценивая ситуацию и широко распахивая глаза на мою неожиданную находку. Кто-то присвистнул.

Что говорить, действовали они слаженно и без лишних разговоров – куда только подевалась благодатная мягкотелость прошедшей ночи? Кольцо окружавших уплотнилось, надвинулось и замерло неподалеку – да здравствуют переговоры?!

– Ну что, парень, сам отдашь или просить придётся?

– Лучше, конечно, попросить, – осторожно начал я. – Только она и сама к вам не хочет. Правда, милая?

Мужики загоготали.

– Что ты, что ты. Мы с ней по-джентельменски – без рук и грязных намерений.

– Да вы что, ребята?.. Вот спросите у них, – я ткнул в сторону Фёдора пальцем. – Расскажут. Нельзя мне её отдавать. Никак!

– Что расскажем-то? – сердито ответил за Фёдора лысый. – Ты совсем свихнулся, приятель, бредишь, наверное. Хватит языком полоскать. Давай сюда висюльку и точка!!!

Я отвернулся, накрывая печать рукою. В ответ щёлкнули затворы.

У двоих оказались обрезы, в данный момент направленные мне прямо в грудь – лирика закончилась, начались серые прозаические будни.

– Убедили! – я потихоньку отступал к воде, уже почти касаясь её ботинками.

– Э-э-э... Не балуй! Бежать-то некуда, – на всякий случай напомнил кто-то.

– Стреляйте по ногам, – деловито посоветовал мой бывший лысый побратим. – Мы ж не звери! – пояснил он мне. – К обеду, авось, доползёшь до дороги.

Я, наверное, слишком резко повернулся к говорившему, – одновременно прозвучали два выстрела. Печать дрогнула и, вибрируя, зависла в воздухе. Пули изменили траекторию и, чиркнув меня по штанам, с шипением ушли в воду. Стрельба повторилась, но патроны снова были растрочены впустую. Сбоку удивлённо выругались, и ещё раз щёлкнули затворы.

Не дожидаясь продолжения, я прыгнул в реку и понесся, уже на ходу соображая, что шлепаю по поверхности воды как по мелкой луже, совершенно не проваливаясь в глубину. Быстро достиг недалекого противоположного берега, на бегу придерживая успокоившуюся печать и теперь ярко мерцающая карманом с жемчужиной. Вспомнил, что говорила про неё дэльфайса – вот она какая, власть над водной стихией-то!

Над головой свистели пули, пролетая в опасной близости. Кто-то пытался "бежать" следом, но для него река стала обычной рекой – глубокой и стремительной у моего берега.

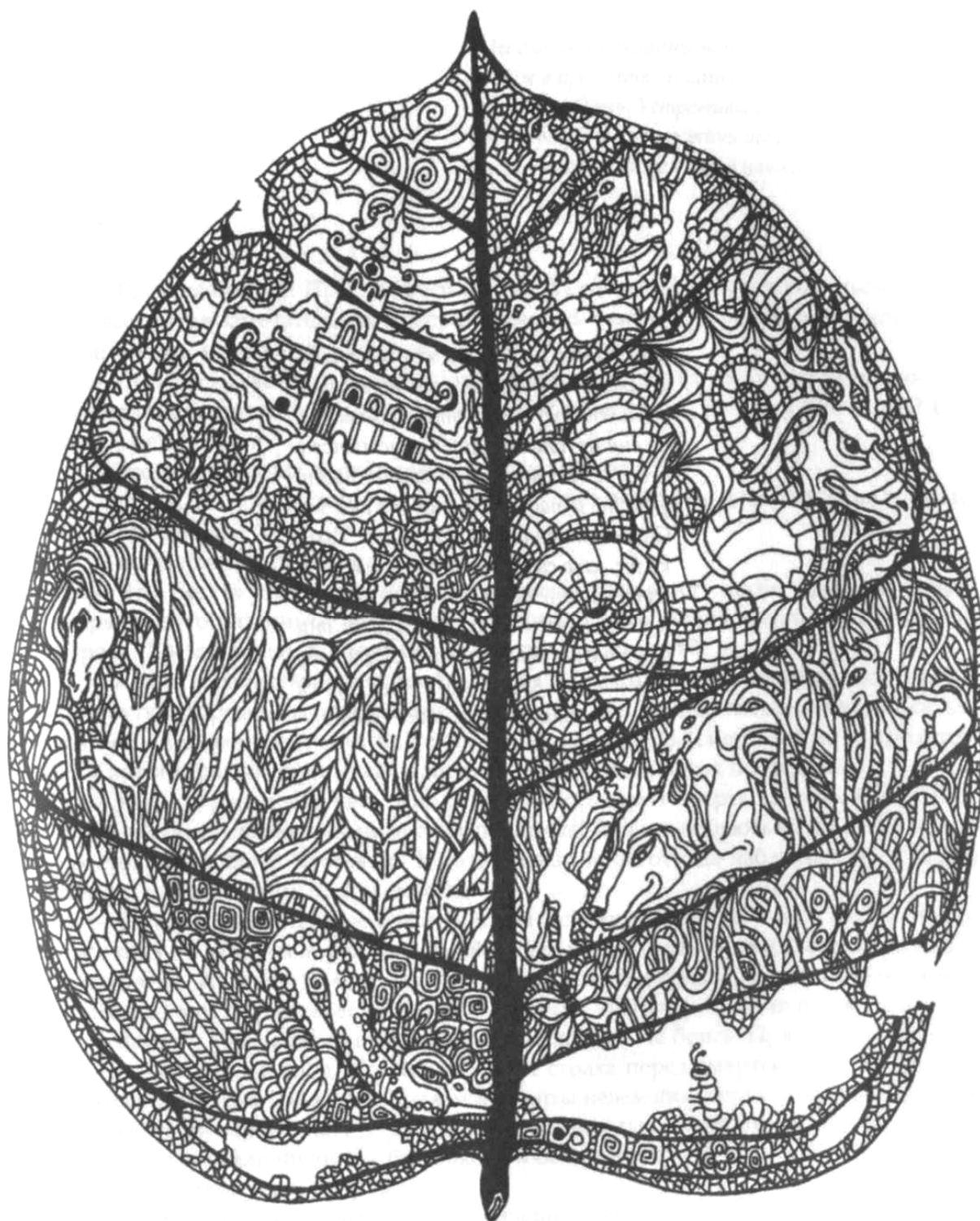
Повинуясь жгучему желанию, я повернулся и выразительно показал мечущимся и орущим мужикам согнутую в локте руку, стараясь максимально доходчиво изложить свою собственную точку зрения на поставленный вопрос, надеясь, что меня поймут с первого раза. Меня поняли однозначно, и без задержки ответили красноречиво-похабно, подкрепив свои слова маленьким непримиримым аргументом, устремившимся мне прямо в грудь.

Что-то происходило вокруг: звуки и очертания смазались, фигуры напротив задвигались, как в немой пантомиме – раскрывая рты и нелепо разводя руками. Прямо в сердце мне летела пуля – постепенно замедляясь и замедляясь, оставляя чуть мерцающий след. Окончательно остановившись напротив печати, она зависла в воздухе. Я аккуратно взял пулю двумя пальцами – она была горячая и гудела, как пчела. Сильно бросил обратно, случайно попав по тому, кто стоял ближе. Тот вскрикнул и схватился за рукав, на котором моментально расплылось тёмное пятно. Вот это да! Хорошо хоть, что никого не хотел убивать.

Тут уж в воду полезли все кроме верещавшей Илоны и скрючившегося раненого парня.

– Что ж ты стоишь, Василий? – укоризненно спросил лешайр, выходя из-за моей спины. – Пошли уж. Более ждать нечего.

Кусты как по команде расступились, пропуская нас и задёргиваясь следом импровизированной занавесью, обрывавшей действие у реки – смена декораций. Спасибо актёрам за водку и ночлег!

*...И падёт на головы всех живущих ад,
смерть покажется им желанным
избавлением, и станут они звать её, но
она не придёт. Лишь спустятся с небес
её посланники, и вид их будет ужасен, и
падут многие от рук их. Спасения не
найдут они нигде. Только те, кто
светел и чист духом, окажутся им не
подвластны, не видимы и не осязаемы
ими. Ибо будут они уже далеко:
примет их в своём саду пресветлая
Королева, и вознесутся они, обретая
пристанище - свою новую Родину.*

ГЛАВА 9. БАБА ЯГА.

Мы слишком склонны верить, что то, что мы видим в предмете, и есть все, что в нем вообще можно увидеть. Устремившись же взором в свое сердце можно постичь истинную природу того, что находится перед нашими глазами.

1

– Ты меня бросил! Просто бросил и всё! А сейчас идёшь и усмехаешься в усы. У вас у всех такая замечательная манера – исчезать в самый неподходящий момент? В конце концов, меня же чуть не застрелили!!!

– Ну, ведь не застрелили же! – пожал плечами лешайр, сразу напомнив пропавшего Враххильдорста. – Что ты так кипятишься, Василий? Ты хотел отдохнуть? Ещё скажи – не отдохнул.

Я что-то промычал в ответ невнятно-несогласное.

– Ну уж, не правда, говоришь? И, кстати, тебе действительно ничего не грозило, или почти ничего.

Я не удержался от ехидного замечания:

– Что, следуя указаниям печати и учитывая истинность происходящего, смерть теперь будет топтать мимо? Мне ничего не грозит, как ты утверждаешь, до назначенного срока? Время танцам и время белым тапкам, так сказать?

– Как ни странно, молодец, соображаешь! Шути, шути. Во всякой шутке есть своя доля шутки, впрочем, и правда тоже отыщется, а печать действительно является для тебя некоей охранной грамотой, не всегда, но... Глядишь, смерть мимо и пролетит. Вот и живи играючи–припеваючи, встречая каждый день, как последний!

– Угу! – зыркнул я на него исподлобья. – Посмотрит смерть на меня и подумает: "Какой славный, симпатичный да смелый юноша! Дай, полюбуюсь на него ещё годков этак сто! Право слово, красавец!" Кстати, она за мной откуда наблюдает-то? Следом крадётся или в бинокль подглядывает?

– Ты бы поуважительнее к ней. Вон она – стоит, улыбается, – и он слегка поклонился кому-то за моим левым плечом. Я оглянулся, но, естественно, никого не увидел. Или увидел?.. А может, просто показалось, что в лицо дохнуло прохладным ветром, и пронеслась тень от набежавшей тучи? Я ещё раз глянул через плечо и задумался.

– Вась, ты уже закончил внутренние изыскания? Не бойсь! Прямое дерево погибает стоя. В конце концов, не умирать же от страха перед смертью, да и не пришёл ещё твой срок, хотя... В жизни бывают моменты невезения, когда то ли звёзды не так сойдутся, то ли чёрный кат дорожку перебежит, а только помереть можно так же легко, как моргнуть али чихнуть – бестолково и безвременно.

– Могу откинуться, могу не...

– Если сильна твоя судьба, то не откинешься, не издохнешь и не засохнешь – одним словом, будешь жить! Госпожа Смерть сама убережёт тебя от любой напасти, выступая в роли хранительницы и защитницы. Заботливой и неутомимой.

Я задумчиво шёл рядом с философствующим лешайром, неожиданно для себя начиная ощущать нашего третьего спутника, незримого и молчаливого. Вернее, спутницу. На память пришли строки из давно забытого стихотворения, и я процитировал:

*Жить и творить, мечтая и любя,
Не опасаясь жизни круговерти...
О, птица белая у левого плеча,
Ты сбереги меня до срока, Ангел Смерти.*

Только теперь смысл стихов раскрылся для меня совершенно по-иному.

– Там, кстати, была ещё одна птица, – продолжил я. Илэйш Эшх быстро глянул за моё правое плечо и улыбнулся, а я продекламировал:

*Года чем дальше, тем стремительней летят,
Яснее суть и откровенней лица.
О, птица светлая у правого плеча,
Хранитель-ангел мой,
не дай мне ошибиться.*

– Да, человек, это сочинивший и проживший, вероятно, уже большую часть жизни, знал, о чём писал и очень близко был знаком как с одним спутником, так и с другим. Надо же – птицы на плечах? Ну-ну. Может и птицы... Иные сообщают о том, что кто-то жарко дышит им в затылок. Их смерть вряд ли напоминает белого голубя, скорее голодного пса-фурра.

– Собаку Баскервилей, – усмехнувшись, предположил я.

– Что ещё за собака басер... вий... лей?

– Да был у нас, у людей, писатель, запечатлевший одно милейшее создание, кушавшее заплутавших путников.

– А, серый волк, – понимающее поддержал беседу дедушка Эшх. – Так бы и сказал.

Я рассмеялся. Слишком уж крутой поворот получился от детектива к детским сказкам.

– А что, он прямо так вот всех и кушал?

– Нет, сначала вежливо знакомился! – пробурчал лешайр.

– Послушать – так крутом сплошная сказка!

– Крутом жизнь! А люди конкретно и банально описали то, что видели и о чём слышали.

– Скажи ещё, что за поворотом избушка на курьих ножках, баба Яга и Кощей Бессмертный притаились?

– Почему на курьих? – не понял лешайр. – Избушка как избушка, не хуже моей... – тут он загрустил и, шмыгнув носом, еле слышно прошептал: – То есть, теперь уж точно не хуже.

Он ускорил шаг и надолго замолчал, сосредоточенно поглядывая то на небо, то себе под ноги, пряча опять нахлынувшую тоску за якобы очень важным и ответственным делом. Я озадаченно шёл следом.

Лес сгущался. Деревья становились толще. Самые обычные стволы вдруг разом потеряли привычную шершавую стать и словно бы обрядились в сказочные одеяния, сшитые вычурно, громоздко и очень талантливо. Пространство вокруг наполнилось значительностью и скрытым смыслом, как бы невзначай меняя декорации: трава – шелковые полоски лесного интерьера – постепенно замещалась бархатом мха и ажуром разлапистого папоротника, птичий щебет, бабочки, стрекотанье кузнечиков, ветер и бегущие облака остались где-то позади, солнце уже не пробивалось сквозь плотную крону деревьев, только тонкими лучиками простреливая через редкие прорехи в зелёном своде. Спустились тишина и покой, пахнущие влажными опавшими листьями, трухой и грибами. Под ногами сама собой обнаружилась тропинка, с каждым шагом всё более утоптанная и удобная, услужливо огибающая корни и частые завалы. Дед повеселел и опять заговорил, как будто продолжая прерванную беседу: – Ядвига Балтазаровна, конечно, натура сложная, прямо скажу, непредсказуемая. Да и кто их поймёт, этих женщин? Особенно ведьм. А ведьма, почитай, каждая вторая... Ничего, авось, не выгонит. Повезёт, так ещё и в баньке попарит да за стол усадит, как и положено. Ты уж в гостях особо не умничай, води себя вежливо, не наглей до времени, а то она наглецов и проходимцев враз вычисляет. А коли выгонит – останемся без завтрака, да и почитай без обеда тоже, а очень бы хотелось подкрепиться.

– Обед – это было бы кстати. А вам, лешайрам, разве нужна обычная еда? – машинально поддержал я разговор, на ходу соображая, о ком же идёт речь, и постепенно приходя к неправдоподобной мысли о том, что мы держим путь прямо к бабе Яге... К бабе Яге?!

– А что, я деревянный что ли? – возмутился лешайр. – К тому же Ядвига так печёт, что можно пирожки вместе с пальцами кушать – вкус, как ни старайся, не испортишь!

Тропинка опять повернула, крутанулась кольцом, огибая необъятных размеров дуб, и вывела нас на отлогий берег, сплошь покрытый цветущим вереском, так густо, что земля под ногами смотрелась розовой кисельной пеной.

– Молочная речка, кисельный бережок! – с идиотским смешком констатировал я. Прямо перед нами стояла избушка, вместо фундамента взгромождённая на два огромных валуна, формой действительно напоминавшие ноги. Правда не куриные, а...

Сзади сердито зашипели. Скосив глаза, я наткнулся на небольшой табунок упитанных крупных гусей, – или лебедей? – которые бочком, бочком, бочком обступали нас со всех сторон, вытягивая шеи в моём направлении с явно дурными намерениями. На Эшха они не обращали никакого внимания: понятное дело, старое мясо – жёсткое. А может, старый знакомый? Тот, по-хозяйски распинав длинные шеи, деловито направился к избушке, на ходу громко взывая: "Ядвига-а!". Кто-то мелькнул в единственном окне, низенькая дверь скрипнула, и на порог торжественно выступила весьма колоритная старуха – костистая, сутулая, с непомерно длинным лицом и соответственно непомерным носом, крючком нависавшим над верхней усатой губой. Глубоко посаженные глаза горели недобрым огнём, причём левый, какой-то вороний, был чёрен, как ночь, безбрежен и полыхал красными углями, а правый, человеческий, льдисто-голубой и ясный как зимнее утро, прицельно остро буравил крошечным осколком зрачка. Косматые седые пряди и пара волосатых бородавок как нельзя более кстати дополняли живописнейший образ прямо-таки натуральной, классической бабы Яги. Уперев руки в бока и крепко расставив ноги, она как полководец, огляделась вокруг, одним махом выцепив мое бедственное положение. Звучно цыкнула на гусей, – или все же лебедей? – и повелительно махнула им рукою. Те сразу потеряли ко мне всякий интерес, загоготали и разбрелись, что-то выискивая в зарослях вереска.

Я облегченно вздохнул и подошёл к крылечку, остановившись у нижней ступеньки.

– Здравствуйте, Ядвига Балтазаровна! – выдавая максимально обаятельную улыбку на какую был способен, произнёс я. – Спасибо, что отозвали ваших подопечных.

Старуха фыркнула, глянула чуть благосклоннее, развернулась и ушла в дом, в последний момент махнув и нам тоже – мол, заходите и вы, что ли, куда от вас теперь денетесь.

Внутри оказалось очень просторно, тепло и чисто. Комнат было целых две, вход в соседнюю закрывало цветастое покрывало с пасущимися оленями. В той, куда мы вошли, был тщательно выскобленный пол, беленый потолок и вместо мебели только стол и широкие лавки. Ещё один проём вёл в кухню, где обнаружили газовая плита и миксер на подоконнике. Несмотря на это, в углу высилась изразцовая печь – небольшая, ладная, в данный момент потрескивавшая сухими поленьями и дребезжавшая крышкой на кипящей кастрюльке. Уютную деревенскую обстановку удачно дополняло несметное количество старых книг и журналов, смесь баночек, вазочек, сухих букетов, пучков травы и корней, коробочек и совсем уж странных предметов непонятного мне назначения. Всё это было аккуратно расставлено по многочисленным полкам, на подоконнике и единственной этажерке, кособоко примостившейся в углу.

Центром круглого стола, покрытого кружевной скатертью, служило огромное плоское блюдо с горой аппетитно пахнущих пирожков. Рядом с ним стояла вазочка с янтарно-прозрачным вареньем, сметана в керамическом горшочке и плошка с солеными огурцами. Одним из огурцов, периодически макая его в сметану, хрустел дофрест. Он устроился на горке подушек, сложенных друг на друга пирамидой.

– О, Ва-а-а! – с набитым ртом возликовал он. – А мы тут с бабулей ждали вас... Вы где бродите-то? Уж дней пять прошло – забеспокоились.

Старуха промолчала, лишь сверкнула на нас левым бездонным глазом, взгромождая на стол блестящий самовар.

Враххильдорст между тем покончил с огурцом и, выискав пирожок порумяней, откусил изрядный кусок, полюбопытствовав, что попалась за начинка, засопел от удовольствия, глянул на меня, на улыбавшегося лешайра и проговорил:

– Чего ждёте, любезные? В ногах правды нет. Присоединяйтесь! А бабушка Яга, – он сделал ударение на первом слого, – сейчас ещё и картошечку принесет. Эх, картошечка у нее... Загляденье. Вернее, объеденье!

– Жив?! – только и выдавил я, обрадованный и сердитый одновременно. – А почему пять дней-то? Ночь да утро и не виделись только.

– Это у вас ночь да утро, а у нас больше. Со слов уважаемой Ядвиги Балтазаровны я понял, что к её дому ведут разные дороги: одни доводят путника за час, другие за пять дней, например, как вас, а по некоторым можно колесить хоть всю жизнь, но так и не выйти на сей благословенный бережок. Вот так-то. Но сколь бы ни плутали путники, время в избушке течёт иначе, чем на тропах, ведущих к ней.

Тем временем на стол был поставлен чутунок с картошкой. К огурцам добавились помидоры, укроп и прочая зелень, квашеная капуста, чеснок, соль в расписной солонке, сливочное масло, завернутое в чистую тряпицу, каравай домашней выпечки и внушительная бутылка явно дореволюционного образца, почти полная прозрачной жидкости, с корешками у самого дна, среди которых просматривалась пара здоровенных коричневых тараканов. Появились и рюмки подстать бутылки – такие же древние, но изящные, хрустальные, со сложным вензелем на боку: переплетающиеся буквы "Я" и "Б". Тарелки, как и рюмки, тоже поражали хрупкостью, сложно сочетавшейся с якобы простой деревенской обстановкой.

Старуха, будто прочитав мои мысли, глянула на меня пронзительно, на этот раз голубым, утренним глазом, призадумалась, а потом изрекла:

– Что, молодец, дивишься? Ну-ну, дивись покудова. Многого тебе в жизни ещё не открыто, ну да ничего, ты юноша прыткий да хваткий, наверстаешь быстро.

Она присела рядом на скамью, вытирая мокрые руки о расшитый передник.

– Дай-ка ладонь – гляну, а то Враххильдорст мне про тебя такого наплёл! М-м... Непростой ты парень, теперь и сама вижу.

– И где же это у меня написано? Точно на ладони, а может на лбу? – я протянул ей руку, забыв, что был ярым противником всяческих гаданий.

– Корова не чувствует тяжести своих рогов, – подсказал Ядвиге Балтазаровне лешайр.

– То-то и оно, что не чувствует, – кивнула та. – Пока до человека дойдёт, что ему от жизни надобно, и куда она его ведёт – ах да ох, а жизнь-то уже и тютю... кончилась! Была, да вся вышла. Вот незадача! –

старуха внимательно посмотрела мне прямо в глаза. – Ты, Василий, знаешь ли, для чего живёшь и чего от своей судьбы хочешь?

– Да он не знает даже, кто он таков на самом деле, в лучшем случае, ответит вам, что он – просто студент и миляга-парень... – промямлил с набитым ртом за меня дофрест и, опережая моё возмущение, ласково добавил: – Пирожок-то, Васенька, бери – он вкусный!

– Правильно. Как только Василий узнает, кто он таков, так сразу же и поймёт, зачем он живёт на свете, – в дискуссию подключился Илэйш Эшх. Меня, похоже, уже никто больше в расчёт не брал.

Ядвига Балтазаровна, нависнув длинным носом, сосредоточенно изучала мою руку, то, разминая ее с ухватками заправского хирурга, то наоборот – собирала лодочкой, тем самым проявляя многочисленные линии, крестики, звездочки и треугольники, проступавшие на моей ладони.

– Жить буду? – пошутил я, с интересом наблюдая за исследовательскими манипуляциями бабы Яги, хирологические способности которой теперь не вызывали никаких сомнений.

– Будешь, будешь, куды денешься, покудова не помрёшь, – добродушно проворчала она. – А коли смерти боишься, так зачем тогда рождался? Мм?

– Мне кажется, все боятся смерти, кроме, наверное, грудных младенцев, безумцев и стариков, безнадежно пребывающих в маразме.

– А почему ты думаешь, что существует кто-то ещё? – глянув пристально-иронично, она улыбнулась обоими глазами сразу и потрепала меня по плечу. – Ладно, ладно. Конечно же, есть ещё и четвертые – должно же быть у правила исключение, и это исключение – мудрецы, преодолевшие страх, а значит, постигшие жизнь и смерть. Но они уже не принадлежат этому миру. Их душа скачет на коне времени по множеству дорог и без них. Они никогда не умирают, а значит, и не рождаются вовсе. Сама смерть над ними не властна. Они всё – и ничто!

– Понятно, бессмертные! Но для меня-то они – некая абстракция. Увы, не встречал ни одного, а людей вокруг видимо-невидимо – толпа, не пропихнуться. Продолжительность жизни, как я помню, несущественная. Умирают весьма регулярно, совершенно не считаясь с научными открытиями, по которым жизнь должна, ну просто обязана длиться хотя бы сто двадцать пять лет. С ними со всеми-то как?

– Они, милоч, смертны, потому что не зна-ают, – помахала перед моим носом указательным пальцем старуха.

– Не знают – что? – оживился я, уже чувствуя свою причастность к этой удивительной и очень милой компании.

Бабушка Яга вдруг с досадой отбросила мою ладонь и ушла за занавеску, колыхнув вышитыми оленьями. За неё ответил Врахильдорст:

– Василий, ты же юноша начитанный, как-никак действительно студент.

Слышал, небось, что человек одновременно живёт в нескольких измерениях. С каждым его вздохом, каждую секунду в нём пересекаются различные грани бытия. Он живёт на Земле, живёт среди звезд, живёт, говоря вашим человеческим языком, в некоем Абсолютном принципе, иногда вами называемом "Богом". Но постигать это ему совершенно не хочется. Его маленькое "Я" знает и помнит только метровую квартирку, несколько друзей, несколько врагов и заботы, заботы, заботы...

– Но ведь именно так и живут все крутом!

– Увы, Василий, увы! – шумно вздохнул дофрест. – А их возможности сладко дремлют, оставаясь, проще говоря, только потенциальными. Наиболее ярко они проступают в детях, пока те ещё не заключены в рамки условностей, правил и предрассудков.

– Точно! Именно в школе мы жадно хватали всё вокруг, от попадавшихся в руки книг безразлично какого содержания до старых деталей, выброшенных в мусорный бак, мечтали поступить в лётное училище, построили фанерный самолет с крыльями, затянутыми простынями, но он так и не полетел, потом был плот и почти вечный двигатель...

Стало неуютно от одной мысли – в кого превратились мои сотоварищи, почему?

– Вася, они смирились, сдались, согласившись и успокоившись, – дофрест придвинул в мою сторону блюдо с пирожками, видимо, тем самым проявляя некую степень сочувствия мне и заодно моим бывшим друзьям. Мы помолчали.

– Да уж, в десять лет – чудо, в двадцать – гений, а в тридцать – обыкновенный человек, – у лешайра и на этот случай отыскалась подходящая поговорка.

– И что? Что делать-то, чтобы не растерять свою гениальность? – поинтересовался я.

– Что делать, что делать, – буркнул опять с набитым ртом Враххильдорст. – Сухари сушить. И – в путь! Дорога судьбы всегда ждёт своего путника, – тут он сосредоточился и важно процитировал, умудряясь при этом не прекращать пережёвывание очередного куска: – "Действительное понимание происходящего, увы, субъективно для каждого человека. Оно может быть достигнуто только им самим. А знание, полученное от другого, даёт очень и очень мало, почти ничего". Так что давай, Василий, сам бултыхайся. Нельзя научиться плавать, только рассуждая о том, как это делается – надо, по меньшей мере, хотя бы один раз войти в воду.

– По-моему, я уже дня три как барахтаюсь! Давно превзошёл бедняжку Муму. Хотя нет, не буду трогать её честное имя: она-то свой опыт точно не в книжке прочитала. И тем не менее, неужто действительность столь сурова и печальна? Не обязательно ведь тонуть в каждом случае. Что же другие-то – не верят и не стремятся?

– Это не так важно, верят или нет, стремятся или не стремятся. Дело в том, что путь для них, по крайней мере сейчас, недоступен. Пока! – дофрест утверждающе поднял вверх тщательно облизанный палец.

– Пока?

– Всё просто! Для того, чтобы ступить на этот самый "путь", необходимо быть до статочно сильным, а силёнок-то и нету.

– А у меня – есть? – я не смог удержаться от улыбки.

– А у тебя есть я! – Врахх важно выпятил набитое брюшко. – И это сейчас главное, поскольку я твой и кнут, и пряник, и советчик, и проводник. Я – сталкер, наконец! Я – мудрый сталкер! Я – смелый сталк...

– Молчи уж, Иван Сусанин. Сталкер он... Ну-ну. Нашёл зону!

– А что, сейчас бы ты лежал на той поляне, молотился бы головой о пригорок и звал бы свою королеву.

– Добрый ты, Враххильдорст, умеренно жалостливый.

– Вот и я говорю, что добрый. Добрый, единственный и незаменимый. Вспомни, как я всё шустро провернул – тяп-ляп, выбор сделан, дышите полной грудью, живите полной жизнью!

– Подожди. Со мной понятно, а как же, всё-таки, другие люди? У них ведь нет личного дофреста, великого и могучего.

– Вот заладил! Ну, хорошо. Вспомни, забывчивый мой: у каждого, или почти у каждого, есть внутри маленький жилец, крошечный детонатор – прорастающее зерно, которое, как известно, выделяет огромное количество энергии подобно небольшому взрыву.

– Зерно? Опять оно! Это не я заладил, а ты.

– Оно, оно! – бодро перебил меня Враххильдорст. – Именно при его прорастании или трансформации – называй как хочешь – человек начинает изменяться, получая возможность по-новому воспринимать мир. Хлоп-хлоп глазками... Начинается это, естественно, со съезжающей крыши. Да-да. Сначала ему может показаться, что он сошел с ума, настолько отличается окружающее пространство от того, каким оно был прежде: слишком ярко, слишком звучно, слишком богатая гамма чувств и переживаний. Тогда и только тогда, так сказать, с ясным взором и трезвой головой человек сможет сделать свой выбор – идти по этому пути дальше или вернуться к привычным, таким понятным серым будням. Будь уверен – многие так и поступят, я имею в виду, к сожалению, последний вариант. Ведь чтобы удержать сей сказочный подарок, надо хоть немного соответствовать ему. Представь на секунду убийцу, у которого незапланированно проснулась совесть, или проросло зерно, – как ни называй, а последствия одни и те же.

Я представил и не смог решить – смешно это, глупо или грустно.

– Вот-вот. В пору ему пойти и самолично удавиться, – поддакнул дофрест. Я усмехнулся и отрицательно качнул головой. Врахх продолжил за меня:

– Вот и я думаю, что это вряд ли – делать ему нечего, как вешаться. Его выбор очевиден, а собственной внутренней силы совершенно достаточно, чтобы придушить не себя, а так некстати проснувшееся зёрнышко. Ну и ладно. Каждому своё. Где ж кормиться вшам, как не на голове?

– Хорошо, я понял! – со сложным чувством в душе кивнул я. – Ворота открыты для всех, но не каждый туда войдёт: кто – не решится, кто – не сможет, а кто – просто резво устремится в обратную сторону – тоже выбор.

– Конечно! И дело даже не в зерне. Наша Земля скоро уже не будет существовать в неизблемом привычном виде, а грядущие события уравниют всех, всех до одного, поставив в один ряд на стартовую черту. И вперёд! Вниз или вверх! Кому как больше нравится.

– Тогда, конечно, во всём этом есть величайший смысл. Шанс должен быть у всех.

Как говорят на Востоке – если хоть однажды видел Будду, то его можно найти и в аду. Было бы к чему стремиться, – совсем не вовремя мне вспомнился тёмный силуэт магара: вот кому на руку полное неведение и незнание людей. Представляю, какая начнётся паника. – Что ж, я за то, чтобы хоть ненадолго открыть людям глаза.

– Как складно излагаешь. Моя школа, – удовлетворённо кивнул дофрест.

– Дык, ёлы-палы! Твоя, конечно же твоя. Врахх, хватит жевать, лучше ответь: дело ведь за малым – надо сделать так, чтобы зёрна эти успели раскрыться вовремя, – я задумался. – Мне не дано, ты не можешь, лешайр не может, Ядвига Балтазаровна с гусями... не может? А кто может-то? Ведь кто-то может, это точно. А кто?!

Неожиданно вернулась баба Яга, неся в руках толстую книгу в потёртом кожаном переплёте.

– А мы сейчас глянем, добрый молодец, кто способен. Полистаем да и отыщем. Не кручинься. Ишь, как тебя проняло – чувствительный!

– Ух ты, книга мировых перемен, надо же! – лешайр с дофрестом слаженно подвинулись ближе.

– А то ж!!! – гордо сказала Ядвига Балтазаровна.

Щёлкнули металлические, позеленевшие от времени застёжки. Открыли. Осторожно сдули пыль с первой страницы. Дружно уставились в текст.

Язык был мне непонятен. Бабуля же бодро водила по строчкам слоистым ногтем, близоруко шурясь в насаженные на нос круглые треснутые очки.

– Не то, не то, не то... – бормотала она. – Нашла! "Пришествие тёмных адских сил, кончина Земли и спасение". Страница двести восемьдесят восьмая!

Зашелестела жёлтая бумага, подгоняемая узловатыми пальцами. На искомом месте лежала закладка из сухой лягушачьей лапки.

– Хм. Кто-то рылся до нас – тоже любопытствовал. И мне любопытно, что за незванный гость жаловал нас своим посещением? – её нос задвигался, шевеля кончиком и принюхиваясь, будто лазутчика можно было определить по запаху, задержавшемуся в едва различимой книжной пыли. Прищулив правый светлый глаз и кругло выпучив тёмный левый, став при этом похожей на злую хищную птицу, баба Яга пристально уставилась в книгу, – мы напряжённо ждали, – повздыхала, что-то обещающе прошептала себе в ноздрю, провела над страницей рукою: – Внимайте... Василий, читай!

Буковки замелькали, тут же заменяясь на обычный Arial Суг. Я начал с того места, куда указывал толстый неровный ноготь:

– "...И падёт на головы всех живущих ад, смерть покажется им желанным избавлением, и будут они звать её, но она не придёт. Лишь спустятся с небес её посланники, и вид их будет ужасен, и падут многие от их рук. Спасения не будет нигде. Лишь те, кто светел и чист духом, будут им не подвластны, невидимы и неосязаемы ими, ибо будут они уже далеко. Примет их в своём саду пресветлая Королева, и вознесутся они, обретая новое пристанище". Ничего нового, – подытожил я. – Форма только более поэтическая, а суть опять та же – ответа как не было, так

и нет! Понятно, что надо стать достойным – путем йоги, голодания, молитв или просто раскрыть свой "зерновой потенциал". В принципе, одно и то же. Но вот не могу я сидеть сложа руки и ждать. Точно знаю, что можно дать каждому минуту прозрения, таймаут так называемый, а там уж пусть выбирают сами. Почувствуют разницу, так сказать.

Я закончил свою пламенную речь и только тогда заметил внимательный взгляд Ядвиги Балтазаровны.

– К Ёллису тебе надо сходить, вот что, – задумчиво проговорила она. – Он испокон веков живёт, значит был свидетелем многого.

– А три тысячи лет назад? – заинтересовался я. В голове рождался бредовый план.

– Да ты что, милоч, гораздо больше, – укоризненно моргнула голубым глазом бабушка Яга, как будто даже обидевшись на меня за то, что я усомнился в авторитете предложенного долгожителя.

– Тогда подойдёт. Что ж, нашли свидетеля – непосредственного!

– Какого такого свидетеля? – опешила старуха. Ответить я не успел.

2

За окошком вдруг громко, тревожно загоготали гуси и, разбежавшись, с шумом улетели в небо.

– Опять! – проникновенно вздохнула Ядвига Балтазаровна. – Сейчас внучок прибудет, – уже более бодро пояснила она, громко захлопывая книгу. Совецание по спасению мира закончилось непредсказуемо и безоговорочно. До лучших времен? – Давайте, ешьте, а то не успеете, а я пойду, конфет принесу – Петюня сладенькое любит! Василий, поднеси-ка самовар.

Навстречу нам из кухни вышел заспанный кот, старый мой знакомый, с обгоревшими усами и опалённой на спине шерстью. Я обрадовался ему, как родному: – Привет, дружище.

– Нурр-рур, – с достоинством поздоровался тот, слегка шоркнув по моим штанам толстым боком, и чинно проследовал в комнату, огласившуюся восторженными криками Илэйш Эшха.

– Ну, вот и ладушки, – обрадовалась за всех баба Яга, насыпая в объёмную вазу сладкие подушечки с кофейной крошкой, – встретились, голубчики! Ты самовар-то тащи на подоконник, вода в ведре за плитой, заливай, не стесняйся.

Наполнив самовар, я уселся рядом.

– Что на ладони-то углядела, бабушка?

– Любознательно? Ну-ну. Тебе приятное говорить, али правду? – вазочка, кажется, вместила в себя уже килограмма четыре конфет, причём подушечки давно кончились, и теперь в нее вываливались ириски и разноцветный горошек.

– А совмещать нельзя?

– Можно, конечно. Только мыло ведь не спасает шею повешенного.

– Добрые вы все сегодня, аж слеза просится, – улыбнулся я, протягивая руку. Бабуля хмыкнула и глянула мне прямо в лицо, игнорируя подставленную ладонь.

– Странная у тебя рука, нетипичная – как будто живёшь ты сразу две жизни и не можешь решить, какую из них выбрать! – размышляя, она пошамкала губами, собирая лицо складочками и морщинками, бородавки на щеках задвигались, топорща волоски и меняя дислокацию. – Большие задатки, не меньшие возможности, любовь, слава, почести и богатства, только на пути к ним – серьёзные преграды и испытания. А поможет тебе, милоч, преодолеть их только твоё любящее сердце. Опасайся зеркал и заманчивых предложений! – вдруг невольно прервала она своё так и ненамечавшееся по-настоящему предсказание. – И вообще, ты ведь не веришь в гадания. Аль запомнил? Да и сделаешь, как тебя ни уговаривай, по-своему.

– С зеркалами я и сам убедился. Лучше вовсе в них не смотреться, а причесаться можно и на ощупь, – я поёжился. Последний совет Ядвиги Балтазаровны отозвался внутри неясной тревогой. Я проигнорировал её скептическое замечание про мой не доверчивый характер и продолжил: – Предложений опасаться? Хорошо, буду осмотрительно капризен. Ишь, заманчивые они, а куда заманивают-то?

– Знамо, в беду, – насупила бабуля, полыхнув на меня чёрным глазом. – Помни, что враг всегда ласков и обходителен. Торопись, но судьбу свою, как падающую звезду, жди до последнего.

– Что-то уж совсем неопределенно получается.

– Так не нужна же она тебе, определенность эта! – заулыбалась баба Яга, демонстрируя неполный ряд разнокалиберных желтых зубов. – А завтра, глядишь, подует завтрашний ветер. Надо спешить, пока он дует тебе в... спину.

Шумел самовар.

На поляне захлопали крыльями вернувшиеся гуси. Выглянув, я с удивлением обнаружил на шее одного из них кудрявого мальчонку лет трёх-четырёх в синей футболке с Микки Маусом, коротких летних шортах и эковских сандалиях. Он лихо скатился на землю и, расталкивая гогочущих птиц, полез вверх по крутым ступенькам.

– Внучок. Петюнька! – умиленно констатировала бабушка, беря вазу с конфетами и устремляясь в комнату навстречу малышу. Тот не замедлил верещащим снарядом припечататься в её расшитый передник – она еле успела поставить на стол тяжёлую вазу – и, подхваченный на руки, полез целоваться.

– Ба-ся, ба-ся, лю-бью! – его глазки смотрели озорно и настырно. – Бася, лада? – спросил он и тут же сам себе ответил. – Бася лада. Питя тожа лад!

Он счастливо засмеялся, чмокнул бабушку в волосатую бородавку на носу и, задрыв ножками, елозя, высвободился, прыгнул на пол и утопал обратно во двор.

– Питя посёл гуять! – не оглядываясь, сообщил он нам с порога. Ядвига Балтазаровна проникновенно вздохнула.

Наблюдавший трепетную семейную сцену лешайр прокомментировал факт пополнения гостей буднично утверждающим тоном:

– Петька, пострел, опять прилетел. Это, конечно, хорошо, но хлопотно. А за ним теперь жди сестрицу Альбинушку – как пить дать пожалует кр-расна девица!

– Ты б не иронизировал, старый пень, – сурово оборвала его баба Яга. – Ишь, раскрипелся. Сама знаю, что припрётся. Дылда холёная! И чего ей дома-то не сидится?

– Так не ты ж одна любишь Петю-то. Как никак, он ей брат родной.

– А мне крестник! – отрезала в ответ бабуля, в сердцах чуть не топнув ногой. По том нежно глянула в окно и не удержалась от улыбки.

На поляне перед избушкой было громко и суетно. Задорно кричал Петюня, носясь с высоко поднятой на манер сабли хворостиной среди хлопочущих гусей.

– Ула! Ула! – он шёл в атаку, явно побеждая своего грозного неприятеля, круша направо и налево буйные вересковые головы.

– Да, единство и борьба противоположностей. Отцы и дети, так сказать, – поддержал неизвестно кого Враххильдорст.

– А в чём, собственно, проблема-то? – не удержался я, постепенно подключаясь к ситуации.

– Проблема в том, что Ядвига Балтазаровна занимается целительской практикой, – сказал лешайр, смотря на неё с непонятным выражением то ли уважения, то ли сострадания.

Та молча колотила пестиком по крупным сахарным комкам, старательно разбивая их на куски поменьше. Илэйш Эшх не унимался:

– А я ей говорил, – удар, – что не надо – удар, – было тех первых лечить. – Удар. – Теперь от людей отбою нет, – удар, удар, – а с Петькой-то и вообще морока...

Баба Яга гневно швырнула об стол увесистый ком сахара и ушла на кухню.

– Вот и я говорю, что она про это ничего слышать не хочет, – подытожил лешайр, вздохнул и укоризненно покачал головой. – А история сия проста, как обычный желудь, маленький такой желудок, из которого вдруг вымахала одна большая могучая неприятность. – Эшх уселся поудобнее и начал рассказывать: – Года два назад притащили сюда грудного младенца – мальчонку – немого да ещё и параличного. Совсем он был плох тогда, угасал с каждым днём, да не по часам, а по минутам. Мать всю избушку на коленях за Ядвигой

исползала, просила, умоляла, даже угрожала. Сама не знала, чего болтала, лишь бы сына вылечили. Денег целую кучу насулила, ясно дело – зажиточные: думают, что деньгами можно купить всё. Ха! А зачем нашей бабуле бумажки эти? В лесу-то? Долго она сопротивлялась – это ж не болезнь лечить, а судьбу править надо! А потом чего-то к малышу подошла, на руки взяла, подержала, да вдруг и согласилась. И ведь вылечила, ядрить те в дупло! Вон он, результат – бегают, палкой машет. Говорит, правда, ещё плоховато.

– Ну, а чем родня-то недовольна? Должна же быть счастлива! – я снова посмотрел в окошко, по-новому глядя на крепкую фигурку игравшего мальчика.

– Ты ж понимаешь, посеял ветер – жди бурю, родил волну – придёт прилив.

– А он придёт в виде сестрицы Алёнушки... фу, Альбинушки?

– Придёт, придёт. Сучок ей в печенку, трухи в карман. Она-то ладно, семья всполошилась: при лечении, так сказать, побочный эффект получился. Непредсказуемый. Мало того, что Ядвига с Петькой души друг в друге не чают, это понять можно, так ещё способность весьма занимательная у малыша обнаружилась – уж не знаю, может, корешки да отвары подействовали, может, наговоры поспособствовали, только Петя теперь зверями и птицами словно заводными игрушками командует, а гуси бабкины от него и вообще без ума – обожают, короче, как только что вылупившегося гусёнка. Кстати, с ними у мальчика мысленная связь. Вон, видел, как они за ним полетели? Вызвал птиц, будто по мобильному телефону. А теперь подумай сам, как относятся его папа с мамой к тому, что через день али два сыночек прямо с балкона на гусях-лебедях в лес укатывает? А назад добровольно сам ещё ни разу не вернулся.

– Небось, быстро позабыли обо всех своих обещаниях?

– О, что было!!! – патетично закатил глаза лешайр. – Сначала сами пытались доехать, но ведь к избушке, сам знаешь, так просто не попасть, дороги на картах не указаны, тропинки флажками и стрелками не помечены.

– Не нашли, значит, – подмигнул я.

– Нет! Сами не нашли. И позже посланные нанятые добры молодцы тоже не нашли: тропинка их три дня водила, вертела и крутила через болото да опять через болото. А там кикиморры – ух, побаловаться любят! Они, шутницы, ещё два дня их путали-заманивали. На молодцев под конец уж и смотреть было жалко – грязные, голодные, истеричные какие-то – один ботинки и сотовый телефон утопил, второй сам с головой в жиже искупался, стал похож на болотного трясинника. Всё подрастеряли, включая гонор и бандитские замашки. На пятый день отпустил их Лес. Вышли к своей замаскированной в кустах машине, да и не признали её: подумали, что медведь, которого и изрешетили из единственного сохранившегося автомата. С последующим закономерным взрывом и сумасшедшей беготней с препятствиями.

Я не выдержал и расхохотался.

– А сестрица как же дорогу находит?

– Это всё Петька, – отмахнулся дед. – Если б не он, ни за что бы к избушке не вышла. А он, конечно же, рад её видеть, скучает, как ни странно, по ней, а не по папе с мамой. При всём при этом отношения у Ядвиги Балтазаровны с Альбиной весьма и весьма прохладные.

Я глянул на бабу Ягу, видневшуюся в кухонном дверном проеме.

– Она, небось, переживает?

– Понять-то можно. Без неё, наверное, и не было бы никакого Петюнечки. Поначалу она, всё же, пыталась, как могла, войти в родительское положение, пробовала убедить мальчишку, длительно разговаривала, даже пугала, обещая посадить на лопату и зажарить в печке, а тот лишь смеялся – не поверил ни единому её слову. Правда, лопату в тот же вечер утопил в реке. Молодец! Настоящий добрый молодец! К тому же, не она за Петром гусей своих гоняет: он сам такую жизнь себе устроил развесёлую, сделал выбор, так сказать, а поскольку ему ещё и четырёх лет не исполнилось, этот его выбор никем кроме Ядвиги и гусей во внимание не принимается. Вот и летает проказник туда, сюда, обратно – развлекается! Постепенно окружающие привыкать начали, куда деться-то? Да и вреда от этого никакого, хлопотно только: гуси прилетят, унесут, вслед им сестру посылают. Та приводит брата назад, и всё

повторяется снова. Альбина, чтоб зря не ходить, стала с собой продукты прихватывать – надо же как-то отношения с бабушкой налаживать, что уж каждый раз ругаться-то.

Тем временем Петюня, видимо изрядно убежавшийся, с победными криками и торжественным выражением на порозовевшем личике ввалился в избушку, продолжая одной рукой размахивать хворостиной, а другой "стрелять" по нам из палки, как из воображаемого пистолета. Увидел вдруг незамеченного ранее Враххильдорста, чинно сидевшего за столом, взвизгнул от восторга, отбросил в сторону враз забытое оружие" и, подбежав, метко смёл ошарашенного дофреста с верхушки подушечной пирамиды, крутя его и так, и сяк, потряхивая, с интересом разглядывая крылья и драконий хвост.

– По-моему, он принял его за плюшевую игрушку, – чуть скосив глаза, доверительно тихо сообщил мне лешайр.

– Пора спасать? – также тихо ответил я.

Как будто услышав мой вопрос, Врахх рыпнулся, лягнувшись всеми четырьмя конечностями сразу, забил крыльями и издал какой-то невообразимый звук – нечто среднее между кудахтаньем курицы и скрипением старого дивана.

От неожиданности мальчик выпустил из рук свою новую забаву, шмякнувшуюся на пол и быстро убежавшую под защиту свисавшей со стола скатерти.

– Где дла-кон? – изумленно спросил Петюня. – Почему убежал?

– Сейчас прибежит! – грозно сообщила появившаяся в дверях Ядвига Балтазаровна. – Эй, ддрракон! Пирожки лопал исправно, теперь вылезай – с внуком познакомлю.

– Мы уже знакомы, – раздался из-под стола глухой непримиримый голос Враххильдорста.

– А я не видала. Выходи! – так же непримиримо ответствовала баба Яга.

– Длакон бои-и-ица, – понимающе заключил присевший на корточки и заглядывающий под скатерть Петюня. – Не бос-ся, длакон. Давай иглать. А?..

– Во что играть? – чуть миролюбивее поинтересовался из укрытия дофрест, впрочем, не делая попыток объявиться на всеобщее обозрение.

– В ахоту, в ахоту! – радостно захлопал в ладоши оживившийся малыш. – Ты чу-довисие, а Питя ахотник.

– Я... чудовище?!

Мы с лешайром не выдержали и громко расхохотались.

– Чего гогочете, будто гуси на току? – обиженно проворчал дофрест.

– Гуси на току не бывают. Ха-ха-ха! Да это уже и не мы, – уже спокойнее возразил я, вдруг сообразив, что птицы за окном действительно что-то разволновались не на шутку, шумно отвечая на чьё-то внезапное появление. Вот это да – и собак сторожевых не надо!

3

Девушка была высокая и стройная, подстать манекенщицам – этакая взрослая Барби: тщательно намакияженное кукольное личико, длинные осветленные волосы, даже слишком неестественно обесцвеченные, красные туфли с узкими носами, ажурная блузка и короткая кожаная юбка – стандартный образец современной, независимой девицы, будто только что сошедшей с обложки модного журнала. Неуклюже проваливаясь высокими каблуками в землю, она сосредоточенно шла к крыльцу, в одной руке неся большой полиэтиленовый пакет, а второй прижимая к груди миниатюрную алую сумочку.

Ядвига Балтазаровна ждала её молча, заполнив своей внушительной фигурой весь дверной проём. Лицо её не выражало ничего, лишь оба глаза, несмотря на расовые различия, наконец, пришли к незапланированному согласию и жили в единомысленном порыве "no pasaran!".

– Бабушка Ядвига, здравствуйте, – пролепетала девушка, теряя уверенность с каждым шагом, потихоньку сбавляя ход и окончательно тормозя у нижней ступеньки, куда она с облегчением и взгромоздила свою ношу. – Петечка у вас?

– У нас, у нас! – говорить это уже было не нужно, потому что "Петечка" выглядывал из-за бабушкиной юбки, лукаво строя сестрице смешную рожицу: – Пли-вет.

– Вот и хорошо, и замечательно, – оживившись, затараторила гостя. – Чаю попьем – и домой, да, Петя?

Ответом ей был розовый язычок, со всем старанием высунутый изо рта.

– Ла-ла-ла, Аля, иглать! Иглать тут! – он явно не собирался сдаваться сегодня без уговоров, которые, впрочем, последовали незамедлительно.

– Но, Пётр! Я ведь к тебе полдня добиралась, и мама с папой ждут, волнуются, машину тебе купили...

– Настояс-сюю? – схватился за щёки мальчик.

– Нет, пока игрушечную, но зато какую! Ты в неё поместишься целиком. У неё есть руль, педали и гудок.

– Не пайду-у-у! Не хачу иглусечную, хачу настоясую!!!

Чем больше препирались брат с сестрой, тем довольнее становилась Ядвига Балтазаровна.

– Сегодня, Альбина, ягодка наша красная, налив-на-я, видать, назад одна пойдёшь, – удовлетворённо подытожила она. – Передай родителям поклон от меня. А через пару дней я его сама на гусях домой вышлю – с доставкой к балкону, так сказать.

– Сердца у вас нет, – обиженно надула губки девушка. – Думаете, мне интересно каждый божий день сюда мотаться?

– Ну уж, каждый день! Два-три раза в неделю.

– Вам всё шуточки, а я в прошлый раз каблук сломала и два ногтя...

– А не нравится, так не ходи. Маникюр нынче, поди, дорогой!

– Вы это специально говорите, чтобы меня позлить, – голос девушки предательски дрогнул, она чуть не плакала. – Ведь знаете же, что я сюда являюсь не по своей воле. Сам Петя ещё ни разу домой не возвращался – ведь ясно же, что ему лишь бы играть, а в три года без разницы – где и с кем, было б весело. Пользуетесь его возрастом, – чуть тише добавила она.

– Питя умный! – выдвинулся из-за юбки малыш. – Питя больсой!

Ядвига Балтазаровна молчала, возвышаясь над Альбиной неприступной крепостью.

– Зря вы так. Я опять продуктов принесла. Еле дотащила! У вас же тут кругом глушь, лес непроходимый, магазинов нет, а за домом в огороде одна картошка да огурцы с помидорами. А я тут вот... печенье, чипсы, лимонад, сгущёнку ... – девушка явно начала волноваться. – Да консервов всяких!

Баба Яга глянула на непомерных размеров сумку и обречённо вздохнула. Петя заинтересованно полез вниз по крылечку, добрался до пакета и бойко стал вынимать из него разноцветные баночки и мешочки, раскладывая их прямо на ступеньках.

Мы наблюдали.

Между мной и Эшхом, отдуваясь и кряхтя старательно протискивался дофрест, уже давно вылезший из-под стола и непонятно как забравшийся на подоконник.

– Что, про лимонад услышал? – поинтересовался я. – Смотри, станешь лимоно...дофром.

Не обращая на меня внимания, Враххильдорст, наконец-то, добрался до оконного стекла, углядел пакет и три бутылки, рядом выставленные на солнцепёке, забеспокоился и стал проталкиваться между нами назад.

– Куда понёсся, Враххильмонад? Сумку Ядвига Балтазаровна сейчас и так в дом принесёт. Куда она денется.

– А вдруг нет? Он же на солнце... Надо что-то делать, – изнывал дофрест.

– Ну-ну, дерзай. Бандитским нападением или обманным маневром? Ответом мне было удаляющееся сопение.

Мы снова заняли свой наблюдательный пункт.

Ядвига Балтазаровна явно засекла нашу толкотню у окошка, насупила брови, зыркнула, цыкнула, потом вздохнула, глядя как Петя ловко и задорно строит крепость, составляя друг на друга баночки. Снова вздохнула и махнула рукой замершей в ожидании Альбине:

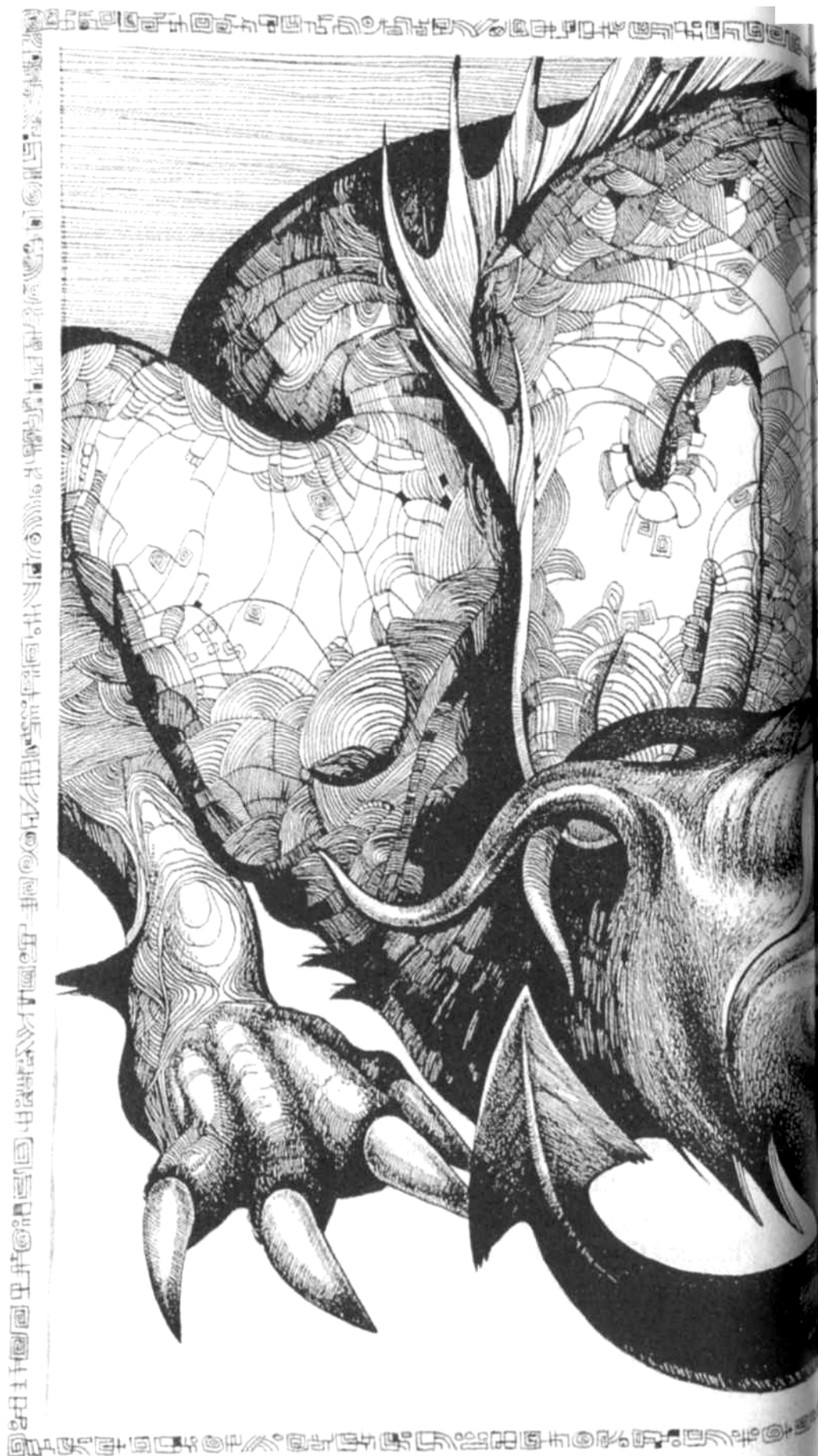
– Ладно уж,
пошли в дом, что ли,
чай пить. Не дело на
виду у всего Леса
котомками трясти.

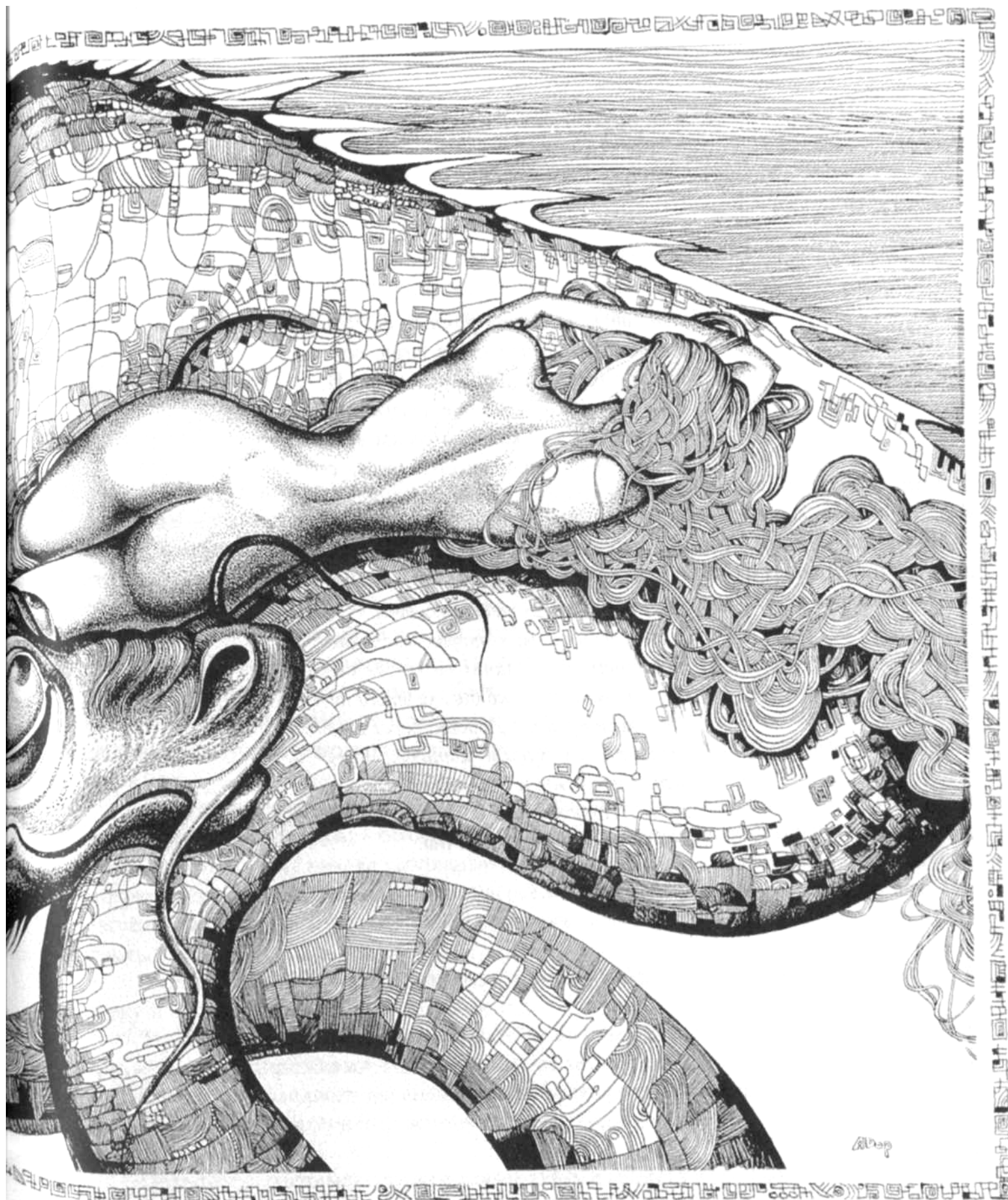
4

Мы допивали
третий самовар. Беседа
понемногу оживилась.

Баба Яга и
Альбина заняли
противоположные
позиции,
расположившись по
разные стороны стола
точно друг напротив
друга. Петюня бегал от
одной к другой, залезая
к ним на колени по
очереди. Он был слегка
обижен: пришлось
признать, что дофрест
не "длакон" и не
игрушка, а такое же, как
мы, взрослое,
полноправное существо,
хоть маленькое и
пушистое. Было видно,
что мальчик прилагает
огромные, прямо-таки
недетские усилия,
чтобы, проходя мимо, не
дёрнуть Врахильдорста
за хвост или крылья.

Я же снискал
расположение малыша,
соорудив ему
великолепную
дальнобойную рогатку,
и тут же научил его ею
пользоваться, сшибая
желудями пустую
консервную банку,
поставленную мишенью
на пороге. Мы
торжественно поклялись
не бить по живым
существом и остались
очень довольны друг
другом. Мой рейтинг в
его глазах взлетел на

недостижимую высоту.

Петюня убежал к бабушке демонстрировать своё новое оружие, та же шутливо погрозила мне кулаком – итак, мол, озорник, а с рогаткой и совсем не будет с ним сладу. В ответ я притворно "испугался". А сам со всё возрастающей тревогой внимательно следил за убывающим содержимым лимонадной бутылки – уже второй.

Ширина улыбки и огонь в глазах Враххильдорста прибывали прямо пропорционально количеству выпитой им жидкости.

– Кр-расота! – изрёк дофрест, когда уровень лимонада дошёл почти до середины сосуда. – И не смотри на меня так, Василий. Мы, к твоему сведенью, в любом случае останемся здесь ночевать: несравненная Ядвига Балтазаровна пригласила нас отужинать в её... мм... невыразимо прекрасном обществе, – он громогласно икнул. – Я взял на себя смелость согласиться за нас обоих. С благодарностью.

– Ты бы хоть Петру оставил – вдруг он тоже лимонада хочет?

– Он добро-овольно пожертвовал весь свой з-апас мне-е-е! – продолжал икать Враххильдорст. – Так сказать, возме-ещая моральный ущерб. Правда, Пётр?

– Плавда! – очень серьёзно отозвался мальчик. – Тятя Вах – холосый. – Бабушка ласково взъерошила ему светлые кудряшки:

– Ах, ты мой яхонтовый!

– И он всё равно дракон, только маленький, – улыбаясь, добавил я.

– А большие длаконы есть?

– Только в сказк... – подала голос Альбина.

– Бывают, конечно же, бывают, солнце моё, – громко оборвала её баба Яга. – А сестрица твоя думает, что раз она не видала их своими собственными глазами, то они и вовсе не живут на свете. Много ли она видала?

– А что я такого... не видала, что? – едва слышно, обиженно прошептала девушка.

– Да ничего и не видала! У тебя очи твои нарисованные, наверное, только для того и существуют, чтобы ресницами хлопать да томно выпучиваться! – подалась вперёд Ядвига Балтазаровна, налегая грудью на стол. – Ты даже на себя в зеркало как следует посмотреть не можешь. На кого похожа-то!

– ?!

– Да-да! А кабы глянула по-настоящему, так сразу, может быть, и перестала бы на своё личико пре-релест-ное накладывать килограммами ту гадость, которую ты каждое утро на него намазываешь.

– А что? Плицертолиевая косметика – новое чудо двадцать первого века... – растерянно и непонимающе возразила Альбина. – Её все женщины употреб...

– Вот все и дурищи! – отрезала Ядвига Балтазаровна. – Ну, что ты так на меня уставилась? Опять тебе нужно доказывать да объяснять – как слепые котята!..

Она недовольно ссадила с колен Петюню и, осуждающе качая головой, – эх, молодежь! – ушла в соседнюю комнату, чем-то там погремела, передвигая и перекладывая, через минуту вышла обратно, неся в руках большое пыльное зеркало в витой раме. Взгромодила его на стол, оперев на бок самовара, тут же вытерла передником и гордо сказала:

– Вот, полюбуйтеся.

Что-то любоваться никто не спешил. Баба Яга насмешливо фыркнула. К зеркалу храбро полез Петюня, заглянул внутрь и неожиданно рассмеялся, состроив озорную рожицу кому-то, увиденному в глубине.

– Ну-ну. Что, храбрости-то поубавилось? Один лишь Петя – герой? А ты, любезная сестрица, не желаешь ли поглядеть на себя, красоту свою девичью потешить?

– Хм! – Альбина раздраженно передёрнула плечиком и, посмотрев на кривляющегося братца, тоже подошла к зеркалу. Мы тактично заглянули следом.

Жуткая разлагающаяся маска была скорее частью недавно выкопанного трупа, нежели чем лицом привлекательной девушки. Ноздреватая, местами отстающая кожа, спекшиеся губы

и вылезающие глаза – весьма колоритный образ для юной впечатлительной особы, а в том, что она впечатлилась, сомнений не было никаких.

Альбина остоленела. Вцепившись в край стола, она не могла даже кричать. Отражённое существо действительно чем-то напоминало оригинал, как если бы тот заглянул в свою могилу лет примерно через сто.

– Алюся, эта со такое? – встревожено спросил Петюня, дёргая сестру за руку. От внезапного прикосновения та очнулась, растерянно поглядела на малыша, такого живого и тёплого, потом с невероятным усилием снова перевела взгляд на своё отражение и, наконец, завизжала. Отшатнувшись и чуть не уронив зеркало, шарахнулась прочь, бестолково заметалась по комнате, ударившись ногой о скамейку, не замечая ни боли, ни присутствующих и желая лишь одного – быть подальше от этого ужасного предмета на столе. Внезапно увидела выход и, просветлев лицом, рванулась наружу. Хлопнула дверь, и тут же раздался грохот падающего тела, поскользнувшегося на крутых ступеньках. Мы бросились следом.

– Оп-пля!!! – раздался приятный мужской баритон. – Куда так спешишь, ненаглядная?!

...Я готов целовать руки твои, дарившие мне тепло, глаза твои, вернувшие мне надежду. Слышишь?! И если нам никогда больше не суждено встретиться, с каждым своим вдохом я буду звать только тебя, с каждым взглядом я буду вспоминать только лишь о тебе и ждать... всё равно – надеяться и ждать. Потому что я не смогу жить без тебя вновь так, как жил без тебя прежде... Нет той силы, которая могла бы помешать мне найти тебя, где бы ты ни была, сколько бы для этого не пришлось пройти, Дорогой дорог или бесконечным путём коридора Времени, через сны и бред, потери и обман... Потому что я люблю тебя, любил и буду любить вечно.

ГЛАВА 10. ЗМЕЙ ГОРЫНОВИЧ.

*... И медленно, замедленно плавно
Твои глаза заполняют полнеба,
Соединяя осколки души
В сияющее Главное...*

Хийс Зорр (рзйвильрайдерс)

*Говорят, что любовь слепа, но я встречал великое
множество влюбленных парней, которые увидели в своих
любимых вдвое больше того, что сумел увидеть в них я.*

Генри Шоу

1

– Не надо плакать. Кто тебя обидел? Только покажи негодяя – в куски нашинкую мерзавца! – уговаривал статный усатый красавец упавшую ему прямо в объятия девушку, отчаянно рыдавшую и крепко вцепившуюся в его широкие плечи. Казалось, что никакими силами теперь уже невозможно разжать девичьи пальчики. Впрочем, ситуация, в которой непредсказуемо оказался молодой человек, была ему явно знакома и приятна – до мелочей и последствий.

– А-а, Горынович пожаловал!.. И опять барышня в объятиях, – ехидно констатировала вышедшая вслед за нами баба Яга. – Когда красавице сопельные пузыри своими расшитыми рукавами оботрёшь, милости прошу в горницу, естественно, вместе с девицей. Вижу-вижу, приглянулась она тебе – ясно дело, внезапная роковая страсть. Понимаю.

– Кто ж отказывается от нежданно свалившегося счастья, когда оно, тем паче, падает прямёхонько в руки, – обаятельно улыбнулся в ответ новоприбывший молодец. Альбина потихоньку начала успокаиваться, всхлипывая уже больше для порядка и заинтригованно поглядывая на своего спасителя из-под опущенных мокрых ресниц. Облегчённо вздохнула и расслабилась, устраиваясь поудобнее на крепких мужских руках.

Горынович улыбнулся и без труда занес её назад в дом, осторожно опустил на лавку и обстоятельно устроился рядом.

Зеркала уже не было. На кухне закипал очередной самовар, а на столе появилось третье блюдо с пирожками, сопровождаемое теперь вазочкой с облепиховым вареньем и горкой шоколадного печенья, ставящего под сомнение дремучесть окружающего леса – может, затерялся, всё-таки, где-то неподалёку какой-нибудь крохотный магазин.

Промокнув расплывшуюся на глазах тушь и заплетя в косу волосы, Альбина стала гораздо симпатичней и естественней, сидела, потупив взор, застенчиво улыбаясь и мило рдея щеками, кокетливо наматывая на палец выбившуюся белокурую прядку.

– А тут прямо на меня выбегает девица красная – глаза горят, уста пылают, руки тонкие в отчаяньи заломлены, – рассказывал по-второму разу Горынович, изображая своё чудесное знакомство с прелестным созданием, трепетно замершим рядом. – Спаси меня, славный рыцарь, молвила она дрогнувшим голосом и, уронив хрустальную слезу, приникла ко мне гибким станом.

– Помнится, ревела как взбесившаяся корова и чуть не вышибла "гибким станом" дверь, хорошо хоть, та на петлях усидела, – не удержавшись, прошептал мне на ухо Илэйш Эшх. Поймав укоризненный взгляд молодого человека, замахал руками – молчу, молчу, было от чего бежать сломя голову, было, признаю, чай, тоже в зеркальце смотрел, от страха чуть не одеревенел весь!

Альбина замерла и снова начала меняться в лице, хотела было встать, но её во время перехватил бдительный кавалер, усадил снова рядом, завладев ладонью и целуя по очереди

пальчики, чуть щекоча их усами, что-то тихонько сказал ей на ухо, за что был вознаграждён откровенно влюбленным взглядом.

Ядвига Балтазаровна демонстративно уронила на пол ложку и возмущённо полезла доставать.

За окном вечерело, ступаясь тишиной и синим цветом.

Бесчувственное тело Враххильдорста давно уложили на печь спать, отгородив ситцевой в горошек занавеской, и теперь о его присутствии напоминал лишь негромкий храп да равномерное колыхание ткани. Через полчаса к нему присоединился Петюня, устроившийся в обнимку с любимым "длаконом", и к храпу добавилось сопение и причмокивание.

Лешайр ушёл, как он сказал, "смотреть ночь" и выкурить пару трубок табака.

Альбина заснула прямо в уютных объятиях своего неожиданного кавалера, и её опять пришлось нести на руках в соседнюю комнату, где она и растянулась в соблазнительной позе, так и не проснувшись, продолжая кому-то улыбаться во сне и повторяя невнятно то ли имя, то ли потаённое желание. Закрыв девушку лоскутным одеялом, Горынович вернулся к нам за стол.

Выкатила на небо желтая, как сливочное масло, тарелка-луна.

Баба Яга принесла подсвечник с пятью зажженными, медленно оплывающими свечами и маленький графин с тёмно-вишнёвой жидкостью.

– Ну что, молодцы, за знакомство! – она налила три рюмки.

Мы чокнулись. Выпили. По вкусу напиток напоминал Арагви, но с легким ароматом вишен.

– А мне про вас Эшх рассказывал, – обратился я к красавцу-соседу, – и, представьте, только лестное да занимательное, так что весьма рад знакомству. Я – Василий. А вас как величать? А то всё по отчеству да по отчеству, как-то неудобно получается.

– Неудобно лететь с телегой в когтях, которая к тому же запряжена четвёркой лошадей, а остальное – мелочи жизни. Так что, давай на "ты" и по-простому! – он хлопнул меня по плечу. – Хорошо, что ты Василий, а не Иван. А то у меня от них...

– ...изжога! – весело dokonчил я за него.

– Точно, изжога! – он лихо закрутил усы и налил себе и мне по второй.

– А даме? – кокетливо улыбнулась баба Яга, сияя правым глазом, в котором не осталось и намёка на морозную голубизну – лишь тёплая синева неба с чёрной точкой парящего в нём зрачка.

– А даме надо побереечь печень, от которой зависит прекрасный цвет её несравненного лица. Хотя, разве что ещё одну! – белозубо улыбаясь в ответ, сдался тот. – За что пьём-с?

– За удачу – капризную и непостоянную, без которой у Василия ничего не получится! – подняла за меня тост Ядвига Балтазаровна.

– А у него может ничего не получиться?

– Конечно, – закивала многозначительно та, хитро глянув на меня из-под густых бровей – молчи, мол, Василий, сейчас мы быстро его обработаем, не вмешивайся. Будет у тебя спутничек, каких мало. Я вздохнул – а почему бы и нет? Она продолжала: – Без тебя уж точно пропадёт ни за понюшку табака: молодой, нездешний, леса не знает, постоянно в неприятности вляпывается, а очень нужно, чтобы он до Оллисса Ушранша живым и невредимым добрался и как можно скорее.

– А ему именно к Ушраншу надо? Не больше и не меньше? Шустрый у тебя гость однако оказался. Что ж, надо так надо – до гор провожу. С утра пораньше. Если женщина просит... – пропел он красивым баритоном, наливая бабе Яге незапланированную рюмочку. – А пока... Такая ночь чудесная, жаль торопиться – потом наверстаем, да и роман тут у меня случился непредвиденный. Не могу вот так вот взять и бросить девушку – не в моих это правилах.

– Да-а-уж. Мало ты их бросал!.. Правила? У тебя появились правила? Еще скажи, что жениться собрался.

– Собрался или нет, а на свадьбе у меня вы, Ядвига Балтазаровна, точно будете почётной гостьей!

– Приглашаешь?! Уже? – фыркнула та и вдруг неожиданно по-доброму рассмеялась.

– А вот с Василием и приходите, – теперь уже смеялись мы все. Наверное, слишком громко.

– Зорр, а о какой свадьбе идёт речь? – в дверях стояла заспанная босая Альбина.

– С тобой, душа моя, с тобой, – не задумываясь, ответил Горынович и даже бровью не повел на наши с бабой Ягой удивлённые взгляды. Во даёт!!!

– Вот так сразу? – растерялась девушка, не понимая, шутит он или серьёзно. – Ты ведь меня совсем не знаешь... А как же... Что же... ты... мы... я...

А его, значит, зовут Зорр, отметил я про себя. Зорр Горынович – ладно да складно. Как я понимаю, змиур. Или же дракон? По крайней мере, точно оборотень. Что-то я про драконов-оборотней ничего не читал в библиотеке. Надо будет спросить, так сказать, непосредственно.

Пока я раздумывал, на столе появилась четвертая рюмка, и наше общество украсилось ещё одной прекрасной дамой.

Надо же, как меняют человека сильный испуг и внезапная любовь, а с Петюниной сестрой успело приключиться и то, и другое вместе – вон как смотрит на своего спасителя, только глазами хлопает. Даже Ядвига Балтазаровна постепенно сменила гнев на милость. Да и как же на неё сердиться – чисто дитя малое. На такую глядя, хочется раскинуть руки, как крылья – пошире, защищая её от всяческих напастей. Впрочем, Зорр так и сделал – нежно её подмышку поместил и по плечу гладит.

Конец ему, что ли? Попался? По виду так такой крученный-верченный, небось, не одна светская барышня в отчаянии ноготки пообкусала. И вот, сидит теперь рядом с ним их конкурентка, умом и красотой им явно уступающая, рот открыла, молчит, ресницами машет, каждое его движение, каждое слово ловит, а ему нравится. Хм! Либо к утру надоест, либо...

– А видела ты в зеркале, душа моя, одновременно себя и не себя, – он легонько щелкнул девушку по чуть вздёрнутому носику. – Ответь, пожалуйста, что ты мажешь на свое очаровательное личико? Такую гладкую и свежую щёчку можно получить только благодаря крему из лягушачьих лапок, медвежьей крови и капель "грибного" дождика, или я что-то забыл перечислить? А, Ядвига Балтазаровна? Кажется, еще слизь двухнедельных улиток?

Альбина слегка побледнела и, возражая, замотала головой.

– Нет, нет. Это называется "плицертолиевая косметика". Это новейшее супер средство. Оно производится из плицерты... женщин... которые...

– ?! – выжидающе приподнял широкую бровь Горынович.

– Но ведь в этом нет ничего страшного? – сказала она уже менее уверенно.

– Конечно, ничего, если не считать того, что ты увидела в зеркале.

– Но ведь ты же сказал?..

– Я сказал, что ты увидела и не себя тоже. Подумай немного – ведь эти плицерты часто получают при весьма печальных обстоятельствах, сопровождающихся смертью и страданием гибнущего маленького существа, так и не родившегося на свет. Всё это вместе с кремом преспокойно пакуется в красивую коробочку и продается за солидную сумму состоятельным дамам, которые старательно мажут на свои лица не только питательные вещества, но и боль, страх, отчаянье. Выглядит же это весьма колоритно – внешне очень привлекательно и гладко, а внутри... На лицо как бы одевается маска чужой смерти, которая не может не оказать влияния на своего носителя. Живые клетки кожи получают информацию о гибели и воспринимают это как руководство к действию, в чём ты убедилась лично.

– Уж лучше лягушачьи лапки, – поражённо пролепетала Альбина.

– Гораздо, гораздо лучше, – не удержалась от замечания баба Яга. – И более действенно, особенно если добавить слюну взбесившейся кикиморры.

– Точно, ещё же слюни, совсем забыл! – хлопнув себя по лбу, воскликнул Зорр Горынович.

– Хорошо... Пусть будут и слюни, – чуть не плача, согласилась девушка.

Под утро Альбина опять уснула в объятиях своего новоиспеченного жениха. Зорр опять унёс её на руках прямо в кровать. Зря он так: придётся потом всю жизнь на себе таскать, уж больно она быстро во вкус вошла. Впрочем, это их дело, можно сказать, теперь почти семейное.

Лешайр так и не вернулся.

На печи сопели Петюня с Врахильдорстом.

Мы остались вдвоём. Ядвига Балтазаровна, уже давно называвшая меня внучком Васенькой, вынесла ещё один полный графин и откуда-то из-за угла сотворила кастрюльку горячего грибного супа из настоящих свежих подосиновиков. На моё удивлённое заявление, что на дворе, кажется, стоит месяц май, она ответила, мол, май, конечно, май, а за углом начинается дорога в зиму. Потом долго рассказывала, что избушка её находится в очень удобном месте, в котором якобы пересекаются не только разные времена года, но и выходы в другие миры. Этакий пространственно-временной лабиринт.

– Так что будь осторожен, а то за кустик зайдёшь, а назад вернуться не сможешь. Кстати, во избежание подобных неприятностей для дорогих гостей я устроила в доме тёплый туалет. Так что пользуйся на здоровье.

– Унитаз там случайно не бархатный? – усмехнулся я.

– Хочешь обитый бархатом? – тоже улыбнулась она, задумалась, потом моргнула два раза голубым глазом, а тёмный, птичий, на секунду остекленел круглой пуговицей. – Абра... кадабра... пожалуйста. Тебе синий с золотом подойдёт?

– Альбина точно будет в восторге, – сквозь смех выдавил я, всё более впечатляясь этой умопомрачительной бабuleй. Она весело подмигнула в ответ, причём обоими глазами по очереди – знай наших!

– Это, позвольте узнать, от чего? – спросил вернувшийся Горынович.

– Не от чего, а от кого. От тебя, конечно – единственного и неповторимого! Ты ж для неё теперь царь и бог, а не какой-нибудь бархатный унитаз. На суше, в облаках и на болоте.

– На суше и в облаках – это точно. Я, кстати, обещал её на спине покатавать.

– На чешуйчатой? Так ты ей рассказал о...?!

– А ты сам-то откуда знаешь? Я ж и тебе, вроде, не говорил. Или слава моя впереди меня бежит?

– Ну, вобщем, да. Наслышан я о тебе, можно сказать, заинтригован. Желая дружить и всё такое прочее, – я смутился.

– Хм! Ты мне тоже приглянулся, хоть и не красна девица. Я тоже желаю, особенно "всё такое прочее", – ухмыльнулся он. – Правда, кое-что мне про тебя непонятно... Ну, да ладно. Путь дальний – в дороге и разберёмся.

– Так значит, вместе?

– А куда от судьбы деться-то? Пойдём, прогуляемся. А пока мы никуда не спешим, поведай-ка мне, дружище, свою быль-небылицу от начала и до конца. Быть в курсе дела – это уже поддела.

Я и поведал. Без лирических отступлений, исключая чувства и переживания, что-то недосказывая и умалчивая, впрочем, не по злобе и не по хитромыслию, а так, для краткости сюжета. По ходу повествования мы допили графин, затем ещё два, доели кастрюлю супа и горку пирожков. Потом я устроил перекур, битву же у избушки лешайра и последующий пожар мы запивали горячим чаем со смородиной.

– Да-а-а... Это ты дал так дал! Во заливаешь! – восхищению Горыновича не было границ. – Если хоть половина того, что ты рассказал, правда, а сдаётся мне, что правда тут всё, то нам действительно не помешает прогуляться до Оллисса Ушранша.

Я снова отметил про себя сказанное "нам". Значит действительно вместе.

– Юнэйсю жаль, – продолжил Зорр, вдруг, не соответствуя своему бравому образу, шмыгнув носом. – Хорошая была девочка, правильная. Что ж, лес рубят – щепки летят. И ведь беда пришла для всего Леса, теперь открывай ворота – не убежать, не скрыться.

– А как же Эвил Сийна? – не удержался я. – Ведь она-то как раз и сбежала.

– А с ней пока ничего не ясно. Во дворце она не появлялась, у своей подруги тоже, – Лаас Агфайя сейчас при Королеве. Я вчера ещё разговаривал с ней, в милой приватной манере за бокалом шипучего солса.

Ядвига Балтазаровна иронично усмехнулась, прикрывая улыбку нависающим длинным носом. Я подался вперёд – беседа вошла в интересующее меня русло.

– И? Что говорит Агфайя? Как дела во дворце? Как себя чувствует Королева?! О чём думает? Чем живет?.. Как?.. Что?.. Почему?.. Да как?.. Да сколько?.. И снова как?..

Я сыпал вопросами, а брови Горыновича медленно, но верно ползли вверх. Подперев подбородок рукой он сидел и внимательно смотрел на меня, задумавшись основательно и надолго. Потом спросил, обращаясь то ли ко мне, то ли к бабе Яге:

– Я так и не понял, про кого начинать в первую очередь. А может, я что-то упустил раньше? В конце концов, зачем тебе, Василий, нужна Агфайя? Мало, что ли, тебе неприятностей? И, тем более, причем здесь сама Королева?!

За меня ответила Ядвига Балтазаровна:

– Это же очевидно, как ветки на дереве: Агфайя ему прапрабабка, а Королева... Королеву он осмелился назвать любимой девушкой. Я правильно излагаю, Василий?

Я лишь молча пожал плечами – ни убавить, ни прибавить – и кивнул. Зорр потрясённо развёл руками, налил себе остатки из графина прямо в чайную чашку, одним махом выпил,дохнул и неспешно подкрутил себе усы.

– Вот это раскла-а-ад, – медленно протянул он, вздохнув как после долгого бега. – Это вам не партию в экт сыграть. Да-а-а, дела-а... Классические дворцовые выкрутасы!

– И что ты заладил? Только пугаешь парня. Делов-то тут на пару чашек чая, – заворчала баба Яга. – Подумаешь, дворец. Что мы дворцов что ли не видали? Сейчас метлу принесу, рукой махну, молодецки присвистну да притопну, как пойдут клочки по закоулочкам, и здесь тоже будет не хуже. Со всеми вытекающими последствиями – выкрутасами, как ты их называешь. Дело-то не в этом.

– А в чём? – подключился я.

– А в том, что великая Диллинь Дархаэлла собирается выходить замуж, – вдруг отозвался Зорр. Он как-то странно глянул на меня и поправился. – Впрочем, не она собирается, а её подталкивают к этому весьма тривиальным способом: как обычно – уговоры, интриги, обман, скрытые угрозы и лесть. Как ни крути, она ещё очень и очень молода, наша пресветлая Королева...

3

– С кандидатурой жениха пока полная конспирация. Да-да, не объявлена. Кто сей счастливец – пока не знает никто. Даже я, – тут Зорр усмехнулся, за ним хмыкнула и Ядвига Балтазаровна, но явно с другим подтекстом. – Так что погоди пока локти-то кусать, пожалей свой юный организм. Я и сам узнал об этом только вчера, да ещё и под кодовым названием "сплетня". Суета, шушуканье, полный декаданс. Неразбериха во дворце сейчас нешуточная. Первая эйфория по поводу возвращения её величества прошла стремительно быстро. Быть может за пределами Ульдроэля и продолжается всеобщее ликование...

– Ульдроэля? – переспросил я.

– Так называется королевский дворец. Место весьма примечательное во всех отношениях. К нему невозможно подойти незамеченным – оно, как бы точнее выразиться, обладает самостоятельным разумом, никому не подчиненным, кроме одной лишь Королевы. Только она может давать ему указания кого допускать внутрь, а кого нет. Естественно, она не дежурит у ворот, это и дараину понятно. Ульдроэль и сам прекрасно знает своих постоянных жителей, так сказать, в лицо. К тому же, существуют специальные пропуска разных категорий дальности и вольности прохождения: для силса отдельно, для кикиморры отдельно. Вот, например, смотри! – Зорр вытянул вперёд руку, украшенную массивным перстнем с матовым камнем, на котором был выгравирован геометрический знак. – Могу свободно явиться даже к Советнику

Хроссу, правда, с предварительной нудной церемонией объявления всех моих титулов, регалий, званий и "приятного" ожидания в гостинной.

– А если отнимут? – поинтересовался я, разглядывая занятную вещицу.

– Зачем? – не понял Горынович. – Кольцо именное, настроено только на меня, как и остальные высочайшие пропуска. Хоть в узел завяжись – не пройдёшь. Даже в моём кармане, за щекой или в желудке.

– А всякие балы, гулянья и праздники?

– Ну, это случаи особые! Всеобщих народных гуляний во дворце никогда и не бывает, а светские приемы и торжества тщательно готовятся и охраняются. Да что ты, смешной какой! У нас так же, как и у вас, у людей – куча телохранителей, шпионов, соглядатаев, лакеев, изумрудная гвардия одна чего стоит, на то она и личная охрана Королевы. А есть ещё и слуги Ульдроэля! – Зорр сделал страшные глаза, потянул паузу, но, глянув на меня, не выдержал и рассмеялся: – Душа моя, у тебя действительно всё на лице отражается, мило-непосредственно. Надо скрывать свои эмоции, хотя бы частично – в порядке этикета и личного самосохранения.

– Ничего, со временем по мне вообще будет ничего непонятно, – я состроил самую непроницаемую физиономию, на какую только был способен, чем вызвал новый приступ его смеха.

– Ну-ну. Дерзай, мой талантливый неутомимый друг! А с иными обитателями дворца у тебя ещё будет повод для более близкого и детального знакомства. Ты у нас, в отличие от многих, парень любопытный и доброжелательный, может, тебя и не съедят.

– Что, в Ульдроэле так страшно?

– Да нет... Среди его слуг нет злых или добрых существ, они просто совсем другие, непохожие на нас ни внешне, ни внутренне. Разумеется, они не обдирают до костей незадачливого грабителя, не душат и не рвут его на части, но ещё никто не уходил от них живым: пропавших просто больше нигде не встречали. Только от блуждающих огней можно вернуться назад, правда, уже ничего не помня и не осознавая, ведя в дальнейшем незатейливую жизнь домашней скотинки. Вот, например, одна нездешняя красавица имела глупость влюбиться в сына главного советника, – тут Зорр презрительно фыркнул, – нашла в кого! Естественно, она ему быстро наскучила. Когда же девица, трепеща от безнадежной страсти, решила дерзко проникнуть в покои возлюбленного, её угораздило вляпаться именно в блуждающие огни. И вот вам результат: мычит на задворках конюшен, такая же молодая и симпатичная, – жизнь-то у неё длинная! – только малость перепачканная в навозе. Слабоумная утеха для конюхов. Какая жалость! Даже Королева, узнав об этом, ставила вопрос на Совете о прерывании жизненной нити сей несчастной особы.

– И?..

– Вопрос рассматривается.

– А Енлок Рашх? Это же был он? У Королевы ведь один главный советник? У советника только один сын? – поинтересовался я, вспоминая то, что прочёл о нём в библиотеке, а более всего, неприятное ощущение от запомнившегося лица, и с подозрением добавил: – Или сейчас ты порадуешь меня какими-нибудь многочисленными братьями-близнецами?

– Один... Слава Лесу, один! – вздохнул Зорр и вдруг заинтересованно глянул мне прямо в глаза: – Твоя осведомленность удивляет меня всё больше, впрочем, ничуть не путая.

– Уж, надеюсь! – кивнул я, не в силах отделаться от чувства, что мы с ним очень и очень давно знакомы.

– А что тебе остается, кроме надежды и нашего милого общества, – Зорр шутливо толкнул меня в бок – видимо, ощущение старой дружбы посетило и его.

– Так что же Енлок Рашх? Я понимаю, что та барышня была не единственной пострадавшей от его несравненной персоны?

– Правильно понимаешь. А он? Что ему будет! Пока ни разу не удалось припереть его к стенке: на любое обвинение найдёт тысячи оправданий – умен, что поделать, на то он и силен, а те, кто не внемлют умозаключениям, встречаются с его мечом... И больше уже ни с кем и ни с чем.

– Разрешены поединки?

– В том-то и дело, что нет, но каждый раз Рашху удавалось доказать, что это был и не поединок вовсе, а так, самая что ни на есть банальнейшая самозащита. На него, бедненького, нападают злоумышленники, – это в Ульдроэле-то! – и он просто обязан защищать свою драгоценную жизнь. По мере сил и возможностей.

– А много тех и других? В смысле, сил и возможностей? Неужели не нашлось достойного противника? – я по-хозяйски придиричиво оглядел крепкую фигуру Зорра.

– В пределах Ульдроэля он негласно признан лучшим! – отмахнулся тот. – И, тем не менее, кандидаты для поединка всё ещё находятся. Поводов миллион! Я и сам имел глупость однажды поспорить с ним из-за статуса вар-рахалов в дворцовой иерархии, – он задумался. Взял пирожок, повертел в руках и рассеянно положил обратно. Нехотя продолжил: – Вар-рахалы – это ...

– ... оборотни. Знаю. Всякие там птигоны, катты, змиуры.

– Правда, знаешь, – как-то отрешённо тряхнув головой, будто сбрасывая неприятные воспоминания, сказал Горынович. – Так вот, поскольку, я тоже вар-рахал, в не котором смысле, – по крайней мере они считают меня своим, – и к тому же их представитель во всеобщем Совете...

– Крутой парень? – улыбнулся я.

– Оч-чень круто сваренный! – усмехнулся тот. – Лучше сказать, высокого полета. Так что прошу со мной поделикатней!

– Птичка! – хихикнула баба Яга.

– Молчи, женщина! Забыла, с кем имеешь дело? В тайной канцелярии меня называют не иначе как "предводитель Зорр", и даже завели весьма объемное личное дело тома на три – неимоверной толщины! Сами пишут, сами читают, сами же и получают за это жалованье. Так вот. На очередном Совете Енлок Рашх выдвинул бредовую идею сокращения прав вар-рахалов, – с каждым словом он становился всё серьёзнее и серьёзнее. – Сюда ходить, а туда не ходить, звериный свой нос в пределах дворца высовывать не сметь, а то, якобы, псиной и прочим в залах воняет. Можно подумать, что кто-то из оборотней кусался или мочился по углам, помечая территорию. Чушь... Какая ерунда! Я битых полтора часа пытался доказать собравшимся всю абсурдность данной точки зрения – тщетно! Рашх так лихо закрутил ситуацию, что вар-рахалы получились чуть ли не позором Ульдроэля.

– Ты, естественно, не стерпел, небось наговорил ему при всех кучу гадостей? Перчатками в обидчика случайно не швырялся? Тортами и каретами?

– Ну, до перчаток дело не дошло, – не разделяя моего веселья, опять задумываясь о чём-то своём, медленно возразил Горынович. – По крайней мере, тогда. Если хочешь знать, мы даже голос друг на друга не повысили, не то что предметами бросаться. Да-да. К тому же было принято решение пока оставить общую ситуацию как есть – до следующего Совета. Этот высокопоставленный хлыщ, легко догадаться, был недоволен, но стерпел, лишь ядовито улыбаясь, шепнул мне сквозь зубы: "До встречи!". А я ему ответил: "Не опаздывай!". Он ушёл, а члены Совета ещё часа три обсуждали права и обязанности всех существ, допускаемых в Ульдроэль. Вопрос оборотней так и остался открытым... Василий, ты сам подумай! Как можно нам запретить вход на верхние этажи?! Приравнять к каким-то кикиморрам, трясинникам, москитникам и лешайрам? – тут Зорр быстро оглянулся на дверь, за которой скрылся Илэйш Эшх, и поправился: – К присутствующим это не относится. Наш дед – редкостное исключение.

– Кстати, что-то он запропал? – забеспокоился я, тоже оборачиваясь к выходу.

– Что с ним станется? – махнула рукой Ядвига Балтазаровна. – В лесу он везде дома. Не то, что в Ульдроэле. Хотя его и во дворце пускают гораздо дальше некоторых.

– Да уж, о нём вопрос на Совете не ставился, – вздохнул Горынович. – Дедуле нашему точно не придётся никому манишку рвать.

– А у тебя на счету стопка порванных манишек? – восхитился я.

– Твой щенячий восторг не уместен, – буркнул в ответ Зорр. – И нечего сучить лапами! Драка, всё-таки, случилась, и уж торжественное слово "дуэль" подходит к ней, как грольху кружевной чепчик.

Я чуть не рассмеялся, представив сие гротескное сочетание, но, глянув на задумчивые лица моих собеседников, решил скоропалительно воздержаться и только осторожно спросил:

– Но ведь обошлось без смертельных исходов?

Горынович вздрогнул и как-то неловко провел ладонью по груди. Баба Яга задумчиво потёрла бородавку на кончике носа, выдернула из неё волосок и, так ничего и не промолвив, ушла в соседнюю комнату.

– Он ударил первым, – тихо сказал Зорр. – Без предупреждения и глупых реверансов. Прыгнул с места, без разбега, почти не замахаясь, целясь прямо в горло – коротким молниеносным выпадом. Если бы я не был вар-рахалом!.. – он попал бы мне точно в яблочко, а так лишь слегка оцарапал шею. Спасибо звериному чутью! Я успел отскочить, крутанувшись и уходя влево. Этот мерзавец тоже закружился – в противоположном направлении, ничуть не теряя равновесия и напал снова, без промедления, разя одновременно мечом в одной руке и кинжалом в другой. Вот так, вот так!.. – всё более распаляясь, схватив со стола вилку и недоеденный огурец, Горынович вскочил с места и, балансируя на скамейке, демонстрировал последующие роковые события, размахивая руками и делая в мою сторону выпады и за себя, и за своего грозного противника. – Вот так!!! Хоп! Раз! Этот негодяй не останавливался ни на мгновение, бил снова и снова, стремительно наращивая и без того убийственный темп. Раз! Два! Клинок в его руках уже давно превратился в смертоносный вихрь, в ураган, в сверкающее убийственное нечто – вот так!!!

Скамейка подо мной вздрагивала и прогибалась, несмотря на свою солидную толщину, по-своему живо реагируя на опасные моменты поединка.

– Поначалу я мог только уклоняться да убегать. Представляешь, какой мы устроили погром – не щадя ни мебель, ни... Хм... Раз! И отлетела пара голов у бедных барышень, за которыми я имел наглость спрятаться. Два! И погибла еще одна!

– Головы бедных барышень?..

Зорр расхохотался. Потом развернулся прямо на скамейке и, победно крикнув, спрыгнул на пол, неожиданно ловко перекувырнувшись через себя.

– Девушки были мраморные и, представь себе, не возражали, – ничуть не запыхавшись, продолжал он. – Зато три их очаровательные головы спасли одну мою. Кажется, погиб ещё стол и несколько стульев старинной работы – увы! Вдобавок, всякая фарфоровая дребедень и витражное окно, выбитое неудачно брошенной пепельницей, сорванный ковер, пара упавших картин и внушительная дыра в двери. С моей стороны – три царапины, и ни одной, к сожалению, у него. Правда, один раз мне удалось-таки удачно приложить ему вазой по лбу. Вот так!.. – Горынович схватил со стола ближайшую чашку.

– Посуду бить мы не будем, – тихо, с угрожающей интонацией в голосе сказала входящая Ядвига Балтазаровна. – Даже при всём моём уважении к твоим боевым ранениям... Чашечку-то поставь!

– Как всегда, придёте, мадам, и испортите мужскую беседу, – проворчал притворно-недовольный Зорр, потом подмигнул мне и продолжил, вернув чашку на стол: – К тому времени я уже добрался до стены с оружием и успел выдернуть меч, коллекционный, кстати, ничуть не уступающий тому, что был в руках у Рашха. Вот тут и началось по-настоящему, совсем уж прытко. Стараясь сбить его с толку, я закружился, трижды меняя направление вращения, отскакивая и нанося обманные удары. Он стал осторожнее, расчётливее: понимал видно, что первый момент уже безвозвратно упущен, и поэтому совершенно не собирался упустить второй. Его меч неожиданно вспорол воздух, пройдя низом – метил по ногам. Ха! Меня этим не возмёшь. Подумаешь, хитрость! Что я прыгать, что ли не умею? Пры-ыгнул! Ещё и от кинжала уклонился, которым он мне в живот ткнул, а в прыжке успел крепко достать его ногой. Вот так! – Зорр ловко взвился в воздух и, как заправский каратист, сделал молниеносный выпад, просвистевший прямо у меня над ухом, впрочем, не задев, а лишь слегка

колыхнув ветром волосы. – Тут Рашх сильно рассердился – мне всё же удалось сбить его с ног. Хоть приземлился он и красиво, мягко перекатившись через плечо и тут же вскочив, было видно, что он, наконец-то, серьёзно решил покончить с наглецом, ну, то есть, со мной. Паскудно заулыбался, – показал-таки своё истинное лицо! – пошел полукругом, по-кошачьи мягко, то замедляя, то ускоряя движения, потом бросился вперёд, откинув условности и лирику. Рубился яростно, дрожа от нетерпения и злобы. Когда понял, что быстро и тихо со мной не справиться, а шуму мы уже наделали порядочно, решил прикончить меня иначе: есть такие магические "фокусы", которые воздействуют на психику, полностью нейтрализуя противника. Я раньше думал, что на территории Ульдроэля их применять невозможно – там не действует ничего кроме истинной магии. Однако Рашх как-то смог. Я просто уверен, что не обошлось без чьей-то помощи. Кто-то стоит за ним, это точно. Кто-то очень сильный, – он тяжело вздохнул. – Если бы ты знал, Василий, если бы ты только почувствовал... Страшны не удары мечом. Страшна злоба. Вся та сконцентрированная ненависть и неудержимая жажда убийства, бьющая волнами, сминающая разум и волю, которая внезапно хлынула мне в мозг, во всё тело. Кажется, даже кровь застыла в жилах, оцепенели руки и ноги. Чего мне стоили несколько минут продолжения – к возрастающему удивлению этого мерзавца! – того нелепого, нереального поединка! Эх, Вася...

– Но ты ведь жив?! – начал было я и осёкся: – Как???

– А вот так! – усмехнулся он, пряча в усах истинные чувства. – Он, конечно же, попал. Это должно было случиться, рано или поздно. Никто тогда не выстоял бы на моём месте. Никто. – Зорр печально пожал плечами, глянул на меня, на замершую бабу Ягу и неохотно расстегнул рубашку. – Его меч вошёл мне прямо в грудь – вот сюда, в самое сердце.

Я тупо смотрел на уродливый шрам, толстым бугристым шнурком идущий от левого плеча до самого солнечного сплетения – после такого не живут!.. Я не знаток ран и никогда не встречал ничего подобного, но почему-то был точно уверен, что после этого удара выжить было невозможно. После такого? Нет!

– Вот и он ушёл, абсолютно уверенный в том, что убил меня, напоследок брезгливо пнув ногою. Я и умер, в каком-то роде, – неохотно продолжил Горынович. – Вернее, одна моя половина... Василий, сотри, пожалуйста, с лица скорбно-соболезнующее выражение – оно преждевременно. К тому же, я ведь вижу, что чем дальше, тем тебе становится всё интереснее. Отвечаю на немой вопрос, красноречиво написанный на твоём лбу. А? Нет, конечно, нет. Мм? Да, конечно, да.

– У оборотней два сердца, – не выдержала Ядвига Балтазаровна. – Звериное и человеческое. Это же очевидно, Василий, как два моих глаза. Раз оборотни туда-сюда перекидываются, значит, они и то, и другое вместе. Или по очереди – понимай, как больше нравится.

– И... какое из двух пострадало?

– А ты сам-то как думаешь? – проговорил Горынович.

4

– Какого его ко мне принесли! О, если бы ты видел, Васенька – ужас, просто ужас! Словами не описать! – сведя кустистые брови домиком и сверкая глазами, рассказывала Ядвига Балтазаровна. – Кровища хлещет, дырища с кулак, ключица наружу торчит – картина! Где уж вашим фильмам ужасов, далеко им. Я, конечно, постаралась, что и говорить, но сделать, как раньше, не смогла – слишком сильно было распорото. Да и сердце звериное почти насквозь проткнуто. Так-то вот...

– И что теперь? Не может оборачиваться в дракона? Совсем?

– Не в дракона, а в Змея, – вежливо поправил меня Зорр и задумчиво добавил: – Я, наверное, отношусь к змиурам. Правда, я не совсем змиур. В смысле, немного не такой, как все остальные. В отличие от других я могу летать, дышать огнем, да и размером чуть-чуть покрупнее уродился.

– Ну да, раз в тридцать, – рассмеялась баба Яга. – Куда уж местным оборотням до него! К слову сказать, здешним змиурам он даже и не дальний родственник – так себе, чужой подкидыш... Молчи уж! – махнула она рукой на пытающегося что-то возразить Горыновича и потом, повернувшись ко мне, доверительно продолжила: – Я его яйцо нашла далеко-о-о отсюда, аж за седьмым поворотом на девятой дороге. А знаешь, куда эта дорога ведёт?! Вот то-то и оно, что не знаешь. И Зорр не знает, потому как я ему об этом раньше ничегошеньки не говорила. Да-да. Воспитывала себе да уму разуму учила, как родного. Что глаза-то выкатил, а, Горынушка? Не ожидал такого поворота? Ха! Тут тебе не дворец. У нас тайны похлеще будут! Ладно, ладно... Шучу. Что уж, давно собиралась поведать тебе одну историю, да момент подходящий никак не выдавался, но, пожалуй, когда-то надо начинать. Так-то... А девятая дорога ведёт в мир великих Рэйвильрайдерсов – да-да, тех самых хийсов, которые теперь обитают неизвестно где, тех самых хийсов, одним из которых являешься и ты, Зорр. Кстати, я это от тебя и не скрывала!

Я с изумлением наблюдал за развивающимися событиями, явно незапланированными для всех присутствующих. Происходило что-то из ряда вон выходящее. По крайней мере, Змей Горынович переживал окончательное превращение в хийса или, вернее сказать, в Рэйвильрайдерса, с ощутимым и бурным волнением. Ах, как я его понимал! Живёшь себе, живёшь, никого не трогаешь, – ну сожрал два десятка Иванов, и что? – а тут оказывается, что ты – таинственный и ужасный неизвестно кто, никем не виденный и никем не встреченный?! Это уж слишком даже для такого могучего парня, как мой новый знакомый.

– Да?! Не скрывала?! А толком почему-то никогда ничего не объясняла!!! – возмутился Зорр и вдруг, повернувшись ко мне, ехидно прокомментировал: – В далёком детстве я думал, что меня так дразнят: хийс-хисюк, покажи писюк! – противным голосом прогнусавил он. – Потом думал, что это из-за моих голов: "хси" у змиуров обозначает цифру три. Когда поселился во дворце, решил, что это почётный титул какой-нибудь, ведь к тому времени вар-рахалы выбрали меня своим представителем – должен же я как-то от них отличаться, хотя бы приставкой – предводитель хийс Зорр. Да и называли они меня так очень редко, только в особо торжественных случаях.

– Что ты так разволновался? – укоризненно засопела баба Яга. – Разве раньше тебя мучил вопрос: хийс ты, змиур или розово-пушистый мусюдильник?! Будто есть какая-то разница, как тебя обзывают, когда ты с кем-нибудь дерёшься или тискаешь красну девицу. Короче – я не говорила, а ты не спрашивал!

– Может, и не нужны мне ваши семейные тайны, а, Ядвига Балтазаровна? Целее буду, – растерялся я.

– Не будешь! – отрезала та. – Времена меняются, тайны перестают быть тайнами, а вам на вашем пути лучше знать друг о дружке побольше: никогда неизвестно, что впоследствии может пригодиться. Ничего-оо, Зорр не из гурьма слеплен, не растает. Подумаешь, услышал о себе ещё одну пикантную подробность! Как будто это в нём что-то изменило! А повзрослеет от этой новости – так ещё и на пользу!

– Уже взрослою! Стремительно и бесповоротно! – глухо подал голос Горынович. – Что кроме этого тайшь-то? Говори! Глядишь, всё брошу и побегу с папой-мамой целоваться.

– Про папу-маму твоих я ничегошеньки не ведаю, – хмыкнула баба Яга.

– Ну да, сейчас окажется, что меня ты подобрала на помойке или где похуже, – обречённо вздохнул Зорр.

– Ну, не совсем на помойке, но яма, в которой пребывало яйцо, легко могла сойти за отхожую, а уж та сине-зеленая пакость в ней...

– Вообще была радиоактивными отходами! – хохотнул я.

– Не знаю, что ты имеешь в виду, – поморщилась Ядвига Балтазаровна. – Но рос Змей очень и очень странно: слишком быстро и слишком непредсказуемо, даже для страны, куда ведет девятая дорога. А уж там полным-полно чудовищ да страшилищ. Тем не менее, Зорр оказался не похожим ни на одно из них. Кстати, к мнению, что он хийс, я пришла не очень давно – лет двести назад, не раньше. Сначала долго сомневалась, – что про них только ни

придумывают! – да и сравнивать мне было не с кем, сама я не видала этих самых хийсовых Рэйвильрайдерсов – ни живых, ни жареных, – она хмыкнула и примирительно потрепала Зорра по плечу. – Что ты, родненький, ты ж мне как сын, кто б ты ни был и как бы ни назывался! А про хийсов, уж прости, истинно я больше ничего не знаю – ступой да метлой клянусь!

– А я сразу понял, что ты настоящее чудовище, самый обыкновенный рядовой монстр, – развеселился я.

– Признайся уж честно, что завидно, – тяжело вздохнув, но уже начиная улыбаться, отвечал новоиспеченный великий Змей по прозвищу "хийс".

– Завидно, завидно! Куда уж мне, простому смертному – я ж не с девятой дороги...

– Да, не повезло. Ничего, не плачь, маленький, голова у тебя не квадратная, к тому же только одна, может и не надо расстраиваться, – просюсюкал Зорр, складывая губы бантиком и водя рукой у меня над макушкой, явно обозначая некий невидимый ящик, одетый мне прямо на голову. Он явно быстро приходил в себя, становясь снова ироничным и обаятельно-привлекательным, правда, в уголках глаз его притаилось некое печальное раздумие.

– Шалопай! – ласково пожурела нас баба Яга. – А Зоррушка у меня действительно уникальный в своём роде. Второго такого Змея нет: хоть по ста дорогам иди, хоть По тысяче – ни за что не найдёшь!

– Здорово, да? Понял теперь, с кем посчастливилось встретиться? Хийс я или Рэйвильрайдерс – это ещё бабушка надвое сказала (тут он хохотнул и подмигнул Ядвиге Балтазаровне), а вот то, что я Змей Горынович, уникальный и неповторимый – это точно! – он повернулся ко мне и расправил могучие плечи: – Цени!

– Какие возражения, дружище, конечно ценю! Называйся, как тебе удобнее, мне ты любой по душе! А раз хочешь быть Змеем Горыновичем, так и будь им! – тут мы одновременно кивнули друг другу и согласно переморгнулись. Лес с ними, с этими нововведениями – время покажет и всех рассудит. Хийс так хийс, да хоть сам великий Рэйвильрайдерс, лишь бы человек (или нечеловек) был хороший. Я вздохнул с облегчением – ну их эти чужие тайны, пусть пока всё остаётся по-старому! – и спросил: – Вот только позволь вернуться к одному вопросу: что же, всё-таки, случилось с твоим пробито-заштопанным сердцем? Что-то ведь с ним случилось, это точно.

– Случилось, увы, случилось, но, может быть, оно и к лучшему. По крайней мере, я ни о чём не жалею.

– Что, так грустно? Смотри, а то мне сейчас придётся тебя самого по головке гладить.

– А что, голова как голова – стандартно чешуйчатая, а вот с сердцем – да, тут не так однозначно... Выходит, что теперь оно у меня работает как бы не в полную силу. А результат? Результат очевиден, можно сказать, прямо у тебя перед глазами сидит. Не понял ещё?

– Ты стал человеком? – догадался я. – Или нет. Ты стал более человеком, чем Змеем или этим... Впрочем, договорились же, что неважно, так?

– Молодец, далеко пойдёшь, – уважительно кивнул Горынович. – Да, мне теперь более комфортно пребывать в том виде, в котором вы наблюдаете меня в данную минуту. Масса положительных моментов, начиная от размера – представляешь, я бы вломился в избушку тридцатиметровым чудовищем! – и кончая душевным фактором.

– Да уж, где бы я взяла столько пирожков? – пробурчала Ядвига Балтазаровна, потом глянула в сторону соседней комнаты, где спала Альбина. – Да и с душевным фактором, как ты это называешь, были бы определенные проблемы. Вот бы девица красная обрадовалась, увидев Змея Горыновича. В натуре, так сказать.

– Как я её понимаю! – фыркнул я.

– Да дело-то, вобщем, не в ней. Если судьба, так и Змей бы ей приглянулся, – отмахнулся Зорр. – Дело во мне. Как только моя звериная половина попритихла, и я огляделся вокруг человеческими глазами, в полную силу, неспешно и обстоятельно – тут-то и начались настоящие метаморфозы. Оказалось, что сей неприятный взгляд на мир таит в себе массу достоинств. Может быть, я и потерял что-то – немного немеряной силы, а и чего по ней

грустить-то, коли она не меряна (он улыбнулся), немного звериного чутья, немного быстроты реакции, – но я стал воспринимать мир и живущих в нём существ по-иному: более глубоко, мудро и контролируемо. А самое главное, я понял, наконец, что такое любовь.

Баба Яга хмыкнула и отвернулась.

– Да-да! – настойчиво продолжал Горынович. – Не страстное желание обладать молодой, призывно пахнущей самкой, следуя неистребимому зову тела или весеннему полёту. Нет. Совсем другое. Я понял, что можно связать свою жизнь с любимой женщиной, одной, единственной, и оставаться счастливым рядом с ней. И только с ней. До самого конца.

– И ты считаешь, что Альбина годится на эту ответственную роль? – иронично поинтересовалась Ядвига Балтазаровна. – По-моему, ты и пяти минут не думал...

– Это у тебя к ней личное. А вот если бы ты посмотрела на неё непредвзятым взглядом – не как на нелюбимую сестру любимого внука, – то заметила, что девушка просто немного запуталась, неправильно была воспитана в детстве и так далее. Не всем же повезло, как Петюне – к тебе на гусях на стажировку летать, да ещё и с малых лет.

– Ну-ну, флаг тебе в руки, или что там, Вася, выдают упорным и решительным?

– А я, как человеческий представитель, считаю, что в Альбине что-то есть! – неожиданно для себя возразил я. – В смысле, не всякие там ноги и ресницы, – это тоже само собой разумеется – а некая чистота и откровенность внутри. Так что я – "за"! Полностью и бесповоротно. Дерзай, Змеюка, и пусть тебе повезёт, как великому Рэйвильрайдерсу!

– Ну вот, осталось только уговорить девушку, – рассмеялся он. – Ладно, вернёмся от Оллисса Ушпранша, и там видно будет. Итак, спать пора, уснул вульфчок, лёг тихонько на бочок, да и за окном уже светает. Пойду перед сном воздухом подышу, разомну крылья... Может, Эшха встречу.

5

Собеседники мои разошлись кто куда: Зорр – на свежий воздух, баба Яга – на печку к Петюне и Враххильдорсту. Я же задумчиво допивал остывший чай – из головы упорно не шёл голос Змея Горыновича: "...пресветлая Королева выходит замуж". Интересно, за кого? Что, у бедной девушки и выбора даже нет? Принуждают, так сказать, в политических интересах. А кто выдаёт-то, если Королева и есть самая что ни есть высшая власть?

Тут мой взгляд упал на одиноко лежащую книгу, ту, которую лешайр с дофрестом обозвали книгой мировых перемен. Как она здесь оказалась, ведь её вроде бы уносили куда-то за печку?

Я огляделся вокруг – испросить совета, как, впрочем, в большинстве случаев, было не у кого.

Книга ждала меня на подоконнике, какая-то уж очень призывная в своей тактичной ненавязчивости. В одно мгновение мне даже показалось, что старая потёртая кожа на обложке и металлические застёжки мерцают чуть заметным, неярким светом.

Что толку в неудовлетворённом любопытстве? Говорят, что от него и заболеть не долго. Решение, как учат самураи, надо принимать за семь ударов сердца, а потом уже больше не думать и не сомневаться. Решившись, я взял себя в руки и бодро подвёл к окну, не останавливаясь и не раздумывая схватил книгу и вернулся назад.

Она была очень тяжёлая и горячая. Застёжки открылись подозрительно легко, и фолиант тут же пружиняще распахнулся. Замелькали, будто гонимые ветром, листы. Наконец, замерли, остановившись на странице номер сто восемь. Шрифт опять был непонятен, но я вдруг, по примеру бабы Яги, медленно провел над ним ладонью – буквы тотчас же заменились на привычные.

Кругом стояла мёртвая тишина. Даже Петя с дофрестом перестали храпеть и ворочаться.

Я наклонился над раскрытой книгой и тут же увидел знакомое словосочетание: "Пресветлая Королева...". Забыв про всё на свете, я погрузился в чтение.

"Пресветлая Королева приходит ниоткуда и уходит в никуда. Она есть высший смысл и высший выбор. Её совет и решение могут изменить ход истории не только целых государств, но и всей планеты в целом.

Королева является в мир маленьким ребёнком. В этом есть великая необходимость и таинство, ибо взрослея, она впитывает в себя мудрость мира – такого, каким он существует на данный момент. Это даёт ей возможность ответить на любые насущные вопросы. Но нужно беречь её, пока она уязвима и ещё не достигла возраста свершений, ибо до него Королеву можно обмануть и даже убить.

По достижении совершеннолетия она должна вступить во владение Ульдроэлем. С этого момента её жизни больше ничто не угрожает: королевский дворец является по сути защитником и помощником, но ответственное право принимать решения всегда остается за Королевой.

Пресветлая Королева рождается очень редко – могут пройти тысячелетия бесплодного ожидания. Она проявляется в мире лишь в годы испытаний, грядущих для целой планеты и несёт всем жизнь и возрождение".

Я оторвался от текста, чувствуя, что в горле опять пересохло, а от напряжения по спине побежала струйка пота. Порыскал по чашкам, обнаружил остатки настойки в графине, облегченно допил и опять погрузился в чтение.

Текст был другой, правда, требуемое словосочетание встречалось не менее часто.

"В момент тотальных изменений, грозящих планете, Пресветлой Королеве потребуется вся Изначальная Сила, которой она обладает. Отдав её, она потеряет и жизнь, но только тогда она снова вернёт мировое Равновесие. После этого, исчерпав себя, Королева исчезнет, уйдёт туда, откуда и пришла – исполнится её предназначение.

Но однажды, как гласят пророчества, и этой жертвы будет недостаточно – наступит срок незримого Перехода и тогда..."

Я задумался. Очень не хотелось верить, что все глобальные неприятности, описанные в книге, есть самая что ни на есть настоящая правда, тем более, что она касается Динни. Силу – отдай, жизнь – отдай, да ещё и замуж в дипломатических интересах... Кстати, а что тут про замужество говорится? Может и не надо вовсе над этим го лову ломать? Я сосредоточился на тексте и тут же получил ответ:

"В год незримого Перехода Королева выйдет замуж. Более того, она родит ребёнка, хоть это и считается невозможным. Ребёнок унаследует силу матери, с самого рождения обладая всеми её способностями, и, к тому же, не исчезнет со временем вслед за ней, ибо по факту своего рождения он будет частью этого мира. Он вознесётся вместе со светлой частью планеты в момент её расслоения, чтобы править всеми спасёнными по законам мудрости и любви".

Я вздохнул – значит, не отвертеться ни ей, ни... Пожалуй, я впервые серьёзно задумался о том, на какую роль я замахиваюсь. Ведь мало найти Динни и сказать наболевшие слова: далее обязательно последует некое "далее". Впрочем, найти бы, а там разберёмся. Я вдруг улыбнулся – а может, и про меня пара слов где-то затерялась?

"Необыкновенно важно, из какого мира и из какого рода сущностей будет выбран претендент на руку Королевы, – гласила книга. – Поскольку: во-первых, ребёнок будет похож на отца, как две капли воды, что не может не сказаться на его характере и особенностях, во-вторых, после рождения наследника родной мир, к которому относится отец, получает все права на..."

Что-то зашуршало у меня под ногами, колыхнулась свисающая скатерть. От неожиданности я чуть не захлопнул книгу и с досадой глянул вниз.

Из-под стола вылез заспанный кот. Он потянулся и запрыгнул на скамейку рядом со мной.

– Мя-я-яса, – с энтузиазмом потребовал он, озабоченно рассматривая остатки нашего ночного пиршества.

– Мясa?... – изумился я. – Какого мясa?

– Ноу-у? – по-английски уточнил кот.

Он укоризненно вздохнул и, кажется, пожал плечами. Или это у меня уже от бессонной ночи начались здоровые устойчивые галлюцинации?

– Мяса, родной, нет. А есть, – я осмотрелся вокруг, – два пирожка, один из которых с яйцом, картошка и сметана, – тут я не выдержал и рассмеялся: – Ну, ты даёшь, зверюга! У вас здесь, наверное, даже тараканы разумные.

– Ноу!!! – всё так же по-английски возмутился он. На его морде было написано такое высокомерно-презрительное выражение, что я чуть не упал со скамейки, только не от испуга, а от смеха.

– Уморил! Сейчас в обморок грохнусь.

Может быть, кому-нибудь другому ситуация показалась бы и не такой забавной, но для меня было достаточно рассерженной полосатой морды, требующей "мя-я-яса", чтобы отсмеяться вдоволь. Спасибо, киса, это то, что доктор прописал. Хорошая порция юмора для моей нервной потрепанной натуры сейчас мне просто необходима.

Кот снисходительно ждал.

– Ну-рр? – тактично поторопил он меня.

– Сейчас, сейчас, – всё ещё смеясь, я плюхнул в блюдечко немного сметаны и ту да же покрошил кусок пирожка с яйцом. – Пожалуйста, кушайте на здоровье, ваше кошачество.

Я и не заметил, как перешёл на уважительное обращение к своему усато-полосатому собеседнику.

Кот увлечённо занялся сметаной, а я не менее увлечённо снова погрузился в чтение.

Кажется, я случайно перевернул страницу – может, когда кормил кота, может, когда смеялся. Текст опять был не тот, и вообще это был не текст, а какой-то диалог, к тому же написанный очень мелко и неразборчиво. А может, это у меня в глазах рябит? Перепил или не доспал? Я привстал и наклонился над книгой всё ниже и ниже, пытаюсь разглядеть мельтешащие и расплывающиеся буковки, но так ничего и не разобрал. Тут же весь покрылся предательским потом, засуетился, расстегнул от волнения рубашу, придвинулся, почти чертя носом по ветхой бумаге. Не заметил, как из расстегнутого ворота выскользнула печать и тихонько улеглась рядом, прямо на строчки. Наконец, проступило долгожданное словосочетание, а за ним стала чётче и вся фраза. Потом ещё одна. Ещё.

"Признаться, милорд, я пока ничего не решила, да и с ролью великой пресветлой Королевы не успела освоиться...".

Я всматривался в текст, стараясь не моргать и уж тем более не отворачиваться – вдруг он опять пропадёт, сменившись кулинарными рецептами или прогнозом погоды?

Ладно, и что же ответил неизвестный королевский собеседник? Я поплотнее закрыл ладонями уши, чтобы не слышать чваканий кушающего кота и окунулся в чтение, позабыв даже, где я нахожусь...

"Резонно. Однако рано или поздно вам надоеет вся эта суета вокруг. Конечно же, многие, или, лучше сказать, почти все готовы постоянно проводить свое время в забавах и безобидных приключениях, которые они именуют жизнью. Вы же не такая. Вы родились для величайших дел и величайших свершений, и даже если вам будет уютно забавляться, это всё равно станет историческим фактом, достойным для подражания и восхищения".

Приятный мужской голос обладал невыразимым обаянием и убедительностью заправского оратора, умело выделяющего нужные слова и мастерски выдерживающего эффектные паузы. Он звучал то ли в моей голове, то ли чуть правее от меня. Я невольно оторвал взгляд от книги и повернулся, обнаружив неподалеку стоящего ко мне боком молодого мужчину в сиренево-черном костюме, с массивной золотой цепью на груди и мечом в ножнах, усыпанных драгоценными камнями – прямо-таки персонаж из рыцарского романа! Незнакомец был красив той яркой, хищной, мужественной красотой, которую так любят летописцы и юные барышни. Светлые глаза смотрели проникновенно-холодно и спокойно, густые тёмные волосы небрежно рассыпались по плечам, придавая образу некоторую фривольную романтичность. В левом ухе посверкивала небольшая серьга в виде дракона,

кусающего себя за хвост. Он мне напомнил кого-то, но я слишком был ошарашен происходящим, чтобы сразу же делать хоть какие-то выводы.

Около мужчины, спиной ко мне стояла девушка, хрупкая и невысокая, с ног до головы закутанная в шелковую синюю накидку. Виднелась только узкая кисть руки, придерживающая ткань на плече. Задумчиво и несколько отрешённо девушка слушала своего собеседника. Что-то шевельнулось в моей душе, может быть, мы и с ней где-то встречались? Неуловимо знакомым движением она чуть качнула головой. Сердце в груди тревожно сбилось с ритма – кто же это, черт меня побери, такая!

И кстати, откуда в избушке появилась эта пара? Не поинтересоваться ли у Ядвиги Балтазаровны?

Только тут я сообразил, что никакой избушки нет, а я сижу за изящным инкрустированным столиком, находящимся в небольшой уютной комнате. Столик был расположен с учётом открывавшегося вида: из стрельчатого окна просматривался лес в стиле Мане, слегка подсвеченный встающим из-за розовых облаков, ещё негреющим платиновым солнцем, широкая лента реки, постепенно меняющая свой цвет с кобальтового на лиловый; едва ощутимый ветерок чуть шевелил прозрачную занавеску, принося с собой запах росы на травах, а с ним и свежесть зарождающегося утра.

Не берусь описать охватившие меня чувства, но я всё же усидел на месте, ошеломленно озираясь вокруг.

Меня не заметили.

Я взял себя в руки и осторожно огляделся.

Из деталей интерьера этого маленького помещения играючи можно было бы составить небольшую художественно-антикварную выставку в Эрмитаже. Мебель и отделка стен были не только тщательно продуманы, но ещё и выполнены с высочайшим мастерством и вкусом, не говоря уже о всяческих мелочах и безделушках.

Впрочем, в данной ситуации радовало то, что книга мировых перемен так и лежала прямо передо мной – как некий якорь из привычной реальности.

Пока я осматривался и приходил в себя, старательно прикидываясь деталью обстановки, мужчина в сиренево-черном продолжал разговор:

– Мой отец, наверное, не раз говорил вам, что вы необыкновенны! – он сделал эффектный, театральный жест рукой. – Не смею описывать вашу несравненную, блистательную красоту и глубочайшую, всеобъемлющую мудрость, – слова не достойны их, лишь песни и стихи, – но более всего необыкновенна ваша судьба, подобная ярко вспыхнувшей звезде. То, что вам предначертано совершить, сделает ваше имя одним из самых значимых имён всех миров и народов!

– Ах, оставьте этот восторженный тон. Я уже слышана о своих так называемых несравненных красотах и неординарных умственных способностях. Я же понимаю, что всем от меня что-то надо. И не делайте такое изумлённое лицо! Выражение искреннего непонимания совершенно не сочетается с вашим мужественным подбородком. Лучше ответьте: вы мне друг? Скажите, ведь друг? А мне так нужен совет, настоящий дружеский совет, – девушка вся вдруг как-то поникла, неловко махнула рукой, будто стирая невидимую слезу. Синяя блестящая ткань накидки зашуршала и сползла с головы... с плеч... переливаясь, стекла вниз.

Еще последняя складка шелка укладывалась, уютно сворачиваясь на полу, а я уже знал, кому принадлежит этот мелодичный голос, светлые, очень длинные волосы, своим ниспадающим потоком подчеркивающие плавные линии стройной и одновременно величавой фигуры. Замысловатое вычурное платье, состоящее из сложного переплетения листьев и лепестков не портило, а лишь оттеняло её красоту.

Меня так и не заметили. Душа моя рванулась вперёд, а тело осталось каменеть на месте.

Сомнения рухнули с грохотом обезумевшего барабана-сердца. В одно мгновение оно сбилось со своего обычного часового тиканья и ринулось в перепляс, выстукивая болезненную дробь о ребра и эхом забивая оглохшие уши.

Как трудно... мучительно трудно дышать...

...Откуда такой ужасный гул? Невыносимо... Будто морские волны накатываются и с шумом разбиваются о камни, отдаваясь волной в моей голове, унося меня в душную глубину воспоминаний на самое дно.

Она что-то сказала и неспешно повернулась ко мне, мельком глянув в окно.

Почему я ничего не слышу?! Почему?!

Почему её движения такие... медленные... тягучие... будто плывущие в прозрачной воде? Что это? Может, слёзы? Или поток времени слишком плотной пеленой разделяет нас? Прошу тебя, не исчезай... Диллиндж... Видишь меня? Я так близко, стоит лишь посмотреть... Вот же я, здесь – отзовись!

Что-то жгучее изливалось из моих глаз, навсегда покидая душу.

Не было больше Динни – симпатичной, озорной девчонки, такой знакомой и уже такой далёкой. Где-то недостижимо в детстве остался тёплый лесной омут и украденные абрикосы. Теперь, только теперь я понял, что прошлое действительно ушло безвозвратно, кануло в ненасытной пасти обжоры-времени – лишь моя любовь и мечта оказались ему не по зубам.

Я, всё-таки, вскочил ей навстречу, что-то выкрикивая, при этом невольно уронил раскрытую книгу. Оглянулся, ожидая непростительно громкого, неуместного хлопка.

Книга, кувыркаясь, упала, но беседующая пара так и не обратила ни на неё, ни на меня никакого внимания. Более того, на какое-то время их силуэты заколебались и стали прозрачными.

Тут моё сердце снова ускорило и без того лихорадочный ритм, теперь уже от нахлынувшего страха – страха повторной потери. Кажется, я перестал дышать, пытаюсь справиться с обуревавшими меня чувствами, которые – как я уже понял – каким-то об разом воздействовали на происходящее.

Мои невероятные усилия не остались без внимания – разговаривающие уплотнились, вернулись назад звуки, движения вновь обрели чёткость и завершенность.

Что ж, теперь всё действительно стало понятно.

Это было невыносимо, жестоко и несправедливо. Я стоял всего в трех шагах от своей мечты и ничего, абсолютно ничего не мог поделать. Постепенно возвращался разум, окончательно определивший границы моих возможных метаний. Хотел посмотреть? Смотри!!! Слушать – слушай, а больше – ничего.

Оставалось только ловить каждое движение, каждое слово. Ведь для чего-то это было нужно?! Вот так взять и безжалостно устроить мне первое свидание?! Что ж, правила игры я усвоил. Слышишь, невидимый гроссмейстер! Ты ещё пожалеешь, что сделал мне больно! Из глубины души поднималась волна обиды и ярости. Я погрозил кому-то кулаком – тоже мне, нашли шахматную фигуру! Ничего, бывает, что и пешки становятся... королями! Уж не знаю, как называется ваша игра – экт, фэкт, пэкт или как-то по-другому, – но... Что там говаривал дофрест про мою голубую кровь и белую кость? Вот-вот. Будет и на нашей улице праздник, а вам – хрен! Я пнул ногой стоящее рядом кресло. Это незатейливое движение, как ни странно, вернуло мне самообладание. Я глубоко вздохнул и вытер лицо. Пот ли, слёзы ли – пора приходить в чувство – хватит! Так любимой девушки не добиваются.

Я снова вздохнул и уже относительно спокойно осмотрелся вокруг: передо мной, кажется, промелькнула вся моя жизнь, а здесь прошло только несколько минут – ветер так же шевелил невесомую занавеску, солнце почти целиком выкатилось из-за об лака, раздав деревьям пока ещё прозрачные и нечёткие тени.

– Признаться, вы меня ошарашили, – укоризненно покачал головой мужчина. – Помилуйте, разве я осмелюсь хоть взглядом, хоть словом, хоть намеком обидеть вас?! Я всегда в вашем полном распоряжении, даже более того, вы можете доверять мне как другу, как брату, готов помочь и мудрым словом, и метким ударом!

Я по-новому внимательно присмотрелся к говорившему, а затем, решив проверить скороспелую теорию полной моей невидимости, осторожными шагами, боком, боком придвинулся к беседующим – мы как будто бы играли в детскую игру "невидимку",

договорившись до поры до времени не замечать друг друга. Вот только до какой поры и кто прозреет первым?

– Лорд Хросс (я вздрогнул – так вот он какой, этот скандально-знаменитый лорд Хросс!!! Господи... Великий Лес, конечно же, это он! Я ведь видел его изображение в библиотеке! Этот взгляд и серьга в форме дракона! А в действительности он более... более неотразимо г(л)адок!), я благодарна вам за ваши тёплые слова, – вздохнула Диллинь. – Они очень, очень много значат для меня. Действительно много. И может быть, я когда-нибудь отвечу вам на ваше признание – как другу, как брату или как... мужу.

Я удивленно посмотрел на Диллинь – и не поверил ни единому её слову.

– Я не имел в виду... – заторопился Хросс.

– Имели, – мягко возразила она. – Конечно же, имели. Любой здравомыслящий силъс, да и не силъс тоже, на вашем месте поступил бы точно так же. Успокойтесь, я не сержусь. Я понимаю.

Девушка снова вздохнула и, перешагнув через упавшую накидку, подошла к открытому окну, по пути чуть не задев меня рукою. Она была так близко, что я ощутил знакомый запах её тела – аромат сирени после летней грозы.

Мука, какая мука находится так близко, что, кажется, ещё вздох, ещё миг – и наши глаза увидели бы друг друга... Невыносимая пытка – табу прикосновений.

Диллинь же действительно меня не замечала.

С лордом Хроссом мы проследовали за ней к окну и почти одновременно встали с разных сторон.

Для него я тоже не существовал. В этом случае можно сказать, что и слава богу.

– Мне что-то грозит? – вдруг встрепенулась Диллинь. – Я чувствую, вокруг что-то сгущается. Все такие торжественно-загадочные и, по-моему, что-то скрывают или, по крайней мере, не договаривают.

– Да! – крикнуло моё сердце.

– Нет! – слишком поспешно, одновременно со мной ответил Хросс. – Нет, что вы. Вы же находитесь в Ульдроэле!!! Здесь вы вне опасности.

– Я – может быть. Сейчас – может быть. Но очень скоро всё изменится: я вижу тревожные сны о всеобщей гибели, как бы банально это ни звучало. Мир рушится, а я ничего не могу поделать. Этот сон преследует меня каждую ночь, а тут ещё и магары... опять требуют назначить день переговоров, а я пока не готова для этого. Я склонна, вы же меня знаете, братья только за то, о чём имею полное представление. Насколько это возможно.

– Ничего, подождут! – фыркнул Хросс.

– Я бы не стала их недооценивать, – покачала головой юная Королева. – Их уверенное ожидание настораживает меня более всего. Я не сомневаюсь в том, что смогу помочь планете в момент незримого Перехода, но не знаю, что будет дальше.

– Дальше будет скучно и буднично. Если, конечно, верить древним пророчествам, – с убийственным спокойствием пообещал Енлок Рашх.

– Скучно и буднично, – непроизвольно повторила за ним она. – Может быть.

"Не верь ему! – кричало моё сердце. – Посмотри в его холодные змеиные глаза – там свернулась тугой пружиной смерть. Берегись, душа моя – он необыкновенно опасен!"

Весь её облик был исполнен такой нежности и чистоты, что у меня перехватило дыхание. В душе росло и крепло новое чувство: я никому тебя не отдам, слышишь? Чего бы мне это ни стоило!

– Если верить древнему пророчеству, – снова заговорила она, – то мне открыта только одна дорога – ведущая под венец.

За окном стремительно мелькали, покрикивая и переворачиваясь прямо в воздухе, маленькие проворные ласточки. Королева молчала, с трогательно-отчаянным выражением на лице наблюдая их вольный полёт. Снова вздохнула и присела на подоконник, оперевшись на него рукой.

У меня сжалось сердце: если бы я хоть как-то мог её утешить!.. Непроизвольно потянулся к Диллинь, накрывая её пальцы своей ладонью – рука прошла насквозь, как будто девушки не существовало вовсе. Я попробовал снова, забыв о том, что три минуты назад она чуть было не исчезла как мираж. На этот раз Диллинь слегка шелохнулась и неуверенно посмотрела в мою сторону. Задумалась и недоуменно пожала плечами.

– Вам холодно? – забеспокоился Хросс. – Отойдём от окна?

– Нет!.. Да... Не знаю. Так, что-то показалось, – и она снова глянула в моём направлении, сказав вроде бы не к месту: – Замуж попасть – хорошо бы не пропасть.

Соскочила с подоконника и беспокойно заходила по комнате.

Хросс сначала устремился было следом, но передумал, присел на её место, молча, отрешённо водя рукой по рукояти меча, вдруг неожиданно резко повернул голову и пристально посмотрел мне прямо в глаза.

Сказать, что это было неприятно – всё равно, что не сказать ничего. Этот взгляд был сродни классическому ужасу, когда на пороге чёрной-чёрной комнаты медленно открывается чёрная-чёрная дверь и к вам заходит чёрный-чёрный человек...

– Страсти какие, – выдавил я из себя и медленно стал смещаться влево.

Он продолжал смотреть туда же, куда и смотрел, не мигая и не поворачивая за мной голову: так видит или нет?!

Я поднял руку и решительно – бред? глупость? – толкнул его в плечо. Хлоп! Не встретив никакого сопротивления, я чуть не улетел носом в ковёр, пройдя сквозь Хросса как через объёмную галлюцинацию – вот это да! Как там говорит лешайр? Великий Лес! Да уж, воистину, великий... Что ж, выходит, всё-таки, можно не стесняться. Я уже более уверенно, если не добавить "нагло" прошёлся по комнате и уселся в кресло, закинув ногу на ногу. Из него было удобно наблюдать за говорящими. Книгу мировых перемен предусмотрительно положил себе на колени – а вдруг что да чего?

Странно, но мой эксперимент повлиял и на лорда Енлока Рашха Хросса, – так ведь, кажется, звучит его полное имя? – который теперь отчего-то забеспокоился, хоть внешне это выразилось лишь в едва уловимом подрагивании уголков губ да руке, с этого момента уверенно лежавшей на рукояти меча, так сказать, в полной боевой готовности. Он больше не выглядел праздным кавалером, скорее уж бойцом, авантюристом, интриганом-политиком, первым рыцарем, наемным убийцей – кем угодно, только не скучающим придворным, высокопарно воспевающим свою прекрасную даму. Моё неосторожное движение как-то отразилось на его внутреннем состоянии: что-то сдвинулось, изменилось, возможно окончательно сформулировалось некое решение – взгляд стал обволакивающим, даже ласковым. Хросс томно воззрился на Диллинь и, улучив момент, поднялся с подоконника ей навстречу. Получилось так, что она сама подошла к нему почти вплотную и остановилась рядом. Я не выдержал и та же встал с другой стороны.

– Пресветлая Королева... несравненная Диллинь Дархаэлла! – Хросс торжественно опустился на одно колено, умудрившись при этом завладеть тонкими девичьими пальцами, но целовать не стал, а лишь поднёс ко лбу, вложив в этот жест столько достоинства и восхищения, что куда там великим актёрам – сцену объяснения в любви можно было снимать без репетиции! Впрочем, девушка ничуть не смутилась, воспринимая происходящее как должное. – Будьте моей женой – на все времена, в радости и печали, в потерях и приобретениях. Я знаю великие пророчества и готов пройти Дорогой дорог рядом с вами, моя любовь, оберегая, заботясь и принимая на себя тяготы и невзгоды!

У меня перехватило дыхание – что я натворил?! Спровоцировал его на явно незапланированный поступок! Диллинь, не верь ему! *Я же здесь! Слышишь, это я, а не он, прошу твоей руки!* Это я, а не он, преклоняюсь перед тобой, как перед единственной любовью. Слышишь?!

Я и не заметил, как тоже опустился перед ней на одно колено и проговорил:

– Нет той силы, которая могла бы помешать мне найти тебя, где бы ты ни была, сколько бы для этого не пришлось пройти, Дорогой дорог или бесконечным путём коридора Времени, через сны и бред, потери и обман... Потому, что я люблю тебя, любил и буду любить вечно.

Я почти коснулся её свободной руки – создавалось полное впечатление, что наши пальцы, несмотря ни на что, встретились:

– Я готов целовать руки твои, дарившие мне тепло, глаза твои, вернувшие мне надежду. Слышишь?! И если нам никогда больше не суждено встретиться, с каждым своим вдохом я буду звать только тебя, с каждым взглядом я буду вспоминать только о тебе и ждать... всё равно – надеяться и ждать. *Я не смогу жить без тебя так, как жил без тебя прежде!..*

Юная Королева отрешённо молчала. Я не знаю – откуда, – но я был уверен, что она каким-то образом услышала и мои слова тоже. Она вздохнула и чуть повернулась ко мне, качнув головой – то ли соглашаясь, то ли удивляясь. Это неприметное движение, неуловимое, как дуновение ветра из окна, пообещало мне больше, чем счастье и весь мир в придачу. Оно вернуло мне надежду. Я снова был жив.

– Я буду верен вам душой и телом! – не унимался со своей стороны Хросс. Диллинь вздрогнула и приподняла бровь, отвернулась от меня, ускользая узкой ладонью, провела по лбу кончиками пальцев. Молча посмотрела на торжественного сильса, не соглашаясь, но и не возражая. Это вдохновило Хросса на продолжение, с каждым словом всё более и более пылкое.

– Я сделаю вас счастливой! – сулил он. – Я покажу вам иные миры, близкие и далёкие, прекрасные и пугающие. Мы опустимся на дно океана планеты Тогт и пронесёмся на спинах крылатых драконов в мире яштов. Сам великий Дракон Фир Ахест Д'хетонг Хет почитит нас мудрой беседой. Моя восхитительная Королева, я с радостью и гордостью поведаю вам обо всех тайнах Вселенной и...

Даже на мой непритязательный взгляд это было уже слишком. По-моему, претендент в женихи немного перебрал с обещаниями. Это и маленьким дараинам понятно. Все тайны Вселенной?! Вот загнул! Я улыбнулся.

Диллинь тоже улыбнулась – чуть-чуть, едва заметно и, как мне показалось, немного лукаво. Дорого бы я сейчас дал, чтобы эта улыбка не была игрой моего истосковавшегося воображения.

– Встаньте, мой рыцарь! – патетично изрекла она уже с явной иронией в голосе, на которую, впрочем, Рашх в порыве излияния страсти совершенно не обратил внимания. – Я объявлю о своём решении на следующем всеобщем Совете.

Она осторожно высвободила свою руку и отступила на шаг назад, незаметно разминая пальцы:

– Это ведь недолго? Я, надеюсь, ничем не затронула знаменитую гордость сильсов?

– Вы оказали мне честь лишь тем, что выслушали меня, моя несравненная Королева. Каким бы ни был ваш ответ, я буду любить вас всегда, служа вашему пресветлому Величеству верой и правдой всю мою оставшуюся жизнь.

Енлок Рашх Хросс склонил голову и эффектно прищёлкнул каблуками. Диллинь неожиданно рассмеялась и облегченно закружилась по комнате. Я снова занял свой удобный наблюдательный пункт.

– Что вы, право! – почти пела она. – Я думаю, мы выполнили ритуал правильно от начала и до конца? Это ведь первое предложение мне руки и сердца, – на этом месте Диллинь на секунду замолчала и отчего-то глянула на пальцы, до которых я только что пытался дотронуться. – Я очень волновалась: вдруг что-нибудь скажу не так, как надо, – она остановилась около замершего Хросса и, заметив странное выражение на его лице, тут же поправилась: – Что с вами, дорогой Рашх? Вы действительно мне очень и очень небезразличны, но, пожалуйста, не торопите меня, хорошо? Сейчас решается судьба целого мира, да ещё, наверное, и не одного, а многих. О, не смотрите на меня так! Конечно же, вы достойны! Можно сказать, лучший из лучших! – Диллинь подарила своему новоиспеченному жениху одну из самых очаровательных и искренних улыбок, на которую была способна в данном случае.

И Хросс поверил ей, улыбнулся в ответ, отвесив церемонный поклон маленькой царственной обманнице – такой серьёзный, умный дядя, а купился... Воистину, обманываться рад! Я поймал себя на том, что злорадствую. Надо же, никогда не замечал за собой, что я умеренно злобен, да еще и ревнив.

Хотя, вобщем-то, нечестно вот так, со стороны, сидя в удобном кресле решать за другого, оценивая его слова и поступки. Неизвестно ещё, как бы я сам... На этой мысли меня основательно заклинило и повело куда-то в сторону. Я загрустил, разволновался – как тут быть спокойным, когда вот же она, Диллинь, только руку протяни! – даже с места привстал. Ну, и дальше-то что?! Вздыхнул, сел обратно, вытащил из кармана сигареты – закурить, что ли?

В чувство меня привело настойчивое мягкое прикосновение: кто-то тёплый и пушистый тёрся о мои ноги, толкаясь и топчась мне по ботинкам. Посмотрев вниз, я обнаружил там своего старого знакомого, усатого и полосатого.

– Привет, котище, серый хвостиче, – грустно сказал я ему. – Как тебя-то занесло в эту виртуальщину, а, Матроскин? Что-то забыл или меня спасать пришёл?

– Мя-я-яса! – требовательно возвестил хвостатый спасатель. – Нау*!

– Опять ты за своё, – устало восхитился я, постепенно приходя в чувство и старательно вытягивая себя из депрессивного болота, как Мюнхгаузен за косичку. Потрепал кота по загривку и спросил уже с явной насмешкой: – А морда не треснет?

– А его сколь не корми, ему всегда мало! – флегматично констатировал кто-то за моей спиной. – Брысь отседова, наглая харя!

Кот презрительно фыркнул, но послушался и полез под стол, окончательно скрывшись где-то под низко свисающей скатертью и заняв выжидательную позицию – вдруг кто-нибудь да что-нибудь уронит. Какой-нибудь завалящийся кусок "мя-яса".

– А ты, Вася, чего над тарелкой спишь? Сидючи разве ж удобно? – укоризненно спросила Ядвига Балтазаровна, неспешно спуская с печи ноги.

– А я и не спал. То есть... – я ошарашено огляделся вокруг, не зная радоваться мне али что?.. Куда всё подевалось и откуда опять появилось? Моё вещее сердце печально возвестило, что короткое свидание закончилось, правда, весьма плодотворно: если верить воспоминаниям, то я даже успел объясниться в любви!

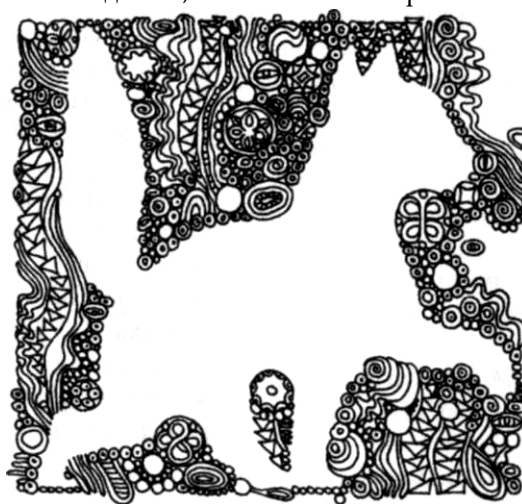
– Ну-ну, не спал он. Храпел, как рота гусар! Чего сидя-то, спрашиваю? – не унималась баба Яга.

– Да я книгу читал. Зачитался, вот и заснул, – предположил я.

– Какую книгу-то? Не преувеличивай своего литературного рвения. Спал-то ведь явно в пирожках, – упрямо повторила она, критически оглядывая моё помятое лицо.

– Какую книгу?.. Да вашу же и читал. Вот эту! – я осмотрелся вокруг, ища её глазами, даже под стол заглянул для собственного успокоения и... ничего не обнаружил кроме обиженного кота и пары упавших яблок. Как впрочем, и на подоконнике, и на этажерке, и на...

Книги мировых перемен не было нигде.

* – сейчас

...В нескольких шагах от камня, прямо в чистом поле стоял высокий человек с бледными, бесцветными чертами лица, что, возможно, объяснялось серой пасмурностью погоды. Весь его облик выражал задумчивое ожидание и сосредоточенность. Он и сам был серым, и одежда на нём, более чем скромная, тоже была серой. Сначала он показался мне старым, потом я понял, что это его пепельные, почти белые волосы сбили меня с толку. Он бесшумно подошёл к нам и слегка поклонился, с необыкновенным достоинством и скупой соразмерностью движений.

ГЛАВА 11. ВАР-РАХАЛЫ.

Я с гордостью вспоминаю о том, кем была моя бабушка Шулдзуа'х, но гораздо больше меня заботит то, кем станет ее внук, последний из рода горных вулфов.

1

– Значит, это правда, – Зорр отнёсся к моему рассказу более чем серьёзно и даже разнервничался. Выслушав, потребовал у бабы Яги кофе, бурча что-то про необходимость срочно проснуться и жить дальше исключительно на ясную голову. Просьбу не пришлось ни повторять, ни мотивировать. К нашему изумлению, Ядвига Балтазаровна с Альбиной дружно накрывали на стол, не сказав за утро друг другу ни одного язвительного или даже насмешливого слова. Когда же я услышал: "Милая Алечка, принеси сахар из кухни!", то чуть не упал со скамейки. Мы многозначительно переглянулись с Зорром, и тут прозвучал ответ "Алечки", повергший нас обоих в состояние глубокого шока.

– Бабушка, отдыхайте, пожалуйста, я сама на стол накрою, самовар вскипячу и хлеб порежу. Не волнуйтесь. Вы лучше с Петей поиграйте, я ведь знаю, вы это любите. Да и он, посмотрите, вокруг вас волчком вьётся. Петюня, перестань сейчас же отрывать подол Ядвиге Балтазаровне, ведь она всё же твоя бабушка!

– У нас теперь всеобщее благоденствие, мир да любовь? – опешил Горынович.

– А что, когда-то было по-другому? – воинственно приподняла густую бровь баба Яга. – Не припомню!

– Логично, – растерянно подтвердил он и осторожно уточнил: – Может быть, Аля тогда проживёт тут, в семейном кругу, так сказать, пока я не вернусь за ней? После того как мы с Василием немного гульнём налево?

– Да хоть направо! – фыркнула наша бабуля. – Гуляйте себе на здоровье, дышите воздухом, ума набирайтесь. В конце концов, невеста моего приёмного сына имеет полное право на проживание в этой избушке. Если хотите, могу даже прописать её здесь... временно.

– Стойте, а как же её родители? – поинтересовался я. Как мог, я старался не думать о ночном происшествии, принудительно обрекая себя на активную повседневность – лучшего средства от сердечных заноз и не сыскать. – Пошла, получается, за братцем и не вернулась. Ни братца, ни сестрицы. Они ж тоже живые люди, волнуются, небось.

– Это ты волнуешься, а не они, – снисходительно возразила баба Яга. – Если Альбине приспичит домой, то ведь можно и по сто пятнадцатой дороге в город вернуться. Родители её разлюбезные будут думать, что она отсутствовала... – бабуля задумалась на минуту, что-то высчитывая в уме и, цыкнув зубом, добавила: – Ровно семь часов. Это, заметь, притом, что совершенно неважно, сколько времени пройдёт у нас. Так-то, Васенька. Вон, посмотри на девицу-красавицу. Я ей сегодня как это объяснила, так она до сих пор птичкой летает, только что не поёт.

– И запою! – откликнулась Альбина, ставя на стол блюдо со свежей клубникой. – Сами бы попробовали жить, когда постоянно рядом строй родственников, поклонников да телохранителей всяких. И потом, это не я, а папа с мамой решили, что мне надо быть фотомodelью и удачно выйти замуж, а я замуж вообще не хотела – с детства мечтала стать орнитологом. Я птиц люблю.

– Они ж какают, клюются и во время линьки перьями сорят. Еще аллергия случится, – хохотнул Зорр.

– Вот-вот, – она заулыбалась в ответ. – Родители именно так и говорили, даже интонации у вас совпадают. Представляете, что я им тогда ответила?

– Ну?

– Я их спросила, как же они со мной-то тогда живут? Ведь я тоже какою. А ещё... Впрочем, ладно. Они не понимали, что я мечтала летать, как птицы! И, кстати, не понимают этого до сих пор.

– Можно себе представить их лица, когда Петюня уселся на гусей – тоже ведь птицы – и улетел в неизвестные края, – поддержал её я.

– Да уж, гуси-лебеди добились их окончательно. Папа за ружьём побежал, кричал, что давно не ел гусятину.

– Не попал? – деловито осведомился Горынович.

– Не попал, – хихикнула девушка.

– А попал бы, я сама бы из него суп сварила, – проворчала Ядвига Балтазаровна.

– Да нет, бабушка шутит, – отмахнулась Альбина. – Она сама мне рассказывала, что не ест людей, да и гуси у неё зачарованные: их пуля не берёт, и поймать очень трудно.

– Нет, не тлудно! – звонко сообщил всем Петюня, успевший незаметно подкрасться к нашей тёплой утренней компании. – Оп! Ля-ля! Во так нада лавить!

Он засмеялся и отважно прыгнул сзади на сидящую бабу Ягу:

– Питя – тиг! Л-лал!

Рычание у него вышло неубедительным, но бабушка притворно закрыла лицо руками, якобы безуспешно пытаясь спрятаться от грозного "тигра".

– Петюнечка, я ж не гусь.

Вдоволь навеселившись, мы уселись завтракать.

Стол ломился от изысканных яств: от свежей клубники до курицы "гриль" в сочетании с красным марочным вином.

– Мы завтракаем, обедаем или ужинаем? – поинтересовался я.

– И то, и другое, и третье, – пробурчал с набитым ртом Зорр. – Ты лучше не спрашивай, знай себе, уплетай за обе щеки. Кто его ведаёт, когда ещё так повезёт?

– Резонно, – легко согласился я, придвинув поближе сразу три тарелки.

– Я уже проспал главное или не очень? – из-за гороховой занавески на печи на нас уставился взъерошенный и недовольный дофрест.

– О-оо! Врахильдорст пожаловал! – сказали мы чуть ли не хором. – Милости просим к нашему столу.

И рассмеялись. Громче всех веселился Петюня, восторженно прыгая под печкой и выкрикивая что-то вроде: "Ула! Длаконт пласнулся!"

– Я что-то пропустил? – озадаченно проговорил Врахх, с сомнением оглядывая нашу дружную компанию. Чуть дольше задержался взглядом на мне, хмыкнул, будто что-то отметив. – Ну-ну, просто репетиция всеобщего помешательства!

Это вызвало новый приступ веселья. Дофрест покачал головой – безнадежно! – и без приготовлений спрыгнул вниз, вовремя успев уклониться от подставленных Петюниных ручек.

– Ну что, братцы-клоуны, развлекаемся? – пожурил он нас, обращаясь явно ко мне и Зорру. Умственные способности женской половины не вызывали у него никаких сомнений. – Есть ещё порох в пороховницах, ягоды в ягодицах, а шары в шароварах?

– Да вот, Василий грустит, – выдал меня Горынович. – С утра сам не свой.

– Что так? Сон что ли не пошёл на пользу? – сочувственно поинтересовался Врахильдорст. – Надо было спать, а не участвовать. Из иных снов и вовсе дороги назад нет.

– Сам-то всю ночь на печи сопел – что снилось-то? Рассказывай! – коротко потребовал Зорр. – С самого начала и подробно.

– Ага. С пикантными нюансами, – сладко зевнул дофрест. – Счас. Не дождётеся. Мои сны детям до ста пятидесяти смотреть воспрещается. Вам сколько лет, молодые люди?

– Уж больше ста пятидесяти!

– Ага, сто пятьдесят пять. На двоих, к тому же.

– Как к Ушраншу за тридцать земель шагать, так мы большие, а как сны смотреть, так дети малые... – притворно заканючил я.

– Точно! – обрадованно подтвердил Врахх.

Зорр лишь обречённо вздохнул, но тут к нему подседа Альбина, и его лицо сразу же приобрело благостно-счастливое выражение.

Теперь вздохнул я – хоть у кого-то всё хорошо, и не надо добиваться взаимности непонятно каким способом.

– А мы пойдем вас провожать, – проворковала девушка, вкрадчиво заглядывая по очереди в глаза каждому. – До первого поворота, конечно.

– Само собой, солнце моё, само собой, – ответил за всех Горынович, бережно обнимая девушку за плечи.

– Ты вернёшься? – вдруг вырвалось у неё. Глаза предательски, непростительно быстро наполнились слезами.

Занятый собственными переживаниями, я как-то совсем позабыл, что сегодняшнее утро может принести печаль не только мне одному.

– И недели не пройдёт! – успокаивающе ответил Зорр, плечом закрывая от нас плачущую девушку. Он что-то тихо и уверенно говорил ей на ухо, но во взгляде читались боль и грусть. Она замерла в объятиях, чувствуя, как бьются два его сердца совсем рядом с её, ну и что, что одним единственным... И не было никого вокруг. И лишь стремительно утекало время.

– Я вернусь и останусь с тобой, – сказал он почти одновременно с ней, уже говорящей: – Я дождусь и останусь с тобой.

– Тебя будут искать родители, – напомнил ей Зорр с горьким смешком.

– Нет, – шепнула она. – Ты забыл про сто пятнадцатую дорогу.

2

К полудню, после плотного завтрака и активных сборов мы, наконец-то, выступили в путь-дорогу. Пока было решено идти пешком: Зорр вдохновился познакомить меня с местными оборотнями, а попросту говоря, откровенно хвастался своим особым положением среди вар-рахального содружества. Дело дошло до того, что он самоуверенно присвоил себе звание лесного "короля" и, гордо выпятив грудь, возглавил наше шествие по "принадлежащим ему владениям".

За ним шла уже начавшая улыбаться Альбина в только что сплетённом венке из колокольчиков и с пакетом пирожков в руках. Далее, неспешно беседуя, следовали мы с дедушкой Эшхом, который вернулся с ночной прогулки лишь к концу завтрака, свежий и отдохнувший, пахнувший лесом и туманом, – под кустом он спал что ли, да и спал ли? Я сжато пересказывал ему события прошедшей ночи.

Ядвига Балтазаровна по торжественному случаю выкатила из-за избышки раскошную ступу – что-то среднее между большой бочкой и деревянной корзиной для воздушного шара – удовлетворённо обошла кругом, придиричиво водя вдоль неё носом и по-хозяйски уперев руки в бока – осталась довольна, хмыкнула и, задравши подол, без труда перемахнула внутрь. Оглядела ступу и там, зычно крикнула в сторону избышки. На её призыв из открывшейся двери медленно выплыла метла и метко спланировала прямо в подставленные руки. Теперь же баба Яга летела рядом с нами на постоянной скорости на высоте полметра от земли, ловко огибая кусты и стволы деревьев. Вокруг неё, без остановки молотя пятками и гикая от восторга, носился на гусе Петюня. Гусак косился на седока и иногда начинал неодобрительно гоготать, изгибая сильную шею, впрочем, слушаясь мальчика беспрекословно.

Надо ли говорить, что Врахильдорст, сытый и выпавшийся, привычно сидел у меня на плече, крепко уцепившись хвостом за мою шею и ручкой придерживаясь за мочку уха. Он выклянчил в дорогу последнюю бутылку лимонада и был очень доволен собой.

Шествие замыкал кот – шёл, как и полагается, поставив хвост трубой и распушив его наподобие полосатой щетки.

Перед уходом Ядвига Балтазаровна, немного поразмыслив, объявила нам, что идти следует обязательно по восьмой дороге, так вроде бы не ближе, но намного безопасней, после чего мы тронулись в путь, к моему недоумению – вокруг избышки, огибая её, как дети наряженную ёлочку в новогодний праздник, разве что за руки не держались. Только пройдя

три или четыре круга, я заметил перемены: лес начал постепенно редеть и зарастать кустарником. А когда, вывернув в очередной раз из-за угла, мы не обнаружили на привычном месте речку и вересковый берег, баба Яга повеселела, заморгала голубым правым глазом и, плавно затормозив, объявила нам безапелляционным тоном, что пора прощаться – дальше идти нам нужно исключительно одним.

– Ах, – сказала Альбина, крепко прижимая к груди пакет с пирожками. – Как быстро...

Надо отдать ей должное, она решительно взяла себя в руки, обойдясь без запланированных слез и причитаний. Молча отдала Зорру кулёк с едой, ласково, запоминаяще посмотрела в глаза, говоря взглядом больше, чем можно сказать словами, неожиданно сняла с себя венки и увенчала им его буйную голову.

– Вот теперь ты настоящий король вар-рахалов, – прошептала она.

3

– И что, этих дорог, а с ними и миров, действительно бесчисленное множество? – спросил я, оглянувшись назад.

– Разумеется, а как же ещё? – невозмутимо ответил Зорр. – Или тебе пришло в голову пересчитать и пронумеровать соседние миры как и дороги, ведущие к ним? В данном случае математика бессильна. Тут только Ядвига Балтазаровна может разобраться. Вокруг всё меняется, и невозможно попасть в одно и то же место одной и той же дорогой. Кстати, пока лучше не смотреть назад: мы ушли ещё недостаточно далеко, а избушка слишком сильна – если слово "сильная", конечно, может хоть что-то тебе сказать применительно к лужайкам и домикам – и она неохотно отпускает от себя путешественников. Тем более таких симпатичных, как мы.

На последней фразе Горынович рассмеялся и подмигнул дофресту:

– Что, мудрый длакон, как жизнь? – спросил он, так удачно изобразив Петюню, что Враххильдорст вздрогнул, чуть не свалившись с моего плеча.

– Тьфу ты! Нашёл, над чем смеяться. Лучше под ноги смотри, тропинки-то давно уж не видать, – буркнул "длакон", возмущённо потыкав вниз пальцем.

Тропинка действительно пропала, впрочем, исчезла она давно, ещё два часа назад, когда мы, наконец, распрощавшись с провожающими, переобнимавшись и перецеловавшись со всеми по сто раз, двинулись куда-то вбок от избушки, активно углубляясь в густые заросли черёмухи. Кусты тоже уже давно закончились, сменившись березовой рощей, в свою очередь плавно перешедшей сначала в смешанный, а потом в сосновый лес. Для меня так и осталось загадкой, каким образом Зорр выбирал направление движения, но до сего момента мы двигались весьма бодро и целенаправленно, прямо "вперёд!".

– Ты прав, пора остановиться, – невпопад ответил Горынович, высматривая что-то за деревьями. – Сейчас пройдем первую границу, и можно будет так не спешить.

– Границу? – переспросил я, недоуменно оглядываясь на совершенно одинаковый лес вокруг нас. – А...

И тут впереди мелькнул просвет, постепенно разрастаясь в горизонтальную полосу обозначившегося горизонта. Немного активного марширования, и мы вышли на открытое пространство – прямо перед нами расстиралось огромное поле, которое иначе и не назовёшь, как "русское". И, что более примечательно, в десяти метрах от нас лежала внушительная серая глыба, этакий могучий и несокрушимый монолит, неаккуратно исписанный нитроокраской. "Направо пойдешь, – гласила надпись, – коня потеряешь..."

– Коня у нас нет, придётся отдать "длакона", – притворно сокрушаясь, констатировал Зорр. – Что поделать...

Дофрест молча надулся, демонстративно отвернувшись в другую сторону, мол, на глупости не обижаюсь.

– Таких как он – "коней" – десяток надо, – ответил я за него, ласково почесав ему пушистый живот. – К тому же, помнится, он ведь меня куда-то ведёт. Не забыл ещё, а, Враххильдорст?

– Веду, веду, – оживился тот.

– Так что придётся тебе, Змей Горынович, срочно превращаться, ну... в кого там полагается? По объему, небось, на целый табун потянешь! – я кровожадно оглядел намечающуюся жертву.

– На два, – ехидно поправил меня Зорр. – Мог бы и на три, так кормить перед уходом надо было лучше. Подумать только – я не стал есть жареного индюка перед дорогой, потому что эта неутомная Ядвига Балтазаровна навязчиво твердила, что нужно срочно тащить тебя за тридевять земель, можно сказать, схвативши ноги в руки. Вот я и ломанулся...

– Ноги-руки не переломал? – поинтересовался я.

– Не надейся! – расправил он широченные плечи.

Вот так, в шутилой перебранке мы и подошли к вросшему в землю валуну. Остановились, восхищённо изучая письменное творчество, сплошь покрывавшее его неровные, испещренные какими-то бороздками бока. Пожеланий по поводу направлений движения, написанных краской поверх желобков, было множество, начиная от классических "налево пойдёшь – богатым будешь" и заканчивая нецензурно ядрёными, но весьма конкретными отправлениями к отдельно взятым личностям с их отдельно взятыми органами. Кто-то, по-видимому, так и не решивший, куда ему двигаться дальше, просто и незатейливо оставил свой скромный автограф, сообщающий, что он якобы "Ваня" и он "здесь был". Рядом белели старые, потемневшие от времени кости, может быть этого самого Вани, так и прошедшего остаток своей жизни в мучительных сомнениях и раздумьях о дорогах в целом и о своём пути в частности.

– Ну, и куда нам-то идти дальше? – сумрачно осведомился я. – Надеюсь, мы не будем следовать советам этого чудо-указателя? Если "да", то лично мне больше всего нравится вот это, короткое и звучное, понятное даже ребёнку.

– Боюсь, что дети не знают слова, которым обозначен сей конечный пункт прибытия. Так что, выберем другое... А лучше спросим! – вдруг оживился Зорр, заглядывая мне через плечо.

– У тебя такое лицо, будто нам подали такси, – сказал я, оборачиваясь вслед за ним.

В нескольких шагах от камня, прямо в чистом поле стоял высокий человек с бледными, бесцветными чертами лица, что, возможно, объяснялось серой пасмурностью погоды. Весь его облик выражал задумчивое ожидание и сосредоточенность. Он и сам был серым, и одежда на нём, более чем скромная, тоже была серой. Сначала он показался мне старым, потом я понял, что это его пепельные, почти белые волосы сбили меня с толку. Он бесшумно подошел к Зорру и слегка поклонился, с необыкновенным достоинством и скупой соразмерностью движений.

– Вулф Мавул'х, – скорее констатировал, чем поздоровался Горынович.

– Хийс Зорр, – незнакомец поднял на нас жёлтые, почти медовые глаза. Из-под тяжёлых век не проглядывало даже полоски белка. Встретившись со мной взглядом, приветственно качнул головой. Врахильдорст удостоился более длительного внимания, чуть удивлённого и задумчивого. Немного поколебавшись, Мавул'х о чём-то тихо спросил дофреста на странно прищептывающем и отрывистом языке:

– Хурш трунш? Хыырш?

– Шикалш анх трунш, – кивнул ему в ответ тот.

Вулф облегчённо вздохнул. Мы с Зорром переглянулись.

– Я ждал вас и прошу быть гостями в моём норне, – невозмутимо сказал незнакомец, как будто только что произнесённые таинственные фразы были нашей коллективной галлюцинацией.

– Мы благодарны за приглашение, но у нас не так много вре... – начал было я.

– Конечно, – одновременно со мной сказал Горынович.

– Мой норн далеко – мы будем на месте только к заходу солнца, пусть молодой человек не беспокоится. Мы не потеряем ни минуты, а спать ночью лучше ложиться под защитой надёжных стен. А может быть, ваш путь лежит в другом направлении? – вдруг заволновался он.

– У меня было ощущение, что вы идёте к горам.

– Ты, как всегда, не ошибся. Разумеется, мы идём к горам, – успокоил его Зорр и вздохнул: – А куда же ещё?..

Вулф Мавул'х лаконично кивнул и шагнул чуть в сторону.

Всё произошло так быстро, что я до сих пор каждый раз вспоминаю это по-иному, добавляя новые и новые моменты, тогда от меня ускользнувшие. Как мне кажется, секрет был во вращении, стремительном сером вихре, в котором закружился желтоглазый вулф, длившимся всего минуту и опавшим на землю грудой серого тряпья. Я шагнул вперёд, ещё не зная зачем, из любопытства или в порыве сострадания – куча выглядела непонятно, страшно и притягательно.

Зорр удержал меня на месте.

– Он сейчас снова будет с нами.

Я только на секунду отвёл взгляд, переведя его на говорившего друга, а когда посмотрел назад, то никакого тряпья уже не было.

Вместо него, изучая нас знакомыми жёлтыми глазами, неподвижно сидел огромный серый волк.

4

Сгустился туман, скрадывающий время и пространство. Мы шли сквозь плотную пелену уже несколько часов, но из-за того, что была видна лишь однообразная трава под ногами, казалось, будто мы топчемся на месте.

Серый волк, или вернее вулф, уверенно вёл нас за собой. Он как тень скользил впереди, безошибочно обходя ямы и невысокие заросли репейника. Трудно описать необыкновенную красоту этого великолепного зверя, попросту ни на кого не похожего, с мощными лапами и широкой грудью – слишком крупного и мускулистого, чтобы соотнести его с обычным волком или собакой, стремительного и совершенно бесшумного, соразмерного и лаконичного в движениях, что по опасности ставило его наравне с тигром или медведем, хоть и странно было бы сравнивать их между собой. И если жёлтые глаза на человеческом лице завораживали и удивляли, то на звериной морде они выглядели ещё более неуместно, так как поражали своим разумом, любопытством и мудростью – тем выражением, которое присуще скорее людям, нежели диким зверям.

– Нам повезло. Мавул'х очень хороший проводник, и скоро мы будем на месте, – размышляя вслух, произнёс Зорр, мерно вышагивая рядом.

– А нас он специально пришёл встречать к перекрестному камню? – спросил я.

– К камешку-каменюге он постоянно ходит, как на работу. Чуть кто появляется рядом, он тут как тут – здарсьте, куда путь держите?

– А если тот на счёт "три" не ответит, он его жрёт! – усмехнулся я. – Дешево и сердито. Всегда сыт, и на службе никаких неприятных неожиданностей: дорожки на месте, камень никто не спёр.

– Камень-то? – недоумённо переспросил Горынович. – А его и невозможно "спереть", как ты выразился. Даже с места сдвинуть нельзя.

– Понятное дело – в землю врос, лежит-то там уж, наверное, не одну сотню лет. Или не одну тысячу?

– Он лежит там всегда! – сообщил Зорр. – И время имеет к нему очень слабое отношение. Да и не камень это вовсе, а гигантский столб, уходящий вглубь на многие и многие метры, а может и километры – не знаю, я его не мерил! – и торчащий теперь из земли лишь крохотной своей частью.

– Небось, живописное творчество присутствует исключительно на этой малой вершущке?

– Да уж. Для написания текстов и символов, расположенных ниже "ватерлинии", понадобилась не нитрокраска, а резцы и зубила. Да и мудрости-таланта у резчиков было гораздо больше, – улыбнулся Зорр. – Поговаривают, что на его каменных гранях выбиты все предсказания этого мира. Ещё говорят, что там есть первое слово, в котором заключен весь смысл бытия и обозначен срок начала и конца этой реальности.

– Постой, а как же пресловутая бесконечность со всеми вытекающими последствиями? – спросил я.

– А одно другому не мешает! – вмешался в наш разговор Враххильдорст, громко проговорив мне это прямо в ухо. – Надо же было забивать чем-то пустые головы, наподобие твоей рыжей ёмкости. О чём ещё вечно думать в жизни, как не о вечном смысле жизни?

– Ты чегой-то вдруг очнулся, ехал бы на мне спокойно и ехал, а то подал голос и сразу меня озадачил: то ли ты такой умный, то ли я такой глупый? Смотри, как бы чего не родилось в моей пустой "рыжей ёмкости", – усмехнулся я в ответ.

– И я такой умный, и ты такой... молодой. Одно другого, кстати, не исключает, – фыркнул дофрест. – А знаешь, как называется сей древний памятник этой милой пожилой леди?

– Вечности, что ли?.. – сказал я и налетел на неожиданно остановившегося Зорра.

– Ну, и?.. – спросил тот.

– Понятно, у нас перекур. Отдыхаем, привал? – озабоченно поинтересовался я, глядя по очереди то на одного, то на другого, и устало опустился на влажную траву.

Из тумана тут же вынырнул вульф, как будто стусившись прямо из плотного серого пространства, клубившегося вокруг нас. Подошёл и тактично присел рядом с невозмутимостью египетского сфинкса.

– Зорр, я же просто разговор поддерживал, чтобы скрасить наше сумрачное путешествие, – извиняющимся тоном проговорил Враххильдорст. – Сам подумай, как можно знать истинное название предмета – то, которое ему дали в момент создания? Конечно же, все как-то называют этот столб. Конечно же, по-разному, кто как умеет: вот я, например, привык думать о нём как о... Цстах Ютм'кибаорг'хе! Что, кстати, совершенно не отрицает эксклюзивное мнение, написанное краской на камне проходящим мимо скучающим путешественником.

– Ваш спутник прав, – голос Мавул'ха был немного хриплым и прерывистым. Мы и не заметили, как вместо зверя опять появилась высокая сухощавая фигура. – Чем больше мудрости и внимания сосредоточено в путнике, тем больше понимает он, подходя к краугольному камню, ибо именно здесь совершается поворот судьбы. Если необходимо, я помогаю прохожему выбрать единственно правильный, только ему одному предначертанный путь. И кушать, кстати, его совершенно не обязательно, – в золотистых глазах полыхнула весёлая искра.

– А мы-то, дураки, ничего не заметили и не поняли, – улыбнулся я. – Так что нас можно было запросто и скушать.

– Как же ты строго к себе настроен, – подмигнул мне Зорр. – Я сразу просёк, что ты очень самокритичный парень.

– Вокруг меня столько талантливых учителей, что можно ни о чём не беспокоиться, – фыркнул я в ответ.

Вулф терпеливо и немного лукаво наблюдал за нашей "щеньчье" вознёй.

– Но я ведь действительно ничего не почувствовал, – сказал я ему.

– Может быть. Ты сейчас так думаешь, и поэтому для тебя это в данный момент является правдой. Может быть, ты ничего и не заметил, но камень заметил вас.

Теперь наши лица – и моё, и Зорра, – выражали одинаковую изумлённую заинтересованность. Враххильдорст решил воздержаться, придав своей внешности максимально многозначительный вид.

– Вы как молодые вулфы на первой охоте, – улыбнулся оборотень. – Что ж тут такого? Как только вы подошли к развилке, Кибаорг'х – мы называем его так же, как и уважаемый Уль дофр (он чуть поклонился в сторону Враххильдорста) – позвал меня, весьма точно передав описание троих путников. А это случилось впервые: обычно ему безразлично, идёт ли кто-то мимо, или какие-нибудь букашки проползают по его шершавому боку. Так что ты, Василий, – я правильно произношу твоё имя? – можешь быть спокоен. Каждый из вас троих неизмеримо важен для этого мира, осью которого и является Цстах Ютм'кибаорг'х.

– Вот она, минута величия! – неожиданно звонко рассмеялся Горынович, глядя на мою растерянную физиономию, и даже прищёлкнул пальцами от избытка чувств. – Ты понял?! Тебя заметили и сосчитали! Ну что, Вася, твои робкие потуги на неуместную скромность и

самокопания увяли-таки окончательно? Можно, наконец-то, беседовать с тобой без лишних оглядок?

– Да уж, это ты точно подметил. Вот погоди, ваше местное королевское Величество, я тоже выйду в высокопоставленные особы! Смотри, окажусь каким-нибудь замаскированным владыкой, и будем приседать друг перед другом, так сказать, в порядке дипломатических церемоний... Ку!

– О-о, сейчас начнётся! – закатил глаза дофрест. – Будут расправлять друг перед другом перья, хвосты, скалить зубы или кукарекать. Эй, петушки, не пора ли перестать и топтать дальше?

– И с какой это стати?! – проворчал я. – Как только оказывается, что я тоже таинственный и значительный господин, ты обзываешь меня цыплёнком и командуешь куда-то "топать", случайно не на вертел ли? А может быть, я то самое золотое яйцо, которое наконец-то снесла курица-вечность?

– Хорошо, хорошо, пусть будет яйцо, – сморщил нос Враххильдорст. – А как насчёт мимо пробегающих мышек, которые обычно очень ловко орудуют хвостиками?

– Ладно, потопали. Дальше так дальше, – кивнул я, поднимаясь с травы и отряхиваясь. – Кстати, а почему кругом такой непроглядный туман? Разве ему уже не пора развеяться? Такая мокрость и серость вокруг, бр-р!

– Потому что мы идём серым призрачным путём, – искренне удивился Мавул'х, – а иначе идти бы нам до моего дома неделю. Так тоже не очень быстро, однако же...

Он не договорил, устремляясь в толщу тумана смазанным крутящимся движением, растворяясь в пространстве уже не человеческим, а волчьим силуэтом. Мы двинулись следом.

– Серый волк, серый путь – сплошная серость, – пожал я плечами. – Туманная, короче, ситуация.

– А как же может быть иначе? Вар-рахалы соединяют в себе два принципа – человек-зверь, добро-зло, участник-наблюдатель, – в конечном итоге, становясь на срединный путь, не белый и не черный, а серенький-пресеренький, – усмехнулся Зорр. – Вот чёткие границы и расплываются: этакая туманная жизненная неопределённость – есть лишь путник и его поступки, а хорошо ли, плохо ли то, что он вытворяет, это лишь частные мнения его и окружающих, изменяющиеся неоднократно с течением времени. Одни считают, что путник творит добро, другие считают, что зло. Мнения перетекают одно в другое и обратно, а истина пребывает где-то над всеми ними, и она не совпадает ни с тем, ни с другим, проявляясь скорее в своевременности и соответствии события основному потоку судьбы.

– Нет добра, нет зла, так что ли? Лишь долгий путь, покой нам только снится? – улыбнулся я.

– Конечно. Есть путь, как длинная нитка бус на шее идущего, собранная из отдельных деяний, не плохих и не хороших, а ... – Зорр вдруг замолчал, показывая куда-то рукой, на что-то, видимое в тумане пока только ему одному.

Приглядевшись повнимательней, я различил впереди плавающие в зыбком мареве несколько пар жёлтых огней. Они приближались, множась и постепенно окружая нас со всех сторон.

Мы остановились.

Туман вокруг перестал быть просто глухой и плотной стеной безликой массы, ожил, задышал, вмещая в себя звуки шагов, покашливаний, обрывки невнятных бор мотаний, твяканий и отдельных слов, как будто мы с закрытыми глазами стояли в большой толпе. Как ни странно, незримое многочисленное присутствие не пугало и не давило своей непредсказуемостью, скорее ощущалось тактичное вежливое ожидание благодушно настроенных хозяев. Тут все подготовительные шорохи стихли, и зазвучал единый негромкий вой, коротким приветствующим аккордом возвестивший церемонию встречи. Звук замер на высокой вибрирующей ноте, вопрошающей и восклицательной одновременно.

– Мы должны ответить? – спросил я, ощущая непреодолимое желание сказать хоть что-нибудь вслух.

– Ага. Повой в своё удовольствие – у тебя получится, а заодно и отблагодаришь встречающих, только на четвереньки не становись, а то не успеешь тявкнуть, как отрастёт хвост! Серенький... – ехидно ответил Зорр.

– А заодно и зубки. Смотри, укушу, ещё взбесишься, – радостно подтвердил я. Дофрест лишь осуждающе выдохнул, явно не поддерживая наше веселье.

Мы бы, наверное, ещё долго отводили душу в дружеских препирательствах и насмешках, оттягивая начало непонятного знакомства, но тут из тумана к нашим ногам серым клубком выкатился маленький волчонок – или вулфёнок? – и уселся прямо перед нами, широко расставив несоразмерно большие лапы. Высунул розовый язычок и наострил ушки, как говорится, на макушке, рассматривая нас с детской непосредственностью и озорным интересом. За ним выскочили остальные: разных возрастов, оттенков и размеров, объединяясь только желтыми человеческими глазами на звериных мордах. Заскакали, нетерпеливо повизгивая и рассаживаясь вокруг, иногда осторожно подбিরаясь поближе, шумно втягивая носом воздух и оглядывая нас со всех сторон. За ними степенно вышли взрослые вулфы, одним своим появлением моментально наведя порядок среди неутомной молодежи. Появился последний, почти совсем седой зверь, вместе с которым, держась за его серебристый загривок, вышел маленький мальчик лет семи-восьми, худенький, слегка сутулый, робко опустивший глаза.

– И здесь Маугли?! – вырвалось у меня.

– Кто такой этот Маугли? И почему он здесь? – озабоченно проговорил Мавул'х, неслышно возникая за нашими спинами и внимательно оглядываясь вокруг.

Я молча указал рукой на ребёнка.

– А-аа, это мой старший – Фастгул'х! Учится основам переходного рахх-шата, – оборотень улыбнулся и с нескрываемой гордостью посмотрел на сына. – Пока что ему лучше всего удаётся человеческий облик, но пройдёт одна-две недели, и он будет осуществлять трансформацию за какую-нибудь пару оборотов – это быстрее, чем почесать за ухом...

– Даже если чесать приходится задней ногой, – соглашаясь, кивнул я.

– Рукой удобнее, – вдруг тихо возразил мальчик, поднимая на меня такие же, как и у остальных, жёлтые глаза.

– Ар, сынок, удобнее тем, чем в данный момент являются твои конечности, – покачал головой Мавул'х. – Я не раз объяснял тебе, что надо пользоваться той формой тела, в которой ты пребываешь в данную минуту.

– Но, вайвх, мне... – неуверенно начал малыш.

– И не спорь. Твоё упрямство когда-нибудь может стоить тебе жизни. Запомни, Фастх, очень часто на переходный рахх-шат нет ни времени, ни сил. Если же ты ещё и начнёшь раздумывать как удобнее да как выгоднее, считай, что всё пропало. Пока отрастёт хвост, голова успеет слететь с плеч, – ворчливо поучал вулф своё непослушное детище, явно не в первый раз возвращаясь к наболевшей теме.

Фастгул'х тяжело вздохнул и, видимо, не желая продолжать неприятный разговор, шагнул в сторону. Резко, неуклюже закрутился, вращаясь по часовой стрелке вокруг своей оси, ускоряясь и смазываясь в очертаниях. Несколько мгновений – и вот уже по траве игриво закружился маленький волчонок, пытающийся достать свой не послушный серый хвостик.

Мавул'х удручённо покачал белой головой:

– Эх, серая молодость...

5

Норн, в котором жила семья Мавул'ха, представлял собой дом с добротным крыльцом и остроконечной крышей из длинной пепельной травы, сплетённой на манер циновки.

Как только мы вышли к нему, туман за нашими спинами заколыхался и, подхваченный внезапными порывами налетевшего неведь откуда ветра, разметался в разные стороны рванными прохладными клочками. Вяло клубящаяся масса осела на траву россыпью бесчисленных капель. Выглянуло солнце.

Мы стояли на вершине холма, одним своим склоном плавно уходявшего куда-то вниз, к маленьким игрушечным деревьям и тоненькой полосе сверкающей реки. Вокруг простиралось лишь небо, без единого облака или летящей птицы, представляя собой огромный бездонный купол чистого, почти звящего голубого цвета. Величественный в своей монументальной непостижимости, он опирался несуществующими краями на горизонт, очерчивая неразрывным кольцом всю видимую часть ландшафта. За домом начиналась узкая тропинка, петлявшая среди лабиринта валунов, вросших в землю почти вертикально наподобие огромных окаменевших кактусов. А за каменным лесом проступал еле заметный горный силуэт, такой недостижимый и призрачный, что взгляд улавливал его только по сверкающим бликам, горящим на снежных вершинах.

На крыльцо неторопливо вышла высокая гордая женщина, остановилась и поглядела на нас из-под руки, заслоняясь от солнца, бьющего ей прямо в лицо. Её длинное платье было того непередаваемого серебристого оттенка, когда серый цвет пере стает быть просто серым, приобретая множество градаций голубого и сиреневого. В сочетании с ним толстая светлая коса, уложенная вокруг головы, напоминала серебряную корону. На груди, на тёмном шнурке, покоилось единственное украшение – большой изогнутый коготь, пожелтевший от времени и весь сплошь покрытый резными символами.

– Майвха! – бросился вперед Фастгул'х, прямо на бегу ловко перекувырнувшись через голову и подбежав к матери уже в человеческом облике.

– Ар, Фастх танш хууш, – заулыбалась та, опускаясь на колени и заключая сына в объятия, нежно вороша и без того лохматые волосы.

Тут навалились остальные, прижимаясь к маме счастливыми лицами или не менее счастливыми мордами. Всего я насчитал семерых – детей и волчат.

Понемногу они успокоились. Вышла ещё одна женщина, совсем старая, согнутая и сморщенная, как печёное яблоко. Цыкнула на верещащий и скачущий молодняк, брызнувший от неё в разные стороны, степенно оглядела подошедших к дому и молча склонила белоснежную голову в коротком, но многозначительном поклоне, одним кивком умудряясь оказать честь всем вместе и каждому в отдельности.

– Хийс Зорр, Уль дофр ун чиоок, торш! – наконец изрекла она неожиданно звучным голосом.

– Старейшая Шуддзуа'х приветствует и просит войти в дом, – пояснил мне Мавул'х, поскольку Враххильдорст явно понимал и без перевода, уже целую минуту нервно дёргая меня за ухо и тыча пальцем в сторону двери.

– Торш, торш! Входи! – не выдержал он, от нетерпения чуть не свалившись с моего плеча.

– Да понятно, угомонись! Цыгель, цыгель, ай, лю-лю... Торш так торш. Я и сам с радостью отдохну, чего подгонять-то? – усмехнулся я, поднимаясь по приветливо скрипнувшим ступеням.

6

Семья Мавул'ха состояла из двадцати семи вар-рахалов, принадлежавших к роду вулфов по линии старейшей Шуддзуа'х: в клане правили женщины, как и в стае северных волков – волчицы. После смерти право последнего слова должно было перейти к её старшей дочери – жене Мавул'ха – красавице Алдз'сойкф Ялла'х. Дальше – к её единственной дочери, малышке Мэа'х, полное имя которой упорно ускользало из моей памяти.

Жили семьёй в небольшом, но уютном норне, стоявшем на вершине первого холма Сумеречной гряды, тянувшейся до самых гор.

Здесь начиналась дорога на восток – та самая дорога, которую нам предстояло пройти завтра.

Но сегодня вулфы устроили праздник. Со всей искренностью, на которую только были способны. Каждый, включая даже маленькую Мэа'х, что-то старательно и загадочно исполнял, творя всеобщее предпраздничное действо. Весь вечер меня не покидало счастливое чувство-

воспоминание давно прошедшего детства, когда обещание подарков и развлечений имело огромную власть над повседневностью, раскрашивая её в сочные цвета и одаривая музыкой.

И вот наступил долгожданный вечер, принёсший с собой всё, что полагалось для оформления классического домашнего пиршества: густую ароматную темноту, наполненную лишь стрекотанием невидимых цикад, лунную дорожку на извилистой реке где-то там далеко внизу и ослепительно обсидиановое небо над нашими головами с таким количеством звезд, что они смотрелись единым мерцающим узором на чёрном бархате ночного свода.

Еду и напитки вынесли и расставили прямо перед домом, постелив на землю не большие циновки, сплетённые из той же серой травы, что и остроконечная крыша. Дети натаскали подушки, свалив их грудой с нашей стороны, куда мы дружно и рухнули, наслаждаясь вынужденным бездельем и заботливой суетой вокруг. Я закурил. Подошел Фастгул'х и уселся рядом, подтянув коленки к груди и обхватив их худенькими руками.

– Можно, я с вами? – спросил он скорее Зорра, покосившись на меня с дофразом с тактичной заинтересованностью, с которой положено осматривать незнакомцев. – Вайвх сказал, что я могу побыть с вами: вдруг что-нибудь потребуется, а он сейчас занят и подойдёт позже...

– Конечно, сиди! – успокоил его Горынович. – Нам как раз нужен кто-нибудь вроде тебя, и совсем необязательно такой важный, как твой папа.

Мальчик просиял.

– Сейчас начнётся, – не выдержал он. – Как только звезда Белого Волка войдёт в созвездие Бегущего Воина, заполнив собой пустое место – вон там, около тех четырёх ярких точек!

Он вдруг смутился и молча указал на небо, совершенно не сомневаясь в наших неординарных способностях выделить среди сверкающего безумного многообразия "эти четыре яркие точки".

– Совсем немного осталось, – невозмутимо подтвердил Зорр, мельком глянув вверх. – А скажи, пожалуйста, наш юный друг, – тут он задумчиво провёл пальцем по усам, – что рассказывали тебе мама или бабушка о хийсах?

– Хийс – это вы, – удивлённо распахнул глаза Фастгул'х.

– Я?... – кивнул Горынович, глянул на вулфа и как бы между прочим поинтересовался: – Я уже в курсе, что я это я. Но вот, что кроме этого?..

Мы с Враххильдорстом переглянулись. Мальчик в недоумении раскрыл рот, замер и, сглотив, ответил:

– Я больше ничего не знаю.

Он жалобно хлопал светлыми ресницами, видимо, боясь, что мы его прогоним и позовём кого-нибудь другого.

– Не знаешь – так не знаешь, – Зорр посмотрел на испуганного Фастгул'ха и ободряюще улыбнулся: – Надеюсь, что про хийсов говорят только приличное.

Он хотел добавить что-то ещё, но тут заиграла музыка, тягуче переливчатая, волнующая, соединяющая в себе и звучание флейты, и лунную песнь волка, и журчание горного ручья. Все замолчали, рассаживаясь вокруг импровизированного стола. Лишь Алдз'сойкф Ялла'х осталась стоять на залитом звёздным светом склоне.

– Майвха, – восхищенно прошептал Фастгул'х. – Ан юмм уманурх фадзи. Мама... Мамочка...

Мелодия замерла, смолкли даже цикады в траве. Только ночь, звёзды и щемящее ощущение вечности, заполнившее глаза влагой, а сердце тоской.

Я смотрел на одну женщину, а видел совсем другую. Где ты, Диллинь? Я иду к тебе. Где ты?..

В небе взошла луна. Она появилась неправдоподобно быстро, как будто бы просто сконцентрировалась из одного слишком густого скопления звёзд.

Я, наверное, задумался, засмотревшись на это зрелище, и не заметил, откуда же родился едва уловимый, вибрирующий звук, нараставший и плывший над всеми, постепенно проявлявшийся мелодией и словами.

Музыка обрела форму, песня рождала танец.

Это пела Алдз'сойкф Ялла'х.

Медленно, плавно... Сначала её руки и плечи ожили в раскрывающемся взмахе, поднявшись вверх в извечном жесте женщины, распускающей волосы. За ними потянулось и выгнулось гибкое тело, едва уловимо качнувшись из стороны в сторону, подчиняясь течению мелодии – незримому потоку, устремлённому к приблизившимся звёздам.

В небе полыхнула зарница. Движения танцующей, всё более сильные и завершённые, будоражили и зачаровывали одновременно, потревожив, кажется, даже ветер, до этого спавший в ночных травах. Изысканный наклон головы, сплетение пальцев, сменявших одну замысловатую мудру за другой, руки, рисующие в воздухе, и ветер – непостижимый ветер, подвластный её взгляду, разбегавшийся вокруг волнами и свивавший спиралями травы. Сама земля под нашими ногами вздрагивала в такт звучащей музыке.

Слева заворочался Врахильдорст, отрывисто вздохнул мальчик. Рядом с сыном, подавшись вперед, застыл Мавул'х. Возможно, я тоже не дышал всё это время, полностью поглощённый происходящим таинством.

Я огляделся и замер от неожиданности – глаза сидевших вокруг вулфов горели призрачным жёлтым огнём. Таким же, как и коготь на груди Алдз'сойкф Ялла'х.

Ритм мелодии ускорился, постепенно достигая своего апогея. Теперь уже не только коготь, но и вся женская фигура светилась ярко и ослепительно бело. Ветер раздул колоколом длинное платье и разметал заплетённые волосы, как шлейфом укутав ими танцующий силуэт. Последний взмах рук навстречу лунному сиянию, нестерпимо высокая нота, оборвавшаяся вместе с внезапной вспышкой света...

Вой, глубокий и всеобъемлющий – лунная песнь вулфа.

И белоснежная волчица, замершая посреди поляны.

7

– Нам повезло. Ты хоть понял, как нам повезло? – не унимался Зорр. – Танец лунного рахх-шата не видел ни один посторонний наблюдатель.

– Нам-то с чего такая честь? Да понял я, понял, не пихайся, – проворчал я. – Может всё дело в том, что у нас объявился могущественный покровитель, как там его, столбище Кибаорг'х. Это, наверное, по его своевременной протекции...

– Так оно и есть, – невозмутимо подтвердил подошедший Мавул'х, по-своему растолковавший последние слова нашего диалога. – Цстах Ютм Кибаорг'х возвестил нам о пришествии перемен в лице трёх путников, которые принесут с собой смерть и жизнь, помимо своей воли натянув нить судеб.

– И то, и другое вместе? – озадаченно переспросил я нового собеседника.

– Конечно. Смерть – лишь преддверие новой жизни, а рождение обязательно влечёт за собой смерть. Каждое живое существо происходит от великой Ишк'йятты и будет призвано ею обратно. Суть же в том, что и начало, и конец всего живущего есть одно и то же, а разница существует только на протяжении жизненного пути, и нет смысла отгораживаться от того, что невозможно изменить – пусть произойдёт то, что предначертано!

– Мавул'х, ты как будто прощаешься с нами. Прямо как на похоронах, – поёжился я, слушая его серьёзное объяснение. – погоди умирать-то, рано ещё. Может, и не оборвётся эта "нить судеб". Посмотри, какая вокруг красотища!

Кругом действительно было неправдоподобно красиво. После того, как окончился ритуал так называемого "лунного рахх-шата" – священной переходной трансформации, – ночное небо будто взбесилось, полыхая от края до края настоящим северным сиянием, сиренево-голубым и фиолетовым, вспыхивающим то тут, то там росчерками падающих звезд. Столько желаний-то можно было загадать, сколько даже придумать трудно. У меня же в голове крутилось одно...

Дети вытащили из дома неуклюжий, но явно музыкальный инструмент, напоминавший очень длинную трубу, раскрывавшуюся широким раструбом. Приладили одним концом на

чьё-то ближайшее плечо и стали дудеть по очереди до тех пор, пока на них не зашикали. Подошёл настоящий хозяин, пожилой седой вульф, ловко прижался губами к мундштуку и издал пробный низкий звук. Вдохнул от удовольствия и заиграл в полную силу что-то весёлое, джазовое, наполнившее ночь праздником и суматохой, словно и не было только что комка в горле и подступающих слёз.

Молодежь баловалась. Подвывая, мальчишки крутили в воздухе сальто, оборачиваясь волчатами и снова отращивая себе руки и ноги. Одна малышка Мэа'х жалась к матери, не сводя с неё ясных доверчивых глаз.

Алдз'сойкф Ялла'х устроилась рядом с нами, переодевшись в простое серое платье, но так и не заплетя волосы, свободно ниспадавшие вдоль спины. Белая волчица ушла в ночное небо по дороге из лунного света, оставив на земле свою вторую человеческую половину, столь же прекрасную, как и она сама.

Зазвучала очередная мелодия, которая запросто могла сойти за танцевальную, чем и воспользовался Мавул'х, увлекая за собой жену на утоптанную площадку перед домом. Такой счастливой пары я не видел уже очень давно. Только теперь я заметил, что они, в сущности, были ещё совсем молоды.

Даже старая Шулдзуа'х мечтательно заулыбалась, глядя на танцующих.

Неожиданно всполошились и загикали ребята, заглушая музыку и создавая сумятицу, размахивая руками, будто гоня перед собой какое-то животное. И действительно, из их толпы вырвался и побежал, пиная чашки и тарелки, стоявшие на циновках, неизвестный комичный зверь ростом со страуса и чем-то отдаленно его напоминавший, но только на четырех ногах. Как и положено – весь в перьях и даже с крыльями, но на этом сходство кончалось. В разинutom с перепуга клюве я заметил ряд острых зубов. "Страус" кинулся к стоявшему Фастгул'ху и, резко затормозив, забился к нему под ноги (это выглядело смешно, потому что даже в лежащем положении он доходил мальчику почти до пояса), взъерошил перья и спрятал голову под крыло. Малыш вздохнул и потрепал его по шее.

– Ну-ну, что ты. Они шутят. Ты же сильный и смелый! – тут Фастгул'х заметил выражение моего лица и пояснил: – Это Иичену – совсем ещё молодой и глупый. Зато мой собственный!

Тем временем опять заиграла музыка, расставили опрокинутые чашки и тарелки, наполнив их всевозможной едой. Ребятня затеяла новую игру.

– Иич, это наши знакомые, – увещевал своего домашнего "страуса" Фастгул'х. – Свои, свои.

Птица внимала ему, настороженно глядя на нас тёмными выпуклыми глазами и приоткрыв зубастую пасть – именно пасть, ибо клювом это даже при ближайшем рассмотрении назвать было просто невозможно. Раздался короткий булькающий звук, и птица замотала головой из стороны в сторону.

– Вы ему нравитесь, – обрадовано сообщил нам обладатель этого пернатого чудо-зверя. – Они вообще-то очень умные, только взрослеют поздно. Зато если раздобыть птенца сразу после того, как он вылупится из яйца – в первые три дня, – то он запомнит хозяина на всю жизнь и будет ему верным другом! – мальчик заулыбался и в порыве нежности притянул к себе своего питомца, ответившего на ласку очередным булькающим бормотанием.

– А тебе, я погляжу, удалось, всё-таки. В первые три дня? – понимающе поддержал беседу Зорр. – Специально ходил за ним, или как?

– Специально, но не за ним. Меня тогда вайвх впервые на охоту взял! Два лунных рахх-шата назад, – гордо сказал Фастгул'х. – Вот было здорово! Мы ушли в горы и выслеживали коз или баранов, а тут вдруг катты, откуда ни возьмись, и тоже охотятся!.. У нас территория поделена – от нашего норна до снежных вершин! – захлебываясь и чертя в воздухе пальцами, рассказывал он. – Граница проходит по ущелью. Края у пропасти совсем рядом, но не перепрыгнуть. Хоть как разгоняйся. Так вот, идём мы по самой кромке – иначе там не пройти, – а на другой стороне визг, писк, охота в самом разгаре. Два катта нашли гнездо скальных иичу. Зох торш уд моррхурш! Ррр, не люблю каттов... Уж совсем это нечестно – нападать на самку иичу, сидящую на яйцах, или когда у неё только что вылупились птенцы. Это уже не охота, а

резня! Настоящая шуррхойша!!! Не интересно, а мерзко! Слабеют они от постоянного сидения, даже сопротивляться толком не могут, а у этой ещё и дети только что вылупились... Сколько бы времени ни прошло, а я всё равно считаю, что это нечестно! Ну и пусть надо мной смеются – мне нагавкать! – а беспомощным глотки рвать я не стану!

Фастгул'х нахохлился и плотнее прижал к себе задремавшего Иичену. Чем дальше, тем больше мне нравился этот мальчишка. Действительно, мало чести убивать "беспомощных", тем более "женщин и детей".

– А у каттов, надо понимать, немного другое мнение по данному вопросу? К тому же им, как всегда, хотелось кушать? – поинтересовался Горынович.

– Да понимаю я, понимаю, не слепой уже. Мы все вар-рахалы: и вулфы, и катты... И вы тоже, хийс Зорр! Вы вообще над всеми нами главный. Вам, конечно же, виднее. Только я думаю, что катты ведь не простые кошки, а разумные. Ну, как и мы. А чтобы наестся им тогда было достаточно и двух птенцов. Вон, какие они большущие! Зачем же всех-то?..

– Подожди, а как же этот?

– Вот то-то и оно! – заулыбался Фастгул'х, преисполнившись такой важности, будто его подопечный совершил героический подвиг. – Он от них улетел. Представляете, ему всего-то было день-два отроду, а он взял да и перепорхнул на нашу сторону!

– Это с испугу, наверное. Куда-нибудь подальше от страшных голодных каттов, – усмехнулся Зорр.

– Ну и пусть! Пусть с испугу, зато им не достался. Правда, когда он перелетал через ущелье, приземлился неудачно – ударился боком и крыло сломал. Теперь только ходит, но мне без разницы, ведь я его люблю! И он меня, да ведь, Иич?

Птица отрывисто забулькала в ответ и громко клацнула зубами: скорее всего, это означало полное и безоговорочное согласие.

– Да и запечатление произошло вовремя, – добавил я. – Так?

– Что произошло? – не понял Фастгул'х. – А-а, запоминание. Точно. И запомнил он меня! Я теперь для него не просто знакомый вульф, а друг и даже больше.

– Еще скажи, брат, – рассмеялся подошедший Мавул'х и добавил, обращаясь к жене, идущей следом: – Слышишь, родная, у нас оказывается на одного ребёнка больше? А мы и не заметили?

– Что ж, это не самый худший вариант, – улыбнулась в ответ та. – По крайней мере, рожать его уже не нужно. Смотри, какой симпатичный, и ног тоже четыре, а какие зубы! К тому же, ты сам разрешил, чтобы наш старший ар обзавёлся родственной душой.

– Видела бы ты, как Фастх его защищал: рычал и на каттов, и на нас одновременно. На каттов-то чего сердиться – их не исправить, а мы быстро согласились. Что ж, первая добыча священна, и охотник вправе делать с ней всё, что захочет, даже возвести в ранг близкого друга, – Мавул'х усмехнулся и, оглядев нашу тёплую компанию, скомандовал: – Ар, иди спать и забери с собой своего ненаглядного "братца".

Надо отдать должное, слушались его беспрекословно. Прошло пять минут, и на поляне перед домом не задержались даже чашки на серых циновках.

Мы остались одни. На моих коленях тихо посапывал спящий Враххильдорст. Справа присела, касаясь травы кончиками распущенных волос, Алдз'сойкф Ялла'х – или попросту Ялла, как нежно называл её муж, – задумчиво созерцающая полную луну, застывшую прямо над нашими головами. Мавул'х стоял рядом с Зорром, отрешенно крутя в руках тонкую соломинку.

– Завтра вы направитесь в сторону гор. Большую часть пути придётся идти по территории снежных каттов. С дороги не собьётесь – она там одна, ровная, как песня Иичену. А катты, если встретятся, скорее всего, просто не обратят на вас никакого внимания – из гордости или из осторожности.

– Да уж, какой безумец встанет на пути у хийса? – усмехнулась Ялла. Услышав снова слово "хийс", Зорр весь как-то внутренне напрягся. У него чуть дрогнула бровь, и плотно сжались губы. Он многозначительно глянул на меня, и вдруг в моей голове тихо, но очень

отчётливо прозвучала фраза: "Ну, что ты молчишь? Давай же! Ты же понимаешь, что я не могу спросить их про хийсов. Для них я и есть великий и мудрый, всё знающий, тот самый хийс – хийс, который, оказывается, не знает, что такое х-и-й-с". Я удивился, чуть не ответив Зорру вслух, хорошо хоть сдержался и лишь подумал: "Как что-нибудь надо, так давай, Вася". И тотчас услышал: "Давай, давай, Вася... не дофреста же будить". Тут уж я действительно удивился и уже целенаправленно, старательно сконцентрировавшись, подумал, стараясь максимально чётко излагать свои мысли: "Ты что, умеешь мысленно разговаривать?" Горынович улыбнулся: "Конечно, умею, но я не знал, что это умеешь и ты. Кстати, поздравляю – очень полезная штука". Вот так-так, здравствуйте, приехали. Ладно, потом разберёмся. О чём там спрашивать-то нужно было?

– Госпожа Ялла, – вкрадчиво начал я. – Мы с Зорром знакомы всего два дня, и как-то было некогда поинтересоваться у него – кто же такие хийсы? О, естественно, я уже успел нахвататься отдельных фактов из жизни столь примечательной личности, как Змей Горынович, но ведь у вулфов есть какая-то своя, личная точка зрения?

"Круто завернул. Молодец!", – на сей раз возникшая в голове фраза прозвучала как-то уж совсем буднично. Что ж, к удобствам и привыкать не нужно.

"А я всегда молодец, – весело откликнулся я. – Кстати, остальные присутствующие не в курсе нашего разговора? Или как?"

Зорр не стал ничего говорить, усмехнувшись, слегка отрицательно покачал головой. "Или как", – было написано на его лице.

– ...и поэтому хийсы, – рассказывала между тем Ялла, – считаются самыми древними и могучими оборотнями, живущими сейчас среди вар-рахалов. У нас, у вулфов, не принято упоминать о них без весомой причины и должного почтения. Мы чтим их свободу и независимость...

"Понял, какой я?!" – подал голос Зорр.

"Конечно, понял. Ты ещё не заметил, что я отличаюсь умом и сообразительностью? А вообще-то, молчи, слушать мешаешь! Сам ведь просил всё разузнать".

– ...к тому же, хийсы огромны, крылаты и огнедышащи, внешне отдалённо напоминают драконов, только трехголовых. Их переходный рахх-шат представляет собой незабываемое по красоте зрелище. Но ты же ведь видел, Василий? Нет? О, тогда тебе повезло, я даже немножечко завидую – тебя ждёт необычайное, прямо-таки феерическое...

"Делать мне нечего, как развлекать тебя необычайными и феерическими зрелищами! Сейчас, только штаны подтяну, и пойдём за угол активно развлекаться. Так и жизнь пройдёт, весьма содержательно, – ехидно пробурчал Зорр, одаривая меня насмешливым взглядом. – Спроси лучше про других хийсов".

"А меня мало? Зачем тебе родня?"

"Мало, – решительно возразил Горынович. – Ты, конечно, то ещё чудовище, но голова-то у тебя всего одна. И огнём ты дышать не умеешь. Так что давай, спроси, не кокетничай".

– А остальные? – поинтересовался я. – Где живут остальные?

– Остальные? – медленно переспросила Ялла. – А других нет. Вот уже несколько тысяч лет ни один хийс, кроме Зорра, не появлялся в нашем мире.

– А они откуда-то появляются? – уточнил я. – Хийсы, что ли, не здешние?

– Конечно, а как же иначе? – её удивлению не было конца. Она помолчала, потом глянула на меня и пошутила: – Если наша земля наполнится хийсами, на ней совсем не останется свободного места.

Она вдруг улыбнулась и, повернувшись к Горыновичу, добавила:

– Мы не знаем, где сейчас твоя родина, хийс Зорр. Мы знаем, где когда-то необозримо давно жили великие хийсы Рэйвильрайдерсы, но они бесследно исчезли, и где теперь они дарят миру мудрость и сострадание – мы не знаем. Извини... Ты ведь это хотел узнать. Ты мог бы спросить об этом и сам. Что тут такого? Каждое живое существо стремится туда, где стоит его норн – это так естественно! И не твоя беда, что ты не ведаешь, в какой стороне находится это замечательное место. Нам очень жаль, но мы ничем не можем тебе помочь, и, пожалуйста, не

волнуйся – о минуте твоего смущения не узнает никто. Для нас же это не имеет никакого значения: какая разница, где лежало яйцо, из которого вылупился великий хийс?

– Вы с самого начала знали о моём неведении? Я ведь до сегодняшнего дня не задумывался над тем, что кто-то называет меня хийсом. Змей Горынович да Змей Горынович – так мне было привычнее и проще... – задумчиво переспросил Зорр. Он тихонько покачал головой, будто соглашаясь, мол, хийс так хийс, уже привык, а подробности биографии, надеюсь, не заставят себя ждать.

– Не мы, а старейшая Шулдзуа'х, – вмешался молчавший до этого Мавул'х.

– Ей открыты многие истины, – подхватила Ялла. – Но это не значит, что она вещает об этом у каждого перекрестного камня. За неделю до вашего прихода Шулдзуа'х сказала мне, что ей приснился странный сон о том, что ты скоро покинешь нас, вернувшись туда, откуда пришёл, обретя, наконец, дом и семью.

"Ну вот, и зря грустил", – подумал я, обращаясь к Зорру.

"Не спеши – это не так просто!", – пришёл тихий, но решительный ответ.

– Я благодарю вас за понимание и мудрость, – обратился он к чете вулфов. – Пожалуй, мне следует задать этот вопрос вновь Ядвиге Балтазаровне. Ведь это она нашла меня когда-то, очень и очень давно.

– Я-Баи? Вряд ли она сможет что-нибудь добавить кроме номера дороги, где лежало твоё яйцо, – с сомнением покачала головой Ялла. Я готов был поспорить, что в глубине её золотистых глаз таилась лукавая улыбка.

– Я-Баи? – переспросил Зорр. – Так вы называете бабушку Ягу? Надо же, оказывается и у неё самой несколько имён...

– Да, но только это не просто имя, а её суть. Она и есть Я-Баи. – Тут Ялла виновато проговорила:

– К сожалению, мы, вулфы, многое знаем, но не можем объяснить. Нам достаточно поглядеть в глаза путнику, чтобы почувствовать, кто он такой, но не более. Для остального существуют гадалки, колдуны и...

– Энциклопедии, – усмехнувшись, закончил я за неё. – Мудрые книги так же глубоки и запутанны в своих пророчествах, как впавшие в медитативный транс ясновидицы. Так или иначе, а понятно мало, и трактовать предсказания приходится уже после случившихся событий.

– Да уж, – улыбнулась мне Ялла. – И нет ничего более неблагодарного, чем предупреждать о грозящих неприятностях: предупрежденный, даже если и последует совету, всё равно потом всю жизнь будет сомневаться, а грозило ли ему что-то на самом деле настоящему?

– Вот и не советуйте нам ничего. Пусть всем будет хорошо и спокойно. И, в конце концов, что за жизнь без маленьких встрясок и пикантных ситуаций? – легкомысленно отмахнулся я.

– Ещё чего не хватало, – рассмеялась она. – Кто я такая, чтобы превратить ваш путь в серое и однообразное путешествие? Вы ж не маленькие вулфы.

– Да уж. По закону жанра нам полагается на завтрак парочка перестрелок, а на обед – скачка на необъезженных динозаврах, – беспечно сказал я, вдруг ощутив, как моё сердце тревожно замерло в груди. Вот так и дошутиться недолго, действительно придётся седлать этих самых мифических ящеров.

– Всё в зубах великой Ишк'йятты, – неожиданно серьёзно прервал нас Мавул'х. – Луна свидетель, в такую ночь не стоит шутить с судьбой, когда она и так старается быть к вам благосклонной. Посмотрите вверх!

И он указал на что-то у нас над головой. Я поднял глаза и был поражён открывшимся мне торжественным видом. Это что-то, а именно огромный белый диск занимал почти треть неба. Казалось, что Луне наконец-то надоело крутиться вокруг нашей планеты, как привязаной, и она решила-таки прекратить своё несвободное существование, упав на удерживающую её Землю. Уже были заметны проступившие на поверхности кратеры и горные кряжи, впадины и расщелины, но тут вдруг что-то спасительно изменилось в пространстве, нагнетаясь тишиной и

тревогой. В небе опять, как во время пения Яллы, замелькали голубые всполохи и стремительные огни – падающие звезды, – и засияло уже нешуточно, по-настоящему, ослепляя и сковывая на месте. Ещё миг – и всё пропало, оставив на тёмном небосклоне привычную Луну.

Мы ошеломленно молчали.

– Что б меня съела Ишк'йятта! – выдохнул я.

И услышал в ответ облегчённый смех, к которому я не преминул присоединиться. Враххильдорст так и не проснулся, недовольно заворочавшись во сне при очередном взрыве хохота.

– Что это было? – отсмеявшись, спросил я. – Знамение или коллективная галлюцинация?

– А какая разница? – пожал плечами Зорр. – К тебе не приходила мысль, что вся твоя жизнь и есть, возможно, сплошной бред?

– Может, и приходила, но меня, наверное, тогда не было дома. Поэтому ей ничего не оставалось как уйти, так меня и не дождавшись. А знамение порой смахивает на стойкое помешательство, особенно если оно чуть не падает прямо на голову.

– А ты ощущал это именно так? – задумчиво переспросила Ялла. – Мне казалось, что сама великая Ишк'йятта спустилась с небес, даря мне тепло и нежность.

– И у меня было что-то похожее, – кивнул Мавул'х.

– А я... я видел открытую дверь... Впрочем, это неважно, – отмахнулся от нас Зорр. – Главное – это то, что каждый из нас ощутил и воспринял разное.

– Да, – тихо согласилась Ялла, вдруг отчего-то загрустив и прижавшись к обнявшему ее Мавул'ху. – Слишком много пророчеств за последние несколько дней. Это, конечно, не плохо и не хорошо. Но перед большими изменениями всегда немного тревожно.

Она вздохнула.

– Не бойся, – сказала она мне. – Луна – мы называем ее Маан – дарует лишь жизнь. В отличие от огнедышащего Солнца – Тэква.

– Надо же, а я всегда считал, что наоборот...

– Нет-нет! Маан отражает солнечный поток, добавляя ему оттенков и цветов, которые оказывают на нашу землю лечебное воздействие. Поэтому, заметьте, лекарственные травы растут только ночью под лунным светом. Даже нам, оборотням, легче всего совершать переходный рахх-шат в благодатное полнолуние, – Ялла благоговейно посмотрела на сияющий в ночном небе ровный диск Луны. – И хотя мы зависим от Тэква, но если бы мы получали силу напрямую от него, то на нашей планете не осталось бы не только вар-рахалов, но и ни одного живого существа вообще.

– Да, я что-то читал такое, – задумался я. – Кажется, солнечный свет заряжен положительными ионами, а Луна превращает их в животворные отрицательные, действуя своей поверхностью как единым отражателем. Да-да, – в голове всплывали отрывочные знания теперь уже далёкой студенческой поры. – В основном, лунный свет рассматривается, как поток положительной энергии, магнетической и созидательной, влияющий на нашу имажинативную, рефлексивную и интуитивную природу, известную как подсознание или душа...

– Изрёк – как выругался! – ворчливо оборвал меня Зорр, пряча в усах улыбку. – И чему вас только в институтах учили? Ты сам-то понял, что сказал? И-ма-ги-на-тив-ная? Это какая?

– Да ладно. Ну, не помню я, что это значит, но зато как звучит! – я попытался изобразить на лице гордую непримиримость, но не выдержал и рассмеялся. – Да на душу она воздействует, на душу! Так воздействует, что я чуть по лбу не получил её блестящим круглым краем. До сих пор в себя прийти не могу.

– А ты и не приходи. Такой ты нам больше нравишься, краем недостукнутый! – Ялла смотрела на нас с материнской нежностью.

– Пошли спать, мальчики, – вдруг по-домашнему сказала она, вмиг рассеяв патетику прошедшего вечера. – Завтра вам рано подниматься. А кто рано в путь встаёт, тому Ишк'йятта хвостом дорожку метёт.

– Метёт, так метёт, – согласился я, направляясь к дому вслед за этой удивительнейшей из женщин.

Проснулся я внезапно, как от резкого толчка. Сна как не бывало, голова абсолютно ясная, даже обидно: спал себе и спал, никого не трогал, и вот на тебе – прямо какие-то сложности по части просмотра сновидений.

Сел на кровати и огляделся, благо в ярком лунном свете предметы были видны более чем чётко. На ночь нам с Зорром отвели крохотную отдельную комнатку, в которой даже имелись две удобные низкие кровати. В одну из них и погрузилось моё уставшее тело, не зажигая свет и уж совершенно не рассматривая окружающий интерьер. Тогда мне так хотелось уснуть, что я чуть не забыл про спящего дофреста, в последний момент устроив его у себя в изголовье. Горынович заснул, едва только его голова коснулась мягкой подушки. Думаю, ему снились великолепные родственники – сиятельные Рэйвилрайдерсы – иначе он не посапывал бы так сладко во сне, вторя переливчатым руладам Враххильдорста. Вот что значит считать, что ты в безопасности – как никак, в доме ещё целая стая волков. Извините, вулфов...

Луна передвинулась чуть правее, впрочем, не изменив ни цвета, ни очертаний. По всему выходило, что спал я часа два, не больше. В открытое окно неслись шелестящие звуки ночи. Последние цикады допевали свою предрассветную песню. Темнота вокруг уже потеряла непроницаемые густоту и бархатность, добавив ночному пейзажу акварельную размытость и прозрачность красок.

Я тихонько выбрался из-под шерстяного одеяла и, подойдя к окну, решительно вылез наружу, погрузившись в море запахов и состояний. Я ощутил себя частью огромного, дышащего, пульсирующего, такого невообразимо живого мира, для описания которого не достаточно слов ни в одном языке, может быть, лишь вой вулфа вместил бы весь восторг и трепет, охвативший тогда мою душу. Я почувствовал себя молодым оборотнем, нетерпеливым и вдохновенным, кажется, даже присел на корточки от неожиданности. Что ж, вулф так вулф! Я устроился поудобнее, выбрав место на пригорке, откуда был виден или скорее угадывался горизонт. Хотелось выть или петь песни моего буйного студенчества. Петь или выть я так и не начал, а сделал обратное – расслабился, почти растекаясь по влажной от первой росы траве, закрыл глаза и просто стал всем – всем тем, что окружало меня близко и одновременно очень далеко. Земля больше не казалась мокрой, потому что я стал этой влагой на ней. И травы не отвлекали вездесущим шуршанием, потому что теперь я понимал их тихий шепот, говорящий о переменах ветров и спящих насекомых, о зреющих семенах и новых побегах, об осторожно крадущихся в ночи охотниках, чьи лапы или ноги ступали одинаково аккуратно. Где-то вспорхнула вспугнутая птица, уносясь в небо тяжелым хлопающим снарядом. Ещё не стих вдалеке шум торопливых крыльев, а я уже знал, что это был полосатый ушастый фазан. Почему-то именно ушастый и именно полосатый – толстый и сонный, истерично недовольный прерванным сновидением. Что ж, не я один разбужен сегодняшней ночью. Мне было тепло и уютно, вспомнились слова Яллы о ласковом прикосновении лунного света. Теперь я понял, что она имела в виду: Маан изливалась и на меня потоком бесконечной нежности и заботы, наполняя мою душу спокойствием и умиротворяющей гармонией. Всё было правильно, именно правильно – так, как должно было быть. Из года в год, из столетия в столетие. В роду вулфов или в роду снежных каттов... Великая Ишк'йятта, праматерь всего живущего, пусть хранит она племя вар-рахалов вечно... вечно... вечно...

Сколько я так просидел – не знаю, но в какой-то момент пришло ощущение, что я не один. Ещё не раскрывая глаз, всеми фибрами души, всем своим существом, каждой клеткой тела, кожей, обостренными нервами, тонким звериным чутьем и человеческим разумом я осознал присутствие и увидел его, горящее множеством огней, рассыпанных до горизонта. Открытый взгляд ничего не изменил. Огни не пропали, а лишь сконцентрировались в сиянии желтых глаз, окруживших меня несколькими десятками колец. Вот это да! Сколько же их здесь собралось?! Я сидел среди вулфов, молча замерших вокруг с внимательным и почтительным выражением на серых, едва различимых в темноте мордах. Через их строй медленно шла Шулдзуа'х, настолько величаво, что казалось, будто сама Ишк'йятта решила посетить столь странное сборище. Войдя в круг, который образовывала первая шеренга вулфов, старуха

остановилась напротив меня и замерла, сверля моё лицо горящим, прямо-таки пылающим взором. Потом удовлетворённо кивнула и всё так же молча опустилась передо мной на колени.

Час от часу не легче! Хоть бросайся поднимать пожилую женщину, зачем-то рухнувшую ко мне в ноги. Видимо, мои чувства, как всегда, отразились весьма красноречиво. Предугадывая моё последующее непроизвольное движение, Шулдзуа'х сама поднялась мне навстречу.

– Дафэн, ты вернулся! – только и сказала она, снова почтительно склонив голову.

– Пусть я вернулся, – дипломатично начал я, пока ещё пребывая в изумлении и неловкости, – но почему ты зовёшь меня дафэном?

– Потому, что ты и есть дафэн. Тот, кто возвращается вновь, – она приблизилась и встала со мной рядом. – Извини, что мы не узнали тебя сразу.

– А это должно было броситься в глаза? – я постепенно осваивался с ролью неведомой знаменитости и решил подыграть, потихоньку выясняя суть дела. – Каким образом вы определяете дафэнов?

– Их больше нет, ты только один.

– Ну вот, Зорру будет не так обидно: я такой же таинственный и одинокий, как и он, и тоже не знаю, что это значит, – усмехнулся я.

– Ты не одинок, – виновато затараторила Шулдзуа'х. – Я не это хотела сказать. Мне трудно объяснить тебе то, что мы знаем не разумом, а сердцем, а сердце говорит мне, что из людей только дафэн способен беседовать с великой Ишк'йяттой.

– Надо же. И когда же я успел? Ничего такого не помню. Столь значительная встреча не могла ведь пройти бесследно? Меня посетила великая богиня, а я и не заметил?

– Ты не заметил это потому, что её присутствие для тебя так же естественно, как Маан, сияющая в ночном небе, – упорно твердила она. – Мы видели, как Ишк'йятта вошла в тебя, и твоё тело осветилось изнутри её благословением.

– Ну, раз сами видели – теперь не отвертеться, – вздохнул я. – Что ж, пусть буду дафэном. Да здравствую Я, загадочный и таинственный!.. Но я ничего не помню об этой части меня самого. Это вас не смущает, а, доблестные вулфы? Может быть, у тебя, почтенная Шулдзуа'х, есть в запасе какой-нибудь вещей сон на эту весьма актуальную для меня тему?

– Память сама обязательно вернётся к тебе, дафэн, – твёрдо изрекла она, будто черту подвела, явно не собираясь ничего мне объяснять. – Значит, ещё не время. Твой путь будет более гладким, неотягощенным бременем воспоминаний. Иди по нему с покорностью воина, принимающего неизбежный бой.

– Легко сказать, труднее сделать.

– Ты очень быстро учишься, – возразила Шулдзуа'х. – Тебе не нужно начинать путь сначала, достаточно только вспомнить то, что ты и так уже умеешь.

– Первая приятная новость за сегодняшнюю ночь... – и тут до меня действительно дошло. – Ты хочешь сказать, что если в мои руки попадёт меч – я буду лихо рубить им вражеские тушки?! А если незнакомая книга, то я бегло прочитаю её на любом языке?!

– Может быть, может быть, – загадочно улыбнулась старуха. – Нам самим порой неведомы наши пределы... А уж дороги дафэна способен постичь лишь сам дафэн.

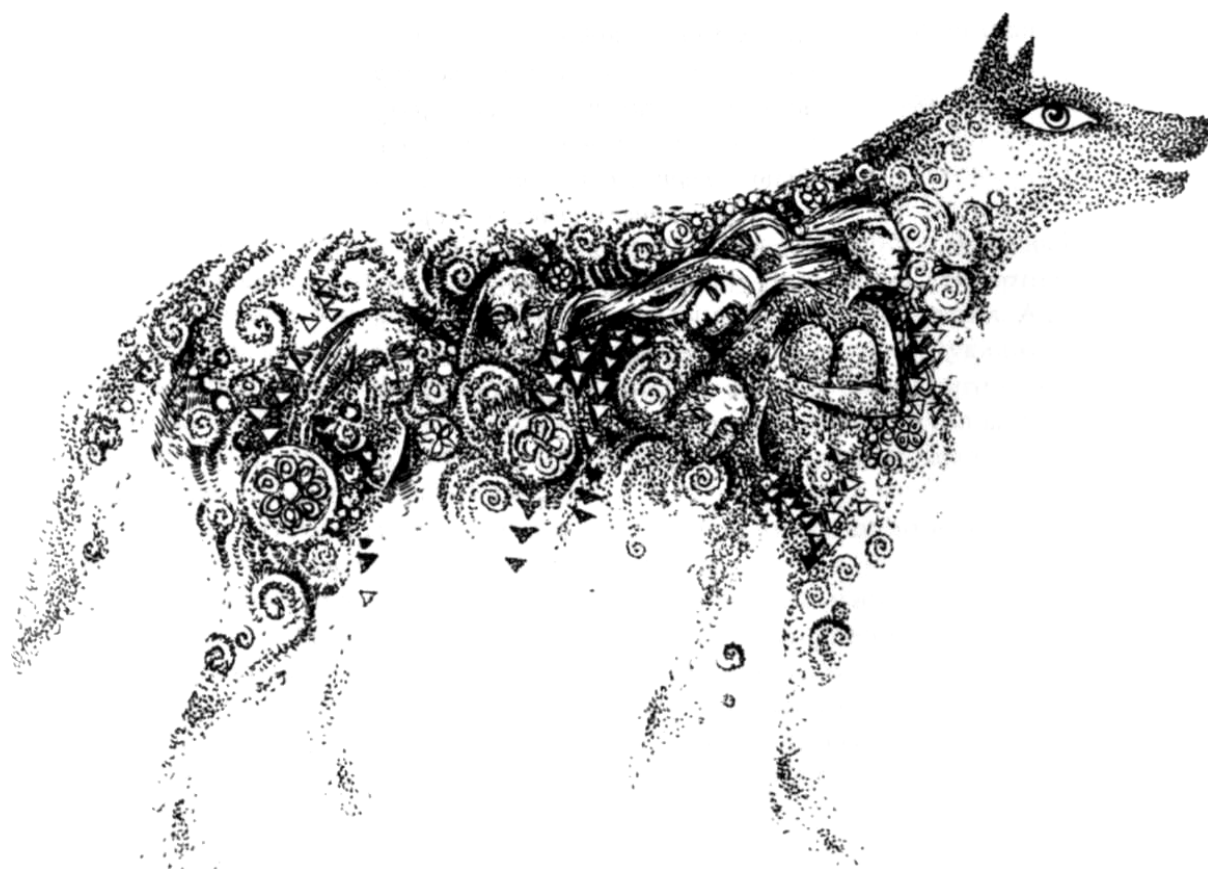
Во время нашего разговора сидевшие рядом вулфы вставали и медленно, по одному, подходили к нам, на секунду останавливались и заглядывали мне в лицо, после чего бесшумно растворялись в темноте. Их было нескончаемое множество... Постепенно я перестал обращать внимание на сие утомительное кружение, упустив момент, когда же это вдруг закончилось, и мы остались на холме одни.

– Что они делали? – поинтересовался я после исчезновения последнего вулфа. – У меня уже в глазах рябит. Сколько их было?

– Пришли почти все из нашего племени. Они отдавали дань уважения тебе, дафэн. Каждый подошедший вулф будет помнить тебя до конца жизни и расскажет своим детям и внукам. Это великая честь для нашего народа.

– Вот она – минута славы. И почему мне это так безразлично? – пробормотал я себе под нос, но Шулдзуа'х услышала и ответила:

– Потому, что с каждым мгновением ты всё больше обретаешь себя.

Я позвал его по имени, но он не расслышал, в своём безумном одиночестве упорно не бросая единственно возможное, хоть и безнадежное занятие. Я позвал снова – безрезультатно. Тогда я уселся рядом и стал ему помогать, отгребая тлеющую труху к краю всё ещё дымящегося круга. Только тут он заметил меня и страшно закричал, упав мне на руки хрипящим, невесомым тельцем. Я прижал его к себе и понёс куда-то прочь, прочь, прочь, ничего не видя и не разбирая дороги, пока запах гари и смерти не сменился прохладной тенью камней.

ГЛАВА 12. КАТТЫ.

*Я злая судьба твоей детской слезы,
Когда ты не в силах бежать от грозы.*

*Я тополя пух, избежавший дождя.
Я перья живые на шлеме вождя.*

*Я в небе закатном песчинка вдали.
Я тайна монеты в дорожной пыли.*

*Я вновь пролетаю над жертвенным хором,
Я - ветер, разрушивший вымерший город.*

*Я - Ветер, развеявший ужас людской.
Я - Ветер, пронзенный фатальной стрелой.*

Лройх'н Доор Шиир

1

Провожать гостей считалось у вулфов плохой приметой. Вот и хорошо. Не люблю я расставаний... В предрассветный час, пока норн спал, Мавул'х вычертил нам дорогу, описывая до мельчайших подробностей опасные горные участки. Алдз'сойкф Ялла'х вручила увесистый сверток всяких съедобных мелочей, так радующих путников в долгом путешествии. На этом всё и закончилось. Мы с Зорром почти ничего не говорили, зато у Враххильдорста пробился поток красноречия, и он сыпал и сыпал галантными, узорчато-восторженными фразами, шаркал ножкой, кокетливо отгибал хвост и даже пытался целовать Ялле руки.

– Весьма, весьма польщен, оч-чень, – елеиным голосом бормотал он. – Буду идти мимо – обязательно вас навещу... Пренебреженно!

Вулфы улыбались в ответ – задумчиво и немного печально.

Я подхватил на руки неумолкавшего ни на минуту дофреста и, бросив последний взгляд на стоявших оборотней, покинул гостеприимный дом.

Зорр чуть замешкался и вышел на крыльцо несказанно удивлённый. В его руках поблескивал на солнце резной коготь, только что висевший на груди Яллы.

– Подарок, – растерянно произнёс он. – Я так и не понял почему, но они считают, что эта вещь должна сопутствовать нам в дороге.

Горынович спустился вниз, покачивая головой, мол, жизнь – непредсказуемая штука, ещё раз поглядел на коготь и повесил себе на шею.

Было раннее утро, наполненное росой, солнечными бликами и щебетом птиц.

Мы шагали по тропинке, петлявшей среди каменных валунов, теперь ассоциирующихся у меня не с кактусами, а с изваяниями острова Пасхи – только с более экстравагантными профилями. Пара поворотов, и они окончательно заслонили собой зеленые холмы. Я шёл не оглядываясь. Книга моей судьбы продолжала перелистывать страницы... Что ж, я теперь дафэн. Звучит весьма почётно и в меру загадочно. Дафэн так дафэн. Тот, кто возвращается... И куда, спрашивается? Да и зачем?.. Внутренний монолог успокаивал, отвлекая от грустных мыслей.

– Так ты, оказывается, дафэн? – тараторил окончательно разошедшийся Враххильдорст. – Здорово! Поздравляю! Когда будем праздновать новый статус? С тебя ящик лимонада, как с виновника торжества.

– Ты ничего не перепутал? По идее не я, а ты должен мне этот мифический ящик так горячо любимого тобой лимонада. А по мне так лучше бы ящик пива!.. Кстати, можешь и на столе станцевать, благо ты у нас миниатюрный. Гулять так гулять!!!

– Только если вместе с Зорром... – хихикнул дофрест. – Короче. Один не буду. Ящик лимонада, да хоть и пива, – отдай, на столе – станцуй! За кого ты меня принимаешь?!

– За болтливого почтового сизаря, – фыркнул я. – Грозился меня куда-то в гости отвести, а теперь едешь на моем плече, и ножки свесил.

– О, па-ачтеннейший дафэн, гроза всех дофрестов! – патетично взвыл Врахх, расправив мохнатые крылышки и воздев кверху ручки. – Помилуй мя и не сердись на своего верного слугу!

– Сейчас как обижусь и не буду кормить обедом ни тебя, ни твою "мя".

– Молчу, молчу, – приуныл он скорее демонстративно, нежели на самом деле. – А может быть, всё-таки, покормишь? Хотя бы своего верного дофреста... Я хороший!

– Посмотрю на твоё поведение, – я не выдержал и улыбнулся. – Не тащить же всю эту съедобную ерунду до конца пути. Нам с Зорром столько не съесть – треснем.

– А норна уже не видать, всего-то минут десять и идём, – задумчиво проговорил Горынович. – Как быстро...

Под нашими ногами внезапно содрогнулась почва, как будто исполинский зверь тряхнул шкурой, ставя дыбом тропинку и топорща растущую по краям травяную щетину. Ударив по барабанным перепонкам, запоздало накатила звуковая волна – странно шелестящая, с неприятным звуком, никогда прежде мною не слышимым и ни с чем не ассоциируемым. Толкнуло плотным воздухом. Заверещал свалившийся на землю Враххильдорст. Красивым прыжком ушёл в сторону Зорр. Я же не мог пошевелинуться, глядя на огромный клубящийся столб дыма, быстро выраставший примерно в том месте, где мы так мило отдохнули прошедшей ночью. Небо ответно полыхнуло, брызнув фейерверком. Там, где остался норн, сейчас бушевало багровое зарево. Посыпались на голову мелкие камни и обрывки травы. Больше не грохотало, лишь в потемневшем небе медленно расплывалось грязно серое облако. Всё кончилось, завершающе дохнув гарью и запахом палёной шерсти.

Подожёл Зорр, из ближайшей канавы выбрался на исковерканную тропинку Враххильдорст. Мы молча переглянулись и, не сговариваясь, рванули назад. Я даже не заметил, когда дофрест успел снова вскарабкаться мне на плечо. Навстречу плыла душная волна колеблющегося воздуха. Земля, как свежий асфальт, прилипала к подошвам. В голове крутилась только одна мысль – ЗА ЧТО?! Кто посмел?.. Что они такого сделали?.. А может, хотели убить вовсе и не их?..

В очередной раз повернув, мы наткнулись на понуро бредущего Иичену. Перья на хвосте у него обгорели и торчали обугленными остовами. Весь он был чёрный от сажи, которая сыпалась при каждом его шаркающем шаге. Увидев нас, он оживился и, тряхнув оставшимся оперением, направился в нашу сторону. Дойдя до меня, он ухватил зубами край моей рубашки и потянул по направлению к пожарищу, издавая при этом настойчивые умоляющие звуки. Но в этом не было необходимости – я и без не го уже слышал едва различимый жалобный зов: где-то совсем близко плакал ребёнок. Я рванулся во второй раз, оставив в зубах Иичену лоскут одежды, и выскочил на склон холма, на котором совсем ещё недавно стоял дом.

Это было по-настоящему жутко, куда там неповоротливым детским пугалкам! Чёрная земля, чёрные камни, тёмное пепельное небо, сыплющее сверху чёрными хлопьями нереального снега... И маленькая скорчившаяся фигурка, чёрным жучком ползающая среди остывающего пожарища – ровного траурного круга, как бы очерченного гигантским циркулем. От дома не осталось ничего, будто сверху ударили двадцатиметровым молотом, стерев всё и вся в порошок, в прах, в небыль – в чёрную-пречёрную пыль... Я с трудом узнал Фастгул'ха. Мальчик больше не мог ни плакать, ни разговаривать, лишь постанывал и всё копался, копался обожжёнными руками в странном шуршащем пепле. Я позвал его по имени, но он не расслышал, в своём безумном одиночестве упорно не бросая единственно возможное, хоть теперь и безнадежное занятие. Я позвал снова – безрезультатно. Тогда я подошёл к нему, сел рядом и стал помогать. Только тут он заметил меня и страшно закричал, упав мне на руки хрипящим невесомым тельцем. Я прижал его к себе и понёс куда-то прочь... прочь, прочь,

ничего не слыша и не разбирая дороги, пока запах гари и смерти не сменился прохладной тенью камней.

Я что-то говорил ему – не знаю, не помню что – на короткие мгновения тоже заражаясь его безумием, утопая и снова выныривая на поверхность, где светило безразличное ко всему солнце, жили травы и птицы, дул ветер и где-то поблизости журчал ручей...

Мальчик постепенно успокоился, впад то ли в сон-забытие, то ли, наконец, потерял сознание, отпуская свою душу в спасительный край видений. Я уложил его под каменным столбом и засуетился, осторожно срезая обгоревшие лохмотья, промывая и смазывая ожоги чудодейственным снадобьем, которое его мама положила нам в дорожные сумки, сумев даже теперь позаботиться о своем старшем "аре", а впрочем, и обо мне тоже, потому что волдыри на моих руках тут же перестали болеть. Эх, если бы и малыша удалось так же просто вылечить!.. Но, кажется, в его случае мази было недостаточно.

Подожёл Зорр. Опустился рядом с нами, вздохнул, глянул на ребенка, заскрипел зубами, враз сбрасывая оцепенение. Вытряхнул содержимое своего заплечного мешка и стал рвать одну из рубашек на длинные полосы. Плеснул из фляги воды, обмыл лицо, руки и колени Фастгул'ха, умело обходя смазанные участки. Через пять минут тот лежал переодетый и аккуратно перевязанный. Над ним, растопырив остатки крыльев, возвышался Иичену, старательно закрывая его от утреннего солнца. Тут же пристроился Враххильдорст, сосредоточенно что-то бормотавший и делавший незамысловатые пассы над детским лицом, по-своему стараясь помочь мальчику...

Стоп. А что же я-то медлю – у меня ведь есть печать?!

Я шикнул на дофреста, глянул на мрачного Зорра. Тот тут же отодвинулся в сторону, прихватив с собой Враххильдорста и поманив Иичену. Оглядев замерших друзей, я приступил к действию. Для начала попытался успокоиться и сосредоточиться. Вроде бы получилось. Главное – не растерять решимость. В душе росло чувство щемящей грусти и невосполнимой потери, вытесняя ярость и жажду мести. Как бы лечила малыша его собственная мать? Я переложил голову Фастгул'ха к себе на колени и достал печать. Что дальше? Что?!.. Убрал прилипшую прядку волос с его лба, смочил водой потрескавшиеся губы... Чего же я жду? Что ищу в беспомощном и бессознательном личике ребенка? А вдруг печать убьёт маленького вулфа? Он ведь не здоровяк Ар тем, которому всё нипочём. Тоже мне, мерило истины...

Печать к концу моего внутреннего монолога изрядно потяжелела. Я предельно осторожно положил её на солнечное сплетение, туда, где заканчивались детские рёбра, вздымаемые прерывистым дыханием. Мальчик, кажется, что-то сказал... Или мне послышалось? Вот опять. Опять слегка вздрогнули губы. Майвха?.. Беги!.. Что? Я наклонился поближе, чуть сильнее надавив печатью. Что? Почему так жарко? И пот застилает глаза. Опять боюсь или волнуюсь?.. Мама? Где ты? Что ты сказал, малыш? Спи. Спи, родной... Сейчас очень рано... Да? Праздник давно кончился... Спи... Какой у мамы ласковый голос. Слушал бы и слушал... Спи, гости уже в пути. Не догнать... Спи, мой любимый ар... Мама! Где ты? Куда ты пропала?... Отстань, Иичену! Я же ещё не проснулся! Куда ты меня потащил?! Дай хоть тапчунки одену... Мама! Я сейчас! Этот смешной иич куда-то меня зовёт... Я быстро. Можно?.. Ух ты! Ты умеешь летать?! Вот, молодец!!! Полетели вон на тот пригорок! Давай!!! Мама разрешила-а-а... А-а-а... Что?! Это?! Такое?! Великая Ишк'йатта, какая жара! Держи меня, иич! Не роня-я-йий!!! Кажется, я упал в костер и тело мое обугливается... Всё-ё-ооо! Больше не-е мо-гу-у!!! Как больно... Нечем дышать. Нечем глядеть. Глаза, кожа, волосы – испепелились в текучем раскалённом пекле... Смерть, милосердная смерть, где ты? Приди... Умоляю...

И смерть пришла, даруя жизнь беспощадным потоком ледяной воды, который выплеснулся мне прямо в лицо. Я задыхался, не желая спасения, отбиваясь руками и ногами, но горло моё порождало уже не надрывный хрип, а обрывки более или менее связной речи. Кажется, я матерно ругался. На мне верхом сидел Горынович, всей своей тяжестью пытаюсь распластать по тропинке и крича прямо в моей голове: "Василий!!! Очнись!!!" Вокруг скакал Иичену, четырьмя своими страусиными ногами явно намереваясь обуздать мои взбесившиеся

конечности, но пока по ним не попадая. На моём лбу обустроился Враххильдорст, который верещал и дупил меня ручками по щекам.

– Прекратить!!! – завопил я, чувствуя себя буйно помешанным, на которого санитары необоснованно надевают смирительную рубашку. – ХВАТИТ!!!!

Как ни странно, они действительно тут же прекратили, лишь иич всё-таки наступил мне на ногу.

– Слезь с меня! – рывкнул я на дофреста. – Слышишь, Зорр! Тебя это тоже касается! Да здесь я, здесь. Уже вернулся!

Враз навалилась усталость. Постепенно восстанавливался ход событий: каким-то образом я теперь совершенно точно знал, что произошло утром на поляне. Знал, будто прожил весь этот ужас сам. Великая Ишк'йятта! Конечно же, сам!..

– Как он?! – я резко сел, стряхнув с себя Горыновича. Тот грохнулся рядом.

– Спит, – недовольно проворчал он, потирая ушибленный локоть. – Ни ожогов, ни царапин – как новенький! Только в себя не пришёл.

Я облегчённо вздохнул и отыскал взглядом лежащее тело.

Фастгул'х спал или был очень близок к состоянию глубокого сна. Ожоги, как и требовалось, исчезли без следа, щеки порозовели, дыхание выровнялось.

Я подошёл и присел рядом, взяв его за руку, позвал, – что-то было не так! – забеспокоился, позвал снова.

– Бесполезно, – вздохнул Горынович. – Я уже обращался к нему и вслух, и мысленно – полная пустота!

– Фастх, – в это не хотелось верить, и я легонько сжал его пальцы. – Слышишь нас, ар?..

– Да хоть как его зови – не отзовётся! – начиная раздражаться, прервал меня Зорр. – Тело – вот оно, целёхонькое, а душа... душа блуждает неизвестно где.

– Но ведь печать должна была вернуть её обратно?!

– Должна, да не обязана! Да не смотри на меня гаяк!!! Ну, не знаю я, почему не вышло до конца. Может быть, Фастгул'х слишком мал, а потрясение несоизмеримо велико. Может, он сам не хочет возвращаться, желая только одного – находиться со своими близкими, даже если они теперь далеко – уж, дальше не бывает! Может, просто оглушило, и он потерялся между бредом и явью... Но одно по-настоящему плохо – чем дольше он скитается, тем меньше у него шансов найти дорогу назад.

– Сколько у нас времени? – ощущение неотвратимой беды подползло ближе. – Времени, говорю, сколько?!

– Не кричи, – поморщился Зорр. – Не знаю я, сколько времени выдержит юный вулф. У каждого по-разному, а тут ведь ребёнок, хоть и вар-рахал.

– Ясно. Ничего, прорвёмся. Погибает тот, кто одинок. Значит, надо каким-то образом дать ему понять, что он не один, что мы ждём его. Семью ему, конечно же, никто не заменит... Но я всё равно попробую вернуть его! А там, глядишь, и сама Ишк'йятта на помощь придет.

– Да уж, если только сама Ишк'йятта, – с сомнением в голосе проговорил Зорр и еле слышно добавил: – Что-то опоздала она утром...

Мы молча собрались и снова двинулись в путь, сосредоточенно и упорно, методично и непреклонно, сжав зубы и не оглядываясь назад. Впрочем, позади нас не осталось ничего, к чему следовало бы возвращаться и уж тем более ничего, на что следовало бы оглядываться. А впереди... впереди была только надежда.

2

Уже давно тропинка под нашими ногами превратилась в узкий, не внушающий Доверия карниз, тянувшийся серпантинном вдоль заиндевелой стены, одним своим краем уходившей в снежную высоту, а другим – обрывавшейся в пропасть. Странно было думать, что всего три часа назад земля представляла собой единый зелёный ковёр со всякими травами-муравами и с армией шустрых насекомых.

Я шёл и думал о том, что очень люблю тепло, море и всеобщее цветение без разницы чего. Не к месту вспомнился морской берег, волны и смеющиеся дэльфайсы. Может, и зимой есть свои незабываемые моменты, но когда они случаются на обледенелой дороге да на высоте около двух километров!..

– Да нет тут двух километров, – вдруг тихо сказал мне на ухо Враххильдорст. – От силы, полтора.

– А ты не подслушивай! Мне и полутора десятков метров хватит.

– Да падал ты уже, даже с пятого этажа. Забыл что ли? А я, кстати, помню – летели-то вместе. И не подслушиваю я: сам думай-страдай потише!

– Вместе-то вместе, но теперь внизу нас больше никто не ждёт – нет там никаких спятивших картошек, обуреваемых жаждой благодарности. И не страдаю я! Так, лишь слегка замечтался. Ты как всегда прав, было бы из-за чего, – я заглянул в пропасть, дно которой скрывалось в голубой дымке. При этом случайно столкнулся камешек, покотившийся вниз. Звук падения я так и не услышал. С трудом оторвавшись от призывной глубины, сосредоточился на мерно покачивавшемся хвосте идущего впереди Иичену. К его спине было приторочено самодельное ложе из веток и тряпок, на которое мы уложили Фастгул'ха после того, как поняли, что не сможем постоянно нести его на руках, даже по очереди. В данный момент рядом с мальчиком шёл Зорр, следя, чтобы тот не сползал набок.

Маленький вульф так и не очнулся, более того, с каждым часом ему становилось всё хуже. Его вялое, безучастное тело напоминало бы куклу, если бы не слабое, едва заметное дыхание, слетавшее с губ.

– Нет! Надо что-то делать! – неожиданно сказал Горынович. – Он не дотянет до Ушранша!

– Может, снова... печатью? – сам себе не веря, предложил я.

– Только если мы захотим окончательно отпустить его на волю. Думаю, рановато... Нет!!!

– Нет-нет! – одновременно с ним возразил дофрест.

Иичену лишь подозрительно покосился на нас, но высказываться не стал. Его мнение и так было предельно ясно.

– Понятно. Все против, – прокомментировал я. – А больше-то советоваться не с кем.

– А почему меня никто не спрашивает? И что у вас такое происходит, разрешите поинтересоваться? – вдруг произнёс кто-то над нами.

3

Существо, прыгнувшее сверху и перегородившее нам тропинку, напоминало виденного мною ранее геркатта, только ослепительно белого, перетекающе искрящегося, прямо-таки слепленного из чистого горного снега. Его голубые глаза, подстать безоблачному небу над нашей головой, смотрели так же холодно и безмятежно. Лишь через зрачок проглядывало сдержанное любопытство.

Охрипшим петухом прокричал попятившийся Иичену, забывший булькать и щёлкать пастью. Упёрся в меня, заскрёб по скользкой тропинке всеми четырьмя разъезжающимися ногами и замер, впад в шоковое оцепенение. Спасибо, что хоть в пропасть со страху не прыгнул.

Я снял мальчика с его спины и отступил со своей драгоценной ношей к стене, прижавшись к ней спиной. Горынович, как сапёр, разминировавший старую бомбу, предельно осторожно приблизился к иичу и надел тому на шею шнурок с резным когтем, принадлежавшим раньше Ялле. Коготь на секунду вспыхнул – Иичену тут же обмяк и осел прямо на тропинку, безучастно глядя вокруг пустым взглядом. Вот это да! А коготь-то, оказывается, волшебный. Хотя, кто бы сомневался?!

– Ты всегда был любителем дешёвых спецэффектов, – проворчал Зорр. – Здравствуй, катт Заамн Яам. Мог бы и раньше спуститься: видишь же, что у нас небольшие сложности.

– Ты всегда был склонен преувеличивать, Зорр Горынович, – небрежно отмахнулся катт. – Сложности? Хм-йямм. Этот перетрусивший жирный иич? Или спящий заморыш-щенок?

– У вас какой-то уж больно гастрономический подход к делу, – не выдержал я, попадая под прицел голубых глаз.

– Хмм-яу. А мы знакомы? Что-то я тебя не припомню, молодой че-ло-век. Зорр, это кто? Никогда бы не подумал, что ты будешь связываться с нелюбимыми тобой Иванами...

– Меня зовут не Иван, а Василий! Дафэн Василий, – сообщил я, опережая с ответом Горыновича. – А мальчик и Иичену – наши друзья! Тебя же я точно не знаю.

Я невольно перешёл на фамильярности, вдруг рассердившись на этого самоуверенного холёного кота, свалившегося нам на головы неизвестно откуда. Мало ли, что это его территория – с путниками так не разговаривают!

– Да-фэн... Вас-си-лий?! – почти улыбнулся он, топорща усы в мою сторону.

– А ты зря смеешься, – спокойно прервал его Зорр. – Не время, да и не место.

– Мы, снежные катты, сами решаем, когда и где нам время и место! А ты хоть и хийс, но горы не в твоей власти! – зашипел катт. Горынович сердито прищурился, чуть приподняв бровь на слове "хийс".

– Твоя правда, Заамн. Горы не принадлежат никому, и вы здесь такие же жильцы, как и бараны, скачущие по кручам! – он явно насмеялся над оборотнем. Катт возмущённо зафыркал, сверкая на солнце вздыбленной шкурой.

– Заамн Яам, тебя ждут дома, – раздался вдруг рядом тихий, но необыкновенно сильный голос, повергший нашего собеседника во внезапное состояние скуки. – Прошу меня простить, мой нерадивый сын не соизволил поставить нас в известность, что по тропе идут столь значительные путники.

Прямо из снежного склона нам навстречу шагнул крепкий жилистый мужчина, закутанный в белоснежную пушистую накидку, скрывавшую его до края высоких, чуть выше колен, таких же белых сапог, сшитых из мягкой замши. Непокрытую седую голову украшал тонкий серебристый обруч. В отличие от вулфов у незнакомца была борода, занимавшая почти пол-лица, – она доходила до высоких скул и заострённых ушей – такая же белая, как и его одежда.

– Рад встрече, каттиус Иллас Клааэн, – с видимым облегчением вздохнул Горынович. – Я надеялся увидеть вас чуть раньше, но лучше поздно, чем очень поздно!

– Мы не ждали гостей, – возразил тот, бесшумно приближаясь к нашей компании. Он всё более внимательно приглядывался к спавшему на моих руках вулфу. – Да-а. Теперь понятно, почему вы шли, а не летели...

– А мы могли лететь? – спросил я.

Каттиус, как назвал его Зорр, поднял на меня такие же, как у сына пронзительно-голубые глаза, улыбнулся и сказал:

– Имея три пары крыльев и семь голов на плечах, шестнадцать ног, четыре хвоста, четыре руки и четыре мужских достоинства... можно очень и очень многое.

– А я разве не мужчина? – восторженно воскликнул Враххильдорст.

– Ну что вы, почтенный дофрест! Я исключил из виду не вас, а этот увесистый аппетитный кусок, почему-то добровольно идущий вместе с вами, – Иллас Клааэн кивнул в сторону Иичену, бестолковой кучей перьев сидевшего рядом. – Я хотел сказать, что ваше сообщество имело разные варианты перемещения, но, как я убедился, маленький вулф действительно очень болен и нуждается в бережной заботе и срочном лечении.

– Мы пытались, но нам удалось восстановить только его тело, а душа... Душа так и не вернулась. Более того, если ему не помочь как можно быстрее, то скоро будет совсем поздно, – говоря, я чувствовал, как ненадёжно бьётся в детской груди маленькое сердце. – К тому же я думаю, что потом у нас будет ещё масса времени, чтобы пересчитать крылья, лапы, уши и мужские достоинства хоть всех вар-рахалов, живущих в этих горах.

Катт посерьёзней и посмотрел на меня гораздо внимательнее.

– С кем имею честь беседовать? Спутник великого хийса и почтенного дофреста заслуживает не меньшего интереса и уважения.

– Со вчерашней ночи мне присвоили звание дафэна, хоть я и не очень понимаю, что это значит. А сейчас уже и спросить не у кого, потому что гостеприимного норна больше не существует, – я глянул на спавшего мальчика, тяжело вздохнул и прижал его к себе поплотнее. – Зовут меня Василий. А малыш нам достался, так сказать, в наследство – после одной весьма гадкой истории.

Иллас Клааэн задумчиво и чуть отрешённо замер рядом, больше смотря, чем слушая, причём его якобы рассеянный взгляд ощущался физически – неприятно и давяще. Прошла минута – катт встрепенулся и, подхватив меня под локоть, уверенно повлёк прямо к заснеженной глухой стене. Сзади спешил Горынович, пинком подгоняя еле плетущегося, ничего не осознающего Иичену. Мы стремительно преодолели несколько шагов. Я повернулся плечом, чтобы не врезаться в стену своей драгоценной ношей. Сердце ёкнуло, но удара не последовало: мы продолжали двигаться так же целеустремленно, как и раньше, перемещаясь в чем-то белом, напоминавшем густой снегопад, но состоявший не из снега, а из блестящих искорок. Ещё десяток шагов – и мы выскочили в столь же сверкающее пространство, только не завихряющееся, а статичное, полировано-мраморное.

– Положи маленького вар-рахала вот сюда! – позвал меня Иллас Клааэн, указав рукой на возвышение в глубине комнаты, а это была именно комната, только без окон и дверей, подсвеченная неярким сиянием, исходившим прямо от стен.

Я опустил Фастгул'ха на импровизированное ложе, покрытое белым меховым одеялом, и уселся рядом с ним.

– А где Зорр и Иичену? – я неожиданно обнаружил их отсутствие. – В пурге заплутали?

– Они в соседней комнате. Там же и почтенный дофрест, – улыбнулся катт. – Что, не заметил, как исчез твой маленький спутник?

Я лишь молча кивнул, вдруг поверив, что с моими друзьями абсолютно ничего не случится.

– Вот-вот, и даже иича мы не собираемся есть – будем считать, что он малость переросший, а это невкусно. Если же ты хочешь их увидеть, то нет ничего проще.

Он подошёл к ближайшей стене и слегка прищёлкнул по ней пальцами. Та тут же замельтешила и растаяла, явив моему любопытному взору нахохлившегося Иичену, сидевшего посреди соседней, такой же небольшой комнаты. Около него удобно устроился Горынович вместе с Враххильдорстом, что-то уже активно жевавшим и при этом ещё и болтавшим. Увидев меня, дофрест радостно помахал мне ручкой, то ли приглашая присоединиться, то ли наоборот – отправляя куда подальше.

За моей спиной тактично кашлянул Иллас Клааэн. Я обернулся – он опять стоял около ложа и улыбался. Я посмотрел назад – белоснежная стена пребывала на прежнем месте, крепкая и незыблемая.

– Что за наваждение? – поинтересовался я. Подошёл и по примеру катта тоже прищёлкнул по мраморной поверхности: стена тотчас же покорно замелькала и рассыпалась призрачным снегопадом.

Перед нами во второй раз предстало идиллическое зрелище совместной трапезы. Сцена вторая: те же и новое действующее лицо – откуда-то появилась невысокая девушка с такими же как у каттиуса голубыми раскосыми глазами и с заострёнными кверху ушами, торчавшими из-под коротко стриженных серебристых волос. На вид ей было, пожалуй, не больше двадцати. Впрочем, встретившись с ней взглядом, я опустил частицу "не" – слишком много неопределенности таилось в её облике, во взгляде, в движениях, будто она знала о себе что-то важное, значительное и умалчивала об этом, причём это что-то её даже слегка забавляло. Девушка мельком глянула на меня, улыбнулась, будто подтверждая мои мысли, и поставила перед Враххильдорстом поднос, тесно уставленный многочисленными пиалами. Казалось, что дофрест сейчас забулькает как Иичену, таким восхищением озарилось его лицо. Восхищением и нетерпением. Раздался-таки соответствующий звук – он, наконец, приложился к ближайшей ёмкости.

– Василий, у тебя очень мало времени, – тихо проговорил Зорр.

– У меня?

– Да. Ты теперь дафэн, – ответил за Зорра Иллас Клааэн, сидевший рядом со спящим мальчиком. Он вздохнул и взял юного вулфа за руку: – Ты сам принял на себя эту ношу.

В сторону Зорра, наверное, можно было и не оборачиваться: стена, конечно же, опять стояла на положенном месте.

– Дафэн!.. Это ж надо было придумать, – пробормотал я, усаживаясь с другой стороны мехового ложа. – Ладно. Хорошо. Я уже понял, что именно мне нужно будет что-то сделать. Готов! Поехали?

– Во-первых, не тебе, а нам: я отправляюсь вместе с тобой. А во-вторых, почему "поехали"? – удивлённо приподнял белоснежные брови Иллас Клааэн.

– Так уж, к слову пришлось. Был у нас, у людей, один народный герой, который, собираясь лететь в полную неизвестность, лихо скомандовал "вперёд" именно таким образом. Мы же, как я понимаю, куда-то отправляемся?

– Что ж, ты правильно понимаешь.

– Вы можете помочь Фастгул'ху? – спросил я его, пытаясь приглушить в голосе разгоравшуюся надежду.

– Да, и мне нужна твоя помощь. Вместе мы попробуем отыскать душу заблудившегося и вернуть её обратно в тело. Воспользуемся самым простым и действенным способом – сном. Это лучше и безопасней, чем идти путём бреда и фантазий. Где-то там затерялся маленький вулф, и нам, как и ему, придётся ненадолго расстаться со своими громоздкими телами.

– А почему не Зорр и не Враххильдорст?

– Но ведь ты и сам уже знаешь "почему"? Так ведь? Надо же, ты бы ещё сказал – "почему не Иичену?".

– А что, в роли спасателя он показал себя очень даже неплохо. Представляете – "Великий Иичену разыскивает своего маленького хозяина"? Чем не скандальнейшая сенсация?

Капу оставалось лишь пожать плечами.

– По-моему, мы совершенно готовы в дорогу. Твоё настроение куда более уместно, нежели напряжённая чистка мечей, поскольку никаких боёв не ожидается вовсе, а вот лёгкость и непринужденность, с которой наши тела подхватит и унесёт белый призрачный ветер – это как раз то, без чего обойтись совершенно невозможно.

– Никогда не катался на ветре, – улыбнулся я. – Тем более, на бело-призрачном.

– А на дорогах видений и сновидений и не бывает никаких других ветров. Садись ко мне поближе, не стесняйся и устраивайся поудобнее – нам предстоит немного поспать, так что обеспечить своему любимому телу максимально комфортное положение – вдруг наше путешествие затянется надолго!

– Страсти какие, – уважительно согласился я, пересев поближе и принимая наиболее удобную позу. В голове назойливо крутилась одна и та же фраза. Зная только один способ освободиться от наваждений, я вздохнул, закрыл глаза и назидательно изрёк её вслух: – Эй вы, боящиеся трудностей по дороге в никуда, – не бойтесь! Он такой лёгкий, этот путь, что его можно пройти во сне!

– Откуда ты знаешь наше древнее напутствие для юных каттов, впервые идущих через туман мечтаний? – ошеломленно спросил Иллас Клааэн.

– Да я и не знал, что это ваше древнее напутствие, так – нечаянно вырвалось... А что, я сделал что-то не то?

– Наоборот. Всё то, и даже слишком. Теперь нам обязательно повезёт, ведь ты громогласно пожелал нам удачи, а сказанное вслух имеет обыкновение сбываться – рано или поздно.

– Так или иначе, – подхватил я. – Конечно, так и будет! Только мне одно непонятно – как же мы будем искать Фастгул'ха? Мы заснём и каким-то образом увидим сон про него? А дальше?

– Спать будешь лишь ты, а я буду видеть твой сон, и, конечно же, присутствовать в нём тоже буду. Мы начнём поиски, как только ты сможешь сфокусировать своё внимание на себе, –

его голос отдалялся, убаюкивал. Мои веки тяжелели, я зевнул. – Найдя своё спящее тело и осознав, что это ТЫ, попробуй пошевелиться... и сконцентрироваться... хотя бы на своих ладонях... Как только тебе удастся подчинить себе движение пальцев, встань и оглядись вокруг... Я обязательно буду рядом...

– Я узнаю вас?.. тебя?.. – мысли путались и растворялись в стущавшемся мелькании сверкающих искорок. Голос Иллас Клааэна доносился всё тише, звуча теперь как бы внутри меня. – Как... я... узнаю?..

– Узна-а-аешь, ау-у-умммм... ммьяу-у... Хочешь, сдела-а-аю вот так ручко-о-ой? – крутящийся вихрь свернулся в подобие руки, помахавшей прямо перед моими слипающимися глазами.

– Первый-первый, я седьмой, как слышите, приём-мм... – пролепетал я, окончательно сдаваясь на милость переливчатого мельтешения.

4

Заснеженный город был пустынным, по-зимнему спящим и безучастным. Шёл снег, вываливаясь из низких туч не порхающими ажурными снежинками, а уже готовыми слеplенными комочками. Наверное, улица давно была бы погребена, завалена до крыш, если бы снежный обвал тут же не превращался в мокрую кашу, тающую и утекающую грязной водой в щели люков. Быстро темнело, только свет тусклого фонаря – одинокого свидетеля на безлюдном перекрестке – выхватывал из перспективы смазанные линии... Никого. Нет, впрочем, кого-то, всё-таки, угораздило влипнуть в подёрнутую тающим снегом скамейку, невесть зачем пристроившуюся у помойки. Какой-то сумасшедший прохожий задремал прямо на улице, видимо совсем недавно, так как его пальто ещё не успело превратиться в импровизированную подставку для сугробов. Когда-то давно и у меня было подобное пальто, которым я страшно гордился. Как у этого... Эй, очнитесь! Мужчина, вам плохо? Я потряс его за плечо. Снег повалил сильнее, некстати попадая за шиворот и будя меня окончательно. Почему будя? Разве я спал? И не трясите меня... Да вы что, право слово, совсем спятили?! Чего пристали-то?.. Я с трудом разлепил глаза и брезгливо огляделся. Не люблю мокрого снега.

Вокруг никого не было. Лишь неподалёку в пахучей сырости мусорного бака лениво копался здоровенный белый кот явно домашнего образца. Неторопливо выудив из помойки скомканный разбухший кусок бумаги, он ловко развернул его, извлёк оттуда потемневшую шкурку от копчёной колбасы и принялся жевать – скорее из принципа, нежели чем из-за настоящего голода. При этом кошка пристально наблюдал за мной пронзительно голубыми, прямо-таки рекламными глазищами.

– Жри себе, чего пялишься! – хрипло сказал я, успев вздрогнуть от резкого несоответствия собственного просевшего голоса и опадающей снежной тишины, которая жадно впитала в себя произнесённую фразу, всю до последней буквы и живой вибрации звука.

– А ты сам не жрёшь, так и другим не мешай, – проворчал в ответ кот.

Я вздрогнул вторично. Так, приехали... Это я в институте, что ли успел упиться? До самых чёртиков, то есть, котиков? Надо же, не помню даже, по какому поводу и пили. Говорящие коты – это слишком! И вообще, где я?.. Голова трещала нещадно. Пить что ли бросить? Хотя бы ради жизненного разнообразия!

Кот дождался, лаконично икнул, прикрывшись лапой, и, запрыгнув ко мне на скамейку, устроился рядом.

Мы помолчали. Очень хотелось с кем-нибудь поговорить.

Куда бы пойти погреться? Увы, податься было некуда и не к кому. К матери? Ни за что! – вопрос принципиальный. В общагу – поздновато, разве только что по стене лезть, перепрыгивая с балкона на балкон. По друзьям? За последние две недели я перебивал почти у всех своих знакомых. По новому кругу, может, начать? Кто там был первым-то? Надо вспомнить...

Фонарь над нашими головами замигал и, окрасившись напоследок в красное, погас окончательно.

– Жуть-то какая, – произнёс я, удручённо всматриваясь в снежную завесу.

– Ну уж, скажешь тоже, – миролюбиво возразило белеющее в темноте кошачье привидение, до сих пор сидевшее рядом. Я закрутил головой в поисках говорившего. В то, что это вещает всё-таки кот, верить почему-то не хотелось. Голос не умолкал: – Ох, какой ты право впечатлительный. Только не падай в обморок, юноша! И тем более не вздумай просыпаться. Ясно?

– А я сплю?.. О, боже, я же ведь сплю! – я ошарашенно уставился на кота. Говорил-то, кстати, действительно он. Кот, кот, белый кот... Почему-то именно сочетание белого цвета и голубоглазой кошачьей морды затрагивало во мне что-то глубинно-подсознательное. Что?! Кот, снег, мельтешение падающих то ли снежинок, то ли сверкающих огоньков – это уже где-то было. Где и когда? Как мучительно складывалась мозаика бытия: выпуклость во впуклость, выступ в выемку, снежок, брошенный в открытую форточку... Я Василий, я сплю... Нет, не то! Кот, белый кот, говорящий кот. Дружище-кот, от присутствия которого делается чуточку спокойнее. Ну да, он же обещал быть со мною рядом... Когда это, интересно, он мог мне что-либо обещать? Стоп. Вспомнил. Не кот, а... катт! Ну, конечно же, катт!!! Хорошо, уже гораздо лучше, я сплю и вижу сон про себя и катта. Отлично! Один ноль в нашу пользу. Осознание происходящего немедленно и результативно вернуло мне меня самого, любимого и единственного... Мало. Этого мало. Дальше... Руки. Кажется, что-то говорилось о руках. Надо сфокусироваться на своих руках. Где они там, мои незабвенные? Это оказалось очень трудно – даже пальцы на них не слушались, живя своей отдельной, независимой жизнью. Спали они тоже, что ли? Эй, засони, подъём! Ещё труднее было сосредоточиться. Как во всяком сне, не хватало сил для того, чтобы долго думать о чём-то одном, следуя единственному намерению, а не многим. Мои мысли были мимолетны и несущественны, как сухие листья, ещё державшиеся за ветку, но готовые вот-вот унести ветром. Ветер, призрачный белый ветер... Почему белый? Мне кто-то уже говорил не что подобное. Где же я это слышал? Мне удалось-таки оторвать от мокрых коленей непомерно громоздкие руки и поднести к лицу – наклонить голову я был не в состоянии. Немного полюбовался на растопыренные пальцы, даже пошевелил ими для пущей наглядности – отлично! С каждым движением, сознательно контролируемым, я всё более становился собой – живым и уверенным в себе.

– Отлично. Более чем. Даже быстрее, чем я рассчитывал, – одобрительно похвалил меня мой странный собеседник. Он значительно увеличился в размерах и напоминал теперь длиннохвостую рысь, еле-еле помещавшуюся рядом со мной на скамейке. – И прекрати, пожалуйста, этот несносный снег – надоело! В конце концов, это же твой сон, а не мо...

– Иллас Клааэн! Вот ты кто! Вспомнил! – я так обрадовался, что чуть не полез к нему обниматься. – А что мы здесь делаем?

Кот лишь преувеличенно закатил глаза, мол, первый раз, что поделаешь. Вдохнул и ничего не сказал.

– Снег? А при чем тут снег? – я покрутил головой, по-новому ощущая слякотность наступавшей ночи, стопудовое пальто и ботинки, продолжавшие впитывать бесконечный поток обжигающе холодной воды.

– Василий, ты постоянно проваливаешься куда-то в свои бессмысленные студенческие сны-воспоминания. Мало того, что ты устроил нам вот это, – кот недовольно мотнул головой, стряхивая горку снега, выстроившуюся пирамидкой у него на макушке, – так ты, к тому же, и не желаешь вот "это" прекращать!

– Как?! Я же не умею управлять погодой, – тупо сказал я. Мысли путались и упорно не хотели выстраиваться в завершённую концепцию происходящего. Я, как маразматическая старушка, "здесь помнил, а здесь не помнил", безнадежно пытаюсь соединить воедино лица, факты и окружающую обстановку. Погода? Ну, причём здесь погода? В этом году вообще постоянно валит снег, что я-то могу поделать? Или же могу? Или не могу? Ощущение, что это было когда-то, раздражало. Хм, дежавю. Или навязчивое сновидение? Что-то подобное мне уже снилось, и не раз. Хорошо. Если это не сон, то за углом живёт знакомая девчонка – Светка-каретка. Зайдём, проверим? Да, каттище?

Кот молчаливо вышагивал рядом. Когда же мы успели встать и так далеко отойти от перекрестка? Ага. Вот оно, окно. И Светка в нём – рукой нам машет. Понятно?! Я победно глянул на хвостатого спутника. Видел?! Вот оно – окно! И Светка в нём – рукой машет... Стоп. А ну-ка, ещё раз. Окно. И Светка в нём...

– Не надоело? – участливо поинтересовался кот. Ответить я не успел. Рядом притормозило новенькое такси.

– Не надоело... по такому-то снегопаду бродить? – безмятежно поинтересовался водитель, выглядывая через медленно разъезжавшуюся щёлку окна. – Вам куда?

– Пешком дойду, – отмахнулся я, машинально нащупывая в кармане кошелек.

– Студент? Да садись! В такую погоду я и за просто так подброшу! Ежели, конечно, в центр... Анекдоты-то знаешь? – не унимался добродушный голос.

В башмаках предательски хлюпнуло. Вот напасть! Вдохнул, нагнулся, заглядывая внутрь – красота! – тепло, сухо, мягко, и дядька широко улыбается. Лицо хоть и заросло тактичной щетиной, но породистое, как это принято говорить – запоминающееся. А, точно! На профессора нашего похож, на заведующего библиотекой. Я цепко глянул, успел прочесть водительское удостоверение, закреплённое около бардачка. И имя не в пример заковыристое: Мариан Вяземундович Троепольский. Вот так водитель! С именем, достойным императора! А может, профессора философии?

Что, котище, примем предложение? По глазам вижу, что кататься любишь, даром, что катт. Запрыгивай! Я приоткрыл заднюю дверцу. Водитель присвистнул, но от комментариев воздержался – молодец, боевой мужик! Никакого заднего хода! А если бы я был с тигром?

– Вот это кот! Почти тигр! – восхищённо проговорил он. – Люблю кошек. Считаю, тебе повезло. С таким пассажиром точно бесплатно довезу.

Что ж, повезло так повезло. Мы блаженно устроились на предусмотрительно застеленном сиденье, почти хором мурлыкая от удовлетворения внезапно свалившейся на нас передышкой. Я торжественно хлопнул дверцей, едва ли не злобно отгораживаясь от промозглой сырости внешнего пространства, мгновенно превратившегося в телевизионное изображение на экранах машинных окон. Теперь мне снегопад даже нравился, как некая абстрактная категория, живописно динамичная и обособленная.

Незаметно машина тронулась с места, осторожно раздвигая колесами необъятную лужу.

– И откуда вы, такие колоритные? – жизнерадостно поинтересовался водитель, явно обращаясь к нам обоим. – Вы откуда и куда, дорогие господа? Из цирка сбежали или с выставки экзотических животных?

– За комплимент, конечно, спасибо, – вместо меня басовито пробубнил кот, так естественно, что впереди сидящий даже не оглянулся. – Делать нам нечего – тратиться на развлечения...

– Едем в институт на опыты, – тихонько подсказал я ему. – Жизнь, посвященная науке.

Кот возмущенно фыркнул и замолчал, якобы заинтересованно уставившись в окно, как будто там было хоть что-нибудь видно кроме снега и одинаковых мокрых стен, проплывавших мимо.

– Так куда путь-то держите? – чуть настойчивее повторил свой вопрос таксист, неуловимо напрягаясь затылком и сутулой спиной.

– Теперь уж и не знаю, – почти честно признался я, не в силах реагировать на так некстати проявляющуюся дотошность совершенно чужого человека. – Вот кот на меня свалился, можно сказать, прямо с неба...

– Подарили, что ли, или нашёл? – чуть миролюбивее усмехнулся водитель, впрочем, так же целеустремленно ожидая ответа.

– Можно сказать и "да", – согласился я неизвестно с чем. – Одно точно: я с ним теперь никогда не расстанусь!

Кот вздохнул и, отвернувшись от окна, пододвинулся ко мне поближе.

– И правильно. Ещё чего! – понимающе закивал обладатель такси и звучного имени.

Кстати, как там его? Мариан Вяземундович Троепольский! Ого!

– У вас такое имя необычное, – невпопад начал я. – В честь кого-то или... повезло?

– В честь, в честь! – будто ожидая вопрос, подхватил водитель. – Только не кого-то, а чего-то. Дерево есть такое – вяз. Оно у нас в семье очень почитается, и его название обязательно встречается в имени или фамилии. "Мариан" тоже заключает в себе это понятие, так как тотем Мариана – дерево вяз.

Было заметно, что говорить на эту тему он любил. До самозабвения. Прерывать его не хотелось, но я всё же спросил:

– А... Вяземский Троян Модестович вам случайно не родственник? Уж больно имя соответствующее.

– Может быть, может быть... – задумчиво согласился тот, вдруг почему-то увлекшись дорогой, хотя она ничем не отличалась от той, которая была минуту назад. – А это кто? – рассеянно добавил он, сворачивая с широкой улицы в какой-то грязный проулок.

– Профессор наш, – ответил я, опасливо взирая на его манипуляции. – А мы куда?

– А-а, профессор. Понятно. А я думал, что граф какой или император... Куда, куда... Так ближе к цели, то есть, к центру.

Его руки с нервными хватками пальцами ловко, прямо-таки артистически крутили руль. Поворот, ещё поворот. Тикающие дворники старательно протирали лобовое стекло, открывая нашему взору пугающе близкие углы домов, стремительно уворачивавшиеся от едущей машины. Поворот, тёмный пролёт летящей навстречу арки, кот, вцепившийся в обивку сиденья... В какое-то мгновение нас неумолимо качнуло вправо и вперёд, чуть приподнимая меня над сидением, на манер любопытно заглядывающего юного пассажира – мол, что там впереди?

Нет, всё-таки, наш Троян Модестович ему родственник. Правда-правда, есть нечто неуловимо схожее.

– Вы, извините меня, уж точно похожи на... – такси вильнуло, и я так и не изрёк своё обличающее откровение, развернувшись носом в сторону крошечной иконки, прикрепленной прямо за рулём, такой, какие водители любят помещать в своих машинах: божья мать с младенцем на руках – как говорится, спаси и сохрани.

Изображение было мелким, но, сохраняя каноны в целом, тем не менее, разительно отличалось от привычного. Взять хотя бы татуировки на руках и у мадонны, и у младенца... Надо же! Действительно, татуировки?!

– Нравится? – вкрадчивым голосом заслуженного экскурсовода поинтересовался Тро... Мариан Вяземундович, который потихоньку начинал у меня совмещаться с профессором. – Очень модный нынче художник. Мало того, что модный, так ещё и талантливый. Как же его? Вот память стала! Сейчас, сейчас. А-аа... Василь... Гоген, Папен, Допен... Дахен! Вспомнил – Дафэн! А впрочем, неважно. Наш, русский, даром что иммигрант. Куда-то уехал то ли путешествовать, то ли жить за границу... Смотри! А, какова?!

В его голосе сквозило столько гордости и скрытого понимания, будто это он сам нарисовал картину.

Я вытянул шею, всматриваясь в изображение: да, татуировки что надо, высший класс! Как у дриальдадьдинны... О чём это я? Причём же здесь дриады? А ведь точно, нарисована-то самая настоящая дриада. Эх, мелко да и темно, лица не разобрать – лампу бы поярче!.. Машина притормозила около большого магазина с горящими витринами. На минуту в салоне такси стало светлее.

Странная картина, обезоруживающая: художник в стремлении сделать мадонну как можно живее и одновременно загадочнее зашёл так далеко, что, так сказать, вернулся с другой стороны, придав всей её фигуре, лицу, чуть неловкому поддерживающему жесту столько нечеловеческой мудрости и красоты, что было решительно непонятно, как мир не рухнул, явив всем существо столь прекрасное и совершенное, полностью перечеркивающее весь смысл какого-то поиска абстрактной истины. Вот же он, миг откровения, пойманный и запертый в крошечном кусочке бумаги, доступный каждому и недоступный никому.

Я вздохнул. Диллинь, любовь моя... Мне не нужно больше мучительно вглядываться в случайное и такое неслучайное изображение. Зачем мне нарисованное лицо, если я и так уже знаю, что это ты. Ты, и больше никто.

Не в силах смотреть на портрет, я выглянул из окна машины.

Два десятка телевизоров на витрине магазина синхронно изливались безмолвно журчащими ручьями, танцевали качающимися ветками деревьев и разлетались птицами: шёл рекламный ролик о природе – спасём экологию и всё такое прочее... Лес. Маленький мальчик, играющий со щенком на берегу. Почему мне стало так тревожно и неловко, будто эта сцена незатейливого счастья была ложью? Что-то отчаянно рвалось наружу, стучась вдруг ускорившимся сердцем. Что-то... Что? Мальчик и щенок... Я сосредоточился на экранах, пытаюсь найти разгадку казалось бы в совершенно несущественном эпизоде. Мальчик и щенок. Чего-то не хватало в этом сюжете, чего-то очень важного. Секунда – и это что-то не заставило себя ждать.

На месте играющего ребёнка, на месте берега и немного качающегося леса вспухал, разрастаясь и набирая силу, завораживающий гриб гигантского взрыва – взрыва, который вернул мне память, а с нею и боль... Чёрное на чёрном. Медленно кружащиеся хлопья сгоревшего прошлого. Запах... Душный запах палёной шерсти, горячая земля под ногами, тонкий безумный вой... Тоскливая мольба о смерти.

Фастгул'х!!! Я здесь, чтобы вернуть Фастгул'ха!!! Я вспомнил тебя, малыш!

Мир вокруг меня вспыхнул и рассыпался миллионами сверкающих искр. Такси с обернувшимся ко мне таксистом, супермаркет и падающий снег медленно и неотвратно таяли, превращаясь в зыбкое ничто. Лишь сердитый белый кот никуда не исчезал, разворачивался ко мне, паря прямо в воздухе:

– Быстрее!!! – шипел он. – Останови... Не смей!.. Не просыпайся... Задержи...

Эти его слова уже не имели никакого значения, ибо я рассердился. Окончательно и бесповоротно. Какой бы это не был сон, – куда там вас побери?! – я здесь!!! И я отсюда никуда не уйду!!! Пока не найду Фастгул'ха!!! Стоять! Лицом к стене! Руки за голову! Всех убью-ю-ю!!! Всё вернуть, как было! БЫСТРО!!! Это МОЙ сон!!! МО-О-ОЙ!..

Я ещё что-то орал, размахивая руками. Кот шипел и топорщил загривок, под конец разразившись таким премерзким воем, что будь у меня шерсть, она тоже встала бы дыбом. Впрочем, волосы на голове шевелились образцово показательно. Я залихватски подхватил его клич и, не глядя, куда-то саданул ногою. Вот вам! И не проснись, не ждите! Гулянка только начинается. Разойдись рука, размахнись нога! Петь будем, плясать будем, а смерть придет – помирять будем!

– Зачем же так вопить? – укоризненно поинтересовался таксист, теперь уж точно до невозможности похожий на Трояна Модестовича. Вокруг всё прилежно вернулось на свои места: и такси, и магазин, и город с надоевшим снегопадом. – Приехал – так и скажи. Вот тебе дверь – и счастливого пути!

– Спасибо, Троян Модестович, – прошептал я в ответ. – Я знал, что вы обязательно нам поможете.

– Юноша, вы опять, как, впрочем, и всегда, что-то перепутали, – иронично и чуть утомлённо улыбнулся водитель. – Не Троян Модестович, а Мариан Вяземундович. Ладно, никто с первого раза запомнить не может. Иди, иди, а куда с таким котом податься – сердце подскажет. И вообще, внимательнее надо быть, молодой человек, вни-ма-тель-ней! – вдруг заворчал он, всем своим видом показывая, что разговор давно окончен. – *Macte animo, generose puer, sic itur ad astra**... – неожиданно донеслось уже из отъезжающей машины.

– Опять? Как и всегда?.. О, чёрт, вы говорите на латыни?! Так это, на самом деле, вы!.. – замороженно проговорил я ему вслед.

В ответ машина газанула и резко повернула за угол, окатив нас шлейфом брызг.

* – не падай духом, благородный юноша, так идут к звёздам (славе).

– Ладно, хватит! – сказал я снегопаду, счастливо улыбаясь вслед уехавшему профессору. Снег тут же перестал, как будто нажали невидимый выключатель – вот это да! Ах, вот как это бывает?! Высший класс! Я восхищённо огляделся вокруг: во сне же всё возможно! Странное состояние вседозволенности охватило меня, согревая душу и одновременно высушивая пальто. Рядом ехидно зафыркал кот. Я недовольно развернулся к нему и...

– Вот, вот, – меланхолично констатировал тот. – Опасность номер один: на крючок полного и безоговорочного могущества ловятся почти все, попадающие сюда не в простом сне, а в сознательном. Василий! – с какой-то нежной грустью добавил кот. – Ты помнишь, что пришёл сюда не за фокусами, а за...

– За Фастгул'хом. Извини, – вздохнув, кивнул я. Ишь, тоже мне, всемогущий Вася! Я и так великий и загадочный дафэн – куда уж больше.

– Да ладно, с кем не случается: мелочи жизни, стандарт обучения. Очевидная польза от этого уже появилась, – он огляделся вокруг, оценивая изменяющееся на глазах пространство.

Снегопада как не бывало. Влажная рыхлость под ногами стремительно твердела, застывая блестящей коркой. Похолодало, прозрачный морозный воздух приятно щекотал лёгкие – такая идеальная предновогодняя погода. Помнится, в детстве она вызывала особый восторг возможностью даже на улице разогнаться и проехаться по тротуару, как по катку. Замечательно-то оно замечательно, но сейчас это совершенно не соответствовало моменту. Я нахмурился и покачал головой – скользко! Так мы и шага ступить не сможем. Вот если бы на лыжах или... лучше на коньках! И не на фигурных, а на привычных, беговых. Да-да, точно на таких.

– Отлично, в самый раз, – пробормотал я себе под нос, отталкиваясь сверкающим лезвием от ледяной поверхности, и только тут сообразил, что и это мое пожелание исполнилось незамедлительно быстро.

– Уж лучше бы крылья отрастил! – недовольно высказал своё мнение кот, при этом ловко переходя на иноходь, расчерчивая лёд двумя парами миниатюрных коньков – левых, а затем правых, которые каким-то немыслимым образом были закреплены на его лапах. Левыми, правыми. Левыми... Правыми... Господи, кот на бегунках?! Такое только во сне и привидится!

– То ли ещё будет! Кстати, осваивайся побыстрее, а то кто знает, что ещё придёт в твою буйную голову, – тоном трагического актёра сообщил мне мой хвостатый спутник, виртуозно поворачивая за угол. – А вообще-то забавно! Никогда не катался на... – донеслось из-за поворота.

Я зарулил за ним и притормозил. Следы от колёс такси, повернувшего туда же, обрывались прямо посередине улицы.

– Взлетело оно, что ли, да и было ли на самом деле? Сон-то сном, но чтобы вот так исчезать!..

– Да уж, коньки отрачивать не стало! – подытожил кот. – Покушать тебе нужно, Василий. Может это у тебя от голода?

– Что это-то?

– Привыкаешь долго, – вздохнул он. – Вон кафе – давай зайдём! Смотри, внутри совсем никого нет. Посидим, отдышимся.

Кафе называлось "Белая мышка".

– Тебе название, наверное, понравилось? – усмехнулся я, подъезжая к стеклянной двери с висевшим над ней белым колокольчиком, чья веревочка – длинный язычок – действительно напоминала мышинный хвостик.

Звякнула открывающаяся дверь. Мы шагнули внутрь, в одном движении растеряв коньки и ступив на деревянный пол башмаками и лапами.

Было тепло, и одно это уже радовало. За высокой стойкой улыбалась пожилая миловидная женщина. Кот уверенно прошагал вперёд и вскочил на стул, по-кошачьи безошибочно выбирая самое удобное место. Сон или не сон, а комфорт превыше всего? Да, каттище?

– Платить, как я понял, не обязательно? – полуспросил, полуподтвердил я, устраиваясь рядом. – Как-никак, спим-с.

– Разница между большим городом и городом маленьким заключается в том, что в большом можно больше увидеть, а в маленьком – больше услышать, – задумчиво глядя в сторону и обращаясь как будто к самому себе, процитировал кот.

– Что?... – переспросил я, автоматически теряя нить своих размышлений. – При чём здесь разница?

– Вот и я говорю: какая разница – платить или не платить? Большой или маленький? Увидеть или услышать? – он придирчиво осмотрел содержимое принесённых тарелок. – Всё это шелуха твоих потаённых желаний, одежда для глубин подсознания опавшие листья ненаписанных книг, уже давно готовые быть подхваченными призрачным ветром сновидений.

– А ты, я гляжу, поэт?

– А что мне ещё остаётся? – туманно согласился кот. – В чужом-то сне.

– Хорошо, – я огляделся вокруг. – Действительно, хватит лирики, пора и к дел переходить. Я так понимаю, что существуют определённые условия и ограничения, правила игры, так сказать. Например, ты не имел права помогать мне осознать себя во сне. Ну, с просыпанием не просыпаясь... Так ведь?

– Не имел, – кивнул тот, когтем выуживая из тарелки кусок ветчины. – Ох, и не имел. Это ты должен был сам. А в остальном, прекрасный мой напарник – всё хорошо, всё хорошо!.. Короче, с того момента, когда ты пришёл в себя, – спасибо, что так быстро! – мы можем уже не следовать канве сновидения, а прокладывать свой собственный путь. Задача номер один: пойми, что твои желания и высказанные вслух по-же-лания здесь исполняются, так что осторожнее со словами и даже мыслями...

– Так ведь это здорово! Я сию секунду пожелаю увидеть Фастгул'ха, раз-два – и он сидит напротив!

– Увы... Не выйдет!

– Почему?! Это же так просто!

– Но не в данном месте и не в данной ситуации. Считай, что мы – туристы, приехавшие в экзотическую страну, где к нашим услугам огромное количество развлечений и возможностей. По сути, всё, на что только способна наша бурная фантазия. Это ты уже усвоил?

– Вполне.

– Но! – прозвучала эффектная пауза, призванная обратить моё внимание на последующие слова. – Но ведь есть и другие туристы! Со своими не менее бурными фантазиями, имеющими полное право на обособленное существование. Они – не часть твоей иллюзии и не подчиняются твоим приказам, так что кричи – не кричи, а Фастгул'ха придётся искать в рабочем порядке. Самим! – он помолчал. – А кроме других туристов прилагаются, хм...ю, до полного комплекта и коренные жители.

– Это долгожданное "во-вторых"?

– И в-пятых, и в-десятых, – зевнул он. – Поскольку местное население весьма и весьма небезобидно. Хойши и моаны, как говорится, туда-сюда – по крайней мере не кусаются и под ногами не путаются, а вот зурпарши... Опасны по-настоящему!

Я отодвинул свою тарелку и посмотрел на кота то ли с восторгом, то ли с ужасом. Надо же, и здесь не без флоры и фауны! Какие-то мойши и коаны... извините, хойши и моаны! И вдобавок к ним кровожадные зурпарши! Ух ты! Зуррр-паррр-шиии!

– Так вот. Эти "кровожадные зурпарши" способны сколь угодно долго удерживать и не отпускать случайно заплутавших путников: сновидящих, безумных или просто потерявшихся между реальностью и бредовыми фантазиями! И неважно, по какой причине и по какому поводу оказываются здесь эти несчастные... или счастливые. Потому что дороги назад для них не существует. Потому что остаток жизни они проводят в иллюзии исполнения всех своих потаённых желаний.

– Оставь надежду всяк, сюда входящий, – пробормотал я, оглядываясь и неожиданно находя ненастоящность и некую картонную бутафорность окружающих нас предметов, будто

бы всё вокруг было декорациями, оставшимися от каких-то других уже доигранных, допрожитых жизней, декорациями, так мало имевшими отношение к сегодняшним событиям, что и упоминать-то о них было бы крайне нелепо. Кот поймал мой задумчивый взгляд и понимающе кивнул:

– Да, сон чем-то напоминает смерть: заснувши, можно и не проснуться.

– А зурпарши? Сторожевые псы или сладкоголосые няньки? – поинтересовался я, сбрасывая мимолётное наваждение.

– Это кому как больше нравится. Они, как губки, впитывают внутренние переживания попавшего к ним путника и выдают ему некое фирменное лекарство-панацею – противоядие от него самого, такого, каким он является на самом деле, – даря ему забвение и призрачное счастье исполнившихся надежд. Но как бы ни было безоблачно дальнейшее существование попавшего в плен – это лишь иллюзия, обман, фальшь, бред. Назови, как хочешь, но от этого оно не станет жизнью. И заключенные в сновидение где-то в глубине души знают об этом, знают и невыносимо страдают, не в силах ни отказаться от этой сладкой боли, ни окунуться в неё целиком.

– А зурпарши питаются именно этими чувствами, – вдруг догадался я и, не сдержавшись, возмутился: – Вот ведь гадёныши!

– Я думаю, они будут с тобою не согласны, – хмыкнул кот.

– Ага, скажут, мол, они всеобщие благодетели, дарующие радость и феерические наслаждения. Эдакие бесплатные спасители. Спасибо конечно, но Фастгул'ха они не получают! Уж мы постараемся.

– А вот это и есть "в-третьих", – оживился мой белоснежный приятель. – В-третьих и главных, потому что именно за этим мы и здесь. Дело за малым – найти мальчика и помочь ему вернуться назад.

– И как мы будем его искать?

– А я тебе для чего? Не только же мурлыкать и скакать за бантиком. Мы, катты, известнейшие проводники по миру сновидений. Здесь мы почти как дома.

– Почти... Что ж. А может быть, проще спросить? – и я неожиданно для себя, а может и для катта, повернулся к хозяйке кафе, протиравшей за стойкой бокалы, и поинтересовался: – Извините, пожалуйста, за странный вопрос, но вы случайно не знаете, живёт ли поблизости мальчик лет семи-восьми, который очень любит собак? – я задумался и добавил: – Серых.

Рядом замер кот, а женщина наоборот – оживилась и, отставив в сторону бокал, направилась к нам.

– Мальчик?... Да здесь много мальчишек. Они сюда толпами бегают: мороженое у меня лучшее в городе! Собак, пожалуй, любят все. Так что, вряд ли я вам помогу... Собаки-то собаками! – вдруг махнула она рукой и, с видом завзятой сплетницы, торопливо поведала: – А у нашего соседа волчонок появился. Да-да! Самый настоящий. Сосед – охотник – недавно из леса вернулся, говорит, что река разлилась и затопила волчью нору. Все погибли, а один выжил. Вот его-то он домой и привёз – сынишке на воспитание... А, кстати! Мальчонке его этой зимой как раз восемь и испол...

Она ещё говорила, а мы уже поднимались из-за стола.

– Это совсем рядом. Нагорная улица, деревянная двухэтажка с садом... А пирожные?! Пирожные мои вы так и не попробовали! – с поздним сожалением бросила она нам вслед.

Колокольчиком звякнула дверь. Белая мышка, качнув на прощанье хвостиком, пожелала нам доброго пути.

Это на самом деле оказалось близко. Два раза повернули за угол – и готово! Буд-то мир вокруг был озабочен только одним – как бы нам поскорее хлопнуть заиндевелой калиткой и вступить на дорожку сада дома номер восемь. Я насторожился: действие ускользало прочь с безупречной гладкостью продуманного до мелочей романа – страничка за страничкой, слишком легко и беспечно, чтобы верить в это окончательно.

Хрустящая искрящаяся тропинка, дымок из трубы, свет на втором этаже, и мальчик, румяный и беззаботный, топочущий валенками по звонким ступенькам замерзшего крылечка, подзадоривающий лезущего вслед за ним щенка. Нет, не щенка! Маленького двухмесячного волчонка. Волчонок карабкался вверх настырно, сосредоточенно, ни единым звуком не выдавая серьёзности своего непростого положения.

Мальчик не был похож на Фастул'ха, но я отчего-то совершенно точно знал, что это именно он.

Хлопнула входная дверь, запуская внутрь двух неразлучных друзей. Мы с котом переглянулись.

– Ну, и что дальше? – спросил я его. – Ты же у нас большой специалист по иллюзиям. А иллюзия-то нешуточная, всамделишная. Попробуй-ка, развеи!

– Да уж, – удручённо вздохнул кот. – Хуже всего, что его успели обложить со всех сторон. Видел волчонка? – он прищурил свои голубые глаза. – Это хойш!

– Хойш?..

– Хойш, хойш! Конечно, хойш?! – топнул лапой кот. От досады он даже позабыл, что впервые про этих самых хойшей – или хойшев? – я услышал всего полчаса назад. – Самый что ни на есть натуральный хойш!

– Ну и?..

– А то: они хотят сделать из него моана, вот что! Кстати, самого что ни на есть натурального!!! – кот присел прямо в ближайший сугроб, хлестко сметая хвостом верхушку.

– Успокойся и говори! – раздражённо буркнул я, плюхаясь рядом.

– Говори! Говори... – я ещё ни разу не видел катта таким расстроенным. – Никому и никогда не удавалось увести отсюда моана!

– Именно поэтому у нас и получится! Говори, ну же!!! – я начал сердиться, комкая в кармане пальто завалявшуюся бумажку, а в голове назойливо звенела невесть почему выплывающая из музыкального хранилища моей памяти пронзительная ария Эммы Чепплин, когда-то мною очень любимая. – Никто, говоришь, раньше этого не делал? Значит, и от нас тоже не ждут. Может быть, поэтому вокруг так спокойно.

– Моаны – это те, кто полностью перешёл в мир сновидения, – вздохнув, объяснил кот. Мы всё ещё сидели в сугробе. – Тебе когда-нибудь снился сон такой яркий и объёмный, что было невозможно понять – спишь ты или нет. А если бы ты так никогда и не проснулся? Как тогда можно было бы отличить, где иллюзия, а где явь? Что в таком случае реально? В этом мире или в другом?

– То, что происходит с нами сейчас – нереально, – предположил я. Эмма Чепплин взяла самую высокую ноту и, развернувшись, побежала вниз по ступенькам под сознания, растворяясь и унося с собой часть моей боевой решимости.

– Хммяу! – сверкнул глазами кот. – Мы сидим в снегу. Тебе холодно и недушевно. Так что же такое – реальность? Вокруг нас то, что можно увидеть, ощутить, полизать и обнюхать. Это даже может убить! Понимаешь?!. В таком случае, реальностью можно назвать упрощённую комбинацию суммы электрических сигналов, которые интерпретирует наш мозг, – неожиданно подытожил он.

– Ну, прямо "матрица" какая-то! – уважительно вздохнул я, вспоминая монолог главного героя фильма.

– Называй как хочешь, но это, несомненно, мир снов и иллюзий, а настоящий – где-то там... – он мотнул в сторону усатой мордой. – А этот мир способен держать нас под контролем. Этакая специфическая тюрьма для разума, до которой на самом деле нельзя – да, нельзя! – дотронуться рукой. Конечный, замкнутый мир с захлопнутыми дверями и ключами от них у его главных хранителей.

– У зурпаршей?

– У них! Они – хранители, часовые, судьи, решающие здесь всё. Некий основополагающий принцип этого места. Их почти никто не видел, но происходящее вокруг идёт по их сценарию и с их молчаливого согласия. А вот хойши – исполнительные слуги,

существа, которые помогают делать иллюзию более натуральной и конкретной. Они могут принимать любой облик – чаще всего тот, который хочется увидеть попавшему сюда. Умершие родители, жена, дети, самые просветленные учителя – всё к услугам посетителя, только сделай милость захотеть, понимаешь?! Одно дело, когда спящий сам создает свою иллюзию сновидения: в таком случае видение призрачно, отрывисто и зыбко. Совсем другое дело, когда ему помогает хойш: вот тут-то воссозданные образы тянут почти на настоящие, – он глянул на следы, оставшиеся на дорожке, – такие живые и осязаемые.

– Бедный Фастгул'х! Ему придётся во второй раз расстаться со своими близкими, причём уже сознательно. А моаны? Кто такие моаны? – вдруг вспомнилось, что хойши хотят сделать из мальчика какого-то моана.

– О, это отдельная тема! – ответил кот, зыркнув в сторону горящих окон на втором этаже. – Начнём с того, что по пространству иллюзий и сновидений бродят все, кому не лень: и спящие, и сумасшедшие, и наркоманы, и медитирующие, и те, кто находится в бессознательном состоянии – как наш Фастгул'х, например. Миллионы бывают здесь, но рано или поздно просыпаются, не веря в реальность только что увиденного. Все они влияют на это пространство, разрушая или созидая его, и чем богаче внутренний мир путешественника, тем ярче проявляется и этот. И ладно бы миру сновидений было бы достаточно приходяще-уходящих, так иногда он забирает путника себе целиком, делая его одним из здешних жителей.

– Как это – целиком? – опешил я. – А как же спящее тело?

– А тело там пропадает, а здесь появляется по возможности максимально плотным. Надо ли говорить, что живёт такой пленник сколь угодно долго и счастливо, проявляя и обогащая призрачную страну своими фантазиями или бреднями, становясь её почётным узником и неотъемлемой частью – моаном. Конечно же, моаны рьяно охраняют свою новую родину, без которой они уже не могут существовать. Вот поэтому я и говорю, что увести отсюда моана практически невозможно!

– Но, может быть, ещё не поздно? Ведь тело Фастгул'ха сейчас дремлет под охраной Зорра и Враххильдорста?

– Надеюсь что так, – он натянуто улыбнулся, вздохнул и поднялся. – Пойдём!

– Yes! Чего сидеть тут, как два снеговика? – я отряхнулся.

Мы наперегонки взлетели по гулкому крылечку и одновременно толкнули дверь. Та на удивление уступчиво, как будто ожидая этого толчка, распахнулась и приняла нас внутрь с порцией морозного воздуха.

Не останавливаясь, мы рванули дальше, перепрыгивая через ступеньки, не оглядываясь на забытую распахнутую дверь и несмолкающие сомнения, переполнявшие душу. Красная пожарная кнопка звонка утонула в дверном косяке.

– Сейчас, сейчас иду! – приветливый голос Яллы болезненно резанул слух. Кто бы подумал, что можно так привязаться к вскользь увиденной женщине: мы и были знакомы-то всего ничего. Впрочем, одна Ишк'йятта знает, сколько нужно... Кот больно царапнул мою руку. Я зашипел на него совсем по-кошачьи и лизнул свежую царапину. Солоноватый вкус крови стремительно вернул мне ощущение ускользающей реальности. Мне что, теперь придется каждый раз свою кровь пить, чтобы не терять нить происходящего?! А может, сойдёт чужая? Не хватало ещё, чтобы клыки отрасли. Здесь, как я понимаю, и это возможно!

– Василий?! Вот радость! – на пороге стояла чета вулфов, живая и невредимая. – Ты заходи! Ах, кот у тебя какой! Не кусается? Придётся его, правда, в ванной запереть, а то может подраться с нашим волчонком.

Кот, не слушая их, по-деловому прошествовал в квартиру. Я вошёл следом. За мной захлопнулась входная дверь, отрезая прошлое, заботы и усталость. Как хорошо, тепло и уютно! Господи, наконец-то, я дома... Привычно скинул пальто, разулся и уверенно проследовал на кухню, где так аппетитно пахло свежей выпечкой.

– Васенька, пирожки будешь? – просияла моя мама. – Сегодня с капустой, как ты любишь.

Из соседней комнаты забубнили невнятные голоса.

– Это родственники наши приехали, – опережая мой вопрос, сказала она. – Дядька твой с сыном – твоим братом, кстати, получается. Они нас не стеснят – квартира-то большая.

Я хотел спросить, какой такой дядька, но тут на подоконник вскочил огромный белый кот и уселся рядом.

– Мама, а когда ты кота успела завести? Ты ж не любишь кошек? –0 будто бредя, спросил я, поднимая голову и уже переставая ждать ответ под иронично тяжёлым взглядом голубых глаз. Катт! Как я мог забыть?! Мы ведь с ним вместе пришли... А мама? Как же мама?

– Да, не люблю! – произнесла ненужные теперь слова Ялла. – Терпеть их не могу! Брысь с моего подоконника!

Кот зашипел и никуда не брыснул, проигнорировав презрительный хлопок кухонного полотенца в его сторону.

– Майвха! – вбежавший мальчик восхищённо притормозил на пороге. – О-оо, гости!!! Мамочка, чиоок зох торш ун абалурш?

– Нет, милый, они скоро уйдут. Они ужа-асно торопятся, – сквозь зубы процедила Ялла, пригвоздив меня взглядом к стулу. – Оч-чень...

Очередная порция пирожков медленно подгорала в духовке, источая неуместный запах палёной шерсти. За окном стремительно то темнело, то светлело, как будто небо не могло решить, какое же время суток ему сейчас подходит более всего. В саду с хрустом обламывались ветки. Хлопала незакрытая калитка.

Мальчик ничего не замечал. Или не хотел замечать?

– Фастгул'х, – тихо, но решительно позвал я его, не зная, что сделаю или скажу в следующий момент. Встреча наша сама по себе пока ничего не значила, являясь лишь ничтожной каплей на чаше весов, но уже никакие преграды не разделяли нас, и, оказавшись с ним рядом, я бессовестно испытывал некую степень торжествующего злорадства, готовый драться за него хоть с самими зурпаршами. – Фастх! Тебе пора домой! Мы любим тебя, ты нам нужен...

– Я дома, – теряя уверенность возразил мальчик, в поисках спасения цепляясь взглядом за медленно изменяющуюся Яллу. – Мама?!

– Милый, пойдём! Я покажу тебе новый ошейник для твоего друга, – обволакивающая волна настойчиво вытаскивала мальчика из кухни. Запах палёной шерсти стал невыносимым.

Вбежавший Мавул'х, неправдоподобно высокий и мускулистый, подхватил сына на руки и, не давая ему опомниться, потащил в комнату.

Мы прыгнули одновременно: я – следом за Мавул'хом, кот, увеличиваясь в размерах и отращивая аршинные когти, – прямо в лицо уже непохожей на себя Ялле, страшной, с оплывающим неповоротливым телом.

– Запрещено!!! – заверещала та, отбрасывая нападающего кота в сторону и пластая его по стене кажется одним только воплем.

– Стоять!!! – заорал и я. – Чихать на ваши дерьмовые запреты!!! – я прорвался в комнату и во втором прыжке покрыл расстояние до склонившегося Мавул'ха, пытавшегося затолкать ошарашенного мальчика в стенной шкаф. – Прочь, нечисть!!!

Я рубанул его по открывшейся на секунду шее, – откуда у меня самурайский меч в руке? – и голова Мавул'ха, – нет, не Мавул'ха, причём здесь имя моего бывшего друга? – запрыгала по полу, рассыпаясь на множество отдельных кусков, – никакого мозга и неэстетичной кровищи! – и разбежалась по углам мохнатыми пауками. Тело же просто превратилось в журнальный столик и неторопливо ушагало в коридор вне поля нашей видимости, где и продолжило череду своих метаморфоз. Выудив из шкафа растерянного малыша, постепенно теряющего румянец, я уселся с ним прямо на пол, крепко прижимая к груди. Не отдам! Хоть стреляйте – не отдам!

В комнату вошёл потрёпанный, но довольный кот. Устроился рядом, утомлённо заглаживая себя языком. Из его спины был выдран изрядный клочок шерсти.

– Как странно, – вдруг проговорил мальчик. – Я вас знаю. Но я не хочу вас знать... У тебя так странно бьётся сердце, – он повернул ко мне озабоченное лицо. – От этого звука мне становится больно и неудобно, как будто бы я что-то делаю не так.

– Я понимаю тебя, – сказал я как можно мягче. – Со мной так тоже бывало. Мы помолчали.

– Я умер? – вдруг невпопад, шепотом спросил Фастгул'х.

– Нет! – душа во мне кричала и металась. Невыносимо! Ещё минута – и я начну трясти его, как сломанную заводную игрушку, не зная при этом как починить механизм. – Ты всего-навсего спишь и видишь сон. И он так тебе нравится, что ты не желаешь из него уходить. Но как бы не было хорошо, это лишь иллюзия, и тебе давно пора просыпаться.

– А если я не хочу?.. – упрямо прервал меня мальчик. В его быстро желтеющих глазах скапливались слезы.

– Хочешь, но пока не знаешь об этом.

– А я и знать не хочу! – слёзы хлынули ручьём, смывая последние остатки несхожести и отрешения. Он, наконец-то, снова стал Фастгул'хом – тем, которого мы помнили. – Кто бы они ни были, мне всё равно! – он перешёл на крик, зажмурившись и судорожно всхлипывая. – Там... там мои мама с папой умерли!!! Здесь... здесь они... живы-ы-ы!!! – плач постепенно переходил в вой, стиравший слова и фразы. – Неправда, говорите?! Все эти воспоминания о моей жизни – они все не настоящие?! А мне всё равно-о-оо!!! Оуу!!! Ууу...

Его сотрясали рыдания, которые постепенно начали влиять на всё вокруг, подчиняя себе, кажется, не только небо за окном, но даже самое пространство дома, изгибавшееся и проседавшее пока несколькими местами, но обещавшее настоящую нешуточную бурю с разрушениями и катастрофическими, обвальными последствиями.

– Вам необходимо срочно покинуть это место, – гортанно и чуть нараспев проговорило вошедшее существо, отдалённо напоминавшее Алдз'сойкф Ялла'х, такую, какой она была в момент песни – светящуюся и зыбкую. – Вы ему наносите непоправимый вред и причиняете страдание. Уйдите, и он опять будет счастлив!!!

– Хрен вам!!! Нет уж! Я понимаю: вы делаете так, потому что верите в это. А я верю в другое! Понимаете?! В другое!!! – я не собирался сдаваться и тем более куда-то уходить. Напротив, в душе росло и крепло спокойное чувство нашей правоты. – А разве вы никогда не ошибаетесь? Может быть, кому-то здесь не место?

– Не надо думать об этом, как об ошибке или не ошибке, – теперь их опять было двое, одинаково светящихся и расплывающихся. – Мы – всего лишь жители этого мира, строители и скульпторы, создающие реальность вокруг вас по вашим же эскизам и чертежам. Вы сами выбираете свою судьбу.

– Но вы активно влияете на этот выбор! И не слишком ли активно?! – я всё-таки затряс Фастгул'ха, надеясь хоть как-то привести его в чувство. Он больше ничего не говорил, а лишь горько плакал, закусив до крови нижнюю губу.

Лопнуло оконное стекло, дохнув морозным воздухом. Сразу стало неудобно, захотелось бросить всё и убежать. Беги, беги! – раздавалось со всех сторон... Не дождётесь! Как мерзко... Что делать-то?! Что?! Ничего не помогает!!!

– Фастгул'х, слышишь! – из последних сил воззвал я, готовый уже тоже перейти на утробный отчаянный вой. – Услышь меня, наконец! Ты ведь вулф, а не какой-нибудь недотопленный щенок!!! Если бы папа и мама тебя сейчас видели!!! – я вдруг подумал, что упоминание о родителях только сделает хуже, – опять не зарыдал бы! – но мальчик неожиданно успокоился и непримиримо сжал зубы. Я не сдавался: – Да-да!!! Мама и папа!!!

– Здесь они живые! – вдруг выкрикнул он.

– Это ж надо быть таким упрямым?! О, великая Ишк'йятта!!! – я взвыл почище ошпаренного волка. – Сил моих не осталось!.. Помогите вразумить этого взбалмошного мальчишку: ведь он тебе зачем-то нужен, ведь так?! Иначе его не было бы в живых!..

Через лопнувшее окно повалил незапланированный снег, отточенными сверкающими снежинками создавая вокруг иллюзию призрачного движения. В какой-то момент мне

показалось, что присутствовавшие хойши способны на что угодно, в том числе и на кражу малыша прямо с моих ненадежных коленей. Слишком уж густо и вкрадчиво завихрялся снежный ветер, оборачивая нас непроницаемой метелью, в которой постепенно растворялись очертания сидевшего рядом кота и даже всхлипывавшего Фастгул'ха.

– Фастгу-у-ул'х!!! – из последних сил прокричал я. Но на мой призыв отозвался не он, а стужающийся снежный вихрь прямо передо мной. В одно мгновение я ощутил сначала незримое, а потом все более и более осязаемое присутствие кого-то иного, нездешнего, слишком живого и неуместного для этого пространства. – Ишк'йятта? Не может быть!..

– Может, – ответило мне великое Ничто, из которого проистекает всё, сжаливаясь над моей потрясенной душой и тактично принимая образ огромной белоснежной волчицы, искрившейся сотнями узорчатых снежинок. – Вы свободны. Пора-а-аа...

Хотелось плакать или кричать – наверное, без разницы. Но душевного надрыва на сегодня было предостаточно. Я приподнял замершего, будто заснувшего мальчика и повернул его в сторону прекрасной гостии, которой, впрочем, уже не было, как и снегопада, только что плотно забивавшего всю комнату. Лишь ровный, девственно гладкий слой снега на полу и четыре глубоких вещественных доказательства – четыре следа. Судя по ним, посетившее нас видение имело внушительный вес и не менее внушительные размеры, впечатляющие габариты и не менее впечатляющие когти.

Ну что, хойши, поговорим?! В нашей команде прибыло, а как у вас, мои дражайшие и, надеюсь, что дрожащие?

Я зачарованно разглядывал отпечатки. В ближайшем правом что-то прилипло, так логично и ненавязчиво, что казалось частью самого углубления. Дотянувшись, я отковырнул застрявший предмет, продолговатый и острый с одного конца, потянувший за собой длинный кожаный шнурок. Чуть повозившись, оттаивая нетерпеливым дыханием и счищая приставший снег, я, наконец-то, получил желаемый результат – конечный, ошеломительно-нежданный и настолько сокрушающе-своевременный, что у меня перехватило дыхание: на моей ладони лежал резной коготь, совсем ещё недавно украшавший шею Алдз'сойкф Ялла'х и подаренный ею Горыновичу!!! Тот самый – как говорится, без дураков и обмана – такой настоящий, что рядом с ним бледнела окружающая действительность – выцветшая, неумело нарисованная картинка. Повинуясь безотчетному импульсу, а, может быть, просто потому, что каждая вещь должна быть на своём месте, я надел коготь на шею всё ещё безучастного мальчика.

Не могу сказать, что это действие сразу же благополучно перенесло нас в мир иной, – а как хотелось бы! – более того, сначала вообще ничего не произошло, лишь хойши, приседая и протягивая к нам жадные руки, заматались вокруг по невидимому, неведь кем прочерченному кругу, спасительному и неприступному. Их губы что-то безголосо шептали, то ли умоляя, то ли призывая кого-то на помощь. Кот, вздыбившись, воинственно ходил со своей стороны границы, протоптав по снегу чёткую полу круглую дорожку.

Фастгул'х не реагировал.

А я был при нём, не в силах даже ускорить затянувшуюся историю. Я давно перестал думать и сомневаться, зная, чувствуя, что момент сомнений и раздумий прошёл. Осталось только время для действий и свершений.

И они пришли. Те самые свершения. Наша свобода, – в лице или форме? – проявившаяся, выдавившаяся сквозь полотно окружавшей иллюзии, сквозь искажившиеся стены и предметы таким образом, что стали заметны фигуры вновь пришедших. Так проступают очертания тел под тяжелой занавесью, намеком, едва уловимо и, тем не менее, реально.

Они остановились на границе протоптанного в снегу круга плотным кольцом многозначительного присутствия – притягательная смесь величия, угрозы и спокойного безразличия одновременно. Мне захотелось подняться навстречу.

– Нарушено равновесие, – прошелестело со всех сторон. – Вы должны покинуть Соррнорм.

– Мы готовы, – согласился я. – Но мальчик пойдёт с нами.

– Он давно мог покинуть этот мир, – удивилось странное многоликое существо. – Ему стоило только решиться.

– Мы уже решили и хотим уйти отсюда. Только вот непонятно, как это сделать! Вы ведь зурпарши? Как я понимаю, здешние хозяева?

– Мы зурпарши, – подтвердили шепчущие голоса. – Но мы не хозяева, а хранители мира снов и видений. Соррнорм открыт для всех, он велик и прекрасен, но и его можно разрушить! – поразительно, но мне почудилась тревога и необъяснимая печаль. – Вы принесли сюда сильнейший артефакт...

– Коготь Ишк'йатты? – догадался я.

– Для нас это имя ничего не значит. Предмет можно назвать как угодно. Мы видим его суть: как ты сказал, "коготь" очень силен, он прямо-таки излучает мощь и активную волю, – они действительно начали волноваться. – Он пагубно влияет на этот мир. Уходите! Уходите!!!

– А мальчик?! – спохватившись, почти закричал я.

– Он должен сам... – заикло забубнило всё вокруг.

– Сам! Я пойду с ними сам! – раздался вдруг тихий уверенный голос. Я изумленно поглядел на очнувшегося Фастгул'ха, привставшего на моих коленях с отчаянными, горящими жёлтым огнём глазами и маминым талисманом, намертво зажатым в ладони. – Но вы же нас держите! – он дерзко подался навстречу обступившему нас кольцу, его голосок сбился на фальцет, выдавая запредельную степень напряжения. – Выход, небось, за тридевять земель?! Идти, не дойти. Лапы собьются, а ...

– Ты действительно думаешь, малыш, что это как-то связано с шагами, ногами или лапами – в этом-то месте?! – зурпарши выдали некое подобие мимолетной улыбки. – Не думай, что ты уходишь! Просто уйди!

Они слаженно отступили на шаг назад, в последний раз искажив реальность, оставляя нам надежду на спасение, подаренную царским росчерком, несмотря на опасность, которую мы для них представляли.

Мы почти обрели свободу, и Фастгул'х возвращался с нами.

Кот нетерпеливо прохаживался вокруг меня, собранный и целеустремлённый, совершенно готовый в обратный путь. Мне же было легко и одновременно тягостно. Я с трудом смог бы тогда описать охватившие меня чувства: безудержная радость свершившегося была отравлена любопытством и желанием продолжить невероятный разговор с существами настолько немислимыми, что их образ упорно не укладывался в моей голове. Их фигуры растаяли. Вслед им замелькало, кружась и сворачиваясь, унося впечатление невольной утраты, когда всё оплачено по счетам, и завершено некое героическое дело, но противник, встреченный на поле боя, оказывается настолько интересным и потенциальным собеседником, впрочем, так им и не ставшим, что приходит ощущение усталости и смиренного осознания, что вот опять – всё, как всегда! – мимоходом и ненароком, вскользь и безвозвратно.

– Пойдем!!! – теребил меня за рукав Фастгул'х. Он-то ничего подобного не ощутил, – ещё чего, разговоры с зурпаршами! – наоборот, сильно волновался и торопил события. – Они сказали "просто уйди"... Ничего себе! А как это сделать?

– Мы откроем для вас дверь, – ускользящим шлейфом прошелестели затихающие, почти непронесенные слова. – Но вы сами... должны... войти в неё...

– Где дверь?! – опережая меня, подскочил мальчик. – Где??? Ответом ему была тишина.

6

Мы шли по вечернему городу. Небу вздумалось отрепетировать очередной закат, теперь багрово-алый, полосатый, напоминающий бок фантастической зебры. "Никакого снега!" – предприимчиво сказал я себе. И вот мы целеустремленно спешили неизвестно куда, радуясь друг другу и свежему морозному воздуху. Снегопада больше не было.

– Дядя Вася! – беспрестанно теребил меня мальчик, возведя мою скромную персону в почётный ранг родственника. – А как там Иичену?

Про родителей он старался не говорить, как по минному полю обходя эту болезненную тему. Из дома номер восемь, с яблоневым садом и скрипучей калиткой, мы выскочили без боя и, соответственно, без потерь. Нам никто не препятствовал, хотя мы постоянно ощущали на себе пристальные раздумывающие взгляды – а что, если их, всё-таки... и желательно прямо сейчас?

– Да молодец твой Иичену! Герой! – стараясь быть весёлым, ответил я. – По сути дела, это он тебя и спас. А то гореть бы... – я скоропалительно заткнулся, чуть ли не начиная насвистывать блатной мотивчик, но Фастгул'х не обратил на это внимания, заглядевшись куда-то в уличную перспективу, и вот уже опять тянул меня за рукав, тыча пальцем по направлению далёкой аляповатой афиши. "Оборотень возвращается!" – гласила она, прилагая к надписи небрежно намалеванное изображение прыгающего оскаленного волка, у которого были такие клычищи, что ему, наверное, постоянно приходилось рычать, так как пасть его всё равно не закрывалась.

– Нам туда! – вдруг ни с того ни с сего решительно заявил я, не забывая потрепать по плечу мальчика – молодец! – и разворачивая нашу удивительную компанию в сторону живописной подсказки.

– Что ж, правильно! – одобрительно закивал кот. – Ах, как это в их духе: предоставить нам сомнительное удовольствие поиграть с ними в догадки! Нет чтобы просто показать дорогу, раз уж сказано "Уходите!", так они лишь обозначили направление ассоциативными символами. Одно слово – зурпарши! Что ещё от них ждать?!

– Отлично! Просьба-приказ: всем глазеть по сторонам, и повнимательнее! – я опустил из кошачьих слов иронию, выцепив главное: надо искать подсказки и следовать в их направлении. – Скажи спасибо, что нас вообще выпускают...

Хлоп! Летящий сверху кирпич не попал на мою голову по чистой случайности, с треском разбившись прямо за моей спиной. Видимо, сработало незапланированное ускорение, изменившее наше движение после обнаружения афиши. Вот так спасительный маневр! Интересно, а что было бы, если бы кирпич постарался и нашёл-таки свою цель? Я бы умер или нет? Как насчёт покушений в призрачном мире иллюзий и сновидений?

Второй кирпич, фамильярно шаркнувший меня по спине, отбил всякую охоту к философии, зато придал нам максимально возможную скорость.

Мы резво рванули вперёд, старательно держась посреди улицы, благо машин на ней не было.

– И как это понимать?! – прокричал я на ходу, скашивая глаза в сторону скользившего рядом кота. Тот покрывал расстояние длинными затяжными прыжками, переносившими его белоснежное тело с грацией летящего привидения. – Это так положено? Для остроты ощущений?!

– Нет! Не положено! – взвыл тот в ответ, успевая вставлять короткие фразы между отдельными скачками. – Не понимаю! – Прыжок. – Этого не должно быть! – Прыжок. – Может быть, это хойши? Самолично? – Прыжок, прыжок. – Или кто-то действует через них?

– Нарушают?! Получается, что так! – на душе сделалось паскудно. – И что делать???

– Бежать!!! – в один голос выдохнули мне кот и не отстававший ни на шаг Фастгул'х.

"Что ж, резонно!" – успел подумать я и, повернувшись за угол, врезался в проходившую по соседней улице разномастную демонстрацию. Не успев затормозить, мы с разбегу вклинились в строй и увязли в плотной толпе.

"Да здравствует Баба Ядвига – самый демократичный кандидат в президенты – целительница и гражданин!" – гласил ближайший плакат, который несла зеленоволосая группа юных уродливых созданий, с большой натяжкой именуемых "девушками". Что ж, я был совершенно согласен с таким руководством, достойным во всех отношениях. "А ты записался в ряды Соррнорма?!" – гневно вопрошал следующий транспарант. Эта надпись привнесла сумбур и тревогу, уж больно она соответствовала животрепещущей актуальности негостеприимного города. Я постарался хоть чуть-чуть притормозить, насколько это было возможно во всеобщем одержимом шествии, толкая коленом кота и утягивая за собой

мальчишку, протискиваясь и протискиваясь через телесную реку. Кругом заволновались и недовольно зашикали, с ощутимым трудом пропуская нас дальше. Хозяин гневного лозунга оглянулся нам вслед, – лицо того же Мавул'ха! – я охнул и ускорился, забыв о вежливости и осторожности, топча кому-то ноги и пихаясь локтями, плечами и всеми применимыми в этой нелёгкой ситуации частями тела. Не было сил даже оглянуться назад, – идут ли мои спутники? – но по дружному пыхтению и сопутствующим ругательствам понимал – идут! Давайте, родные! На прорыв! А то сейчас как повалятся кирпичи с неба или ещё чего похлеще!!

Кирпичной россыпи не последовало, но впереди завизжали тормоза, народ занервничал, начал неорганизованно тормозить, давя соседей спинами, качая дрогнувшими транспарантами и флагами, вытягивая шеи и взывая – а что там???

С края было чуть посвободнее, и нам удалось вывалиться наружу – из последних сил, в последний момент, лицом в чистый, нетоптанный снег. Мы облегчённо вздохну ли. Оказалось – преждевременно.

Раздалась автоматная очередь, сухо беспристрастная и торопливая. Толпа запаниковала, визжа и ругаясь, неповоротливо принялась рассредотачиваться, неся потери в виде брошенных лозунгов и распростёртых тел.

В соседнюю подворотню без оглядки улепётывал благовоспитанный ухоженный мужчина – по внешнему виду какой-нибудь директор фабрики или налоговый инспектор. На его нешироком плече покоилось древко очередного призыва, который он даже в такой ситуации, по неистребимой своей хозяйственной жилке не мог, просто был не в состоянии халатно бросить. "Гуси – наши братья по разуму! Так говорил великий Пётр!" – удивлённо успел прочесть я перед тем, как бегущая фигура скрылась в зеве арочного проёма.

– За ним! – коротко выдохнул я, выхватывая своих сотоварищей из остаточного хаоса не успевшей разбежаться демонстрации. Мы устремились за новым зыбким маячком, в последний момент отмечая несколько целенаправленных, нестандартно спокойных фигур, слаженно собранных и набирающих скорость. Они ловко обтекали бестолково мечущихся людей, в отличие от них имея явную цель, к которой они и шли с максимально возможным усердием. И этой целью были мы.

7

Может быть, если бы мы бежали чуточку тише, я успел бы испугаться по-настоящему, но сейчас мне было не до этого. Глупцы! Какие мы глупцы! Поверить, что нас вот так возьмут и отпустят, за здорово живёшь! Дверь, прыжок, очередная невероятная лестница... Теперь куда?! А, вот здесь не закрыто – удар ногой, путь свободен! За нами исправно стучали неотпускающие, тяжёлые шаги, пару раз по нам выпустили короткую очередь, но не попали. К преследователям присоединились завывания милицейской сирены и крики в громкоговоритель: "Сдавайтесь! Вы окружены!" Как в кино! Кого-то ловят кроме нас? Когда же закончатся, наконец, эти грязные, расписано-описанные лестницы? Такое чувство, что парадные входы враз замуровали и заколотили... Ух-ты!!! Надо же, это нас, оказывается, обкладывают, как беглых преступников! Даже вызвали вертолёт. Мы выскочили на узкую улочку. Чёрт! Её перегородила патрульная машина, из которой по нам тут же открыли прицельный огонь, чуть не задев замешкавшегося с непривычки Фастул'ха. Я едва успел толкнуть его вбок и улететь за ним в очередной спасительный провал лестничной клетки с приглашающим в подвал крутым спуском.

– Иллас! Что там у тебя есть на такой вот крайний случай? Если мы срочно что-нибудь не придумаем, нас продырявят, как мишени в тире! Какие идеи?

Теперь мы ползли на четвереньках по мерзлому полузатопленному подвалу, медленно, но верно превращаясь в бездомных бродяг, дурно пахнущих и ободранных. Журчала вода. Обнаружилась мусорная куча, на которой деловито копошилось крысиное сообщество, не обратившее на нас никакого внимания, видимо сочтя, что тухлые рыбы головы достойны гораздо большего интереса. Впрочем, нет: одна из крыс вдруг бросила своё увлекательное занятие и, вспрыгнув на ближайшую трубу, устремилась за нами. Кот оглянулся на неё с

досадой, но так ничего и не сказал, хотя было заметно, что ему это сопровождение очень не нравится. Следовавшая за нами вызывала нездоровое ощущение слишком разумного и слишком осторожного существа. Ни секунды без наблюдения!

– Нет идей! – недовольно пробурчал кот, чихая и отплевываясь.

– Злиться – потом! – прервал я его, следя, чтобы не отставал основной виновник нашего развлечения: малыш утомился, и его приходилось поддерживать, подтягивать и подсаживать. – Лучше скажи, как ты раньше возвращался домой? Обычно-то как?!

– Как, как?!. Каком! – зашипел Иллас, но потом с большим трудом взял себя в руки, то есть в лапы, и продолжил: – Обычно только стоило захотеть – раз, и готово! Чаще всего это напоминало обыкновенную дверь или окно, иногда, гораздо реже – туннель.

– Так дверей здесь не меряно, да и окон?!

– Ты слушай! – недовольно насутился кот. – Эти двери – мираж. Как только рядом появится настоящая, ты сразу её узнаешь. Это как с любимой каттэссой: объяснять не надо, просто ты чувствуешь, что это она, единственная и неповторимая, и никакой другой быть не может!

Мы выбрались в большое техническое помещение, где хоть можно было выпрямиться во весь рост. Через узкие подвальные окна виднелся ряд мусорных баков и часть улицы. Внезапно сверху ударил слепящий свет, заполняя глаза плавающими кругами. Я нащупал Фастгул'ха и затолкал его себе за спину. Кот вжался прямо в лужу, окончательно испортив свой некогда великолепный вид.

– Без паники! Вы окружены! Сдавайтесь, и вам будет дарована жизнь! – отчетливо, безапелляционно прогремело сверху. – Выходи по одному!

– Сейчас, всё брошу! – прошептал я, присел и стал потихоньку сдвигать малыша в темный угол, понемногу обретая зрение, утягивая за собой и кота прямо за грязный намокший хвост. – Спокойно! У нас есть пара минут, сразу бомбить не будут...

– Мы выходим! – вдруг зычным басом заорал кот. – Не стреляйте!

– Ты что с ума сошел?! – изумленно поперхнулся я. – Так они нас точно убьют!

– Да погоди ты! – с досадой поморщился он. – Лучше посмотри вон туда! – и указал в дальний угол, куда убегало большинство канализационных труб, толстых разнокалиберных червей, обмотанных и замазанных сверху чем-то коричневым. На самом нижнем из них сидела сопровождавшая нас ранее крысиная представительница – та самая: этакая учёная дама на пенсии, слегка облезлая и чуть седеющая, с проникновенно-вдумчивым взглядом и изящными лапками-ручками, сложенными на объёмном животе. И на кого-то так похожая... Где-то я уже видел эту усталую учительскую позу. Вот так и Врахильдорст, бывало, сиживал на моём плече. Додумать мне не дали...

– Всем стоять! Лицом к стене! – взревел громкоговоритель, и к нам через подвальное окошко сверху провалился первый незванный гость, вооруженный, что называется, до зубов, в шлеме и бронежилете. За ним спрыгнул второй, третий, четвертый и пятый. Одинаковые, как напечатанные по трафарету "супермены" ловко приземлялись на промерзший пол подвала, тут же отступая в сторону и давая место следующим. Растянувшись цепочкой, они застыли у противоположной стены, держа правые руки на спусковых устройствах своего оружия. Ну просто звёздные войны какие-то!

Я продолжал перемещаться в сторону сидящей крысы, которую, кстати, боевой захват помещения прямо на её глазах не волновал абсолютно. Она лишь зевнула и блаженно поскребла подмышку. Такая жизненная позиция нравилась мне всё больше – это же надо, такое самообладание!

– Подвал окружён, сопротивление бесполезно, – флегматично повторил "первый", иронично наблюдая наши жалкие попытки отступления. – Бежать тут некуда, дверь из подвала в противоположной стороне, так что отползайте сколько душе угодно. Для пули это безразлично.

Он шагнул в нашу сторону, на ходу снимая зеркальный шлем и брезгливо морщась от вездесущей вони. Лицо его медленно трансформировалось, чуть вытягиваясь и бледнея. Волосы приобрели белый цвет, взгляд пожелтел.

– Вы продолжаете куда-то торопиться? – снисходительно поинтересовался Мавул'х, останавливаясь посреди помещения, чуть развернувшись в сторону своих подчинённых. Свет прожектора выгодно оттенял его красивую сильную фигуру, способную обмануть незадачливого противника своей кажущейся расслабленностью. Но мне-то было достоверно известно, что настоящий воин в мгновение ока превращается в слаженную боевую машину, готовую убивать, убивать и убивать. Что ж, не будем дразнить лихо, пока оно тихо.

– Нам было разрешено уйти домой! – возразил я, не прекращая якобы бесполезное отползание. – А вам-то что от нас надо?

– Сынок, зачем тебе эти неудачники? – продолжил хойш, полностью проигнорировав мое заявление и обращаясь, по-видимому, только к Фастгул'ху. – Пойдем домой, к маме.

– Он куда не уйдёт! – ответил я за мальчика, чувствуя спиной, как сжалось и задрожало маленькое тело, как судорожно вцепились в мой рукав детские пальцы – ничего, родной, не бойся! – А вы не имеете право нас задерживать. Начальство приказа...

– Да замолчишь ты или нет!!! – потеряв на секунду хвалёное самообладание, взвыл Мавул'х, заметно исказившись в лице и ненадолго теряя часть своей привлекательности. – Если бы не ты...

– И что тогда?! – дерзко прокричал я, швыряя ему вопрос, как дуэльную перчатку. – Что?!

Он вздрогнул, будто произнесенное оскорбление действительно достигло цели, и медленно, очень медленно развернулся в мою сторону, упёршись в меня глазами, как кинжалами.

– Вот так всегда: вечно кто-то путается под ногами... Мальчик был для нас богатейшим кладом чувств и желаний. Он сам не знает, сколь сильна и многогранна его неисчерпаемая творческая натура – поистине величайшее сокровище! Впервые к нам попадает настоящий вульф, вар-рахал, тот, кому знакомы тайны превращений, – Мавул'х говорил яростно, непримиримо, как существо, которое грязно обманули и при этом еще и обокрали, но которое почему-то решило выказать свою обиду перед тем, как прикончить своего обидчика: – Не надо считать нас законченными злодеями!!! Ты не можешь знать, как трудно сделать моаном свободного путника, тем более такого, как этот неразумный, но гениальный малыш!

Хойш замолчал и опустил глаза. Я использовал эту минутную передышку, чтобы проползти ещё один метр. И ещё... Теперь я видел, на что указывал мне кот перед тем, как сюда посыпались brave защитники Соррнорма. Небольшое, частично заставленное фанерой отверстие было таким же грязным, как и всё вокруг, но рядом с ним бетонные стены подвала выглядели бумажными. Внутри тёмной дыры что-то вспыхивало, дышало и жарко клубилось. Так вот она какая – эта знаменитая дверь домой! Кстати, и наша лысохвостая зрительница явно понимала толк в далеких путешествиях. В данный момент она отодвигала фанеру, протискивая в щель свою тушку и склеротически забывая закрыть за собой "дверь". Это как понимать: как рассеянность или как приглашение?

– Если бы ты не явился сюда!!! – Мавул'х с неожиданной силой и напором вновь возобновил разговор. Я пожал плечами, но вслушивался плохо, ибо заветная дверь была уже совсем близко, к тому же, к моей несказанной радости я вдруг обнаружил, что на фанере наискосок было выведено углём: "Иичену иуээлот". Да здравствуют путеводные подсказки, а заодно и наш замечательный иич! А хойш неумолимо продолжал: – Каждая его фантазия и мечта украсили бы наш мир, как сказочные драгоценности редкой красоты и, главное, необыкновенной жизненной силы! Это вам не втора сортная иллюзия чуть живого наркомана или бредни сексуально озабоченной старой девы! Нет!!! Этот малыш способен воссоздать наш мир заново!

– Заплативши жизнью? – я поддержал разговор, опасаясь, что хойш почувствует наши намерения, и тогда действительно не удастся уйти никогда и ни за что. Его замершие дубли пока что терпеливо и сосредоточенно ждали приказа.

– Жизнью?! А что такое жизнь в твоём понимании – плач на горячем пепелище и бесконечное одиночество потом? С неостывающим пепелищем вместо сгоревшего сердца? – хойш явно издевался, испытывая наше терпение и взвинченные до предела нервы.

– Не-е-ет!!! – пронзительно закричал Фастгул'х, пружиной взвываясь из-за моей спины. Что б тебя, не удержался!!! Я вскочил вслед за ним, перехватывая мальчика и отшвыривая его в совсем близкое отверстие, разбухавшее теперь светом и солнечным теплом. Окончательно сбив собою фанеру, вулф упал, провалившись ногами в ступок живого и жадного нечто...

Дальше понеслось стремительно: Мавул'х коротко взрыкнул, отдавая запоздалую команду, его бойцы вскинули оружие и принялись палить. Я упал на пол, а кот взвился в воздух, прикрывая собой уже почти ускользнувшее в дыру детское тело. Его грязная шкура приняла в себя пулю за пулей, и кровь, самая настоящая кровь каплями разлетелась по стенам. Он покатился по полу, оставляя за собой алую полосу, и провалился вслед за мальчиком. И это был ещё далеко не конец! Хорошо хоть, что дальше участвовал только я, а мои друзья, надеюсь, были очень и очень далеко.

Стрельба внезапно прекратилась.

Я приподнялся, прикидывая расстояние до светящегося выхода.

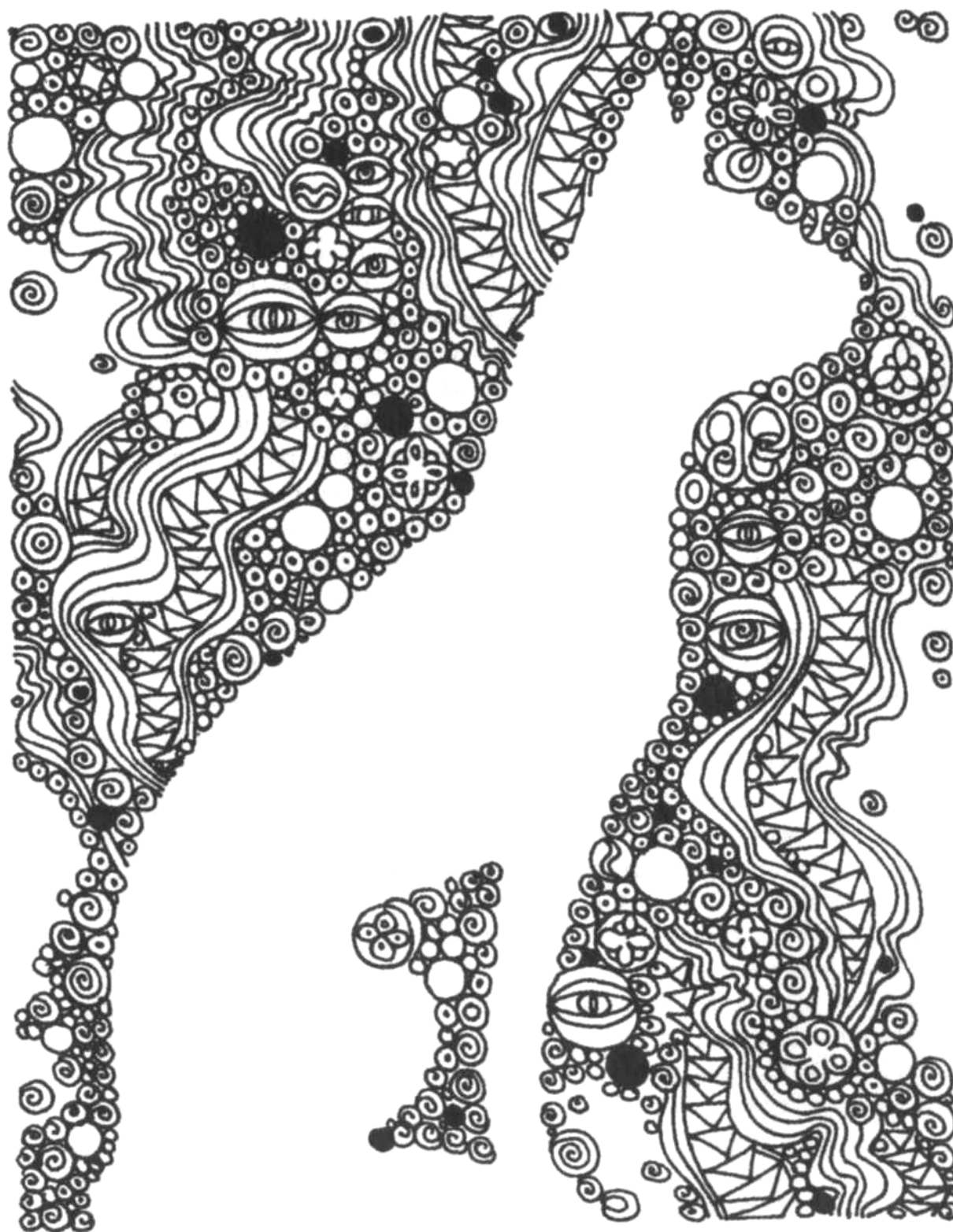
– Васи-и-или-ий!!! Останься!!! – леденящий душу шепот, как незримая петля, захлестнул мне горло, мешая дышать и думать. Я вздрогнул. Ну, и причём же здесь магары?! Рядом ведь нет никаких зеркал??? Или в стране сновидений они и не требуются?.. А может это опять иллюзия? Мои тайные страхи и нежелания обрели здесь плоть? И почему Мавул'х так странно затрясся, оборачиваясь невесть откуда взявшимся ветром, как непроницаемым чёрным плащом. И как завершающая точка – на меня уставился тяжёлый взгляд из-под капюшона, притягательный и сковывающий одновременно, жуткий и манящий, взгляд чуждого существа, поглядевшего на меня однажды из Зазеркалья, а теперь проступавшего сквозь глазные прорезы на лице хойша. Заминка-воспоминание стоила мне слишком дорого.

– Я, всё-таки, убью тебя! – прокричали сразу два существа, объединенные одной оболочкой и переполнявшей их ненавистью, руками хойша направляя мне прямо в грудь оружие. – Ты умрёшь!!!

Торжествующий хохот перекрыл грохот выстрела.

Ожидаемого удара, закономерного после расстрела в упор, я так и не почувствовал, – было ли? – лишь торопливо распахнул пальто и идиотически зашарил по груди, с удивлением ощупывая целую рубаху без прорех и следов. Наткнулся на что-то горячее, глянул вниз – на рубахе был вышит яркий орнамент, аляповатый и нелогичный – листики, веточки и корона... печать?! – теперь сверкавший и разгоравшийся все сильнее и сильнее, начинавший припекать, жечься, жечься, жечься... Что чувствует расстрелянный после своей гибели? Что снится ему в его последнем бредовом послесмертии?

Мне уже было наплевать: мёртвый или живой, я всё-таки прыгнул и провалился вслед за своими теперь действительно боевыми товарищами, погружаясь всё глубже и глубже – в состояние возрастающей боли, долгожданного облегчения и странной печали, которую некоторые почему-то иногда величают счастьем.

...Правда – это мимолетное порхание мотылька, хрупкое и трепетно зыбкое, но способное оторвать лучника от его уже теоретически убитой цели... Правда – ускользящая цепочка шагов на морском берегу, вдавленная и тут же смытая, кстати, ничего не имеющей к ним, обособленно пробегающей мимо, шепчущей, пенной волной... Правда – непроницаемо прекрасная или до слез откровенная, тяжелая, унижительная, смешливо радостная, меткая, убивающая, горькая или долгожданно приторная, какая бы она ни была, она есть лишь мгновенный взгляд души, успевающий выхватить из целого только отблеск, тень или блик, мелькнувший на грани непостижимого Всего...

ГЛАВА 13. ГРОЛЬХИ.

*И виден был в прицел
стеклянный ужас льва...
Отдельно нибб,
отдельно голова...*

Хон Артур

1

Я всё ещё был жив, жив и относительно здоров. Насколько? Проверил робко шевельнувшимися пальцами рук, ног, дрогнувшими веками и настороженным поворотом головы, вслушался – более чем хорошо: я действительно есть, непонятно, правда, где и когда. Не страшно, дело за малым. Я пробно сглотнул и, прочистив горло, чуть хрипловатым голосом произнёс своё первое слово:

– Я... – прислушался и продолжил: – Я уже здесь. Кто-нибудь есть рядом? Включите свет. Никто не ответил.

Но окружавшее меня пространство, послушное просьбе, расцвело и наполнилось неярким бережным освещением.

Я лежал на торжественном возвышении, накрытый красивым полотном, расписным и переливчатым, окруженный вокруг зеркалами и драпировками. Час от часу не легче. Обстановка располагающая и настораживающая одновременно. Значит, умер? Я еще раз, более озабоченно и энергично пошевелил рукою и попробовал приподняться. Шесть моих отражений, следуя и повторяя, настороженно наблюдали за мной из зеркальных проемов. Нам всем было очень и очень неудобно.

– Ну что, ребята, и куда мы вляпались? – обратился я к самому себе в шести лицах. Мои лица были озадачены тем же самым вопросом и промолчали. – Так, с вами понятно. Пошли в разведку?

Ребята покивали и дружно спустили ноги со спального постамента. Оглядевшись, обнаружили, что ни входа, ни выхода здесь нет. Мило! Всё-таки, попались?

Я пошёл по кругу, предоставив своим отражениям полную свободу действий, постукивая пальцем по гладким поверхностям зеркал. Не пройдя и половины, я остановился у одного из них, чуть более крупного, располагавшегося таким образом, что зеркало напротив отражалось точно в нём, создавая иллюзию бесконечного коридора.

– Надо же, как чисто вымыто, – пробормотал я, протягивая руку. – Как будто и нет никакого стекла, а только...

Я так и не сформулировал, что же "только", а пальцы мои уже влипали, проваливались за теоретическую границу, как бы пропарывая незримую тонкую плеву спящего дотоле зеркала. Оно отозвалось нервной, зябкой дрожью заколебавшегося воздухом пространства, едва уловимой волной разбежавшегося к краям рамы. Так это и есть вход-выход? А я вот не уверен, что мне именно туда.

Будто пытаюсь развеять мои сомнения, ко мне из бесконечного далека зашепила одинокая фигура, приближавшаяся с неотвратимой распростертостью случайно встреченного друга детства. Плащ, накиннутый капюшон, притягательно шепчущее сопровождение... Опять?! Не хочу!!! Мы же только что ведь расстались, и я пока не успел соскучиться!

Я рванулся в отступление, но моя рука предательски увязла, замурованная в прозрачном желе зеркала, как ноги утопленника в куске схватившегося цементного раствора. Вот вам и местный сериал про киллеров!

Я упёрся второй рукой, затем ногами – куда там! Только увяз и ими: готовая наживка на любезно подставленном блюде.

– Я ждал, я надеялся... – уговаривал голос, терпеливо выдавая интонации радушия и восхищения. – Я... рад...

– Нет!!! – протестующе заорал я, не сдаваясь и продолжая мучительно выдерживать свои застрявшие конечности. – Гад ползучий! Пиявка! Пшёл на фиг!..

В ход пошли выражения более нецензурного словаря. Если бы это хоть как-то задержало неминуемый миг объятий!

Вот уже протянулись ко мне белесые нити-щупальца.

Я истошно завопил, готовый кусаться, лягаться и биться до последнего вдоха...

2

И проснулся, весь в поту, скрюченный и действительно лягающийся, жадно хватаящий воздух и орущий.

– Держите его! – командовал между тем Зорр – Ноги, ноги прижмите! Василий, спокойно! Это же мы!

Я постепенно приходил в себя, ещё не веря в свою умопомрачительную удачу. Я среди своих! А эта мерзость была только сном!!! Хотя в свете последних путешествий и сон бывает не в руку и ни в кассу.

– Ну, наконец-то! Кошмар приснился? – участливо вздохнул Горынович, тоже изрядно вспотевший.

Я облегченно огляделся: вся наша честная компания была в сборе, включая Иллас Клааэна, опять принявшего человеческий вид, и даже Иичену, расположившегося неподалеку горкой перьев и с любопытством взиравшего на моё пробуждение.

– Иич, привет! – машинально произнёс я, ласково кивнув в его сторону.

– Прииивет! – тут же откликнулся тот, пару раз булькнув в заключение и вопросительно уставившись на меня своими круглыми выпуклыми глазами.

Вокруг все облегченно рассмеялись.

– Он, оказывается, разговаривает? – восхищённо проговорил я, тоже начиная смеяться. – Вот здорово!

Вышло солнце. Морозный горный воздух искрился случайными снежинками, принося желанное состояние ясности и бодрой активности. Что ж, други мои, в путь-дорогу?!

Мы находились на тропе – там же, где встретили Иллас Клааэна и его сына Заамн Яама. Вещи наши лежали тут же, но самое главное, что Фастпул'х стоял рядом, веселясь вместе со всеми. Здоровый и невредимый.

Не могу сказать точно, когда у меня возникли первые подозрения. Может быть тогда, когда подошедший Иичену предложил каттам попутешествовать вместе с нами. Или тогда, когда в небо выкатило второе, не менее ослепительное солнце, осветившее на противоположной стороне ущелья небрежно выбитую метровую надпись: "Хойша Моанович – потомственный дегенерат!". Наверное, это было неважно. Главное, что я успел сильно удивиться и...

3

И проснулся, соответственно удивленно подсмеивающийся и опять сомневающийся. Проснулся и окунулся в дворцовую тишину скрадывающих шаги ковров и изящной мебели, запутался в многообразии и излишестве картин, ваз, статуэток, цветов и драпировок. Комната была мне знакома по внезапному грустному объяснению в любви, так и оставшемуся без ответа и продолжения. Сил моих не было вспоминать то, что случилось здесь так давно или, может быть, совсем ещё недавно. А впрочем, меня никто уже и не спрашивал. Просто в одну секунду, легко до мимолетности всё вернулось на свои места: и утреннее встающее солнце, и невесомый ветер из открытого витражного окна, и милый изящный профиль на его чуть подсвеченном фоне.

Как сладко и одновременно больно... Я уже знал, что это всего лишь сон, и я подобен здесь наваждению. Что толстое неповоротливое облако, отраженное в лиловой реке, в тысячу раз живее меня и существеннее. Сон, только лишь долгожданный сон...

– Василий, – вдруг грустно позвала Диллинь, так тихо, что какое-то время мне казалось, что она вообще ничего не говорила. Но тут её губы дрогнули и подтверждающе повторили: – Василий, я тебя не вижу, не могу видеть...

– Сон, – в тон ей, едва слышно пояснил я, замороженно наблюдая, как еле уловимо колеблется на ветру выбившаяся спиральным колечком светлая упрямая прядка у ее виска. – Это лишь сон...

– Пусть сон, – выдохнула она, наклоняя в согласии голову и распрямляя пальцем облюбованный мною локон, удлиняя и заставляя его скользить мимо изящного уха, сбегать по изгибу шеи и, вновь отпущенным, победно сворачиваться назад. – Может, мы все – только лишь сны, несбывшиеся сны друг друга...

Эта задумчивая, чуть ироничная грусть была так на нее похожа, волнуяще узнаваема и желанна, что я почти поверил, согласился, ныряя в это согласие с головой, без оглядки и поворотных компромиссов.

Что есть правда, а что – выдуманная неправда? Что говорю и делаю я в недостижимом полёте её сновидения?

– Правда – это мимолетное порхание мотылька, хрупкое и трепетно зыбкое, но способное оторвать лучника от его уже теоретически убитой цели... Правда – ускользающая цепочка шагов на морском берегу, вдавленная и тут же смытая обособленно пробегающей мимо, шепчущей волной... Правда – непроницаемо прекрасная или до слез откровенная, тяжелая, унижительная, смешливо-радостная, меткая, убивающая, горькая или приторно сладкая, какая бы она ни была – есть лишь мгновенный взгляд души, успевающий выхватить из целого только отблеск, тень или блик, мелькнувший на грани непостижимого всего...

Кто это ответил мне? Она? Я сам? Эхо?

Я знаю, ты лишь снишься мне... В этом сне я это уже знаю.

Шагнул к ней навстречу, вставая таким образом, чтобы её глаза отразились в моих. Иллюзия? Пусть, мне всё равно. Мелочь, а приятно. Мы сами придумываем окончания собственных сказок.

Хлопком распахнувшаяся дверь прервала поток моих сумбурных задыхающихся чувств, выбрасывая в комнату группу атакующих десантников, нет, скорее японских ниндзя, всех в черном, без видимого оружия, с холодным прицелом глаз и хищным шагом. Секундное окружение, заминка, тонкий вскрик и закрутившийся вихрь манипуляций – меня не трогали, оттеснив к стене, Диллинь же подхватили и потащили прочь. Перед тем, как скрыться, последний из нападавших задержался и снял со своего лица черную повязку.

– И так будет всегда! – плюнул мне в глаза мой враг хойш, избравший внешность и повадки моего друга Мавул'ха. – Я всегда буду стоять у тебя на пути – пути сновидений! Всегда!

– Что-то ты не в меру истеричен сегодня, – улыбнулся я. – Иди давай, гуляй пока! Настоящей Диллинь тебе не видать, как собственной настоящей жизни!

Он возмущенно хлопнул дверью и ушел по-английски, не попрощавшись. Мы оба понимали, что сейчас недоступны друг для друга. Он же оставлял за собой неоспоримое право на пакости и мелкие предательства. Что ж, отнесусь с пониманием – существование у него далеко не сахар.

– Дафэн! – позвал меня кто-то сзади. – Дафэн, дафэн, дафэн...

Я обернулся и с удивлением обнаружил, что уже не один, более того, настолько не один, что в комнате скоро будет не протолкнуться. Кто эти бледные, вытянутые, одинаковые создания, так похожие на новоиспеченных покойников?

– Мы моаны! – бормотали разевающиеся рты. – Спаси нас, дафэн! Спа-аси-ии-ии!..

– Стоп, ребята! Обойдемся без лобызаний! – я выставил вперед руки, предупреждая последующие попытки напираний и дерганий за рукав, вздохнул и удрученно огляделся вокруг, не испытывая ничего кроме усталости и пустоты в груди. Еще минуту назад я созерцал профиль Диллинь... Куда всё ушло и откуда столько понабежало? Воистину, пути неисповедимы!

– Спасу, – почти механически кивнул я. Моаны заволновались. Может, стоило повременить с обещаниями? – Только объясните мне всё по порядку, ладно? Кто у вас главный?

Они, заныв, качнулись, но потом, тем не менее, выдали блеклого представителя, на мой взгляд ничем не отличавшегося от остальных. Фигура нерешительно подплыла ближе и замерла в ожидании.

– Как зовут? – спросил я, чтобы хоть как-то начать разговор.

– У нас нет имен. Когда-то были, но мы не помним, – удручённо прошептал "главный" моан, робко шевельнув плечами.

– Ну, хорошо. Будешь Пер, в смысле первый, пока не вспомнишь своё настоящее имя. Рассказывай, почему вы считаете, что я могу вас как-то спасти?

– Можешь, – забеспокоился Пер. – Ты же ведь дафэн. Тот, который возвращается.

– О! – обрадовался я. – Хотя кто-то, наконец, объяснит мне термин "дафэн".

– Объяснить?.. – на лице моана отразилось такое обречённо-горестное выражение, что мне стало его жаль: ещё чего, расплатится. – Не знаю, – с сомнением протянул он. – Я лучше расскажу по порядку, с самого начала.

Теперь уже обречённо вздохнул я. Впрочем, мешать не стал.

– Когда кто-то застревает в мире Соррнорма, – прилежно приступил к повествованию Пер, – он становится моаном – тем, у кого больше ничего нет, кроме текуще изменяющегося тела и его воспоминаний-фантазий. Сначала он наслаждается и веселится, осуществляя любую свою мечту. Любую! – он многозначительно поднял вверх палец. – И не замечает, как вся его сила растрачивается и переходит во владение зурпаршей.

– Они говорили, что, якобы, мир снов становится насыщеннее и богаче благодаря вашим умственным импровизациям, – уточнил я. – А вы взамен живете бесконечно долго? Почти вечно?

– Вечно! – зароптали молчавшие до этого другие моаны. Возмущению их не было предела. – Вечно?! И как тебе нравится наш вечный внешний вид? Мы постепенно растеряли последние крохи себя: мы уже ничего не хотим и не помним, мы не можем даже умереть. Выход же отсюда для нас закрыт. Покажи нам выход, дафэн!!!

– Рад бы, да не могу, – покачал головой я. – По крайней мере, сейчас не могу.

– Мы подождём! – закивали они восхищённо, а Пер чуть замялся и нерешительно добавил: – Но ты всё равно поторопись! Наши жизни не бесконечны. Рано или поздно фантазии перестают быть разноцветными объёмными иллюзиями этого мира, а старятся и выпадают серым дождем сомнений и недоверий где-то на задворках и пустырях Соррнорма. Тогда и мы блекнем и совсем растворяемся, оседая туманом, стекая каплями слёз по окнам и щекам других пока ещё беспечных жителей.

– А почему вы решили, что я – это тот, кто вам нужен?

– У нас есть легенда, – возобновил свои откровения Пер, – что однажды придёт некто, кого не смогут победить хойши и кому уступят зурпарши, указав дорогу назад и распахнув перед ним сокрытые дотолы двери.

– Не могу сказать, что они так уж перед нами расстилались, – усмехнулся я. – Да и дверей распахнутых с коврами дорожками, проводами, подарками и взглядами из-под руки что-то не припомню!

– И будет он не один, – не унимался бледнолицый рассказчик, с каждым словом входя в раж. – По правую его руку пойдет хранитель с глазами цвета неба, а по левую – хранитель с глазами цвета солнца...

Я хотел вольно пошутить, но тут вспомнил, – совпадение? – что цвет глаз моих двоих – именно двоих?! – спутников был соответствующих оттенков. Может, моаны – известные фантазёры! – просто всё придумали? Ведь события-то уже миновали, а текст легенды зачитывается мне только теперь. Легко им вещать вдогонку происшедшему!

– А когда он придёт вновь, двери распахнутся и откроются тысячи дорог. К нам вернётся наша память и чувства, мы вновь обретём свободу и сможем начать или завершить свою жизнь в настоящем мире! – рассказываемая история постепенно стала походить на легенды моей

досточтимой родины. Хотя – нет, сравнение всё же малость притянута. И как там ещё у меня дела повернутся, неизвестно. Буду ли я действительно в этих виртуальных краях – как знать?! Не говоря уж об вскользь обещанном благодетельствовании.

Я нечаянно задумался, упустив, как обычно, самое главное.

– Дафэн, дафэн! – плаксиво постанывали моаны, незаметно придвигаясь ближе ко мне. Видимо, Пер давно закончил и отступил, давая возможность и другим изложить лично свои душещипательные просьбы.

– Назад! Все назад! – забеспокоился я, безрезультатно жестикулируя руками и пытаюсь усмотреть в переполненной комнате хоть толику свободного места – тщетно. – Будете напирать – ни за что не спасу! – проворчал я, думая лишь о том, что вот сейчас бы не задавили: кто тогда потом к ним вернется, к глупым и неразумным, согласно расписанию?

Никто не слушал. Передние ряды пыхтели, задние тянули шеи и руки, подвывая чуть нетерпеливее и безысходнее. Мне надоело, и я показательно толкнул кого-то в лоб, стараясь не навредить и не спихнуть бедолагу под чьи-нибудь одержимые ноги – не помогло! Тогда я устремился сквозь толпу, но застрял, ощущая прохладу прижатых тел и ни с чем не сравнимый запах, ассоциирующийся у меня с чувством потерянности в большом тёмном доме, запертом и обдуваемом стужей – запах одиночества и никому ненужности.

– Назад! Назад! – продолжал вторить я, хоть на меня больше никто и не давил, лишь засасывала тоска и безнадежность, выдаваемая мне взамен тепла и непримиримости быющего живого сердца. – Эй-эй!!! Так не договаривались!!! Наза-а-ад!!!

Кажется, кому-то досталось уже по-настоящему. Я снова заорал на них и...

4

И проснулся.

Опять что ли?! Больше не могу!!! На-до-ело!!! Сколько можно крутами ходить вокруг да около? И что я так старательно кричу "назад!"? Куда назад-то?

– Назад? Куда назад-то? – укоризненно поинтересовался Враххильдорст, сидевший у меня на груди и методично, с интервалом в пару секунд, – это у нас традиция теперь такая? – лупивший меня по щекам, начинавшим болеть, краснеть и все такое прочее. – Только глаза открыл – и снова назад! Зря мы, что ли, по тебе так соскучились?

Дома?!. От неожиданности я чуть приподнял голову, получая очередной шлепок, теперь по уху, – как приятно! – ошалело оглядываясь и погружаясь в состояние полного – до дебилизма – счастливого восхищения. Даже, если это опять сон!

Я полулежал на мягком полу в той же беломраморной комнате без окон и дверей, из которой мы отправились с Иллас Клааэном за потерявшимся Фастгул'хом. Кстати, вот и он, собственной персоной, живой и абсолютно не спящий, почему-то со слезами на глазах, трясущий мою руку и умоляюще бормочущий. Что, малыш? Почему плачем? Я прислушался.

– Дядя Вася, – лепетал мальчик. – Пожалуйста, проснись! Я-то уже проснулся, я там не хочу, я здесь хочу-у-у! С ва-а-ами! Я больше так не буду-у-у! Мне страшно!

Пожалуйста, проснись! Нет, кажется, не сон!

– Малыш! – хрипло позвал я. – Не плачь! Настоящие вулфы никогда не плачут! Он поражённо замер, а потом, ещё более разрыдавшись, пал мне на грудь, спихнув головой Враххильдорста. Ну вот, точно – дома!

– Спокойно! Прощу соблюдать очередность! – пробормотал я, допросыпаясь окончательно и оглядываясь на ждущих рядом Зорра и Иллас Клааэна (тоже живого и невредимого – ура, пули не смогли-таки достать его!), наблюдавших за происходящим с одинаковым выражением иронии и облегчения. – Надеюсь, вы-то обойдетесь без методичного намазывания своих дефицитных соплей на мою и без того мокрую рубашку?

– Отчего же?! – хохотнул вдруг Горынович. – Сейчас обернусь Змеем и буду пускать пузыри всеми тремя головами сразу! А лучше стану рыгающим и икающим Рэйвильрайдерсом! Или тем и другим в одном лице!

– Где тут у вас снотворное?! – притворно испугался я, не забывая при этом тихонько гладить по голове мальчика, посапывавшего на моем плече. – Уж лучше быть синюшным моаном, чем захлебнуться в твоих соплах...

– Нет уж, не лучше! – вдруг совершенно серьезно возразил Зорр, оглядываясь на Фастгул'ха. Этот взгляд почему-то окончательно убедил меня, что – всё, путешествие закончилось на самом деле!

– Конечно же, закончилось, – сочувственно кивнул Иллас Клааэн, поднося мне чашку с дымящейся жидкостью. – Глотни! Хватит растекаться во всеобщем обожании. Ты ведь и так знаешь, что твои друзья тебя любят.

– А они любят? – восхищенно уточнил я, делая первый осторожный глоток. – Здорово!.. А что это такое? В смысле, я о напитке.

Голова вмиг прояснилась, события укомплектовались и разложились по полочкам. Чувствовал я себя прекрасно, помнил всё: до мелочей и последствий, до того как и после того как, в целом и в частности. А главное, я твердо знал, что я это я – Вася во плоти, лихой и молодецкой, сбегавший в страну Соррнорм и благополучно вернувшийся обратно. С боевого задания, так сказать, выполненного и завершенного, с трофеем и последующим орденом за него.

– Чарку поднесли, а орден на бюст? – улыбнулся я, хлопая себя по предполагаемому месту прикрепления этого самого желаемого ордена и натыкаясь рукой на массивную и горячую королевскую печать. Так, понятно, место занято. Боевая подруга, как всегда, со мной. Тоже, небось, в сражениях участвовала? Точно, она же меня от расстрела в упор и спасла – получше пуленепробиваемого жилета! – даром что во сне была в виде вышивки на рубашке.

– Вот-вот! – подтвердил катт. – Зачем тебе орден с такой-то наградой? А пил ты оррос – напиток, который обязательно пьют для восстановления памяти.

– Сон или не сон?

– Да. Тебе, правда, чтобы понять, спишь ты или нет, достаточно всего лишь подержать в руке королевскую печать. Только в настоящем мире она имеет вид печати – такой, какой ты привык ее видеть. А вот восстановить ход событий, перемешанных в твоей заспанной голове, было просто необходимо. Для неопытного путешественника легко сместить или перепутать реальности, увлекая его в лабиринты снов и иллюзий, запирая в ловушки и тупики.

– А! Так, все-таки, зуррпарши вели себя нечестно! Насильственная вербовка?

– Честно, нечестно... Не в этом дело. Наступает момент, когда у игры больше не существует правил, – пожал плечами Иллас Клааэн. – Влип – сам виноват!

– Ясно, понял, не дурак. Только вот причём же здесь дети? – я поглядел на шмыгавшего носом, но уже улыбавшегося Фастгул'ха и добавил: – Что ж, всё хорошо, что хорошо кончается.

– А мне показалось, что сейчас-то всё как раз и начинается! – вдруг серьезно, как могут только дети, возразил малыш. – Да, дядя Вася?

Я приподнял бровь и промолчал. Вокруг все рассмеялись.

5

Вечером был праздник – смешной и по-домашнему неловкий, суетный, говорливый, местами перескакивавший в помпезности и жизнерадостные дифирамбы, впрочем, не удерживавшийся на этой зыбкой, неустойчивой ноте и опять скатывавшийся в более привычный мир сомнительных острот и безудержного смеха. Мы откровенно наслаждались: я – долгожданным обществом и не менее долгожданной передышкой, Враххильдорст – отличной кухней, Зорр с Иллас Клааэном – друг другом, обособленные неторопливой беседой, раскладываемой, как пасьянс – слово к слову, романтическая терминология к жёсткой конкретности сюжета – прерываемой разве что только исподволь брошенным взглядом, как, мол, там молодежь веселится? Фастгул'х притащил упирающегося Иичену, успокоил, одев на его шею резной коготь, и усадил за стол вместе со всеми под смешки и шуточки окружающих, не обращая внимания на наши бесцеремонные взгляды, пристроился рядом, прижавшись к пушистым, уже начинавшим отрастать перьям.

Изредка приходили и уходили другие катты, но я так понял, что у них было не принято навязывать своё общество без видимой веской причины. Что ж, катты и есть катты, то есть попросту коты, даже и такие удивительные, как коты из племени вар-рахалов. Рядом суежилась, подавая и унося, та самая девушка, которую я видел ещё в начале. Её звали Окафа, и она была племянницей каттиуса.

– Вы сначала просто крепко спали, – жуя, рассказывал Враххильдорст. – Как положено, с присвистом и зычным храпом...

– Ну уж, – улыбнулся я.

– Ладно, шучу, шучу! – махнул рукой дофрест, успевая весело подмигнуть Окафе. – Усами, бровями не трепыхали, лежали молча и смирно. Потом так потешно стали во сне переговариваться то ли друг с другом, то ли с кем-то третьим, как будто и не спали вовсе.

– Пока я понял, что я сплю, считай – сто лет прошло. Знаешь, как трудно понять, что ты во сне?! Это тебе не Кастанеду лежа на диване почитывать! – вздохнул я. – Ха, прогулка по сновидениям! То ещё мероприятие! Третий, значит, был? Конечно! Куда же без третьего? Без этого третьего русскому человеку никак нельзя, хоть в сказке, хоть в жизни... Отгадай, кстати, кто на эту роль тянет с первого раза? По старой, традиционной привычке? Могу с тобой даже поспорить на ящик лимонада, если это тебе поможет. Явился и помог в самый, что ни на есть, пиковый момент. Согрел, подсказал да ещё и проводил немного.

– Троян, что ли, вам дорогу переехал? – подозрительно покосился на меня Враххильдорст.

– А откуда ты знаешь, что он именно переехал? – не менее подозрительно отозвался я. – Угадал! Это был Троян Модестович. Ящик лимонада на мысль навёл?

– Может быть, может быть. Надо же, и тут профессор меня обскакал, – дофрест недоуменно поковырялся в зубах. – Небось, подкатил на шикарном лимузине? Он эти спецэффекты любит.

– На такси – блестящем, как елочная игрушка.

– Вот видишь! – торжествуя заключил мой собеседник и вдруг невпопад захихикал: – А потом вы подрались, да?! Ты так забавно кулаками в воздухе махал, кричал и вокруг себя всё время что-то искал, руками шарил. Зорр, в конце концов, не выдержал: сначала тебе в протянутую ладонь всякие глупости клал, вроде корки хлеба и запасных носков – весело было!..

– А уж нам-то там как было весело! – хмыкнул я, укоризненно оглядываясь на Горыновича.

– Вот, вот. Мы и сами потом поняли, что дело плохо, – согласился Враххильдорст. – Скажи спасибо Окафе – она первая начала беспокоиться.

– Это когда Василий протянутым ему же башмаком тебя по голове стукнул? – деликатно подсказал дофресту Горынович. Девушка же тактично промолчала. – Да, тогда я и решил подсунуть тебе что-нибудь посущественнее.

– И кому пришла гениальная идея вручить мне коготь? – вежливо осведомился я, на самом деле, удивленно сознавая, что появление Ишк'йятты там каким-то образом связано с манипуляциями оставшихся в бодрствовании наших друзей здесь.

Окафа хихикнула, Зорр уставился на Враххильдорста. Они дружно выдохнули и разом повернулись к Иичену.

– Это он, – растерянно проговорил Горынович. – Он сам к нам подошёл и что-то пробубнил, не помню, что.

– Иичену иуээлот, – вспомнил я надпись на фанерной двери, выведшей нас из страны сновидений.

– Точно! – подхватил Зорр, тыкнув в мою сторону пальцем. – Именно так он и сказал. А ты откуда знаешь? Впрочем, он потом стал отряхиваться и клювом чесаться, пока мы не поняли, что он хочет снять с себя коготь. Вот тогда и пришла идея дать тебе его в руку. Ты сразу же успокоился и сладко захрапел.

– А коготочек-то из твоей ладони взял, да и исчез, – торжественно подытожил дофрест. – Полностью, вплоть до шнурка.

– Мы видели великую Ишк'йяту! – произнёс я. – Она внезапно появилась и так же внезапно пропала, оставив в своём следе прилипший коготь – вот этот самый. Если бы не он, нам ни за что не удалось бы вернуть Фастгул'ха.

– Что ж, может быть, это и была самая настоящая Ишк'йятта, – задумчиво согласился Горынович.

– Получается, что Фастгул'х смог вернуться только благодаря всеобщим усилиям, начиная от Иичену – весьма конкретного и простого – и заканчивая Ишк'йяттой – великой и непостижимой. Даже Троян Модестович объявился собственной утонченной персоной. Между прочим, – я хитро смерил Врахильдорста оценивающим взглядом, собираясь пошутить, но с каждым мгновением понимая, что и в этой шутке может оказаться неоспоримая доля правды, – за нами по завершающему маршруту топала весьма примечательная особа – крыса, которая внесла свой важный вклад в наше спасение. Оч-чень напоминала тебя.

– Хорошо хоть не мокрица или таракан, – вздохнул тот, не соглашаясь, но, впрочем, и не отрицая сию любопытную версию. – Главное, что помогла, а кто это был на самом деле и был ли – какая теперь разница? Мы вместе! И пусть хойши хоть подавятся друг другом, но вы-то здесь!

– Да, кстати, об этом! – восторженно воскликнул я. – Сны!!! Я же видел потом разные сны. В них фигурировал хойш, который активно меня преследовал. Теперь всегда так будет, или как? Нормальный сон мне больше уже и не посмотреть?

– А что значит в твоём понимании "нормальный сон"? – вдруг оживился до этого молчавший Иллас Клааэн. – Полубредовое отрывочное состояние, нагромождение полустертых лиц и событий, исчезающее через пять минут после окончательного разлепления глаз? И ради этого стоит ложиться в кровать и существовать длительное время в виде аморфного тела? Для нас, каттов, сон – это плавное и весьма логичное продолжение жизни, дающее величайшие возможности для решения задач, неразрешимых в этом мире. Вот, например, у тебя, Василий, есть враги! – я молча кивнул. – Встреться с ними сначала во сне – и они не смогут от тебя скрыться: ты узнаешь их слабые места и нелепые особенности. Используй эти возможности во благо, и ты победишь их здесь!

– Мысль, конечно, интересная, – я задумался. – А как насчет смертельных исходов?

– Хм. Если боишься, то считай, что ты уже проиграл. Да и чего тебе бояться? – он улыбнулся. – Ты не раз доказал, что тебя не так-то просто убить. Истинному воину должно быть всё равно, умрёт он или нет. Спокойствие духа порождает неуязвимость тела. Будь спокоен – и твоя смерть будет ждать тебя бесконечно долго. Не суетись – и ты везде и всегда успеешь, твоя судьба окажется не менее терпеливой особой.

– Ну, прямо напутствие герою, отправляемому на ратный подвиг. Остается только применить его практически, не получив пулю в лоб или камнем по затылку. Когда выходим-то?

– Сейчас! – невозмутимо изрёк Иллас Клааэн. При этом он не смотрел ни на часы, ни на созвездия.

– Почему сейчас-то? – недоуменно переспросил я, озадаченно оглядываясь на замерших друзей.

– А потому, что ты об этом спросил! – недовольно пробурчал Врахильдорст, с сожалением рассматривая содержимое своей наполовину полной тарелки. – Эх, доесть не успел! И кто тебя за язык-то тянул?..

– Да нет, время он выбрал весьма правильное, – возразил катт. – В самый раз.

– Так скоро ведь ночь? – возразил я.

– Ну и что. Мне показалось, ты выспался, – усмехнулся Иллас Клааэн. – А темнота – не помеха: дадим вам переносные светляриусы, и пойдёте, как по центральной улице. Из ущелья выйдете, а там и полететь сможете – будет где хийсу крылья развернуть. Малыш-вулф поправился, а иича спеленаете и прикрутите кульком сверху.

– Коготь оденем – сам туда заберётся, – кивнул Зорр. Катт в ответ лишь насмешливо покачал головой: чего только не бывает на белом свете?!

Вещи, кажется, собрались сами собой. Обратная дорога сквозь стену кружащихся снежинок промелькнула незаметно, как и не было. И вот мы снова стоим на горной ночной дороге. Тропа позади нас за это время обрушилась вниз снежной лавиной. Тропа впереди убегала за поворот чётко прочерченной линией, утоптанной и ровной. И правильно – былого нет. Есть лишь воспоминания о нём – разные, несхожие, полустёртые или, наоборот, отчётливые, но окончательно перемешанные в единую кашу прошлого, уползшего лавиной в жадную пропасть времени.

Окафа, грустная и спокойная одновременно, принесла каждому по светляриусу – небольшому матово-светящемуся и стрекочущему шару.

– Там внутри снежные мотыльки. Слышишь? Это они так крылышками шуршат, шуршат и светят, – пояснила девушка. Вручив мне мой будущий фонарь, тихо добавила: – Отпустите их на волю, когда они станут вам ненужны.

– Конечно. Обожаю выпускать на волю, – улыбнулся ей я.

– Тебе ещё не раз представится такая возможность, – ответил за Окафу подошедший Илас Клааэн. – Если будет нужна моя помощь, то зови меня во сне. Ты теперь там, как у себя дома. А опыт придёт со временем.

– Спасибо! – только и сказал я, умудрившись вложить в это слово обуревавшие меня чувства, запомнившиеся, кажется, на всю оставшуюся жизнь. Что ж, коллективный расстрел сближает, не правда ли?

6

"Красота!!!"

Шедший впереди Зорр забавлялся мысленной беседой, доставая меня внезапными комментариями, звучавшими прямо в моей голове. Я уж и забыл, как это бывает. "Это" – всякие там телепатические контакты: не отключиться и уши не заткнуть. Остается только расслабиться и получать удовольствие, то есть, тоже вести эту самую мысленную беседу.

"И не надо на меня так укоризненно смотреть, – думал-говорил Горынович. – Начну плакать, пойдут давно запланированные сопли. Тебе меня не жаль, а, изверг?"

"Я же ещё и изверг! – моему возмущению не было предела. – Молчи уж, фонтан сопливый! Пузырчатый и трёхструйчатый! Тоже мне, хийс огнекашляющий!"

"Молодец! Хорошо излагаешь, чётко! Даром, что дафэн, обильно жалостливый и неисправимо любопытный! – жизнерадостно телепатировал мне Зорр. – Только "р" не выговариваешь. Кстати, ты, я погляжу, уже привык к своему новому прозвищу, а, дафэнушка? Я к моему тоже привык, так что зови хоть хийсом, хоть Рэйвильрайдерсом, хоть хиравийдерсом! А, дафэвасиндус?!"

Я не выдержал и запустил в него снежком. Попал, к своему неопишуемому восторгу, причём основательный кусок провалился ему точно за шиворот. Мне тут же прилетело назад, не менее метко и с тем же катастрофическим эффектом проваливания мокрого и холодного под тёплую и пока сухую одежду. Заголосил дофрест, пританцовывая и улюлюкая на моём плече. К нему тут же присоединился Иичену, по-петушину хлопая крыльями. Фастул'х испустил задорный клич, повторенный многократно горами, и принялся носиться между нами, принимая то одну, то другую сторону или обстреливая снежками сразу нас обоих, а вообще, создавая веселую кутерьму. И одной Ишк'йяте было ведомо, насколько это веселье действительно занимало его рано поседевшую душу. И не в наших силах было примирить его с исчезновением родителей, с той дырой в жизни, куда всё теперь могло запросто ухнуть, укатиться, забрав с собой последнего из рода Шулдзуа'х. Я смотрел в его улыбающееся лицо, а видел только скорбную складку, навсегда обосновавшуюся между бровями. Судьба, кем ты писана и веришь ли ты сама в то, с чего начиналась?

"Рассвет подкрался незаметно, хоть виден был издалека", – крутилось в моей голове.

"Да подкрался он, подкрался! – нетерпеливо перебил Горынович. – Ты что вздумал грустить? Может, тебя снежком подправить? Так это я запросто! Лучше вокруг посмотри!"

Надо же, а рассвет-то действительно наступил незаметно, вдруг разом заливая небо пастельным розово-лилово-сиреневым тоном, лишь с одного края набравшим полную силу, с другого же еще приглушенным, забрызганным едва заметными звездами. Действительно, красотища!

Отряхнувшись и отдышавшись, мы неспешно спускались по наклонной дороге, теперь уже каменной, гулкой и сыпучей. Снег остался где-то позади вместе с беспричинным весельем. Впереди простиралась пока ещё тёмная долина с лиловыми лепестками горных озёр и черными кляксами едва различимых деревьев. При ближайшем рассмотрении деревья оказались карикатурно невысокими – не выше двух-трех метров – пародиями на привычные величественные кедры, однако на них, как и положе но, имелись аккуратные шишечки, и корни вылезали из-под земли так же упруго и шершаво, как и у их родственников-великанов. Под первыми отблесками солнца постепенно проступала сказочная страна лилипутов, настолько всё вокруг казалось уменьшенным, милым и домашним, лишь огромные каменные валуны нарушали общую картину, хотя нет – и их при желании можно было бы выдать за игрушечные горы.

Увидев впереди глянцево поблескивающее овальное озерцо, мы невольно ускорили шаг и, под конец, не выдержали и побежали. Выскочили на его пологий аккуратный очерченный берег и остановились в восхищении. Розовой монетой, неподвижным идеальным зеркалом лежало оно перед нами. На другой его стороне в резкой холодной тени высилась отвесная скала, испещренная вертикальными бороздами и складками, как стена готического храма с многочисленными уступами и колоннами. И за этим импровизированным храмом уже явно всходило солнце, загорааясь отдельными бликами и искрами то тут, то там, прочерчивая архитектурные грани и импровизируя с мимолетным созданием фигур и профилей. Было ясно, что через несколько минут всё исчезнет, сольется в ослепительном свете: и озеро, и вся горная долина и наша очарованная, застывшая в немом ожидании компания случайных зрителей. Как мы ни старались, а пропустили, всё-таки, момент, когда небо колыхнулось в утреннем пробуждении, каменная граница вдруг ярко вспыхнула, раскаленно, оплавленно и просела под горячим напором показавшегося светила – огромного пылающего диска, нижним своим краем оперевшегося на башенки здания, созданного нашим воображением.

Встретить рассвет в горах... Когда-то эта фраза вызывала у меня скуку. Солнце -оно везде солнце, думалось мне. Ан, нет. Оказалось, что его величина и интенсивность зависят от многого и, прежде всего, от состояния души и ее умения все еще чему-нибудь удивляться в этом мире. Кажется, чувством прекрасного обладали все присутствовавшие, включая разинувшего зубастую пасть Иичену.

Взошло солнце. Мы выдохнули, иич захлопнул свой внушительный клюв и ошарашенно произнес:

– Иии-чуу!

Мы дружно вздохнули и перевели свой взгляд на смутившегося и попятившегося иича.

– Ура! – закричал Фастгул'х.

– Ага! – обличающе констатировал я. – Значит, умеешь-таки говорить.

Птиц лишь тревожно забулькал и боком, боком стал прятаться за своего хозяина, такого маленького рядом с ним, что скрыться могли, пожалуй, только страусиные ноги.

– Да ладно! – миролюбиво махнул я рукой. – Не хочешь – не говори! Не очень и надо...

– Чуу? – вдруг обиделся Иичену под наш дружный хохот.

– Вот тебе и "чу"! – смеялся Горынович, раскатисто перекрывая икающий смех Враххильдорста. – Что, будет нам теперь с кем побеседовать на философские темы?

Иич дулся, тряс перьями и изучающе переводил взгляд с одного на другого, потом не выдержал и потихоньку начал булькать, присоединяясь к всеобщему веселью. Видимо, в данной ситуации это обозначало смех – смех, подтверждавший его разумность, пусть даже и в зачаточной степени развития. Что ж, получается, что и иичи – думающие существа? Или же этот первый и единственный из них такой талантливый?

Место идеально подходило для привала. Перекидываясь килограммовыми шутками, подмигивая и подсмеиваясь, мы стали обживать облюбованное пространство. Идея завтрака, высказанная неизвестно кем, а, впрочем, прочувствованная всеми одинаково, воплотилась незатейливо быстро: между камнями разожгли костёр, вскипятили чай, сделали бутерброды, расположились вокруг, завязалась ни к чему не обязывающая беседа, а малыш, к моему удивлению, убежал купаться.

Озеро, питаемое ледниковым ручьём, было обжигающе холодное, студёное – до тянущей боли, до враждебной отстранённости, – не пускавшее за свою границу никого постороннего. Однако Фастгул'х ничуть не раздумывая, уже на бегу раздеваясь, весело, почти с вызовом крикнув, будто пытаясь убежать от чего-то или просто из озорства, прыгнул с разбегу в воду головой вперёд. Озеро сомкнулось над мальчиком, нарушив четкие линии отражений, и тут же вытолкнуло его назад на поверхность, отвечая на мелькания рук брызгами и прытким эхом, прикатывавшимся от противоположного берега. Иичену нетерпеливо вышагивал по берегу, волнуясь и бормоча, как пожилая мамаша, отпустившая купаться своего единственного ребёнка на глубокое и опасное, с её точки зрения, место. У меня вообще не укладывалось в голове, как можно было не умереть через минуту в такой холоднющей воде, от которой просто кровь стыла в жилах. А юному вулфу всё было нипочем. Он уже вылезал, к радостному облегчению иича, когда земля под нашими ногами внезапно дрогнула и пошла волнами не хуже озерных, портя окружающий пейзаж ухавшими внутрь ямами и трещинами.

– Берегитесь! – крикнул я, поспешно выхватывая взглядом фигуры своих друзей. Хорошо хоть, Враххильдорст ещё не успел покинуть моё плечо: пусть и не очень надежное пристанище, зато не надо выискивать и вылавливать его среди подпрыгивавших и катившихся комков земли.

Фастгул'х подхватил одежду и, лихо оседлав Иичену, позвал нас, указывая на относительно неподвижный и безопасный пригорок, помчавшись туда вместе со своим верным скакуном и примкнувшим к ним Горыновичем. Я махнул ему в ответ и двинулся туда же.

Довершить задуманное так и не удалось. Сначала я всё же потерял визжавшего и царапавшегося дофреста, сметённого с моего плеча очередным толчком, а затем и сам покатился по вихляющей взбесившейся поверхности, решившей отчего-то зажевать нас своими земляными челюстями. А тут и небо удумало поразить наше воображение, активно подключившись к разворачивавшейся природной катастрофе: нагнало туч, враз потемнело, замелькало сполохами, будто и не вставало только что утреннее солнце. В окружавшем нас мире экстренно и эксцентрично воцарилась ночь.

Последовавший за этим удар в бок уже не удивил – а чего и ждать-то? Где происходит одна гадость, там жди ещё сто одну. Я успешно уклонился от следующего тычка и даже наградил кого-то пинком – раз, носком ботинка в предполагаемом направлении – привет, нежданные гости! И что происходит-то, а?! Ответ пришел незамедлительно, выхваченный голубым молниеносным сполохом и сопровождаемый издевательским хохотом прогремевшего следом грома. Динамичная сцена террористического нападения: землетрясение завершилось, но радоваться было рано, так как из сморщенной и растрескавшейся поверхности выкарабкивались какие-то немыслимые блеклые подземные жители, лысые человечки, заполонившие собой, – как продемонстрировала вспышка молнии, – почти весь берег озера. Судя по звукам, на пригорке шла ожесточенная драка. Скинув очередного слишком рьяного претендента на мое тело, я устремился в сторону воевавших друзей, выбрав наикратчайшее направление прорубания.

– Эге-гей!!! – раздался молодецкий клич Горыновича. – Вася-аа!!! Где??? Ты??? Сю-да-ааа!!!

– Эй-ге-гей!!! Идду-уу!!! – шально проорал я, утраивая мои и без того героические усилия. Белесые жмурики осыпались с меня пригоршнями. Я шёл к своим, проламываясь, словно ледокол. Эх, Врахх куда-то подевался!.. Чем ближе цель, тем более душно да тошно. Я не разбирал, куда летит удар – куда ни ткни, обязательно попадёшь. Как говорится, куда ни плюнь – везде ковер... Руки, ноги, голова, руки, ноги, голова! Фу, так и устать недолго! Удар рукой, удар ногой, теперь одновременно.

Внезапно полыхнуло, но не обычным синим, а неоново-рыжим, пламенным. Нападавшие, наконец-то, обрели голос, чуть отхлынув в сторону и засвиригивая – неприятно, режуще, скорее ощущаемо лишь дрогнувшими барабанными перепонками. Я воспользовался моментом, наседаю на преграждавшую мне путь толпу, и, только глянув вперёд, вдруг осознал, что же их так напугало.

Пригорок впереди пылал и вспучивался, на миг ослепив и лишив ориентации. Хорошо хоть не только меня, но и толкавшихся рядом, цеплявшихся за штаны человечков.

Победный троекратный рев возвестил начало нового, переломного момента. Я это точно понял – по заложенным ушам и волной навалившемся неприятеле. Кто сказал, что раньше было трудно? Ха! Вот сейчас – действительно! Никаких сомнений!

А кто ревел-то?!

Можно было и не спрашивать. Ответ вырастал сам собой, грандиозный, впечатляющий, прихлопнувший пригорок как муху вместе с прилагавшейся к нему осадой, грозный и величественный настолько, что захватывало дух. На том месте, куда я так упорно торопился, неприступно и зло высилась громада дракона – как полагается, крылатая, чешуйчатая и огнедышащая, кстати, с тремя обещанными головами, которые яростно сверкали – иначе и не скажешь! – очами и демонстрировали троекратную шеренгу внушительных зубов. Так вот ты каков, Змей Горынович, великий и ужасный!!! Одно слово – хийсов Рэй-виль-рай-дерс, да и только!

Между его передними лапами – где-то у полированных и звенящих от твердости когтей – сжались две знакомые фигурки, тоже непримиримо ошетилившиеся, несогласные, отбрыкивавшиеся и отмахивавшиеся: Иичену – всеми четырьмя ногами, зубастым клювом и хлопавшими крыльями; Фастгул'х, для удобства принявший более эффективную форму вулфа, – резкими выпадами, судя по испачканной морде, удачными. Вокруг разгоралось пожарище, бушующим кольцом охватившее весь берег. Нападавшие бросились врассыпную. Вновь прокатился торжествующий, много и жестоко обещавший рёв: Змей Горынович трубил победу.

В моём случае, пожалуй, ещё преждевременную, так как цеплявшиеся за меня создания не только не отхлынули, испуганные и побеждённые, а наоборот – активизировались, пересвистываясь и наседаю с некой убийственной логикой. Я поймал особо рьяного за тошнотворно тонкую шею и приподнял над копошившейся массой, с удивлением обнаруживая в своих руках сердитого... грольха!

Всё правильно, точно – он. Вернее, они! Бледные хилые создания с хваткими непомерными конечностями, с рыбьими – навыворот – глазами и щерящимся разрезом рта. От подступившей гадливости я непроизвольно сжал пальцы и, не размахиваясь, отряхивающим движением выбросил пойманного прочь. Тушка шлёпнулась на землю, ещё в полёте хрустнув сломанной шеей. На остальных это не произвело никакого впечатления. Более того, они даже не стали выстраиваться в очередь и полезли на меня все сразу, скопом, свистя и подчавкивая. Тоже мне, дальние скупающие родственники!

По началу я их просто топтал ногами, периодически смахивая особо настырных, лезущих обниматься. Потом, однако, успел озадачиться – что дальше-то? Долго так не протянуть: ведь на землю опрокинут, и тогда – конец! Зачавкают насмерть!

Мысленно проорал: "На помощь!", вызывая к Горыновичу. Потом не выдержал и завопил уже по-настоящему, в голос, отбросив сомнения и, как говорится, ложную скромность. Какое уж там?! Спасайте, кто может!

Зорр услышал и стремительно развернулся ко мне одной из голов, потянувшись гибкой шеей, плечом, прицеливаясь и копя для обстрела огненный вздох.

Отбиваясь, я закутился, подготавливая плацдарм для бомбардировки. И вот почти получилось, и струя пламени, ювелирно отточенная – ну просто лазерная! – ударила по нам, снайперски выжигая неприятеля и образуя коридор для моего отступления, и...

Никаких других "и" так и не последовало, потому что земля подо мной вдруг предательски треснула и разошлась, проглатывая ноги, а затем и всего меня целиком,

отправляя моё сопротивлявшееся тело куда-то вниз, вниз, вниз по тёмному земляному пищеводу. Вслед затыкающей пробкой посыпались тела грольхов, отрезая меня от помощи, звуков боя и ночного грозного неба.

7

Было абсолютно темно.

Подумал, что как под землей, да вовремя вспомнил, что я и есть под землёй, где-то глубоко-глубоко, закопанный и упрятанный, и с каждым мгновением всё глубже и глубже...

Подхваченное десятками ручек, ногами вперёд (приметы всякие нехорошие в голову полезли!), влекомое неизвестно куда, неизвестно зачем, через невидимые повороты и дурные предчувствия, моё задумчивое тело путешествовало сквозь земную толщу.

Однако удивителен человек с его умением приспосабливаться к любым ситуациям. Вот везёт меня мой многоруконый подземный транспорт явно не на прогулку, а мне, как говорится, ну, не то чтобы всё равно, а скорее всё более интересно. Что тут скажешь? Быстро тащат, слаженно. Рыпаться глупо, да и смысла нет – дороги-то назад я не знаю. Боя уже не слышно, указателей не наблюдается, и спросить, увы, не у кого... Тут я тихонько хихикнул, представив, как это будет выглядеть: здравствуйте, уважаемый червяк, где тут у вас выход? Я здесь проездом, заблудился, понимаете ли... А что, если действительно попробовать пообщаться с моими носильщиками? Кушать они меня не стали, значит, я им нужен живым. Вот только для чего? Чтобы съесть позже, под сложным изысканным соусом, – издевательски подсказал мой внутренний голос. Молчи, несчастный, кто б тебя спрашивал?! А впрочем, идея неплохая. Я сосредоточился и, затолкав подальше естественное физиологическое отвращение, – все существа нам братья и сестры! – исполнился благих намерений, – стараясь не думать о том, куда они ведут! – расслабился, потянулся мыслями, чувствами, ощущениями... Кто вы, такие другие и непохожие? Зачем вы, и кто для вас я? Может, будем дружить?

Ответом мне была тишина. Лишь кисельно-прохладное чувство засасывающего болота укутало меня и стало успокаивающе вязко и монотонно поглощать мой дружелюбно настроенный разум. Механически тупо, глухо и нудно, как проталкивает перемолотую пищу, уже именуемую гумусом трудяга прямая кишка. Вот так и тут – я вдруг погрузился в нечто аморфное и цельное, лишённое личных различий и особенностей. Ну прямо симбиоз какой-то! Как муравьи или тараканы. Коллективный разум?.. Который, кстати, совершенно не настроен на взаимовыгодное сотрудничество.

Движение продолжалось. По количеству поворотов я сделал вывод, что мы буравимся вглубь под землю, не удаляясь вбок, а опускаясь вниз.

Методичное покачивание настраивало на размышления. Я задумался. Вспомнился грольх, который сопровождал Эвил Сийну. Такой же был или же отличался от моих сопровождающих? Нет, тот, кажется, умел разговаривать, а эти только и делают, что свистят да чавкают. Впрочем, это не мешает им действовать весьма слаженно.

Как будто подтверждая мои мысли, грольхи затормозили и как по команде сбросили меня куда-то вбок, где я и продолжил своё перемещение самостоятельно, скользя, катясь и ощутимо подпрыгивая на кочках, пока не врезался в итог своего путешествия – каменную стену, – больно ударившись плечом и головой.

Светлее не стало, да, впрочем, теплее, суше и мягче тоже. Придя в себя, я стал ощупывать пространство вокруг. Мусор, кругом один мусор, камешки, обрывки, земляные комки, опять мусор, какие-то отростки неизвестной подземной флоры (или фауны?) – влажные и гибкие, как червяки, – опять мусор... Кто-то маленький и вёрткий пробежал по шарившей руке. Дальше – стена, о которую я и ударился, ровная, гладкая, можно сказать, полированная, как будто срезанная горячим ножом. Я провел рукой: надо же, какая-то надпись, идущая вертикально. Точно, надпись! Трещины не могут расплзаться так сознательно стройно и аккуратно. Темнота, плотная тишина – единственные мои свидетели – с интересом заглядывали мне через плечо. Набежавшие было детские страхи разом отодвинулись, уступив место любопытству, не вязавшемуся с моей якобы бедственной ситуацией. Растерев ушибленное плечо, я развернулся

поудобнее в сторону загадочной стены, снова слепо выискивая выбитые знаки, шаря, ища и находя, сосредоточенно читая пальцами. Ничего не разобрал, не понял, с досадой шикнул в темноту, начал сначала, хотя кто тут разберёт – где здесь начало, а где конец. Опять не понял, заторопился, пробегая надпись как фортепьянную гамму, вздохнул и уронил руки – безнадёжно! Значки не имели ничего общего ни с одним из известных мне человеческих языков. Какие-то колесики, палочки, галочки... Да и что толку? В конце концов, это всего лишь стена глубоко-глубоко под землей. Отступившее было отчаянье придвинулось ближе, леденяще дохнув мне в затылок. С досады я со всей силы треснул по надписи кулаком.

Думай, сказал я себе. Ты или выберешься отсюда немедленно, или будешь сидеть здесь, пока не истлеешь... Думай.

Я зажмурился и сдал виски ладонями. Думай!

Внезапный звук поверг меня на четвереньки. Где-то совсем рядом громко, почти буднично скрипнула дверь. В темноте расстояние скрадывалось, и было невозможно определить, где произошел сей неожиданный эпизод, далеко ли, близко ли, или это вообще шалило мое взбрендившее подсознание. В любом случае я решил себя поздравить – хоть какое-то развлечение на фоне непроницаемой окружающей действительности. Откликом зазвучавшие приближающиеся шаги привнесли дополнительные противоречия в мои и без того растрепанные мысли. Кто? Что? Откуда? И главное – зачем?

Зачем, зачем, придут и скушают, – шептал мой внутренний гаденько-услужливый голосок-собеседник.

Молчи, не скушают! Они таких как я готовить не умеют, – возражал я сам себе.

Шаги замерли уж совсем интимно близко, где-то за так и не отгаданной надписью. Я насторожился, выжидательно впитывая малейший шорох, наполняя тишину надуманными звуками чужого дыхания и... Стена дрогнула, породив вертикальный тонкий росчерк света, и натужно расползлась в разные стороны.

Ха. Меня, оказывается, подкинули прямо под чьи-то двери. Получите, распишитесь? Что ж, как говорится, пока всё идет хорошо, но только мимо.

Расширявшаяся полоска слепила, дрожала и множилась заборным частоколом в моих слезившихся и более ничего не видевших глазах. Там – в ярком пространстве конкретных линий и странных запахов – стоял кто-то, пока недостижимый для моего утерянному на минуту зрения.

– Входите, юноша. Уверю вас, здесь гораздо комфортнее, – сказал скрипучий голос. – И гораздо интереснее, – невидимый пока хозяин звучно усмехнулся.

Я молча, незряче шагнул ему навстречу.

8

Ра-Рух – мой новый знакомый – был грольхом. И не одним из тех многочисленных жалких созданий, которые забросали нас своими тщедушными телами там наверху, а "истинным грольхом", как он гордо определил свой почётный статус. Впрочем, это почти никак не отразилось на его внешности – в одно и то же время примечательной и незаметной, отталкивающей и притягательной в своем изысканном уродстве: та же круглая голова с восковой кожей, гладко обтягивающей череп, лицо, в данном портрете усложнённое системой морщин, вдавленностей и складок, оживлённое только парой глаз навывкате, подвижных, внимательных и нарочито гостеприимных. Впечатление любезности и радушия портила, пожалуй, слишком тонкая линия рта, чётко прочерченная и отсекающая собой нижнюю треть образа, чуть изогнутая одним концом в отражении улыбки, ускользающей и пойманной лишь у правого уха.

– Итак, что же вы, молодой человек? – взмах длинной суставчатой кисти. – Устраивайтесь, будьте как дома.

– Я так понимаю, что мне остается только это суррогатное "как", а оригинал, по крайней мере сейчас, недоступен? А хотелось бы домой, взаправду. Может, устройте? – мои глаза,

наконец, обрели зрение и зажили самостоятельной жизнью, всматриваясь и изыскивая пути к спасению под прикрытием подруги болтовни.

– Кхе-хе. Да я погляжу, вы шутник. На дверях же ясно было изложено. Или не успели прочитать? – усмехаясь, почти натурально удивился грольх. – Сочувствую.

– Спасибо, конечно, но сочувствие ваше в карман не положишь и дверь им не откроешь.

– Да уж, оно у меня такое, – согласился Ра-Рух и кивнул головой, отбрасывая блики. – А выхода отсюда нет – увы!

"Отсюда нет", – воспоминание многократным эхом прозвучало у меня в ушах, захлопываясь за спиной каменной дверью. Да уж, в историю войти трудно, а вот вляпаться всегда легко. Значит, влип? Нет уж, это он преувеличивает. Сам-то как-то сюда попал и, небось, когда захочет, запросто и выходит... А все же – где я, интересно знать?

Вокруг простиралось немыслимое нечто, более всего напоминавшее смесь инопланетного космического корабля и передового исследовательского института хирургии. Небольшой, ярко освещенный коридор – скругленно-плавный, стерильно чистый и максимально упрощенный – с одной стороны был обрублен, схлопнут тупиком, а с другой логически утекал куда-то в неизвестность, притаившуюся за близким поворотом. Я вытянул шею, следуя за изгибом линии, чем вызвал радостный смешок моего одинокого встречающего.

– Хотя кто-то не дерётся и не бьётся в истерику, – удовлетворенно констатировал тот. – Мне говорили, что вы достойный молодой человек, а теперь я и сам вижу.

– Кто говорил-то? – поинтересовался я, пристраиваясь за грольхом, который с видом профессионального экскурсовода повёл меня за вожаемый поворот, так и проигнорировав мой вопрос. Перед нами заботливо вспыхивал свет – указующая путеводная нить, бегущая вдоль стены: налево, налево, пожалуйста, опять налево, не споткнитесь, здесь поворот... Горящий шнурок, наконец, достиг цели и взорвался сияющим пространством, наполненным десятками огней. Итак, всё-таки космический корабль, вернее какой-то взлётный бункер, скрытая база, сакральный трамплин для инопланетного разума, некое тайное место – огромное и сложное ЭТО сплеталось, выстраивалось и упорядоченно обретало покой каждой своей частью – винтик к гаечке, колесико к колесу, мелькающие экраны к пультам управления, кресла и красные кнопки – туда же, тёмные проемы других коридоров – к густой неизвестности за ними, и далее, далее, далее...

– А туда – не советую, – видимо поймав мой загоревшийся взгляд, сказал Ра-Рух. – Лабиринт. Заблудитесь.

– Может, и заблужусь, – кивнул я. – А если нет, то тогда зачем я здесь? Или вы хотите сказать, что меня обронили у ваших дверей случайно, по ошибке?

– Отнюдь. На вас, естественно, имеются определённые планы, и даже более того: я надеюсь на пополнение со стороны ваших друзей. Ведь им же не безразлично ваше исчезновение, – проигнорировав мою иронию, отозвался грольх. – Надо же! Хийс! Настоящий, потомственный хийс, маленький вульф и, кажется, даже какая-то нелепая птица...

– Иич, – машинально поправил я его.

– Да это без разницы, – отмахнулся Ра-Рух и оживлённо продолжил, почему-то совершенно не вспоминая про дофреста, как будто растворившегося при падении с моего плеча (хотелось добавить "как обычно"): – Я давно мечтал о пополнении базовой коллекции! Иич, кстати, тоже сгодится. Что вы так на меня смотрите, молодой человек? До сего момента мало что пугало и заботило вас, вы даже вопросов почти не задавали, гуляли себе по нуфру как по собственной квартире и только замороженно по углам пялились.

– Пора начинать бояться? И для какой коллекции?

– Может, и не помешало бы, давно пора! Но у вас какой-то особый инстинкт самосохранения: начали бы бояться и шарахаться, пришлось бы застabilизировать, а так и мне, и вам какое-никакое развлечение. Ходим, беседуем себе. Мне, знаете ли, тоже иногда бывает скучно. Вы ведь о нашем разговоре всё равно никому не расскажете, так ведь? А... коллекция? Коллекция – это моя гордость! Пятнадцать столетий собираю! Извольте посмотреть!

Он до того увлёкся, что стал пританцовывать, как ребёнок, которому подарили дорогую игрушку, но не дали возможность похвастаться ею перед сверстниками. Успокоился лишь, когда мы тронулись с места.

Следуя за ним, я посмотрел в указанном направлении, и мне внезапно стало действительно страшно. Где-то в необозримом сверкающем чреве притаилась территория ужаса – разнокалиберные емкости, этикие прозрачные капли смолы с впаянными – застabilизированными! – в них существами. Гигантское хранилище брало начало в центральном зале "нуфра" и уходило капельными бусами-шеренгами в один из коридоров. Сия выставочная экспозиция будила воспоминание о первом посещении Кунсткамеры, когда тошнотворная волна, постепенно вытеснившая нескромное любопытство, настойчиво вытолкала меня за тяжелые двери вместилища мёртвых тел. Долго я не мог отделаться от ощущения неправильности, безнадёжности и неисправимой ошибки... Здесь же пленники выглядели не мертвыми, нет – спящими! Да, да – живыми!

Я остановился у крайнего, язык не поворачивается сказать, экспоната – пожилого мужчины с окладистой, чуть тронутой сединой бородой, парившего в своём прозрачном саркофаге с раскинутыми в стороны руками в жесте растерянного удивления. Обнаженное тело было бледно и задумчиво, но в замерших мышцах спала скрытая сила, ждавшая только сигнала к пробуждению. Следующее существо человека не напоминало вовсе и должно бы было, наверное, заинтересовать меня больше, но мой взгляд возвращался и возвращался к закрытым глазам и беззащитному взмаху сильных рук.

– Что ты застрял у крайнего? – нетерпеливо окликнул меня Ра-Рух, от избытка чувств переходя на "ты". – Обычный хон. Ничего интересного. Вот пойдём, я покажу тебе совершенно уникальный экземпляр...

– Так я ж тоже обычный хон, или как? – вкрадчиво поинтересовался я, чуть было не добавив "ничего интересного".

– Ты? Может, и хон, но только ещё и дафэн. Насчет дафэнов у меня особое распоряжение.

– Дался вам всем этот дафэн, – пробормотал я и уже громче спросил: – А кто распорядился-то, и что это меняет?

– Многое. Почти всё. Например, то, что мы сейчас беседуем, а не...

– Стабилизируем моё брненное тело!

– Вот, вот! – ничуть не смутившись, подхватил Ра-Рух. – С этим погодим пока. С этим мы всегда успеем.

– Бессмертие подождет, – согласился я, по-новому вдруг ощутив кричащую бестактность произнесённой фразы. Замершим вокруг силуэтам было далеко не до смеха. Куда уж моанам, вот эти-то залипли в самом прямом смысле. На веки вечные, так сказать. Как ни странно, мои слова нашли отклик у грольха, тут же востепеневшего и закивавшего, будто я произнёс нечто важное, условный пароль, влекущий за собой кардинальное изменение событий.

– Именно бессмертие! – его крик ударился эхом по неисчислимой череде капсул. – А я им говорил!.. Говорил! И никто, ты слышишь, никто не соизволил даже прислушаться!!! Бессмертие! Полёт сквозь время! Я!.. Я сохранил их жалкие тела, дав возможность не умирать никогда! И что? Никакой благодарности!

Существовавшие вне времени остались недвижимы и безмолвны. Для них миг вечности – великая змея – давно закусила свой хвост, свернувшись в бесконечную петлю Мебиуса.

Ра-Рух неистовствовал среди замершей, такой знакомой ему и такой "неблагодарной" публики.

– Ты! – едко бросил он неведомому зеленому существу, пойманному в стремительном прыжке. – Ты что-то твердил мне о долге и гордости! Я проявил эти качества. Вот они! Посмотри! – обратился грольх уже непосредственно ко мне. – Какое изящество, сколько напора и той самой гордости! Только в одном лишь ракурсе, в одном броске! – он, как художник, любовно представлявший мне свои работы, предлагал поддаться восхищению вместе с ним,

оценив шедевр по достоинству. – Каждый из них пытался убедить меня, требуя, умоляя, обманывая или обещая. Кстати... А что скажешь мне ты, дафэн?

– Ничего, – пожал я плечами. – Наверное, ничего. Что я могу предложить тебе? Здесь есть всё. Вон их сколько – качеств и оттенков, слабостей и побед над собой и временем. А если чего-то и не хватает, то это недостающее звено и не найдется никогда, потому что его, наверное, нет вовсе...

– Пойдём отсюда, – вдруг скомандовал Ра-Рух, разом утратив интерес и ко мне, и к своему многоликому сокровищу. – Есть кое-что получше.

9

"Получше" оказался внушительных размеров экран с прилаганившимся к нему набором разноцветных кнопок и рычагов, которыми грольх и защёлкал увлечённо, быстро, вскочивши на маленький постамент, что, несомненно, придавало ему важности, а заодно и помогало дотянуться до всего пульта управления в целом.

У меня же не шла из головы фраза Ра-Руха про хийса и Фастгул'ха с ничем. Перед глазами вставала его "коллекция" и... и мои такие живые – действительно живые! - спутники... Нет, нет и ещё раз нет! Не бывать им в этом строю! Никогда! Бейтесь, родные! Ваше место там, наверху, а я уж здесь сам как-нибудь разберусь. Как будто в ответ на мой призыв пол под нашими ногами слегка вздрогнул и улегся опять как ни в чём не бывало, смиренно ровный и благопристойный.

Ра-Рух ничего не заметил: именно в этот момент ему удалось завершить манипуляцию с кнопками, и экран загорелся, сопровождаемый удовлетворенным вздохом, мол, смотри, сейчас начнётся.

Что-то несомненно началось, распахнулось летним призывным окном, ветренным, солнечным и тесно машущим ветками. Пролетавшие птицы занывивали под шелестящую защиту леса и внезапно, пробивая её то там, то сям, вновь выбрасывались в воздушные струи, кувывкаясь и разрезая их крыльями на отдельные прозрачные полосы. Дальше, по направлению к дымчатым горам, неровным росчерком обозначавшим горизонт, тянулась светлая рябь открытых пространств, взлётов и падений холмов, разделенных бликами озёр и своими же тёмными, напозавшими тенями. Вместо очередной птицы из густого покрова вылезла маслянистая голова гигантского ящера и пристально посмотрела в нашу сторону.

– Ого! Вот так кино!!! – на минуту позабыв обо всем на свете, воскликнул я. – Динозавр!

– Архироптер, – поправил грольх, благосклонно наблюдая мой восторг. – Умнейшие были твари, но правили тогда не они.

– Так это... это?.. – я не находил слов. Зачаточный историк во мне тотчас высунул любопытную голову и зачарованно взирает на доисторическое существо. – Машина времени?

– Не совсем чтобы именно это, но может очень и очень многое. "Видеотека – просто супер!" – как сказал когда-то один из теперешних жильцов стабба перед... неважно. Вобщем, давай пользуйся!

Он уступил мне место, прыгнув с постамента и небрежно отодвинув его то ли взглядом, то ли мановением руки. Вот вам и маленький да удаленький!

– Этими кнопками набираешь время, этими – место. Участки на карте можно посмотреть, повернув вот этот рычажок. Можно даже набрать просто название или понятие – да хоть имя! – и посмотреть, как же было на самом деле... Хотя ты ведь не пишешь на древнем сунде, а язык хонов добавить в основной словарь мне как-то было недосуг. Не было прецедента. Или претендента, – многозначительность съехала в разочарованную усмешку: что ж, не удалось похвастаться по полной программе. – Ладно, осваивай! Забавляйся... пока.

– Хм, древний сунд. Я и на современном не то что писать-читать, а и говорить-то не умею, – хмыкнул я. А машинка действительно просто класс!!! Вот бы в наш институт такую! Тьфу, сам сижу под землей у грольхов, а думаю про институт, который и существует-то сейчас только в моей памяти. Да и зачем дафэну институт? Эта мысль развеселила меня несказанно, прошлая

жизнь показалась смешной и бесполезной. Я и рассмеялся под сопровождающее недоумение Ра-Руха:

– Какой я раньше был забавный...

– Ну-ну, – повел рыбьими глазами грольх. – Каждый хон считает, что становится взрослым в тот день, когда он впервые сможет посмеяться от души над самим собой. Что ж, поздравляю, ты окончательно утратил состояние юности.

– Что ж, – передразнил я его. – Значит, я утратил это зыбко-розовое состояние давным-давно, и с каждым днём мне становится всё смешнее и смешнее.

Ра-Рух молча пожал плечами, вздохнул и произнёс:

– Никто, наверное, не ощущает, как утекает молодость, но всякий чувствует, когда она уходит окончательно.

На экране архиороптер уже скучающе, буднично глядя в нашу сторону, начал что-то пережевывать и обмяк головою вниз в лиственную гущу, неспешно двинулся вбок, распространяя зелёные волны, вспугивая птиц и кого-то невидимого, истошно орущего в глубине.

– Так что там случилось с динозаврами? – проговорил я, чтобы только не молчать. – Говорите, правил бал не этот лоснящийся красавец?

– Куда ему... Нашлись поменьше, попустрее и не такие прожорливые. Вот смотри! – Ра-Рух опять заскочил на пьедестал, услужливо подставивший ему свою спину. – Шегарши! Юркие проныры! – на экране возник движущийся силуэт ящера, расправляющего кожистые крылья. – Многие тысячелетия правили они, и ведь слушались их беспрекословно. А и попробовали бы не послушаться!

– Шаг в сторону – расстрел?

– Телепатический, – кивнул грольх. – Разумные были твари, обладали недюжинным умом и паранормальными способностями. Отточили всеобщий жизненный процесс до слаженного единого организма, рождавшегося, дышавшего и умиравшего под их дудку. Дошли со временем до того, что, достигнув мыслительного совершенства, и сами переместились в пространство мыслей и образов со всеми своими потрохами. Туда им и дорога!..

– Что, чем-то не угодили?

– А мне-то что! Вот подопечным их пришлось трудно.

– Скажете, что они без них вымерли.

– Смешно, да? Ну-ну! – Он не успел договорить.

Шагах в десяти от нас материализовался дверной проем. Из него выскочил грольх с выпученными то ли от страха, то ли от усердия глазами и бросился к Ра-Руху, опомнившись и затормозив почти вплотную к нему, отступил на почтительное расстояние, где и замер, напрягши лоб и молитвенно сжав руки.

– Что?! – тихо, но требовательно спросил прибывшего Ра-Рух.

– О, мудрейший! Нужна ваша помощь!!! – залепетал гонец, опасливо косясь на меня. – Стабилизатором бы его!!! Он почти всех пожег... Под него не подкопаться – взлетает!!! И огнём, огнём... А двое других у него на шее сидят, – призыв незаметно перетёк в жалобную просьбу, уже не боявшуюся даже наказания за невыполненный приказ. Не достать им хийса! Ура! Знай наших. Как ни называйтесь, а руки у вас коротки хийсов ловить!.. Видимо уловив мой праздничный настрой, Ра-Рух поморщился и, подхватив со стола небольшой диск, а с ним и вновь пришедшего, устремился к светящемуся прямоугольнику.

– А вы не такие, как я о вас читал, – вслед ему сказал я. – Не такие упрощенно кровожадные...

– Читал?! – резко затормозил Ра-Рух. – И где про нас читают?

– В библиотеке, – усмехнулся я.

– Та-а-ак! – протянул тот. В его глазах вспыхнул явный интерес, нетерпение и досада. Он хмыкнул и шагнул в сторону портала, но в последний момент замешкался, обернувшись ко

мне, и торопливо проговорил, то ли издеваясь напоследок, то ли на самом деле вдруг переменяв свои планы относительно меня:

– Про нас написаны книги? Великолепно! К тому же, есть в этом мире одна интересующая меня библиотека. Не о ней ли ты упоминаешь? Что глаза опустил? Это же меняет дело! Жди, короче! Давай, хон, не скучай без меня: нажимай кнопочки, незнакомые не трогай – взорвёшься! – тут он усмехнулся. – В лабиринт не ходи – съедят!

А я скоро вернусь, и продолжим: очень ты оказался любопытным собеседником. Сказал и растаял вместе с гонцом и дверным проёмом.

Я остался один. Если, конечно, не считать череду застывших фигур в дальнем углу. Значит, выбраться отсюда той же дорогой, что и грольх, у меня не получится. Прискорбно, но факт: телепортироваться я пока ещё не научился, увы. Глянул на экран, где изменившаяся погода гнала группу неповоротливых длинношеих динозавров из далёкого озера на далёкий берег, шлепая высокой волной, как плетью. Небо обещало грозу, по-древнему буйную и продолжительную.

Задумавшись, я защёлкал кнопками – бесцельно, наугад, скорее занимая руки, нежели мысли. Безделье тяготило.

Небольшой хрустальный столбик я заметил не сразу. Небрежно брошенный, забытый, он был почти не виден в своей прозрачной хрупкости – тоненький невзрачный карандашик. Я протянул руку и выудил его из леса рычажков, в которых он застрял замерзшей змейкой, осторожно взял за кончик, как школьную указку, и повертел им из стороны в сторону, любуясь, как играет радуга на его четких гранях. Широкий взмах – и освобожденная радуга забегала зайчиками, перескакивая с экрана на стол, дальше на пол и расплываясь расплывчатыми пятнами на более далёких предметах. Красота! Я, постепенно увлекаясь суматошной игрой бликов, вычерчивал в воздухе все новые и новые фигуры, пока не дошел до круга, который и изобразил стремительным росчерком прямо перед своим лицом. Круг тут же обрел видимость, живя собственной жизнью, пульсируя и порождая образ внутри себя. От неожиданности я чуть не выронил хрустальную палочку и попятился. Висевшему в воздухе кругу я был безразличен. Он прилежно исполнял своё предназначение, выдавая зрителю, то есть мне, конкретный видимый силуэт и уже начиная его озвучивать на понятном мне языке.

– Вы должны, – настойчиво вещало тёмное лицо, утопленное в капюшоне, – задержать или убить молодого хона, следующего через вашу территорию в сопровождении хийса и вулфа, с которыми вы можете делать то, что сочтете нужным. С хоном же, именуящим себя дафэном, не следует ни в коем случае вступать в разговор, а не обходимо сразу же перевести его тело в состояние мёртвого или бессознательно-застабилизированного. До нашего прихода следует... Все находящиеся при нём предметы, как бы они не выглядели, следует... Далее следует...

Так вот в чём дело! Надо же, а грольх-то нарушает предписания. Я ещё не бессознательный и тем более далеко не мёртвый. Видимо, Ра-Рух решил в обход хозяина если, конечно, магары ему хозяева – посмотреть, не выгадает ли и он что-нибудь с этого дельца. Нет, дорогой, ничего тебе не светит – ни моё бесценное тело, ни бесценные предметы, находящиеся при нём! Я подошёл к светящемуся кругу, не собираясь упускать возможность безопасно изучить своего недоброжелателя, который в данный момент в третий раз зачитывал свой приказ. Убить, задержать, не следует, следует... Конечно, не следует! Ноги в руки и бежать отсюда следует, вот что! Спасибо за гостеприимный незапланированный приём, но я пошёл.

Круг давно погас, а я так и стоял, лихорадочно ища пути к отступлению. Через дверь, откуда вошел – никак! Портал открывать не умею. Хочется с надеждой добавить "пока". Мысленный призыв к Зорру гаснет без ответа. Наверное, очень далеко... Стоп – Что там говорил Ра-Рух про лабиринт? Съедят? Может, пусть лучше съедят, чем съедят медленно, вытягивая душу по струнке. Воспоминание о беседах с магарами, откликнувшееся кислым в сведенных скулах, придало решимости. Я закружился перед экраном, пробегая глазами бесполезные кнопки и рычаги, выронил, – а и ладно! – нечаянно раздавив ногой хрустальное послание, выругался, рванул взглядом дальше: по тёмным стенам и дырам коридоров, по

веренице замерших фигур, по сложным конструкциям и терявшемуся в вышине потолку... Нора – она и есть нора, даже самая расчудесная. Вдруг спохватился, зашарил по груди и карманам: где мои замечательные палочки-выручалочки, что там у меня в наличии? Печать, увы, сейчас без надобности. Хотя, может быть, именно из-за неё я и остался жив. Может быть, именно на неё-то у Ра-Руха и были далеко идущие планы? Отнять ведь нельзя – сама она его хозяином не признает, разве что я бы подарил, добровольно. Хотя, впрочем, откуда бы он про неё узнал?.. Нет, не то. Жемчужина? Нет. Спи, милая, дальше... Початая пачка сигарет, последние пять штук – остатки былой роскоши. Закурить?.. Машинально вытянул одну. Чёрт! Зажигалки нет – видно выпала во время подземного кросса. Так. А в соседнем кармане?..

Опустил ладонь и даже вздрогнул от неожиданности, когда в неё сам собой скакнул мягкий путанный комок – клубочек, родненький! А вот ты-то действительно кстати! Будто подтверждая мои мысли, клубок выскользнул из моих рук, стукнулся об пол, разматываясь зелёной неровной верёвочкой-травинкой, указующей, уводящей куда-то влево, влево и прямо, вдоль хвалёной грольховой коллекции, под провожающее сопровождение вспыхивающих огней, все дальше и дальше – в тот самый ужасный лабиринт.

Постепенно клубок, как домашняя собака, подстроился к моему шагу, замирая в ожидании, когда я задерживался у особо диковинного заключенного, и ускоряясь, когда я вспоминал о бегстве и прибавлял ходу. Несмотря на свой небольшой размер, он и не думал кончаться, выпуская путеводную травинку, как паук паутину из своего бездонного брюха. Я шел и вспоминал, что же говорил лешайр по поводу клубочка: будто бы он меня выведет, но вот вопрос – куда? А лишь бы куда, только не назад. Что-то, а моя потенциально пустая капсула пусть так и остается пустой. Вечность не кажется мне столь привлекательной, чтобы навсегда связать с ней свою жизнь.

Так мы и шли – поворот за поворотом, только однажды задержались действительно надолго: существо, приковавшее мое внимание, занимало собой значительное пространство не коридора, нет – вместительного зала, и поражало не только размерами, но и странными, дикими формами. Единственный глаз, расположенный на лбу чудовища, легко бы мог оказаться глазом легендарного циклопа, но в данном случае у одноглазого было чешуйчатое и многосуставчатое туловище – такой персонаж если и рождался, то только в мире гигантских насекомых.

– Ну что, клубочек, видал ты что-нибудь подобное? Какие зубки у этого... – я не находил слов, не зная как обозначить это гигантское скопление хватательных, жевательных, кусательных и прочих нелицеприятных приспособлений, существовавших только для одной цели – уничтожить всё живое, упаковывая в своём раздутom чреве. – Проглотит и не поморщится. Даже если проглоченный кусок – это двухэтажный трамвай или крутящаяся карусель с огнями и музыкой.

Клубок предприимчиво подкатился к моей ноге, полностью разделяя мою точку зрения. И когда я, наконец, сказал: "Пойдем, что ли, дальше", он так рванул в это самое дальше, что чуть не порвал свою драгоценную нить.

"Дальше" встретило нас темнотой и запустением. Мой неугомонный проводник, к моему облегчению свернул в боковой коридор, уклоняясь от пессимистичного авангарда нескончаемой выставки. Мы погрузились в тишину, пыль и еле теплившиеся настенные огни.

– Решил срезать путь? – спросил я то ли у себя самого, то ли у клубка. Он, естественно, промолчал. Но где-то поблизости задышал, заворочался невидимый, разбуженный моим голосом некто, пристроившийся нам в хвост, старательно маскировавшийся, но ощутимый мною уже физически. – Ага, вот и почётный эскорт! – добавил я, на ходу нагибаясь и вылавливая из дорожной пыли увесистый булыжник: какое-никакое, а всё же оружие, моё последнее, завершающее слово перед тем, как меня...

Оглянулся назад, бодро поворачивая за угол, и с ходу налетел на незакрытую тяжелую дверь, вынося свое охнувшее тело в пространство яркого света и... опять того же ряда сверкавших капсул. Я с укоризной посмотрел на клубок. Он виновато заёрзал на месте, не имея возможности ни к оправданиям, ни к объяснениям, и потихоньку покатился вправо. Через

пару минут я приносил ему свои наискреннейшие извинения, так как ряд капсул внезапно кончился, последние из них были пусты. Хотя нет, не все... Была ещё одна, чуть в отдалении, не стоявшая в строю, а вынесенная в небольшое углубление и даже запертая на замок. Вдобавок вход в нишу был перегороден решеткой, по переплетениям которой пробежали подозрительные голубые огоньки. Табличек рядом не было, но я и так понял, что руками хвататься не стоило. Как говорят по поводу таких непонятных оградок в простонародье: вот, решил перелезть, ах, хороший был парень, да остались от него одни кеды... Так что я подошел не торопясь и, уж тем более, ни за что не берясь моими драгоценными пальцами. Клубок, нервно подрагивая, недовольно последовал за мной, всем своим видом показывая, что нам совершенно в другую сторону.

Капсула была свежая, только что заполненная, сверху даже не припорошенная пылью, блестящая, новорожденная икринка, выставившая напоказ свой зародыш...

Я зачарованно смотрел внутрь, преодолевая тягучее искажение прозрачной оболочки.

Женская фигура, даже в сильнейшем испуге являвшая собой образец грации и совершенства, была заперта, глянцево упакована, за-ста-би-ли-зи-ро-ва-на... Жизнь, утопленная в бессмертии... Спящая ртуть лица... Тоска. И ужас. И какая немыслимая безразмерность мига между выдохом и вдохом.

– Здравствуй, Эвил Сийна, – сказал я едва слышно. – Давно не виделись.

10

– И как же ты так, а?! – пробормотал я. – Тоже мне, великая дриальдаль... дура! Она, конечно, не ответила, погруженная в свой хрустальный, непроницаемый сон. Хм, спящая красавица! Трудно же будет тебя поцеловать будущему принцу. Вот она, мания величия, перемешанная с необоснованными желаниями и знаменитой женской логикой – проще говоря, полным отсутствием таковой.

Я злился. Досадно же, в самом деле! Всё-таки, не злодейка какая! Так, красивая женщина, возмнившая о себе невесть что. Да-а... Положеньице! Прямо скажем, бедственное.

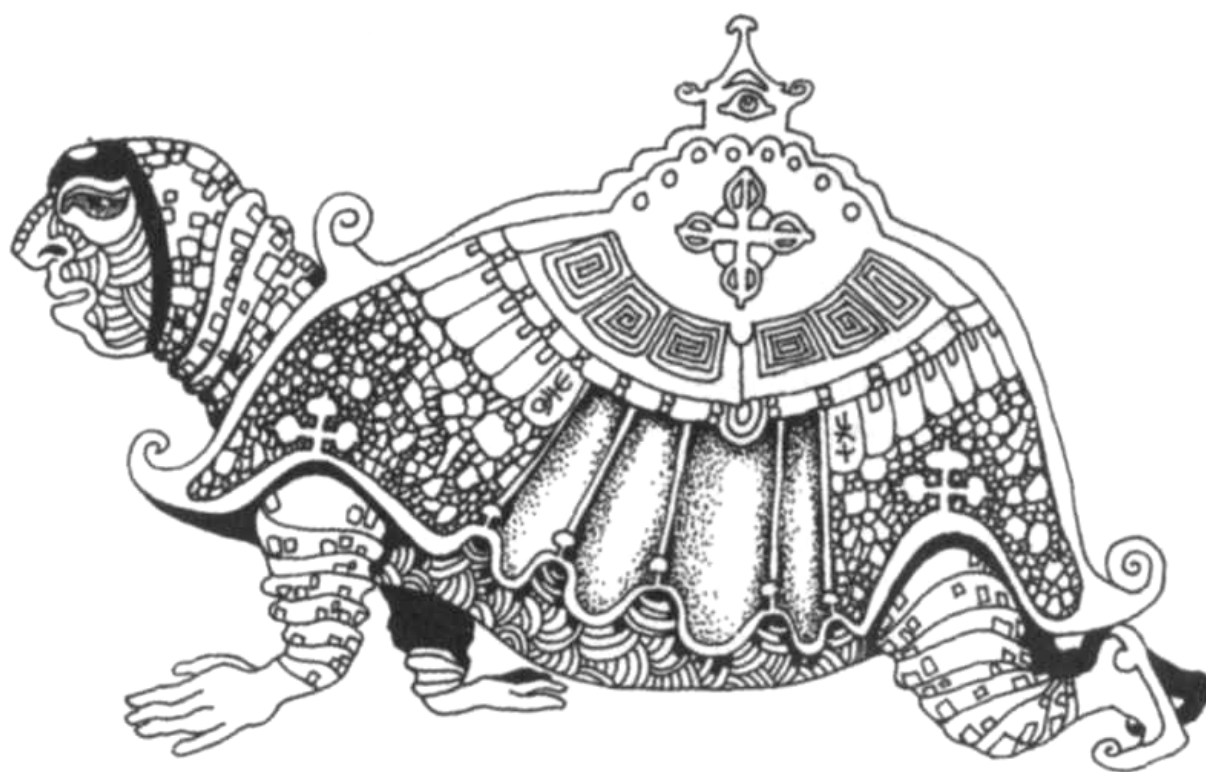
Я вздохнул и поглядел на Эвил Сийну.

– Ну, девица красная, и что мы будем делать? Говорил я тебе? Предупреждал?! – спросил я, вздохнул и посмотрел на клубок, при первом знаке готовый вновь отправится в путь. – Вот видишь, друг мой, что бывает с глупыми...

– А-ахх, – пронеслось молитвенным ветром в уставшем от раздумий воздухе. Я вздрогнул, и одновременно со мной дрогнули изогнутые тени ресниц на бледных печальных щеках. Вслед им едва уловимо, невнятно, мучительно трудно разлепились в секундную щелочку губы, успевая выпустить наружу призрачное, почти несказанное слово, пробившееся ко мне сквозь толщу стеклянного времени: – Спа... си...

– Спасу, – удрученно согласился я, кивнув пленнице головой. – Профессия у меня теперь такая. Стольким уже пообещал, что без разницы: одним больше, одним меньше.

Не знаю, поняла ли меня Эвил Сийна, но за поворотом шумно закричали и заворочались, тоже, видимо, возжелав спасения, а может быть просто хотели кушать. Наш сопровождающий пока не спешил выходить из укрытия, а я тем более не стремился к приватной беседе. Незаметно подпихнул ногой клубок и, кинув прощальный взгляд на дриаду, шагнул, пошёл, побежал по освещенному коридору подальше от сверкавших тюремных камер и притаившегося непонятно кого. Клубочек припустил что есть мочи, призывно подпрыгивая, оставляя многоточие шлепков на сером бархате нехоженой дороги. Наш третий, уже не маскируясь, – но, впрочем, и не лез на рожон, – пыхтя и вздыхая, устремился вслед за нами.

...Причудливое сочетание странных домиков было составлено наподобие детского конструктора, беспорядочно, путано и вместе с тем очень красиво. Светящиеся зигзаги дорог пронизывали их насквозь, отмечая повороты и перекрестки россытью разноцветных надписей. Кое-где, прямо с потолка пещеры опускались вниз перевернутые пирамиды-небоскребы – текущие вековые наросты, всё ещё плачущие каменными слезами. Иные из них уже достигли пола и надёжно вросли в него своими острыми крышами. Вокруг них тоже шли спиральные анфилады пристроек, многоярусными гроздьями прилепленные прямо на наклонные бока. И вывески, вывески, вывески...

ГЛАВА 14. ЛАБИРИНТ.

"Как хороши мир и как отвратительны лабиринты", – с облегчением произнес я.

*"Как хороши был бы мир, если бы имелось
правило хождения по лабиринтам,
и если бы к нему не прилагались исключения
из него же самого", – ответил
мой учитель.*

Умберто Эко

1

Я убегал.

Я уже давно не вёл счёт открывающимся вторым, пятым, сто десятым дыханием. Ерунда! Лишь ноги дробно вторили сердцу. Мелькали мимо тёмные грязные стены и освещенные чистые панели, резные проёмы и современные двери, залы, лестничные пролёты, арки, анфилады, низкие подвалы и снова лестницы, снова коридоры... Мой неутомимый проводник давно сменил дислокацию и теперь не пачкался, расчерчивая собой пыль, а стремительно летел прямо передо мной, подобно отбитому теннисному мячу. Бесконечная травинка прилежно вытягивалась следом, ненадолго зависая в воздухе, а потом опадая в пыль.

Преследователь не отставал. Почему-то его образ постепенно трансформировался из клякастого монстра в тучного, страдающего одышкой ночного сторожа, который стерёг школьный сад от наших ненасытных набегов. Он так же, задыхаясь и натужно сипя, гонялся за нами, обещая поймать и... и... Вот только что "и", так никогда и не договаривал. Что ж, если сейчас попадусь, то сразу и узнаю: будет мне разом и за то, и за это.

Горынови-иииич! Хийс трехбашковый, где же ты-ыыы?!.. Отчаянье нахлынуло, как прилив, и так же стремительно откатило, перевернув в душе надежды и сомненья. Бежать!!! Авось и вынесет!.. Диллин! Как пронзительно, мгновенно всплывает её образ! О ней я старался не думать, даже тень её имени приносила сейчас боль. Неужели никогда?.. Боль-шшше... Ниии... Бежать!!! Всё слилось в единый туннель, серый войлочный коридор, гасящий мой уставший бег. Клубочек, подожди! Больше не могу! Эй!.. Я потянулся рукой за летевшим передо мной зелёным комком, не достал, потянулся из последних сил и... споткнулся.

Сбоку удовлетворенно захихикали, а я, не успев даже как следует охнуть, не то что скосить глаза, обозначив того, кто подставил мне подножку, тормозил всеми частями тела, стукаясь, кувыркаясь и ругаясь, но, тем не менее, постепенно замедляясь в окончательной позиции животом и лицом, как шваброй собирая пыль в объёмную кучу. Рядом суетился клубок, расточительно разматывая свою драгоценную нитку, оседавшую на меня спутанным покрывалом. Я охнул, схватился за голову, мол, перестань, я в порядке, попытался привстать, но поскользнулся, уезжая вбок подвернувшейся рукой и проваливаясь куда-то по наклонной вниз – в боковую дыру, скатываясь в неё вместе с собранной кучей пыли и ринувшимся вслед клубком.

Оставшийся наверху весельчак никак не мог успокоиться, давясь и отплевываясь смехом как вишнёвыми косточками. Я уже почти его не слышал, проскальзывая дальше вглубь, как вдруг смешки сменились отчаянным визгом, беспорядочной возней и сипеньем. Сквозь деловито хозяйское бормотанье прорвался последний пронзительный вскрик, и всё стихло, предварительно явственно хрустнув и рыгнув отрыжкой: наш невидимый бывший третий наконец-то нашел себе ужин.

2

И это ж надо было угодить в такую грязь!.. Давно нечищенные каменные кишки, по которым я продвигался как случайно проглоченный кусок, в надежде что это когда-нибудь

закончится, и я когда-нибудь куда-нибудь выпаду, – были действительно давно и никем не чищены. Более того, выпал я в огромную кучу мусора. Следом вывалился грязный ошметок – я с трудом узнал в нём моего проводника – и выжидательно замер рядом.

Вокруг дружно рассмеялись. Ну ни шага без веселья! От одного шутника убежал, а тут их целая куча.

Комната была большая и напоминала производственное помещение с длинным конвейерным столом и лязгавшим механизмом, которым этот стол и оканчивался. На двигающуюся ленту методично укладывался мусор, исчезающий в грохочущей машине и более ниоткуда не появлявшийся. Мусор, естественно, брался из той кучи, на которой я восседал в данный момент.

– Долго ты будешь там прохлаждаться? – поинтересовался ближайший ко мне работник, выхватывая лопатой изрядную порцию хлама таким образом, что его сторона пришла в движение и оползла вниз, увлекая за собой и меня прямо к его когтистым стопам и острому лезвию рабочего инструмента. Спрашивавший в недоумении наклонил синеватую лысую голову, развернув полупрозрачные хрящи ушей и собрав весь запас кожаных складок около глаз и над ними в виде этакого проявленного на лбу рельефного вопроса: – Ты кто такой? Надо же: впервые сверху сыпется что-то живое, да ещё и в форме примитивного хона.

– Но-но, попрошу без оскорблений! – пробормотал я, поднимаясь на ноги и отряхиваясь. Клубочек подпрыгивал рядом, ловкими ударами выбивая из себя пыль. – Я ж тебя не обзывал каким-нибудь краказябером или... грольхом.

– А мы и есть грольхи, – фыркнуло существо, облокачиваясь на лопату. – Только не "высшие и низшие", как говаривало наше бывшее высшее начальство, а нормальные, самые обыкновенные грольхи, каковым нам и положено быть. Кстати, а кто такой краказяббер?

Он действительно напоминал Ра-Руха, может быть, был чуточку ниже и не так уродлив – отсутствие жабьей пасти и выкаченных глаз делало его похожим на инопланетянина.

– Краказяббер? Ну, это такое нелепое существо... Короче, точно не ты.

– Точно! Как бы не я! – хохотнул грольх, небрежно поигрывая черенком своего орудия, потом обернулся к конвейеру и крикнул остальным: – У меня перекур!

Странно было слышать столь человеческое слово, брошенное с обыденной легкостью. Уловив ностальгический взгляд, мой собеседник воткнул лопату в кучу и махнул мне рукой:

– Пойдём, прогуляемся!

Остальные грольхи так и не сказали ни слова.

3

– И после всего этого они ещё требовали от нас полного подчинения! – возмущению Хап-Астха – а именно так он представился через пару минут – не было предела. Он семенил рядом, подпрыгивая на ходу в особо волнительных моментах изложения в ритме рэпа. – Конечно, мы послали их в дригвер! Чтоб им там было густо!

Клубок незаметно катился следом. Я тактично слушал, всё более проникаясь своим спутником и тем невообразимым местом, в которое меня занесло, как говорится, "в который раз".

– Ра-Рух, естественно, из тех самых "высших"? – задумчиво, как бы и не к месту проговорил я. – Великих и ужасных?

Хап-Астх презрительно фыркнул:

– Пожалуй, только для тех, кто прозябает в его стаббах. Он совсем рехнулся со своей идеей тотальной стаббизации, а капсулы мы придумывали не для того, чтобы их забивали всеми подряд! – грольх окончательно вышел из себя: мы, судя по всему, затронули особо болезненный вопрос. Он даже остановился и развернулся ко мне, тыча пальцем, будто я и был виновником всех его проблем. – Стабб может спасти, вылечить, отсрочить смерть до тех пор, пока не будет найден рецепт или ответ! Только он сохранит тело до того момента, когда будет оказана необходимая помощь!

Хап-Астх вдохновенно ораторствовал, а я смотрел на него и думал, что пути судьбы неисповедимы и непредсказуемо их переплетение.

– Если вы, как ты говоришь, придумали эти стаббы, то, может быть, ты знаешь, как они открываются?

– Что, знакома там встретил? – пробурчал грольх, недовольный тем, что его перебили. Он помолчал и отвернувшись пошёл дальше. – Придётся твоему дружку поболтаться там ещё немного. Короче – не знаю я, как они отпираются. Мы работали над пространственными параметрами кривой Гро, а над технологией кратковременного импульса корпел этот сумасшедший Кхен-Дрикс...

Я перестал слушать: не знает - так не знает.

Мы всё ещё шли по очередному коридору. Впереди высветился приближающийся контур закрытой двери.

– Работа была почти готова, а тут бах! – и случилась... ммм... у вас это называется "революция"... грубо подавленная. Мы бежали в подземный лабиринт. Лаба Тхун безмерен. Тут хватит места для всех! – говорил Хап-Астх. – Может быть, я здесь и храстаю мусор, но зато я сам себе хозяин!

– Хра... Что? Храстает мусор? Надеюсь, это не больно. Хм, лабиринт? Так значит вы живёте в этих бесконечных коридорах? Грустно.

– Грустно??? – фыркнул грольх. – Добро пожаловать в наше тёмное и бесконечное "грустно"!

Мы миновали последние метры и одновременно толкнули приблизившийся прямоугольник двери. Она шарнирно распахнулась, взмахнув ладонями створок, пропуская нас внутрь и вновь бесшумно смыкаясь за нашими спинами. Нас встретил обвал света и запахов, гулкий прибой звуков. Я остановился поражённый. Грольх прошёл ещё немного и замер у перил, любясь открывшимся видом, как будто он видел его впервые. Я медленно шагнул и встал рядом.

Мы находились на небольшом балконе – этаком капитанском мостике, парившем на почти километровой высоте у самого потолка гигантской пещеры, а внизу – дышащий, мерцающий и копошащийся – простирался подземный город.

– Лаба Тхун! – влюблённо проговорил Хап-Астх, обводя взглядом причудливое сочетание странных конструкций внизу, видимо, являвшихся чьим-то жильём, составленных наподобие детского конструктора: беспорядочно, путано и, вместе с тем, очень красиво. Светящиеся зигзаги дорог пронизывали их насквозь, отмечая повороты и перекрестки россыпью разноцветных надписей. Прямо с потолка пещеры кое-где опускались вниз перевернутые пирамиды-небоскребы – текущие вековые наросты, всё ещё плакавшие каменными слезами. Иные из них висели в воздухе, иные уже достигли пола и надёжно вросли в него своими острыми вершинами. Вокруг них тоже шли спиральные анфилады пристроек, многоярусными гроздьями прилепленные прямо на их наклонные бока. И вывески, вывески, вывески... Среди всего этого сверкающего разнообразия суетились летательные аппараты с крыльями и без таковых, и не менее проворные существа, крылатые и... Вот это да! Мимо проплыл лоснящийся хвостатый пузырь с шестью колбасными ножками и одним глазом на подвижном упругом шнурке. Глаз радостно зафиксировал наш дуэт, очарованно замерший на площадке, моргнул; существо, взмахнув всеми шестью колбасками сразу, неповоротливо славировало, напрягло спереди крошечный ротик и неожиданно басовито пророкотало:

– Я рад сообщить вам о хорошем дне!

– Давай, лети себе! – вдруг резко изменив настроение, проворчал грольх.

– О! Это невежливо! – обиделся хвостатый дирижабль.

– Пшел вон, жепоб! – взвизгнул Хап-Астх, нетерпеливо хлопнув ручками по поручню. – Не понял?! Воняй в другом месте! Отвали!

Я предусмотрительно не вмешивался, оставив все вопросы напоследок. Оскорбленный "жепоб!" тем временем сумел-таки развернуться и стал удаляться максимально презрительно. На безопасном, по его мнению, расстоянии он закинул назад глазной шнурок, сердито

прищурился и внезапно громко пукнул, выпустив из-под хвоста зеленоватое едкое облачко прицельно в нашу сторону. Удовлетворённо хлопнув всеми шестью ножками-колбасками себя по животу, он важно поплыл дальше по направлению к ближайшей вывеске, изображавшей стилизованные сосиски.

– С этими не общайся! – грольх с досадой плюнул и полез через поручень.

– Эй-эй! Я летать не умею! – я озабоченно следил за его подозрительными манипуляциями. – Что уж так волноваться-то. Подумаешь, пролетел мимо пахучий мешок с колбасками! Из-за этого не стоит прыгать вниз!

– Ха! Ха-ха... Колбасный мешок! – Хап-Астх фыркнул, не выдержал и расчихикался. – Кстати, жепоб и обозначает: "ёмкость, набитая вонючим мясом". В точку попал! Ладно, хон – давай, полезли! За кого ты меня принимаешь? Здесь же лестница!

Я выглянул и действительно обнаружил раздвижную лестницу, ведущую на следующий нижний ярус. Мы находились на одной из нависавших пирамид, у самого её поднебесно-потолочного основания. Позади оставалась только закрытая дверь, но там я уже был.

– Давай, давай, хон! У тебя дорога только вперёд! – подзадоривал меня грольх, исчезая из виду. – Или, всё-таки, решил вернуться и стать бессмертным? Твой стабб ждёт тебя! Всегда!

Под хихикающие замечания, подхватив в руку сомневающийся клубок, я полез следом, спрыгнув на твёрдую поверхность. Хлоп! Прямо на чью-то чешуйчатую конечность.

– Куда прёшь, гладкокожий?! – возмутился её обладатель. – От этих хонов совсем не стало прохода!

– Sorry! – машинально сказал я, отпуская клубок и отступая в сторону. Чешуйчатый хмыкнул и, ничего не сказав, удалился.

– Пойдём, пойдём, – уже торопил меня Хап-Астх, утягивая совсем в другую сторону. – Здесь, пока ты новенький, лучше подолгу ни с кем не разговаривать. Когда освоишься – другое дело.

– И часто на вас сыпятся новенькие?

– Да ты что! Часто – это не то слово! Это же Лабиа Тхун!!! Место, где сходятся тысячи дорог: сюда ежедневно прибывают сотни путешественников из разных миров и времён!

– Поэтому вы совсем не удивились, когда я свалился вам на голову? Надо же, а я-то думал, ну почему все так обиденно? Оказывается, что я просто один из многих ежедневных сотен. Хон и хон – мало ли их здесь ходит.

– А ты никак расстроился?! Где оркестр и цветы с прелестными хоняндриями? А может лучше, чтобы сразу взяли бы и съели? Просто и со вкусом! А тут я с банальной экскурсией и. нравоучениями? Что ж! Да! Здесь так принято: кто первый встречает новенького, тот ему правила и объясняет: за пять минут или за пять лет – это кому как нравится. Короче, теряем время!

– Хочешь уложиться в перекур? А вдруг я чего не понял?

– Не понял, так и молчи! Знай себе, смотри да слушай! В конце спросишь. Ясно? Готов идти дальше? – недовольно бубнил грольх, с сожалением оглядываясь на меня. В его глазах тикали минуты потерянного времени, в моих же – все ярче высвечивались неразрешённые вопросы. А мимо вереницей проходили, пробегали, проползали и пролетали объекты моего разгоравшегося любопытства: ярко жёлтая кучка попрыгунчиков, радостных и глазастых, пронеслась мимо с переливчатым щебетанием; протащилось тяжёлое канатное тело, почти змеиное, но без начала и конца; пара полосатых человечков прошествовала гордо и непреклонно; другая пара, но ярко красная, Шла навстречу, болтая и похохатывая. Розовые, серые, пурпурно-зелёно-малиновые, опять желтые, большие и маленькие, абсолютно незнакомые на вид и ассоциировавшиеся хоть с кем-то или чем-то – все куда-то спешили, чувствуя себя уверенно и спокойно, безразлично-плавно обтекая нашу застрявшую компанию. Состояние полной готовности к действию отсутствовало, пожалуй, только у меня. Клубочек нетерпеливо подпрыгивал на месте, грольх же был готов двигаться дальше – с нами или без нас – хоть в любую секунду.

– Уже идём, – кивнул я.

Двое моих спутников устремились вперед.

4

– Все вольны делать то, что им захочется, но существуют общие правила, – торопливо поучал Хап-Астх. – Друг друга не жрать, не убивать, не воровать – без крайней нужды! За чертой Лаба Тхуна – пожалуйста, сколько угодно. В городе – никогда. Вход-выход осуществляется через Пи-туннели: они тут на каждом углу, любой покажет, но пользоваться ими не советую – могут унести в прошлое или в будущее, а место прибытия вообще предсказать невозможно.

– Это как же понимать? Город, как я понял, и есть своего рода лабиринт, переплетение мировых дорог, узелок, так сказать, на пространственной канве?

– А ты, видать, поэт, – вздохнул грольх. – Такие тут долго не живут...

– Съедают? В качестве особого исключения? Хотя нет, жрать-то ведь друг друга нельзя.

– Сами не выдерживают. Раз – только его и видели, не успели и спросить как зовут – а его и след простыл.

– Вообще-то, мне тоже срочно наверх надо. Очень, – вздохнул я, по-новому осматривая окружающую феерическую действительность – ловушка! Опять задачка не для хилых. Что ж, придется найти выход и отсюда. Подумаешь, лабиринт как лабиринт. Главное – не останавливаться.

– Ты слушаешь или нет? – недовольно зыркнул на меня Хап-Астх. – Выйти в настоящее, да ещё и вверх, точно наружу прямо над нашей головой – это ребус из неразрешимых. Вот на триста лет назад – всегда пожалуйста. В будущее – легко. На созвездие Ориона – ещё проще. Да ты оглянись, чудак! Как здесь здорово! Какие возможности! Эхх...

– Прости, Хап-Астх, не смотри на меня так укоризненно, а то я, чего доброго, начну плакать.

Грольх улыбнулся. Я тоже:

– Там мои друзья сейчас бьются с гро... с низшими грольхами. Туда отправился Ра-Рух с каким-то небольшим диском...

– С переносным стабилизатором.

– Тем более! Ты понимаешь, что это значит?! Для них. И для меня! Мне надо наверх! К тому же, девушка у меня там... Любимая!

Хап-Астх лишь развёл руками.

– Брата-ан!!! – кто-то вдруг сильно хлопнул меня по плечу. – Из какого года? Задержишься? Может, пойдём отметим?

Я обернулся. Рядом, опираясь на старомодный зонтик, стоял импозантный молодой человек в кожаном пальто, весь скрипящий и бликующий на изломах, в лаковых туфлях и с цветком в петлице. Этакий образцово-показательный нэпман, если бы не буквы на его массивных пальцах – на каждом по одной, складывавшиеся в имя "Сева", – и абсолютно лысый квадратный череп, наводивший на мысль о тюремной зоне. На его руке полувисела миловидная девушка в прозрачном пеньюаре, изящных туфельках на высоких каблуках и перьях, продуманно воткнутых в локоны замысловатой причёски. Ее личико было немного испорчено капризно-скучающим выражением и приоткрытым ротиком, постоянно готовым для поцелуя.

– Что, Хапастик, твоя очередь учить? – спросил молодой человек притихшего грольха. Хап-Астх незаметно отодвинулся за мою спину. – Давай эстафетой! Дал – принял! Я ему сейчас банкетечку закачу по полной программе! Не возражаешь?.. – последний вопрос относился уже ко мне.

Девушка кокетливо хихикнула, закрывая личико холёной рукой, получила шлепок по просвечивавшей сквозь тонкую ткань розовой попке и обиженно надулась. При этом она не прекращала оценивающе сканировать меня неуютно раздевающим взглядом.

– Ля, не балуй! – шутливо рыкнул на неё "Сева", вторично хлопая по розовевшей ягодице, чуть дольше положенного задерживаясь на ней рукой. – Ну, что, хххон?! Пошли, похххонимся?

Я оглянулся на гробьха, но того уже не было.

5

Мы обосновались в навесном кафе, сверкающем, шумном, с разношерстной компанией посетителей и не менее экзотичным барменом – длинным гибким существом с веером щупалец и раковиной вместо головы. Я жадно затянулся сигаретой, раздобыв огня за соседним столиком. Мой новый знакомый, как ни странно, не курил, зато пил за троих и что-то весьма очень крепкое. Я же ограничился местной разновидностью пива, с удовольствием заедая его копчёным мясом кукса. Кто был такой этот кукс при жизни, по большому счёту, мне было всё равно – вроде бы какая-то птица типа курицы, не отличающаяся ни умом, ни сообразительностью.

Сева, как он выразился "для своих – завсегда только Сева", ещё недавно тоже новичок, был в полном восторге от окружающей действительности. Успев несколько раз спутешествовать по временным коридорам и благополучно вернуться назад (да!), он приобрёл славу везунчика, так как до него это удавалось только опытным путешественникам, кстати, среди которых не было ни одного хона. На вопрос, "как он этого достиг?", Сева одинаково флегматично отвечал, что "а хер его знает". Мне же, после второго стакана, сморкаясь, поведал:

– Васенька, друган! Если вяпаешься куда, то назад дороги не ищи – всё одно бестолку. Поверь мне на слово – оно у меня крепкое, крепче самогона. Просто выпей за помин своей души – бутылок пять – и падай в ближайшую канаву... С тоской в груди и жаждою вернуться. Помогает! – он давно снял свое шикарное пальто, обнаружив под ним классическую тельняшку, заправленную в дорогие костюмные брюки. Заметив мой взгляд, он похлопал себя по груди и сказал: – Люблю красивые вещички, но вот к тельнику с отрочества привык! Опять же, не забудется, что я – хон!!! Магар (я вздрогнул) меня поберет... Не при дамах будет сказано, – Сева шуточно покосился на созерцавшую свой маникюр Ля, которой совершенно очевидно был наизусть знаком весь его рассказ о канавах и бутылках. Она оживилась лишь тогда, когда на её призывно выставленную коленку легла долгожданная татуированная пятерня. Девушка томно вздохнула и подняла, наконец, свои прекрасные глаза.

– А магары – это кто? – на всякий случай осторожно поинтересовался я.

– Ха. Да магары их... ха-ха-хааа... знают, кто они такие, – рассмеялся мой новый знакомый, без стеснения тиская гладкую ножку разомлевшей барышни. – Тут ими детей пугают. Так я вроде и не дитё! – он хмыкнул и пересадил Ля к себе на колени. – Мне совсем не страшно. Видать их я видал... Не видал, короче. Уже и самому интересно! Кто такие-то? Лялюшка, а ты не встречала, а, глазастая моя?

Ля ответила красноречиво качнувшимися плечами, отрицая и одновременно ловко приспуская прозрачный пеньюар, и без того почти ничего не скрывавший, улыбнулась и подставила для поцелуя давно готовые губки. Кажется, моё присутствие её ничуть не смущало, как, впрочем, и присутствие ещё двух десятков посетителей по соседству. Сева, пожалуй, всё-таки смутился, чуть отстраняясь и, глядя на меня, пояснил:

– Ля – тэлья. То бишь, как ты понимаешь, не хон... тьфу, не хоняндра, то есть, не девушка в обычном смысле слова. Короче, вся их жизнь – этих самых тэлий – кстати, никто не видел, как они рождаются или умирают! – подчинена только одному желанию – любить! Причем любить во всех возможных ракурсах и проявлениях.

– Мне это напоминает...

– Знаем, знаем! – сердито оборвал он меня, ссаживая обиженную Ля опять на её место. – Книжек не читал, но зато в телевизор пялился исправно. Слышал я и про всяких лярв-гурий-инкубов! А чего ты удивляешься? Считаешь, что я и слов-то таких знать не должен? А вот знаю! И даже в курсе, что они значат! Но Лялюшка не такая! Не-е-е...

Он ненадолго замолчал, играя желваками и ни на кого не глядя. Я же был настолько удивлён поворотом разговора, что и тем более ничего не говорил.

– Лет пять назад меня, как полагается, забрили в армию. Ещё там, в той жизни, – начал он снова, неопределённо махнув рукой куда-то за плечо. – В институты поступать я даже не

пытался – куда мне из поселковой школы-то прыгать! В армию – так в армию. Мне было до одного места. Даже хотел! В десант! Попал в пехоту. Погрузили нас лопоухих в бэтээр и погнажи. По горам да по бездорожью. Водитель – мурло! – решил нам сразу же класс показать, – чтоб с первого дня по струнке ходили что ли? – как скорость выдал! Хреноверть! Да как пошёл по кочкам да по ухабам подпрыгивать, нас потряхивать – чуть всю душу не вытряс. Полный кырдык организму! А потом овраг случился, незапланированный... Он и его на машине перемахнул. Приземление буду помнить до конца своей жизни... Вот ведь коз-зёл!!! Подбросило нас, головами постукало, назад пошмякало, кого как да кого чем: кого ногой, кого боком, а меня, извините, яйцами. Как я корчился – вспоминать больно! Оклемался, конечно. Только после этого прискорбного случая свидания с девушками заканчивались исключительно цве тами и поцелуями. Смешно сказать, а вот не встало больше, хоть стреляйся!

Тут Сева хохотнул и снова опустил свою длань на красивую коленку Ля.

– Как сюда попал? Да в метро приехал. Заснул пьяным вроде бы на Маяковской, ехал на конечную – точно помню, – а разбудили меня вон те, зелёнькие! – он выхватил жестом из толпы две невысокие карикатурные фигурки. – Здравствуйся, говорят, хоня! Как же тябе повезло-та! Добро пожаловать в Лабиа Тхуну!.. Первые три дня думал, что у меня белая горячка, что окончательно спятил... Пока не встретил Лялюшку! – нежному взгляду его не было предела. Тэлья ответно вздохнула. – Подошла она ко мне, моя голубушка, посмотрела на меня и вдруг ручку свою протянула да и прикоснулась к моему отбитому... сокровищу. С тех пор я с ней не расстаюсь. Ни днём, ни ночью, конечно же!

Видимо, почувствовав своевременность момента, Ля снова протянула губки для поцелуя, куда Сева её и чмокнул, не забыв при этом пробежаться рукой от обнаженного плечика до всё той же подставленной коленки, на которой и остановился абсолютно удовлетворённый.

Везёт же мне на счастливые пары! А для меня остался пронизанный солнцем дождь, Диллинь на берегу и бесконечная надежда, слегка приправленная тоской.

Как отклик на мою печаль зазвучала музыка. Пожилая дама (явно из "наших", из человеко-хонов) перебирала струны незнакомого инструмента. Удобно устроенный на мягкой подушке её объёмного бюста, он издавал переливчатые, журчащие, почти мурлыкающие звуки.

Логично следуя настроению момента, Сева и Лялюшка занялись привычным занятием – то есть, всепоглощённо целовались. Предоставленный сам себе, я с интересом разглядывал публику. Каждый третий был грольхом, хоны встречались гораздо реже и являли собой разномастное и разновременное сочетание: от рыцаря в частично сохранившихся промятых, но до блеска начищенных доспехах до юного ясноглазого рейвера с зелёными волосами, всё время невпопад смеявшегося и перемигивавшегося с такой же молоденькой девчонкой с множеством сиреневых косичек на голове, кусавшей ногти и всё время ерзавшей. Заметив нас, они всплеснули руками, после чего снова дружно расхохотались, непонятно по какому поводу.

– Это Ромик с Малликой, – правым уголком рта процедил Сева, не прерывая своего занятия. – Им всегда весело – дети!

Он замолчал, так как Ля восстановила утраченные позиции, опять всецело заткнув собою прореху. Сева лишь что-то изобразил мне пальцами и окончательно отключился от внешнего мира.

Музицировавшая дама заиграла оживлённое: колыхаясь своими значительными формами, уселась поудобнее и грянула что-то новое, ритмичное, неожиданное для такого хрупкого инструмента. К ней тотчас же откуда-то сбоку выскочил щуплый аккуратный старичок и пританцовывающей походкой направился вокруг зала, элегантно движением фокусника вынимая из-за отворота сюртука флейту и с ходу начиная играть. Мелодия поглощала, завораживала, подхватывала и несла как бурная река, как ветер, как сама жизнь... Зрители неосознанно стали притопывать ногами, дышать чаще и сбивчиво, постепенно забывая о разговорах и перемещениях. Даже бармен приостановил раздачу напитков, замерев с бокалом в одном из своих щупалец. Ритм всё ускорялся и ускорялся, усложняясь и закручиваясь. Кто-то не удержался от присвистывания. Сбоку крикнули и начали хлопать в

такт мелодии. Кому-то наступили на ногу. Разбили рюмку. Выругались. Даже Ля с Севой перестали целоваться. Но всё это было незначительно, пусто, потому что дуэт брал свою последнюю, самую высокую ноту... Внезапно лопнувшая струна дзынькнула и стремительно свернулась в тугую качающуюся спираль. Одновременно с ней старичок-флейтист взвился в воздух и, сделав сальто, приземлился перед своей партнершей на одно колено, раскинув руки и галантно наклонив голову – ап! Поклон!.. Вот так-то, господа! Знай наших! Тишина. Лишь посторонние звуки города, разом заглушённые бубнящей овацией восхищённых зрителей: здесь было принято не хлопать в ладоши, а бу-бу-бубнить, и чем громче, тем лучше. Ладно уж, мне понравилось не меньше остальных, поэтому я тоже забубнил, искренне выражая свой восторг. Бу-бу-бу! Знай наших! Бу-у-уу!..

– Ура! – орал Сева, молотя себя кулаками по тельняшчатой груди.

– Вау-у-у! Юууу! Ультра! – свистели Ромик с Малликой.

– Бу-бу-буу, – раздавалось отовсюду, постепенно смешиваясь и теряя первоначальное единство эмоций.

Кто-то легонько и нетерпеливо пинал меня в ногу. Я глянул вниз, начиная что-то говорить маленькому нахалу... Клубок! Уже размотавший изрядный ворох драгоценных ниток долбился и долбился в меня, видимо, давно пытаюсь обратить на себя внимание.

– Что, родной? – шёпотом поинтересовался я, ловя себя на том, что обращаюсь к нему, как к живому существу.

Он перестал стучаться, заёрзал и, чуть подумав, выложил на полу аккуратную стрелочку остриём к двери.

– Уходить? Сейчас же? – удивился я. – А как же...

Звучно разбитое смотровое стекло красочно ответило за него, разлетаясь острыми прицельными осколками – кто-то вдруг начал атаку.

Я инстинктивно пригнулся. Клубок воспринял это как команду к действию и рванулся к двери вместе с остальными посетителями. Поднялся крик. В суматохе опрокинули стол, звонко перебив стоявшую на нём посуду. Сева по-десантному ловко устремился к окну, секундно выглядывая вниз. Бармен – щупальца у него тряслись – глядел на чудовищный погром, груды мусора, в которую превращалось его кафе и забытую, корчившуюся в этой гряде фигурку желтого существа с головой, почти начисто срезанной оконным осколком. Рядом же, цепляясь за край стойки, оседал, будто тонул в болоте, старый флейтист, медленно, обессилено разжимая пальцы. Из его горла навывлет торчал ещё один, нашедший свою цель кусок стекла. В воздухе, вибрируя и задыхаясь, звенел крик кого-то придавленного в дверях. Ля, выжидательно замерев, пристроилась под уцелевшим столом и не мигая глядела на занявшего наблюдательный пост Севу. Вернулся недовольный клубок. Откуда-то выползла Маллика и замахала нам руками. Из-под упавших стульев торчали безвольно вывернутые голубые ботинки на толстой платформе. Тут же валялись раздавленные очки с жёлтыми стёклами. Ромик?.. Грохнув ещё одно окно, к нам влетел небольшой металлический шарик, стукнулся, скакнул и взорвался резким огнем. Мы вжались в пол, заслоняясь, кто чем придется. Не успевший спрятаться, итак убитый наповал горем, рефлекторно вздёргивавший конечностями, за своей стойкой факелом вспыхнул бармен. Запахло пережаренным мясом. Маллику вырвало прямо в подтекавшую к ней лужу крови. Визг и сутолока давно перекинулась за пределы бывшего кафе. Что, все-таки, происходит??? А?.. Побери меня мага...ар...

В высаженные толпой двери шагнул разъяренный Ра-Рух. В его руке, вытянутой в нашу сторону, хищно сверкал уже виденный мной однажды жезл.

Последняя мысль у меня была, что "ну, зачем явился Ра-Рух – понятно: небось, магары ему хвост накрутили, а вот откуда у него... Фатш Гунн???"

– Сучье хонское племя!!! – орал он на меня. – И вы, глупцы, не лучше!!! – это к остальным. – А ты-то сюда как прибилась? – это к вытащенной из-под стола за волосы, упорно молчавшей Ля. Сева лишь хрипел, отплевывался и похабно ругался. Впрочем, на него никто не обращал

внимания. Только трое рыбоглазых грольхов держали его под постоянным прицелом своего оружия. Нас вывели и потолкали куда-то вниз по лестнице, отодрав брыкающуюся Маллику от так и нераскопанного Ромика. Дорога освобождалась мгновенно, хлопали запиравшиеся двери и падали на окна занавески. Мы двигались сквозь коридор всеобщего отчуждения, впрочем, нет, не всеобщего... На заднем плане промелькнуло несколько подростков, таких же разноцветно вихрастых, как заваленный обломками Ромик, Маллика тоже их заметила, стрельнула на нас косым взглядом и вся как-то внутренне подобралась, враз потеряв детскую безобидность.

Улица внизу встретила нас рыбоглазым оцеплением и панически разбежавшимися горожанами. Среди грольхов виновато-скованной фигурой стоял поникший Хап-Астх. Левая часть его лица была украшена здоровенным синяком.

Площадка перед домом закружлялась высокой решеткой и фонтаном, выпускавшим вверх странную радужную струю, растекавшуюся в его каменном обруче вязкой переливавшейся пленкой.

– Господин Ра-Рух, – вдруг произнесла тэлья. У неё оказался удивительный певучий, чуть растягивающийся, гипнотический голос, прозвучавший тихо, но настолько неожиданно – как я понял, для всех, включая самого Ра-Руха, – что процессия остановилась. – Я хочу попросить вас о ничтожном одолжении... Я... хочу... вас... попросить... я... хочу... вас...

Она сделала томный жест, перешагивая через упавший с неё пеньюар, откидывая на спину рассыпавшиеся локоны, и улыбнулась приоткрытым ротиком.

Присутствовавшие замерли, жадно впитывая соблазнительные детали, ибо сейчас не было ничего прекраснее и желаннее плавно качнувшихся бедер, вызывающе дрогнувших грудей, нежно зовущих глаз. Даже высший грольх не остался равнодушен. Он внимательно и всё менее насмешливо следил за приближавшейся Ля. Казалось, воздух вокруг звенит и сочится желанием... желанием... же-ла-ни-ем... страс-сть-ю... лю-бовь-ю...

Я и сам с большим трудом оторвал тупеющий взгляд от обнаженного девичьего тела... сказочно прекрасного, сиявшего великолепием, излучавшего и зовущего. Иди сюда, мой единственный и же-лан-ный... Тьфу ты, опять глаза приклеились, никак не наглядеться. Попу я, что ли, не видел?! Куда, в конце-то концов, смотрит её Сева?! А Сева смотрел на фонтан, пристально, гениально расцветая спасительной догадкой. Фонтан?.. А при чём здесь фонтан? Он поймал мой вопросительный взгляд и кивнул, стукнув себя по запястью, как будто бы спрашивая, сколько сейчас времени. При чем здесь время? Точно! Колодцы времени!!! Я ведь не видел ни одного из них! Откуда мне знать, как они выглядят? Вдруг это и есть один из них?! Тэлья сделала ещё шаг. Ещё...

Я, скорее мысленно, чем движением, медленно потянулся к Севе.

"Правильно, Вася, правильно..." – пронеслось у меня в голове.

"Ныряем в колодец?" – поинтересовался я, стараясь думать как можно более чётко. Он никак не отреагировал, опять пробормотав что-то про правильность. Жаль. Значит, я его слышу, а он меня нет. Вдохнул. Повёл вопрошающе глазами в сторону фонтана, мол, прыгаем? Сейчас?.. Он весь как-то сразу одеревенел и покосился в сторону тэлии, которая делала следующий шаг – от нас, по направлению к Ра-Руху. Ещё секунд десять, и она до него дойдёт. Окончательно. Бесповоротно.

Давай, Сева, давай! Решаемся уже на что-нибудь и ныряем!

Он, наконец, кивнул и чуть сдвинулся с места.

Ещё один шаг Ля.

Ускоряя события, сбивая ход задуманного, Ра-Рух вдруг непредсказуемо шагнул ей навстречу.

Шагнул и... расхохотался. Смеясь, поднял Фатш Гунн и, направив его в грудь тэлии, выстрелил голубой молнией. Полыхнуло слепящее зарево. Девушку подбросило вверх. Что ж, я такое уже видел. Завопил и рванул вперёд Сева. Ра-Рух выстрелил и в него, но тот увернулся. Я прыгнул к фонтану. Рыбоглазое оцепление отхлынуло и снова прилило, наползая на нас бледными телами. Голосили невольные зрители. Сева врезался всей своей тяжестью в

грольха, сминая и подхватывая его тщедушное тело. Тот от неожиданности вскрикнул и выронил Фатш Гунн.

И над всем этим сияющим распятием парила поднятая в воздух Ля.

Я почти перекинулся через каменный парапет, не думая и не отдавая себе отчёта – а что потом-то? И как вернуться? И где, кстати, клубок?.. Эта мысль сбила мой порыв. Я оглянулся назад, отмечая вцепившегося в мою штанину очередного грольха, которого и лягнул с превеликим удовольствием; Севу, рьяно трясущего Ра-Руха, молотящего его за уши да об колено; всеобщую сутолоку на площадке, посыпавшихся откуда-то сверху синих уродцев, летевших верхом на смешных раздутых жабах, радостные крики поваливших в кучу малу зрителей и упавшую вниз бесчувственную Ля: Фатш Гунн, потеряв хозяина, перестал удерживать и свою жертву. Общая потасовка обещала быть буйной и продолжительной. Маллика, засев на ближайшем балконе, дупила по грольхам из модернизированной рогатки. Визг и гвалт давно перекрыли все допустимые децибеллы. Давно бы так!.. Я никуда теперь не торопился, устремившись в самый центр побоища, стараясь пробиться к Севе и Ра-Хору. Грольх, изловчившись и успев извлечь какой-то очередной хитрый приборчик, доставлял своему врагу массу неприятных ощущений – бил его направленными разрядами электрического тока. Сева крепился, весь в пятнах ожогов и сыплющихся искрах, но рук не разжимал – пробившись ближе, я потянулся за жезлом, но его, как назло, пнули и придавили чьей-то бородавчатой тушей.

– Именем Лабиа Тхуна! Остановитесь! За нарушение порядка виновные будут строго наказаны! – громко вещал один из синих уродцев, зависнув на своей жабе на безопасной высоте и явно теряя терпение. В пылу свалки никто не обращал на него никакого внимания. С грохотом рухнул клетчатый навес. Рассыпалось очередное окно, выбитое очередным отлетевшим телом. Кто-то натужно хрипел, щедро разбрызгивая капли голубой крови прямо поверх копошащихся и молотящих друг друга горожан. Постепенно становилось ясно, что мы, всё-таки, побеждаем. Мы – это, конечно же, мы! А рыбоглазые – это, без сомнений, они! И вот уже пришедших грольхов успешно оттеснили к стенам, отнимая у них оружие и, к моему недоумению, никого не убивая. Только Сева и Ра-Рух непримиримо топтались посредине площадки, не желая уступать один другому. Синий блюститель порядка снизился и над ними, ещё раз недовольно рявкнул, – безрезультатно! – лишь получил в своём направлении мелькнувший, молниеносный разряд тока, тонким лучиком попавший в брюхо икнувшей сманевировавшей жабе, чуть не уронившей своего седока. Тот рассвирепел и пальнул по драчунам из своего оружия. Летело явно в Севу, но он, по нашей человеческо-хоньей привычке, успел-таки извернуться и закрылся Ра-Рухом. Тот взвизгнул и на секунду обмяк, чего вполне хватило добру молодцу, который с победным криком зашвырнул грольха куда-то подальше через могучее плечо. Ра-Рух заголосил, описывая в воздухе широкую дугу, и рухнул прямо в фонтан. Народ вокруг ахнул, подался назад-вперёд. Фонтан вспучился, засверкал и полыхнул ослепительно белым, на мгновение раскрываясь бездонной звёздной пропастью, сглотившей упавшее в неё тело грольха. Приняв живую пилюлю, пространственно-временное горло рыгнуло, вновь взбулькнуло и успокоилось, мирно затягиваясь радужной плёночкой – приятного аппетита и счастливого пути!.. Это событие в момент успокоило население, да и рыбоглазые, лишившись начальства, поопускали руки, сбиваясь в кучу, покорно уводимую куда-то летающими стражами.

– Лялюшка!!! Девочка моя! – рыдал Сева, приподнимая за плечи тэлью. Та не отвечала.

Бородавчатую тушу подняли и унесли такие же бородавчатые родственные туши. Я нагнулся за жезлом, но того не было. Черт! Идиот! Проворонил! Накатила тупая усталость. Я в изнеможении опустился тут же прямо на землю, закрывая лицо руками. Как... я... устал...

– Прости меня, хон, – кто-то робко коснулся моего плеча.

Я поднял тяжелое лицо. Передо мной стоял Хап-Астх и протягивал мне исчезнувший Фатш Гунн.

Сева уже больше ничего не говорил, никого не звал, сидел над Ля, чуть подрагивая пальцами и тягостно просев плечами. Тэльлию накрыли обрывком занавески, и сейчас она была похожа на старшекласницу, уснувшую прямо на улице.

– Сева, – позвал я, протягивая к нему руку и ещё надеясь на своё везение. В конце концов, ведь королевская печать была со мной.

– Не-е-ет!!! – простонал он, закрывая собой лежавшую девушку. – Я не верю!

Он наклонил голову и вдруг заплакал – мучительно, сухо, раздражающе, уронив лишь одну единственную слезу, упавшую прямо на безмятежное лицо Ля.

Та внезапно вздохнула и медленно, очень медленно приоткрыла глаза, возвращаясь практически с того света.

– Милый, ты жив, – чуть слышно прошептала она. – Я так тебя люблю...

– Говорящая тэльлия?! – ахнул за моей спиной Хап-Астх. – А я думал, что они только и умеют, что...

Он замолчал, получив от меня красноречивый подзатыльник, и передвинулся в зону недосягаемости.

А Сева со своей воскресшей возлюбленной никого и ничего больше не замечали. Сейчас они пребывали в полном одиночестве, впитывая друг друга глазами, дыханием, прикосновением, поцелуем – быстрым, долгим, очень долгим... поцелуем...

– Ну вот, самое время, – отворачиваясь, улыбнулся я.

Народ разбрелся по домам, предварительно добротнo осмотрев место происшествия. А вдруг что-нибудь закатилось? Чье-нибудь чужое и очень ценное? Суетились уборщики – маленькие, юркие существа, плоские, многоногие и большеротые, слизывавшие отовсюду мелкие обломки длинными, шершавыми языками, сжевывавшие всё это и принимавшиеся за очередную порцию мусора. И вот уже только оборванный навес и выбитые окна напоминали о произошедшем здесь побоище.

Сева и тэльлия, наконец, отлепились друг от друга и теперь смотрели один на другого с идиотскими улыбками абсолютно счастливых влюбленных. Ну, прямо Ромео и Джульетта! Нет, у тех конец вышел неудачный. Пусть лучше, как Иван-царевич да Василиса Прекрасная.

Из-за угла дома бесшумно вылетел на жабе синий начальник местной стражи. Накрыв нас своей тенью, они приземлились рядом.

– Равэйк... – простонал где-то сбоку Хап-Астх. – Это Равэйк. Я покрепче перехватил Фатш Гунн – так, на всякий случай.

– Нет, хон, не надо, – сбивчиво зашептал грольх, прижимаясь ко мне. – Ради всех твоих богов, не делай резких движений. Равэйк – йокль, а йокли – это стражи, охраняющие город. Ради соблюдения равновесия они готовы на многое, почти на всё. Не поднимай жезл. Чуть двинешься – и нам всем конец! Оглянись.

На расстоянии выстрела над нами зависло ещё несколько парящих силуэтов. Стратегически верно выбранные позиции и направленное на нас мигавшее оружие не оставляло никаких сомнений в исходе случайной схватки.

Равэйк подошел к нам лёгкой походкой ящерицы, чуть отмахивая перепончатыми ладонями и слегка откинув синюю голову, эффектно выставив вперед костистый острый подбородок и развернув невысокий гребень. Странно, но его небольшая сухощавая фигура не казалась хрупкой или слабой. Отнюдь, в ней присутствовала неистребимость жужелицы, которая и с оторванными ногами представляет для противника нешуточную опасность... Йокль по имени Равэйк окинул всех внимательным взглядом, чуть задержавшись на замершей Ля.

– Господа постоянные жители Лаба Тхуна и вновь прибывшие, – сказал он. "Уважаемый Севериус и прекрасная тэльлия Ляйра. Верноподданный Хап-Астх. И путешествующий хон?..

– Василий, – неохотно нарушил я его ожидание.

– Хон Василий, – кивнул страж. – Хотелось бы узнать мотивы столь бурного досуга, так увлекшего значительную часть населения. Настолько бурного, что это сопровождалось появлением запрещённых посетителей в лице внешних грольхов.

Его глаза сузились, на секунду прикрываясь прозрачной плёнкой, и снова изучающе холодно открылись, направленные прямо на меня. Мы дружно молчали.

– Весьма неудачно была выбрана территория для выяснения старых конфликтов. Весьма и весьма неудачно, – продолжал Равэйк. – Город не может служить местом для их разрешения и, тем более, для сокрытия отдельного лица, убегающего от своих проблем.

Все присутствующие, включая случайных зрителей, выглядывавших из окон, тоже посмотрели на меня. Сева шумно вздохнул и ругнулся сквозь зубы.

– Мне бы наверх, – дипломатично высказался я. – Как раз все проблемы, как вы понимаете, и разрешились бы. Сами собой. А в вашем замечательном Лаба Тхуне, – я старался говорить совершенно серьёзно и искренне, – задерживаться я, к сожалению, не имею никакой возможности. Спешу, извините.

– Что ж, весьма похвально! Хотя и нестандартно для такого плоско-линейно мыслящего существа, как хон, – как мне показалось, задумчиво, но, впрочем, и облегченно кивнул йокль, чуть ослабляя одну ногу и приспуская гребень. – Наверх? Наверх будет трудновато.

Равэйк едва заметно улыбнулся, втягивая кожистые щёки, и повёл глазами по невольным зрителям. Зрители, подглядывавшие за происходящим, спешно покинули наблюдательные посты, хлопая окнами и задёргивая сохранившиеся занавески.

– Хон Василий, – сказал он тихо, отвернувшись от остальных. – Мне известны некоторые детали вашего прибытия сюда, и у меня есть личное мнение по этому поводу. Я думаю, что для вашего же блага и... – он усмехнулся, – для блага всего лабиринта, вам, юноша, нужно как можно скорее отправиться в путешествие.

Я внутренне напрягся. Йокль, заметив мою реакцию, вздохнул и протянул было ко мне перепончатую руку, но так и не коснулся, только глянул на зажатый у меня подмышкой Фатш Гунн и продолжил:

– Отвлечёмся на минуту. Допустим, что некий хон выбрался из Лаба Тхуна в нужном ему месте и в нужное ему время. Допустим, что он в дальнейшем приобрёл некие качества, позволяющие ему сюда вернуться. Интересно, хватило бы у него смелости вновь пройти по внешним коридорам, вскрывая стаббы и выпуская пленников? Как вы думаете, что он попросил бы у некоего начальника стражи за то, чтобы постараться сделать это быстро и качественно?

– А некий начальник стражи вручил бы ему ключи от вышеупомянутых стаббов? – в свою очередь поинтересовался я, вспоминая застывшую Эвил Сийну и почему-то бородатого хона из первой увиденной мной капсулы.

– Очень может быть... Впрочем, это всего лишь фантазия. Вряд ли найдётся безумец, согласный по доброй воле сунуться на территорию внешних грольхов. Увы! Даже имея такое оружие, как сей удивительный предмет, – Равэйк снова покосился на Фатш Гунн.

– Уговорили. А где выход?

– Выход? Какой выход? – приподнял брови йокль. – Я не припомню, чтобы мы говорили о конкретном выходе.

Я посмотрел на Равэйка. Он откровенно улыбался.

– Я вас не понимаю, – вырвалось у меня.

– Я так не думаю.

– Послушайте...

– Хорошо, хорошо. Выход, естественно, есть, но, к сожалению или к счастью, он не стоит на месте, то есть блуждает. И где он находится в данный момент – я не знаю, да и не могу знать, поскольку перемещения сии происходят спонтанно.

– Но ведь кто-то же...

– О, несомненно! В конце концов, Лаба Тхун – это всего лишь непрерывность Пи-измерений, являющихся совокупностью Пи-координат. Месячный расчёт и наши математики выдадут местонахождение выхода с точностью до десяти метров. Или ста...

– Вам опять смешно, а там наверху мои друзья!

– Я знаю! – вдруг посерьёзней Равэйк. Он ненадолго задумался, затаив глаза туманной плёнкой и подрагивая гребнем. Потом пронзительно глянул на меня и едва слышно спросил, отчего-то переходя на "ты": – Ты имеешь намерение вернуться?

– Я дафэн, – в тон ему, также тихо ответил я. – Тот, кто возвращается. Я не могу иначе, тем более, что я и им обещал то же самое, – я неопределенно мотнул головой, но йокль понял, кого я имел в виду.

– Дафэн? Надо же, никогда бы не подумал. Хотя... по теории силяперной вероятности... один к трильбиону, да даже к миллиарду иногда и бывает, – он по-новому, почти суеверно окинул меня взглядом и добавил: – У меня там в стаббах весь мой родильный сигталяпс. Уже сто шестнадцатый год пошёл, как моя жена... и дети! Сколько раз пытался спасти их сам – безрезультатно.

– А ключи? – встрепенулся я. – Как расконсервировать стабб?

– Не знаю, – неохотно признался Равэйк. – Наши учёные так и не смогли найти разгадку. При любом вмешательстве жизненные функции существа, находящегося внутри, нарушаются, и оно погибает. Ответ знают только эти иддиоптильные... высшие грольхи. Жаль, что вы Ра-Руха поместили в Пи-колодец: временное путешествие имеет неопределённые пограничные туаллерсы. Ищи его теперь! Надо будет послать сундрикса, хотя и это, наверное, теперь не отвечает своевременности момента... Если бы ты мог вскрыть капсулы, мы тебя сразу же отправили бы назад. Вместе с командой прикрытия, конечно же.

– И меня бы не спросили? – усмехнулся я. Йокль холодно стрельнул глазами. – Хорошо, хорошо. Просто не люблю, когда что-то решают без моего участия. Будем считать, что мне временно повезло. Пленники подождут ещё чуть-чуть, а я выйду наверх к своим, быстренько завершу дела и вернусь, а заодно и разузнаю, как распечатать эти самые несчастные хрустальные гробики. Идёт?

– Конечно, идёт! – вдруг вмешался Сева. Оказалось, что вся троица, не считая клубка, давно придвинулась поближе и внимательно ловила каждое наше слово. "Господин Равэйк! Он же всё равно ничем не может помочь. Это ясно, как пареная репа! Сейчас не может. И чем скорее вы его отпустите, тем быстрее он вернётся назад" действительно готовый на подвиги и чудеса. И самое главное чудо, а может и глупость – независимо от того, верим мы в это или нет, – что он и правда ведь вернётся!

– Возможно, вы и правы, – спокойно ответил йокль. – В конце концов, история выстраивается именно таким образом, как меня предупреждал один транзитный посетитель, появившийся из бокового Пи-аквариума.

– Он случайно не напоминал пушистого дракончика, болливо-носатого и крылато-интеллигентного? – пошутил я, отчего-то ностальгически вспомнив Враххильдорста, пропавшего ещё в начале сражения.

– А! Так ты имеешь представление, о каком субъекте я... – оживился Равэйк, но продолжать не стал, видимо, окончательно приняв решение. – Неважно! Значит, и это к лучшему. Знакомы или нет – это несущественно! Если то, что говорил этот "дракончик" – суть истина.

Он ещё раз смерил всю нашу компанию внимательным взглядом и, решительно развернувшись, призывно свистнул парившей в отдалении жабе.

– Полетели! – отрывисто кивнул мне Равэйк и первым запрыгнул на своего экзотического скакуна, указывая мне рукой на место позади себя. – Я знаю, кто обладает информацией о местоположении выхода!

Я оглянулся назад. Надо же, как быстро привыкаешь к новым знакомым. И сколько, вообще, я с ними знаком-то? Час, два, целую жизнь? С некоторых пор время потеряло свою обыденную точность и перестало следовать выверенному расписанию, иногда за пять минут успевая одним движением создать и уничтожить пару вселенных.

– Ты отличный мужик! – сказал, хлопнув меня по плечу, Сева. – Первый, кто не стал отбивать у меня Лялюшку через полчаса после знакомства.

– У меня уже есть любимая девушка, – улыбаясь, возразил я. – Не люблю излишеств – зачем мне две?

– Другим это не мешало. Хоть десять девушек, говорили они – мало не бывает.

– Надеюсь, это были их последние слова?

Сева только легкомысленно развёл руками, не выдержал и рассмеялся, логично завершая жест нежным объятием подошедшей Ля.

– Спасибо! – только и сказала та, непонятно только кому из нас, устраиваясь поудобнее в обхватившем её кольцо, задумалась и потом вдруг добавила, глядя мне прямо в глаза: – Как только найдёшь свою любимую – не молчи, расскажи ей про свою любовь, расскажи ей так, чтобы зажгло её сердце, ибо зорко одно лишь оно, глазами главного не увидишь. И она простит тебя. Потому что рану, нанесённую любимым, может залечить только он сам – тот, кто её нанёс.

– Это так заметно? То, что... что я... её... обидел...

– Нет, не так, но я тэлья. Мне известно про любовь почти всё. Почти! – оборвала она вспыхнувшую в моих глазах надежду. – Твой случай особый. Но то, что ты любишь, для меня было понятно сразу. Ибо это чувство – одно из тех страданий, которые невозможно скрывать; одного слова, одного неосторожного взгляда и даже молчания достаточно, чтобы выдать его. Не отступай! Тут нет правил и законов. Любить и быть расчётливо-мудрым невозможно, однако иногда любовь не отнимает разум, а наоборот усиливает его, даруя сказочные способности и таланты.

За нашей спиной тактично кашлянул Равэйк. Тэлья вздохнула и, выскользнув из объятий Севы, быстро поцеловала меня в щёку, прошептав на ухо:

– Верь в свою удачу! И обязательно её поцелуй. Это самое действенное признание...

Она лукаво улыбнулась и помахала мне рукой: – Возвращайтесь вместе!

– Кх, кхм, – смущённо прокхекал Хап-Астх, переминаясь с ноги на ногу, и прибавил, когда я усаживался позади йокля: – Ты, хон, если встретишь внешних грольхов, не бойся их – они без своих приборов ничего не могут. Они так давно бесчинствуют, что совсем забыли, откуда они вышли, и где был их дом, который, кстати, когда-то разрушили именно их нынешние хозяева. Если опять попадётся, спроси их про то, как погибла звезда Урдир! Это была наша несчастная родина. Если бы не магары...

Я с интересом развернулся, но вопрос так и остался незадачным. Грольх отвернулся и быстро скрылся за ближайшим поворотом, видимо считая, что церемония расставания и так уже непозволительно затянулась.

Прямо по бородавчатой лапе ко мне на колени закатился клубок. Я удивлённо посмотрел на своего проводника:

– Что, друг, будешь выпускать ниточку прямо отсюда? Правильный путь, значит, держим?

Тем временем йокль гортанно крикнул и шлепнул свою жабу по широкому бугристому лбу. Та недовольно уркнула, надула горловой мешок и, растопырив лапы, поднялась в воздух. Зависнув на двухметровой высоте, – два седока, всё-таки, для неё было многовато, – она неспешно поплыла по улице, плавно огибая встречавшиеся предметы. В отдалении следовали остальные йокли, чётко разбившись по зонам внешнего наблюдения.

Клубок стремительно выпускал тоненькую ниточку, совершенно не задерживая движение. Я, максимально используя передышку, глазел по сторонам.

Давно скрылись из виду опять начавшие целоваться, чуть только мы отъехали, Сева и Ля.

Пожар, бушевавший в злополучном кафе, был тщательно потушен, трупы убраны вместе с мусором и выбитыми стеклами. Порядок восстановился как бы сам собой. Горожане, удовлетворённые на сегодня по части зрелищ, спешили по своим неотложным делам. На соседних же улицах не было и намёка на происшедшие события.

Наш летающий транспорт мерно покачивался, постепенно убавляя. Давала о себе знать многодневная усталость, минут через десять полёта победившая меня окончательно. Я пару раз клянул носом, по-партизански стойко извлекая себя за шкирку из сна, но, решив,

наконец, что героя мне не дадут, смирился и канул в сладкое марево, предварительно понадежнее устроив клубок.

...И всё-таки, как сюда попал дофрест? И если это был действительно он, то почему не нашёл меня и не спас?!

8

Я упал, при этом сильно ударившись коленями.

Сверху на меня приземлился клубок, легонько, но очень точно тюкнув прямехонько в лоб. Я тут же благополучно допроснулся, ошалело озираясь и с трудом соображая, куда же делась летающая тарелка... тьфу, жаба вместе с сидевшим на ней Равэйком. Пока я об этом думал, земля под моими ногами дрогнула, совсем немного, но звуковая волна, докатившаяся чуть с опозданием, не оставляла сомнения в том, что где-то на окраине Лабиа Тхуна идёт бой.

Заложив крутой вираж, рядом со мной лихо плюхнулась та самая потерянная жаба. С неё соскочил озабоченный Равэйк и устремился ко мне:

– Василий, не ушибся? Дальше пойдешь один. Тут совсем близко – всего каких-нибудь пара кварталлерсов. Мардавам расположился на соседней площади и как всегда сучает. Тебе – к нему!

Очередной толчок, более явный, чем предыдущий, оборвал йокля на полувздохе. Последовавший грохот на секунду заложил уши. Но хуже всего было то, что дальняя пирамида, спускавшаяся с потолка, дала ясно различимую трещину.

У Равэйка на поясе заверещал прибор, который йокль вынул из чехла и, наподобие блюдца с горячим чаем, поднес к губам.

– Равэйк! – нетерпеливо бросил он в него.
– У западных ворот прорыв низших грольхов!!! – истерично запищал прибор. – Они требуют вернуть Ра-Руха!
– Вы объяснили им, что Ра-Рух отбыл в путешествие? По собственному желанию?
– Они не верят. Говорят, мы взяли его в плен, чтобы узнать тайну раскрытия стаббов! – не унимался голос.
– Эх, если бы это было так – давно мечтаю! Хорошо, сейчас буду. Ждите!
Он щелчком захлопнул и убрал переговорное устройство, оглянулся на меня и сказал:
– Вот такие дела, хон. Помни об обещании. Я сам лично буду ждать тебя, так что береги своё непрочное тело.
Он вскочил на нетерпеливо икавшую жабу и, уже взмывая в воздух, прокричал:
– Ищи Мардавама!..

9

Легко сказать "ищи какую-то морду Вама", а вот поди-ка попробуй! Я стоял посреди незнакомого города, опять один.

Тут что-то стукнулось по моему ботинку: клубочек активно пытался привлечь моё внимание, подпрыгивая всё выше и выше.

– Извини, милый. Конечно же, я не один. Может, ты знаешь, где искать этого самого Мордована? – я виновато присел на корточки, отчего-то стесняясь своего роста перед этим маленьким живым комочком, не раз выручавшим меня из беды. Он обрадовался, перестал скакать и целенаправленно покатился в переулок, явно не собираясь следовать указанному Равэйком направлению.

Чем дальше мы шли, тем слабее доносились взрывы. Пол же вибрировал теперь совсем по другой причине: прямо под нами, видимые сквозь частую сетку люков, пронеслись поезда обычного метрополитена. Да, да, именно метро! Я и сам сначала глазам своим не поверил, думал – первостатейные глюки, – но нет: оказалось, действительно метро, целых три линии поездов прямо под улицей. Через сотню метров обнаружился и спуск на платформы с оплётанными ступенями, уходившими в темный переход, и косо прибитой надписью "Сортировочная". Спуск был весьма непривлекательный. Я ускорился, стараясь побыстрее пройти подозрительное место. Клубок же напротив катился все медленнее и медленнее, то ли теряя уверенность, то ли раздумывая. Решившись, резко вильнул в сторону и нырнул вниз – как раз туда, куда мне так не хотелось. Я удрученно побрёл следом, наблюдая, как он весело считает выщербленные ступени. Мне оставалось только проникнуться его оптимизмом и припустить за ним, нагнав почти у самого низа.

В переходе было пусто. Клубок катился целенаправленно, не оставляя мне времени для сомнений.

Коридор свернул и упёрся во вторую лестницу, такую же вонючую и замусоренную, только теперь ведущую наверх. Где-то совсем рядом прогрехотал поезд.

– Кинь монетку, – прогундосил сбоку чей-то голос. – Кинь, не жепобься! Ты себе ещё заработаешь, ха-ха-кхе!

Совсем близко, в углублении сидело громоздкое черепахообразное существо метра два высотой, такое же грязное, как и весь переход, с шелудивыми конечностями – почти руками, – обросшее влажным мхом и приклеенными бутылочными этикетками. Избытки кожи на сгибах "рук" и длинной морщинистой шее, увенчанной уродливой головой, провисали неопрятными кожаными мешочками. Сильно выступавшие надбровные дуги были поделены на чешуйчатые клетки, мельчавшие к переносице, выпуклой и гротескной, составлявшей единое целое с таким же клетчатым носом. В широких ноздрях, заляпанных засохшей слизью, копошились крошечные насекомые, выбегавшие и вбегавшие в них, как к себе домой. Беззубая, полупровалившаяся щель рта улыбалась мне приветливо и чуть иронично.

– Ну что, нагляделся? – почти ласково поинтересовалось существо, шумно вдыхая воздух и, тем самым, распутивая ноздревых жителей, быстро попрятавшихся внутри. – Не обращай внимания. Это слюзни – сопли мои едят.

– Я понял, – зачарованно согласился я. Черепаха мне определённо нравилась.

– Я понял, что ты понял! – хохотнула она. – Так денежку дашь?

Я торопливо зашарил по карманам и, к своему удивлению, обнаружил рубль – самый обычный поистёртый рубль, спрятавшийся в распоротой подкладке кармана. Секунду подержал в руке и опустил его в подставленную шершавую ладонь.

– Жалостливый хо-он, – понимающе протянула черепаха, пряча монетку в складках кожи, и снова переплетая верхние конечности поверх жесткого брюшного панциря. Она сидела в углублении почти вертикально, упираясь выпуклой крепкой спиной на серую будку с надписью "Осторожно, высокое напряжение!". На брюхе красным аэрографом было неровно выведено: "Помогите слепому, глухому и безногую!". Рядом покоилась полустгнившая шляпа с сиротливо брошенной в неё монеткой, видимо, для особо тупых: мол, опускать деньги следует сюда.

– Слепому и глухому – это понятно, – я всё ещё не мог двинуться дальше, – но вот безногую? Вот же они...

Все четыре конечности медленно въехали внутрь панциря. Черепаха выпустила длинную соплю и запричитала:

– Подайте слепому, глухому, безно...

– Высший класс!

Черепаха втянула соплю и снова обросла ногами-руками.

– А куда ты, кстати, путь-то держишь? – флегматично поинтересовалась она. – Покататься решил? Смотри, заедешь – не выедешь!

А куда я действительно путь-то держу, а, клубочек? Посмотрев вниз, вдруг обнаружил, что мой проводник теперь никуда не торопится, доверчиво вкатившись в выставленную шляпную ёмкость. Я уставился на него – что, уже пришли?

– А спутник-то твой... набегался? – с любопытством спросила черепаха. – Пусть остаётся, такие мне нужны.

– Такие мне и самому нужны, – не согласился я под безобидное кхекающее покашливание. Моя странная собеседница откровенно веселилась.

– Может, ты кого потерял? – участливо напомнила мне она. – Может, помочь найти?

– Да! Не подскажешь, ли где мне найти Мордована?

– Не подскажу! – хмыкнула черепаха.

– Почему? – глупо переспросил я. Клубок сохранял полный нейтралитет.

– Потому! – выпятила нижнюю губу та. – Потому что неправильно формулируешь вопрос: надо утверждать, а ты сразу отрицаешь. Фи! Каков вопрос, таков и ответ.

– Хорошо. Ты мне скажешь, где найти Мордована? – терпеливо поправился я.

– С лёгкостью! – кивнула черепаха, выдержала небольшую, но очень эффектную паузу и добавила: – Он – это я!

10

Мардавам – конечно же, Мардавам, а не Мордован, – оказался, всё-таки, мужского пола, более того, среди черхаддов вообще не встречались женские особи. Да и зачем? Размножаются они яйцами, которые несут чрезвычайно редко и по совершенно непонятной причине. Мой новый знакомый не "несся" так уже лет пятьсот, углубившись в ме-паузу тоже по совершенно непонятной причине. Он говорил, что яйца почему-то перестали набухать в его чреве. Трудно было представить Мардавама с малышом в шелушащихся кожаных конечностях. Хотя откуда мне знать, как выглядит новорожденный черхадд? Фантазия рисовала самые немыслимые варианты и, под конец, благополучно иссякла.

– Ты утверждаешь, что сам Равэйк назвал моё имя? – улыбаясь, расспрашивал Мардавам. – Приятно, когда о тебе ещё помнят. Да уж, меня стоит искать! Я такой! Наверх, говоришь, тебе

надо? А надо ли? Вы – хоны – вечно куда-то спешите, а зачем? Та рописья, поверь мне, некуда! С самого первого вдоха вы обладаете практически всем необходимым, и, тем не менее, отчего-то суетитесь, бегаєте, бегаєте, бегаєте, к последнему своему вдоху умудряясь растерять всё до последней крохи... Ты-то вот скажи мне, куда несёшься? Ответы на твои вопросы покоятся совсем рядом. Да хоть в этой самой старой шляпе, прямо перед тобой! Вот и спутник твой абсолютно со мной согласен.

Он протянул к шляпе облезлую "руку" и взял из неё притихший клубок, покрутил, удовлетворённо хлюпнул носом и положил его назад.

– Я вот, например, не сходя с этого места могу попасть в любую точку любой все ленной. И везде мне будет хорошо! – Мардавам многозначительно вздохнул и почесался. – Так же хорошо, как и здесь: моя голова, мои слюзни и моя шляпа всегда при мне. Более того, в любой момент я могу вернуться назад, в этот самый незабываемый переход! – он похихикал и продолжил: – Эх... Будь ты хотя бы сильсом, я запросто, на трёх пальцах объяснил бы тебе, как это делается. Но ты хон, к тому же ещё совсем юный. Юный и неуёмный. В тебе заключена тоска и жажда. Они гонят тебя вперёд и вперёд так сильно, что ни я, ни даже смерть не в силах совладать с тобой.

Он замолчал и надолго задумался, заостенев, как замшелый монолит, только крошечные насекомые разбегались по его голове, с опаской обходя обернутые веками и размышлением глаза.

– Стоит тебе остановиться, успокоиться и подумать, – пробормотал он, не обращая ни к кому, – и ты поймёшь, что путь твой уже завершён, цель твоего путешествия достигнута. Вот она, рядом с тобой...

– Но мои друзья, моя девушка?!

– Вот-вот! – удручённо пожал едва видимыми из-под панциря плечами черхадд.

– Вот и я про тоже самое! Ладно! Когда чешется – надо чесать! Хотя, конечно, проще прекратить зуд в самом его истоке. Ладно, ладно, тебе виднее, или, лучше сказать, оощутимее.

– Не понимаю.

– Разве? – он сдержанно приподнял клетчатые брови. – Ты производишь впечатление цельного и дельного, хотя... А-а-умм! У тебя свой путь, и кто я такой, чтобы лишать тебя всех сюрпризов и удовольствий, ждущих и подстерегающих на этом пути (я вздрогнул: когда-то нечто подобное говорила мне Алд'сойкф Ялла'х). Так ты говоришь, наверх?

Я даже не успел удивиться или обрадоваться. Всё произошло по-будничному просто, будто мы решили прогуляться до пивного ларька.

Мардавам, скрежеща краем панциря, отделился от серой будки за его спиной и тяжело плюхнулся на все четыре конечности, став действительно похожим на огромную неопрятную черепаху. Пыхтя, неповоротливо развернулся, на ходу распахивая крашеную дверь с предостерегающей надписью, и отодвинулся в сторону.

– Заходи! Ты точно уверен, что тебе наверх? Можно и вниз. Там тоже интересно! Нет? Хорошо, хорошо...

Я заглянул внутрь. Никаких проводов и прочих устрашающих деталей там не обнаружилось. Там вообще ничего не было, только столб пронзительно-голубого света, вертикально уходящий вверх и вниз, и висевшая в воздухе горизонтальная платформа. Я оглянулся на черхадда, уже явно потерявшего ко мне всякий интерес, и теперь только ждавшего, когда же я, наконец, залезу внутрь. Клубок давно выскользнул из шляпы и нетерпеливо переминался рядом.

– А как же нитка? Клубок ведь своего рода привязанный?..

– Ох, уж эти хоны! – проворчал Мардавам. – Вечно придумают себе кучу проблем! – он наклонился и одним стремительным движением разорвал о край панциря размотанную травяную пряжу, вручив мне смотанный остаток. – И всего делов-то, как говорят у вас, у хонов... на три копейки.

– А-а-ааа... – лишь смог выдавить из себя я, ошарашенно глядя в свои ладони. Так и шагнул внутрь, забыв даже попрощаться.

– Стой ровно, не кашляй и не дёргайся! Привет друзьям и любимой девушке! – сказал смеющийся черхадд, с грохотом захлопывая за мной дверь. – Не забудь закрыть рот, а то язык прикусишь... – услышал я в последний момент.

Платформа вздрогнула и, набирая скорость, устремилась вверх.

...Стояла невыносимая вонь, распространяемая кипящими котлами. Их было шесть. Полутора метровые ёмкости располагались между стопками тел, выбулькивая в спертый воздух маслянистые, зеленоватые пузыри. Огонь под ними поддерживали странные рогатые существа, лохматые, уродливые, с раздвоенными копытами и гибкими, плетевыми хвостами. В этот момент как раз двое из них подволокли к готовящемуся вареву очередное тело и стали его методично обстругивать, бросая жесткие куски в кипящую гуцу. Разделяемое тело дергалось и крючилось, что, к моему ужасу, наводило на мысль о том, что оно умерло ещё не окончательно.

ГЛАВА 15. ЧОТТЫ.

*Есмь и червь, и нисан,
И молитвенный лаковый камень.
Хоть из золота крест,
Но простая до кончиков боль...
Это вечность прикушена с кровью,
Ее не отмоешь веками.
Где играет жизнь –
Там смертельно зазубрена роль.*

*Хон Артур**

1

Я плыл сквозь голубое свечение, прохладно скользившее сквозь меня. Кажется, я и сам стал невесомым и прозрачным, обнажая все свои чувства и переживания, как отдельные органы, спрятанные у меня внутри. Лёгкое замирание в области сердца, тягучий сбивчивый ритм, с ошибками и споткновениями отсчитывавший единицы времени – необходимое их количество, отделявшее меня от верхнего мира. Последняя россыпь секундного многоточия – и кто-то невидимый, но постоянно присутствующий, чётко выговаривая слоги, сообщил мне о том, что подъём благополучно закончен. Я поблагодарил, сознавая, что разговариваю сам с собой, и шагнул с платформы, уже давно замершей у внутреннего края каменного колодца. Стоило мне только вылезти наружу, как голубое свечение тут же угасло, уничтожив и платформу, и пути к отступлению, оставив после себя лишь заброшенную дыру, уходившую вниз, метрах в пяти закиданную камнями. Сия непримечательная действительность канула в абсолютную темноту, заспешившую, ринувшуюся приветственно из углов, как только погас свет. Темнота. Глухота. Неизвестность. Мысль о том, что я опять стою в каком-то подземелье, и до звёздного неба мне как... ну, как до звёздного неба.

2

Сделалось душно и тревожно, но я всё ещё медлил в этой давящей гуще, поглощенный набегающим шумом, шепчущим приливом одиночества, столь знакомым узникам и маленьким детям. Я расчувствовался и с грохотом шагнул в сторону, раскатив невидимые горошины камней и свои тяжёлые неуютные мысли.

Единственная радостная новость, подаренная мне самим же собой, была об отсутствии страха, вызываемого темнотой и неизвестностью. Лишь настороженность, Досада и – эх! – несовершенство, в котором я путался сейчас, как в полуспущенных метающих штанинах. Света бы какого-никакого... Хоть какого-нибудь! Что по карманам-то напихано? Я привычно задумался. Под мышкой – Фатш Гунн: хорошо, конечно, но не актуально. Печать – не то. Жалкий запас сигарет – бесполезный, ибо я так и не успел прихватить с собой ни спичек, ни зажигалку. Я усмехнулся: что ж, сжую их, когда придёт время... Клубок – к ноге прижался, даже через ботинок такой мягкий да ласковый. Подожди, "котёнок", сейчас что-нибудь придумаем! Жемчужинка? Пода жди, подожди...

Я торопливо зашарил по карману. Вот она, красавица, опять матово поблескивающая, – ну давай же, милая, оправдай мои надежды! – разгорающаяся всё сильнее и сильнее. Да здравствует свет! Да будет он! Великий и вездесущий!

Силы моего импровизированного фонарика конечно же были небезграничны, но и двух метров, проявленных вокруг, было совершенно предостаточно. Достаточно для того, чтобы топнуть да хлопнуть, как учил лешайр, да попросить клубок катиться – путь указывать. Он и покатился...

А я за ним, успевая выхватывать из темноты отдельные выступы и выбоины. Пляшущие, дрожащие тени будили во мне нездоровые или, может быть, наоборот – здоровые фантазии:

вот на ближайшей стене пополз и вытянулся невиданный зверь, а за соседним камнем вырос обыкновенный лешайр, растрепанный и неказистый. Ещё шаг – и у лешайра отрасли рога и крошечные куриные крылышки. Шаг – рога выровнялись, закруглились и, плавно изогнувшись, соединились в аккуратный нимб. Шаг... Я развеселился и заводил рукою, пробуя различные вариации освещения и, соответственно, рождаемые им очертания беспокойно трансформировавшихся пятен.

Клубок волновался и начинал нетерпеливо подсакивать вверх, когда я застревал у очередного нестандартного выступа. Впрочем, весьма скоро я заметил некоторые закономерности в этом творческом процессе, и дело у меня пошло не в пример бойчее. Мне стали удаваться не только отдельные фигуры, но и групповые композиции: Сева с Ля, как всегда целующиеся, были немного маловаты ростом, но зато натурально правдоподобны; пара геркаттов, соединенных смело и непристойно, получилась совершенно случайно; далее – дэльфайса на мотоцикле и баба Яга, залезающая в ступу; я с дофрестом на плече и без него, но в обнимку с Горыновичем; Ра-Рух, летящий на жепобе... Вот именно в этот момент кто-то и захихикал за моей спиной: видимо, последняя картинка была действительно очень удачна. Я развернулся на звук. Тень Ра-Руха смазалась, оторвалась и бесшумно грохнулась с импровизированного шестинового дирижабля.

А на меня из-за дальнего, еле различимого в темноте камня внимательно смотрели два горящих красных глаза. Я повёл рукой в их сторону – мол, кто ещё вздумал мешать моему гениальному творчеству? Огоньки тут же схлопнулись. За камнем зашуршало и стихло. Мой единственный зритель отказался от... хм, бесплатного автографа.

Я вздохнул. Азарт юного художника растаял, как только что созданная мною картина. Безвозвратно и окончательно. И что так веселило меня последние полчаса? Камни и камни.

– Извини, увлёкся, – сказал я клубку, который ответил мне настойчивым зовущим движением. – Конечно же, идём!

Следующие полчаса я бежал – одолел невесть сколько коридоров, поворотов, перекрестков, больших пещер и не очень; встречались спуски и подъёмы, мостики, переходы и природные анфилады. Клубок без усталости разматывал метры и метры травяной нити, опять переместившись в режим свободного полета. Я как мог, старался не отставать, вплетая своё изрядно уставшее тело в стремительную канву ритмично мелодии, выбивая ногами партию ударных инструментов: топ, топ, топ, перескок, через камень на дороге скок, топ, топ, поворот... Прошло пятнадцать минут или полтора часа – не знаю: время так близко в одинаковых коридорах подземного лабиринта, а мы всё ещё никуда не пришли.

Первый скелет, на который мы наткнулись, сидел в углублении, нескромно выставив отполированные колени прямо поперёк прохода. От неожиданности я сбился с ритма, как сороконожка перепутал ноги и в довершение, решив перепрыгнуть через это странное препятствие, – подумавшись, костей мы что ли не видали?! – споткнулся, не доскочил и приземлился точнёхонько на блестящие голеностопные суставы, разнеся их, как говорится, в пух и прах. Скелет от негодования рухнул, напоследок взмахнув руками и уронив череп, возмущённо клацнувший остатками зубов. Из его глазницы выбежала ошарашенная таракашка, заматалась, видимо, тоже изрядно ударившись головой и ничего не соображая, так и не выбрав направления бегства, закрутилась и зарылась в землю где стояла, истерично подняв в воздух фонтанчик пыли. Воцарилась тишина.

Это было только начало, так как у стены сидело ещё двое таких же чистеньких и гладких, как их бывший сосед. За ними ещё и ещё – ну просто посиделки какие-то, перекур демонстрационных экспонатов!

Клубок нетерпеливо подрагивал в воздухе, явно не разделяя мой интерес к анатомии: он очень хотел дальше и как можно быстрее.

Я оглядел улыбавшиеся ряды одинаковых силуэтов, рассаженных вдоль стен, вздохнул и покорно пошёл за клубком, который как специально вёл меня именно этим путем, кстати, мне абсолютно не нравившимся. Я очень старался и в дальнейшем не побеспокоил практически никого, если, конечно, это выражение применимо к безучастным останкам.

Изменения в них я заметил не сразу. Нет, даже не заметил, а скорее почувствовал, как из едва уловимых неприметных мелочей стала складываться новая, пока ещё неживая мозаика происходящего. То тут, то там светлые в потревоженной тьме костлявые очертания переставали блестеть и отражать скользивший по ним свет, приобретая более густой, вязкий оттенок, из белого постепенно переходивший сначала в бежевый, потом в темно-бежевый, в очень темно-бежевый и, наконец, в коричневый, как будто закопченный. Черепа потеряли гулкую пустотность, звучавшую раньше от одного вскользь брошенного взгляда, заполнились тенями, шепчущими отражениями давно утеранных мыслей. Края глазниц сгладились, облепились прозрачной плёнкой чудом сохранившейся плоти, почти незаметной в блуждавшем свечении моей жемчужины. Вдруг в какой-то момент разом проступило нечто несомненное, очевидное, словно завернулся краешек картины с нарисованным на ней тёмным коридором, со мной и с сохранившимися рассаженными костями, и сверкнула на миг обратная сторона листа – яркие недопрожитые жизни, прерванные и почему-то ещё ждущие своего продолжения.

Клубок не останавливался, задавая ритм быстро листаемого журнала, может быть и интересного, но на каком-то непонятном, безнадежно иностранном языке.

Теперь уже не оставалось никаких сомнений: по мере нашего продвижения скелеты упорно молодели, обрастая лоснящейся плотью, тряпочкой обернувшей костяную основу. Глазницы заполнились студенистыми глазными яблоками. Иные черепа щеголяли челками и неравномерно разбросанными клочками волос, чьё хаотичное расположение наводило на мысль о веселившихся подростках, которые из вредности облепили их благородную и строгую гладкость всяческим лохматым мусором. Стала встречаться одежда, вернее её остаточный вариант, тем не менее дававший представление о разнообразии стилей и расцветок. Неяркий блик, золотистым огоньком мигнувший справа, выдал забытое на руке кольцо. Я чуть притормозил, с любопытством разглядывая сидевшего. Восьмой палец его широкой когтистой кисти был украшен массивным жёлтым перстнем. Существо, сидевшее передо мной, являлось кем угодно, но только не человеком, не хоном, не сапиенсом, а вообще непонятно кем – восьмипалым, хвостатым и рогатым.

Клубок заметно волновался, и как оказалось – не без причин.

3

В плечо ударил камень – сильно, прицельно, больно отскочив по уху. Следующий чиркнул по затылку, не оставляя сомнений в намерениях спрятавшегося недоброжелателя. От третьего мне удалось уклониться, и он застрял в ощерившейся улыбке ближайшего тела. Обстрел внезапно прекратился. Я замер, прислушиваясь и стараясь угадать источник следующей атаки.

– Эй, хон! – гаркнул неподалеку неприятный голос, раздавшийся, как мне показалось, прямо из кучи упавших как попало мумифицированных останков. – Снизу давно?

– Недавно, – я пожал плечами, понимая, что сказать хоть что-нибудь просто необходимо, а то ведь убьют – как пить дать, убьют! – и церемониться не будут. – А что есть разница?

– Не груби! Тебя что, в детстве не пороли? – поинтересовался тот же голос. – Знаешь, что бывает с плохими мальчиками?

– А вы хорошие? – поинтересовался я, внимательно оглядываясь вокруг. Клубочек осторожно переместился вниз и закатился за мою ногу. Значит, прорыв дальше по коридору пока не актуален, так что ли?

– Хо-ро-шие?! А как же!!! – мой собеседник громко расхохотался. Куча тел (все-таки он был именно там!) затрясалась и разъехалась в разные стороны, выставляя напоказ такое же, как и другие, неприглядное тело, совсем недавно явно бывшее человеческим существом. Мужского пола – заключил я про себя, молча разглядывая живую пародию на когда-то крупного, широкоплечего мужчину, от которого, правда, уж почти ничего не осталось, лишь кожа да кости, да пара складок и отвислостей вместо ушей, носа и гениталий (на нём не было никакой одежды, только на впалой груди болталась металлическая бляшка, легко проскальзывавшая по

обтянутым кожей ребрам и каждым маятниковым своим движением – туда-сюда – создававшая чувство опасности: вдруг шнурок, на котором она висела, возьмёт да и перетрёт тщедушную шею).

Он всё ещё подхихикивал, – не мог остановиться – как будто подавился, и сдавленно кашлял, отмахиваясь рукой и чуть нагибаясь вперёд. Наконец, успокоился и неожиданно важно, почти царственно выпрямился, подозрительно окидывая меня взглядом. Я ему явно не нравился.

– Чего натворил-то? Кого-нибудь убил? – нарочито небрежным тоном спросил он, вылезая на свободное место.

– В каком смысле?

– Как в каком? Скажи ещё, что ты заблудился и зашёл сюда совершенно случайно.

– Ну, вообще-то, почти что так оно и есть. Но только не случайно, а специально, целенаправленно.

– Проверяющий?.. – подозрительно сощурился мой собеседник. – Они там внизу совсем офигели, что ли? Взбесились от обжорства и порнухи? Мало им на воле развлечух? Скучно стало в своём чистеньком раю, да? К нам пожаловали? За душком да запашком?

– Да причём здесь душок? И какая в раю порнография? Ничего не понимаю, если честно. И никакой я не проверяющий.

– Кто же ты тогда? Девственная принцесса Ксюя, сбежавшая прямо из-под жениха, или переодетый магар, пришедший за нашими душами? – он откровенно издевался, выжидательно растягивая время. И для чего, интересно было бы знать? А для того, – говорил его многообещающий ехидный взгляд, – для того самого, загадочный ты наш. – Если ты – первое, то тебе повезло: обслужим по первому разряду. С девочками-целочками у нас здесь недобор... Хе-хе-хе, как ты заметил. А вот со вторым вышла незадача, тут ты пришёл не по адресу: души наши уже да-а-авно тью-тью! Улетели. Да и какие могут быть в аду... души... мать их в душу, так перетак! – он опять зафыркал, захихикал, повторяясь эхом в тёмных углах и нишах. Эхо вторило на разные голоса, выступая из этих самых тёмных углов новыми действующими лицами в разной стадии мумификации.

– Да мне дорога наверх нужна, и более ничего! – я, стараясь не делать резких движений, пятился назад, отступая от приближавшихся ко мне существ. – У меня там срочные дела!

– У него дела! – изнемогали от смеха они, сотрясаясь мослами и явно подвергая себя опасности рассыпаться на части. – А мы думали, что ты к нам на каникулы – от-дыха-ха-хать!..

Я огляделся вокруг: пятеро, нет – семеро наступавших относительно живых субъектов, пара десятков таких же, но относительно неживых, рассаженных вдоль стен, пара боковых ответвлений-коридоров, уводивших неизвестно куда и, конечно, клубок, вдруг засуетившийся, опять решивший снова катиться. Куда, спаситель мой? Куд-ку-да? Клубок решительно оттолкнулся от моего ботинка и устремился в более широкий проём. Я не раздумывая ринулся за ним.

– Эй! Стой, глупенький! У нас бежать некуда! – мои преследователи никуда не спешили. – Мы ж пошутили! Ха-ха-хааа...

Я уже не слушал, торопился за своим ускользающим в темноте юрким проводником. Он опять летел, не касаясь пола, проворно огибая и здесь рассаженные силуэты. Позади мерно шаркало многозвучие уверенных шагов. Ты никуда не денешься, не уйдёшь, не убежишь, – говорило мне оно, оживляя давно забытые кошмары. Нет, ещё как уйду! А страхи-ахи безвозвратно растаяли в прошлом. Как подтверждение моему оптимизму клубочек резко прибавил скорость, и через пару минут мы дружно выскочили на открытое место – огромная пещера простиралась на добрую сотню метров, теряясь где-то в плотной темноте, которую не смогли растворить даже светильники, развешенные по грубо выровненным стенам. Однако, освещение какое-никакое присутствовало, и я облегченно спрятал в карман жемчужину. Огляделся: мертвые тела, сгруппированные по степени мумификации, были сложены штабелями. Тут же отдельной кучей были свалены кости и черепа. Стояла невыносимая вонь, распространяемая кипящими котлами. Их было шесть: полутораметровые ёмкости

располагались между стопками тел, выбулькивая в спёртый воздух маслянистые зеленоватые пузыри. Огонь под ними поддерживали странные рогатые существа – лохматые, уродливые, с раздвоенными копытами и гибкими плетеобразными хвостами. В этот момент как раз двое из них подволокли к готовившемуся вареву очередное тело и стали его методично обстругивать, бросая куски в кипящую гущу. Разделяемое тело дёргалось и крючилось, что, к моему ужасу, наводило на мысль о том, что умерло оно не окончательно. Это никоим образом не беспокоило его мучителей, по-хозяйски обстоятельно завершивших свою работу и выбросивших очищенные кости в ближайшую кучу.

Эта жуткая картина навязчиво напоминала самый настоящий ад, а хвостатые существа... О, черт! Не при них будет сказано, но именно на них они и были похожи.

Клубок давно пытался оторвать меня от тошнотворного зрелища, настойчиво барабанил по моей груди. Бежим, бежим! – паниковал он. Что ж, я и сам изрядно нервничал: место, прямо скажем, не внушало розовых надежд. А тут ещё появились наши преследователи – выбирались из коридора, толкаясь и переругиваясь от нетерпения. Впереди маячила высокая вешалкообразная фигура "предводителя", с которым я уже успел приватно познакомиться.

"Черти" на время оставили своё нескончаемое занятие и струдились у ближайшего котла, помахивая хвостами и переговариваясь. Они явно не собирались вмешиваться, что, конечно же, обнадеживало, так как по внешнему виду они представляли собой гораздо более грозных противников, чем тощие фигуры вновь подошедших, и по их бурной реакции можно было предположить, что ожидается потеха – редкое незапланированное развлечение – и центром этого праздника буду я.

Я невольно попятился, сдвигаясь за сложенные пирамидой черепа, едва доходившие мне до колена, чем вызвал взрыв всеобщего облегченного хохота. Видимо, мои действия полностью соответствовали привычному для них сценарию. Правильно: жертва, естественно, должна убегать, а так – какое же удовольствие сворачивать ей шею? Что ж, хотите поиграть? Отлично! Поиграем! Эй, клубочек, а какие у тебя предложения? Клубок весьма красноречиво покатился прямо по направлению к котлам.

Я удивлённо посмотрел на разматываемый указатель и нехотя пошёл следом, стараясь по возможности воздерживаться от комментариев. Наши маневры озадачили всех, включая чертей, Впрочем, до них мы всё же так и не дошли. Значит, в котлы, как Иванушки-дурачки, прыгать не придётся. И на том спасибо! Клубок резко вильнул и зарулил за высоченный штабель новоиспеченных фараонов, сложенных решёткой крест-накрест: торчавшие коричневые ступни перемешивались с грустными натянутыми лицами.

Я отвлёкся и тут же, естественно, споткнулся, задев за чьи-то ноги. Грохнулся как всегда носом, успев-таки выставить руки, но при этом выронил Фатш Гунн. Тот отлетел в сторону и закатился под соседний штабель. Подтянувшиеся зрители и непосредственные участники облавы встретили моё падение восторженными криками. Кто-то зааплодировал.

– Давай, хон! Чего разлётся?! – на меня никто не собирался бросаться. Как я понял, быстрый финал истории их не устраивал абсолютно. – Решил подкрепиться? По грызть чью-нибудь задницу? Ошибочка вышла... Женские вяленые попки у нас в другом конце зала! Или ты предпочитаешь другую часть?

Вокруг захохотали. Клубок терпеливо ждал. Я вздохнул и нырнул с головой в кучу тел, втискиваясь между ними, шаря, ища невидимый жезл. Ошибся, схватил чью-то твердую руку, потянул и разрушил всю непрочную конструкцию над собой. Сооружение из тел разъехалось в разные стороны, теперь уже по-настоящему завалив Фатш Гунн, а заодно и меня. Аплодировали все, похохатывая и подбадривая меня свистом.

– Тебе помочь или не мешать? – заботливо поинтересовался кто-то, не требуя ответа и перебивая себя самого скрипучими смешками.

Вокруг заспорили и начали делать ставки: три к одному, что меня съедят ещё до ночного гонга. Нет, за час до него. Я активизировался, выкарабкиваясь наружу, и ставки поднялись до пяти.

– Как ни крутись, хон, а жопа всегда сзади! – не унимался "предводитель". Он подобрался поближе, вышагивая среди трупов на своих ходулях, как цапля по болоту. В его немигающих глазах светилось вождение и жадность, граничившая с голодным безумством забытого нищего. – Это ничего, хон, ничего, – бормотал он, – по началу все трепыхаются. Ничего, со страхом-то вкуснее. Пропотеешь, обмякнешь, вот тогда и...

Что "и" – он договорить не успел. Очередная длинная деталь, нащупанная в куче, оказалась, наконец-то, не чьей-то ногой или рукой, а долгожданным жезлом, удобно лёгшим ко мне в ладонь. Порыв восхищения, охвативший мою душу можно было, пожалуй, выразить только коротким матерным возгласом, что я и сделал, вложив в него всю решимость и злость, какую обнаружил в самых потаённых уголках моей человеческой натуры. Я выпрыгнул из телесного завала, как свихнувшийся пингвин из закипевшего океана с рыбой, то есть с жезлом наперевес, не соображая, не умея им пользоваться, но от этого нисколько не расстраиваясь, размахивая им, как саблей, иногда меняя тактику и начиная целиться из него, как из пистолета.

– Пиф-паф! – орал я, тыча острым концом в лицо неотвратно приближавшегося предводителя, самого нетерпеливого участника облавы. – Стой! Живым не дамся!

– Можно идохлым, – благодушно отозвался тот. – В данном вопросе разница есть только для тебя.

– Заманчивая перспектива. Опять же вопрос выбора! – кивнул я, загоразиваясь от него Фатш Гунном. – Видишь штуковину у меня в руках? Сейчас как пальну – мало не покажется!

– А она у тебя ещё и стреляет? – изобразив на своём лице притворный страх, спросил он и повернулся к остальным участникам: – Какой грозный нынче попался бифштекс! Как бы сам собой не подавился – ещё мучиться будет!

Ответом ему был дружный хохот.

Смейтесь, смейтесь, жалостливые вы мои. А если вот так?.. Я крутанул жезлом и, направив его вперёд другим концом, украшенным внушительным рубином, перехватил поудобнее и... так и не поняв, куда я, в конце концов, нажал. Камень вспыхнул огненно-алым и выдал искрящуюся молнию, неоновым кнутом обвившую ближайшую фигуру. Бедный "предводитель" – а ближайшим был именно он – засипел, затрясся и, чернея кожей, повалился на пол, дополняя многочисленную компанию уже разбросанных там тел. Я победно завопил и, отцепив сверкающий жгут от бездыханного неприятеля, хлестнул им по остальным. Те, видно, не ожидали такого поворота событий и действовали сначала вяло и неорганизованно. Потом кто-то первый из них бросил камень. Промахнулся, но лиха беда начало: надо было срочно уносить ноги. Клубок не заставил себя ждать и тут же объявился, подпрыгивая и выразительно зовя меня куда-то направо. Иду!

Там, где я только что стоял, шмякнулась подозрительная синяя лепешка и, оправдав мои опасения, громко взорвалась, образовав внушительную брешь в соседней стопке тел. Я оглянулся, – откуда нападение? – боясь отпустить пальцы и нечаянно остановить обстрел Фатш Гунна, по дороге сжигая всё, что попадало под молнию. Увидел-таки: черти выкатили громоздкий аппарат и стали заряжать его синими шарами. Хлоп! Ещё один снаряд пролетел в опасной близости от моей головы. Я ответно потянулся к ним своим алым лучом – эх, далеко! – не достал, зато задел по котлу, пробил дыру, через которую тут же хлынуло бурлящее зелёное варево. Поднялся крик. Зашипела ошпаренная плоть. Пошла сумасшедшая неразбериха. С грохотом и костяным треском разлетелась ещё одна пирамида, теперь черепов. Воя, горящим факелом ходульно прошагала мимо неуклюжая фигура, слепо врезалась в штабель сложенных тел, всё порушила, упала вместе с ними и догорала уже в их компании, треща костями – своими и чужими.

– Хон, дурак, прекрати!!! Ты ведь уничтожишь нас! – верещал кто-то, спрятавшись за дальним котлом. – Всё равно идти некуда! Может, мы и не будем тебя жрать! Только попроси!

– Поздно!!! – победно рявкнул я. – Передумал!

– Ну, и действительно дурак, – еле слышно прошептал кто-то рядом со мной. Я осмотрелся, но под ногами лежали одни трупы. Хотя нет, один слегка шевелился. Ладно, не время и не место для дискуссий. Бой в самом разгаре и... Я снова вытянул вперёд жезл, но тот за

долю секунды переговоров почему-то изменил цвет молнии с алого на зелёный. Наверное, я что-то сдвинул, может, нажал по-другому... Первая попавшая под него лежащая мумия вдруг вздрогнула, зашевелилась и неожиданно села, с трудом разодрав слеplенные глаза.

– Где-е-ее я-я-яя?... Аааа?... – прошелестела она, обалдело оглядываясь вокруг. Замерла, соображая, случайно узрела спрятавшегося неподалеку чёрта и, утробно заворчав, попыталась подняться на ноги. Ей это не удалось, поэтому она поползла, извиваясь как коричневая садовая гусеница, правда, не по-гусеничному зловеще поскрипывая зубами. А зелёный луч бил и бил по разбросанным телам, к моему ужасу или восторгу оживляя их всех, причём всех абсолютно, включая отдельные части: черепа, руки-ноги и прочее, которое расплзлось не хуже укомплектованных туловищ.

Тут моя первеница доползла-таки до замаскировавшегося рогатого объекта своих усилий и намертво вцепилась ему в хвост. Душераздирающий вопль эхом отразился от стен, подействовав на оживавших подобно призывному горну. Они слаженно приподнялись и – кто как мог – начали перемещаться в сторону своих врагов, к коим я пока что ещё не относился. Пока. Откуда мне знать, какие ассоциации вызывают у них живые до неприличия люди?

Клубок устал прыгать и теперь просто ждал, когда я, наконец, наиграюсь в войну. А я до сих пор не решался отпустить пальцы: отпустишь, а что дальше? Вдруг потом "опять" снова не получится? Но, оглядевшись вокруг, я облегчённо вздохнул, направив зелёный луч в пол – всё! То есть, на самом деле – всё, а именно: битва перешла в неуправляемое, хаотичное... Оп! Мне звонко прилетело чьей-то полированной челюстью, которая, отскочив от моего плеча, упала, но продолжала лязгать, кусать воздух, елозиться, медленно, но верно перемещаясь в моем направлении, примериваясь к носку ботинка. Вот вам и оживил! Кто же кусает собственного избавителя?! Хотя ведь у челюсти нет глаз – как она разглядит, кто её настоящий благодетель? А интересно, как она вообще определяет, куда ей двигаться и кого кусать? Пока я раздумывал, шу стрые зубки доползли и щёлкнули в опасной близости. Эй, потише! Пинать её не хотелось, и я просто отошёл в сторону. В то же мгновение на место, где я только что стоял, шмякнулось два снаряда, взорвавшись и разбросав камни, кости и синие ошметки. От ненароком спасшей меня челюсти осталась лишь россыпь зубов. Вот и "спасибо" сказать некому.

"Идёшь ты или нет?" - приплясывал клубок.

– Бегу! – честно ответил я и действительно побежал, так как вслед мне зачастили синие бомбочки. Черти активизировались и решили непременно меня уничтожить: видимо, сообразили, откуда взялись их внезапные неприятности. Пару раз споткнувшись и чуть не выронив жезл, в суматохе всё же погасив его, я петлял, прыгал, перебегал, подползал и подныривал, пока что не видя и намёка на спасение.

В какой-то миг всё действительно изменилось: воевавшее сообщество вдруг разом, не стовариваясь, ополчилось против меня, правда, не переставая драться друг с другом. Ожившие мумии бросались и грызли своих бывших мучителей, бывшие мучители стреляли и разносили чем попало непрочные тела своих воскресших жертв. И те, и другие, завидев меня, переставали драться и устремлялись в моём направлении. Пробежав изрядное расстояние за единственной своей катившейся надеждой, я вдруг понял, что им всем нужен не я. Фатш Гунн – вот что гнало и притягивало их, заставляя забывать даже о непримиримой вражде.

Пещера почти кончилась, а выхода так и не было видно. Ещё чуть – и мы упрёмся в глухую стену: ни коридора, ни дверного проёма, даже запертого. А сзади – классическая массовка перворазрядного фильма ужасов: подпирает, подползает, что-то бормочет и вздыхает. Я непроизвольно ошетинился Фатш Гунном, нажимая на всё, что попадалось под пальцы. Ничего! Снова! Опять одно большое ни-че-го! Конец? Отстрелялся?... Ну, а ты? И что же ты, дружок, а, клубок бессловесный? Завёл?! Я горестно обернулся к своему проводнику. Лишь травяная верёвочка змеилась по полу и обрывалась у неглубокой расщелины, в последнем своём движении стремясь заполнить именно туда.

Клубка больше не было.

...Время – это, наверное, трещинки на сыпучей стене, ничейные зарубки, следы крошечных лапок, отмечающих длительность нашего заключения; тонкая ниточка путеводного клубка, по которой мы балансируем до самой смерти. Как передать тебе, незабвенная Тора, незблемая ты крепость, что за твоими бастиянами совсем по-иному дует ветер, и кланяются травы? Что маленькая птичка, севшая на протянутую ладонь, порой выражает собой больше смысла, чем тысячи исписанных страниц научного трактата? Низайшая нота, вибрирующая в твоих пещерах столь низка, что почти неуловима таким хрупким существом как я, твоим пленником? Или, всё же, я – твой гость, путник, случайный прохожий?

ГЛАВА 16. ГНОМ.

Смейтесь - это всех раздражает,

(добрый совет)

Спокойны только спокойники.

(успокаивающее утверждение)

1

– Ну что, хоний выкидыш?! – провизжал из толпы чей-то голос. У вопрошавшего была явно повреждена гортань. – Добегался?! Иди сюда, не дрейфь! Ты у нас никогда не сдохнешь, уж мы-то постараемся!

Толпа нетерпеливо переминалась, вздрагивала и перешёптывалась. Никто не решался первым нарушить девственность ничейной полосы, отделявшей их от меня. Я не терял надежды активизировать пока безучастный ко всему и всем жезл.

И тут зыбкая преграда рухнула, прорвавшись в нескольких местах добровольцами: пара одинаковых, подвяленных, но активных участников и старый носатый черт, протиснувшийся в первые ряды, подались в наступление. Другие неотрывно следили за мной. За мной, за добровольцами и направленным в их сторону Фатш Гунном.

Я жал пальцами – безответно. Толпа радостно загундела и качнулась, следуя за своим авангардом. Пихаясь и кряхтя, она пододвинулась ближе. Я отступил назад, всё ещё не в силах оторваться от путеводной нити иссякшего товарища, вжался спиной в стенную трещину, с трудом протискиваясь в спасительную щель – пусть хоть и ненадолго спасительную... Жезл вдруг выдал сноп тоненьких жёлтых молний, ударивших по особо рьяным преследователям. Те истошно завопили, но что там с ними произошло, мне уже было не видно, так как я провалился куда-то вбок. Трещина оказалась не просто углублением, а началом хода – узкого, кривого, неудобного. Я еле-еле туда пропихнулся, под немыслимым углом, вихляясь и толкаясь, как земляной червяк, всеми частями тела, переливаясь мышцами почти волнообразно. Кто-то схватил меня за башмак, я слабо лягнулся – эх, не размахнуться! – отбиваться Фатш Гунном не было никакой возможности: теперь я держал его прямо перед собой. Лезущий следом отцепился, но не отставал, сипло дыша и скребя по камням. Фантазия рисовала самый невероятный образ, снабжая его то метровыми клыками, то острыми когтями. С каждой минутой он становился всё ужаснее и ужаснее. Одно было хорошо: это придавало мне лишние силы. Я без устали полз дальше. Стих шум оставленной пещеры, утопив в земляной глубине сначала отдельные выкрики, а потом и гулкие приливы недо вольного ропота, постепенно перешедшего в бормотание и пережевывание. Видимо, там снова возобновилась драка, и кто-то опять кого-то ел.

Погоня за мной так и не началась, лишь настырно лез изрядно отставший и почти теперь неслышимый страшный некто, постепенно ставший привычным стимулом бегства.

Ход расширился, дав мне возможность приподняться на четвереньки, достать Жемчужину и передвигаться дальше при её неярком свете. Так дело пошло гораздо быстрее, правда, и колени, и ладони очень быстро искололись об острые камни, которые с каждым метром становились отчего-то острее и твёрже. Ерунда! Главное – в затылок больше никто не дышал, и ход вёл под углом вверх. Да, определённо не вниз. Теперь я знал это наверняка. Пару раз даже пришлось лезть вертикально, подтягиваясь на руках или упираясь спиной и коленями, почти наощупь, так как в такие моменты приходилось держать жемчужину в зубах. Фатш Гунн я засунул за пояс, уже не опасаясь того, что меня настигнут, надеясь, что крутые подъёмы мой преследователь, наверное, может быть, всё-таки, очень хотелось бы думать – не осилит.

Лезть в одиночестве оказалось, к моему удивлению, совсем обыденно и почти скучно. Получалось монотонно и механично. Раз-два, ещё метр и ещё один. Бесконечная череда

"кроличьей норы". То спереди, то сзади выскакивали и суматошно убегали успевавшие спрятаться до того, как их коснется граница света, подземные обитатели.

В какое-то мгновение, несмотря на усилия моего крошечного жемчужного светильника, мне показалось, что я пробираюсь сквозь толщу абсолютной темноты, бесконечной территории мрака, отделявшей меня от настоящего света, настоящих запахов и звуков, настоящего воздушного пространства, в котором возможно всё: от ветра до восхода солнца. Мир... Желанный мир лесов и озёр, щебета птиц и песен дриад... Осыпавшиеся камешки бормотали мне вслед свои незатейливые истории. Я и сам мог бы порассказать им достаточно. Вот отмерен, отмотан и проглажен животом целый кусок нескончаемой дороги – дороги наверх или в никуда. Что-то мне взгрустнулось не вовремя, да и ход вдруг решил добавить трудностей – не задумываясь, по-дружески сдвинул стенки почти до неприличия близко: ещё чуть, и придётся возвращаться назад. Мысль об обратном путешествии вызвала целый ворох переживаний. Шум крови в ушах превращался в насмешливый гомон и рукоплескания оживляемых мною персонажей. Теперь произошедшее в пещере казалось бездарно сочиненным и отвратно сыгранным спектаклем. Ни за что на свете! Туда? Никогда! Уж лучше застрять здесь... Провокационная мысль не замедлила сказаться на происходящем: створки туннеля предательски сдвинулись и почти ласково обняли моё ползущее тело. Минуту я упирался и пропихивался, втягивая живот и ребра, одолел сантиметров сорок и тут уже застрял окончательно, с прижатыми к голове локтями, вывернутый наподобие буквы "Г". Дальше коридор снова резко загибался и уводил вправо. Вытянутая рука с зажатой в пальцах жемчужиной чуть сдвинула плотную черноту тени, но высветился только ещё небольшой кусок неровной стены. За тёмным порогом была неизвестность...

Из-за камня выбралась многоножка и деловито зашагала к моему запрокинутому лицу, волнообразно перебирая ножечной бахромой. Я чуть шевельнулся, пыльно чихнул – многоножка замерла и стремительно унеслась под защиту тени, лёгкая и совершенно свободная.

Отчаявшись продаться вперёд, я решил немного вернуться назад, оглядеться и потом, чуть расширив проход, повторить попытку. Промучившись почти пятнадцать минут и не сдвинувшись ни на сантиметр, я устало поник в каменном капкане. И назад тоже никак... Вот тут-то и навалилась тоска, могильной плитой расплющивая зажатое в ней тело – вот и всё!.. Неужели действительно всё? Или я, как Винни Пух, полежу здесь недельку и похудею? Может, и рассмеялся бы, но заваленному человеку сия привилегия недоступна – сжатые ребра и живот не производили необходимых конвульсивных движений. Осталось только тихо сказать: "Ха-ха-ха".

Как тяжело. Кажется, вся земная толща ожила, задышала, утробно ворча и вздыхая, поудобнее устраиваясь на моём крошечном тельце. Кто я для сей монументальной особы? Тот же червяк или многоножка, с той лишь разницей, что им-то как раз и позволено свободное курсирование внутри бесконечных недр.

Хорошо хоть сзади не было ничего слышно. А вдруг мой отставший "дохлячок" наконец доползёт до моих торчащих ног?.. Додумывать эту мысль лучше не стоило.

Время замедлилось и теперь текло только где-то глубоко внутри меня. Тик-так, тук-тук – полусонное, обморочное сердце протолкнуло по венам следующую ничтожную порцию жизни.

Я всё ещё был в здравом уме и сознании, хотя моё собственное "я" уже давно пыталось сбежать из этой, ставшей такой беспомощной, скорлупы. Пока что ещё мне удавалось гасить его порывы ринуться прочь. Что ж, понятно, ему-то что?! В любой момент оно может оказаться где угодно... Стоп! А почему я, спрашивается, никого не зову на помощь? Ведь где-то есть Горынович, дофрест и... Впрочем, этих двоих вполне было достаточно. Я сосредоточился и мысленно, стараясь быть внятным, громко (как мог) подумал: "Караул! Sos! Спасите! Зорр! Враххильдорст! Отзовитесь! Я застрял!" Чуть посомневался и добавил: "Мне почти хана".

Ответ пришёл так быстро, что я тотчас забыл про отчаянье.

возможными способностями (дальше тоски и усталости всё равно не иду, всё равно не оправдал чьих-то надежд, и, прежде всего, своих), я, я... медленно слабею, растворяюсь... Безднажность ужасна, неотвратима, безжалостна... Нет! Так не должна закончиться эта история. Не верю! Моя жизнь проставила лишь одинокую, хоть и жирную, запятую. А дальше, конечно же, будет "дальше".

Звон. Звон... Тишина вокруг обветшала и расползлась под моими пальцами, впуская в прорехи отдельные звуки и воспоминания.

Дил-линь... Дил-линь... Звон рассыпающихся колокольчиков, серебристыми горошинами разбежавшихся по поляне. Как весело было отыскивать их в подыгрывавшей – увы, не мне – траве. Смех да и только, но послушные Динни травинки сами собой оборачивали, оплетали блестящие шарики. Поди-ка найди! Ей тогда было двенадцать лет, а мне... мне гораздо меньше. А теперь... А теперь мне почти двадцать три, а ей по-прежнему... сколько же? Действительно, когда она прекратила "стареть"?

И раньше, и в самый последний раз, когда я её видел, она выглядела всё на те же семнадцать? Восемнадцать?... Интересно, в какой момент её возраст перестал следовать привычному ритму времени, растекаясь тем самым завораживающим переливом колокольчиков, нескончаемой музыкой вечности. Удалось бы уловить те единственно верные ноты, которые слышимы ею всегда. Может, тогда и родилось бы то самое главное, заветное слово, которое вернёт нас назад... Хотя зачем – назад? Пусть будет вперёд! Забавно, по человеческим меркам я теперь старше её... А ведь это глупо – я распаляю себя, теряю последние силы. Тоска, какая невыносимая тоска!.. Я надолго задумался.

Смело приближающиеся шаги конкретно воспринимались долгожданной галлюцинацией. Хорошо хоть не сзади, а то как-то невежливо – встречать гостя грязными подошвами ботинок и... ну, и потёртыми штанами, плотно перекрывающими проход. Я приподнял жемчужину, как можно дальше высвечивая загибавшийся коридор. Рука занемела и плохо слушалась. Кто-то хмыкнул, и шаги стихли. Совсем близко, не дойдя до границы света каких-нибудь полтора шага. Воцарилась напряжённая тишина. Моя рука не выдержала первой и с хлопком заняла прежнее место. Я вздохнул и прикрыл глаза – эти игрища мне порядком надоели.

– Зачем же так-то? – сказал приятный низкий голос. – Такой настырный молодой человек, и вдруг столько пессимизма.

– Рука затекла, – машинально пояснил я и посмотрел на вновь прибывшего.

У поворота, облокотившись пухлым плечиком на скошенный угол, стоял пузатый человечек, нарядный и чистенький: парадный сюртучок был прошит блесками, начищенные пуговицы сверкали, в кудрявой широкой бороде затерялась пара розовых бантиков, сдобное тесто лица аппетитно выступало щёчками и лоснящимся носом, глазки приветливо улыбались, хоть и светились красными звериными зрачками. Он отлепился от стены и, по-мальчишески сунув в карманы бархатных штанишек пальцы, манерно поклонился, щёлкнув каблуками высоких сапог.

– Честь имею, Бэбэлэнц! – представился он.

– Василий, – ответил я и где-то в невидимой нам части лаза тоже прищёпнул ботинками.

– Ха-ха-ха! – звучно расхохотался человечек, так громко, что я начал опасаться за целостность коридора. Со стенок действительно сорвалась пара камешков и раскатилась между нами. – А ты и правда молодец, хорц! Ничего не боишься! Ха-ха-ха... Хотя застрял ты капитально и весьма безнадежно. Вы, хорцы, всё время вляпываетесь в какие-то мерзкие истории.

– Хорцы? – переспросил я, с трудом скашивая глаза и стараясь не терять из виду подхлотившего ближе Бэбэлэнца. Если он сделает ещё пару шагов, то мне останется созерцать только его бороду и начищенные пуговицы. – Может, хоны?

– Это у вас там внизу – хоны, – брезгливо надул щеки Бэбэлэнц. – Грольхи так людей называют. А изначально были хорцы. Хм... Хорцы и хорцы. Это потом они в людей изросли.

– Ладно. Как меня не назови, а вот видишь – застрял! – от духоты и долгого лежания я тяжело воспринимал происходящее. – Помоги, пожалуйста, если можешь: очень нужно наверх.

– Очень? Нужно? – захихикал тот, сверкая красными угольками глаз. – Хорцам всегда что-нибудь очень нужно! А разве гномам нужно то же, что и хорцам?!.. Изгадили наши горы, изрыли, издолбили, изничтожили!

Значит, гном. Ясно. Хотя нет, ничего мне не ясно. Что там я читал про гномов? Маленькие толстые подземные жители (пока похоже), любят золото и драгоценные камни (а кто ж их не любит, хотя мне, пожалуй, одинаково – есть на пальце кольцо или нет... если, конечно, оно не обручальное), помогли Белоснежке и ещё кому-то. А чем я хуже той белокожей девчонки?

– ...чтобы Бэбэлэнц, сын Бу-Бэбэлэнца, стал помогать жителям нижних пещер, фу, которые только и способны, что обедать друг другом – дурной вкус! Вот если бы на моём месте оказался мой брат Бэ-Бэбэлэнц, он обязательно бы выпедил из тебя выгоду, а вот если бы... Эц-Бэбэлэнц, тоже мой брат – он бы просто вытащил тебя отсюда. Болван! Позор клана! Бай-Бэбэлэнц всегда говорил, что Эц-Бэбэлэнц должен брать пример с Э-Бэбэлэнца, нашего племянника, а не то Бэ-Бэбэлэнц скажет нашему дедушке Эца-Цацабэбэлэнцу, и тогда... Ууу... Ооо...

Я его не перебивал, впрочем, совершенно не вникая в запутанную структуру семьи Бэбэлэнцов. Наконец, он закончил и торжественно уставился на меня сверху вниз, нависая надо мной выпяченным животом и нижней губой.

– Так может быть стоит позвать сюда этого самого Эца... Буца... Цаца... Бэ... Бэбэлэнца – того, который, всё-таки, способен мне помочь. Несмотря на то, что я хон, или хорц, короче – человек, – я тяжело вздохнул и вопросительно посмотрел на случайного свидетеля моих мучений. Тот продолжал лучезарно улыбаться, сверкая бликами на щеках и пуговицах. На этот раз его улыбка показалась мне жёсткой и отстранённой: он всего-навсего издевался. – В конце концов, может будет веселее меня вытащить из этой западни, если вы хотите развлечений? Со мной явно забавнее, уж поверьте.

В этот момент вдруг забили часы, мелодично и чисто. Бэбэлэнц поспешно и почти виновато прицокнул языком и, похлопав по карману, где, видимо, лежал источник звука, сказал:

– Извините-с, обед! – он нарочито неспешно развернулся и удалился во тьму, более уже не оглядываясь.

2

Гора надо мной была живой и разумной. Большая серьёзная дама, мудрая и неторопливая, она покоилась здесь всегда, по крайней мере, считала, что всегда. Я и не возражал: если столько лежать на одном месте, время может показаться понятием, не заслуживающим внимания.

Ощущение её присутствия пришло не сразу, проступая сквозь пелену отчаянья едва заметными смазанными образами. Кажется, на её покатых боках, где-то там – в недостижимо желанном далеке – разливалась молоком луна. Где-то (отчего же так скрутило горло?) стояла прохладная ночь. Здесь же она была тоже: извечная, плотная, как будто вырезанная из куска мрака с черными изломами внутренних трещин и ходов – бесстрастная каменная ночь. И в этом лоне, способном поглотить всё и вся, возмущая его спокойствие, притаился некто, чуждый этой структуре и смыслу. Я ощущал себя лишним, непонятно зачем оказавшимся в узкой, не по моим меркам скроенной расщелине. Пиджачок-то явно усел, и давно надобен другой... Одиночество здесь было в почёте, и неоткуда ждать внезапной помощи. Я, как ранняя бабочка, вылезал и неблагоприятно застрял в подмерзшем коконе, ещё живя и надеясь, что он всё-таки растает и раскроет створки жёсткого капкана – мечтатель!

Гора теперь не давила, не налегала, хоть и держала так же цепко и настойчиво. А если попытаться с ней поговорить? Ведь услышал же меня стол, и у вулфов ведь получилось! А

кстати, точно – той далёкой ночью, когда потом собралось вокруг меня племя Яллы, удалось ведь мне стать степью... Так, стоп, не отвлекаться! Интересно, мне к горе как обращаться?

"С уважением, – отозвалось у меня внутри, скорее в сердце, нежели в голове. – Как ты здесь оказалась, букашка? Как странно у тебя светит сердечко. Кто ты?"

Я определённо не знал, что сказать в ответ. Впрочем, этого и не требовалось: её Величество Гора читала в моей душе, как в открытой книге. Я вздохнул и очистил свои мысли от суеты и паники, которой я предавался в последнее время... Где обитает человеческая душа, когда тело, онемевшее тело перестает внятно сообщать разуму о своих границах? В тот момент я ощущал лишь сердце, своё беспокойное непримиримое сердце и фиолетовое сияющее пламя, заполнившее сосуд черепа вместо покинувших его мыслей. Свобода – это абстрактное понятие, применённое в совершенно конкретной несвободной ситуации, когда, наконец, душа перестает биться пленённой птицей о границы телесной клетки. Нет никакой клетки. И никогда не было... А тело... Что тело? Тело – это лишь отпечаток души, слепок её одежд, чьих складок можно коснуться, при этом так и не задев их хозяйку.

Кажется, что-то изменилось вокруг. Каменная плита, которая только что мешала мне дышать, вдруг, утратив свой вес, дрогнула и чуть приподнялась, освобождая мои смятые ребра – совсем чуть-чуть. Я пошевелил ногами, но сдвинуться с места так и не смог.

...Время – это, наверное, трещинки на сыпучей стене, ничейные зарубки, следы крошечных лапок, отмечающих длительность нашего заключения; тонкая ниточка путеводного клубка, по которой мы балансируем до самой смерти. Как передать тебе, незабвенная Гора, незыблемая ты крепость, что за твоими бастиями совсем по-иному дует ветер? Что маленькая птичка, севшая на протянутую ладонь, порой выражает собой больше смысла, чем тысячи исписанных страниц научного трактата? Нижайшая нота, вибрирующая в твоих пещерах столь низка, что почти неуловима для такого хрупкого существа, как я, твой пленник? Или всё же я – твой гость, путник, случайный прохожий?

Мне почудилось, или каменный обруч действительно ослабил свои объятия? Я осторожно пошевелил руками, с радостью ощутив первые уколы во вновь обретенных пальцах. Выдохнул, упёрся башмаками и... чуть сдвинулся вперёд. Ещё чуть-чуть. Может, удастся протис-нуть-ся-яаа?!... Одолев сантиметров десять, снова забуксовал. Нет, увы, но не сейчас.

3

Я очнулся от побряхтывания и покхекивания, катились камешки, кто-то смеялся. Так, провалившись в горячечный бред, всплываешь вновь к жизни и боли совершенно другим, измученным и растоптанным. Я со стоном приподнял голову.

Рядом опять стоял Бэбэлэнц и крутил в руках мою жемчужину.

– Занятная вещица, – проговорил он, заметив, что я пришёл в себя. – Украл?

– Моя-я, – прохрипел я. Губы не слушались, горло забило пылью и скрипело при каждом вздохе. – Отдай...

– У тебя есть что-нибудь такое же? – пропустив мимо ушей мою просьбу, продолжал гном. – Тебе ведь всё равно будет ни к чему. Очень скоро.

Он критически оглядел мои как попало торчавшие руки и чумазое лицо со сложным выражением в выкаченных глазах и заинтересованно приблизился вплотную.

– Она... подарок, – с трудом проговорил я, болезненно следя за каждым его движением. – Пожалуйста...

– Да зачем?! – поморщился Бэбэлэнц, с досадой оглядывая мои вздрагивавшие пальцы. – Тебе и так повезло. Если бы тебя нашли пещерные гномы, ты был бы уже мёртв, и давно! Все, кто приходят с нижней каторги, несут, по их мнению, опаснейшую заразу и подлежат немедленному уничтожению. И они, как хранители внешней границы, несомненно правы! Но... Мы же, младшие гномы, гуманны. Зачем убивать, когда можно просто подождать... в данном случае, денёк-другой? Позволь заглянуть в глазки – ну да, сутки, не более.

Слова, которые он говорил, были настолько лишними, неуместными, что даже не оскорбляли, однако причиняли нестерпимый душевный зуд, то самое необъяснимое чувство,

когда кажется, что ещё одна буква, слог, звук, упавший камешком с лоснящихся губ собеседника, – и моё тело не выдержит, разорвётся на куски, разнося надоевший проход к... да-да, к тем самым чертям, что остались где-то внизу. Странно но Бэбэлэнц ничего не замечал и, зная себе, обстоятельно меня осматривал, как доктор умирающего, сетуя на желтизну щёк и синюшность ногтей.

"Ну, что же ты?!" – недоумённо спросил я себя. Или это, всё-таки, был кто-то другой. Гора?.. "Что, что? Конь в пальто!" – сердито подумал я, стервенея от происхождения. Ноги сами собой нетерпеливо заскребли, замахали, ища опоры. А тут ещё противный гном, светя себе моей же (моей!) жемчужиной, решил поближе разглядеть мой гардероб.

– Пшёл прочь, мерзкий и жирный! – сухо плюнул я в него. – Я не для того ушёл из ада, чтобы умереть в твоих мародёрских объятиях!

– Но-но!!! – гном настороженно попятился. – Лежи смирно, каторжное мурло! Хотя смерть прими достойно! Небось, когда убивал и грабил, никого не жалел!

– Сам ты каторжник! – огрызнулся я, елозясь и вытягиваясь. Земля вокруг казалась мягче, чем раньше. – Я там просто мимо проходил! Транзитом наверх!

– Ха-ха-ха!!! – не выдержал Бэбэлэнц, утирая обильные слёзы и хватаясь одно рукой за круглый животик. – Оттуда пока никто нормальный не выбирался! Всяки ползуны да мертвяки. А если ты мясной да свежий – значит шпион! В глаза твои бесстыжие дай посмотреть перед тем, как ты сдохнешь!

– Отдай! Жемчужину! Вор! Моя! Отдай!..

Он возмущённо сунул мне в нос возжеленный мною объект, светя прямо в лицо.

Я зарычал и рванулся, сдирая рубашку, кожу, промахиваясь одеревеневшими руками, но попадая, вцепляясь зубами в рукав его куртки. Он охнул и осел на землю, выронив жемчужину и в смятении покрыв меня бородой. Затем что-то сильно ударило меня по лбу, и я на минуту потерял сознание. Ещё трескуче осыпалась темнота хода, отмечая поспешное отступление Бэбэлэнца, а я уже пришёл в себя, наполовину выдавленный из бывшего каменного капкана. Свободен! Спасибо, Гора!

"Ты был слишком живой..." – прошептала в ответ она.

Я рассмеялся, более походя звуками на рыданье. Свободен и... беспомощен. Тело меня не слушалось, грузно распластавшись на полу. Стены больше не давили, хотя и находились почти так же близко, как и раньше.

Около моего носа лежала и призывно мигала моя маленькая преданная спутница. Что, милая, чуть не сменила хозяина? Она возмущённо вспыхнула красным. Я нежно взял её в ладонь и прикоснулся губами.

Прямо из стены высунулась бородастая физиономия Бэбэлэнца и сумрачно произнесла:

– Что, ещё тридцать сантиметров прополз? Молодец, хорщ! Герой!!! А всё равно ты здесь и подохнешь! Героически. Надо же, какой жадный!!! Только из-за своей жадности и выбрался из теснины!

Я промолчал, но попробовал продвинуться ещё хоть немного. Это напоминало бултыхание выброшенной на берег рыбины.

– Ну-ну! – удовлетворённо заключил гном и скрылся.

Полчаса прошли в безуспешной смене коротких попыток одолеть ещё хоть сколько-нибудь и долгих промежутков не приносившего сил отдыха. В следующие полчаса я решил сменить тактику и занялся поочерёдным разминанием-шевелением мышц, сожалея о том, что было невозможно просунуть вдоль тела руки и растереть его более активно. Мучительное покалывание постепенно притупилось, и я облегченно вздохнул, уже более результативно передвигаясь по узкому коридору.

– Ползёшь? Хорошо! – сердитое лицо Бэбэлэнца опять торчало прямо из стены. – Таким темпом доберёшься до солнышка лет этак через пять.

Упоминание о солнце вызвало судорогу по всему моему телу и ответное довольное хихиканье вновь исчезающего гнома.

Прошло ещё полчаса, и я почти дополз до поворота. Пока с таким же немыслимым усилием. Никакого разнообразия, да и ладно: дорогу осилит идущий, а горную кишку – ползущий.

Я вздохнул и посмотрел на жемчужину. Если б не она – корячился бы в полной темноте, и большой вопрос, куда бы я докоряч...

– Хм. Нежности телячьи! – из стены неожиданно вывалился Бэбэлэнц, весь целиком, и торопливо направился ко мне. Я сдвинул брови и, всё-таки, невероятным усилием просунув руку вдоль тела, попытался вытащить Фатш Гунн. Гном вздохнул и виновато проговорил: – Дурень ты, хорц! Нет, чтобы сразу мне всё рассказать, по порядку!

– А ты не спрашивал! – я подозрительно прищурился, пытаюсь понять новое настроение Бэбэлэнца – хм, этакий миляга и душка, так я и поверил!

– Я же сказал "извини", что тебе – мало? – проворчал тот, присаживаясь рядом и доставая из кармана небольшой бутылёк. – Пей!

– Не буду! – я решительно сжал зубы. – Ишь, отравить меня вздумал. Не выйдет!

– Ладно, – вздохнул Бэбэлэнц. – Виноват. Надо было сразу вниз сбегать, глянуть самому, а я поленился, не поверил тебе. Уж прости, но ты первый такой оттуда выползаешь. Откуда мне знать? В общем, Энц-Бэбэлэнц прибежал, говорит, что на каторге восстание. Полный кавардак! Мумии ожили, жрут всех подряд, включая самих рогатых чоттов. Немыслимо! – добавил он уже сам себе, непосредственно в бороду. – Не мыслимо! – опять повторил он и, покосившись на меня, сообщил: – Поговаривают, что их оживил какой-то хорц, которого, вроде бы, сам верховный йокль отправил на каторгу непонятно почему.

– Да я это, я! Одной штуковиной и оживлял! Ненарочно. А йокль меня никуда не отправлял, лишь указал дорогу наверх. Вернее, черхадд указал, а йокль только... – я запутался и обессилено замолчал. Мой путь сюда оказался слишком длинным и не укладывался в два предложения.

Тут мне, наконец, удалось вытащить из-за пояса и протолкнуть вперёд Фатш Гунн. Странно, но я был абсолютно уверен, что на этот раз Бэбэлэнц даже не подумает что-нибудь у меня отбирать.

– Вот! Это та самая штуковина!

– Демонстрировать не надо! – поспешно подскочил гном. – Верю, верю!

– За мной гнались такие странные, тощие, отвратительные... – продолжал я. – Гадкие такие мужики.

– Эагрэшты! – мрачно сплюнул Бэбэлэнц и посочувствовал: – Трупоеды. Небось, трудно было от них убежать.

– Трудно было из расщелины выдраться, а от них убежать – невозможно. Я и не смог. Они прижали меня к стене, и если бы не клубок, который вывел меня к началу этого хода...

– Какой клубок? – переспросил гном, запоздало оглядываясь вокруг.

– Да был у меня один верный проводник, путеводный клубок – дорогу мне показывал – да закончился: катился-катился, и весь вышел. Эх, если бы не он – точно бы меня сожрали или настругали в котлы. Эти самые жуткие чотты!

– Да нет! – заулыбался Бэбэлэнц. – Чотты как раз совершенно необходимы: кто же вместо них будет наказывать присланных на каторгу? Туда ведь не попадают за красивые глазки – всё

больше за убийства и кражи. Вот чотты и следят за порядком, за котлами, за процессом мумификации... Слушай! – вдруг встрепнулся он, протягивая мне снова бутылёк. – Выпей – а то мне тебя тащить придётся, а я, как ты видишь, не в той весовой категории. Нам нужно отсюда уходить, и чем скорее, тем лучше. Не бойся! Это наша семейная настойка, возвращающая силы: через пять минут будешь как новенький – выпей! – он выдернул затычку и удовлетворённо понюхал. – Ахх! Вкуснота! Пей, времени нет! Вдруг кто-нибудь за тобой следом ползёт: гнорли на границе могли и не уследить...

– Разумеется! – почти вскрикнул я, выхватывая из его рук бутылочку с чудодейственной жидкостью. Мысль о том, что кто-то очень настойчиво и долго тащился следом, пыхтя и щипая меня за ботинки, единым росчерком аннулировала мои последние сомнения. Тем не менее, я предусмотрительно поднёс к горлышку жемчужину, наблюдая, не изменит ли она свой цвет – одним из её свойств была способность определять яды. Гном всё понял и возмущённо хмыкнул – мол, спасай его после этого! Жемчужина мигнула и выдала радужно-золотистый оттенок.

– Ей нравится! – саркастически констатировал Бэбэлэнц. – Не будешь пить – отдай: я сам выпью!

Я улыбнулся и приложился губами. Земляничная настойка! Я глотнул от души, блаженно прикрывая глаза.

– Эй-эй! – запротестовал её хозяин. – Хватит! На вас, дармоедов, не напасёшься.

– На нас? – переспросил я, со смешком обводя взглядом пустой коридорчик. – Да ладно, держи! Меня жадным называл, а сам... Что дальше-то?

– Дальше? Рано тебе "дальше", – проворчал Бэбэлэнц, любовно обтирая, закупоривая и пряча в карман драгоценную бутылочку. – Сказано ведь тебе – ждать пять минут. Сам почувствуешь, когда сможешь двигаться, как прежде. Ты лучше вот что скажи, – встрепнулся гном, усаживаясь рядом: – Внизу и правда есть удивительный город, а? Ты там был?

– Правда! – кивнул я, переворачиваясь на живот и устраиваясь поудобнее. По всему телу разливалось приятное тепло и лёгкость. Близкие стены больше не угнетали и, к моему удивлению, создавали некое ощущение уюта и защищённости. Я постепенно оживал. – Лабиа Тхун – это неповторимое место, соблазнительное и опасное одновременно. Там запросто можно потерять голову и не только её.

– Ты о нём, как о гномихе рассказываешь, – мечтательно блеснул глазами Бэбэлэнц, потом захихикал и сделал непристойный жест: – Эх, гномихи... Игруньи!

– Да, пожалуй, его действительно можно сравнить с женщиной – переменчивой, яркой, немного крикливой и совершенно непредсказуемой, – задумчиво подтвердил я. Перед моим взором вставали каменные пирамиды, облепленные причудливыми зданиями, огни вывесок, дорог и кафе. Пейзаж не портили даже пролетающие то тут, то там дирижабельные тушки желобов, наоборот – их тела, как смешные воздушные шарик, придавали городу карнавальнй вид. Сева со своей Лялюшкой, небось, отправились в свадебное путешествие... Я вздохнул. – Эх, Бэбэлэнц! Я пробыл там всего несколько часов, а уходя оставил несколько друзей. Увижу ли их снова – неизвестно.

– На, Василий, выпей за них! – гном вновь протянул мне свою бутылочку. Глаза его вдруг странно заблестели. Он понимающе загрустил и шмыгнул носом. – Да пей, пей! Мне не жалко. Ты, хорц, такой странный оказался.

– Представляешь, там сходятся дороги из разных времён и миров, – благодарно отхлебнув из предложенного сосуда, продолжал я. – Отовсюду прибывают путешественники, – ох и кто только ни прибывает! – многие тут же отправляются дальше, но и многие же остаются в Лабиа Тхуне. Навсегда или на какое-то время. Это удивительный город, хотя над ним нет голубого неба и не светит солнце или луна...

– Ха! Голубое небо! Видал я его! К слову сказать, теперь мне стало понятно, почему не иссякает поток отправляемых на каторгу! – невпопад заключил гном. – Конечно, когда столько бездельников, именующих себя путешественниками, прут и прут через незакрытые двери, обязательно каждый третий оказывается уродом. Ну, каждый пятый. Или пятнадцатый. Какая

разница! И даже город на них не действует благотворно. С какой стороны змею на руку не наматывай, она всё равно кусается.

– Да нет, там встречаются милейшие создания.

– Вот и я о том же! Каждый пятый, ну седьмой... – усмехнулся Бэбэлэнц. – Кому ж не знать, как мне. Я же эту каторгу и охраняю. На верхних пределах, само собой...

– Так я, получается, был на какой-то каторге. Выходит, что черхадд меня подставил под неприятности.

– Я про черхаддов только слышал. Говорят, они великие шутники, – поддакнул гном.

– Ничего себе шуточки! – возмутился я, вспоминая загрэштов. – Жуть какая – бродячие дохляки!

– Что-то не очень похоже, чтобы ты сильно испугался! – вдруг заулыбался Бэбэлэнц. – Скорее, это ты пришёл туда и испортил им всю каторгу. Так было гладко, монолитно и обстоятельно. Чотты выполняли свою работу, загрэшты – свою. У них там договор, как я знаю, – пояснил он. – Чтобы окончательно не превратиться в мумию, – на том уровне пещер всюду ядовитые испарения, – надо периодически пить из котлов варево, тогда усыхание тянется бесконечно долго. Тот из прибывших, кто согласен на грязную работу, – складывать ещё живых и уже мёртвых в кучи, сортировать кости, отлавливать убегающих и так далее, – кто согласен подчиняться главному загрэшту и существующему там порядку, допускается к вечерней кормёжке: получает миску мясного бульона.

Воспоминания о бурлящих котлах вызвало продолжительный спазм в моём пустом желудке. Гном заметил и кивнул:

– Вот-вот. А кому-то за честь. Лишь бы только не в общие насыпи, – сказал он, а потом нелогично заключил: – Бедолаги... Оттуда до тебя никто не выходил живым.

– А я?

– А для таких, как ты, и существуют гнорльи патрули. А у них!.. – он сделал страшное лицо и округлил глаза: – У них топоры, бэцбэки и волшебные компасы. Стрелка всегда указывает на то место, где пробирается беглый каторжанин. Но только это бывает очень редко – нижний слой пещер замкнут, и выходов нет, если только не какая-нибудь случайная расщелина: гора дышит и иногда сдвигает свои пласты, образуя пустоты и трещины. Вот по ним-то и ползут, лезут, прут мишени для гнорлей.

– А почему меня нашёл именно ты, а не эти самые грозные гнорли? – озадаченно спросил я.

– И я вот думаю... Почему? – в такт мне прошептал Бэбэлэнц. – Может быть, это твоя палка компасы сбивает? – предположил он, намекая на Фатш Гунн.

– Вполне возможно, – задумчиво кивнул я, одновременно настораживаясь и вслушиваясь. Показалось, что снизу, со стороны моих ног тихонько сыплется земля. Всё ближе и ближе покатались камни. – Ты слышишь?! Бэбэлэнц, ты что-нибудь слышишь?! – я пошевелил ногами, на всякий случай проверяя их на подвижность: вдруг придётся пинаться? Лежу здесь, совсем расслабился, забыл про...

Раз!!! В мою ногу, чуть повыше ботинка, вцепились чьи-то зубы, успев оцарапать кожу под брючиной.

– Йяа-а-аах!!! – взвыл я, забил ногами, молотя, сшибая невидимого нападавшего, попадая по чему-то скользко-жилистому и твёрдому. Этот кто-то утробно заурчал, не разжимая челюсти.

– Что?! – мячиком подпрыгнул Бэбэлэнц. – Трупняк?

– Не-е зна-а-аю!!! – хрипел я, извиваясь и толкаясь, что есть мочи протискиваясь вперёд. Мне уже не было дела до того – узкий коридор или совсем узкий... Я ошалело пёр по нему, пулей по ружейному стволу, выбитой пробкой шампанского, плюнутой косточкой. "Трупняк" не отцеплялся. Бэбэлэнц прыгал перед моим лицом и орал:

– Давай, Василий!!! До поворрроота! – не удержавшись, он ухватил меня за вихры и потянул, упиравшись короткими ножками. – Там!.. Мы!.. Его!.. Ррразом!!!

Я не слушал, трудясь над последними метрами, панически ощущая холодные прикосновения по живому намертво сомкнутых зубов. Раздражала и злила неизвестность. Если бы лицом к лицу, а не пожираемой сосиской, зажатой в каменном гамбургере! Ещё и ещё!!! Вот ведь дрянь какая прицепилась, зубами скрежещет. Я и сам уже скрипел зубами, одолевая последние сантиметры. Бэбэлэнц тоже не унимался: гневно гикал, тряс и без того растрёпанной бородой и дёргал, дёргал, дёргал меня к победному углу. А за ним-то что? Гнорли с автоматами? И боевой огонь на поражение?..

– Ухх!!! – после тесноты, духоты и тяжести коридор за изгибом округлялся дырой – спасительный поворот, сбитый плечом, трескуче рухнувший угол (теперь понятно, почему "спасительный") – и наконец выход: лазейка в небольшую пещеру. Мы выпали на каменный пол, неловко и сумбурно, образуя кучу малу: сначала Бэбэлэнц, по том я, сверху дохляк (а это был именно он, стандартно коричневый и худой) и что-то в довесок, сопротивлявшееся и пицдавшее, вытянутое из лаза на грязной веревке... Рухнули. Распались на составляющие. Бэбэлэнц тут же отскочил в сторону, воинственно выхватывая неизвестно откуда маленький ладный топорик. Бросился на моего преследователя, одним ловким движением отрубая ему кисть руки и замахиваясь снова. Я приподнялся, продолжая ползти и молотить жезлом обтянутую пергаментной кожей уродливую голову. Мои торопливые попытки как-то включить Фатш Гунн так ничем и не увенчались. Отрубленная рука не собиралась умирать, доползла до меня самостоятельно и, как вокзальная побирушка, ухватилась за край моей рубахи. Бэбэлэнц рубил и рубил, не уничтожая, а лишь множа наших врагов, правда, делая их меньше размером.

– Не давай им встречаться! – прокричал он мне, разбрасывая ногой нашинкованные куски.

– Что?! – не понял я, но тут всё прояснилось, ибо стопа допрыгала до голени и торопливо приросла обратно, криво, не на место, но очень действительно принимая участие во всеобщей реконструкции. Получалось ещё мерзопакостнее, чем было раньше. Теперь туловище напоминало неказистого паука. Одна лишь голова продолжала болтаться на моих брюках, судорожно сжимая челюсти. – Вот нечисть!!! Бэбэлэнц!!! Мы вдвоём не справимся!!! Оно опять склеивается!!!

Мы методично уничтожали врага – снова и снова. А он возрождался – снова и снова. Одно было хорошо: я вновь стоял на ногах и чувствовал себя

превосходно. Моё тело опять было как новое! Да здравствует гномья настойка! Впрочем, побоище порядком надоело.

Я, наконец, разглядел, кого тащил за собой на верёвке дохляк. Жалкое усохшее тельце не то обезьянки, не то крошечного человечка, жалобно подвывавшее, старательно вжимавшееся в камни, из последних сил натягивавшее верёвку (паукообразное существо, в данный момент яростно наступавшее на меня, тоже натягивало её с неослабевающей силой) – оно пыталось спрятаться и от своего хозяина, и от вошедшего в раж Бэбэлэнца, чей небольшой топорик представлял собой смертоносное оружие.

– А этот второй – кто? – резко крикнул я, пытаюсь отодрать рычащую голову за уши, и кивнул в сторону человечка. Бэбэлэнц быстро глянул и крикнул в ответ:

– Какая разница!!! – его топорик сверкнул в воздухе, тварь истерично завизжала и вдруг стремглав метнулась в сторону. Бэбэлэнц промазал, рутнулся и примерился по новой, только теперь замечая, что нечаянно перерубил верёвку. – Где она?!

– Какая разница!!! – проорал я. Мне почему-то не хотелось убивать это несчастное создание, которое, скорее всего, и волокли-то в качестве запасного обеда. Убежало – туда и дорога!

Внезапная вспышка света резанула по глазам и заставила на секунду зажмуриться. Мертвяк издал яростный шипящий звук и попытился в тень. Бэбэлэнц загикал и, пританцовывая, победно потряс в воздухе топором. Я, прикрыв лицо ладонью, с изумлением наблюдал, как прямо из каменной стены выступали тяжёлые, квадратно скроенные фигуры, одетые в выпуклые нагрудники и чешуйчатые кольчуги. Кожаные штаны были заправлены в жёсткие гулкие сапоги. Спутанные кудлатые бороды естественно не предполагали никаких бантиков. Тёмные глаза из-под нависавших бровей смотрели решительно и сердито. У каждого из-за спины торчало древко боевого топора, причем, доставать их они не торопились. Оглядев нашу живописную группу, головной гнорль – а это были именно гнорли – брезгливо взмахнул в сторону дохляка массивным чёрным предметом: вспышка – и безголовый дёргающийся урод опал на землю серым пеплом. Бэбэлэнц крикнул и указал в мою сторону. Гнорль развернулся ко мне и опять поднял руку с оружием. Вот вам и дружба дружбой, а служба службой... Эх, Бэбэлэнц!

– Повернись! Боком повернись!!! – уже мне умоляюще завопил тот. Я машинально развернулся, и отстреленная голова, вереща и сыпля зубами, отлетела вбок, взорвавшись таким же серым мусором, как и её бывшее тело.

Я устало опустился на пол.

– Какой хлипкий хорц тебе попался, а, Бэц?! – громогласно расхохотался стрелявший гнорль. – Это тот самый?.. Веди его к нам на контроль. Пусть с ним сам Верховный разбирается! – он снова поднял руку с чёрным оружием, и узкий ход за нашими спинами просел обвалом: пути назад больше не существовало. Гнорль удовлетворённо хмыкнул.

– Уж отведу, – блеснув на него красными глазками, пробурчал гном, нервно теребя в бороде бантик. – Посидим немного и двинемся.

– Штаны не протри, сидючи-то, – улыбнулся ему в ответ гнорль, как старший брат любимому младшему, и, дав команду остальным, ушагал в то же место в стене, откуда и вышел. За ним исчезли и другие гнорли. Завершающим аккордом на нас рухнула тишина. Мы остались одни.

– Вот это да! – только и смог выдавить я, оглядываясь вокруг. – Так и в справедливость недолго поверить, после такой-то удачи!

– Погоди радоваться! – сварливо пробурчал Бэбэлэнц. – Наш Верховный гнорль суров, и что он решит – предсказать невозможно. Может и назад на каторгу отправить, может и сам тебя...

Он так и не успел договорить, что же ещё может учудить грозный Верховный гнорль. Сбоку за небольшим валуном едва уловимо зашуршало. Бэбэлэнц резко развернулся и без предупреждения скакнул в сторону, уже в прыжке поднимая топорик. Замах растратился впустую: лезвие упало, высекая сноп искр, но лишь снесло верхушку камня, из-за которого с

визгом пульей вылетело тощее существо – то самое несчастное полудохлое создание, убежавшее во время драки с его хозяином, каторжным трупяком. Оно не раздумывая бросилось в моём направлении и дрожа забилося ко мне в ноги, сотрясаясь так сильно, что я начал беспокоиться за целостность его тельца.

– Ага-а-а!!! – победно прокричал гном, с трудом выдирая свой застрявший в валуне топорик. – Держи его, Василий!

– Лоо, сандара лоом ну саах! – срывающимся голосом залепетал дохляк. На его запрокинутом, обтянутом тёмной кожей лице молили и плакали, живя отдельной жизнью, два удивительных выпуклых глаза. – Лоо! Лоооооо! Лоооо... ооо...

– Сейчас тебе будет и лоо, и саах! – гневно выпалил гном, протягивая к нему крепкую руку. И вдруг закричал на него: – Лоо сун вукр дан дарр! Ну уч, ну уч саах!

Существо поникло и заныло, горестно обхватив себя тонкими ручками. Лоо, лоо, – безнадежно плакало оно, роняя в пыль скупые слёзы. И было непонятно, как из этого высохшего тельца можно выжать хоть каплю жидкости. Бэбэлэнц явно отказал ему в малейшей надежде на спасение.

– Василий, отойди! – нетерпеливо приказал он мне, перехватывая поудобнее оружие.

– Нет! – вдруг решительно возразил я, шагая, но не в сторону, а наоборот, прикрывая своими ногами беспомощную фигурку. – Извини, Бэц! Он и так уже...

– Я тебе не Бэц, и ты меня не цацал! – взбешённо сверкнул на меня глазками гном. – Ты лезешь не в своё дело! Отойди, не мешайся!

– Ещё чего! – я начинал злиться, тоже не собираясь уступать. – Откуда тебе знать, какое дело моё, а какое нет! В конце концов, многие считают меня дафэном, а дафэны всегда защищают слабых. Видал, что у меня есть?!

Я рванул на груди рубаху и вытащил королевскую печать, потрясая ею в воздухе – моим последним, но весомым аргументом. Дохляк внизу затих и вдруг, перестав плакать, отчётливо прошептал: "Даэна, даэна...", потянулся ко мне ручкой да так и замер, не дотронувшись, всхлипывая, поглядывая то на меня, то на печать, то на сердито переминавшегося Бэбэлэнца.

– Да ты соображаешь, кто такой дафэн, а?! Или тебе объяснить?! – я не унимался, самозабвенно блефуя, но гном-то этого не знал. И более того, он явно не знал, что делать дальше: неожиданное заявление заморыша каким-то образом повлияло на него не менее убедительно, чем мой легендарный артефакт. Бэбэлэнц явственно погружался в пучину сомнений, и чем больше он сомневался, тем меньше оставалось у него решимости. Наконец, глубоко вздохнув, он с напускным равнодушием махнул на нас рукой.

– А ну вас к бэрберцацам! Разбирайтесь сами. Этот... – он презрительно указал пальцем на переставшего-таки истекать слезами, ещё не верившего в то, что он временно избежал смерти, дохляка. – Этот всё равно не опасен. Финюк – он и есть финюк. Рано или поздно его обязательно кто-нибудь съест. К тому же... он долго не протянет: слишком уж тощий.

– Раз он не опасен, зачем ты хотел его убить? – растерянно переспросил я, приседая к своему новому подопечному. Тот замер, сложив молитвенно ручки. В его глазах сияло такое восхищение, что мне сделалось неловко.

– Хотел и хотел. А может и не хотел... Так положено! – раздражённо пожал плечами Бэбэлэнц. – Начнёшь делать кому-нибудь исключение, а что потом? Я не судья, чтобы решать кому жить, а кому нет. – Он помолчал и совсем тихо добавил: – А так всё просто – есть приказ "никого не пропускать", я и не пропускаю.

– А я?

– А ты пока никуда и не прошёл! – хмыкнул гном.

– А мне показалось, что мы постоянно движемся вперёд! – не соглашаясь, улыбнулся я.

– Не говори "Эц!" пока не перепрыгнешь! – чуть миролюбивее проворчал Бэбэлэнц и вдруг погрозил пальцем финюку: – Чтоб от Василия ни ногой! Сразу ко мне попадёшь: уж я жалеть не буду, понял?

Тот часто закивал головой, пододвигаясь ко мне поближе.

– Саах лурр ло! – тоненьким голосочком отрапортовал он, растягивая в робкой улыбке прозрачные губы.

– То-то! – удовлетворённо хмыкнул гном. – А то действительно настанет тебе один сплошной лурр...

– А что он сказал? – переспросил я, оглядываясь на финюка.

– Пусть моё сердце заберёт смерть! – перевёл Бэбэлэнц. – Страшнее клятвы для них не существует. Теперь можешь его не бояться – если конечно ты его боялся – и вообще не беспокоиться – если конечно ты беспокоился: финюк от тебя и на два шага не отойдёт. Тоже мне приобретение... Скорее обуза!

– Ничего, как-нибудь справлюсь! – отмахнулся я. – Он не первый и не последний, кой-какой опыт уже имеется.

Бэбэлэнц задумчиво молчал, теребя бороду. Его взгляд блуждал – то на меня, то на финюка, то на печать, которая теперь открыто висела у меня на груди. Сомнение, полустёртое какой-то важной мыслью, удивленное оцепенение и нерешительность всё ещё боролись на его лице.

А я радовался моменту. Тому, что не надо никого убивать, никуда убегать, ниоткуда вылезать и вообще... Даже Верховный гнорль пока не озадачивал будущей грозной встречей с ним. Как говорится, если судьба молчит, то лучше её не перебивать. Встретиться с неприятностями мы всегда успеем, ведь правда, финюк?

Он посмотрел мне прямо в глаза, печально, завораживающе, мудро.

"История лишь начинается, дафэн. Не будет никакого Верховного гнорля! – мелодично прозвучало в моей голове. – Гномы, как дети, любят говорить "нет". Не надо быть тем, кто, как и дети, принимает это всерьёз".

Я вздрогнул и будто впервые заглянул в выпуклые глаза, отражаясь в них, как в изогнутом зеркале. И только тут заметил, что мы все давно молчим, будто знаем что-то очевидно простое.

"Что ты имел в виду?" – мысленно переспросил я финюка, но он уже отвернулся, затянув влажные линзы глаз синеватыми плёнчатыми веками.

– А куда ты шёл, а, Василий? – вдруг как бы ненароком спросил Бэбэлэнц. Он улыбнулся, и щёчки округлились румяными булочками, но взгляд буравил жёстко, почти физически ощутимо, опять засветившись изнутри красными огоньками.

– Наверх! – ответил я, в сотый раз за этот долгий день произнося это слово. – Да наверх же, чотт меня побери! Знаю, что отсюда ещё никто не выходил, знаю, что здесь творится какая-то ерунда со временем и пространством, знаю... впрочем, неважно, что я знаю! Просто мне надо наверх, к горному озеру, у которого остались мои друзья.

Бэбэлэнц, наконец, протёр взглядом на мне изрядную, одному ему видимую дыру, вздохнул и отвёл глаза.

– Рассказывай! – сдавшись, проговорил гном и неожиданно шумно чихнул, успев выхватить из кармана огромный, расшитый мелкими букашками носовой платок. Высморкавшись, он уселся тут же на ближайший камень и приготовился слушать.

4

Когда я закончил, стараясь быть предельно кратким и не вдаваться в детали, финюк давно и безмятежно спал, свернувшись калачиком у моих ног, а Бэбэлэнц, расстегнувшись и опять достав носовой платок, утирая по мере моего рассказа то пот, то одинокую слезу, в довершение засопел, тяжело вздохнул и промолвил:

– Суттер маттер бэц бэцэ... Что б тебя, если это хоть частично правда! Грольхи, говоришь, виноваты! А вот это запросто! Эти-то уж на самом деле и при том, и при этом, и при всём! Нижние уровни у нас оттяпали. Эх, сил у нас против них маловато!

– Ну, – замялся я, смутившись от такого не совсем логичного вывода. Вот уж, у кого что болит: вшивый про баню, гном про горы, а я про... Про что?

Мы оба замолчали, обдумывая каждый своё.

– Наверх? – проговорил гном, первым нарушая тишину. – Что ж, скажу гнорлям, что напали земляные глысты и тебя съели. Вместе с этим... худосочным.

Он носком сапога пнул спящего финюка. Тот тотчас же приоткрыл глаза и выжидательно уставился на гнома. Я был слишком озадачен, чтобы сразу поверить в удачу.

– Пойдём! – резко бросил нам Бэбэлэнц, видимо окончательно решив для себя что-то очень важное, и стремительно подскочил с места. Он так быстро зашагал в темноту, что мне ничего не оставалось делать, как броситься за ним следом, подхватив подмышку своего нового спутника.

Совершая акробатические чудеса ловкости, – таща финюка, Фатш Гунн и одновременно светя поднятой над головой жемчужиной, – я пытался не потерять из виду мелькавшую впереди спину гнома. Когда же он внезапно остановился, я чуть не сшиб его, притормозив в самый последний момент.

Мы стояли в очередной ничем непримечательной пещере – не хуже и не лучше всех остальных. Но, поглядев на Бэбэлэнца, я вдруг ощутил торжественную небывалость момента. Он приосанился, важно засунул руки в карманы и, прокашлявшись, произнёс:

– Брундурбэ-эц, однако... Странный ты попался, хорц, и история у тебя странная. А ещё Цуц-Буц-Бэбэлэнц говаривал, что от непонятных и странных вещей лучше держаться подальше, – он снова зашмыгал носом и заёрзал на месте. – Прощай, короче! Вспоминай потом Бэца добрым буцом! – он улыбнулся и добавил: – После таких-то сказок грех не перейти на родственные буц-бэцы. Так что я для тебя теперь просто Бэц! Давай, короче, пока я не передумал...

Бэбэлэнц лукаво подмигнул мне и шагнул к стене, звучно стукнув по ней своим топориком, но не остриём, а плашмя.

– Бэцэ-бэцэ-бац! – быстро пробормотал он.

Стена дрогнула и разъехалась аккуратным коридором. Из него дохнуло летними запахами, звуками, свежестью и свободой.

– Между прочим, на вот тебе! – гном протянул мне маленький мешочек, в котором что-то твёрдо перекатывалось. – Да не радуйся так: это не для тебя – камни-самоцветы, а для твоего заморыша – лекарство. На свежем воздухе он тут же и рассыпался бы, а с этим он проживёт, правда всего... – он задумчиво позагигбал пальцы, – девять дней! Считая этот.

Бэбэлэнц приоткрыл мешочек и показал мне содержимое – круглые желтые шарики. Взяв один, он протянул его финюку. Тот жадно схватил и съел, пролепетав что-то смиренно-восхищённое.

– Конечно, спасибо, – хмыкнул в ответ гном. – Осталось восемь штук. Запомните! Каждый день – по одной, а дальше – решайте сами. Девять дней – срок не малый. Если судьба, то дохляк выживет: найдётся колдун, живая вода или высшая воля.

Он блеснул глазами, сердясь неизвестно на что, потерял свой нос, сминая и закручивая его круглый кончик и, в последний раз махнув нам рукой, развернулся на каблуках и скрылся в темноте. Как не было...

– Спасибо! – запоздало крикнул я, но меня уже никто не услышал.

*...Есть чувства слишком невесомые,
чтобы удержаться в границах непо-
воротливого слова... Разве можно заклю-
чить в раму рисунок птичьего полёта?
Мозаику солнечных зайчиков или вос-
торг восходящего солнца?.. Моя Тэя
была им сродни: восхитительна, как
только что раскрывшийся цветок, как
радуга после прозрачного ливня, как пес-
ня, звучащая над детской колыбелью...*

ГЛАВА 17. ФИНЮК.

*О, неизбывная тоска,
Моя любовная отрада...
Ты как вода в ночь водопада
Так же прохладна и близка.
Весь этот воздух из углов
И отмеряется губами...
И вновь с закрытыми глазами
Мы в этом тёмном из миров.
Моя стеклянная тоска...
И через эту мягкость призмы
Нам видится, что больше жизни
Вся та печаль, что у виска.*

Хорц Артур

1

Конец нашего путешествия первой заметила жемчужина. Вдруг замигав, она неспешно, как бы извиняясь, погасла. Я было подумал, что с ней что-то случилось, но тут понял, что и без неё могу разглядеть и стены, и камни под ногами, и далёкое марево выхода, светлым пятном проступившее впереди. Я еле сдержался, чтобы не побежать ему навстречу, но финюк уцепился за меня худенькой ручкой и просяще блеснул глазами. От волнения я забыл, что могу подхватить его на руки, и поэтому навстречу своему чудесному избавлению мы отправились торжественной размеренной походкой.

Следующие пять минут были самыми длинными в моей жизни. Выход представлял собой увеличенный вариант кроличьей норы, из которой мы, наконец-то, выбрались наружу. Мы вновь родились в этом мире, делая свой первый вздох и первый радостный вскрик. Вокруг нас простиралось бескрайнее небо, подступавшее вплотную к небольшой площадке, плоской вершине огромной горы (не той ли, с которой я недавно так содержательно беседовал?), своими боками со всех сторон уходившей круто вниз – в густую тьму ещё неразбуженного ландшафта. Я удивлённо огляделся. Ну, и где мы? Когда мы? Кто мы? Сколько нас? Какие песни мы поём?... Великий Лес, да впридачу с великой Ишк'йяттой! Господи...

Стояло раннее утро. Прохладное, свежее, пока размытое и несформировавшееся. Над соседними вершинами веерообразно расходились в стороны роскошные золотые облака. Темное небо, прозрачное как вода, медленно, но верно набирало свою обычную утреннюю палитру: от серо-фиолетового до пастельно-желтого.

Внезапно каменная твердь под нашими ногами вздрогнула, зевнула и стянула дыру, из которой мы только что вылезли: пути назад больше не было. Хотя, кто же из нас хотел бы назад, а, финюк?... Тот промолчал, зачарованно созерцая окружавшее нас великолепие, не в силах справиться с такими небесами, не умея переплавить их во что-то такое, что исторгло бы спасительный вздох души, вскрик восхищения и присоединило бы и его маленькое естество ко всеобщему празднику начинавшегося дня.

Я тихо опустился рядом и обнял худые плечи. Он встрепенулся и судорожно вздохнул, заламывая пальцы и влажняя глазами.

– Ну, что ты?! – стараясь быть беззаботным, спросил я. – Мы ведь вырвались, дошли, смогли, дотерпели? Теперь уж точно – история только начинается!

Финюк что-то хотел ответить, но не смог, конвульсивно дрогнув горлом и шумно выдохнув воздух.

Находились мы на крошечном пятачке высоко над землёй, и спуска вниз не наблюдалось. Хоть какую-нибудь захудалую лестницу или парашют... А лучше – крылья отрастить!

"Васи-и-иииили-и-ииий!!! – раскатисто взорвалось у меня в голове. – Ты где??? Отзовиииииись!!!"

От неожиданности я чуть не свалился с камня, на котором сидел. Зорр!!! Ей богу, Зорр!!!

"Васи-и-ии..." – снова заголосило у меня внутри, эхом рикошета по мозговым извилинам.

"Я здесь!!! – со всей мочи проорал я. – Зорр! Я здесь!!!"

"Васька, ты?! – облегчённо донеслось в ответ. – А чего так орёшь-то? Жрёт что ли кто?"

"Это не я, а ты чего так орёшь? Обожрался что ли кем?" – улыбаясь от уха до уха, промыслил я.

"Фуф, точно ты! Ты куда слинял с поля боя, а? Как сквозь землю провалился!..."

"А я и провалился! Грольхи, мерзавцы, утащили. Да ладно, при встрече расскажу. У вас-то как? Все живы?!"

"Все, все. Только ты и был в горестном списке. Занесли тебя, понимаешь ли, в Красную книгу, как исчезнувший вид. Целый день искали. Я уж думал, что всё – потеряли мы нашего Василия. Фастгул'х же рычал и порывался искать снова!" – голос Горыновича обрёл знакомые нотки, душевные и издевательские одновременно. Я чуть не зарыдал от счастья – как же я по ним успел соскучиться!

"Фастгул'х, малыш... – нежно произнёс я. – А Врахх, проходимец, объявился?"

"А разве он куда-то пропадал?" – недоумённо поинтересовался Зорр.

Тут, возвращая меня с небес на землю, рядом зашевелился финюк, робко трогая меня за рубашку и заглядывая в глаза.

"Хорц, это друзья?.." – едва слышно прошептало у меня в голове.

"Эт-то кто ещё такой?! – не дал мне ответить Горынович. – Василий! Ты кого опять подцепил?!"

"Подцепить можно сразу, а это... – я задумался. – Сам увидишь, когда прилетишь, – я чуть не подскочил на месте. – Зорр!!! Родной!!! Прилети за нами!!! Мы тут влипли в одну историю..."

"Только в одну?! Теряешь сноровку! Раньше бы ты умудрился..."

"Но зато в какую! Ладно, потом расскажу. Короче – вылетай!"

"Ух, я только что поел, – притворно вздохнул тот и вальяжно добавил: – Ну, и где ты? Вернее, вы?"

"На вершине горы".

"Где?! – изумился Зорр. Помолчал немного и добавил: – Да... Всего-то день прошёл, а ты уже успел на гору забраться. И оно тебе было нужно? А, Василий? Ну, и что это за гора, спрашивается?"

"Не знаю", – признался я, со вздохом обводя взглядом наполовину освещенные вершины.

"Извините, что вмешиваюсь, – вдруг залепетал финюк, – но справа от нас – тройная гряда Драконьей Короны, а слева..." – он стеснительно замолчал.

"Ха! Кто бы ты ни был – говори! – благодушно хохотнул Горынович и добавил, обращаясь непосредственно ко мне: – А ты шустрый, Василий! Раздобыл где-то такого полезного спутника. Он, надеюсь, не тяжёлый? Не величиной со слона? Или с Ядвигину избушку? А то я всех не стащу".

Поглядев на тщедушную фигурку, я не знал, плакать мне или смеяться. Тяжёлый финюк?...

Тот же, не обращая никакого внимания на комментарии хийса, начал своё объяснение. Через пару минут Зорр удовлетворённо икнул и остановил подробное описание близлежащей местности.

"Более чем хорошо! – сообщил хийс счастливому рассказчику. – Ждите! И никуда не вздумайте уходить, а то с вас станется!"

"А я вот почти собирался прыгать вниз!" – успел я изречь своё последнее слово. Впрочем, Горыновича и след простыл. Стихло, смолкло, отключилось, оставив нас одних.

Мой маленький спутник теперь смотрел на меня, как на волшебника. Только вылезли, – и полчаса не прошло, – а к нам уже спешит помощь, и не кто-нибудь, а сам легендарный Змей Горынович. Собственной персоной.

Рассвет, наконец, довершил своё нелёгкое дело, отодвинув темноту и проявив даже самые отдалённые уголки пейзажа, ранее спрятанные в глубине ущелий. Заметно потеплело.

Я оглянулся на финюка, впервые обращая внимание на полное отсутствие хоть какой-либо одежды на его жалком тельце.

– Ну что, будем наряжаться? – улыбнувшись, спросил я его. – А то, глядишь, ещё встретятся дамы. Неприлично вот так расхаживать. Не грусти! Мы сейчас из тебя такого красавца сделаем – закачаешься! Хотя качаться тебе, пожалуй, хватит.

Я снял с себя рубашку и решительно оторвал от неё рукава, связал их вместе и соорудил финюку набедренную повязку. Он молча повиновался, лишь один раз украдкой смахнул слезу.

– И вообще, хватит плакать! Ты теперь свободный человек! – я глянул на него и засомневался: – Ну, не человек, а фи...

"Фианью'кк, – вдруг мелодично прозвучало в моей голове, неповторимо вибрируя на последнем слогe. – Я фианьюкк. Вернее, когда-то был им... А сейчас ты видишь лишь то небольшое, что от меня осталось".

– Что ж, будем знакомы! А ты, фианьюкк, оказывается, неплохо телепатически разговариваешь! Здорово!!! – я чуть было не хлопнул его по плечу. Перспектива молчать до прилёта спасательной команды меня совсем не прельщала, а тут такая удача – собеседник. – Можешь, значит?

"Главное, что не я, а ты можешь! – в его словах промелькнула лёгкая ирония, или мне показалось? – Чаще всего существа оставались мысленно глухими к моим обращениям. Приходилось либо долго настраиваться, либо срочно осваивать их язык".

– Срочно учить чужой язык? Вот это да! – восхитился я. – Так, может, выучишь быстро наш, человеческий? Поболтаем?

"Не-ет... Не могу, – опечалился финюк. – Теперь не могу – каторга забрала все силы, память, знания".

"Извини, конечно... А за что ты попал на каторгу? – задал я, наконец, давно мучивший меня вопрос. Было трудно поверить, что маленькое хрупкое существо с проникновенным взглядом причинило хоть кому-нибудь зло. Хотя внешность – обманчивая, коварная и талантливая притворщица. – Трудно поверить, что такое существо, как..."

"Трудно, – согласился он. – Ты вообще первый, кто задается подобным вопросом. Первый, кто готов слушать меня, а не кого-нибудь другого, более высокопоставленного, – тут он впервые улыбнулся, хотя улыбка получилась весьма печальной. – Мы, фианьюкки – очень миролюбивый народ, может быть, даже слишком".

Сейчас финюк, вернее, фианьюкк (эх, действительно, язык поломаешь, пока научишься произносить правильно, а уж переливчатая трель в конце слова долго, наверное, останется для меня невоспроизводимой) скажет, что не виноват и на каторге оказался случайно.

"А на территорию чоттов я попал случайно, по наговору, – подтвердил он мои мысли. – Господин йокль поверил не мне, а моему обвинителю. Но это очень, очень длинная и запутанная история, и очень печальная..."

Он весь поник и ссутулился, проваливаясь в зыбучий песок воспоминаний. Глаза померкли и обратились внутрь, более ничего не видя, не желая видеть. Я едва успел перехватить его на пороге того тоскливого кричащего состояния, из которого иногда не бывает возврата.

– Эй-ей!!! Дружище! – я чуть было не затряс его за плечи. – Не вздумай грустить! Рано писать эпитафию на своей могиле! Всё ещё только начинается. Глупо отрицать, что ты родился под счастливой звездой! Оглянись! – я обвёл рукой великолепный пейзаж, среди которого мы парили, как на ковре-самолёте. – Красота! Свобода! А остальные, между прочим, остались там! – я приотпнул по каменной поверхности под нами – финюк ощутимо поёжился и поднял очнувшееся лицо. – Тебе просто повезло! Повезло ошеломительно и непредсказуемо! Одному

из многих! А это... – я потряс мешочком с пилюлями, оставленным нам Бэбэлэнцом, – это ерунда! Девять дней – иногда целая вечность. А за такой длинный срок запросто могут произойти самые невероятные чудеса. Верь мне! Со мной всё случается так быстро, что я и сам не устаю удивляться.

"Я верю тебе, – благодарно отозвался мой спутник. – Только не совсем ещё привык".

– Ничего. К хорошему можно привыкнуть очень быстро, а с несчастьями смириться гораздо тяжелее, да и надо ли? И вообще, времени у нас вагон! Моя новоиспеченная жилетка в полном твоём распоряжении – плачься в неё сколько угодно

Он непонимающе оглядел мою бывшую рубашку. Я рассмеялся и махнул рукой, мол, не обращай внимания, это я так, просто беседу поддерживаю.

"Как только я увидел королевскую печать... – задумчиво начал он свой рассказ, нервно спутывая пальцы. – Да, именно тогда я и понял, что наконец-то стану свободным, даже если за эту свободу придётся заплатить жизнью. Когда-то очень давно я слышал, что печать проявляет суть событий и ускоряет их. Да... Да... Судьба, всё-таки, сошлась, связалась воедино. Странно, что я даже в подземном тупике, в тесных границах смертельной приёмной искал и ждал спасения. Уложенный в общую кучу, счёл хорошим знаком то, что из неё наружу оставили торчать не ноги, а мою голову: видеть и мыслить – вот, пожалуй, и всё, что было выкроено мне напоследок. Ах, знай я, что избавление так близко, я не стал бы мучить себя тем жестоким отчаяньем, которое вместо котла вываривало моё тело. Но это не могло тянуться вечно. Осталось совсем недолго, недолго, недолго – это единственное, что звучало во мне колоколом".

Я молчал, смотря на хрупкую фигурку фианьюкка, как будто видя его впервые. Я ничего о нём не знаю – скользнуло в моём мозгу. Почти ничего. Ни-че-го-шень-ки...

"Но потом я почувствовал, что нет, не конец, возможно, что не конец, а только продолжение той печальной истории, чьей неотъемлемой частью я пока что являюсь. Моя жизнь была и яркой, и счастливой, но когда я думаю о ней, мимо проносятся лишь смазанный безудержный смерч отрывочных воспоминаний", – он перевёл дыхание и продолжил, глядя на меня честными глазами кающегося грешника. Хотя нет, выражение его лица напоминало скорее трепетный страх ребёнка, решившего, наконец, рассказать маме о её безнадёжно разбитой любимой вазе. Жизнь вместо вазы... И я первый, кому было доверено перебирать сии хрупкие осколки, воспроизводя по ним некогда прекрасный образ.

Я продолжал молчать, но теперь не настороженно, а ободряюще, выжидательно, готовый вникать и впитывать любую невероятную небылицу. Даже горы столпились вокруг как-то по-иному, тактично повернувшись к нам своими вершинами.

"...когда-то меня звали Айт Яэйстри. Надо же, я почти отвык от этого всеми уважаемого имени! Да-да, кто же не знал самого талантливого секретаря дворцовой канцелярии?"

При слове "дворцовая канцелярия" у меня что-то ёкнуло внутри, я весь обратился в слух, но мало ли дворцов на свете. Это ещё совсем ничего не значило.

"Как я был счастлив тогда, – между тем рассказывал он, – счастлив и горд тем, что мог свободно говорить и писать на трёхстах семнадцати языках других существ, знал их законы и обычаи, звания и родственные связи, награды и подвиги, легенды и научные теории, анекдоты и сплетни. Чего только не хранилось вот в этой, теперь такой неприглядной голове!". Он грустно поднёс к своему лбу вытянутый палец, но так и не коснулся, уронив руку на сжатые колени, надолго задумался, мечтательно перебирая забытые, казалось бы, события. Наверное, он и сам был удивлён тем количеством всё ещё живых, сохранившихся кусочков души, выживших в адском пламени каторги...

Я смотрел на него, и постепенно мне удалось-таки снять с него археологический налёт времени, лишнюю пыль событий, сравнявшую и похоронившую под собой целую жизнь. Фианьюкк, тот прошлый фианьюкк, был идеально красив завораживающей красотой изящной египетской статуэтки: профиль Эхнатона, удлинённые пропорции, тонкая талия, грация и хрупкость, чарующий взгляд чуть выпуклых миндалевидных глаз... Ну, что ты так смотришь на меня и почему молчишь, а, Айт Яэйстри? Рассказывай: у нас достаточно времени, чтобы пролистать не одну главу твоей непростой жизни.

"Моё мастерство и опыт множились, и однажды сам великий советник королевы выбрал меня в свои личные секретари, – продолжил фианьюкк, – тем самым возвысив меня над другими фианьюкками. Я был тогда ещё сравнительно молод и открыто радовался, впрочем, никого не унижая. Это я теперь понимаю, что повода для тайной неприязни вовсе не требуется – достаточен самый ничтожный факт: хотя бы то, что я просто есть, что я посмел родиться на свет..."

Он неожиданно вскочил, судорожно оправляясь, притопывая и бросился колесить вокруг меня, сбивчиво и возмущённо бросая вдаль короткие неясные фразы:

– Солло лунлоун динаннэль... Солл... лиард... лунн... анн... фианьюкк лоррило сун! – даже в ругательном варианте его речь была необыкновенно музыкальна и очаровывала соразмерностью и плавностью. – Сондаун ни фаэн лурр. Тэйя, ла унди ман, унди ман найса айсинь... Тэйя фиа Яэйстри...

Он так же внезапно остановился, будто налетев на невидимую стену, замерев на месте с тем ошеломлённым выражением непредвиденного удара, который вышибает не только дыхание, но и, кажется, саму душу.

– Финюк, – забыв про правильное произношение этого слова, позвал я. – Слышишь?

Он вздрогнул и, никуда не глядя, потерянно прошёл на своё место, осел рядом и, вздохнув, продолжил:

"Тэйя... Тэйя фиа Яэйстри. Моя жена. Счастье моё, дальше которого уж и некуда было стремиться. Ла унди ман сийя!.. Это началось именно в тот момент, когда несравненная фиа Тэйя Лоосиндиль согласилась стать моей женой, – фианьюкк поднял ко мне лицо с болезненным напряжением в умоляющих глазах: как мне быть дальше, как? Как?! И зачем? – Сказать, что мы любили друг друга – это, наверное, не сказать ничего. Есть чувства слишком невесомые, чтобы удержаться в границах неповоротливого слова. Разве можно заключить в раму рисунок птичьего полёта, мозаику солнечных зайчиков или восторг восходящего солнца? Моя Тэйя была им сродни: восхитительна, как только что раскрывшийся цветок, как радуга во время прозрачного ливня, как песня, звучащая над детской колыбелью. Ах, моя фиа, жива ли ты, увижу ли я тебя хоть один лишь раз?"

Увижу ли я тебя, Диллинь? – вторила ему моя тоска. Хоть один лишь раз? Где ты? Отзовись... В это мгновение я был один. В порыве нежности я подошёл к обрыву, к черте между уходившей вниз горой и небом и прошептал:

– Диллинь, Диллинь Дархаэлла, Великая лесная Королева, любимая моя Диллинь... Динни! Прости мне мою детскую глупость, слышишь меня, это я, Василий. – Детства больше нет.

"Ах, моя милая фиа, прости мне самонадеянное безумие, – вторил мне Айт Яэйстри, не выдерживая и снова заливаясь слезами. – Моя мудрая маленькая фиа, почему ты не остановила меня, почему?... – он надолго замолчал, меняясь в лице, с усилием борясь с одолевавшими его воспоминаниями. Наконец, собравшись с духом, продолжил: – Да, чего уж говорить, это была моя идея – начать наше свадебное путешествие с королевского карнавала. Он бывает только в годы золотого снегопада, а тут такой случай – убеждал я её. Представляешь, утром – свадебное шествие, а вечером – сразу карнавал! Какая удача! Везение! Весь дворец будет веселиться вместе с нами! Нам даже не придётся переодеваться! Послушай, Тэйя, душа моя, тебе так к лицу лазоревое подвенечное платье! А бриллиантовый венец чудесно подойдёт к твоим сияющим глазам! Ты будешь самой восхитительной невестой, которая когда-либо ступала в тронный зал, и нас благословит сама пресветлая Королева!.."

Последние его слова снова отозвались во мне тревожным эхом. Тем временем фианьюкк продолжал:

"Всё шло великолепно. Сказочно. Слишком хорошо. Я едва выдерживал непомерный груз свалившегося на меня счастья, почти сходя с ума, потому что огромную радость так же трудно выдержать, как и огромное горе. Всё вокруг сверкало и лилось рекою: дорогое вино, песни, золотые зёрнышки (на счастье!) под нашими ногами, цветы, цветы, цветы... Море цветов и кричащих радостных лиц, музыка, обрывки поздравлений, здравницы, пожелания и..."

печальная улыбка моей (теперь действительно моей!) Тэйи. Как я люблю тебя, – отчего-то грустно говорили её глаза, – Айт, как я тебя люблю... Да, да! – ликовало в ответ моё сердце. – Навсегда вместе! Моя единственная, желанная, неповторимая... Мы стали мужем и женой. Скрепляющий манускрипт с золотой печатью надёжно покоился у меня за пазухой. Тысячи гостей были нашими свидетелями. Близилась ночь карнавала – наша первая брачная ночь..."

Он снова вскочил с камня, судорожно сжимая и разжимая пальцы, прерывисто вздохнул и, требовательно взглянув на меня (далее следовала, видимо, самая главная часть истории и, предположительно, самая болезненная), решительно возобновил свой рассказ: "Когда последний луч солнца погас за горизонтом, грянули призывные звуки начинающегося ночного праздника. Если ты не был ни разу на королевском маскараде, а ты не был (я лишь подтверждающе развёл руками), то нет смысла даже пытаться описывать его чудеса. Поверь мне на слово, это стоит хоть раз в жизни посмотреть воочию, а слова – всего лишь слова, плоское отражение настоящего океана жизни, дышащего прибоями и непостижимыми глубинами, красками, звуками и запахами. Не имея с тобой общих воспоминаний, я не буду задерживаться на самом карнавале и перейду к последующим событиям. А они не заставили себя ждать... Для меня в ту ночь существовала только моя милая Тэйя, гордая Тэйя, сияющая Тэйя. Я смотрел только на неё, танцевал только с ней, мы молчали, но мне постоянно казалось, что мы говорим и говорим, не в силах выразить то счастье, которое, наконец, обрели. Отзвучала официальная часть нашего бракосочетания. Изредка кто-нибудь подходил с поздравлениями, улыбался и отходил. Мы кивали, впрочем, я почти не вслушивался. Моя звезда возшла на небе, и для меня больше ничего не имело значения. Так прошла первая часть праздника, и мы уже собирались уходить. Я томился, жаждаю остаться с моей любимой наедине, и тут подошёл очередной поздравляющий – сильс. Неслыханно! Он подарил моей жене отворяющий перстень – тот, который является пропуском в личные апартаменты. Это такой предмет, как ключ..."

Фианьюкк сбился, стал помогать себе руками, чертя что-то в воздухе.

– Да знаю! – отмахнулся я. – У Горыновича такой же есть. Я даже видел.

Он удивлённо посмотрел на меня, покивал головой, мол, надо же, оказывается, я в курсе, что только не случается... И тут меня проняло.

– погоди! – закричал я, подскакивая с места. – Так что это, всё-таки, за дворец? Часом, не Ульдроэль?!

От неожиданности он раскашлялся, а успокоившись, сел, остолбенело глядя на меня, нетерпеливо переминавшегося и подпрыгивавшего.

– Ульдроэль?! Ну, скажи, ведь это Ульдроэль?! – не унимался я. – А королева? Как зовут королеву?

"Великая пресветлая Королева сейчас носит имя Диллинь Дархаэллы, владычицы летающего Ульдроэля, – тихо ответил Айт Яэйстри. – Мне посчастливилось родиться и жить в этом удивительном месте. А позволь спросить, откуда тебе, человеку, известны..."

– Известны, ох, уж известны, – вздохнул я. – Но послушай, когда я рассказывал свою историю Бэбэлэнцу, ты ведь был рядом?

"Мне очень жаль, но я помню только начало, – виновато поник фианьюкк. – Что-то про девочку и мальчика... Про тебя? А вот дальше... Дальше я заснул – первый раз за долгое время моих мучений".

– Ладно, это после, – понимающе кивнул я. – Просто прими к сведению, что я знаю про Ульдроэль и про... Диллинь. Диллинь Дархаэлла. Сейчас время твоей истории. Правда, с этого момента я, уж извини, буду задавать целую кучу вопросов. Дело в том, что мне позарез надо попасть именно в этот дворец!

"И мне! Именно туда же! – эхом откликнулся мой собеседник, весь подаваясь вперёд. – Тэйя, моя Тэйя, если жива, она там!"

– Если жива? Что же, в самом деле, приключилось с вами в ту ночь?

"Ночь... Мы направлялись к выходу, когда к нам подошёл сильс, сын главного советника".

– Енлок Рашх? – скорее констатировал, чем спросил я. – Опять он!

– Лурр фарлу ун дсуррхуррах!!! – взвизгнул, вскакивая Айт Яэйстри. Он едва успокоился и уселся обратно, как на горячие угли.

"Не произноси вслух это отвратительное имя! – попросил он, болезненно морщась. – Да, это был Рашх. Тогда мы чувствовали себя на седьмом небе от оказанной чести. Поздравления, пожелания, комплименты... Всё началось с подарка. Неслыханно – опять повторил фианьюкк. – Преподнести чужой жене ключи от своего дома?! Это выглядело как приглашение, как... как непристойное предложение! Я онемел. Я был потрясён. Растерян. Что оставалось делать? Не устраивать же скандал прямо на свадьбе! А этот мерзавец знай себе заливался сладкоголосым пиальвинном, какие мы восхитительные и изысканные, как подходим друг другу, как нам повезло и всё такое про чее, а сам пожирал Тэйю глазами, постепенно переходя на хвалебные дифирамбы только ей. Какие у вас, несравненная фиа Тэйя, удивительные глаза, какие губы, плечи, какая высокая и нежная... Как будто ему было неизвестно, что одно упоминание о... о... неважно, считается у нас, фианьюкков, смертельным оскорблением".

– Он сделал это специально, – прищурившись, кивнул я. – Просто для того, что бы разозлить тебя. Но послушай, ты ведь такой маленький, и твоя жена... Если он положил на неё глаз... Ну, в общем, зачем она ему, такая крошечная? Я знаю, он жуткий тип, но чтобы настолько!

"Это я теперь такой маленький, как ты говоришь, – печально вздохнул Айт Яэйстри, окидывая себя взглядом, затем нерешительно помялся и добавил: – Усох, завялился, почти испарился. О, святой Лес!.. Как я покажусь ей на глаза?"

– Извини.

"Но ведь это же так и есть! – возразил он. – Да, фианьюкки – невысокий народ, в самом деле – невысокий, в среднем девять лоорсов... тебе до груди. Стройны, даже хрупки. А Тэйя была очень высокой, почти до твоего плеча, такой же, как когда-то и я. Взрослая Тэйя была так же высока, как юная сильсэсса, только что вошедшая в возраст первого свидания, так что..."

– Понятно! У него не было никаких теоретических преград, чтобы доставить себе сие сомнительное удовольствие. Кроме совести, конечно, и этических принципов.

"Ха-ха-хыхх! – почти зарыдал несчастный Айт. – Совесть??? Ха-ах... Только не это! Сильсы – умные и могущественные существа, но этические нормы?! Это – скорее правила некой виртуозной игры, рамки и ограничения, легко преодолимые барьеры на пути к достижению поставленной цели. Тем более, что это касалось лишь любовного флирта. Одно дело – политические и дворцовые интриги, а другое дело – маленькая красавица фиа, предназначенная для краткого удовольствия. Я в расчёт не брался ни в каком виде: ни в живом, ни в мёртвом".

– Кольцо-ключ! – напомнил я, опасаясь, что фианьюкк опять провалится в омут мучительных подробностей.

"Тэйя не взяла подарок, – безразличное звучание его голоса не смогло обмануть меня. Он едва не держался за сердце, видимо, решив не падать себя, медленно, но непреклонно приближаясь к роковой развязке. – Это тоже было оскорблением, серьёзным публичным вызовом. Я испугался. Моя жена побледнела, но всё ещё улыбалась, кивая проходившим мимо и ничего не замечавшим гостям. Сильс неожиданно расхохотался, хлопнул меня по плечу и заявил, что он просто пошутил, что у меня чудесная, верная жена, и нельзя ли пригласить её на танец?"

– Вот ведь... дерьмо! – мрачно усмехнулся я.

"Играла музыка, кружились пары, – продолжал Айт Яэйстри, – а я видел только лазоревое платье, смятое на талии – талии, которую крепко обнимал Енлок Рашх. Неважно, это неважно! – умоляли меня проплывающие мимо непостижимые глаза Тэйи. Неважно?! С каждым тактом мелодии, шумом отдававшейся у меня в ушах, с каждым новым крутом меня всё более одолевала мысль: если он снова подойдёт к нам, я брошу ему вызов! Но музыка стихла, и он раскланялся, не дойдя до меня три шага. Я бросился к Тэйе. Она еле шла, слишком прямо и напряжённо, упав ко мне в объятия в поисках спасения, которого я не мог ей дать. Лишь бесконечное преклонение, бесконечную нежность. В единый миг я придумал десятки

вариантов мести, так же быстро отменяя их один за другим. Тщетно. Так же безуспешно можно было плевать в горного тигра или тыкать иголкой в дракаурда. Тщетно... И очень опасно! Не помню, как мы очутились дома, хлопывая за собой все двери и окна, плетя защитную магическую паутину. В данном случае это не приносило безопасности, но успокаивало: надо же было хоть что-нибудь делать. Умом я понимал, что мы находимся в Ульдроэле, и нам "как бы" ничто не грозит, но... Тэя заснула, сидя в кресле, крепко сжимая мою руку, так и не сняв подвенечного платья, только её головной убор свер кающим замком высился на столе. Почти час я боролся с нашими страхами и подступающим сном. Со страхами я справился, но сон – сон подкрался незаметно и свалил меня прямо у ног моей спящей жены. Так закончился первый и последний день нашего супружества, наша первая брачная ночь так и не началась".

Фианьюкк замолчал и надолго задумался, глядя вдаль на медленно выраставшую в небе воздушную башню. Причудливое сооружение сформировалось и вновь потеряло чёткость, меняя стиль архитектуры и окружающий ландшафт. Наконец небесному зодчему наскучила эта забава, и он нарвал облака живописными перистыми клочками, разметав их до самого горизонта.

"Я проснулся от холода и одиночества, скорчившись на полу у пустого кресла. Тэи не было", – вдруг произнёс Айт.

Откуда-то налетел порывистый ветер. Облака стремительно таяли, как сладкая вата на горячем солнцепёке, ничтожная их кучка спасалась, спрятавшись за соседнюю вершину.

"Ужас, почти равный смерти, – продолжал он, – ударил мне в самое сердце. Тэя! – кричал я, но ответом мне было лишь эхо, убежавшее в распахнутую дверь. Она ушла?! Но почему??? Может, кто-то пришёл и увёл её? Кто?! Вопросы дробили меня на части, мешая сосредоточиться, отдышаться... Я заметался, бесцельно бегая по комнатам, роняя предметы, ища непонятно что – то ли следы, то ли доказательства похищения. Чем больше проходило времени, тем больше я запутывался. Позвать на помощь?! Но мне никто не поверит! Более того, меня даже обвинят в её пропаже: проспал, не уберёг! Пока будут разбираться, зыбкие следы растают окончательно... Нет! Нет и нет! Не терять ни минуты! Шальная мысль пружиной выкинула меня из комнаты и погнала по коридору: это он! Он!!! ОН!!! Больше никому!

Постепенно я замедлил шаг и стал осторожнее. Моё безумие окончательно завладело мной, и я крался теперь по коридору, как дикий зверь, вышедший на охоту. Мне казалось, что в воздухе сохранился едва уловимый шлейф аромата духов Тэи. И я, принохиваясь, следовал за ним, облекая в движение столь изысканную галлюцинацию моего сумасшествия. Где-то раздавалась музыка, продолжался карнавал, небо над Ульдроэлем неторопливо теряло непроницаемую густоту и приобретало сиренево-серые оттенки. Пару раз мне попадались расхोлившиеся по своим комнатам усталые гости. Я отступал в спасительную тень, и они беззаботно проходили мимо. Дорога мне была хорошо знакома: я не раз ходил по ней, ведь я был секретарём самого Советника, отца моего врага. Я знал, что через главные покои меня никто не пропустит: в такой час моё появление сочли бы более чем странным, а грандиозный скандал не входил в мои планы, и я решил проникнуть к силам через крошечную потайную дверь, ведущую в их библиотеку, а затем в приёмную, а затем... Что было бы затем, я не представлял абсолютно. Там будет видно, говорил я себе, лишь бы убедиться, что моя Тэя жива и невредима. То, что она именно там, не вызывало у меня никаких сомнений. Безумец!

Пока мне везло: я удачно миновал болтающую и смеющуюся первую охрану внешнего круга, повернул за угол и подошёл к нише с небольшим фонтаном, бьющим из пасти мраморного даллийфана, надавил на неприметный выступ на стене за ним и нырнул в бесшумно раскрывшийся проём, тут же хлопнувшийся за моей спиной. К слову сказать, весь дворец напичкан подобными ходами и выходами, необходимо лишь знать, какой из них безопасен, а какой лучше обходить стороной как можно дальше. Этим потайным ходом я не пользовался с самого детства: когда-то мы забирались тайком в библиотеку и листали старинные книги в поисках "страшных тайн". Вскоре мы попались, нас жестоко наказали, но хода мы не выдали, соврав, что у нас был ключ. Ключ действительно был, но попасть через основную дверь так и не выпадало возможности. К тому же, красться в темноте было гораздо

интереснее. Много лет спустя, когда библиотека, по удивительному совпадению, стала моим рабочим местом, я решил проверить, действует ли наш бывший потайной ход, но так и не собрался. Что ж, этот момент, видимо, настал.

Я уверенно шёл в темноте узкого коридора, как в детстве отсчитывая тридцать пять шагов, поворот, ещё восемь и...

– Но господин! – вдруг услышал я знакомый и так ненавидимый мною голос. – Я готов следовать любым вашим указаниям, но это будет выполнить очень и очень трудно.

Я приник к маленькой дырочке, специально проделанной таким образом, чтобы просматривалась почти вся комната, представлявшая собой домашнюю библиотеку. Енлок Рапх стоял ко мне спиной, задумчиво теребя страницу раскрытого фолианта. Его собеседник, к сожалению не видимый из моего укрытия, что-то невнятно, но настойчиво возразил. Сильс занервничал и с досадой захлопнул книгу.

Однако, где же Тэя? Где он её спрятал? В том, что это он виноват в её исчезновении, я не сомневался ни на минуту. Она где-то заперта, – навязчиво стучало в моей голове. Где-то. Где?! Я чуть подался вперёд, сильнее прижимаясь лбом к тонкой стенке. Меня вдруг стала раздражать крошечность отверстия (до чего же плохо видно!), ковры и многочисленные книги, поглощавшие звуки (понятно, библиотека, должно быть тихо, но это уж слишком тихо, до чего же плохо слышно!). Не думая о последствиях или, наоборот, желая их жадно, я аккуратно потянул вбок дверцу. К счастью, та отъехала в сторону бесшумно, открывая моему взору остальную часть комнаты.

Рапх, занятый явно неприятным для него разговором, пока не догадывался о моём присутствии.

Я высунулся наполовину из своего укрытия, огляделся, намереваясь улучшить момент и переползти за массивный диван, стоявший неподалёку. Во мне разгоралось знаменитое фианьюче любопытство. Что, великий Ульдроэль, тут происходит?.. К тому же, я не терял надежду отыскать свою жену.

– Нет! Это почти невозможно! – раздражённо барабанил пальцами по столу Енлок Рапх. – Вы предлагаете мне государственное преступление.

– Мы предлагаем вам корону и бессмертие, – скучающе монотонно убеждал шепчущий голос, с интонацией терпеливого школьного учителя, в сотый раз объясняющего прописную истину. – С вашими-то внешними данными, умом, обаянием и настойчивостью, вы обязательно добьётесь своего.

– Но ведь это же королева, а не какая-нибудь... очередная красивая кукла! – наверное, тоже в сотый раз возразил сильс. Впрочем, он выглядел неуверенным и явно начинал злиться.

Бороться с собой больше не было сил, и я ползком переместился за диван, в последний момент, на мгновение, выглядывая из-за бархатного валика. О, лондилум!.. Увиденное превзошло все мои даже самые смелые предположения.

Енлок Рапх общался с привидением!!!!

2

Рассказ фианьюкка захватил меня полностью. Я так и не задал ни одного обещанного мною вопроса, лишь изумлённо смотрел на маленького рассказчика, который так волновался, что под конец снова вскочил и, не в силах с собой справиться, стал ходить из стороны в сторону.

– Привидение? – заинтересованно переспросил я, тоже привставая на месте. – Какое оно было? Белое и прозрачное? С горящими глазами и открытой пастью?

"Какие странные призраки тебе встречались, – растерянно пожал плечами Айт. – Тот, с которым беседовал сильс, был плотным тёмным силуэтом, закутанным в плащ с накинутым капюшоном".

– А почему тогда ты так уверен, что это был призрак? Может быть, кто-то просто не хотел показывать своё лицо!

"Никакого лица-то не было вовсе! Одно чёрное ничто с горящими углями глаз. Кстати, эта жуть висела прямо в воздухе, чуть смазываясь по краям и изредка полыхая искрами. Иногда очертания силуэта мерцали и пропадали, впрочем, тут же появляясь опять".

– Гол로그램! – понимающе кивнул я. Айт приподнял брови и вопрошающе посмотрел на меня. – Пространственное изображение, одна лишь видимость, – пояснил я, – кино, иллюзия, пшик, обычная картинка для удобства общения. Ну, чтобы не разговаривать с пустым местом, или для психического воздействия – чтоб было страшно.

"Да уж. Это действительно выглядело весьма неудобно! Кроме того, складывалось впечатление, что Рашх, как привязанная собака, не может отойти от своего "хозяина" добровольно, хоть тот и представлял собой, как ты говоришь, иллюзию, пшик, какое-то непонятное кино".

И тут меня осенило:

– О, чёрте чотт! Так это ведь был магар! – я опустился на землю. Рассказываемая история всё больше и больше вызвала тревогу, тем более что новым действующим лицом в ней выступала сама королева. Оно и понятно: не одному же мне интересна её судьба. Я разозлился и опять подскочил на месте: – Так! Давай снова и по порядку!

"Как?! Сначала? – поразился Айт, с сомнением оглядываясь на меня. Наверное, я действительно выглядел странно: ещё пять минут назад слушал себе, прилежно сидя на камне, и вдруг подпрыгнул, как ужаленный.

– Да нет, конечно нет! Только о призраке! И... и о королеве.

Хорошо хоть фианьюкк пока ничего не спрашивал, только окинул меня внимательным взглядом и мысленно сказал:

"А что кроме сказанного? Я почти ничего не слышал. Скорее всего, ты прав! – Айт был задумчив и печален. – Это и на самом деле был магар, вернее, его призрачный дух. Но каков наглец! Магары в Ульдроэле – немыслимо!!!"

– А разве Ульдроэль не защищен от подобных визитёров? Хотя нет, это ведь была всего лишь картинка. Дело обстоит гораздо хуже, чем я предполагал. О чём конкретно говорили Сильс и магар? Может, ты попытаешься вспомнить как можно больше?

"Увы! Моя голова растеряла и слова того разговора, – уклончиво ответил фианьюкк, но, глянув на меня, добавил: – Но я попробую..." Он надолго задумался. Я не торопил.

Значит, Диллинь стала самой завидной и желанной невестой. Конечно, кто ж не хочет быть королём?! Я не хочу, – настырно возразил мой внутренний голос. Да уж, я точно не хочу... А что я хочу? Увидеть Диллинь и умереть? Так она не Париж, и умирать я, кажется, раздумал. А вот увидеть и... Что "i"?

"Жениться на Королеве!.. Надо ли говорить, что Енлок Рашх согласился. Конечно, кто же не хочет стать Королём? – рассказывал Айт Яэйстри. – Первоначальные со мнения были с лёгкостью забыты, и через некоторое время он уже был уверен, что столь прекрасная идея сама пришла к нему в голову. А магар... Магар только напомнил о ней, указав на благоприятность момента для её исполнения. Сильсы заслуживают всеобщего поклонения, они великие и неповторимые существа, – нащёптывал его вкрадчивый голос, – и кто кроме них достоин править этим миром? Тем более, что они и так находятся на вершине власти. Королева в любом случае должна будет выйти замуж. Пусть же рядом с ней окажется истинно достойный!

– Я! Я!!! – расхохотался Енлок Рашх. Теперь его глаза светились ещё большим безумием, чем мои. Я сжался за своим укрытием, с ужасом понимая, что явился свидетелем того, за что убивают на месте. Я почти не дышал, не зная, что делать дальше. Тем временем они перешли к обсуждению деталей своего грандиозного плана.

– Вы должны немедленно прекратить дуэли и нежелательные ухаживания, явив собой образец достоинства и благородства. Что вам стоит? – требовал, просил, приказывал едва слышимый голос. – Немного усилий – и все вокруг заговорят о великом лорде Енлоке Рашхе Хроссе, восхваляя его мудрость, силу и красоту! А мы поможем, что бы эти слухи как можно быстрее достигли ушей Королевы. Не вам же, в самом деле, хвастаться перед ней своими достоинствами?!"

Я сердито пнул камень, усакавший прямехонько в пропасть. Фианьюкк удручённо вздохнул и продолжил:

"Но Королева, несмотря на свой юный возраст, необыкновенно умна! – возразил сильс. – Потребуется время, прежде чем окончательно исчезнут сплетни и слухи обо мне.

– Но ведь это всего только слухи! – отмахнулся магар. – А жители дворца так любят развлечения, увлечения и приключения. Что ж, мы удовлетворим их глупые желания, и скоро Ульдроэль будет гудеть, как улей, восторженно восхваляя вас на разные голоса! Следуйте нашим указаниям, и вы станете героем номер один и первым претендентом на руку умной, но всё же очень неопытной Королевы.

– Слушаюсь, мой господин! – слишком манерно и с явным ехидством поклонился Енлок Рапх. – Мне остаётся только оправдать ваши и наши надежды!

– Мы будем следить за вами, лорд! – уже неотчётливо произнёс магар, тая в воздухе и теперь действительно напоминая привидение. Ещё секунда – изображение исчезло, завершив свой уход напутственным пожеланием: – Будьте осторожны и терпеливы! Пожалуй, это будет для вас самое трудное...

– Осторожным – да! А вот терпеть я начну, пожалуй, с завтрашнего утра! – гримасничая, ответил пустому месту сильс. Он гибко, по-кошачьи потянулся, хрустнул пальцами, отцепил от пояса оружие, которое, смеясь, закинул небрежно на диван прямо перед моим носом. Меч тяжело плюхнулся в мягкие подушки. Затем, пройдя в другой конец библиотеки, Рапх остановился перед полкой с восточной поэзией и, продолжая улыбаться, вынул несколько книг, сунул руку в образовавшееся углубление и чем-то там защёлкал. Полка, разворачиваясь, отъехала в сторону. За ней обнаружилась небольшая, тут же вспыхнувшая неярким светом комнатка.

Я был так заинтригован, что даже забыл прятаться, старательно вытягивая шею и заглядывая в образовавшийся проём. Рапх был занят механизмом двери и меня не замечал. Я осмелел и переполз поближе, по дороге утанув за собой его меч.

Теперь я перехожу к самому печальному моменту моей истории и признаюсь в своём бессилии и невезении. Там, в той самой комнате, на широком ложе спала моя жена. В первую секунду она показалась мне мёртвой, так безжизненно белело её лицо, безвольно замерли плечи, руки. Вдруг она застонала и едва заметно вздрогнула, как бабочка, попавшая в смертельную паутину. И только тут я заметил серебристые нити, опутывавшие всё её тело. Тэя и правда была поймана – сильнейшим магическим заклятием.

Что делать?!

Я был в панике.

Сильс завершил свои манипуляции и, издавая гадкие звуки, подошёл к моей Тэе.

– Ну что, несговорчивая моя прелестница? – ухмыляясь, поинтересовался он, освобождая её от пут, а заодно и от подвенечного платья. Ненасытно охватил взглядом её тело. Фиа застонала, приоткрыла глаза и с ужасом уставилась на сильса, с трудом обретая смысл происходящего.

Полка плавно вставала на привычное место...

Я истошно закричал и бросился в сужающийся проём.

Енлок Рапх оглянулся и досадливо поморщился, быстро прищёлкивая пальцами: дверь замерла.

– А ты здесь точно лишний! – зло проговорил он, поднимаясь ко мне навстречу. Бросил взгляд назад: беспомощная фиа, едва-едва шевелящаяся, пытающаяся прикрыться остатками одежды: – Никуда не уходи, моя красавица! Ха-ха-хаа!!! Я скоро! Не скучай без меня!

Я выхватил из ножен меч, выставляя клинок прямо перед собой, водя остриём по воздуху: он был огромен для меня, и его приходилось держать двумя руками.

– Осторожнее, не порежься! – издевался Енлок Рапх, резко отскакивая в сторону. Он забавлялся.

Я понимал, что у меня не будет второго удара. Я и с первым разом-то не знал, что делать. Моим оружием всегда была самопишущая палочка или обеденная ложка.

Я заорал и бросился на него, – чего тянуть время, да и помощь ждать неоткуда, – размахивая мечом, как мне казалось, сильно и непредсказуемо. Он даже не стал уклоняться, кинул мне чем-то увесистым прямо в лоб, кажется, лежавшим на столике у кровати апельсином, и ему только и оставалось, что поймать меня в воздухе, одно временно выбив подальше меч. Клинок звонко отлетел куда-то в сторону, а меня силъс перехватил поудобнее за шиворот, подняв вверх на вытянутой руке, как щенка. Тэяя пронзительно закричала. Я извивался, стараясь освободиться. Рашх выругался и сильно тряханул меня, выколачивая дыхание и последние шальные мысли. При этом он что-то стремительно чертил в воздухе.

Яркая вспышка света указала местонахождение только что созданного им портала. Часть стены исчезла, открыв крутящийся пространственный коридор, куда силъс и шагнул, волоча меня за собой. Последнее, что удалось увидеть, было побелевшее лицо моей жены, которая, забыв о растоптанном достоинстве и уничтоженном платье, гтепримиримо ползла за нами.

Тэяя..."

3

Солнце давно стояло в зените, давая столько света, что это воспринималось изошрённой пыткой. После тесной прохладной тьмы подземных коридоров синее небо оглушало безбрежностью и поистине царственным оттенком.

Мои друзья пока не прилетели, и я безуспешно всматривался в горизонт, не зная, с какой стороны ждать подмоги.

Пришлось снова оторвать лоскут от моей рубашки и плотно обмотать глаза фианьюкка: у него солнечный свет вызывал непереносимую боль. Тонкие, почти прозрачные веки не могли защитить большие глаза Айта. Сколько же должно пройти времени, чтобы он смог видеть днём?

– И куда утащил тебя Рашх? – осторожно возобновил я разговор. Он повернул ко мне замотанное лицо и глухо произнёс:

– Соол сун тоогро лоо, суфаа.

Немного помолчал и перевёл, переходя на мысленную речь: "Туда же, куда судьба занесла и тебя. Туда же, куда и всех остальных, чьи дороги пролегали через Лаба Тхун. Мы выскочили где-то высоко под каменным сводом, на самой верхней галерее. Силъс повредил мне горло, и я лишь хрипел, судорожно хватая воздух. Слова больше не удавались мне, а отдельные рваные звуки несли так же мало смысла, как и мой обезумевший взгляд.

– И куда ты лезешь, неужённый гадёныш?! – шипел Рашх, волоча меня к перилам смотровой площадки. – Не бойся, я тебя не убью! – тут он засмеялся. – Ты сам умрёшь! По собственной воле, от собственной глупости и скупости. Такой женой, как твоя фиа, грех обладать одному, да и куда тебе такое огромное сокровище, а? Ты хоть знаешь, что с ним делать? А теперь... Не хочешь делиться – не надо: пусть действительно достается только одному! Догадайся – кому?

Он стоял, что-то внимательно высматривая вокруг, а я корчился у его ног.

– Не-е-ет! Я не буду пачкать о тебя руки! А если позже спросят, виноват ли я в твоей смерти, что ж, отвечу правду – нет! А жёнушка, прекрасная Тэяя (в его устах это имя звучало почти кощунственно), твоя *бывшая* супруга, будущая вдова, пренебреженно обо всём забудет! Уж я постараюсь – будь спокоен... Есть масса средств!

Тут он вдруг наклонился ко мне, подхватывая подмышки, и поставил на ноги, прижимая к парапету.

– А вот и тот, кто нам нужен! – промолвил Рашх, вытаскивая из-за пояса крошечный излучатель и вкладывая его мне в ладонь, крепко сжал мои пальцы своими и, не отпуская мою руку, прицелился куда-то вверх – хотя, что там могло быть ещё выше? – и выстрелил. Голубой лучик рванулся к невидимой жертве.

Короткий вскрик возвестил о точном попадании. Но я уже и сам видел того, кто на свою беду оказался рядом: странное круглое создание, размахивая толстыми ножками, нелепо кувыркалось в воздухе и падало, катастрофически падало вниз.

– Сюда! Лети сюда! – громко закричал Енлок Рашх, драматично протягивая к не му руку. Оно услышало и поверило, из последних сил дотянуло до нашей площадки, неуклюже спикировав прямо нам под ноги.

– Ошибочка вышла, – пробормотал силс и снова прицелился моей рукой. Я сопротивлялся, но безуспешно: проще было бы воевать с дракаурдом. Голубой лучик вспыхнул снова и упёрся в выпученный глаз раненого существа. Глаз брызнул, оставляя вместо себя безобразную дырку, ножки взбрыкнули и обвисли – несчастный толстяк был мёртв".

– Бедный жепоб, – вспомнил я смешной летающий мешок, виденный в подземном городе. – Это самые глупые и безобидные создания, которые я когда-либо встречал.

"Да, бедолага, – кивнул фианьюкк. – Впрочем, для него-то мучения кончились, а для меня же только начинались... Откуда-то появилась целая стая летающих лягушек с синими седоками. Тогда я почти ничего не соображал и был не в состоянии вслушиваться, о чём они разговаривали с Енлоком Рашхом. Его голос болезненно отдавался в моей голове: требовал, обличал, взывал о наказании. Меня никто не спрашивал, впрочем, моё повреждённое горло всё равно не издало бы ни одного членораздельного звука. Потом я, наконец, потерял сознание, а с ним и свою свободу, ибо очнулся я только на каторге, с биркой на шее и отчаяньем в душе. Рядом стоял эагрэшт и плотоядно улыбался..."

Фианьюкк задрожал и запрокинул к небу замотанное лицо.

– Айт, дружище, держись! Слышишь, это уже позади! Не надо о каторге.

"Это жуткое место, жуткое. Однако в чём-то справедливое. Знаешь, эта жидкость в котлах чоттов обладает множеством удивительных свойств: мало того, что она способна невероятно долго продлевать жизнь тела..."

– Ничего себе, долголетие, – фыркнул я. – Была охота стать живой мумией!

"Зря смеешься, – возразил Айт. – Большинство готово жить в любом виде, лишь бы не умирать. Такое понятие, как душа их мало заботит. Впрочем, оно и до этого ничего для них не значило".

– Но только не для тебя! Как я успел тебя изучить, ты просто душа-парень!.. Постой, но если ты действительно таков, то это же несправедливо! И куда смотрели йокли?!

"В данном случае, синие стражи смотрели на знакомого нам сиятельного лорда, – вздохнул фианьюкк. – Я их понимаю: что называется, налицо свежий труп и рядом с ним я с орудием убийства в руке, сказать ничего не могу, зато может объяснить произошедшее всеми уважаемый и мудрый силс, так кстати оказавшийся поблизости и – о, удача! – схвативший злостного преступника. Ко всему прочему, добавляется мой безумный взгляд и нечленораздельный хрип, ничего или наоборот всё объясняющий: свихнувшийся от потрясения финюк, – Айт горько усмехнулся, – понятно, потерял жену, да в первую брачную ночь! Решил найти виноватого да не выдержал – стал палить по всем подряд. Ай-ай-ай! Впрочем, причина не смягчает наказания. К тому же, у йоклей была дополнительная, последняя возможность проверить мою невиновность".

– И что же они?! – не выдержал я. – Не проверили?

"Не спеши, а то успеешь! – уже более расслабленно улыбнулся Айт. – Так вот. Возвращаемся опять к известным нам котлам. Как я и говорил раньше, варево в них обладает поистине чудодейственными свойствами, одним из которых, кроме продления жизни, является определение виновности или невиновности заключённого. Да-да, и не смотри так удивлённо. Я и через повязку чувствую твой взгляд. Вновь прибывших по очереди бросают в первый котёл. Если кто-то из них идёт на дно, его проваривают минут десять (с этого момента начинается необратимая реакция превращения в мумию), затем вытаскивают и складывают в штабеля. Если же он не тонет (как я, например), а это бывало крайне редко, то его тут же вылавливают и складывают в специальное место до последующего разбирательства. Считается, что с ним что-то не так: возможно, проверяемый невиновен и попал на каторгу по наговору или по ошибке – что ж, всякое случается! В этом случае полагается ждать до повторного разбирательства. Йокли же, в свою очередь, не торопятся – ждут, когда наберётся таких странных непотопляемых штук хотя бы пятьдесят. Ради меньшего количества, по их мнению, не стоит прибывать в такое

отвратительное место, а эти, якобы невиновные, не так уж и не виновны, как они считают, чтобы не подождать немного. Их судьба, говорят они, не настолько глупая особа, чтобы впустую устроить им испытания. Без причины и прыщ не вскочит, не то что..."

– Что ж, в их словах есть определённая доля истины, – задумчиво пожал плечами я, но, взглянув на ещё более задумчивого Айта, торопливо добавил: – Но я, конечно, не имел в виду...

"Да нет. Наверное, в этом действительно есть какая-то справедливость. У меня было столько времени подумать о своей жизни, и я пришёл к весьма неожиданным выводам, – вздохнул фианьюкк. – Тот молодой талантливый фиа – страстно влюблённый жених, восторженный Айт-до-каторги – кажется мне теперь таким смешным и ненастоящим, мне, который переступил черту смерти и стал Айтом-после-каторги, тем существом, которое живёт дальше только ради своей единственной мечты. Ах, Тэйя..."

Далёкий призывный рёв оборвал наши совместные душевные блуждания. Со стороны заметно снизившегося солнца быстро приближалась тёмная точка.

4

Я впервые видел его во всём великолепии. Тот предыдущий раз, когда в ярком контрасте пламени и ночи я выхватил лишь грандиозный образ могучего зверя, пышущего огнём и злостью, вряд ли можно было назвать нашим первым знакомством, и теперь я со смешанным чувством опасности и восхищения наблюдал, как вырастает в небе силуэт гигантского ящера. Каждый взмах кожистых крыльев стремительно пожирал разделявшее нас пространство, и если бы не излишество устремлённых вперёд голов, я бы, может быть, начал подумывать о круговой обороне.

Фианьюкк торжественно замер рядом, всем своим незрячим существом впитывая ответственность момента. Он повернулся в сторону приближавшегося Змея, каким-то образом безошибочно определив, откуда тот должен появиться.

Уже стала различима крошечная мальчишеская фигурка, вжавшаяся в линию гребня на чешуйчатой холке, прямо у основания средней шеи. Мальчик что-то звонко вопил и размахивал одной рукой, вторую плотно прижимая к своей груди, будто держа небольшой свёрток. Из-под плотно сжатых драконьих когтей на одной лапе беспорядочно торчали четыре страусиные ноги, и я со смехом отметил, что Иичену тоже путешествует вместе со всеми, хоть и таким забавным способом. Впрочем, он, наверное, не видел в этом ничего потешного.

Интересно, а где же дофрест? Хотя с такого расстояния разглядеть миниатюрного Враххильдорста вряд ли представлялось возможным.

И вот Змей распластался и завис, раскинув крылья над нашей площадкой. Освещенное солнцем брюхо горело и переливалось тысячами огней, преломляя солнечный свет, как кольчужная броня. Крылья его трепетали, ловя потоки восходящего воздуха. Дохнуло горячим и острым запахом уставшего исполинского зверя. Редкие травинки прилепились к каменистой поверхности, прижатые порывами ветра от каждого взмаха широких крыльев, да мы и сами вжались в землю, опасаясь, что Горынович сметёт нас вниз каким-нибудь неосторожным движением.

– Дядя Вася!!! – орал Фастгул'х, молотя от восторга ногами. – Ура! Вы живы!

"Ну, чего? Налюбовался?" – вдруг ехидно поинтересовался Горынович, разворачиваясь к нам боком, при этом целые комья сухой земли взметнулись в воздух и заскакали по всей площадке.

"Пал ниц пред когтями вашего чудовищного великолепия! – хмыкнул я, впрочем, действительно втираясь лицом в камни и цепко притягивая к себе невесомое тельце Айта: того гляди, ещё улетит в небо, лови его потом! – Нам пора занимать места согласно купленным билетам?"

"Вам в первом классе или во втором?! – хохотнул Зорр, причём одна из голов поперхнулась и плюнула струёй раскалённого воздуха, едва успев отвернуться в сторону – Не смейся, а то полетите в виде бифштекса. Где твой нахлебник-то? Это, что ли, вот тот заморыш, что замер у тебя под боком? Ну и вкус у тебя, Василий!"

"Я ж не обедать им собрался!" – улыбнувшись, возразил я.

"А что ты им собрался?! Ладно, долетим – разберёмся! Пихай его под одежду! Придётся нести вас, как и иича... До первой остановки, само собой. Извини, посадочная площадка маловата-с: я-то сяду, а вот от вас, на которых я и сяду, мало что останется, так что клади его за пазуху, замри и ничего не бойся!"

"Размечтался! Пусть боятся..." – я так и не успел придумать, кто же должен бояться вместо меня. Нас придавило ураганным ветром, тряхнуло и рвануло вверх, больно ударив по рёбрам. Я лишь изумлённо выдохнул и поплотнее прижал к себе фианьюкка, прохладным комком замершего у меня под рубахой. Фатш Гунн неудобно давил подмышкой, но переместить его уже не было возможности – мы были плотно зажаты в капкане когтей. Из соседней когтистой клетки на меня с пониманием и весьма сочувствующе смотрел Иичену. Я крикнул ему что-то ободряющее, но мой голос унесло ветром.

5

Под облаками было холодно. Воздух обжигал горло и перехватывал дыхание. Кожа покрылась пупырышками и саднила. Но больше всего меня волновали развязавшиеся шнурки на левом ботинке: последующая перспектива путешествовать босиком вызывала стойкое недоверие. По нашей русской привычке я таки изловчился и подтянул к себе ногу, уперевшись подошвой в ближайший коготь. Вздохнул с облегчением и, наконец, огляделся.

Горный хребет внизу плавно изгибался и разделялся на три направляющих, удачно копируя моего крылатого друга. Вершины топорщились острыми пиками, выстраиваясь в каменный гребень. Казалось, что внизу распластался и замер гигантский дракон, – этакий "папа" всех драконов, – и в данный момент мы пикировали ему прямо на спину, снижаясь по скручивающейся спирали, метя в ложбину между зубцами. Густая тень скрывала относительно ровное пространство размером с небольшую деревенскую площадь. Почти касаясь лапами земли, поднимая крыльями облака пыли, Горынович разжал когти. Я почувствовал подошвами твёрдую почву. Не удержавшись на ногах, тяжело осел на камни и огляделся, трясая закружившейся головой. Рядом, колыхаясь перьями и расплзаясь всеми четырьмя ногами, шмякнулся Иичену: его тоже укачало. Мы красноречиво переглянулись.

– Чу-чуу-чу... – едва слышно пробубльнул иич.

– Согласен, – кивнул я.

– Дядя Вася!!! – сзади налетел импровизированный смерч, чуть не уронив меня окончательно. Маленькие ручки плотно обвили мою шею.

– Где ты был??? – прокричал мне прямо в ухо Фастгул'х.

– Гулял! – радостно ответил за меня подошедший Зорр. Я и не заметил, как исчез трехголовый ящер, в мгновение ока преобразившись в усатого парня. – Смотри, какое пузо нагулял! Да ладно, хватит дуться, душа моя! – Он заулыбался и вдруг почти обиженно добавил: – Если б ты знал, как мы переволновались! Перерыли всю округу. Один Врахх знает... Да, кстати, он один легкомысленно твердил, что, мол, всё в полном ажуре, и ты обязательно найдёшься.

– Сказать, что я счастлив – так мало, – с облегчением ответил я, вытягивая мальчика в зону видимости. – Фастх!!!

Под рубашкой зашевелился фианьюкк.

– Кстати, а где этот всезнающий пройдоха? Где Враххильдорст? – спросил я, освобождая из-под одежды Айта.

– Да здесь я, здесь! Соскучился? – раздался сбоку долгожданный голос дофреста. – Можно подумать, что я могу куда-нибудь провалиться!

– Можно подумать, я могу! – усмехнувшись, я с нежностью созерцал пушистого дракончика, восседавшего на соседнем камне. – Хотя, пожалуй, что могу. Вернее, уже смог! Послушай, шустрый и проницательный: ты случайно не заглядывал в один подземный город? А то местный йокль говорил, что видел очень похожего...

– Кого? Меня?! Какой-то йокль?! – притворно возмутился Враххильдорст, шмыгая носом.
– Делать мне нечего, как...

– Чтоб мне огнём подавиться!!! – вдруг изумлённо вскрикнул Горынович, прерывая нашу шутистую болтовню и неприлично тыкая пальцем в фианьюкка, которого я, наконец, освободил из-под своей рубашки (при этом повязка соскользнула с его лица, и он жмурился, прикрывая глаза ладонями). – Чтоб у меня четвёртая голова отросла, если это не писец Яэйстри!!!

Они так и замерли друг перед другом: Айт – настороженно, подслеповато вглядываясь и вслушиваясь, Зорр – с восторгом и прибывающей жалостью.

– Айт Яэйстри... Это точно вы?.. Ты?!.. – было видно, как сомнения всё более охватывали хийса: похож или не похож? Может быть, и не тот вовсе? Он и сам уже не знал, почему назвал это жалкое существо пропавшим фианьюкком. Так бывает, когда мельком увиденный прохожий вдруг кажется давно знакомым, но чем больше вглядываешься в него, тем более удивляешься – совсем непохож! И как так могло показаться – непонятно. Надо же... А может быть и на самом деле – он?

– Да он это, он! – ответил я за Айта. – Подожди, а вы знакомы? Хотя, что за вопрос – конечно, знакомы!

– Конечно, – задумчиво кивнул Горынович, внимательно рассматривая молчавшего фианьюкка. – Лорлоо сунна умт. Ла рил луу?

– Луу рил, умт самда туниву ла! – вздрогнув, будто проснувшись, пробормотал тот. Затем встрепенулся и, захлебываясь, затараторил, забыв про слепящее солнце, во все глаза глядя на стоявшего рядом Зорра: – Ло! Ло! Сунда ма унни ма умт! Лоо!

– Он ещё мысленно может, – зачем-то добавил я и вдруг забеспокоился: – Лицо надо завязать – ему же больно!

– Его надо одеть! – звонко вмешался Фастгул'х, тут же начиная раздеваться, торопясь и от этого только запутываясь в одежде. За ним обеспокоено топтался Иичену.

– Ага! И накормить! – поддакнул Враххильдорст, впрочем, не двигаясь с места и лишь красноречиво почёсывая своё толстое брюшко.

– Как же это тебя угораздило? – присел рядом с фиа Горынович, озадаченно теребя усы. Все разом переключились с меня на фианьюкка.

Айт оглядел нас и расплакался: судорожно, безголосо, так и не уронив ни единой слезинки – все слёзы были давным-давно уже выплаканы.

6

– Вот так и обзавёлся ещё одним спутником! – закончил я свой рассказ, окидывая взглядом всю нашу честную компанию.

Айт спал, укутанный по самые уши, счастливо посапывая во сне, впервые за время нашего знакомства напоминая не уродца, а ребёнка какого-то миниатюрного сказочного народа.

Пылал костер, зажжённый хийсом. К моему удивлению он просто дохнул на ближайшую кучу камней (это в человеческом-то обличье!), и та прилежно загорелась, и горела, кстати, до сего момента: ровным синим пламенем, без вспышек и затуханий – забавно, необъяснимо, но очень удобно, не правда ли?

Мы молчали, по очереди посматривая то на нашего нового "товарища", то на Фатш Гунн, лежавший рядом со мной.

– А что за пилюли подарил тебе гном? – первым нарушил паузу Горынович. – Дай-ка глянуть.

– Шарики как шарики, – я протянул ему мешочек. – Состав мне не объяснили.

– А и не надо! – усмехнулся Зорр, высыпая содержимое себе на ладонь. – Ну-ка, посмотрим! – отложил мешочек и накрыл горошины второй рукой, что-то невнятно бормоча себе в усы. Шарики вспыхнули и замерцали голубым, просвечивая сквозь не плотно сомкнутые

пальцы. – Ого-го!!! Серьёзные таблеточки! – только и выдавил он, торопливо ссыпая их обратно и отдавая мне.

– Что, кусаются? – насмешливо поинтересовался я, затягивая верёвочку и убирая подальше ценное лекарство.

– Волшебные?! – восхищённо констатировал Фастгул'х, внимательно наблюдая за происходящим.

– Считай, что так, – улыбнулся Горынович, взъерошив волосы малыша. – Ой-ой-ой, какие волшебные! Думаю, туда входят корень Мардровира и синяя смола, мёд, желчь, яд, соль, перец, толчённый дроид, лук, цах, кора люрсоита и... и наверное, ещё целая куча всего, о чём я и понятия не имею, – он улыбался всё шире.

– Впечатляет! Кстати, их осталось только восемь! – не обращая внимания на иронию в его голосе, сказал я. – Восемь шариков – восемь дней жизни Айта. Если уж мы решили дружно принять участие в его судьбе, давайте возьмём фианьюкка с собой к Ушраншу? Насколько я понял, Оллис Ушранш – это гипотетическая фигура, кое-что смыслящая в жизни и смерти?

– Что ж... – посерьёзnel Горынович. – Я не против.

– Возьмём, возьмём! – захлопал в ладоши Фастгул'х.

– Тише! – улыбнулся Врахильдорст, до этого молча наблюдавший за нами. Он выуживал из ближайшей котомки сухие хлебцы и тихонько ими похрустывал, роняя крошки себе на живот, где они благополучно застревали в густой шёрстке. – Конечно, возьмём. В конце концов, не здесь же его оставлять. Да и глян-ка на "дядю Васю": и йоклю понятно, что он теперь ни за что не расстанется со своим новым ценнейшим приобретением! – он с сожалением обнаружил, что запасы сухарей подошли к концу.

– Так, значит, в Лабия Тхуне был, всё-таки, ты! – я погрозил дофресту пальцем: – Был и не выручил! Это значит, что я мог бы не продираться через чоттовый отстой, то есть каторгу?! Да ты... да ты!..

– Я – это я! – спокойно отвечивал Врахильдорст, совершенно не обращая внимания на мой праведный гнев, а занимаясь чисткой своей шубки. Он как раз выудил внушительную крошку, придирчиво оглядел её со всех сторон, положил в рот и, захрустев, продолжил: – Пора бы перестать обижаться. Сколько можно? В конце концов, тогда бы ты не встретил ни Севу с тэлийей, ни йокля, ни черхадда, ни фианьюкка, – он деловито загибал пальцы. Я молчал. Он, снисходительно улыбаясь, закончил: – Выгода очевидна. По глазам вижу, что ты совершенно согласен.

Я что-то невнятно пробурчал в ответ – у меня не было слов. И ведь прав же паршивец?! Кто скажет, что неправ?

– Как бы то ни было, есть в этом что-то несправедливое, – вздохнул Фастгул'х. – Неужели нельзя... Чтобы дядя Вася сразу же к нам вернулся?

– Нет, дорогой, нельзя! – обнял его Горынович. – Ты ещё маленький, но скоро поймёшь, что невозможно достичь многого, не преодолев многое. Где же тогда победа? Не может же добрый молодец просто так взять и найти за первым поворотом меч-кладенец, коня да красну девицу. Что ж это за история тогда получается? Один сплошной счастливый конец.

– А разве это плохо? – не сдавался мальчик.

– Да нет, не плохо, конечно, – вздохнул хийс, задумываясь и явно начиная грустить. – Однако, молодцами не рождаются: молодцами становятся!

– Это уж точно! – улыбнулся я, поигрывая плечами. – Видишь, какой я стал!

– Ну-ну! – хмыкнул Зорр. – Да будет тебе известно, что герои в сказках не плечами, а друзьями сильны. Так-то вот! А у тебя этого добра, считай, навалом! Даже если меня возвести в ранг боевого коня, а дофреста считать мечом-кладенцом, то всё равно ещё остаются малыш с Иичену да фианьюкк впридачу.

– Тебя сделать конём... – придирчиво разглядывая Горыновича, проговорил я. – Да, в этом что-то есть! – я не выдержал и рассмеялся: – Какой ты, право слово, жертвенно-уступчивый!

Тут Айт тревожно забормотал во сне и, не открывая глаз, сел. Лицо его потемнело и пошло пятнами. Глазные яблоки под закрытыми веками задвигались из стороны в сторону, будто он пытался поймать взглядом суетящуюся вокруг лица муху. Он захрипел, ловя ртом воздух, выпнулся и повалился на спину, как в предсмертной агонии, мелко трясаясь всем телом. Всё произошло так быстро, что мы ничего не успели понять. Зорр подскочил, озираясь вокруг, явно ища внешнего врага. Дофрест замер, наконец перестав жевать. Иичену встревожено забулькал, заглядывая через плечо испуганного Фастул'ха. Я смотрел на фианьюкка, судорожно соображая, что же происходит... О боже, таблетки!!! Но ведь день ещё не прошёл? Или всё же?... Когда Бэбэлэнц скормил ему первую пилюлю?

– Дядя Вася! Лекарство! То самое, волшебное! – как будто услышав мои мысли, прокричал мальчик.

Я протянул руку, ища драгоценный мешочек, но Горынович уже подавал мне его в развязанном виде. Фианьюкк едва дышал. Я вложил в его раскрытый рот одну горошину. А дальше? Глотать ведь он сейчас не может. В следующий раз лучше дать лекарство заранее – пусть жуёт себе на здоровье! Если этот следующий раз случится...

Горошина выпала. Я поймал её и вложил снова, проталкивая фианьюкку за щеку поглубже. Ну, давай, растворяйся! Водой тебя залить, что ли?... Пилюля вдруг вспыхнула и исчезла. Как от вставленной в фонарик батарейки тело Айта засветилось – всё сильнее и сильнее – пока не загорелось, как электрическая лампочка. Я невольно отвернулся: слишком ярко! Ещё секунда, и импровизированная лампочка погасла.

– Уже ночь? А сколько же я спал? – раздался спокойный голос Айта на чистейшем русском языке.

..Любовь, – вздохнула девушка. – Любовь... Пожалуй, это единственное чудо, которое свершается в этом мире. Что ж, мы ищем понимания, потому что ищем любви, и мы ищем любви, потому что любим. Я понимаю. Или думаю, что понимаю, – улыбнулась она. – Мой муж выразился бы проще. Любовь – это пространство и время, ставшие доступными восприятию сердца, сказал бы он, – тут она не выдержала и рассмеялась, легкомысленно махнув рукой. – Да что это я, право слово?

ГЛАВА 18. ВАСИЛИСА.

*Mas no pedi de ti, tu mundo sin virtud,
Que en el aire y en mi un pedazo de azul.
A otros la ambicion defortuna y poder;
Yo solo quise ser con mi luz y mi amor.*

*Мир зла, мне от тебя не нужно ничего –
Лишь синевы кусок от неба твоего.
Другим – успех и власть, весь рай твоих сует, –
А мне оставь любви во мне поющий свет.*

Луис Сернуда.

1

Фианьюкка было не узнать. Загадочные пилюли Бэбэлэнца действительно творили чудеса: Айт преобразился, значительно увеличился в размерах, чуть потолстел и подрос, напоминая теперь скорее немного измождённого подростка, нежели чем раскопанную мумифицированную древность. Но больше всего радовало то, что к нему потихоньку стала возвращаться память. Его необыкновенная способность к языкам постепенно восстанавливала сожжённые страницы знаний, и мне было приятно, что первое воспроизведённое им слово оказалось русским. Вот как хотите, а приятно!

– После заката у тебя появилась почётная обязанность, – говорил, озабоченно ковыряясь в зубах, Врахильдорст. – Будешь работать волшебником, Василий. Магом и кудесником.

– Скорее учётчиком и раздатчиком, – улыбнулся я. – Пожалуйте, больной, ваше лекарство!

Фианьюкк сидел и широко улыбался: он был согласен на что угодно.

– А знаешь что, – внезапно, даже для себя самого, я вдруг протянул Айту пилюли. – На, возьми! Ты уже совсем большой мальчик... Вернее, полноценный женатый мужчина. Чего мне от тебя, как от ребёнка, прятать таблетки? Ты и сам прекрасно справишься: одну в день глотай и гулай, парень! Усвоил?

Он машинально принял от меня мешочек – ладонь качнулась, как будто бы тот был неимоверно тяжёл.

– Я... Мне... Это так... – Айт растерянно переводил взгляд то на меня, то на дофреста, то на подарок, лежавший в его руке.

– Хм, правильно, – кашлянул Горынович, прочищая горло. – Главное – не пропустить время, а то будет, как в прошлый раз. Короче, горошину за щеку, и даже жевать не надо: знай, жди превращений. Раз, другой, глядишь, станешь как прежде – молодой и красивый. А то смотри – родня не узнает!

Будничный голос Зорра скрадывал неожиданную торжественность момента. Фианьюкк закивал, вздохнул и прижал к груди теперь действительно своё сокровище.

– Вот как раз за неделю и пройдёшь восстановительный курс, – неторопливо продолжал хийс, – а там, глядишь, отыщется и окончательное решение... – Зорр смутился. – Да и жена тебя совсем заждалась...

– Тэяя?! – вмиг просевшим голосом прошептал Айт. – Она жива?!

– Жива? А что, она должна быть в другом состоянии? – недоумённо переспросил Горынович и уже было пожал плечами, но, встретившись взглядом с фианьюкком, посерьёзnel и чётко, обстоятельно доложил: – Фиа Тэяя, твоя жена, конечно же жива и в данный момент находится во дворце – а где же ещё? – у лесных аюнн.

– Она больна? В опасности? – казалось, ещё секунда и фианьюкк не выдержит – закричит, заплачет или упадет в обморок, – таким восторгом и ужасом засветились его глаза. – Раз у аюнн – значит, что-то не так!

– Айт, успокойся, пожалуйста, – вздохнул Зорр, – ей ничего не угрожает, поверь мне. Ну, хорошо! Рассказываю всё, что знаю, только ты отдышись, а то я не буду...

– Да-а, – едва выдохнул тот, волевым усилием приводя себя в чувство.

– А кто такие аюнны? – не выдержал я, теряя нить событий из-за незнакомого мне слова: теперь до кучи ещё и аюнны какие-то.

Зорр с фианьючком переглянулись.

– Аюнны, – сказал Айт, – это удивительнейшие, фантастические существа. Чудо, что они соглашаются жить во дворце, а не летают где-то в заоблачных высотах.

– А чего с вами не жить-то! – оборвал его восторженные речи Горынович. – Тем более, они почти что ваши родственники, даже внешне похожи. Только вы – писцы и секретари, а они – лекари и учителя.

Айт не нашёлся, что ответить, лишь с непонятым выражением посмотрел на Зорра – ну, причём здесь это? – и замолчал окончательно.

– В ту ночь, во время карнавала, когда вы оба исчезли – да-да! И ты, и фиа Тэя! – тогда, вернее уже под утро, случился грандиозный переполох! Вас искали все жите ли дворца: как ты понимаешь, Айт, безрезультатно. Более того, не сохранилось даже следов – вы как будто в воздухе растворились. Не помогли ни магическая ворожба, ни эктоидный анализ, допросы, расспросы... ни вызванные из болот псы-фурры – это такие звери, которые улавливают не только запах, но и остатки чувств, зависшие в воздухе и осевшие на предметах, – опережая мой вопрос, лично для меня пояснил Зорр.

– Ни-че-го! Абсолютное и ошеломляющее ничего!

– Вы же там такие... такие... – я оглянулся на погрузневшего фианьючка и не нашёл подходящего слова. – Как же так? Чтобы вообще и ничего?

– Такие, такие! – сердито пробурчал Зорр. – А получается, что и на нас, разэтаких нашлась управа! Кто-то очень постарался и, как я только теперь понимаю, не без посторонней помощи.

– Я видел, как силъс Енлок Рашх Хросс разговаривал с изображением магара! – вдруг решительно заявил фианьюкк. – Об этом я сказал Василию. Теперь и вы знаете тоже!

– Что??? – привстал на месте Горынович. – Опять этот... Енлок Рашх?! – сказал, будто выругался. – Когда же это, наконец, закончится?!

Айт растерянно заморгал.

– погоди-ка! – не унимался хийс. – Как могло случиться, что ты оказался в этот момент рядом с ним? Что ты там делал – около Рашха?

Фианьюкк смутился окончательно и потупился, не зная – как сказать, как объяснить, не имея сил повторить снова всю свою историю. За него ответил я:

– Чего-чего... Чего надо! – я улыбнулся и ободряюще подмигнул Айту. – Шлёпанцы искал и ночную рубашку, горшок, снотворное, а заодно и украденную жену. На что только не наткнёшься, когда занят активными поисками. Куда уж вашим псам, как их там, дуррам!

– Ну-ну, – оценивающе окинул меня взглядом Горынович, совершенно не собираясь шутить в ответ. И это его "ну-ну" сказало мне больше, чем длительный, обстоятельный монолог. Я понял, что Зорр каким-то образом уяснил суть произошедшего в деталях и лицах, как будто прокрутил назад киноплёнку. – Значит, выражаясь твоим человеческим языком, ясно как божий день: кто где, кто с кем и кто на кого работает, – он надолго задумался и, наконец, подытожил: – Плохо. Очень плохо!

– Моя жена?... Тэя?... – напомнил фианьюкк, умоляюще глядя на хийса.

– Тэя, – задумчиво повторил за ним Зорр. – Исчезла одновременно с тобой не известно куда, и неизвестно откуда внезапно появилась ровно через месяц – прямо посреди гостевого зала, материализовавшись точнёхонько на королевском обеденном столе, благо, было не время трапезы. С того момента так и не произнесла ни слова.

– А... – начал было Айт.

– Нет. Прочесть мысли не удалось: она заблокировала своё сознание. Можно назвать её состояние сумасшествием или потерей памяти, как и считают многие, но лично мне кажется,

что она просто не хочет ни с кем разговаривать. Или не может... Слишком поглощена внутренними переживаниями.

– Она ищет меня! – чуть слышно прошептал фианьюкк.

– Что? – вздрогнув, переспросил Горынович.

– Да, да! – сбивчиво пояснил Айт. – Её тело находится во дворце, а разум плутает в лабиринтах миров. Вот почему я смог выжить в подземном чистилище, вот почему мне иногда грезились её зовущий голос, вот почему иногда я чувствовал прилив сил и мужества. Она прорывалась ко мне сквозь пространство и время, давая надежду и спокойствие. Теперь понятно, почему она живёт у аюнн.

– Теперь и мне понятно! – задумчиво кивнул Горынович.

– Даже и я, кажется, догадался, – улыбнулся я. – Эти самые аюнны знают, что Тэйя путешествует, оставив на их попечение своё бесценное тело, которое необходимо беречь и охранять. Вдруг что – и возвращаться будет некуда.

– Не говори так! – взмолился фианьюкк, всплещивая руками. – Аюнны – великие целители. Им удастся, им обязательно удастся спасти мою Тэйю!

– А тут и ты подоспеешь, – бодро подхватил я. – Вот заглянем к Оллису Ушраншу и бегом, то есть на крыльях, во дворец!

Айт грустно вздохнул. Впрочем, его глаза светились непоколебимой решимостью. Что ж, ничто не приходит само собой, ничто не дается заранее – всё создаётся или достигается, было бы желание и упорство, а того и другого фианьюкку явно не занимать. В конце концов, самый короткий ответ – ответ действием.

– Всё-таки, кто такой этот загадочный Оллис Ушранш? – перевёл я разговор в другое русло, стараясь отвлечь Айта от тоскливых размышлений. – Кощей Бессмертный, или кто похуже? И почему он должен нам помогать?

– Должен, не должен, – отозвался Враххильдорст. – Кто бы ему сообщил, что он кому-то чего-то должен. Вот бы он повеселился! – он хмыкнул и перевернулся к огню другим боком, а к нам, соответственно, гребенчатым хвостом.

– Кошеем Бессмертным его прозвали люди, – продолжил за него Горынович. – Худой, высокий, почти кожа да кости, живёт бесконечно долго, кто такой – неизвестно, но без сомнения – могущественный колдун. Естественно, и прилепилось к нему прозвище "Кощей Бессмертный". А ОН не он, а кайшр! К-а-й-ш-р! Понимаешь?

– Нет! – честно признался я. – Но я запомню! Кайшр так кайшр! А что это за зверь, и с чем его едят?

– Кайшр не зверь, и его не едят, – покачал головой Зорр, отказываясь шутить на эту тему. – Кстати, так его называли тоже люди, но очень и очень давно. Говорят, что когда он свалился на Землю, в небе это выглядело падающей звездой.

– Упал на Землю? Так он инопланетянин?!

– Как вы, человеки, любите тотчас всё обзывать и развешивать бирки: то, это, – проворчал Зорр. – Конечно же, он не здесь родился, но при чём тут инопланетяне?

– Но если не на Земле, значит – вне её! – возразил я. – Ино-планетянин! Ити!

– Сам ты "иди"! – передразнил меня Горынович. – Как будто мало мест, откуда можно свалиться хорошему человеку, вернее, кайшру.

– Лабиа Тхун, например!

– То-то и оно! – многозначительно поднял брови хийс, перевёл взгляд на заснувшего Фастгул'ха и добавил: – Вот, к примеру, вулфы – очень странные существа, и сказать, что они родились на Земле и живут на ней, было бы весьма спорно: и да, и нет.

– Или взять хотя бы хийсов, – улыбнулся я. – Также не примитивный вариант жизни. Кто такие, откуда? Земной хийс – ха! Звучит, как зубастый звездный цыплёнок.

– Ещё слово, и я скажу, что вы все действительно произошли от обезьяны! – в тон мне насмешливо ответил Зорр. – Все, даже дафэны!

– Собственно, все, и даже я, не отрицаемся, – старательно закивал я.

– Да уж, – только и хмыкнул Горынович. – Какая солидарность с далёкими предками! Но позволю не сбиваться на бананы и лианы. Впереди нас ждёт не стадо твоих горячо любимых родственников, – он улыбнулся, – а великий кайшр. Да-да, великий и, некоторые добавляют, "ужасный". Но, увы, и это далеко не вся правда. Начать хотя бы с того, что слово "кайшр" обозначает "пленник". Он и есть пленник – тот, кого многие тысячелетия не отпускает этот мир. Это длится уже очень долго, ибо смерть над ним не властна.

– А как же – "в зайце утка, в утке щука, в щуке яйцо, а в яйце иголка"? – мне вспомнилась народная сказка. – У иголки-то кончик Иван-царевич вроде бы отломил? "Тут и смерть кощева пришла"! – бодро процитировал я.

– Не пришла. Госпожа в белых одеждах, уж поверь мне, не связана ни с каким кончиком иглы... или не-иглы. Тем более, что Оллисс Ушранш, так называемый Кощей Бессмертный, является лишь частью единого целого – всего того, что находится где-то вне Пределов, за границей этого мира, – туманное объяснение Горыновича не только не вносило ясности, а наоборот – всё более усугубляло непонимание. – Поэтому окончательно его убить можно, только убив и всех остальных, таких же, как и он, – тех, которые не здесь...

– А почему кайшр не уйдёт к тем самым "остальным", которые где-то "там за границей"? – недоумевал я.

– Однажды, очень давно, Ушранш признался бабе Яге, что ему не хватает ... не помню... какого-то предмета, – задумался Зорр. – Будто бы при падении, когда он был без сознания, у него украли одну важную вещь, а без неё он не может позвать своих на помощь и сам не может вернуться назад.

– Застрял? – посочувствовал я ему. Во мне опять зашевелился таинственный дафэн, который, как я уже усвоил, терпеть не мог, когда кто-то попадал в подобные ситуации. – Скверная история.

– Да уж, ничего смешного. И было бы гораздо печальнее, если бы не одно смягчающее обстоятельство! – Горынович загадочно улыбнулся и сделал эффектную паузу.

– И?... – первым не выдержал я.

– Догадайся с трёх раз!

– Любовь, конечно же?... – не раздумывая, предположил я. – Нашлась какая-нибудь милая барышня, которая скрасила его нелёгкое существование. Не научные же трактаты и футбол!

– Да-а, – удивлённо протянул Зорр. – Кайшр действительно нашёл среди людей возлюбленную, ставшую его верной спутницей – женой!

– Что-то не помню, чтобы в сказках Кощей был женат, – засомневался я.

– Ваши сказки сочиняли люди! – решительно отрезал Горынович. – Будут они писать о своих неудачах – вряд ли!

– Постой, постой, – задумался я. – Но ведь единственным достойным женским персонажем в них была Василиса, когда прекрасная, когда премудрая, но точно – она! Так ведь сия блистательная барышня удачно вышла замуж за Ивана-царевича.

– Как же! – рассмеялся Горынович. – Держи карман шире! Василиса, или принцесса Ваалисса, удачно вышла замуж как раз именно за Ушранша, а всякие Иванушки, не одного меня утомившие своей тупой настырностью, его чуть не погубили. В смысле, не его самого, а физическое тело, в котором кайшр пребывает, слава Лесу, и поныне.

– А если бы его физическое тело погибло, то что?... – заинтересованно переспросил я.

– А то и было бы! – он сделал злое лицо, только что огнём не дохнул. – Слонялся бы он по миру мятежным духом неприкаянным. Поди-ка, выберись тогда к своим – у привидений, знаешь ли, не очень-то много сил и возможностей.

– Значит, я в детстве наслушался сказочных сплетен и компроматов, – улыбнулся я. – А на самом деле?! Что, и другие наши сказки врут? Зайчик выгнал бедную лису из дома, а не она его? Злобный колобок давил круглым боком несчастных зверюшек? А красавица Василиса убежала от Ивана – может, и не царевича вовсе?! – к доброму и мудрому, одинокому и очень симпатичному мужчине, конечно же ещё и волшебнику?

– Про колобка – не знаю, не встречал, а про кайшра вещаешь так, как будто ты сам там был, собственной персоной.

– Может, и был, этой самой персоной, – глубоко вздохнул я. – Теперь я уже ни в чём не уверен.

Заметался во сне Фастгул'х, поскуливая и что-то бормоча. Его тело медленно трансформировалось, обрастая шерстью и сгибаясь.

– Оуу! – высказался волчонок, так и не проснувшись, суча лапками и размахивая хвостом – ему снилась охота.

– Лететь надо! – вдруг констатировал Зорр.

– Да уж, давно пора! – переворачиваясь к огню животом, подтвердил Враххильдорст.

– Так ведь глубокая ночь, – неуверенно сказал я, оглядывая совершенно чёрное небо, на котором случайно затерялась одна единственная звёздочка.

Они дружно рассмеялись, разбудив дремавшего фианьюкка. Айт сел, вопросительно озираясь на нас и так большими, а теперь от любопытства просто-таки огромными глазами. Из-за его хрупкого плеча не менее заинтересованно выглядывал Иичену. Фастгул'х продолжал перебирать лапами, самозабвенно преследуя призрак барана.

Костёр догорал, уже не давая тепла. Света хватало ровно настолько, чтобы не спотыкаться при сборах.

2

Наверное, даже если бы нас было в несколько раз больше, всё равно тяжесть седоков была бы неощутима для летящего Змея. В этот раз я занимал почётное место на его гребне – так сказать, сидя верхом, – и крепко прижимал к груди завернутого в одежду Враххильдорста. Передо мной, еле заметные на светлеющем небе, замерли привязанные фигурки Фастгул'ха и Айта. Мы заставили их натянуть на себя всё, что нашлось тёплого в походных мешках, и теперь они напоминали два овальных кокона или две слоистые почки, распускающиеся почему-то на холке у трёхголового ящера. Грустный Иичену терпеливо висел где-то недостижимо внизу, зажатый в огромной лапе.

Змей Горынович летел неспешно, чутко, выверяя каждое своё движение, каждый взмах крыльев. Он не стал подниматься высоко над землёй: под ночными облаками дул сильный ветер, способный не только заморозить неподвижных путников, но и сорвать их со спины хийса. Этого-то он и боялся больше всего, нервничал, каждую секунду готовый ринуться вниз за оброненным седоком.

Постепенно волнения улеглись. Полёт выровнялся и приобрёл монотонность плывущей лодки. Кожаные полотнища похлопывали и трепетали во встречном потоке бледнеющей темноты. Где-то далеко впереди обещало взойти солнце. Там, как от небрежной кисти художника, проступил лиловый мазок, коротким росчерком наметивший линию горизонта. Именно в эту небольшую щёлку мы и устремились – между тяжёлой, давящей густотой внизу и безграничной, обманчиво податливой чернотой наверху.

И вот лиловая полоска дрогнула и потеряла чёткие границы, как будто на небесный рисунок плеснули немного воды. Краски растеклись и испачкали нижнюю кромку облаков, далёкий горный хребет и одиноко выступавшую вершину, отличавшуюся от остальных размерами и необычной формой – слишком стремительной, слишком вертикальной, ограниченной с настораживающей закономерностью и продуманностью.

Взвизгнул Фастгул'х и завопил что-то неразличимое, радостное, унесённое встречным ветром. Но в подсказках и так не было необходимости: из-за края земли медленно, величаво до небрежности, немного театрально (как будто на сцену выходил гениальный актёр, к тому же знающий о том, что он гениален) показалось солнце. Осевшие в поклоне горы потеряли загадочный покров таинственности и угрожающей силы, явив всем желающим своё истинное, мягкое после ночи лицо.

– Ура!!! – прокричал я просыпающемуся светилу, выплёскивая в ослепительную кромку переполнявшее меня чувство ошеломительного восторга. Змей распластался и заскользил по

наклонной, ловя потоки поднимавшегося воздуха. Сердце ёкнуло и скакнуло в горло, забывая биться и гнать кровь по растворяющемуся в невесомости телу. Прерывисто всхлипывая, вздохнул фианьюкк, отцепил непослушные пальцы и развёл в сторону руки, балансируя ими в невидимых струях.

Солнце окончательно и полноправно заняло своё почётное место на розово-золотом небосводе, царствуя над горами земными и облачными. Ни те, ни другие не собирались уступать друг другу в красоте: и кто бы мог выбрать победителя – между кружевной порхающей лёгкостью наверху и строгой резной монументальностью внизу...

Теперь уже стало понятно, что целью нашего путешествия был не загадочный горизонт со всеми спрятанными за его сомнительным краем неизвестностями, а та самая нестандартная скала, которая сразу привлекла моё внимание. Я пригляделся к ней повнимательнее. На фоне утреннего действия она являла собой образец строгости и незыблемого спокойствия, даже некоей отстранённости. Я не с вами, нет, и не с ними, нет, – как бы возвещала она, упираясь макушкой в сияющую линию облаков. – Я ни с кем, и вообще – моё место не здесь... Через несколько минут пристального изучения я, наконец-то, понял, что было не так, что не соответствовало окружающей действительности: несмотря на гудевший в ушах ветер и стремительно уплывавшие детали ландшафта под нами, эта вершина, единственная из всех, никак не изменяла своего местоположения, то есть ни на сантиметр не приближалась в нашу сторону. Змей старательно махал крыльями, вытягиваясь к ней всеми тремя головами, махал, махал, махал, а она хоть бы хны – знай себе, самоутлаблённо попирала небо, игнорируя даже солнце, заполонившее собой всё вокруг. Её геометрические грани пребывали в пасмурной серости.

Уххх!.. Земля неожиданно качнулась. Горынович резко вильнул вбок, обходя не видимое препятствие. Сзади бухнуло и пахнуло вдогонку сыростью. Я, было, оглянулся, но хийс, черпанув крыльями, заложил такой крутой вираж, что все дружно ахнули и покрепче вцепились кто во что попало, вжимаясь в жёсткие выемки на гребне. Что-то с нами было не так.

Второй толчок чуть не вытряхнул меня, так сказать, из седла. Заскрипели и натянулись верёвки, удерживавшие фианьюкка и Фастгул'ха. Активно утрамбовывался куда-нибудь поглубже под рубашку Враххильдорст. Надсадно прокричал Иичену, забыв о привычном бульканьи.

Темнело. Солнце всё так же пребывало на небосводе, но выглядело мутным и поблёкшим, как если бы между нами поставили грязное стекло. Небо, золотое в далёком правом и левом далеке, сгустилось и снизилось у нас над головами, утекая спиральными жгутами в сторону каменной башни. Башня! Да-да, именно башня – иначе теперь и нельзя было назвать это пока что ещё недостижимое сооружение, возвышавшееся на одной из горных вершин. Где-то между верхними зубцами призывно горел огонь, напоминавший широко распахнутый глаз – очень и очень недовольный.

Внезапный порыв встречного ветра заставил зажмуриться и вжаться лицом в жёсткую чешую. Летящий Змей как будто продирался сквозь упругую резиновую завесу, готовую в любой момент отбросить нас на исходные позиции. Более того, впереди, прямо из воздуха, клубясь и темнея на глазах, возникал огромный дракон – всего с одной головой, но зато раз в пятнадцать больше нашего хийса, так что мы могли спокойно залетать ему прямо в глотку, с вещами и неисполнившимися надеждами.

– Ключ?! – проревел он, дохнув на нас тьмою и холодом. В его глазах вспыхнули два новых солнца.

Горынович захлопал крыльями, как простая летучая мышь, но храбро рыкнул что-то настойчивое, убеждающее, пробно кашлянув огнём.

– Ключ!!! – рассердился, распухая в размерах, дракон, явно неудовлетворённый полученным ответом. Он демонстративно приоткрыл свою пасть, и туда, спирально завихряясь, начал всасываться воздух.

Все три головы Горыновича разом переглянулись и, как мне показалось, удивлённо заморгали: всё шло явно не так, как предполагалось. Змей был растерян и встревожен.

Спиральная петля потихоньку доползла и до нас, оборачивая хийса воздушной удавкой. Он снова протрубил что-то грозному стражу – безрезультатно! Нас пробно дёрнуло и потащило. Мы медленно плыли в чёрную горловую дыру...

– Ключа тебе захотелось??? – вдруг закричал я, вытаскивая из-под одежды Фатш Гунн. – Да пожа-алуйста!!! Хоть килогра-амм! Вам порезать или вы целым куском подавитесь? – я как можно нагляднее потряс жезлом над своей головой и, вытянув вверх руку, взмахнул им, как полководец, призывающий войска в атаку. Откликаясь на мой шальной порыв, камень на жезле подмигнул мне красным глазом и, окончательно проснувшись, запылал огненным факелом. – Вперёд!!! – завопил я, срываясь голосом на последнем слоге. Мой клич подхватили все, включая Иичену. Горынович выдохнул, как выдыхают перед стаканом водки, и ринулся "вперёд", прямо в зловещую дыру, подобно стреле, летящей точно в яблочко.

Хотелось зажмуриться, но было слишком интересно, до щекоотливых мурашек, разбежавшихся по спине и нетерпеливого движения стучавших пяток, подгонявших и без того азартно несущегося Змея. Апп! – и мы укутались чернотой входа, нырнув в него, как в ватную глухоту подземелья. Ночь, зажата между солнцами драконьих глаз, катилась нам навстречу. Вдох застрял в лёгких, виски гудели, сердце... тело... Секундное замешательство разума так и не перешло в тотальное сумасшествие. Спасительный выдох... Довольно! Я подумал или крикнул? Вспыхнул, наплывая карминовым пламенем, Фатш Гунн, и всё рассыпалось с печальным шелестом.

Одинокое обычное солнце так и не смогло добраться своими лучами до заговорённой башни. Дракон куда-то исчез, как не бывало. Я опустил уставшую от напряжения руку, отлепляя потные пальцы от потяжелевшего и потускневшего жезла. На меня с застывшим восхищением через плечо оглядывался Айт. Высунув на разведку длинный нос, неуклюже проскальзывая по моему животу ручками-ножками, наружу выкарабкался дофрест.

– Дядя Вася! Эта палка – твоя собственная?! – настойчиво вопрошал Фастгул'х, сбиваясь на фальцет.

"Молодец, парень!", – пришло сообщение непонятно от какой головы хийса: Зорр был явно доволен, хоть и улавливалась в его словах тревога и усталость.

"Беру пример с тебя, – откликнулся я и вдруг засуетился, путаясь мыслями и сбиваясь на откровенно паническое беспокойство. – Ты-то как?! Что это было?"

"Не что, а кто. Сам Убинар. Воздушный страж, – выделяя каждую фразу ниспадающими взмахами крыльев, будто пропечатывая для убедительности, сказал Горынович. – Отказался нас пропускать. Непонятно. Перед выходом Ядвига назвала мне пароль. А он не сработал".

Башня же кошельком на верёвочке дразнила и манила, но в руки так и не давалась, вероломно отодвигаясь на заданное кем-то расстояние, а мы следовали за ней, будто и сами были привязаны к той же самой верёвочке.

– Убинар... – задумчиво повторил я вслух. – Следуя великому закону бутербродной подлости, можно предположить, что найдутся и другие часовые.

"Может, и найдутся", – как-то безлико подтвердил Зорр, топчась на одном месте, ибо с какого-то момента уплывавшие под нами горы перестали обозначать пройденные метры, мили или какие-нибудь уарды, став нарисованным боком огромного земного барабана, прокручиваемого под брюхом летящего Змея. Единственная вещь, реально существующая в этом мире иллюзий – башня – и та была, как бабочка, пришпилена к горизонту.

Кожаные крылья, наконец-то, наполнились поднимающимся потоком. Хийс облегчённо распластался и заскользил вниз, планируя в небольшую долину. Мы дружно вздохнули, радуясь долгожданной передышке. Как оказалось, преждевременно: долина просела и выгнулась глубоким колодцем, удаляясь быстрее, чем мы к ней приближались – отдых не входил в условия поглотившей нас игры. Земная твердь была более для нас недоступна.

Змей от неожиданности зашипел и слишком круто затормозил в воздухе, секундно завис, сердито плюнув огнём, и свечкой взмыл вверх, вновь набирая высоту.

Башня насмешливо подмигивала нам единственным глазом.

– Значит, перекуры и посиделки нам не светят однозначно, – растерянно подытожил я, разминая давно затёкшие ноги. Ответившее мне всеобщее молчание могло запросто сойти за согласие. А что тут скажешь? Нормальная душещипательная ситуация. Впрочем, и не из таких выкарабкивались.

Пальцы на ногах закололо иголками, постепенно возводя болезненное ощущение в разряд приятно-щекотных. Я вздохнул и потянулся, пытаюсь придумать хоть какое-нибудь новое положение для моего многострадального тела.

Обманчивый пейзаж настаивал на своём незыблемом и полноправном существовании – ему уже давно никто не верил. Мы плыли сквозь бессмысленное ожидание чудесного спасения, отмахиваясь, отделяясь от иллюзорных гор парой огромных крыльев. Хийс устал и был мрачно сосредоточен, экономя силы даже в мысленных переговорах. Зверь в нём постепенно брал верх, заполняя сознание яростью, упорством и пренебрежением к врагу, ибо всё, окружавшее нас, теперь воспринималось им именно как враг – хитрый, непонятный и превосходящий в численности.

Ущелье, над которым мы пролетали в данный момент, выпускало нам навстречу белые растрёпанные облачка, всплывавшие из глубины, как сладкие ватные воспоминания детства. Сквозь туманную завесу проблескивала узкая полоска реки.

– Бесплезная картинка, – задумчиво пробормотал я. – Пустота... Глупое, пластилиновое ничто. Не опереться, не зацепиться...

– Форма есть пустота, а пустота, в свою очередь, есть форма, – невнятно произнёс кто-то.

– Что? – очнулся я, одним взглядом выцепляя моих спутников, одинаково безучастных.

– Пустота неотличима от формы, а форма – от пустоты, – где-то в области шеи повторил Враххильдорст, свешивая ручки из-за полурастёгнутого ворота моей рубашки.

– Так это ты сказал? – облегчённо переспросил я, скашивая взгляд вниз.

– Не сказал, а тоже слышал, – поправил он меня, пальцем, как тёркой, растирая себе замёрзший нос, при этом тот смешно вилял кончиком, будто существовал отдельно, сам по себе. – А что, в этом что-то определённо есть. Даже если брать за основу вашу физику, – дофрест не к месту захихикал, – какую-нибудь теорию квантового поля или ещё что-нибудь, – он многозначительно подождал, но мне пока нечего было ни добавить, ни возразить. – Василий, – после некоторого ожидания вздохнул Враххильдорст, – это же просто как... как... – он огляделся вокруг в поисках примера, не нашёл и, отмахнувшись, продолжил: – Переведи свой взгляд с видимого, то есть с материального, состоящего из частичек...

– Атомов.

– ...атомов, – не прерываясь, вещал дофрест, – на невидимое, то есть поле или энергию. И что получается? А вот что: присутствие материи есть всего лишь возбуждённое состояние поля в данной точке. Так что ответ на наш вопрос стоит искать гораздо глубже! – он увлечённо похлопал свой круглый животик.

– Это правда, – вдруг вмешался фианьюкк, – когда "ци-х" концентрируется, оно становится видимым, в результате чего и появляются очертания предметов. Это известно каждому фиа. Рассеиваясь, "ци-х" перестаёт быть видимым, и очертания исчезают, но в этот момент ведь нельзя утверждать, что осталась лишь пустота?

Внизу что-то сипло пролепетал Иичену.

– Кажется, одни мы с малышом воздержались от комментариев, – улыбнулся я.

– А что? Всё понятно! Это как превращаться в вулфа, – тут же откликнулся Фастгул'х. – Попробуй-ка, отгадай, где сейчас спрятаны мои лапы и хвост? И если их не видно, то что тогда – запросто можно решить, что их нет вовсе?

У меня за пазухой, давясь и похрюкивая, веселился дофрест. Пустота, говорите?... "Упорядоченность и гармонию должно искать на уровне жизненного дыхания, лежащего в основе всего сущего", – прошептал мне тот же неизвестный настойчивый голос. Я вздрогнул, вслушиваясь, но незримый собеседник опять ловко спрятался.

– "Ци-х" не может не стучаться, порождая предметы; предметы не могут не рассеиваться, порождая пустоту... – глухо, отдалённо говорил Айт. Уцепившись за звук его голоса, как за спасительный буёк, я погрузился в раздумья.

Итак, опять загадка, опять лабиринт... Череда сменяющихся картинок. Игра, правила которой нам неизвестны. Лабиринт? Единственное, что я знал достоверно, что испокон веков к лабиринтам всегда прилагались выходы, пусть даже и в немногочисленных вариантах. Башня же, застрявшая в перспективе где-то между острых ушей средней хийсовой головы, этим выходом не являлась – вне всяких сомнений. Я вдруг почувствовал к ней непонятное отвращение, почти болезненное неприятие, и каждый вариант подхода к её стенам порождал массу гудящих опасных мыслей – казалось, ещё мгновение, ещё одно последнее усилие, и отгадка всплывёт сама собой, найдется, наконец, тайный, зашифрованный путь к победе. Десятки раз произнесённый вслух, но так и не услышанный, он витал где-то совсем рядом, изнуряя мой разум бесплотными комбинациями, нелепыми и безжалостными. Они держали и затягивали меня, вынуждая следовать по очередному коридору картонного нарисованного путеводителя. Это пугало, но это и заставляло не сдаваться, ибо что есть в мире кроме... единства и борьбы противоположностей?

– Назад!!! Поворачиваем назад! – вдруг заорал я, перекрывая чьё-то нескончаемое мудрёно-философское излияние. Я хотел привстать и не мог, расплюснутый усталостью внезапно принятого решения. Но Зорр услышал и, более того, послушался. Как во сне, бесшумно и впечатляюще распахнулись вверх его крылья, выгибаясь и прочерчивая в воздухе свистящую дугу поворота. Нас занесло вправо, закручивая по той же спирали, и дохнуло в спину раздражением и хищной досадой – эх!!! Но Змей Горынович уже менял курс, нетактично разворачиваясь к башне задней частью.

Сзади, то есть теперь спереди, ничего не было. Ну, или почти ничего... Смазанные, растекались бывшие горы. Они сузились и практически исчезли. В небе бродили неясные, прозрачные образы остаточных фантазий. Было холодно и смутно. Только один – вызывающе подробный – высился среди всего этого знакомый вертикальный силуэт, поднимавшийся прямо из серых облаков. Более того, он стремительно приближался: башня виртуозно поменяла своё местоположение, опять оказавшись прямо перед нами.

– Ответ прячется не в лабиринте мозговых извилин, а в глубине мудрого сердца, – будто отвечая на мои мысли, пробормотал Врахильдорст. – Найдёшь его там – тогда он сразу проявится и тут, а если будет тут – то логично будет обнаружить его и здесь! – и он опять погладил свой живот.

Я задумчиво кивнул, в общем, не вслушиваясь в уютное приговаривание дофреста. В душе росла тревога – внутренний голос не унимался и твердил, что надо поторапливаться – с минуты на минуту могла грянуть очередная беда. Пока же вокруг было сумеречно и глухо. Мимо шествовали бесконечные тени. Проплыло невзрачное облако и рассыпалось на десятков ступков. Трудно, трудно было не вязнуть в этом неозвученном пространстве отсутствия жизни. Обволакивающий туман. Забвение... Из горящего окна башни вынырнуло бледное привидение и стало расплзаться нам навстречу, кисейной завесой преграждая путь. Налетел порыв ветра, ощутимый даже сквозь встречный воздушный поток. Крылья Змея надулись парусами, растягиваясь кожей и треща суставами. Ему было тяжело удерживать равновесие и не сорваться вниз, тем более, что никакого низа-то и не существовало вовсе. Он с трудом продирался вперёд. Обеспокоено, предупреждающе заверещал Иичену, усмотрев что-то со своей позиции.

– Смотрите!!! – тонко прокричал Фастгул'х, вытягивая руку.

Я не успел даже как следует взглянуться, как вялая текучая земля под нами вспучилась и рванулась нам навстречу, заходя с правого бока. Мы дружно охнули и уцепились за жёсткие пластины чешуи, ещё не осознавая, что хийс – неутомимый и могучий хийс – падает вниз.

– Зорр!!! – завопил я на всех волнах, мысленных и звуковых, и чуть не выронил дофреста, решившего невовремя посмотреть, что же происходит. Нервно, запихал его поглубже под одежду и снова воззвал к Змею.

– Конеч... Больше... Не... могу... – ответ был едва различим в ураганном рёве ветра. Прямо на нас катилась чёрная буря.

– Да ты что?! Вот же она – башня! – не унимался я. – Во-он! Как близко!

– Как далеко... – из последних сил упираясь крыльями,дохнул Горынович. Одна из его голов раскашлялась, плюнув жалким дымным облаком, и её загнуло под брюхо – к немалому ужасу несчастного Иичену, видимо решившему, что настал наш смертный час, и что ситуацию решили спасти, подкормив хийса его толстым страусиным телом. Эх, если бы действительно можно было бы как-то помочь Змею! И уж не ценою одного из нас. Хотя, какая от нашей братии польза, если мы все канем в неизвестность!

Последовавший воздушный нокаут чуть не сбил хийса в кувырок. Он отчаянно захлопал крыльями, на мгновение выравнивая наши позиции, но был сметён целой чередой коварных ударов, следовавших один за другим прямо из пустого пространства: наш невидимый враг не желал пропускать нас дальше.

Под рубашкой истошно и от этого неразборчиво что-то кричал Враххильдорст. Я попытался махать на бурю Фатш Гунном. Она рассмеялась мне в лицо, ослепляя колючими пощёчинами, и снова принялась за Горыновича, сталкивая его в глубокую воздушную яму. Он ещё сопротивлялся, но как-то тоскливо, неуклюже отгораживаясь от её метких попаданий, пока, наконец, не сдался, безвольно съезжая в ловушку, сплетённую из ветряных струй, путаясь в них измятыми крыльями, шеями, лапами, всем своим ставшим таким неповоротливым телом. Я с надеждой полез за печатью, отчасти понимая несостоятельность моего намерения, отчасти просто ища хоть какого-то утешения перед неотвратимо надвигавшейся гибелью.

Натягивая верёвки, передо мной копошились Айт и Фастгу'х. Мальчик лупил чешуйчатую шею пятками и вопил – видимо, стараясь поднять боевой дух падающего Змея. Фианьюкк торопливо рылся в многочисленных складках своего тряпичного кокона. Что-то искал? Прятал? Боялся?.. Тут он вытянул свой заветный мешочек с гномьими пилюлями. Зачем? Решил съесть все одним махом напоследок? Или что?..

Протяжно, прощально взревел Змей Горынович, оборачиваясь к нам сразу тремя головами. В его глазах стояла скорбь и неизбывная вина.

Фианьюкк справился-таки с тугим узлом и раскрыл мешочек, высыпая в ладонь его содержимое.

– Э-эй, – заволновался я, но дальнейшее произошло слишком стремительно, чтобы добавить ещё хоть что-нибудь. Да и что тут скажешь, если Айт Яэйстри ловко, со сказочно прицельной точностью, забросил в открытые пасти драгоценные горошины? В каждую – по одной... Хийс троекратно икнул и поражённо схлопнул челюсти, автоматически прекращая раздачу лекарства. Я дотянулся до фианьюкка и выхватил из его трясущихся рук мешочек. – Стой!

Айт лишь безвольно мотнулся всем телом, качаясь в своих путах, как безжизненный кулёк одежды. Совершённый им героический поступок забрал остатки его и без того уже последних сил.

С Горыновичем же творилось нечто невообразимое: три его головы ярко светились, как новогодние елочные фонарики, бликуя вытаращенными глазами и округлившимися ноздрями (из самой левой плыло искрящееся дыхание), и, судя по всему, свечение сие было заразным, так как стремительно распространялось, перетекая по длинным шеям, гребню, плечам, крыльям... Минута – и под нами переливался великолепный, сияющий ящер, теперь не имевший ничего общего с чешуйчатым зверем, к которому мы успели привыкнуть. Неоновыми радугами взмыли вверх два бывших крыла, рассекая бурю с лёгкостью раскалённых кинжалов. Она почти одушевлённо застонала, затихая где-то на низких октавах, заколыхалась и отступила, смятенно тасуя позиции. И вот уже не бесплотная сила, а тяжёлые грозовые тучи покидали поле боя. Где-то в стороне загудела короткая басовитая нота, давая сигнал к чему-то новому, пока не случившемуся. Змею это было безразлично. Он упивался силой, могуществом и свободой. Ничто более не стояло на нашем пути – не могло, не смело стоять!

– Вперёд!!! – опять завопил Фастгул'х, так светясь глазами, что можно было подумать, что это не хийс, а он проглотил волшебные пилюли. Впрочем, подгонять Горыновича не имело никакого смысла. Он и сам летел на пределах возможного – искрящейся ракетой, метеором! – уносясь прочь, прочь, прочь из лживой страны ловушек и лабиринтов.

4

Толстая ворсистая бабочка едва уловимо шевельнула пушистыми на солнце крылышками и чуть развернулась ко мне, демонстрируя красивый набор золотых и тёмнофиолетовых разводов. Мо-хо-ло-нел-лооо*... – почему-то мелькнуло в моей голове.

– ... их осталось только четыре! – не унимался Фастгул'х. – Четыре пилюли – четыре дня!

– Но он спас наши жизни, – тихо проговорил Зорр, качая теперь единственной головой: как только мы приземлились у подножия башни (её вершина с освещенным окном тут же, взлетев, спряталась в рыхлом облаке), он сразу же – как мне показалось, с облегчением – обернулся человеком.

Айт молчал, задумчиво водя рукой по траве. Тик-так, – качались венчики маленьких колокольчиков, потревоженные тонкими пальцами. Тик... Так... Так-так... Так. Всё так.

– Он сделал то, что сделал, – вздохнув, добавил я, не удержался и тоже вытянул руку, в свою очередь дотронувшись до разноцветных крылышек разомлевшей на солнце бабочки. Та недовольно хлопнулась, но улетать поленилась. – К тому же, мы ведь почти что на месте. Башня-то – вот она! – и я похлопал по прохладным камням за своей спиной. – Ведь долетели, а?!

– Ага! – ухмыльнулся Горынович. – Доскакали, допрыгали, домчались. А дверки-то и нету! – он демонстративно осмотрелся вокруг, без задержки скользя взглядом по однообразной, плавно закруглявшейся стене. Я вздохнул: что ж, он был прав, правее некуда. Мы уже три раза, по очереди и вместе, обошли основание башни, но так и не отыскиали в неё вход. Даже наверх слетали (я верхом на хийсе), тщательно исследуя её по спирали – ничего! Светящееся окно на самом верху?.. Как не было! Вместо крыши – огромный валун, глухой и невозмутимый, будто венчавший обычную скалу, а не загадочную неприступную постройку. Плечом его поддеть, что ли?

– Крушить бессмысленно! – обстоятельно, по-взрослому спокойно сказал Фастгул'х. – Это и Иичену понятно. Думаю, что и нору копать, подлезая снизу, тоже не получится. Может, кто-нибудь волшебные слова знает? – и он с надеждой поглядел почему-то на меня.

– Волшебные слова – это хорошо! Это очень хорошо! – закопошился Враххильдорст. – Действительно! Ну-ка, кто чего помнит про входы и выходы? – и, не дожидаясь ответа, он стал что-то чертить на ближайшем к нему камне. Рядом озадаченно хмурился фианьюкк. Зорр хмыкнул, но тоже придвинулся поближе. Из-за его спины, вытягивая длинную шею и любопытно моргая, заглядывал иич.

Я откинулся назад, прикрыл глаза и задумался, ощущая затылком отчуждённую непримиримость башни. Сим-сим, откройся?.. Избушка, избушка, повернись к лесу задом, а ко мне... дверкой? Тук-тук, это я, почтальон Печкин, принёс записку для вашего мальчика?.. Я неожиданно рассмеялся. На меня никто не обратил внимания, только фиолетовая бабочка, суматошно мелькая крылышками всё-таки унеслась прочь. На груди, наливаясь тяжестью и теплом, у самого моего сердца дрогнула королевская печать. Тук-тук... Моё сердце ответило ей, ускоряясь, будто барабана в невидимую дверь.

Двери, двери, бесконечная вереница дверей... У меня всегда были с ними проблемы. Вечная путаница и неразбериха. Какая из них – та, а какая – не та? Та - не та, эта - не эта. Открывать или не открывать. Входить или не входить. Быть или не быть, в конце концов... Мысли, как надоедливые мухи, роились и докучали, мешая сосредоточиться. Память – исполнительная секретарша – подсовывала и подсовывала изображения, на мой взгляд, уж чересчур ярко воспроизводя цвет, фактуру, скрип и хлопанья, детали ручек и петель, разноцветные стёкла и рассохшуюся фанеру, – нет, даже не изображения, а ощущения дверей моей недолгой, но насыщенной жизни.

Помню, мне было лет пять, когда моя собственная дверь стала моим наказанием, как, впрочем, и спасением. Долгими бессонными ночами, плотно закрыв шторы, забаррикадировавшись стулом и закрывшись с головой одеялом, я старательно и безнадежно, с художественным совершенством, доведённым до абсурда, несовместимым с моим нежным возрастом, представлял во всех кошмарных подробностях своего личного Буку – изысканно жестокого и беспощадного, выжидавшего за этим единственным хлипким препятствием. При этом моё сердце – моё юное впечатлительное сердечко – изнывало непомерной, старческой, всезнающей тоской и ужасом перед так каждый раз и неслучающимся событием. Прямо как сейчас – ну, что же оно опять застыло на месте, притаившись где-то поблизости? (Это я о грядущем, а не о страшилке, давно забытом и сосланном на пыльный чердак моего подсознания). Двери, двери, двери... Белые, чёрные, цветные, деревянные. Розовая с приколотой голубой запиской, тяжёлая дубовая с прибитой на ней подковой, безликая школьная или наоборот – самодовольно кричащая, позолоченная, с вывеской "Вход строго ограничен", мелодично отсчитывающая прошедших сквозь неё посетителей... Множество и множество проёмов, вычерченных и вырезанных дыр, соединяющих разные миры, несовместимые пространства комнаты и улицы, прохладу ванной и духоту коридора, уличную метель и мигающую камином гостиную – все эти двери скрывали какую-то загадку, – да-да! – тайну проникновения из одного в другое, отсюда туда, туда и опять обратно. И вот теперь наше "здесь" никак не хотело стать потусторонним "там". Я точно знал, что мы сидим совсем рядом, очень-очень близко. Близко от того, что мы так долго искали. Я это чувствовал, мне и глаза открывать было не надо. А чего на неё смотреть-то? Дверь как дверь, ничего особенного... ничего... особенного... кстати, похожа на калитку в соседском яблоневом саду, такая же потемневшая от дождя и ветра, на верхней перекладине вбит гвоздь (да, точно гвоздь, я ещё как-то куртку об него порвал), на нём старый ржавый ключ от давно потерянного замка, по бороздке ключа неторопливо шествует неправильная божья коровка, у которой всё наоборот: красные пятнышки на чёрных крылышках, а не привычные чёрные на привычных красных...

– А почему ты решил, что чёрное обязательно должно быть на красном? А может быть, лучше жёлтое на синем? – спрашивает женщина, стоящая у ближайшей яблони. Я недоумённо пожимаю плечами и пытаюсь представить, как это будет. Хм. Жёлтое на синем. Собственно, и фантазировать уже не нужно. Вот же он – маленький овальный жучок с жёлтыми горошинками по синему фону, продолжающий ползти по шершавому металлу. – Заходи, Васёк! Смотри, какие в этом году уродились яблоки. Угостить?

Калитка невесомо уплывает по кругу, причёсывая верхушки травы на зарастающей тропинке. Тепло и тихо. Улыбается соседка.

– Тётя (надо же, забыл, как её зовут)... – я иду по дорожке, стараясь не наступать на одинокие бледные незабудки. Не покидает ощущение мягкого ковра под босыми ступнями.

– Ваалисса... Меня зовут Ваалисса, – кивает она, перебрасывая за спину туго заплетённую длинную косу. Весёлые морщинки, собранные в уголках глаз, не имеют никакого отношения к преклонному возрасту. – И что ты так долго топтался у забора? Стоило стесняться... Мы всегда рады гостям, если они приходят с добрыми намерениями.

– С открытым сердцем и чистой душой, – улыбаюсь я в ответ, принимая из её рук большое глянцевое яблоко. По сохранившемуся на черенке листочку топает родная сестра оставшейся на калитке жёлто-синей божьей коровки. Стрекотнув крылышками, она перелетает ко мне на рукав рубашки. Я вздрагиваю. Ваалисса смеётся и теперь кажется мне почти юной, чуть старше меня, лишь глаза, внимательные и немного уставшие, не дают определить настоящий возраст.

– Четыре тысячи девятьсот три, – поправляя выбеленную солнцем прядку, вдруг говорит она.

– Чего четыре тысячи... девятьсот три? – не понимаю я, оглядываясь на бесчисленные плоды, развешанные на согнутых ветках.

– Ну, ведь не яблок же, – кокетливо изгибает безукоризненную бровь Ваалисса. – День моего рождения вписан в хроники шестого мая четыре тысячи девятьсот три года назад. Если пользоваться современным способом отсчёта, конечно.

Я молча надкусываю яблоко, избавляя себя от необходимости хоть что-то отвечать. Шутка, на мой вкус, не очень удачная. Даже для такой красивой девушки.

По забору, ловко ставя лапы на вертикально прибитые рейки, балансируя пышным хвостом, вышагивает белый кот.

– Доброе утро, – растягивая гласные, произносит он, поравнявшись с нами...

...Что?! Я подавился яблоком и закашлялся. Перед глазами замельтешили голубые искорки.

– Доброе утро, Иллас, – откликнулась Ваалисса. – Как идут ваши дела? Как племянница? День свадьбы Окафы уже назначен?

– Да, спасибо, – не замедляя шага, мурлыкал кот. – Дела идут отлично. Свадьба в будущую седмицу.

– Каттиус? – переспросил я, всё ещё не веря собственным ушам, да и глазам тоже. – Но если... если... если это ты, то я... я... я ведь сплю!

– Хороших сновидений! – через плечо невозмутимо пожелал тот и спрыгнул в лопухи за забором.

– Значит, это только сон, – пробормотал я.

– Есть какая-то разница? – насмешливо поинтересовалась девушка, заглядывая мне в лицо.

– Да, конечно! Не знаю. Нет, впрочем, нет... Нет! – собравшись с духом, выпалил я. – Но тогда где же я?

– Здесь. У меня в саду, – пожала плечами она и ласково провела рукой по яблонево́й ветке.

– Вас зовут Ваалисса и вам почти пять тысяч лет, – едва слышно прошептал я себе под нос, непроизвольно переходя на "Вы". – Так звали, вернее и зовут жену Оллисса Ушранша – того самого, к которому мы так долго и трудно идём. Того самого, который знает ответы на многие вопросы, вопросы, от которых зависит не только наше будущее, но и будущее всего мира. Спасти мир – это звучит, конечно, банально, но с некоторых пор мы имеем к этому словосочетанию непосредственное отношение. Или я так думаю, что имеем... Скажите, вы – это вы? То есть – она?

– Я – это я. Ахам ахам, – кивнула моя собеседница. – И Оллисс Ушранш – мой муж.

5

– ...и мне во что бы то ни стало нужно попасть во дворец! – распаляясь и размахивая руками, рассказывал я. – Там Диллинь, и ей грозит смертельная опасность! Пусть я не буду потом рядом с ней, пусть... Но они её тоже не получают!

– Кажется, разговор начинался с идеи спасения мира? – улыбнулась Ваалисса.

– Ну... да! Но одно другому не мешает, ведь правда? – смутившись, возразил я и добавил, с трудом справляясь с подступившим к горлу комком: – Я должен увидеть Динни! Должен! Понимаете?! – я заглянул в её внимательные глаза. – И хочу этого больше всего на свете.

– Любовь, – вздохнула девушка. – Любовь... Пожалуй, это единственное чудо, которое свершается в мире. Что ж, мы ищем понимания, потому что ищем любви, и мы ищем любви, потому что любим. Я понимаю. Или думаю, что понимаю, – улыбнулась она. – Мой муж выразился бы проще: любовь – это пространство и время, ставшие доступными восприятию сердца. – Тут она не выдержала и рассмеялась, легкомысленно махнув рукой. – Впрочем, что это я, право слово?

– Вы поможете нам? – с надеждой выдохнул я. – Как нам увидеть Оллисса Ушранша? Это вообще возможно? Как войти в башню, наконец?

– Войти в башню, – повторила она за мной. – Нет ничего проще.

Из упавшего яблока, подкатившегося и замершего у моего ботинка, обстоятельно выдавливалась пёстрая лохматая гусеница, старательно вытягивавшая из небольшой дырочки очередные сегменты своего гуттаперчивого сытого тела.

– Нет ничего проще, – ещё раз произнесла Ваалисса.

– Стоит только обзавестись добрыми намерениями? – усмехнулся я. – Опять, как всегда – важны мотивы и причины? А дверь? Где же, всё-таки, эта заколдованная дверь?!

Она вздохнула и молча протянула мне руку. На раскрытой ладони лежал старый ржавый ключ. Ключ с гвоздя на садовой калитке – калитке моего детства.

Я хотел, было, его взять, но тут, следуя давно открытому закону, мне по лбу метко и сокрушительно прилетело спелое яблоко.

6

– Вася! Да Василий же! Хватит дрыхнуть! Чуть отвлечёшься – ты сразу бежишь спать или есть! – не унимался Зорр, трясая меня за плечо.

– Ну уж! Спать – понятно, а поесть у нас, чуть что – впереди всех несётся Враххильдорст, – еле-еле разлепляя глаза, проворчал я. – Вход нашли?

– Какое рвение! – притворно изумился Горынович. – Кто бы подумал?! Нет, не нашли. А тебе что, привиделся вход?

– Вход не вход, но сон был весьма странный, – пожал плечами я. – Мне приснилась очень красивая девушка и...

– Ага! Если Василию приснилась девушка, то уж непременно оч-чень красивая, – удовлетворённо поддакнул он. – И это, наверное, к потерянному дверям.

– Она сказала, что её зовут Ваалисса, – не обращая внимания на его шуточки, продолжал я. – И что войти в башню совсем просто.

Вокруг меня воцарилась тишина.

– Стоит лишь иметь чистое сердце и добрые намерения, – в атмосфере глубочайшего внимания закончил я.

– Предположим, с намерениями-то у нас всё в порядке, – проворчал Горынович. – Они у нас исключительно добрые. А, ребята? И сердца чистим регулярно: сам понимаешь, чистота – дело ответственное... Нет, а, тем не менее?! – не выдержал, наконец, он. – Что она имела в виду?

– Соллигли уссима тиллайн, ти ундима ти ун, – вдруг произнёс фианьюкк. Он немного помолчал и добавил: – Кто не постучался в сердце, тот стучится в дверь напрасно. Я думаю, что путь внутрь открыт только для того, кто прежде всего для самого себя сможет дать ответ на один единственный вопрос: "Зачем?", да, именно зачем ему надо в башню.

– Зачем? – задумался я. – Затем... Так уж получилось, что моя дорога лежит через неё. Хотел бы свернуть, да никак. Моя дорога к Диллинь, – чуть слышно сказал я и добавил, обращаясь к призрачной собеседнице: – Ты оказалась права, Ваалисса – мною движет любовь, и я не могу остановиться.

– Ах, Тэя, – подхватил Айт. – Мне осталось так мало. И так много. У меня тоже только одна дорога, и я тоже не могу остановиться. Ответ на мой вопрос находится за этой стеной. Вся моя будущая жизнь начинается где-то там. Надежда, любовь и мечты – у меня осталось лишь это.

– Что ж, следуя всеобщим настроениям, спешу добавить, что у меня тоже имеется любимая девушка, к которой мне не терпится вернуться, – сказал Горынович. – И может быть, только благодаря ей ненависть и непримиримость в моей душе, наконец, перестали пожирать мою человеческую половину. Ящеру-то, кстати, наплевать. Впрочем, всё гораздо сложнее, – он подмигнул нам – всем сразу. – Что б я да бросил вас на полпути?! Никогда! – и он с силой треснул кулаком по каменной стене. – Слышишь, громадина?! Тебе лучше впустить нас: мы ведь не отступим!

– Эге-гей! – развеселился Фастгул'х, подпрыгивая от нетерпения. – И я! И мне! Мне тоже туда! И тоже очень нужно!!!

Рядом, клацая зубастым клювом, переминался с ноги на ногу Иичену, полностью солидарный со своим хозяином.

– Какая расчудесная компания, – зевая, подытожил Враххильдорст. – И главное, что всем действительно надо! Включая меня, естественно. Осталось выяснить – где, как бы то ни было, замаскировалась эта загадочная дверь? Что барышня-то сказала, а, Василий? Слышишь меня? Куда смотришь-то? Там девушек красивых нет! Одни сплошные камни – хм, сплошь плоские, а не фигуристые...

Я молча указал на стену башни.

На большом ржавом гвозде, вбитом прямо в трещину, спокойненько и скромненько висел одинокий ключ. По нему никто не полз, лишь на бороздке сверкал крошечный солнечный зайчик, почти невозможный на столь шершавой, изъеденной временем поверхности.

Был ключ – и больше ничего.

Ни-че-го...

В настороженном молчании я протянул руку и снял его, вытягивая за широкую шляпку и сам гвоздь: посыпался песок, гвоздь легко выскользнул и со звонким пере стуком, кувыркаясь, запрыгал к земле. Внезапно в образовавшейся дырке блеснул солнечный свет, протыкая каменную стену насквозь. Так и не успев заглянуть в эту импровизированную замочную скважину, мы с удивлением наблюдали, как лучик стремительно разросся и превратился в ослепительную трещину, дальше – больше, больше, больше и, наконец, наметился невысокий прямоугольный проём, рухнувший внутрь с оглушительным грохотом и облаком пыли.

– Добро пожаловать, или посторонним вход воспрещён, – пробормотал я, рассматривая сквозь оседающую завесу причудливый очаровательный пейзаж.

– Я же говорила, что это очень просто, – раздался знакомый насмешливый женский голос.

– Мама... – вдруг сдавленно прошептал Фастгул'х и первый, не оглядываясь, не раздумывая, шагнул внутрь. – Там моя мамочка!!!

7

Песок между каменными деревьями был расчёсан на волнообразные проборы. Лабиринт завитков и спиралей завораживал, притягивал и заставлял взгляд скользить по плавным изгибам песчаных волн. Сад камней был безбрежен и величественен. Самоуглублённый и целостный, он разрешал нам лишь с трепетом и восхищением пересекать его территорию по узкой петляющей тропе, выложенной радужной мозаикой.

– Это моё самое любимое место на Гирнаре, – говорила Ваалисса, шествуя перед нами. – Когда Оллисс уходит в сораю, я прихожу сюда.

– Но ведь они – каменные! – возразил Фастгул'х, удивлённо округляя свои золотистые глаза и указывая на деревья. Он как приклеенный, чуть ли не держась за подол, следовал за девушкой, не в силах отойти от неё хотя бы на шаг, даже когда стало ясно, что это никакая ни его воскреснувшая мама.

– Но они растут и даже цветут, – ласково погладила мальчика по голове Ваалисса. – Вот смотри! – она отцепила детские пальчики и сошла с тропинки, подошла к ближайшему дереву, что-то отломила от ветки и вернулась назад. Следы от её ног медленно затягивались песчаными узорами. – Смотри!

Крошечный цветок на её ладони был хрупок и изящен до прозрачной хрустальности. Слепленный то ли из голубых снежинок, то ли из крылышек стеклянных мотыльков, он представлял собой поистине настоящее чудо. На тонком сапфировом стебельке, между двумя синими листочками притаился ещё один распускающийся бутончик.

– Ахх... – только и смог сказать мальчик. Впрочем, кто бы посмел добавить хоть слово? – Может, не надо было его срывать? Жалко.

– Нет-нет, не волнуйся, – успокоила его Ваалисса. – Он не умрёт и не завянет. Просто останется таким, как сейчас, навсегда. Возьми – он твой.

Она взмахнула рукой, и цветок тут же укутался серебристым туманом, заверяющимся и уплотняющимся прямо на глазах. Секунда – и подарок оказался надёжно упакованным в гладкий цилиндр. Сквозь его оболочку можно было разглядеть мельчайшие детали парившего внутри драгоценного растения.

– Если захочешь вынуть его оттуда – нажми на стабб с обеих сторон одновременно и...! – цилиндр мгновенно исчез. – А потом!.. – взмах тонкой руки – и он снова появился, теперь уже в ладонях восторженного малыша.

– Стабб?! – воскликнул я, круто затормозив на месте. Горынович, чертыхнувшись, на полном ходу соскочил на разливанный песок, при этом, естественно, испортив рисунок: песок ожил, гневно зашуршал, зашипел и начал старательно заравнивать повреждение, восстанавливая узор прямо поверх ног замешкавшегося Зорра. Ваалисса улыбнулась и пригрозила пальцем то ли хйису, то ли ворчливому саду. Поверхность зарыбила и потекла, рисуя картину заново – с учётом новой живой детали.

– Ну уж нет! – фыркнула "деталь", перескакивая на разноцветные плитки.

– Уффшшшш, – выдохнул песок, шелохнулся и замер окончательно, вновь графически совершенный и упорядоченный.

– Вы знаете секрет стаббов? – повторил я, возобновляя движение.

– А разве у них есть секреты? – обернулась ко мне девушка и перевела взгляд на цилиндр, который крепко прижимал к своей груди преисполненный важности Фастгул'х.

– У этого, может быть, и нет. А те, огромные, которые под землёй? – я указал себе под ноги. Сад возмущённо зашептался. – Я имел в виду те, которые находятся далеко-далеко внизу, в самой глубине земли... Прощу прощения, – быстро поправился я, невольно оглядываясь вокруг.

– Вот где надо учиться вежливости, – хихикнул Врахильдорст на моём плече. – Такие успехи и за такой короткий срок!

– Я что-то слышала про это, – задумалась Ваалисса. – Говорят, внутри тех стаббов заключены живые существа. Это правда?

– Правда... – вздохнул я. – Но на них невозможно нажать с двух сторон, – я не удержался и дёрнул дофреста за хвост, чтобы тот не ёрзал и не пытался комментировать. – Слишком большие – не обхватить.

– Быть может, если бы я могла попасть туда, мне удалось бы их открыть, – с сомнением покачала головой девушка. – Но я не могу покинуть Гирнар. Пока не могу.

Сад внезапно закончился, обрываясь вниз чёткими клавишами парадной лестницы. Бомм! – прогудела первая ступень.

– У вас тут все имеют право голоса? – улыбнулся я.

Ваалисса, поглощённая своими мыслями, не ответила. Обняв за плечи Фастгул'ха, она молча спускалась вниз. За ней шлейфом ползла всё более различимая и постепенно усложнявшаяся мелодия. Каждый из нас, шедший следом, добавлял свои собственные индивидуальные нотки. В результате, достигнув подножия "музыкальной" лестницы, мы дружно сочинили и исполнили почти классическую симфонию.

Целью нашего озвученного нисхождения была круглая площадка и небольшой, но необыкновенно торжественный храм посреди неё, состоявший, кажется, из одних вертикальных фрагментов: крыша, как китайская пагода, тянущаяся к небу, ряд колонн без капителей, четыре сквозных арочных проёма, расположенных друг напротив друга, что создавало ещё большее впечатление изящества и устремлённости вверх. К земле здание крепилось лишь углами, основную свою массу перемещая к куполу, будто кто-то огромный и могучий, спрятанный внутри, дул в потолок во всю мощь своих гигантских лёгких.

Фастгул'х тут же, не удержавшись, побежал вокруг. Иичену забеспокоился и увязался следом. Айт Яэйстри, до этого момента молчавший, ахнул и всплеснул руками:

– Я знаю, что это такое!!! Я вспомнил! Это пространственный хшат!.. Он едва не обнимал светлые колонны, вода по ним руками.

– Соллиуро ли олли унди ман сун, – позвала его Ваалисса. – Лоо, лоо ун. – Фианьюкк вздрогнул и быстро оглянулся. В его глазах разгоралась надежда и неистребимое природное любопытство.

– Когда? – робко спросил он, смущаясь от всеобщего внимания. – Лу?

– Сейчас, – ободряюще улыбнувшись, ответила Ваалисса, и первая шагнула в арочный проём. Её стройная фигура чуть задержалась между колоннами и вдруг растворилась прямо в воздухе, только мелькнула цветная ленточка на длинной косе. Мы ошарашено уставились на пустое место, где только что была девушка.

– Ну, что же вы? Сундиур! – вызывающе крикнул нам фианьюкк и смело устремился за нею следом, само собой, также исчезая из виду.

Подожёл притихший Фастгул'х: – Вот это да! Я тоже так хочу! Дядя Вася, скорее!..

Скорее, так скорее. Хорошо хоть не толкаясь, мы слаженно вошли внутрь хшата.

...Никакая физическая боль не сравнится с болью души. Хотелось терзать своё тело, чтобы хоть как-то заглушить страдание сердца". Кажется, я сидела и раздирала ногтями лицо, отдалённо отмечая, что ничего, ну, абсолютно ничего не чувствую... Выбрать?! Кто способен выбрать между детским смехом и объятиями возлюбленного, между вздохом и жаждой, между единственным мужем и единственным ребенком??? Между любовью и любовью? Всё есть суть одно. И я не хочу убивать. Ни одного, ни другого... Потери, горькие потери, вырастающие вокруг надгробными обелисками, превращающие мою неистребимую жизнь в бескрайнее кладбище. Бог мой, почему ты не хочешь даровать мне свободу от выбора – долгожданную потерю, которую я так давно молю у тебя – утрату своей собственной жизни?..

ГЛАВА 19. КОЩЕЙ БЕССМЕРТНЫЙ.

*Я - великий естественно пребывающий Саморожденный,
изначально известный как источник всего.
Вы, усердно меня ищущие и меня жаждущие,
зря мучите себя: даже выше многих вы не найдёте
меня. Моя природа единственна и неповторима среди
всего сущего, несравнима с тем, что не есмь я
или пытается быть мною.*

Надпись над входом.

1

И сначала было слово, а только потом стал свет.

– И кто же к нам пожаловал? – спросил строгий голос, проникая в самые потаённые уголки моей души: как будто школьный учитель, воскрешённый детскими воспоминаниями, вновь решил вызвать меня к доске, лишний раз выставляя напоказ всю несостоятельность моих домашних потуг. Разве и так непонятно, что я ничего, ну ничегошеньки не значу...

– Зачем уж так-то? – смягчился голос, облекаясь в невидимый образ доброго пожилого родственника. Мои глаза постепенно обретали зрение, выживая из окружающей темноты сначала нечёткие серые контуры и отблески движений, затем, как ни странно, длинношейей силуэт крутящего головой Иичену, рядом с ним что-то невнятно болтающего Фастгул'ха (его маленькую, подпрыгивавшую от нетерпения фигурку), затем мимо, плавно и грациозно прошелестел платьем женский силуэт (тонкий чеканный профиль, гордая посадка головы с высокой объёмной причёской). Зорр, хлопнувший меня по плечу, уже был конкретен и насыщен цветом.

– Отстаёшь, приятель! – весело прокомментировал он, устраиваясь рядом с фианьюком на широком мягком диване.

– Человеческий организм всегда чуть дольше адаптируется к вознесению наверх. Подождём! – вступился за меня незнакомый мужской голос. – Пожалуй, только Гильгамешу было всё нипочём, но это случилось так давно.

Вот тебе раз! Оказывается, я успел вознестись наверх, без подготовки и высокопарных слов!.. Вдохнув, усиленно протёр глаза и попробовал сначала. Так, хорошо. Вот они, мои дорогие спутники: Фастгул'х, переставший подпрыгивать, в обнимку с Иичену устроившийся прямо на полу; напротив – Горынович с Айтмом, утопавшие в пухлых формах дивана; Врахильдорст?.. Ага, Врахильдорст! Да не лезь ты на меня – посиди хоть минуту отдельно, дай с мыслями собраться! У открытого окна – женщина в простом, но очень изысканном платье: это её запоминающийся профиль проплыл мимо минуту назад. Похожа на Ваалиссу, даже очень, но гораздо взрослее (мать? старшая сестра?), впрочем, всё равно ослепительно красивая. Кто-то должен быть ещё... Кто со мной разговаривал-то, а?

– Ты не меня потерял? – высокий, необыкновенно тощий мужчина, костлявый до неприятных ассоциаций, одетый в чёрное, в золотых профессорских очках на выжидательно-насмешливом лице, легко поднялся из глубокого "хозяйского" кресла, в котором он сидел нога на ногу, неспешно подошёл ко мне – не угрожающе, но с той несколько задумчивой нерешительностью, которая свойственна иногда людям замкну тым и одиноким. "И что же мне с тобою делать, незваный гость?" – читалось в его плотно сомкнутых, саркастически изогнутых губах. Выпуклые стёкла очков прятали, удаляя и без того глубоко посаженные глаза. Он многозначительно оглянулся на женщину – та лишь кивнула и улыбнулась, причём, по-моему, уже нам обоим.

– Я... – наконец, я обрёл дар речи. – Я Василий. Мы пришли к Оллиссу Ушраншу. Мы... Вы... Нас послала Ядвига Балтазаровна! – вдруг поспешно выговорил я, почему-то тоже

переводя взгляд на женщину у окна. – А привела нас сюда Ваалисса! Где она? Она вам всё объяснила бы!

Мужчина, не дойдя до меня пару шагов, вдруг громко расхохотался, сверкнув стёклами очков, и всплеснул худыми непомерными руками.

– Слышишь, Ваалисса? – смеялся он. – Опять пришли от кого-то... Зачем, почему? Трёх слов связать не могут. Хорошо хоть не от Иван Иваныча! Ха-ха-хаа!.. Ну, и как там, кстати, поживает Ядвига Балтазаровна?

– Нормально, – смутился я. – То есть, хорошо, замечательно... Ваалисса??? Вы – Ваалисса?! – я перевёл дыхание и оглянулся на моих друзей. Те выжидательно молчали. – Ваалисса. Ну, конечно же! Значит, тогда вы и есть Оллисс Ушранш! Здравствуйте...

– Приве-ве-вет! – ещё смеялся тот. – Василий, говоришь? Вот и ладно, а то идут одни Иваны да Ваны, все сплошь царевичи.

– И вам они тоже надоели? – оживился Горынович. – Такое чувство, что эта жадная неутомимость как-то связана с именем и царским титулом.

– Не скажите, – возразил Оллисс Ушранш. – Как-то докучал один Иван – лет пятьсот назад – так он, вроде бы, был простой кузнец.

– Может, незаконнорожденный? – предположил Зорр, блаженно вытягивая ноги.

Используя мимолётную передышку, я незаметно обвёл взглядом помещение: шикарно до простоты, очень удобно и соразмерно, вещи и предметы на своих местах, если что-то нужно – то тоже волшебным образом под рукой. В единственном окне бесконечная вереница облаков и кусочек ультрамаринового неба. Комната, в которой мы находились, имела три двери: все они были плотно закрыты, и над каждой – полу круглые надписи, придававшие проёмам вид арок. Заметил, что фианьюкк смотрит туда же – видимо, пытается разобрать переплетение букв. Внезапно одна из дверей распахнулась, обдавая нас притягательными ароматами только что накрытого стола.

– Ну-с, что, гостюшки дорогие, отообедаем? А то назад-то дорога дальняя! – широкий жест Оллисса Ушранша скучковал нас и подтолкнул в соседнюю комнату. – Гостеприимство – дело суетное, но обязательное. В данном процессе, чем раньше начнёшь, тем быстрее...

– Ух ты! Запечённый баран! – уже не слушая, взвизгнул Фастгул'х, предприимчиво выбирая себе место поближе к огромному блюду с дымящейся узнаваемой тушкой, обложенной по периметру разнокалиберными овощами.

Для Враххильдорста был поставлен специальный стульчик – крошечное кресло на высоких журавлиных ножках, – чему я был очень рад, иначе мне пришлось бы выуживать его из всех тарелок по очереди.

Хозяин, естественно, занял центральное место во главе стола, бережно усадив по правую руку хозяйку. Звучала ненавязчивая мелодия, удачно вплетавшаяся в перезвон бокалов. Первые пятнадцать минут мы благоговейно распределяли яства по тарелкам и желудкам, ведя ничего не значащую беседу. Ваалисса за всё время так и не произнесла ни слова, задумчиво выбирая из своего блюда тоненькие ломтики розового плода. Она лишь однажды, вспорхнув ресницами, приоткрыла глубокую синеву своих глаз, глянула на перемазавшегося Фастгул'ха, вздохнула и перевела взгляд на мужа, излучая такую гамму чувств, что мне стало неловко, как будто я случайно подслушал чей-то интимный разговор.

– И после этого я как топну ногой, как плюну огнём! Как они бросились врассыпную! – рассказывал Горынович о битве у озера. – А потом...

Я не вслушивался, смотрел на сливочно взбитые облака в окне, видимые с моего места в перспективе полуоткрытой двери и думал о том, что вот мы и пришли. Вот он, знаменитый кайшр – уже не сказочный, а весьма конкретный Кощей Бессмертный собственной персоной. Время течёт, а ни один из вопросов, тянущих да раздирающих наши души, даже не задан, не то, что решён. Впрочем, кроме меня, пожалуй, это больше никого не волновало.

Изысканные кушанья вдруг показались пресными. Я отодвинул тарелку и задумался.

– И тут пришло избавление в лице Василия... – эстафету нашей истории подхватил Айт Яэйстри. Он смутился и постоянно оглядывался на слушателей – не обидел ли кого, не забыл ли.

Пожалуй, именно с этого момента я заметил просыпающуюся заинтересованность на лицах Оллисса Ушранша и Ваалиссы, как по команде переглянувшихся и подавшихся вперёд: он, слегка привстав на месте, она, подперев сердечко лица двумя руками.

– Чем, позвольте ещё раз поинтересоваться, оживлял усопших и усохших присутствующий здесь герой? – выглянул из бездны очков хозяин, задавая вопрос фианьюкку, но, в общем-то, спрашивая непосредственно меня.

Я пожал плечами и выложил, пристраивая среди тарелок и бокалов, жёсткое тело Фатш Гунна. Глубочайшее изумление на лице Оллисса Ушранша было мимолётным, но приятным фрагментом всех моих последних приключений. Стягивая очки за золотую изогнутую дужку, он медленно встал, громко отодвинув ногой кресло, и, сбиваясь с шага, не отрывая взгляд, будто жезл мог раствориться в воздухе, подошёл ближе, протянул руку и вдруг замер, отчего-то не решаясь его взять.

– Можно! Берите, смотрите! – сказал я и смущённо заулыбался, так нелепо это прозвучало в окружавшей нас тишине. Однако кайшр отнёсся к моим словам очень серьёзно. Осторожно, почти трепетно взял Фатш Гунн и весь просиял, еле сдерживаясь, чтобы не прижать его к своей груди, что никак не вязалось с его строгой внешностью. Впрочем, он быстро взял себя в руки и уже спокойно, торжественно понёс жезл Ваалиссе.

– Свершилось! – тихо проговорил Оллисс Ушранш, протягивая его жене. Та брать не стала, посмотрела и кивнула. Как мне показалось, грустно так кивнула, печально подтверждающе.

– Долгая у нас получится трапеза, – выделяя каждое слово, проговорил кайшр, поворачиваясь к нам. – Вот уж и вправду – гости оказались дорогие, прямо-таки бесценные! – он вздохнул, как бы взвешивая Фатш Гунн в своих руках, и решительно вернулся, положив его передо мной. Было видно, каких трудов стоило ему расстаться с жезлом. Затем, уже более неторопливо, снова занял своё место, задумался, то и дело бросая взгляд назад. Вдруг кивнул, будто принял какое-то серьёзное решение, и отчётливо произнёс: – Настала, наверное, моя очередь рассказывать сказки.

Мы молчали. А что тут говорить? Ничего пока не понятно. Ясно только, что отношение к нам изменилось в одну секунду, и надо немного подождать: всё само собой прояснится.

– Моя родная сторона лежит за тридцать земель в тридесятом царстве. Дойти в тот край невозможно, – начал свой рассказ Оллис Ушранш. – Не дойти, не доскакать, не доплыть. Единственный способ попасть туда – это сесть на ковёр или войти в волшебный дом, произнести заклинание и...

– В космический корабль, так сказать, – буркнул я себе под нос, тихо-тихо, но кайшр услышал. Помолчал, выстукивая костлявыми пальцами по столу, кивнул, по-моему, своим собственным мыслям и, подняв глаза, сказал:

– Да, давненько к нам никто не заходил. Всё течёт, всё изменяется. Так ведь, а Василий? – усмотрев согласие на моём лице, кайшр снова кивнул, неожиданно улыбнулся и продолжил: – Хорошо! Сделаю поправку на ваши несомненные достижения. Я всегда говорил, что люди – очень дотошные создания. В новой версии история получится покороче, да и поконкретнее. Да, это истинная правда: мой корабль, если его так можно назвать, в силу некоторых обстоятельств, – он запнулся и глянул на Ваалиссу, – упал на Землю... Я едва успел спастись, заблокировав основной энергетический кристалл, а то взрыв уничтожил бы меня – кстати, вместе со всей вашей планетой.

– А... – начал было я.

– Не стоит благодарности, – по-своему интерпретировал мою реакцию Оллисс Ушранш. – Однако, корабль мой разбился. Я без сознания валялся где-то в кустах. Привлечённые грохотом, стали собираться местные жители. К несчастью, первыми, кто поспел на место происшествия, были маленькие белёсые паразиты, гордо именующие себя грольхами.

– Скажи мне, любишь ли ты грольхов, и я скажу, кто ты, – не в силах удержаться, прокомментировал я.

– Любить грольхов? Что за извращения! – усмехнулся кайшр. – Они вылезали из земли, как глыбы после дождя, растаскивая то последнее, что уцелело после катастрофы, – он мельком бросил взгляд на лежавший передо мной Фатш Гунн. – Меня же, начавшего приходить в себя, спеленали в какую-то липкую гадость и поволокли в сторону горы, видневшейся неподалёку. Не знаю, чем бы закончилось для меня сие путешествие, – вернее, несложно догадаться, чем, – если бы откуда ни возмись не прискакали бы вооружённые всадники во главе с прекрасной девушкой и не освободили бы меня! – он вздохнул и бережно заключил в свои ладони руку Ваалиссы. – Своей жизнью я обязан жене. К тому же это был не единственный раз, когда она отвела от меня смерть.

– А разве вы не бессмертны? – вырвалось у меня.

– Бессмертие, – улыбнулся Оллисс Ушранш, снова отгораживаясь от меня прозрачными щитами вновь одетых очков, – это довольно растяжимое понятие. У меня когда-то был знакомый муэдзинсян, который любил приговаривать, что бессмертны все, за редким исключением.

– Но ведь так не бывает!

– Конечно, не бывает, разве что иногда... – вздохнул он, и я так и не понял, шутит он, или серьёзно. Рассказ между тем шёл своим чередом: – Принцесса касхетского царства – светлоокая, ясноликая и сиятельная, единственная высокорожденная дочь царя Муваталлирса, прекрасная Утлиннь Лилла Ваалинь Исса Анн – сама, своею собственной рукой разрешила на мне пути и повелела своим воинам-хаттам отвезти меня во дворец на горе Адалур. Тогда я выглядел несколько иначе, – усмехнулся кайшр. – Мой "изящный" нынешний вид – более позднее и далеко не добровольное приобретение. Но об этом потом... Более золота и драгоценных камней в стране касхеттов ценилась мудрость и учёное рвение. Образованные люди почитались так же, как и высокопоставленные вельможи.

– Берусь предположить, что первых было гораздо меньше, чем вторых, – улыбнулся я.

– Граном золота можно позолотить большую поверхность, граном мудрости – ещё большую, – вдруг изрёк фианьюкк, погруженный в собственные мысли. – У нас говорят, что мудрость показывает способ достижения самых лучших целей самыми лучшими средствами. Но научиться мудрости так же невозможно, как и научиться быть красивым.

– Именно поэтому, конечно же, истинных учёных насчитывалось не так много, – кивнул мне и фианьюкку Оллисс Ушранш. – Хотя дорога в школы была открыта любому – только деньги доставай! – бесплатное же обучение давалось лишь несомненным талантам, но это надо было доказывать.

– Времена меняются, а жизнь течет, как и прежде, – изрёк я. – Никакого разнообразия. Попробуй-ка, докажи, что ты не верблюд, а какой-нибудь редкий... пиальвинн!

– Законы этого мира неизменны, – пожал плечами кайшр. – И место наверху приходится завоевывать, а потом, кстати, и удерживать. В конце концов, все здесь подчиняются одинаковым правилам. Чем вы лучше насекомых, птиц или зверей?.. Вернёмся к моим приключениям. Меня приняли за путешествующего учёного, едущего в столицу искать славы и признания. Я был статен, красив и молод (если судить о возрасте по внешности, конечно) и выглядел тогда на загляденье! При этом мог играючи вести умную беседу на самые разные темы: откуда им было знать, что уровень моего "чю" превосходит любого землянина в сотни раз?!

– А как же корабль? – не выдержал я. – Что вы сказали им по поводу непонятных останков, в которые превратился ваш звездолёт?

– Ничего, – улыбнулся Оллисс Ушранш. – Потому что не было никаких этих так называемых "непонятных останков". В конце концов, они слышали гром, видели небесную вспышку и более – ничего! К тому моменту, когда воины-хатты выехали на поляну, там осталась лишь перепаханная земля и огромные норы: грольхи утащили всё до последнего куса. Странно, что и меня не затянули вглубь там же, а куда-то поволокли. Может, кто-то их ждал за

поворотом? Как знать... Впрочем, неважно. Я был жив, и рядом со мной ехала прекраснейшая из всех земных созданий. Сказать, что мы полюбили друг друга с первого взгляда, было бы неверно. Это так по-людски – наивно полагать, что любовь вспыхивает сразу, как взрыв или пожар от удара молнии. Я тысячи раз говорил себе, что вот, наконец-то понял, как же это произошло на самом деле, но нет – через сотню лет я осознавал, что тогда мы только прозрели, как бы выделив друг друга из лабиринта этого мира, лабиринта жизней и судеб. Предначертанность ударила колоколом в наших сердцах и постепенно угасла, позволив событиям просто течь, – он замолчал, взяв в ладонь высокий бокал, полюбовался игрой винных радуг в его глубине, резко поставил, брызнув на стол несколько багровых капель, поднялся и, мерно прохаживаясь по комнате, возобновил свой рассказ: – Я быстро достиг всех возможных и невозможных привилегий, став почти главным советником царя Муваталлирса. Почему "почти"? Кроме меня был ещё один – мой самый тайный недоброжелатель – внебрачный сын правителя царевич Ван или, вернее, И Ван Питхуррис Ан. Сила – но не власть, знатность – но не признание, родовитость – но не титулованность порой порождают немыслимую смесь гордости и зависти, ума и злобы, воспитанности и скрытой жестокости. Тому, кому никогда не стать царём, хотя кровь царей течёт в жилах – подобно смерти видеть возвышение другого. Ему же приходилось довольствоваться положением первого придворного и при этом советника-звездочёта и личного лекаря царя. Прошло всего три года, а я – тоже советник и один из первых учёных – уже стал женихом прекрасной Утлиннь Лиллы Ваалинь Иссы Анн. День свадьбы был назначен и озвучен, и Вану оставалось только запереться в своей башне и срывать злость на звёздах и лягушках, которым, впрочем, было всё равно. За месяц до праздничной церемонии благословения на долгую совместную жизнь он подошёл к нам, торжественно поклонился и принародно испросил дозволения пригласить меня на всеобщую потеху – охоту на горных тигрусов – дабы явить невесте и всему царству мою доблесть и мужество. Отказать было нельзя: по древнему обычаю претендента на корону и царевну всегда испытывали подобным образом. Что ж – я согласился! Как вы догадываетесь, мой конь испугался неизвестно чего, обезумел и понёс, грызя удила и обливаясь пеной, неподвластный ни ругани, ни магии... Он прыгнул в пропасть на глазах у сотни сопровождавших нас всадников. Полёт вниз был долгий и трагический... для коня. Я же как-то исхитрился и в последний момент зацепился за торчавший куст, повиснув в каких-нибудь ста локтях над ревущим потоком. В общем, выполз я на небольшой каменный карниз где-то посреди отвесной скалы и крепко задумался, глядя в белое лицо безмятежной Луны. Искать, как вы понимаете, меня никто не стал – никакой верёвки не хватит. Прыгать в пропасть вслед за мной – сомнительное занятие, а иначе до бегущей внизу реки добраться было невозможно. Так что в мою смерть поверили сразу, дружно и без лишних сомнений. Все, кроме юной принцессы...

Ночи в горах Цальпы очень холодные. Мне предстояло весьма спорное удовольствие коротать время на промёрзшем уступе. Я пытался спать, но вокруг толпились мысли, нащёптывавшие на разные голоса планы спасения и мести. Да, я был сердит.

Ух, как я был зол! Но к утру я справился с желанием отомстить, столкнув его в глубокую пропасть, предназначавшуюся ранее мне. "Отлично, – решил я, – пусть думают, что мне не повезло, и тело моё давно расклевали вороны или растащили рыбы". Оставалось только выбрать, куда теперь ползти по стене – вверх или вниз (небо мне всё же нравилось больше)? И то, и другое было одинаково трудно. Вдруг прилетел орёл и, устроившись на ближайшем карнизе, спросил меня человеческим голосом: "Что ты делаешь здесь, где даже орлы не выют гнёзда?"

Что-что? Живу я тут! – хотел пошутить я, но вовремя сдержался и ответил серьёзно и обстоятельно, поведав обо всём, что со мной приключилось.

"Мы знаем царевича Вана, – гневно сверкнул очами орёл. – Он охотится ради забавы и убивает даже наш народ, несмотря на то, что орлы в горах Цальпы священны. Мы поможем тебе!"

Он взмахнул огромными крыльями, взлетев, спикировал на меня, крепко схватил за плечи и взмыл в небо.

"Куда отнести тебя, человеке?" – спросила птица, паря над горными вершинами.

Вдалеке, маленьким белым пирожным облепил невысокий холм царский дворец. Может, туда?.. И что? Там меня рано или поздно отравят или пырнут в спину ножом. Нет! Не сейчас! Прости, принцесса! Я обязательно вернусь, но не сегодня.

"Вон туда!" – указал я прямо в противоположную сторону, непроизвольно попадая в самую высокую вершину ровной пирамидальной формы.

"Хороший выбор! – пророкотал орёл и замахал крыльями, плавно набирая скорость. – Дальше иди сам! – через некоторое время добавил он, ссаживая меня на лужайке у подножия горы. – Проща-а-ай!.."

"Спасибо!!!" – прокричал я вслед тёмной, исчезающей в облаках точке.

"Будь верен себе!.." – ответило мне безбрежное небо, поглотившее орла.

Верен себе? Что ж, неплохой совет. Но это – на будущее, а кушать хотелось прямо сейчас. Я огляделся: поляна, лес, ручей и стайка бабочек, увы, непригодных на завтрак. "Хоть воды напьюсь", – подумал я и зашагал к берегу ручья. Ещё издали услышал тявканье и негромкие шлепки. Прячась, выглянул из-за куста и обнаружил двух волчат, игравших на мелководье. Волчата были весьма упитанны, и я без труда поймал обоих.

– Но вы же не стали их куш... этого делать?! – с надеждой в голосе прошептал Фастгул'х. Желтые глаза мальчика побледнели и округлились, как две монеты.

– Почему ты так думаешь? – крутя в руках хищную, двурогую вилку, задумчиво проговорил Оллисс Ушранш, но, покосившись на Ваалиссу, быстро поправился: – Да нет, конечно же – нет! Тем более, что из леса выбежала крупная серая волчица и, оскалившись, направилась в мою сторону. Я нагнулся за камнем, но тут она остановилась и взмолилась человеческим голосом:

"Пощади моих детей! Они так малы и беспомощны, что даже не умеют осуществлять переход, – сказала она, завертелась на месте и, к моему удивлению, обернулась желтоглазой женщиной. – Прощу тебя, верни мне моих сыновей!"

"Что ж, крутом столько травы, – вздохнул я, выпуская из рук скуливших щенков. – Она, наверное, тоже съедобна – если закрыть глаза и представить, что жуёшь хлеб".

"Может быть, и я тебе на что-нибудь стожусь?" – промолвила она, вновь превратилась в волчицу и устремилась навстречу своим детям. Я и слова не успел сказать, как они растворились в лесу.

Как я там выразился? Вкусная зелёная трава?.. Спасибо, что жив, а остальное неважно.

Она вернулась так же бесшумно, как и исчезла, и принесла только что пойманного зайца.

Прошло три дня. Мои телесные раны, в отличие от душевных, перестали болеть. Волчица таскала мне еду, а я осуществлял пробные вылазки на гору. В голове моей зрел грандиозный план.

– Но у вас ведь ничего не было? – зачарованно переспросил Фастгул'х, по-детски непосредственно реагируя на повороты сюжета. – Откуда же взялось столько предметов? И кто всё это построил? – он обвел рукой роскошные стены, расписные потолки и накрытый стол.

– Ты нетерпелив, как настоящий оборотень, – усмехнулся кайшр. – Не надо забегать вперёд вожака, – говорят они.

– А я и есть... – прошептал мальчик.

– А я и вижу, что ты и есть, – кивнул головой Оллисс Ушранш. – О, юный обладатель жёлтых глаз!.. Хорошо – ты абсолютно прав. Мне помогали все, кто мог: вар-ра-халы, русалки и дриады, звери и птицы, даже гномы и гнорли, согласившиеся в обмен на знания снабжать меня железом и драгоценными камнями. Когда же я сконструировал для гнорлей лучевой излучатель...

– Так это вы сделали тот чёрный смертоносный прибор?! – настала моя очередь изумлённо распахнуть глаза. – А меня из него чуть было не убили. Кстати, и Айта тоже.

– Если вам будет легче, могу принести свои извинения, – пожал плечами кайшр. – Но это ничего не меняет. Как тесен мир! – вздохнул он и продолжил: – Более того, гномы притащили некоторые части моего уничтоженного корабля, украденные грольхами и сложенные в

подземных кладовых (куски обшивки и приборов те сочли весьма незначительной ценностью и свалили до поры до времени в дальних хранилищах, куда и наведались бесстрашные подземные жители): мусор в определённых обстоятельствах является незаменимой составляющей успеха. Надо же, кем только меня не называли: и космическим доктором, и алхимиком, и садовником, даже стражем, но главное всегда оставалось одно и то же – я всё время перерабатываю чей-то мусор и создаю из этого...

– Чудо! – воскликнул Фастул'х, чуть сорвавшись голосом на первом слоге.

– Может быть, может быть, – ответил Оллисс Ушранш, рассеянно глянув на малыша. – Химические элементы, выделенные из инопланетной структуры помогли быстро и действенно завершить микроаллероновый синтез со-олитроновой матричной симмилитимной воольтафсации... В общем, воссоздать защитную модульную сферу, для простоты пользования и восприятия адаптированную к местному аналогу жилых помещений.

– То есть, мы сейчас находимся не во дворце, а где-то... Где? – переспросил до этого молчавший Горынович, заинтересованно оглядываясь.

– Это же просто! – не удержался я. – Странно, что ты не понимаешь. Здесь такое же место, как и то, на котором стоит избушка Ядвиги Балтазаровны – пространственно-временная зона. Возможны любые внешние проявления, так ведь?

Горынович недовольно нахмурился, но промолчал.

– И да, и нет, – примиряюще улыбнулся Оллисс Ушранш. – Наша незабвенная Я-Баи в своей избушке использует уже существующую планетную аномалию, а мне пришлось создавать всё самому изначально. Похоже лишь по внешним проявлениям. (Горынович фыркнул и почти показал мне язык – мол, не высовывайся!) На то, что вы видите сейчас, ушло не одно столетие. Вернёмся к моей истории... (Все слаженно закивали.) Прошло три года. Я решил, наконец, отправиться во дворец и восстановить свои позиции. Впрочем, я не знал пока, как мне поступить окончательно. Незадолго до этого я завершил работу над очередной безделицей, забавлявшей меня и скрашивавшей долгие вечера: поисково-проецирующая плоскость или, проще говоря, – зеркало, способное отображать события, происходящие в данный момент, к сожалению, пока ещё только на субсантрирующем расстоянии. Буквально накануне мне удалось увеличить радиус его действия до троичного значения, что позволило захватить и дворец Муваталлирса. То, что я обнаружил, повергло меня в состояние смятения и гнева. Я даже не ожидал от себя столь прозаических реакций. Да, я был в смятении и гнев, более того – в ярости и горе, так как увидел в зеркале свадебную церемонию: моя Углиннь Лилла Ваалинь Исса Анн выходила замуж. Но, приблизив её фигуру, её лицо, я с болью заметил тёмные, плохо замаскированные круги под заплаканными глазами, белые костяшки пальцев судорожно сжатых рук, украдкой комкавших сверкающую фату, и рядом гордое, почти кричащее от восторга лицо её брата Вана. Это было не слыханно, отвратительно, неправдоподобно! Брак между братом и сестрой?! Как можно смешивать генные битрансирующие лудиксы?!.. Следующая картина, всплывшая в зеркале, показала широкую кровать и бледный профиль самого Муваталлирса, что-то шепчущего в горячечном бреду. Рядом суетились младшие лекари, и я узнал у них на одеждах отличительный знак Вана. Царь умирал – и, очевидно, не без посторонней помощи... Снова торжественный тронный зал и шествующая к алтарю пара... Что делать, что делать??? Я бросился к пространственному контуру, ещё незавершённому и частично не собранному. Кажется, я досоставил необходимое в считанные минуты, ввёл координаты, не раз мною вымеренные, поспешно нажал кристалл входа и, не раздумывая о последствиях, шагнул внутрь. Хлопнула прорванная ткань пространства, и я выскочил прямо перед шокированным жрецом. Не обращая внимания на изумлённого Вана, я бросился к такой же изумлённой невесте, подхватил её на руки, развернулся, вовремя уклоняясь от опомнившегося жениха, и исчез вместе с ней в пока не успевшем погаснуть прямоугольнике портала. Портал – это...

– Знаем, знаем, – пробурчал я себе под нос. – Дверь в иное измерение или местоположение.

– Василий, дай послушать, – насмешливо подмигнул мне Враххильдорст, перебравшийся-таки со своего стульчика прямо на стол, поближе к овальному блюду с пирогами и печеньем. – Мы знаем, что ты знаешь, и ты знаешь, что мы знаем, так что не чего строить из себя самого умного, потому что ты и так, наверное, самый умный или, по крайней мере, удачно им кажешься, а... – он не договорил, не выдержав и запихав себе в рот сразу целую печенину.

– Мы оказались опять на Гирнаре, а это была именно гора Гирнар, – воспользовался нашей заминкой Оллисс Ушранш. – И когда прошёл первый шок, первые слёзы радости и обиды (Ваалисса разыграла мне такую замечательную семейную сцену, впрочем, первую и последнюю), мы, наконец-то, встретились по-настоящему – раз и навсегда. Все последующие дни моя жена – теперь уже действительно моя жена). – поведала мне обо всём, что произошло за эти три жуткие, как она выразилась, года. После моей "гибели", – захлебываясь чувствами, рассказывала она, – был объявлен роскошный, но недолгий траур, плавно перетёкший в международные смотрины – так теперь это называется? – дабы утешить и отвлечь царевну. Во дворец неиссякающим потоком хлынули многочисленные женихи. Поначалу, чтобы выбрать достойного, их хоть как-то испытывали: требовали допрыгнуть на коне до царского окна, отгадать три загадки, пойти туда, незнамо куда, принести то, неведомо что, жар-птицу поймать, в кипящем молоке искупаться – да мало ли можно придумать всякой всячины?! Кстати, трудные задачки измысливал сам царевич Ван: как потом стало понятно, для того, чтобы оставить принцессу перед единственной кандидатурой – своей собственной. Он даже к звёздам воззвал, чтобы, так сказать, они провозгласили небесную волю. Они и провозгласили: что смерть жениха перед свадьбой – плохой знак, предвещающий прекращение всего царского рода; что не сыщется более жених, а если вызовется кто-нибудь, то тоже погибнет, как и первый (претенденты все вмиг и разбежались); что на принцессе лежит проклятие; что снять его, а заодно и хоть как-то спасти положение может кто-нибудь из её родных (а кроме брата и нет никого). Нужно лишь соединить руки истинных детей царя, а не то не избежать беды, болезней, мора, саранчи, разбоя, безумия, пожаров, потопов, засухи, голода и нашествия кровососущих мёртровойов. Ваалисса отказалась (мыслимо ли идти против заповедей божественных?), и через месяц заболел её отец, царь Муваталлирс. Смертельно. Если выйдешь за меня замуж, – нашептывал Ван, – смогу исцелить нашего батюшку. Молчи, молчи, – плакала она, не в силах перешагнуть через свою душу... Но делать нечего, пришлось согласиться: отец есть отец. Да и народ разволновался (ясно дело, кто же хочет чумы, порчи и воскреснувшего мёртровойова на ближнем кладбище?). Заплела волосы в невестину косу, одела давно сшитые для прежней свадьбы наряды, венец жемчужный, серебряные туфельки и...

– А тут, откуда ни возьмись! – заулыбался я. – Как снег на голову!

– Да, можно сказать и так, – согласился кайшр, безотрывно глядя на свою жену, такую спокойную и безмятежную, будто рассказ никак её не касался. Она чуть склонила набок свою увенчанную прической голову и, спрятав в уголках губ таинственное выражение то ли ускользающей улыбки, то ли грустного понимания, так же безотрывно смотрела на него в ответ. Я вдруг понял, что за всё это время она так и не произнесла не единого слова и, кажется, вообще не собиралась говорить.

– Ахх, – вздохнул фианьюкк. – Где ты, моя Тэя?..

Я посмотрел на его тощую фигурку, перевёл взгляд на Оллисса Ушранша и неожиданно спросил:

– А как вы стали таким? Ну, таким...

– Костлявым? – усмехнулся кайшр. – Кошмарным Кощеем Бессмертным? Ужасом, которым до сих пор пугают маленьких детей? Да уж... – он ненадолго замолчал, поглощённый своими воспоминаниями. – погоди! Не будем торопиться. Даже в сказках важен порядок. Так вот. Чем счастливее время, тем оно короче. Первые восторги встречи подхватили нас и возвысили до небес: мы, наконец-то, были вместе! Что ж, счастье не перескажешь, как и не перескажешь любовь, но невозможно, увы, невозможно постоянно витать в облаках, тем более, когда на ногах стопудовыми гирями повисла беда, а сердце разрывалось между любовью,

долгом и тревогой. Мы, как бы ни были счастливы, не могли забыть, что во дворце остался умирающий отец Ваалиссы, и ему была нужна немедленная помощь. На чужой беде свой дом не выстроишь... – он вздохнул и обвёл нас внимательным взглядом. – Слышал ли кто-нибудь из вас о целебных мультитрансфирующих плодах дерева Бо? (Мы переглянулись и озадаченно промолчали.) Нет? Они круглые, чуть кислые, очень сочные, размером с... голову уважаемого Враххильдорста (тот хмыкнул и перестал жевать), с одного края серебряные, с другого золотые – не видели?

– Молодильные яблоки, что ли? – предположил я. – Или персики бессмертия?

– Бессмертия? Нет, это вряд ли, – покачал головой Оллис Ушранш. – А на яблоки действительно похожи. Ты прав, люди их как-то так и прозвали – то ли наливные, то ли молодильные. Впрочем, неважно как называть, важно то, что такое дерево росло, да и до сих пор растёт на моей горе. Правда, теперь оно почти не плодоносит. Тогда же Ваалисса сорвала одно "яблоко" и тёмной ночью отправилась во дворец – конечно же, не пешком: она не шагала по лесам и долам, по лугам и болотам, её прекрасные ноги больше ни разу не коснулись обычной земли, нет – она вступила в созданную мною волшебную дверь, как у вас и у нас говорят – "портал", и очутилась прямо в опочивальне отца.

Ваалисса вздрогнула и едва уловимо взмахнула пальцами, будто желая что-то добавить.

– А может, хозяйка сама? – вырвалось у меня. – Как хотелось бы услышать её голос...

– Нет! – резко оборвал меня кайшр, слишком резко, но, заметив моё смятение и непонимание, вздохнул и чуть мягче добавил: – Не волнуйся! Ты слышишь рассказ из первых уст, ибо я лично наблюдал, находясь у портала с другой стороны, как моя же на неслышно подошла к спавшему Муваталлирсу. Стояла глубокая ночь. Душная тишина, раздраемая прерывистым дыханием умирающего, сопение кроватного мальчишки, гревшего старческие ноги царя, да приглушенные смешки стражников, игравших за дверью в пиарсы. Ваалисса сдавленно вскрикнула и приникла к груди отца. Тот застонал и с трудом приоткрыл глаза. Мальчишка невнятно забормотал во сне и недовольно перевернулся на другой бок. Батюшка, батюшка, – шептала она, – это я, твоя маленькая Инь, Ваалинь Исса Анн. Я здесь. Я с тобой... Я пришла, чтобы вылечить тебя... Батюшка, ты слышишь меня? Очнись!.. Тот что-то ответил, неразборчиво, облегчённо. Моя... Моя... – дальше было непонятно, но, приговаривая, Муваталлирс чуть приподнялся и, наконец, встретился с Ваалиссой взглядом. Та вдруг заторопилась, смеясь и плача одновременно, достала яблоко и поднесла его к губам отца. Он неожиданно легко откусил кусочек, потом ещё и ещё. С каждой секундой его лицо всё более изменялось, розовея, разглаживаясь и наливаясь теплом. Моя единственная доченька, – отчётливо произнёс он, отбрасывая со своего лба уже неседые пряди. – Ты вернулась?.. Договорить он не успел. Пронзительно завопил ни с того ни с сего проснувшийся мальчишка. Визжа, как недорезанный поросёнок, он кубарем скатился с кровати и бросился к закрытой двери. Та гулко распахнулась ему навстречу, обвалью впуская яркий свет, вопли, сутолоку... Скорее!!! – закричал я Ваалиссе, но та и так уже бежала ко мне, впопыхах уронила яблоко, охнула, бросилась искать. Не надо! Я прыгнул внутрь и, схватив её за руку, потащил к portalу. Верни мне дочь! – вдруг грозно проревел нам вслед выздоровевший царь. – Верни, а то я тебя!.. Что он пообещал со мной сделать, мы не расслышали. Портал исчез, мы вернулись назад – хотелось бы добавить "благополучно", если бы не плакавшая навзрыд жена и угрозы, полученные вместо благодарности.

Оллис Ушранш замолчал, кивнул чему-то и, прищурившись, будто прицеливаясь сквозь линзу очков, обвёл нас придирчивым взглядом. Мы полностью соответствовали образцу внимательных и отзывчивых слушателей: никто давно не ел, не дерзнул заснуть и даже не зевал. Более того, Фастгул'х, горя желтыми глазами и подавшись вперёд, я, весь в размышлениях и водя вилкой по столу, Горынович, крутящий усы и явно желающий что-то сказать, даже Враххильдорст, усевшийся прямо на широкое блюдо около замершего фианьюкка – все мы жаждали продолжения истории.

Ваалисса наблюдала со стороны, по-лебединому выпнув тонкую кисть и подперев ею задумчивое лицо. Оглянувшись на неё, я вдруг впервые подумал, что ее молчание – это один из

способов вести беседу, мудрую беседу, для которой слова, пожалуй, даже и не нужны. Да, – вдруг кивнула она мне, – да, только молчание способно дать ответы на все вопросы, стоит лишь вслушаться.

– Были и другие попытки сходить в гости, – вздохнул кайшр. – Неудачные. Ласковые речи, уговоры, слёзы, а потом... – он усмехнулся и покачал головой. – Вы представляете, они попробовали поймать её?! Сетью, как рыбу! Мою жену?! Сетью?!.. Я объяснил им, насколько они были неправы.

– Автоматно-пулемётным стрелятором? – фыркнул я.

– Нет, кульрикским ортоидным деатруаллятором, – улыбнулся мне Оллисс Ушранш. – Стрелятор, видимо, куда-то закатился. На этом и была поставлена жирная точка. Семейных праздников, увы, так и не получилось, однако я начал внимательно следить за всем, что происходило во дворце. Тот гудел как потревоженный улей. С беспокойным блеском в глазах день за днём метался по покоям Муваталлирс, раздираемый противоречивыми чувствами и вновь обрётённой силой. Хуже всего было то, что из-под царского ложа извлекли закатившуюся недоеденную половинку молодильного яблока и отнесли царевичу Вану, с коей он и заперся в своей башне – нетрудно догадаться, для чего. Доклад о замечательных свойствах этого удивительного фрукта был готов через пару недель. Результат явно превзошёл все ожидания. Ещё бы! Пожалуй, только люди не знали о дереве Бо и о том, что съев три яблока, можно жить девяносто девять жизней, причём не умирая в промежутках.

Мы с Горыновичем переглянулись. Я не удержался и восхищённо присвистнул – вот это да! Фастгул'х привстал со своего места, высунув от любопытства язык. Айт легонько тянул его назад за край одежды. Врахильдорст взирал на всех с великосветской небрежностью умудрённого опытом скачающего министра.

– А посмотреть на него можно? – не удержавшись, спросил я: надо же, настоящее волшебное яблоко!!!

– А чего на него смотреть-то, его кушать надо, – иронично приподнял брови Оллисс Ушранш, но, узрев наши удрученные лица, – эх, молодёжь! – пожал плечами и вдруг махнул рукой: – Ладно! Когда ещё случится такое любознательное общество! – он прищёлкнул пальцами, и в раскрытую дверь всплыло небольшое блюдечко, что называется "с голубой каёмочкой". На нём, поочерёдно сверкая то золотым, то серебряным боком, лежало яблоко – на вид самое обычное, чуть продолговатое, только авангардно раскрашенное. Блюдечко приземлилось посреди стола между жареной рыбой в лимонах и чашей густого томатного соуса, как будто стояло там с самого начала. Мы невольно выдохнули. Фастгул'х потянулся к нему рукой, но на него шикнули.

– Красивое, – благоговейно прошептал фианьюкк.

Внезапно Ваалисса встала со своего места и, сложив ладони лодочкой, внимательно посмотрела на яблоко. Оно качнулось, покатилося по блюдечку – один круг, другой – и... взмыло в воздух, мячиком выпрыгнув в подставленные руки. Улыбнувшись и бережно протерев разноцветные бока, хозяйка пошла вокруг нас, на секунду замирая около каждого.

Кайшр откинулся в кресле, с интересом наблюдая за своей женой.

В полуоткрытую дверь пробрался одинокий солнечный луч, выхвативший из воздуха порхающие пылинки. Непонятная церемония "обнесения" нас волшебным артефактом пока протекала, как сказал бы дедушка Эшх, без сучков и задоринок.

– Ах! – вскрикнул Айт Яэйстри, когда Ваалисса остановилась за его спиной. – Какое оно... какое... горячее! – его большие глаза округлились до предела, подбородок дрожал, а сцепленные пальцы рук судорожно сжимались и разжимались.

Ни минуты не раздумывая, Ваалисса ободряюще улыбнулась и властно протянула ему яблоко.

2

– Такое ощущение, что я родился заново! – счастливо смеясь, рассказывал хрупкий юноша. Его сияющие глаза потеряли первоначальную излишнюю выпуклость, приобретя

взамен удивительно красивый миндалевидный разрез. Если верить его прошлым рассказам, то он так и не восстановил свой нормальный, когда-то привычный для него рост, оставшись невысоким – мне по грудь – существом, но теперь, всё-таки, самым настоящим, истинно узнаваемым фианьюком. Его кожа перестала напоминать старинный пергамент, разгладившись, порозовев и даже – о чудо! – обнаружив под собой некое наличие упругих мышц. Скулы округлились щеками; вместо узких прозрачных полосок появились губы – чётко очерченные, будто вырезанные из терракоты; выросли ресницы и слегка изогнутые брови; на пальцах – ногти, необычного золотистого оттенка. Голова же осталась абсолютно лысой. Впрочем, она приобрела практически идеальную, чуть вытянутую назад и вверх форму, придавшую Аиту теперь уже несомненное сходство с египетской статуэткой.

– Если яблоко столь чудодейственно, то почему Айт не стал таким, как прежде, до конца? – задумчиво разглядывая восторженного фианьюка, спросил я. Тот встрепенулся и испуганно замахал на меня руками, мол, что ты, что ты, как можно такое говорить, уж и так замечательно?! Я же теперь буду жить! И не нужны никакие пилюли!

– Наш вновь возрождённый друг хоть и недолго, но погрузался, к сожалению, в кипящий чистилищный фульриксный раствор, – отозвался Оллисс Ушранш. – Против него даже мои мультитрансфирующие плоды бессильны – хоть съешь пару ведер! – они восстанавливают одну только плоть, а подземное чоттово "варево" вместе с телом забирает и душу. Для полного и окончательного возрождения необходим эмоциональный перцепиент с инициированием фианьюку частичной душевной матрицы первого порядка.

– Кто-то должен будет отдать часть своей души? – догадался я. – Добровольно, то есть даром?.. А без жертв, то есть подарков, без этого нельзя?

– Лъзя или нельзя – какая разница! – поморщился кайшр, глянув на меня поверх очков. – Наши разговоры – всего лишь пустая демагогия. Полная регенерация проие ходит только по чётко определённом, заданному сценарию.

– Ну, а вы? – не удержался я. – Вы, сами-то, почему не съели эти самые два ведра? Или целый вагон и малую тележку? Яблоки-то ваши, свои собственные. Что называется, ешь – не хочу!

– Было бы смешно думать, что я не пробовал, – проворчал Оллисс Ушранш. – Дерево-то и вправду ведь моё. Соббб-ственннн-ное... Как ты сказал: ешь – не хочу? – он вдруг рассмеялся, отрывисто и горько. – Если бы всё было так просто, как видится с первого взгляда... Оказалось, что плоды дерева Бо могут помочь только адекватно совместимым жизненным формам, а до чужаков им нет никакого дела. А я, как легко догадаться, не входил в списки местных жителей ни тогда, ни сейчас. Впрочем, как говорится – плохое к лучшему?

Вот так так! Надо же, ну и дела. Я удивлённо покачал головой: нет, значит, лекарства для загадочного Кощея Бессмертного? Фианьюку – полагающееся фианьючье, а кайшру – вечное кайшрово? А может, есть, но очень далеко запрятано? Что там в сказках-то про это сказывалось?

– Но, наверное, стоит вернуться к моей истории, а то ты, Василий, ведь всё равно не успокоишься, пока не получишь ответы на все свои вопросы? – Оллисс Ушранш, задумчиво откинувшись, разглядывал моё быстро меняющееся лицо, по которому, будто тучи по небу, проносились уже сформированные или ещё только зарождавшиеся мысли.

– Как же, ха! Ответить на все его вопросы?! – ухмыльнулся до этого молчавший Зорр Горынович. Его усы ехидно встопорщились, и он явно собирался сказать мне какую-нибудь бяку. – Не много ли...

– Чем больше хочется, тем больше и достанется! – гордо перебил я его, не удержался и глупо хихикнул: – Уж лучше признайся, что ты мне просто завидуешь. А зависть, о великий хийс, это яд для сердца: очень вреден, даже если имеется запасное.

– И чему, спрашивается, я завидую?! – притворно возмутился тот, привстав на месте. Враххильдорст азартно хмыкнул, видимо в ожидании наших дальнейших препирательств. – Твоему любопытному носу, придавленному очередной дверью, из которой ты опять не успел

его вовремя вытащить? Или твоему рыжему затылку, который за версту видать для прицельного плевка?

– Кто плевать-то собрался? – покосился я на него, проводя рукой по изрядно отросшей шевелюре. – Не ты ли, да из всех трех голов сразу?

– Спасибо за идею! – подмигнул мне Зорр и, опережая меня, галантно кивнул Оллису Ушраншу, мол, извините нас, дерзнули перебить самого хозяина. Тот молча наклонил голову в ответ: ну что вы, не волнуйтесь, времени у меня предостаточно. А у вас?

Нам ничего не оставалось, как слаженно пожать плечами и пополнить собою дружную компанию благодарных слушателей, тем более, что было действительно интересно: а дальше-то как?

– А дальше, вернее однажды... – обстоятельно оглядев нас, будто пересчитав слоников на каминной полке, возобновил свою историю Оллис Ушранш. – Как-то в очередной раз активизировав проецирующее зеркало, я услышал обрывок разговора, весьма интригующего, надо сказать. Настойчиво повторявшееся имя моей жены заставило мгновенно собраться и слушать, улавливая каждое слово. Это был даже не разговор, скорее – бурный монолог. Говорил брат Ваалиссы – царевич Ван. Его голос дрожал и буйствовал, обличал и сомневался, умолял и требовал. Царь лишь иногда вздыхал и бросал короткие реплики, не соглашаясь, но и не возражая. Было видно, что он принимал какое-то непростое решение, и оно ему давалось нелегко... Отец! Возлюбленный батюшка! – без устали зывал к нему Ван. – Наша любезная принцесса – ваша единственная дочь и моя любимая сестра – находится в плену у этого чудовища, восставшего после гибели из пропасти. Неужели мы будем смиряться и молчать?! Доколе??? В конце концов, я один пойду её спасать!!! И вырву из лап этой мерзкой твари! Мало нам, что ли, мёртровойов, бесчинствующих на кладбищах?! – он яростно топнул ногой... Бумагу, перо! – неожиданно громко крикнул царь, обращаясь к плотно закрытой двери. Из-за неё тотчас же выскочил юркий человечек и, кланяясь, поспешно приблизился, подавая на вытянутых руках поднос с письменными принадлежностями. Ван удовлетворённо ждал – дело двинулось, вот только непонятно ещё в каком направлении. А впрочем, куда бы ни пошло, он не сомневался, что ему удастся повернуть всё по-своему. Тем временем, Муватааллис, отослав слугу, уселся что-то писать. Он нервничал и неловко изгибал руку, придерживая постоянно скручивавшийся свиток. Поставив подпись, вдруг отбросил его на пол и принялся писать новый, на этот раз остался доволен и властно подозвал сына... Отнесёшь это! – царь протянул Вану только что написанное послание. – Нет, не сестре, а лесной ведунье. Что вздрогнул-то? Только что собирался лезть живём в пасть страшилища, а старой Я-Баи испугался. Ничего Ведьма тебе не сделает – скорее, поможет, чем зажарит и съест. Вам обоим Ваалисса не чужая: тебе – сестра, а ей – почти что дочь родная. Старуха первая взяла новорожденную принцессу на руки, первая учила её уму-разуму, ей наказала умирающая царица беречь и воспитать её дитя, как своё собственное... Ван вздрогнул: видимо, напоминание об этом было ему неприятно. Слишком много чести, – тихо пробормотал он и добавил уже громче: – Отправляюсь тотчас же!

– Я-Баи? – переспросил я, озабоченно оглядывая остальных, смутился (опять перебиваю) и чуть тише добавил: – Вулфы называли так Ядвигу Балтазаровну. Или раньше была какая-то другая Я-Баи? Их несколько или... две?

– Две Ядвиги Балтазаровны?! Это уж слишком! – улыбнулся Оллис Ушранш.

– Как??? – теперь уже действительно удивился я, до последнего момента не осознавая, сколь невероятна бабуля, с которой мне посчастливилось познакомиться. – Она? Она – ещё и крёстная мать Ваалиссы?! Как же так? Но это же значит, что она... что она... Зачем же она тогда нас к вам-то посылала, если сама всё знала?!

– А тебе у нас не нравится? – чуть наклонился в мою сторону кайшр, оглядывая меня поверх очков.

– Нет, нет, что вы, я не то хотел сказать! Но мы пришли сюда, потому что именно она считала, что вы единственный, кто знает... вернее, кто живёт столь долго, что может рассказать о прошлом пришествии магар.

– Ха-ха-ха! – вдруг рассмеялся Оллисс Ушранш. – Значит, сама говорить не стала, а я – разбалтывай? И почему ты решил, что мудрая, древняя и таинственная Я-Баи – то есть, по-вашему, грозная и одновременно милая бабушка Ядвига Балтазаровна – послала вас ко мне именно за этим, а?

3

– Никто и никогда не знал, не знает и, скорее всего, не узнает, что же на самом деле она хочет сказать или сделать, – вещал кайшр среди всеобщего выжидательного молчания. Правда, у меня было такое чувство, что говорилось это мне лично, утешающе и сострадательно, давая время, чтобы я мог окончательно прийти в себя, мол, шли-шли – и что же, всё зря получается, могли и вовсе не ходить? Оллисс Ушранш глянул на меня почти ласково и продолжил: – Я думаю, что великая Я-Баи, как всегда, оказалась прозорливее нас всех вместе взятых: всё происходит так, как записано на мировом столбе, так, как должно было быть, а не так, как мы воображаем и как нам хочется.

– Моя судьба тоже выбита на Цстах Ютм Кибаторге? – тихо, эхом повторил я.

– Не в том прозаическом виде, в котором ты себе представил, конечно, – снисходительно улыбнулся хозяин. – Да и какая разница? Ваш долгий путь ко мне дал вам столько, что его уже сам по себе можно считать бесценным подарком! Или тебе, Василий, хочется вернуться назад в бабушкину избушку? В ту ночь, когда ты в тёплой компании попивал чаёк и уминал картошку с пирожками, променяв то, что ты приобрёл позднее в пути на какую-нибудь прописную истину, универсальный рецепт спасения мира? Тем более, что спасти-то его, наверное, невозможно да и, скорее всего, не нужно. Хотя...

Я, было, решил возразить, но тут увидел вопросительно округлившиеся мерцающие глаза Фастгул'ха, за ним (вторым ярусом) – приоткрывшего зубастый клюв Иичену с таким осмысленным выражением, что вопрос о его интеллекте отпадал сам собой, и, наконец, – спокойный проникновенный взгляд Айта Яэйстри, смотревший, кажется, прямо в самое сердце. Каждый из них что-то приобрёл на этом пути, но и несоизмеримо – ах, как неизмеримо много! – потерял. Хотели бы они вернуть всё назад? Да? Нет? Не знаю...

– Да не переживай ты так, – продолжал между тем Оллисс Ушранш, читая в моей душе, как в раскрытой книге. – Не могла Я-Баи тебе ничего сказать. Правда, не могла, ибо это было не в её власти. Как тебе объяснить? Она является одним из хранителей этого мира, и она вся насквозь земная, как бы далеко она не путешествовала по своим многочисленным пронумерованным дорогам. Ей чуждо и непонятно то, что приходит извне. Она не в силах проникнуть в смысл иной жизни.

– Но за последние дни я повидал столько невероятных существ, что их хватило бы на несколько миров и планет?! – не удержался я. – И как же Лабаи Тхун? Теперь я думаю, что Ядвига Балтазаровна знала и о нём.

– Знала! – ухмыльнулся кайшр, поудобнее устраивая в кресле своё худое длинное тело. – Не только знала, но и бывала там не один раз, но это совершенно другое. Видел ли ты когда-нибудь обычный кочан капусты? – вдруг, как бы невпопад, спросил он.

– Василий его только кушал, – вкрадчиво подсказал сидевший неподалёку Враххильдорст, жевавший в этот момент очередной пирожок – кажется, с этой самой обсуждаемой капустой. Наткнулся на мой грозный взгляд и чуть не поперхнулся. – Молчу, молчу!

– Так вот, миры эти, включая Лабаи Тхун, – терпеливо продолжал Оллисс Ушранш, – можно сравнить с капустными листьями, плотно прижатыми друг к другу, отдельными, но, однако, растущими на одной кочерыжке. Вместе же они – есть суть одно: просто кочан капусты. Магары же, как, впрочем, и я, к вашей здешней "капусте" не имеют никакого отношения. Интерес? Может быть.

– Интерес червяка, жующего вкусные чужие листья? – предположил я, по-новому присматриваясь к сидевшему напротив хозяину.

– Или бабочки, у которой отобрали крылышки и заставили жить в ненавистных зелёных складках? – Кайшр вздохнул, причем столь печально, что на секунду окружавшее нас великолепное помещение поблекло и показалось унылой тюрьмой. – Одно прекрасно может существовать без другого – по крайней мере, во втором случае.

– Если вернуть бабочке крылышки? – скорее утверждая, нежели спрашивая, добавил я, делая ударение на последнем слове.

– Да уж, было бы неплохо, – еле слышно пробормотал Оллисс Ушранш, обменявшись коротким взглядом с Ваалиссой, и добавил чуть громче и нарочито бодро: – В общем, не знала Ядвига Балтазаровна ответов ни на один ваш вопрос, связанный с прилетом магар. А и знала бы – скорее всего не сказала бы. Ни за что да ни про что! Будет она всякими глупостями заниматься!

– Это почему это?! – оскорбился я за бабу Ягу. – Уж она-то точно способна на бескорыстную помощь. Ну и что, что у неё характер не сахар, это ведь не главное! Зря вы это... Сами-то сидите тут на своей горе (меня понесло, и я уже не мог остановиться), и что толку?! Сказки, может, и врут, да в них, как говорится, есть намёк! Что-то не приписывают вам особого альтруизма и щедрости по части советов и презентов!

– Ещё чего не хватало! – фыркнул кайшр. Он почему-то совсем на меня не рассердился, наоборот: моё выступление его откровенно позабавило. – Могу себе представить, что бы началось, если бы меня вдруг провозгласили народным героем, раздающим направо и налево всяческие блага и подарки. Нам с женой это нужно? Как ты считаешь, а, Ваалисса?

Та только молча улыбалась.

– Вот и я говорю! – как будто бы она что-то ответила, закивал Оллисс Ушранш. – И так хлопот не оберёшься: ходят-бродят всякие, от них одни неприятности.

– Я бы не сказал, что к вам так просто попасть, – возразил я. – Мы чуть сто раз не погибли, прежде чем добрались до вашей башни.

– Что ты! – отмахнулся тот. – Раньше было гораздо легче. Это потом, когда со мной приключилась та беда... – кайшр умолк, уставившись куда-то поверх наших голов тяжелым немигающим взглядом. Его лицо вмиг постарело и застыло неприятной маской. Лишь когда Ваалисса слегка тронула его за руку, он вздрогнул и нехотя продолжил: – Нет ничего неприятнее, чем вспоминать неприятные моменты.

– Мы не хотели, – растерянно начал я. – Может быть, и не надо...

– Не перебивай и не торопи меня, ладно? – неожиданно мягко попросил Оллисс Ушранш. – Смотри, какие у тебя друзья дисциплинированные: знай себе, кушают да слушают! Присоединяйся, а я и так тебе всё расскажу, вот только с мыслями соберусь.

– Конечно, – пробормотал я и потянулся за своим бокалом. Спина тотчас вспотела, а рука предательски дрогнула. С чего бы это, хотелось бы знать?

– А началось с того самого письма, – поднявшись со своего места, сказал кайшр и беспокойно заходил за нашими спинами. Нам приходилось поворачиваться следом, пока он не остановился около высокого кресла жены. Встретившись с ней глазами, он вздохнул и заговорил, дополняя свою речь резкими размашистыми жестами: – Тогда ещё я не был знаком с Я-Баи. Она же считала, что чужим здесь делать нечего, тем более, что история моего появления "здесь" – моей любви, гибели и "воскрешения" – была рассказана ей царевичем Ваном – как вы помните, моим злейшим врагом и соперником. Представляю, что он ей там наябедничал, а тут к тому же и письменная просьба самого царя "во чтобы-то ни стало спасти его единственную дочь, во всём содействуя и помогая её брату". Задача была сложной, но не невыполнимой. Не ведаю – как, но Я-Баи очень быстро разузнала, что моё тело существует в этом мире только благодаря связующей санграэллации с четырьмя стихиями, – воздуха, огня, воды и земли, – воплощенными в четырёх животных.

– Именно это имелось в виду, когда говорилось в сказках, будто "смерть кощея находится в сундуке, в котором сидит заяц, а в зайце – утка, а в утке – щука, а в щуке – яйцо, и, наконец, игла"? Это о них?.. – воскликнул я, игнорируя сдвинутые брови Горыновича. Ну, не смог я удержаться: когда потом услышу правду да из первых уст!

– Ох, нет ничего труднее объяснять некоторые простые общеизвестные факты любопытствующему и неуёмному неофиту вроде тебя, – сокрушённо вздохнул Оллисс Ушранш. – Ладно, по крайней мере мне стоит хотя бы попробовать. Итак, Василий, ты знаешь, что в вашем мире царствуют четыре стихии, и любое живое существо является их совокупностью – естественно, в разном соотношении. Ветер, вода, огонь и земля сталкиваются и сливаются вместе, порождая жизнь. И в тебе, и в фианьюкке, и в ииче, и в вулфе, и в хийсе – во всех вас кипит эта бурная смесь, – махнул в нашу сторону кайшр, почему-то забывая о дофресте. – Когда я упал на землю, мой корабль и защитная оболочка были разрушены. Улететь назад, к звездам, я не мог, значит, надо было приспособливаться жить тут, пока не наступит удачный момент, и я не смогу послать своим сигнал о помощи. Позднее, попав на гору Гирнар, я, наконец-то, занялся этой проблемой всерьёз. Так вот, дорогие мои слушатели, чтобы как-то существовать здесь, имея более-менее адекватный облик, устойчивый и многофункциональный, мне пришлось выделить из окружавшего пространства все четыре энергетические составляющие и ввести их в себя. Но нельзя хоть что-нибудь взять – и не дать ничего взамен. Сразу нарушается закон равновесия величин и понятий. Заклучив в себя элемент земли, я создал и выпустил в мир волшебного зайца, за элемент воздуха я заплатил великолепной птицей, за элемент воды – рыбой, а за огонь – сияющей саламандрой. Эти животные стали моими хранителями и защитниками, так называемыми "якорями", которые помогали мне сохранять нестареющее тело, не рассыпавшееся в здешнем эфире плазмиуррической космической структурой. Осознавая их исключительную важность, я поместил их одно в другое и спрятал в невидимом чёрном кубе, закинув его на вершину дерева Бо.

– Так, сундук!.. А как же яйцо и игла? – деловито уточнил я. Кажется, со мной уже все смирились.

– Яйцо и игла, – медленно повторил за мной Оллисс Ушранш. – Да, были и они. С ними, пожалуй, связаны самые большие недоразумения и чушь, записанные когда-либо чернилами на бумаге. Яйцо никогда не несла ни одна курица, а игла никогда не проткнула ни одной дырки, – он сделал эффектную паузу и невозмутимо сообщил: – Как только четыре стихии соединились и уравнились во мне, образовав единый пульсирующий стержень, очень, кстати, напоминавший большую вертикальную иглу, находившуюся внутри меня, то вокруг моего тела стусился яйцевидный световой кокон – защитное яйцо или, если хотите, новый скафандр, – дававший неограниченную силу и возможности: я стал практически неуязвим и почти бессмертен. В этом мире.

– Почти, практически... Очень опасные слова, обманчивые, – пробормотал я себе под нос, но он услышал.

– Страшные слова, – медленно согласился кайшр. – Слова, за которыми прячется смерть. И если бы не Ваалисса, меня давно не было бы в живых.

– Небось, царевич Ван принял в этом самое горячее участие? Ещё и баба Яга ему, наверное, помогала, к тому же не только советом: какой-нибудь меч-кладенец ему напрокат ссудила?

– Дала, – почти добродушно подтвердил Оллисс Ушранш. – А что ей тогда оставалось делать? Да не сердись ты так на Ядвигу Балтазаровну, Василий, всё к лучшему. Да и надутые щёки твои ей, как говорится, до одного лешего.

– Лешайра, – непроизвольно поправил я его и, не выдержав и выпуская наружу изрядную порцию праведного негодования, добавил: – Так в сказках же пишут, что Иван-царевич исхитрился и убил-таки злодея Коцея Бессмертного, перед этим ещё и застрелив из лука зайца, утку и щуку! Правда, ничего не упоминается о саламандре.

– С помощью совета Я-Баи царевичу Вану удалось незаметно пробраться на гору Гирнар и найти дерево Бо, – будничным тоном телевизионного диктора сообщил нам кайшр, останавливая мои излияния небрежным жестом худой руки. – Старуха дала ему осколок всевидящего стекла, и через него Ван нашёл на дереве спрятанный куб, сбил его наземь и разломал, выпустив на волю волшебных зверей. Первым погиб заяц – и я почувствовал

внезапную усталость, будто ноги и руки мои отказались слушаться. Второй упала на землю пронзённая навывлет птица – и ветер перестал наполнять мои лёгкие, сменившись сухим удушающим кашлем. Всплыла вверх брюхом оглушённая рыба – и кровь загустела в моих венах, заполняя сердце вязкой тягучей жижей. Что было бы со мной дальше – не знаю, но огненная саламандра искрой ускользнула от него, опалив ему напоследок лицо. В мой дворец Ван ввалился злой, как ошпаренный кот, яростно ругаясь и без устали размахивая подаренным ему мечом... Умри! Выродок! – орал он, срываясь на визг. Прибежала испуганная Ваалисса, увидела, что со мной что-то не так, потом поняла, насколько не так, обмерла, метнулась заслонять. Тот раздражённо отшвырнул сестру, чуть было не пнув ногою. Я защищался как мог, но силы утекали всё быстрее: я почти проиграл. Однако, нет победителя сильнее того, кто сумел победить самого себя. Запомни, Василий, – вдруг обратился Оллисс Ушранш именно ко мне. – Когда тебе станет очень туго, совсем невмочь, и события обернутся против тебя, и будет казаться, что нет сил терпеть ни одной минуты больше – ни за что не отступай: именно в такие моменты и наступает перелом в битве!

Солнце уже давно даже не пыталось засылать к нам в приоткрытую дверь своих разведчиков – запоздалые лучи иссякли, как стрелы в колчане усталого воина. Кажется, оно вообще решило ретироваться и закатиться подальше – спать. Сколько же времени прошло с тех пор, как мы расселись за этим столом? Час, день, очередная жизнь?..

– К слову сказать, меч-кладенец, как ты, Василий, его назвал, представлял собой удивительнейший прибор местного изготовления, который мог творить настоящие чудеса, – между тем продолжал Оллисс Ушранш. Ему надоело стоять, и он опять пустился в путешествие за нашими спинами. Я же с удовлетворением заметил, что в моём бокале шествует весьма чёткое отражение его высокой художественной фигуры, и нет никакой надобности крутить головой ему вслед. – Вряд ли, – взмахнул вытягивавшейся бликующей рукой винно-розовый кайшр, – в моём состоянии можно было ему противостоять. Меч рассекал не только живую плоть, но и энергетические потоки. Вам должно быть известно, что жизнь, как понятие пульсирующее, ёмкое и текучее, имеет свои потоки и нити, прервав которые можно пресечь и сам источник. Моя жизнь не была подобна реке – она сосредоточилась во мне, сияя внутри единым стержнем – иглой, и убить меня было очень трудно... и очень просто: стоило только отрубить остриё этой самой иглы.

Сидевшая напротив меня Ваалисса выглядела почти несчастной. Её встревоженное лицо побледнело и исказилось. Она нервно кусала губы и ни на кого не смотрела.

Я, в свою очередь, давно не глядел ни на выпававшего кайшра, ни на его такого же беспокойного близнеца, заключенного в хрустальную изогнутую грань. Смятение и тревога хозяйки невероятным образом передались мне: в горле поднялась обжигающая волна, отдававшаяся с каждым ударом сердца всё возрастающей болью, болью, болью... Как жжется, горит огнём тяжёлый камень судьбы, украшавший мою грудь. Я судорожно поправил королевскую печать, нестерпимо горячую, живую... И встретился взглядом с Ваалиссой.

4

Синие глаза Ваалиссы... Глубокие – как озёра, бездонные – как колодцы. Уже через секунду я ничего не смог бы сказать ни об их форме, ни об их цвете – лишь выражение мучительной отрешённости и давно похороненной беды чёрными точками зрачков выстреливало, раскрывалось и наплывало на меня, соединяя нас и вычёркивая всех других. Не помню, чтобы я плакал, но глаза изрядно защипало, и что-то выкатилось, остро царапая щёку, упало, оставляя едкий след... Помнишь, как это было? Знаешь, как это есть теперь? Ничего не кончилось – это продолжает длиться. Любовь и смерть всегда спорят о том, кто сильнее, о том, кто из них останется и победит. Спор этот вечен и, кажется, неразрешим. Слова "не на жизнь, а на смерть" – это только слова, не более чем буквы, написанные кем-то на истрёпанном забытом листке бумаги...

Кто это сказал? Или подумал? Последняя мысль заполошно шарахнулась в сторону, отдаваясь судорогой в занемевшей потной руке, сжимавшей висевшую на груди печать. Ещё

секунда – и я сдался на милость происходящему, не совладав со своим рвущимся наружу страхом. Страх был не мой... Конечно же, не мой! Он принадлежал ползавшей по полу женщине, растрёпанной и рыдающей... Пощади, брат! Не убивай его!!! – причитала она, силясь подняться, но безнадежно путаясь в длинных складках многослойной одежды. Рухнул опрокинутый стол, едва не ударив её по протянутой руке. Уронившие его мужчины дрались яростно, неистово... Нет, нет, неправда, я не плакала, – возразил удивлённый женский голос, – а платье действительно очень мешало, иначе я бы непременно сражалась рядом с мужем, плечом к плечу, а вот так, бултыхаясь, как глупая рыба, я только ему помешала бы.

Ослепительная вспышка на секунду выжгла сознание, стирая голоса и видения. Разбитое яйцо, сломанная игла... Нет, нет, не сломанная, конечно же, не сломанная. Не правы сказки, упрощающие всё до щелчка хрустнувшей швейной иголки. Это было скорее подобно взрыву или удару молнии, когда меч царевича Вана с победно поющим звуком рассёк сначала защитный кокон кайшра, а затем и светящееся остриё, чуть выступавшее над его головой. Должна была слететь с плеч и сама голова, но Ушранш успел пригнуться, и... блеснувшее лезвие лишь чиркнуло по волосам. Впрочем, этого "лишь" вполне было достаточно, чтобы с уверенностью заявить о победе: кайшр вытянулся на полу, прошептал, почти выдохнул: – Точно во сне. Как странно... Ва-алис...

Он не закрыл глаза и больше не шевелился. Из его рук и лица истекала прохладная сила, серебристо-голубая и туманная, рассеивавшаяся в воздухе подобно колеблющемуся облаку. Сверху огненной кометой пала ему на грудь всё ещё живая саламандра. Она бестолково тыкалась в него радужной мордочкой, будто испуганная собачонка, вмиг потерявшая хозяина.

– Да, да... Именно саламандра вернула мне надежду, – подтверждающе зазвучал снова тихий женский голос. – Я поняла, что муж мой жив, как бы страшно он не выглядел. А он становился всё ужаснее: тело его высыхало прямо на глазах, чернея и проступая костями, губы уже не скрывали оскал зубов, волосы отвалились потускневшими прядями... Что было дальше? А дальше был Ван, мой брат, который...

"Пшла вон, мерзкая ящерица!" – крикнул Ван и замахнулся на саламандру мечом, намереваясь перерубить одним разом и её, и беззащитного теперь кайшра. Не помню – как, но я метнулась ему под ноги, сбивая собой и удар, и стоявшего брата. Он опрокинулся навзничь, от неожиданности выпустив меч. Вскочил, задыхаясь от злобы. "Ты! Шлюха! – заорал на меня, хватая за косу и подтаскивая поближе. – Смерти ищешь?! Нет, рановато! Ты мне задолжала и трон, и наследника! А потом катись хоть к своему дохлому оборотню!"

"Он не оборотень, и я не шлюха! Кто бы обвинял! Сам к своей продажной Маряне бегаешь! – боль мешала говорить: Ван давил мне коленом на поясницу, одновременно мотая на руку косу. – А всем известно, что Маряна – первая в Уруке блудница! А-а-ааа... Отпусти же, наконец!"

"Отпущу, когда придёт срок!" – зашипел на меня Ван, выжидательно, пристально, нетерпеливо глядя на исчезавшее тело Ушранша. От него уже остался только скелет, обтянутый коричневой кожей. Саламандра поблёлка и тоже постепенно утоньшалась. Улучив момент, пока брат смотрел в сторону, я, чуть отклонившись и почти выдирая себе волосы на затылке, потянулась к лежавшему неподалёку клинку. Моя душа разрывалась от отчаянья, мои мысли раскалёнными спицами протыкали виски, мои пальцы почти коснулись жёсткой рукояти – эх, не достать! Неужели ты умер?! Спаси меня, Ушранш!!! Внезапно ящерица застрекотала и в последнем своём или его предсмертном желании, отвечая на мою пронзительную мольбу, резко прыгнула в и без того обожженное лицо Вана. Тот непроизвольно шарахнулся в сторону, выпуская мои волосы (коса шёлковой змеей ускользнула с его запястья) и закрываясь от неё руками. Я схватила меч и не думая, что творю, вонзила его в самое сердце своего брата – хак! Словно укоротившись, тот неожиданно легко вошел ему в грудь.

"Сестра?.. – удивился Ван, но так и не договорил, безвольно оседая рядом со мной, почти с интересом разглядывая сверкающую короткую полосу, торчавшую из груди. – Сестра..."

Мне было всё равно. Мой брат, мой друг, мой товарищ по детским играм давно не существовал на этом свете. Царевич Ван не имел ничего общего с тем мальчиком, с которым я

когда-то была неразлучна. А мой муж, мой возлюбленный, мой единственный мужчина почти перестал существовать. Надо было что-то делать! Я бросилась к нему – поздно?

"Хагра мазеги! *Будь ты проклята!* – раздалось мне вслед, хрипло, трудно, горько. – Будь проклята ты и весь твой род! Пусть прервётся он на тебе! Да не родятся никогда у тебя... дети..."

Я в ужасе оглянулась. Это было страшное проклятие, стократ страшнее для женщины, чем для мужчины, и отменить его мог только тот, кто его наложил. Может, мне удастся уговорить, устыдить брата? Но нет – он уже упрямо тянул из себя ярко-алый клинок, отворяя рану и тут же захлебываясь безудержной кровью. Хагра мазеги, да будет так...

Смотреть на это не было сил. То, чего я так боялась, случилось и раздавило меня. Двойная, тройная, нет – неизмеримая потеря. Разум померк, и я погребально, завершающе вытянулась рядом с телом мужа. Жить более было незачем.

"Очнись, принцесса! – кто-то нетерпеливо толкнул мою руку. – Скорее! Очнись! Ты можешь его спасти! Скорее!"

Над нами стояла огромная волчица.

"Как??? – её слова действовали на меня, как ушат ледяной воды. Никогда бы не подумала, что так стремительно раздумаю умирать. – Всё, что угодно! Как?!"

"Ты должна отдать ему часть своей силы, половину своей жизни и всю свою любовь! – волчица жаркодохнула мне в лицо. – Станьте одним целым, и он снова проявится в этом мире через тебя. Возьми его за руку, сосредоточься и всей душой пожелай, чтобы он жил!.. Скорее!!!"

Его ладонь была ещё чуть тёплой, но непривычно жёсткой. Кожа собралась не ровными складками и скрючила его пальцы. В отчаянном порыве я прижала руку к губам. Живи!!! Милый, меня нет на свете без тебя. Живи!!! Моё тело двигается лишь по привычке. Прошу тебя, пожалуйста, живи!!!

Волчица глухо заворчала.

"Ты совсем не стараешься, – укоризненно заключила она. – Лгунья! Он *умрёт из-за тебя!* – она оскалилась. – И теперь ты даже не можешь по-настоящему захотеть! Попробуй снова!!!"

Лгунья?! Я не стараюсь? Да как она может? Я едва не рыдала. Развернулась и не истово закричала в её сердитые желтые глаза:

"Замолчи!!! Ты, старая серая тварь! Что ты знаешь о нас?.. – не выдержала и вдруг расплакалась. – Прости меня... Помогите!!!"

"Ладно. Вы, люди, такие бестолковые, – чуть спокойнее вздохнула она. – Что-то не так. Подойди ближе".

Я приблизилась. Волчица обошла меня кругом, старательно обнюхала и внезапно прижалась ко мне большой лобастой головой:

"Ты не можешь спасти его, потому что не знаешь, – наконец, заключила она через некоторое время. И, опережая мой вопрос, добавила: – Ты носишь потомство!"

Беременна? Ноги мои подкосились, и я мешком осела на пол. Радость, горе, смятение, временное помешательство?.. Что я испытала тогда? Бог мой, не знаю! Вспыхнула мысль, что проклятие брата не сбылось, но так не бывает! Или всё же бывает?! У меня родится ребенок?! *Его ребёнок???*

"Ты не можешь его спасти, потому что всю свою силу ты уже отдала своему детёнышу, – как бы со стороны, размеренно, поучающе доносился голос волчицы. – Ты должна выбрать – либо муж, либо сын!"

Значит, мальчик... У меня будет сын! Его сын! Надо сказать Ушраншу: он ведь ещё не знает. Но как же он узнает, если он... умер? Нет, только не это!!! Только не сейчас! Он никогда не узнает?! Ни-ког-да... Выбирать?!

Действительность обрушилась на меня, топча и раздирая на части. Не-е-ет!!!

Боль.

Никакая физическая боль не сравнится с болью души. Хотелось терзать своё тело, чтобы хоть как-то заглушить страдания сердца. Кажется, я сидела и раздирала ногтями лицо, отдалённо отмечая, что ничего, ну абсолютно ничего не чувствую. Выбрать?! Кто способен выбрать между детским смехом и страстным объятием возлюбленного, между вздохом и

жаждой, между единственным мужем и единственным ребенком, между любовью и любовью? Всё есть суть одно, и я не хочу убивать – ни одного, ни другого! Проклятие, всё-таки, сбылось, но, боже, как быстро... Конеч! Хватит!

Хагра мазеги! У меня на самом деле нет выбора! Нечего думать! Моя судьба заждалась меня. Что же тут выбирать? Разве что-то зависит от нас?

Непослушные, ватные ноги подвели, и к Ушраншу я ползла на четвереньках. Упала ничком, лицом вперёд, обняв его за костлявые плечи. Живи!!! – успела подумать я и потеряла сознание, в последнее мгновение почувствовав огромную тяжесть, навалившуюся мне на низ живота...

Как хорошо и покойно "не быть": не слышать, не думать, не ощущать, что время не существует, не значится, как единица измерения, – только безмерное пространство тепла и света.

Кто-то нежно гладил меня по голове, поправляя выбившиеся прядки: я умерла, и это моя мама спустилась ко мне навстречу?

"Девочка моя, – мягко ворковал старческий голос (значит, не мама). – Как же так можно? Столько натворить-то?"

"Она ни в чём не виновата, – настойчиво возражал знакомый мужской баритон – Оллисс Ушранш? Боже, да ведь это действительно мой муж! Живой?.. – Если хотите наказать виноватого, то накажите меня!"

"Молчи уж лучше! – недовольно хмыкнула та. – Как-нибудь без твоих советов обойдусь! Да на кой ты мне нужен? Я пришла не из-за тебя, уж поверь! Я – хранительница царского рода! Я здесь потому, что нарушено равновесие, порван родовой канал силы, и жизненная река утекает куда-то не туда... Ха! Теперь я вижу куда!"

Я с трудом разлепила глаза и увидела склонённое надо мной морщинистое лицо моей названной матери – древней Я-Баи. Неподалёку стоял мой муж, ужасно худой и осунувшийся, но живой (хотелось тысячи раз повторять это слово "живой"), и нервно теребил густую шерсть на холке сидевшей у его ног волчицы. Та преданно заглядывала ему в глаза и улыбалась во всю свою страшную пасть. Труп моего брата куда-то исчез.

"Я не могу отменить произнесённое Р-Ваном проклятие! – удручённо говорила старуха, продолжая перебирать мои волосы. – Родовые проклятия – самые сильные и неистребимые, тем более, что Инь совершила непоправимую ошибку: братоубийство во все времена приносило одни лишь беды".

"Но ведь тогда он убил бы её!" – быстро возразил Ушранш, дрогнув голосом на последнем слове.

"А вот это неизвестно!!! – оборвала его старуха. – Ишь, чего удумал! Убил бы?.. Ха! Ван был всегда очень расчётливым мальчиком".

"Но меня-то уж точно убил бы!" – вздохнув, чуть тише добавил он.

"Может, было бы лучше, если бы и убил", – в тон ему, пропечатывая каждое слово, веско попытожила Я-Баи.

Они надолго замолчали.

"Оллл... ссс... – едва слышно, через силу позвала я, окончательно открывая глаза и пытаясь приподняться. – Наш... сыночек... он... он... Я виновата..."

"Я знаю, – глухо произнёс он, оттолкнул волчицу и подошёл ко мне. – Милая моя, единственная! Главное, что мы живы и вместе. Мы вернём его, чего бы нам это ни стоило! Ты ни в чём, слышишь, ни в чём не виновата!!! – последние слова он договаривал мне прямо в ухо, тепло уткнувшись в мою шею, крепко обнимая и, наконец, под хватывая на руки. – Любовь моя! Ты подарила мне жизнь, а сын... сын ещё обязательно будет. Верь мне!"

"Хм... – хмыкнула старуха, оглядывая нас с головы до ног. – Однако! – её глаза чуть подобрели и перестали шуриться. Она снова хмыкнула и обратилась, но не к нам, а к сидевшей неподалёку волчице: – Ты посмотри на них, а, вулфса? Ну, что тут скажешь?"

"Помоги им, – неожиданно отозвалась та, как будто ждала этого вопроса. – Великая Я-Баи, ты же можешь всё. Помоги им!"

"Всё?! – иронично улыбнулась та, но было видно, что сказанное ей приятно. Она снова глянула на нас, вздохнула, нахмурилась и, глубоко задумавшись, заходила по комнате. Наконец, остановилась и чеканно произнесла: – Всё я, конечно, не могу. Отменить проклятие не в моих силах: оно было сказано вслух, и за него было заплачено кровью, ненавистью, жизнью, но... Слушайте, дети, внимательно! Я могу смягчить его. Да, Ваалисса, ты не сможешь родить ребенка (я ощутимо вздрогнула и прижалась к мужу) до тех пор, – она грозно потрясла в воздухе узловатым пальцем, – пока не найдётся мальчик, который добровольно – сам! – решится заменить тебе потерянного сына. Он должен захотеть остаться с тобой навсегда и по велению сердца назвать тебя "мамой". А чтобы ты не могла его уговорить, ибо тогда ничего не получится – душа человеческая хоть сильна, но и слаба! – я забираю твой голос!!! Согласна ли ты на эту жертву, а, царевна?!"

"Да! – звонко выкрикнула я, опережая своего мужа, и его "нет" застыло у него на губах. – Да..." – чуть тише повторила я, и почувствовала, как иссяк родник звуков в моём пересохшем горле. А Я-Баи уже подняла свои кряжистые руки, хватко перебирая пальцами, будто вытягивая из моей шеи невидимую пряжу. "Да! – произнесла я в третий раз, но лишь взглядом, молящим, извиняющимся, обещающим: – Всё будет хорошо, любимый, верь мне!"

"Не сердись! Поздно сердиться: она приняла это решение сама, – безапелляционно провозгласила Я-Баи, обращаясь к моему встревоженному мужу, – и тебе придётся последовать ему! Никуда не деться – вы теперь одно целое! Ваалисса отдала часть себя, чтобы ты жил – ты и живешь! Но!.. Вы, да будет тебе известно, должны быть вместе, иначе связующая вас нить порвётся, сила иссякнет, и ты, всё-таки, умрёшь, – она по-хозяйски оглядела нас обоих, чему-то кивнула, осмотрелась вокруг и бодро добавила: – Стену защитную вам, что ли, выстроить? Ладно! – она звучно хлопнула в ладоши. – Эта гора будет в полном вашем распоряжении, а чтобы не шлялись тут всякие алчные да хитрые, я сделаю её недосягаемой – пусть идут любопытные в тридевятое царство да за тридевять земель, и так ничего и не разыщут!!!"

А как же дойдёт сюда мой будущий приёмный сыночек? Эта мысль заставила похолодеть моё сердце и сжаться безголосое горло. Матушка Я-Баи, как же так?! Она поймала мой взгляд и кивнула:

"Он придёт. Он обязательно придёт, – она подошла и погладила меня по щеке. – Человек помнит зло, но Время его не помнит. Время знает добро, ибо Время есть Сами... Боги, – и старуха, согнув в локтях руки, ткнула два указательных пальца в небо. – Верь и жди: грех твой растворится в веках! Прощай, моя девочка, ты теперь не принадлежишь земле, и царство твоё – только гора Гирнар. Год или тысяча лет здесь будут подобны полёту мотылька – столь же неуловимы и призрачны. А чтобы ты могла хоть иногда говорить, я создам для тебя сказочный сад – пой в нём, птичка моя! Там ты будешь, как прежде – юной и беспечной. Его шепчущие пески будут вести с тобой тихую беседу, и твой голос ненадолго возвратится к тебе".

Оллис Ушранш улыбнулся и вздохнул с облегчением.

"Рано радуешься, – покачала седой головой старуха. – Вход туда для тебя, чужак, закрыт, иначе своими мыслями и чувствами ты вдруг да ненароком ещё разрушишь это зыбкое место. Да и зачем вам разговаривать-то, а? Истинная любовь не нуждается в словах. Так-то, дети мои!" – она каркаяще рассмеялась и, взмахнув рукавами, растворилась в воздухе. Вслед за ней встала и серая волчица, тряхнула густой шкурой, потянулась и расплылась зыбким прохладным туманом.

Мы остались одни. Впрочем, нет, не совсем одни: из открытого окна на нас взидала безразличная ко всему Госпожа Вечность.

5

– Вот это да, Василий! Я понимаю – заснул, но чтобы лицом в салат?! Любишь, чтобы сразу и мягко, и сытно? – ловкие пальчики Враххильдорста щипали и теребили моё ухо. Второе ухо удобно покоилось в блюде с зеленью и тёртой морковью, а самое главное – в пахучем белом соусе, который изрядно успел заляпать мне голову. Я с чмоканьем выдрался из тарелки и растерянно замер, не зная, что же делать дальше.

Громко расхохотался Горынович, беспардонно тыча в меня пальцем. Ему что-то тихо выговарил фианьюкк, но разошедшийся Зорр его не слушал.

Сзади меня раздали лёгкие шаги, и мне на затылок опустилась рука. Я обернулся: за мной стояла Ваалисса и ласково улыбалась.

Мои волосы и щека вновь были чистыми.

– К сожалению, ты проспал почти весь мой рассказ, – услышал я голос Оллисса Ушранша. – Повторяться не буду, уж извини! Попроси кого-нибудь на досуге – пусть потом тебе заново перескажут.

– Не надо! Мне кажется, что я и так знаю, – я внимательно посмотрел прямо в глаза интуитивно насторожившемуся хозяину, – что произошло в тот день. Я сам видел, что... – я растерянно оглянулся на Ваалиссу и молча пожал плечами. Так бывает нестерпимо неловко, когда на полном ходу, неожиданно-негаданно, прежде всего для самого себя, вклиниваешься в чью-то личную жизнь, будто влезаешь в грязных сапогах на чужую кровать, да ещё прямо к спящим супругам. Странно, но они не смутились и не озадачились, а лишь спокойно, многозначительно переглянулись и так ничего и не сказали.

– Знаешь, так знаешь, – каким-то слишком равнодушным тоном подытожил кайшр. – Тебе же и хуже: чужое знание, что утюг в кармане – вниз тянет, штаны рвёт, к тому же порою жжётся.

– Так и заберите ваш утюг, – пробормотал я себе под нос, ни на кого не глядя. – Оно мне было надо?

– Всё теперь! – кровожадно отвечивал хозяин. – Надо, не надо, а назад – никак. Я оглянулся на своих товарищей: те ненавязчиво прислушивались, впрочем, не забывая ковыряться в своих тарелках, усиленно создавая видимость непринуждённой обстановки. Фастгул'х переместился в нижний ярус, сидя теперь верхом на своём ненаглядном Иичену и старательно теребя его длинную шею. Тот, млея, жмурился и изредка выдавал то ли бульканье, то ли урчанье.

– Значит, там внизу, в шепчущем саду мы разговаривали с настоящей Ваа... – я смутился и, повернувшись к самой Ваалиссе, добавил: – С вами? Ну, конечно же, с вами. А как же Ядвига Балт... почтенная Я-Баи? Она сюда больше не приходила? Не может быть, чтобы ваша судьба была ей безразлична! Столько лет прошло, и неужели она ничего не смогла придумать? А... – я чуть было не сказал "мальчик так и не пришёл", но вовремя спохватился, заёрзал и смутился окончательно.

Нет, – печально качнула головой Ваалисса, отвечая на все мои вопросы сразу. Нет, нет и нет.

– Старуха здесь ни при чём, – чуть раздражаясь, вставил Оллисс Ушранш, притягивая к себе взглядом жену, которая бесшумно подошла к нему и села рядом. – Долгожданный... претендент так и не явился. Помощи нет: до своих мне ни за что не докричаться – без потерянного прибора! – он бросил стремительный взгляд на лежавший между тарелками Фатш Гунн, – трансильвопл не работает. Хоть на молекулы изойдись – там (он горько ткнул в потолок костлявым пальцем) меня никто не услышит.

– Там? – я тоже посмотрел сначала вверх, потом в сердито-печальные глаза кайшра, печаль которых многократно множилась ещё и очень выпуклыми стёклами очков, на прикинувшую к нему жену, на Фатш Гунн, пожал плечами и вдруг с облегчением произнёс: – Так он – ваш? Ну и возьмите его себе на здоровье! – чуть помолчал и добавил: – Мне не жалко.

Стало необыкновенно тихо. Даже Фастгул'х перестал возиться со своим ничем, лишь громогласно и торжественно возлежал на обеденном пьедестале враз потяжелевший и как бы даже увеличившийся в размере виновник тысячелетних событий и нашего теперешнего разговора.

– Ну, что же вы? – удивился я, оглядываясь на изумлённо молчавшего кайшра, так и не двинувшегося со своего места. Встал сам и, прихватив теперь чужой мне жезл, направился вокруг стола к взволнованному хозяину. Тот, с грохотом отодвинув кресло, поднялся навстречу. За ним, как тень, последовала и Ваалисса.

Время... Что есть время? Пока меня не спрашивают, я знаю. Стоит лишь задать вопрос, и я теряюсь. Моё настоящее через секунду становится прошлым, как вода, просачиваясь сквозь пальцы. Я долго сравнивал время с рекой, пока не понял, что и сам тоже подобен реке, также текуч и непостоянен... С каждым новым вздохом я становлюсь другим, но однако и остаюсь всё тем же. Чем дальше, тем более глубока и темна вода забвения. И только память, ма-разматическая летописица, что-то подслеповато карябает в книге судьбы, сочиняя новые и новые варианты уже произошедшего. Пошла вон, старая карга! Теперь я и сам, если будет надо, сожгу страницы биографии и вместо них, может быть, вообще ничего писать не буду... Время – дар вечности. У меня есть дни и годы, у меня есть воспоминания, и у меня есть будущее, которое я не знаю, но предчувствую...

ГЛАВА 20. ВААЛЬ СИЛЬ ХАЭЛЛ.

*В песчинке целый мир найти,
И небеса – в цветке лесном.
В ладони космос уместить,
И век – в мгновении одном.*

Уильям Блейк

*Когда ты стоишь один на пустом плоскогорье, под
бездонным куполом Азии, в чьей синеве плывёт
или ангел разводит изредка свой крахмал;
когда ты невольно вздрагиваешь, чувствуя, как ты мал,
помни: пространство, которому, кажется, ничего
не нужно, на самом деле нуждается сильно во
взгляде со стороны, в критерии пустоты.
И сослужить эту службу способен только ты.*

Иосиф Бродский

1

В руках Ушранша жезл смотрелся настолько естественно, что сразу стало понятно: тот, наконец-то, вернулся к своему законному владельцу. Справившись с обуревавшими его чувствами, кайшр что-то ловко переставлял, сдвигал, крутил и щёлкал, явно проверяя вновь обрётённое сокровище. Камень на конце Фатш Гунна вспыхивал разноцветными огнями и изредка выдавал тоненькие пробные молнии, выстреливавшие веточками в потолок.

Все ждали, с интересом наблюдая за происходящим.

– Сардага харр, – удовлетворённо заключил Оллисс Ушранш, вдруг складывая жезл пополам и ещё раз пополам, получив в результате небольшой компактный куб со спрятанным внутри камнем. – Невероятно – но он в полном порядке, как будто я потерял его только вчера! – он торжественно выпрямился и, не спеша, повернулся ко мне: – Я в долгу перед тобой, Василий, а свои долги я привык оплачивать сразу же. Проси, чего хочешь!

Это было так непредсказуемо, ошеломляюще просто и искренне, что я смешался, неловко оглянувшись на остальных и... так ничего и не сказал, глубоко и надолго задумавшись.

Диллинь, далёкая, желанная и теперь достижимая!.. Сердце отчаянно стукнуло и сорвалось в бешеный ритм. Здравствуй, Динни! Я, как бы то ни было, иду к тебе. Неужели станет возможным невозможное?!

Вокруг ободряюще улыбались друзья. Глубоко вздохнул враз погрузневший Горынович: у него тоже имелось своё потаённое желание. Едва шевеля губами, о чём-то настойчиво шептал Айт Яэйстри. Я прислушался.

– Всякая мечта, в конце концов, воплощается. Она могущественнее реальности, ибо она сама и есть высшая реальность. Мечтая о любви, мы живём, а не существуем. Ах, Тэйя... Прости! Я пока не заслужил своё заветное желание.

Оллисс Ушранш не торопил меня, кажется, насквозь читая мои мысли и чувства. И что в них было такого сложного? Моя печаль и тревога, сомнения и вновь вспыхнувшая надежда безумным клубком полыхали у меня в глазах. Я еле собрался с мыслями, нервно приглаживая их вместе с непослушными волосами, потёр лоб и глубоко вздохнул пару раз. Итак, у меня есть одно желание, всего одно. Не много и не мало – в самый раз, чтобы увидеть Диллинь или спасти от магаров весь мир. Хотя, может, это и не в его власти. А что, кстати, в его власти?

– Не думай об этом, как о многом или малом, – покачал головой кайшр. – Просто окупись в себя и пойми, наконец, чего же ты хочешь на самом деле. А смогу ли я это выполнить?.. Ты сначала смоги загадать!

Он ещё что-то говорил, но я уже не вслушивался, опять погружаясь в лабиринты своих размышлений. Что же есть истина первого и последнего желания, одного единственного, а не

трёх (какая роскошь!), положенных по сказочному сюжету? Где тут спрятан подвох, в чём загвоздка? Хитрые джинны и ехидные золотые рыбки ловко повернут всё по-своему. Где-то читал я про дуралея, попросившего себе всеобщего признания и оваций и окончившего жизнь на плахе под восторженный рёв толпы. Кто бы сказал, что его желание не сбылось? Попросишь мира в целом мире или ответной любви и, не дай бог, получишь! Мир вокруг обернётся безлюдной пустыней и станет некому больше воевать, а любовь... Тут даже и думать не хотелось, ибо было совершенно неизвестно, куда могут завести меня зыбкие рассуждения о столь неуловимом понятии. Диллин, прекрасная и опять недостижимая! Мы обязательно встретимся с тобой, потому что нет у меня другого пути. А магары? Что магары. Как победить их? Может, лучше сначала понять, для чего они... Я не успел додумать, как мне в голову пришла шальная идея, разом разрубающая узел сомнений и вопросов.

– Давай, Василий! Не продешеви! Гулять, так гулять – по полной программе! – возбуждённо нащёптывал мне сбоку Враххильдорст, постукивая от нетерпения хвостом. С другой стороны стола что-то пытался изобразить пальцами и шевелящимися усами Горынович.

– Кстати, поторопись! – улыбаясь, то ли пошутил, то ли решил действительно поторопить меня Оллисс Ушранш. – У тебя на размышления об этой самой полной программе осталось всего семь ударов сердца, то есть семь секунд, чтобы принять решение. Уже шесть, пять, четыре...

– Хочу... стать дафэном! – выпалил я, разом ощущая невероятное облегчение. Кайшр коротко выдохнул, глянул на меня как-то странно, изучающе и тихо спросил:

– А ты хоть знаешь, что это такое?

– Нет! – честно признался я и, глупо улыбаясь, доверительно добавил: – Но очень хочется.

2

Дальше события разворачивались, как в настоящей образцово-показательной сказке: стремительно, непредсказуемо и не в меру волшебю. Кайшр развеселился и вдохновенно потирал костлявые руки. Захлопали, как от сильного ветра, двери, и края скатерти вспухли трепещущим парусом, удерживаясь на столе только увесистыми блюдами и чашами. Зазвенели, покотившись, вилки и ложки. Радостно взвизгнул Фастгул'х и вскочил с Иичену, хлопая в ладоши и подвывая по-волчьи. Враххильдорст кидался пирожками, подбрасывая их вверх, видимо, за отсутствием головного убора, и кричал "началось-поехало". Фианьюкк широко улыбался и кивал непонятно кому. Из-под стола галдел иич. Вкруг комнаты ко мне направлялся ухмылявшийся Горынович с тем неопределённым злорадным выражением на лице, которое позволено лишь близким друзьям да в особо торжественные моменты, мол, что, дружище, повезло, так я тебя сейчас ка-ак поздравлю. И ведь "поздравил" бы – рука у него сказочно тяжёлая!.. Но над всем этим празднеством уже царила Ваалисса, гордо выпрямившись и широко раскинув в стороны руки. Раз! Она взмахнула ими, как крыльями, и развернулась вправо. Два! Снова взмахнула и развернулась влево. Три! И вдруг исчезло всё и все, только кайшр да я стояли одни на берегу вечернего озера. Впрочем, нет – на соседнем камне ошалело восседал дофрест с одним пирожком в протянутых ручках, второй пирожок, видимо, приземлялся на покинутой нами горе Гирнар. Обиженно оглядев нас, он спрыгнул на прибрежный песок и, бормоча через плечо "так бы и сказали, что у вас секреты", побрёл в ближайšie кусты.

– А ты почему не исчез? – вслед ему крикнул Ушранш, с прищуром разглядывая удаляющуюся фигуру.

– А надо было? – уже из зарослей ответил Враххильдорст. – Так предупредили бы!

– Где мы? И где другие? У нас что, на самом деле от них секреты? – в свою очередь полюбопытствовал я, с наслаждением вдыхая прохладный воздух. Мимо, хлопая крыльями, пролетели несколько белоснежных лебедей и с шумом опустились на воду, классически дополняя собой живописную картину.

– Любит она их, – пропуская мимо ушей мои вопросы, сказал кайшр, наблюдая за птицами, которые в данный момент осторожно плыли к нам явно с попрошайническими намерениями. – Нечего, нечего! Итак жирные – хоть суп вари! – отмахнулся он от них и, решительно развернувшись, потянул меня за собой, направляясь вверх по сыпучему берегу.

Пройдя сотню шагов, среди сосен мы увидели каменный дом в японском стиле, к клетчатым дверям которого вела пологая, выглаженная временем лестница.

– Моя лаборатория! – не без гордости объявил Ушранш, поднимаясь по ступеням. У дверей он остановился: никакого замка на них не было, но я готов был поспорить, что они накрепко заперты – заперты, да к тому же ещё и заколдованы.

– Добро пожаловать! – проговорил он, прикладывая ладонь к центральному квадрату. Дверь бесшумно отъехала в сторону.

Большое помещение напоминало скорее жилую комнату, нежели исследовательскую лабораторию – квадратную, почти пустую, всё в том же стиле изысканной простоты. Посредине, между беспорядочно разбросанных подушек стоял низкий столик, стеклянная поверхность которого нескромно выставляла напоказ содержимое подвешенного под ней единственного ящика. В ящике что-то двигалось и шелестело. Я не стал застенчиво топтаться на пороге и, следуя своему неукротимому любопытству, прямо от дверей направился к загадочному предмету.

– Столяриус – моя гордость! – пояснил Ушранш и, улыбаясь, добавил: – Гордость и жизненная необходимость.

Наклонившись, я заглянул через стеклянную плоскость и едва удержался от удивлённого возгласа: в обычной деревянной ёмкости жила, дышала и перешёптывалась миниатюрная копия каменного сада, в котором мы не так давно встретились с Ваалиссой.

– Она не знает, что я за ней наблюдаю, – с глубоким вздохом прошептал кайшр и тоже подошёл к столику, протянув руку, провёл ею над крошечными деревьями. По саду тотчас пролетел порыв ветра, хрустальные листики потревоженно зазвенели, песок накатил на разноцветные плиты дорожки и сердито отхлынул, застывая новым волнистым узором. – Недоволен. Признает только мою жену. Столько веков прошло, а мне так и не удалось найти с ним общий язык.

– Значит, нас вы тоже видели? – спросил я, отрываясь от маленького чуда.

– Представь себе, нет! В тот момент я пребывал в зовущей сорае.

– А сорае – это...

– Пытался докричаться до своих, – неохотно пояснил он, не вдаваясь в подробности, и мой вопрос – "до каких же это до своих?" – опять остался незадачным. – У вас, у людей, есть близкое понятие "медитация", максимально отражающее смысл происходящего. Да ты садись, Василий! Устраивайся поудобнее. Чтобы стать дафэном, пяти минут недостаточно. Не забыл ещё о своём желании?

– Может, и забыл бы, но с недавних пор все вокруг только и твердят, что я – какой-то немыслимый дафэн, этакий крутой парень, который должен куда-то вернуться и почему-то всех обязательно спасти, – я с облегчением плюхнулся в груду подушек. – Надоело, что я один ничего не понимаю. Хотя нет – остальные тоже двух слов связать не могут, ничего не объясняют, знай себе только обзываются: дафэн да дафэн!.. Хорошо! Ладно! Уговорили! Я теперь вот и сам хочу – пусть буду дафэном!

– Что ты так разволновался-то? – участливо заглянул мне в лицо кайшр. – Конечно, будешь! Никуда не денешься! Кем-нибудь будешь обязательно, только учти, что назад уже не переделаешься.

– Давайте скорее! – отчего-то сердясь, пробурчал я.

– Спешка нужна только при ловле блохицыглей! – хмыкнул Ушранш, впрочем, пожал плечами и направился к единственному высокому шкафу, стоявшему справа от входной двери. Открыл, занырявая плечами и головой, что-то озабоченно забормотал изнутри и вдруг шагнул, погружаясь в него целиком. Я едва успел углядеть между затворяющимися дверцами тёмную перспективу огромного помещения с многочисленными полками, столами и непонятными

силуэтами. Я не удержался и подошёл ближе, – шкаф как шкаф, красивый, инкрустированный, в меру старинный, – потянул за ручку. Шкаф оказался заперт изнутри.

– Прав был Змей Горынович, – едва различимо, как будто издалека раздался голос Ушранша, – когда упоминал твой любопытный нос. Как кроме носа ещё что-нибудь не придавили?

Дверцы зловеще заскрипели и оцетинились на меня резными крючками деревянных завитков. Я попятился, затем предусмотрительно вернулся на место – неровен час, начнут занозами стрелять.

В ожидании кайшра заглянул внутрь столяриуса, снова восхитился ювелирной хрупкости тонюсеньких веточек, нагнулся ниже, запотевая своим дыханием стеклянную поверхность, развеселился, решил было нарисовать смешную рожицу, передумал и начертил пальцем: "Как дела, дружище-сад?". Буквы медленно улетучились вместе с туманным пятном, но внизу, в ящичке, песчаная поверхность ожила, зашептала, потекла, извиваясь бороздками и складочками, и вдруг сложилась в чёткую надпись, плавно огибавшую каменные деревья: "Будь чрезвычайно осторожен!". Я вздрогнул и оглянулся на закрытый шкаф, в котором отдалённо что-то гремело, позвякивало и булькало. Осторожен?.. Да к тому же ещё и чрезвычайно? В каком это смысле, а, садик?! Но мой странный собеседник опять жил сам по себе, больше не обращая на меня никакого внимания. Нежданное предостережение рассыпалось ничего не значащими узорами, а дальнейшие мои эксперименты с разрисовыванием стекла ничего не принесли.

– Зря стараешься! – выходя из шкафа, негромко, но веско бросил Ушранш. – Этот сад беседует только со мной, и только тогда, когда у него хорошее настроение, что, кстати, бывает крайне редко.

Он подошёл и поставил передо мной большую конусовидную чашу, до краёв наполненную дымящейся коричневой жидкостью. Напиток выглядел неаппетитно и весьма подозрительно. Я покосился на невинно замерший сад: интересно, что же он, всё-таки, имел в виду, сообщая мне о возможной опасности?

– Это активатор Х-369, сотремирующий генную память, – бодро заявил кайшр, потирая руки и вышагивая вокруг меня, будто заботливая мамаша, пытающаяся накормить капризного ребёнка. – Это уникальный состав, который воздействует не только на физические элементы тела, но и на глубинные слои подсознания, вскрывая закапсулированные там способности. И если ты действительно являешься дафэном – что ж, на свете всякое бывает, хотя мне что-то... – он на минуту остановился, оценивающе оглядывая мою напряжённую фигуру. – Как знать, как знать... Однако, дафэнами не становятся – ими рождаются.

– А я слышал обратное.

– Так или нет, – улыбнулся Ушранш, – неважно, потому что уже через пару минут ты узнаешь это на собственном опыте. И даже если это не так – ты получишь неоценимый подарок, ибо ты – не простой человек: это-то я увидел сразу, и то, что скрыто в тебе, обязательно проявится.

– А какой я человек? У меня на лбу, что ли, написано о моей непростоте? – я с опаской взирал на стоявший передо мной напиток.

– Ты слишком много спрашиваешь! – поморщился кайшр. – Пей, и тогда я отвечу на все твои вопросы. Если они у тебя ещё останутся.

– А он обязательно должен выглядеть так несимпатично? – я покосился на чашу, начинавшую источать тонкий, чуть кисловатый запах. Не люблю кислое, да и шепчущий песок не советовал. Или он предупреждал о другой опасности?

– Ну-ну, – иронично приподнял брови хозяин и чуть слышно добавил: – Сколь верёвочке не вейся, всё равно...

– Что?

– Хорошо! – громко бросил Ушранш и решительно направился к шкафу. – Вкус абрикосов, надеюсь, тебя устроит?

Хлопнули дверцы, и я остался наедине с дымящейся чашей. Почему он выбрал именно абрикосы? Будто знал, что я их с детства люблю.

Ну что, шепчущий доброжелатель, что теперь ты мне посоветуешь? Я наклонился над прозрачной столешницей. Сад упрямо оставался безучастным.

Пить или не пить? Верить или не верить? Быть осторожным или послать сомнения к чоттам и рискнуть? Правда или обман? Я напряжённо глянул в сторону ушедшего Ушранша. Старая привычка опасаться злого и коварного Кощея Бессмертного мешала сосредоточиться, пусть в этой реальности он оказался и не таким кошмарным, как его описывали в сказках. Но дело, наверное, даже и не в нём. Вот если б была возможность хоть как-то проверить эту подозрительную коричневую бяку, преподнесенную мне как чудесную панацею? Не печать же, право слово, туда макать?.. Руки сами собой зашарили по карманам. Жемчужина! Конечно же! Как говорила дэльфайса, она способна определять отравленные жидкости? Вот сейчас и проэкспериментируем! Я выудил жемчужину из кармана, поднёс к чаше и задумался, – вроде бы нужно бросить ее в воду: коль почернеет, значит, яд! – покрутил немного, вздохнул и разжал пальцы. Продолговатое драгоценное тельце упало в чашу, булькнуло, чуть задержалось на поверхности и вдруг, засветившись пронзительно розовым, пошло ко дну, по пути разваливаясь на отдельные крупинки. Миг – и жемчужины не стало.

И что бы это могло значить, а?

Я потрясённо молчал. Ещё одна моя спутница перестала существовать. Хотя нет, не совсем перестала... Я, наконец, сделал вдох. В растворённом виде она, так или иначе, присутствовала в чаше. Теперь, хотя бы из упрямства, я решил осушить её до дна – розовый цвет, в конце концов, не чёрный.

Хлопнули дверцы шкафа.

– Заждался? – ко мне широкими шагами подошёл Ушранш. – Сейчас будет тебе солс, достойный королей. Даром, что абрикосовый.

Он прищёлкнул пальцами и всыпал в напиток несколько оранжевых крупинок. Жидкость забурлила, помутнела и окрасилась в ржавый цвет. Сладко запахло курагой. Я улыбнулся, быстро протянул руку, схватил чашу и одним махом, как стакан водки, влил в себя её содержимое. Вдохнул, занюхал рукавом и хлопнул чашу об пол – на счастье! Последнее, что я успел увидеть, было внимательное, заинтересованное лицо Оллисса Ушранша.

Пол неожиданно встал дыбом, ринулся на меня и со всей силы треснул по лбу.

3

Пахнет влажной землёй и опавшими перезрелыми абрикосами. Они повсюду: в каждой ямке, в траве, под корнями, под каждым листом лопуха таится рыжекоричневый измятый плод. Иногда они скатываются в кучи или заполняют собой целые пространства, сладкими заплатами пятная зелёную лужайку садового лабиринта.

– Васенька, беги сюда! Здесь они самые вкусные! – Динни спрыгивает сверху, ловко цепляясь за ветку. Садится рядом, со смехом высыпая мне прямо на колени оранжевые бархатные абрикосы. – Кушай, малыш! Вырастешь большим, сильным и таким же сочно-рыжим!

Я что-то отвечаю и цепляюсь за ласкающую меня руку, прижимаясь к ладони веснушчатой щекой.

– Нет, нет, Васёк, обниматься уже хватит! – хохочет Динни, мягко освобождая пальцы. – Нет, нет, ты же большой мальчик.

Ты же большой мальчик! – повторяет мне она, когда я сижу с разбитым носом и огромным расплывающимся синяком под глазом; другие – тоже мальчики и тоже, наверное, большие – давно убежали, бросив меня и недомученного щенка... Мальчик не должен показывать свой страх, – говорит мне она, когда я в пятый раз подхожу к краю вышки и потом, всё-таки, прыгаю вниз... Ты уже взрослый, почти мужчина, – когда с трудом приходится просить прощения, терпеть, не обращать внимания, или наоборот – из последних сил доделывать задуманное... Ты уже взрослый. Я что-то отвечаю ей каждый раз, и мой "голос",

меня тембр и интонации, возражает, соглашается, недоумевают, раздумывает и любит. Да-да, любит, впитывая каждую её черту, каждую деталь её удивительнейшего облика, такого недоступного и прекрасного, близкого и далёкого: улыбка, глаза, рука, поправляющая волосы... Её волосы завораживают меня. Светлая река, льющаяся по спине и ниспадающая до колен, – в лесу Динни всегда распускает свои косы, – притягивает мой взгляд подобно магниту. Вот она идёт по тропинке передо мной, гордо неся своё струящееся богатство, и мне очень хочется протянуть руку и коснуться хотя бы вон той пляшущей на ветру пряди. Девушка впереди меня оборачивается и грозит мне пальцем, – нет! – смеётся, лукаво наклоняя голову, и вдруг призывно пускается в бег. Догоняй!.. И я устремляюсь следом. Догоняю и подхватываю её на руки, на крепкие мужские руки. Она всё ещё смеётся, теперь уже гортанно, с воркующей истомой, с нежностью. Мы падаем в траву и катимся, оборачиваясь шлейфом теперь почему-то рыжих волос. Она оказывается сверху и победно улыбается, щурясь от полуденного солнца. Это не Динни. Ведь у этой девушки такие же яркие кудри, как у меня, и она очень напоминает мою прапрапра... прабабушку – Ла-ас Агфайю? Теперь я смотрю на целующуюся пару как будто со стороны: черноволосый мужчина очень настойчив и любит женщину гораздо больше, чем она его. Нет, она его вообще не любит! Это заметно и почти неприятно. Дальнейшие события мелькают, как быстрые росчерки – поразительно быстро, умопомрачительно, слишком живо, бесконечно, изнуряюще... Плачет брошенный ребёнок. Холод. Ночь. Идёт дождь. Ругается пьяный лесничий, пытающийся забыть сбежавшую жену. Тоска. Последняя бутылка... Задумчиво бредёт домой уставшая после работы женщина – моя мать? Чужая?.. Видения ускоряются, сменяясь одно другим: люди, чувства, комнаты, реки, снегопад, переходящий в оттепель, ветер, ветер, ветер, голоса. Я вижу хрустящую от засухи просеку, порванную пустую паутину, весь огромный Солнцевский заповедник и в нём каждую травинку в отдельности, вечерний танец дриад, вымаливающих небесный ливень, умирающих дараинов и голодных тощих коров на пустыре.

Вижу жаркий пластилиновый асфальт на моей улице и цепочку свежих следов на нём, толстую тётю Соню, торгующую на углу мороженым, понурю очередь за сахаром и колбасой, детей, машины, кусты акации в незнакомом городе, бегущий табун лошадей, оставляющий за собой непроницаемое облако пыли. Вижу тоску в глазах нашего бывшего преподавателя Самуила Евграфьевича, уставшего слушать дураков и лентяев и почившего от инфаркта десять лет назад. Я перестаю осознавать, где же есть я, так как чувствую и сопереживаю каждому в отдельности и всем сразу. Я потерян и нетерпелив. Я снова ищу Динни. Её черты неистребимы и вездесущи. Они везде: переливаются и искрятся в вечерней золотой волне океана и в золотистой шкурке умывающегося кота, они в соразмерной законченности пирамид и в гибкой линии поста явно обновляющегося берега, они проносятся отблесками во вдохновенных лицах влюблённых и иногда проступают мудрой завершённой в остановившихся глазах старух. Я вижу бесконечное число глаз рядом с собой: они смотрят в меня, и я смотрю через них. Я вижу города и людскую суету в их чревах, боль, страх, короткую вспышку счастья, гнев, вожеление, влюблённость и снова суету, суету, суету. Сюда Диллинь нисходит реже, и человеческое одиночество нестерпимо, как и невысказанные мольбы о помощи. Неожиданно вижу своё собственное рождение и опять ощущаю несправедливую боль походя перерезанной пуповины – снова обречён на жизнь, пойман в грубый капкан действительности? Влажные виски матери источают усталость и великую любовь. Я в смятении от полной беспомощности и ещё непотерянного знания, исчезающего с каждой минутой моей проживаемой новой жизни... Испугался и очнулся в дремучем лесу – один, замёрзший и бестолковый. Мама?! Хочу домой!.. Мне жалко себя, и я посылаю малышу всю свою теплоту и обещание надежды, которые вдруг зажигаются ясными порхающими огоньками. Огни вспыхивают около детского лица, танцуют, и слёзы высыхают сами собой. Танцующие путеводные огни, созданные одним лишь моим намерением... Вижу огромное дупло с мягкой сухой трухой внутри и привожу ребёнка туда. Спи, малыш. Спи! Как тихо в чаще... Аромат сирени после грозы. Я, наконец, чувствую рядом присутствие Динни и обращаю к ней всю свою любовь. Приди! Найди и спаси меня!!! Прошу тебя, приди! Мы встретимся с тобой в прошлом, мы встретимся с тобой и в будущем! Я дафэн,

я вернулся, потому что ты можешь пройти мимо и никогда не заметишь рыжего малыша, свернувшегося тёплым комочком в глубине дерева. Я вернулся и буду возвращаться вновь и вновь, лишь бы ты прикоснулась к моей кудрявой голове, взяла бы меня на руки... Бельчонок! Ты зачем забрался в дупло? – говоришь мне ты, и я, наконец, встречаюсь с тобой глазами. Я вижу своё лицо и вижу твоё лицо... Великий Лес! То, для чего я здесь – свершилось! Нет сил терпеть то огромное счастье, которое охватывает меня, и я плачу навзрыд, сотрясаясь в твоих объятиях, утопая в них и возрождаясь. Душа моя окончательно наполняется, и я устремляюсь вверх, вверх, вверх – куда-то в немыслимое сияние, в то таинственное, неопишемое нечто, которому люди дали такое великое множество имён, и всё впустую, ибо ни одно имя не способно отразить его величие... Я чувствую бесконечное преклонение. Я чувствую бесконечную боль, но она уже не выжигает меня изнутри, являясь естественным уравнивающим дополнением меня самого. Моя память подобна книге, вдруг рассыпавшейся по полу множеством страниц. Я беру их в руки – они пронумерованы и идут в чёткой последовательности, которая теперь не имеет значения. Я знаю всю книгу наизусть, и я волен читать её в любом невообразимом порядке: с конца или с середины, сверху вниз или по диагонали – это больше неважно. Более того, я уверен, что если я захочу, то мне будет дозволено вписывать на вые страницы и вычёркивать старые. Но я не хочу.

Время... Что есть время? Пока меня не спрашивают, я знаю. Стоит лишь задать вопрос – и я теряюсь. Моё настоящее через секунду становится прошлым, как вода, просачиваясь сквозь пальцы. Я долго сравнивал время с рекой, пока не понял, что и сам тоже подобен реке, также текуч и непостоянен. С каждым новым вздохом я становлюсь другим, но однако и остаюсь всё тем же. Чем дальше, тем более глубока и темна вода забвения. И только память, маразматическая летописица, что-то подслеповато карябает в книге судьбы, сочиняя новые и новые варианты уже произошедшего. Пошла вон, старая дура! Теперь я и сам, если будет надо, сожгу страницы биографии и вместо них, может быть, вообще ничего писать не буду... Время – дар вечности. У меня есть дни и годы, у меня есть воспоминания и у меня есть будущее, которого я не знаю, но предчувствую.

– А почему ты решил, что время движется от прошлого к будущему? – спрашивает меня величавый красавец, гордо восседающий в соседнем кресле. Его прямая фигура окружена прохладным сиянием, и каждое слово порождает синие всполохи. – Некоторые философы считали как раз обратное. Настоящее, утверждали они, есть не что иное, как момент, когда будущее становится прошлым. Какая разница, куда поме стать исток реки времени – она всё равно будет течь.

– Согласен. Нет никакой принципиальной разницы, – киваю я. – Остановимся на том, что время хотя бы реально существует.

– Согласен, – разводит руками незнакомец, и над его головой вспыхивает феерия радуг. Он разворачивается ко мне, и я узнаю Оллисса Ушранша. Он совершенно непохож на того костлявого ироничного мужчину, которым он остался в моей памяти, но это без сомнения он! Он знает о моих мыслях, он видит их красными тревожными стустками, плавающими вокруг моей головы. Я их тоже вижу. Он протягивает руку, берёт один из них, сминая пальцами и превращая в ничто. – Можно считать окружающий нас мир нашим воображением. Тогда логично было бы предположить, что время движется от одной мысли к другой. Есть лишь то, что мы ощущаем, только наши эмоции, наши фантазии, – он уничтожает последний полыхающий стусток, и меня окутывает блаженное спокойствие. – Хотя кто-то непримиримо считает, что время есть точечная последовательность событий, единая сплошная субстанция, плывущая в пустоте межзвездного пространства. Смотри!

Одним сильным движением Оллисс Ушранш поднимается со своего места. Я вижу вокруг него ослепительный идеальный кокон, который увеличивается, увеличивается и, наконец, взрывается подобно новому солнцу. Чернота, хлынувшая следом, прозрачна и наполнена до краёв звёздами. Под нашими ногами – бесконечная текучая дорога, пульсирующая и живая.

– Дорога дорог! – без слов говорит странное прекрасное существо, стоящее рядом со мной. С обеих сторон к нам подходят такие же светящиеся создания. Им нет числа. У них нет лиц. От них исходит неимоверная сила и мудрость, и каждый их шаг рождает органное эхо. – Мы – Странники фаэньяллы, хранители млечного Пути. Слушай нас, дафэн: кроме Дороги дорог есть много временных тропинок. Они параллельны, они пересекаются, и ты – один из немногих, кто может перешагивать с одной на другую.

Я и сам это знаю. Знаю теперь, как и знал это раньше. Я могу скользить по времени вперёд или назад, от будущего к прошлому или от прошлого к будущему, но не могу остановить настоящее. Мне не жаль – этого не может никто.

– Время – дар вечности, – снова усаживается в кресло Оллисс Ушранш. Сквозь белки его глаз полыхает белый огонь, и очки ему больше не нужны. – Это вечность позволяет жить людям в последовательностях. У вас есть восходы и закаты, секунды и мгновения, память прошлого и предвкушение будущего. Именно вечность позволяет вам жить урывками, частями, последовательными событиями. К счастью для вас, ваша жизнь делится на дни и ночи, бодрствование прерывается сном. Если бы не было сна, жизнь стала бы мучительной. Бытие больше вселенной, больше мира. Если бы однажды люди увидели бы все бытие целиком, они были бы сломлены, раздавлены, уничтожены – они бы погибли. Целостность бытия невыносима, поэтому всё подаётся частями, постепенно, и лишь немногие могут воспринимать бесконечность... Тебе, – он улыбнулся, – пока только кажется, что ты это можешь. К счастью – нет. К сожалению – да. Ты, всё-таки, наполовину человек, хоть и дафэн.

Хоть и дафэн, – выписывает между нами в воздухе синее пламя. Этого теперь у меня не отнять: это – как дышать, как биться сердцу. Дафэн. Тот, кто возвращается. Не как преступник на место своего преступления, а как творение – к своему создателю... Время последовательно, потому что, выйдя из вечности, оно стремится к ней вернуться. Идея будущего неразрывно связана с желанием вернуться к началу. Бог создал мир, и весь мир, вся созданная вселенная стремятся вернуться к своему вечному источнику, пребывающему вне времени и пространства.

О чём бы я ни думал, кого бы ни вспоминал – любой образ тотчас возникает перед моими глазами в мельчайших подробностях и нюансах. Мне доступно прошлое. Я вдруг огорчаюсь, что меня больше ничто не удивит, что меня больше не оставит досадное чувство, что я всё это уже видел, ощущал, слышал, пробовал... Через секунду с облегчением понимаю, что нет, это не так, ибо не бывает двух одинаковых рассветов, и жажда моей души вряд ли будет когда-нибудь утолена. Будущее же – это движение души к грядущему, а оно мнится столь грандиозным и неописуемым, что захватывает дух.

Я знаю, что я скажу тебе, Диллинь. Я знаю и то, что не скажу тебе никогда, потому что любовь выше слова. Я знаю, что ты скажешь мне в ответ, или не скажешь – неважно, потому что это суть одно. Значение имеет лишь наша встреча и наша любовь, потому что я теперь точно знаю, что ты меня любишь тоже.

4

– Василий, ты совсем прирастёшь к полу, если будешь так долго на нём лежать, – сказал насмешливый, ненавистно жизнерадостный голос. – Прошёл целый день, как ты сладко храпишь в моём доме и совершенно не собираешься просыпаться. А нас, кстати, с волнением ждут!

Худые ноги Оллисса Ушранша источали непривычное голубое сияние. Я с трудом перевернулся на спину, сел, цепляясь за ненадёжную грудку подушек, протряс головой.

– Доброе утро, – произнёс я, попутно прочищая горло, протёр ещё недопроснувшиеся глаза и тут встретился взглядом с кайшром.

– Утро?... Сейчас глубокая ночь! – улыбаясь, поправил меня он. Каждый его жест, каждое слово порождали вокруг него радужные всполохи пламени. – Впрочем, у вас, у людей, как я заметил, утро наступает не утром, а в момент отделения брэнного тела от тёплой кровати.

– Что с вами? – удивился я, но тут произошедшее со мной разом всплыло в памяти, и я окончательно проснулся. – Великая Даэйя!.. Господи.

– А ты и про светлую Даэйю знаешь? – усаживаясь напротив меня, поинтересовался Ушранш. Чёткий сияющий кокон вокруг него делал его фигуру похожей на ангела, только без крыльев. Глядя на меня, он вздохнул и добавил: – Я думаю, что тебе следует держать свой рот закрытым: ты ведь теперь, как-никак, дафэн!

– Мне бы чего-нибудь глотнуть, – выдавил я из себя. Мои мысли и чувства лихорадочно собирались в кучу, которая вот уже десять минут именовалась гордым и пока ещё непривычным именем. Надо же, "дафэн"! Надо же, получилось! Моё бредовое желание исполнилось! Чего только в жизни не бывает! *Accidit in puncto quod non speratur in anno**... Ну вот, я теперь и по латыни бегло разговариваю. И почему это случилось не в институте?

– Истинный хон! – кивнул кайшр и прищёлкнул пальцами. – Что бы ни произошло, главное – вовремя смочить горло.

Прямо передо мной материализовался бокал красного вина.

– Кавтионийское? Триста пятьдесят восьмого года? – небрежно переспросил я, произнося, как я думал, просто набор слов.

– Оно! – коротко подтвердил Ушранш. – А ты предпочитаешь что-нибудь другое?

– Да нет, сойдёт и это, – опять впадая в состояние изумлённого обдумывания, сказал я. А вино оказалось действительно превосходным! Более того, я каким-то образом знал, что в тот год винограда было мало из-за жесточайшей засухи.

– Привыкнешь! – вдруг резюмировал хозяин. – Я имею в виду не вино.

– Ясное дело, что не вино, – машинально повторил я и надолго задумался. Мне никто не мешал. По привычке полез в карман за сигаретами и вдруг понял, что это – лишнее. Более того, моя ненасытная тяга к куреву умерла, осталась где-то в прошлом вместе с тем "мною", которого уже больше не было.

Сквозь приоткрытую дверь дул свежий ночной ветер. Я встал и вышел наружу на освещенные ступеньки, полной грудью вдыхая прохладную ночь и своё необычное, ещё слишком огромное для меня моё новое "Я".

– Вы теперь уйдёте Дорогой дорог? – не оборачиваясь, но чувствуя подошедшего сзади Ушранша, спросил я. – Вы ведь теперь не пленник?

– Не пленник, теперь – не кайшр! – согласился он и добавил: – Я – фаэньялл, один из звёздных Странников. Вся проблема в том, что Ваалисса – человек, и она не свободна. Я же без неё никуда не отправлюсь.

Мы дружно помолчали, наблюдая, как покачиваются в темноте плотные силуэты сосен. Шелестели ветки, пролетела, блеснув крыльями в коридоре света, ночная птица, на озере плескалась рыба.

– Пресветлая Королева действительно может спасти мир от пришествия магар? – считая звёзды на небе, между прочим поинтересовался я – то ли у деревьев, то ли у ступенек под ногами. За них ответил хозяин:

– Не хочешь ли ещё бокал вина? Тут без бутылки хорошего Равеньёнского уж точно не обойтись.

5

Что ж, – думал я, возвращаясь в комнату и усаживаясь за столяриус, – может быть, то, что я пережил в этот день, и поменяло во мне всё кардинально, но я с этим даром пока что не освоился. Я всё помнил, и странное состояние скрытых возможностей продолжало жить во мне. Но, убей бог, это было, всё ещё, непривычно! Будто бы я получил в подарок BMW и прошёл курсы вождения, но вот проехать по горной дороге да на предельной скорости пока что ещё не мог! Не хватало самого обычного житейского опыта, чтобы начать всем этим пользоваться непринуждённо и с максимальным толком! А впрочем, быть дафэном мне определённо нравилось.

* – в один момент случается то, на что не надеешься и годами

– Почему ты решил, что магары – есть вселенское зло? – не унимался Оллисс Ушранш. Сполохи пламени вокруг его плечей постепенно обрели нежно кадмиевый оттенок, как и вино в наших бездонных бокалах. Поначалу я думал, что свечение постепенно исчезнет, но оно не только не рассеялось, но и стало более ярким. Кроме того, я вдруг обнаружил, что предметы вокруг меня тоже излучали свет, а моё тело, как и у кайшра – вернее, у фаэньюлла – малейшим своим движением порождало в воздухе сине-фиолетовые зигзаги. Он продолжал: – Не проще ли, не мудрее ли было бы оставить всё как есть?

– Сейчас вы скажете, что каждый получит по заслугам, мол, каждому по способностям, учитывая их бывшие потребности? – я шутил, но вполне серьёзно. – Может, вы и привыкли не обращать внимания на окружающих, – столько на горе просидеть! – а у меня такой практики не было. И потом, не уговаривайте меня: я и сам уже согласен! Спасать всех – так спасать всех, с музыкой и плясами.

– Какое красноречие, – покачал головой Ушранш. – Впрочем, делай как знаешь! Твоё решительное сумасбродство прекрасно вписывается в мою жизненную концепцию великого недеяния. Хорошо, выслушай меня, по возможности терпеливо. Я не могу утверждать, что у Вселенной когда-то было начало – извините, не видел! – но вот конец определённо будет, то есть рано или поздно она достигнет своей реализации и исчезнет или перейдёт в новое качество – второе более вероятно, – а вместе с ней трансформируются и все живые и неживые существа, обитающие в её рамках. Говорить, что это плохо или хорошо – было бы величайшей ошибкой!

– Попробуйте рассказать это какой-нибудь Марии Ивановне или девочке Манечке. Я уверен, что они ничего не поймут!

– Их собачка Жулька тоже, скорее всего, ничего не поймёт, – хмыкнул бывший кайшр – нынешний фаэньюлл. – Но ты-то ведь это прекрасно усвоил. Или как?

Я лишь развёл руками:

– Живое хочет жить, и оно вправе выбирать, какой смертью придётся ему умирать, и умирать ли вообще. Если я могу как-то повлиять на этот выбор, то я обязательно это сделаю. Злодейка-судьба черпает своё начало в людском неведении. Мы все блуждаем среди ясного света и тьмы и не можем распознать истинную природу вещей и происходящих событий, делаем кучу ошибок или, как вы говорите, не ошибок. К тому же, самый простой путь – это ничего не делать.

– Вот тут ты неправ. Ещё проще – совершать что-нибудь плохое: как правило, у людей это происходит чисто автоматически. Творить же что-нибудь доброе, чистое и полезное – требует конкретных усилий. Вниз скатываться намного легче, чем лезть наверх, так что тебе придётся учитывать эту закономерность, царящую в этом... лучшем из миров.

– Учту, – буркнул я. – Впрочем, я и не собирался волочь за собой целое человечество. Я лишь хотел на какое-то время приоткрыть им глаза: пусть увидят, как обстоят дела, и дальше уж сами решат, вверх им или вниз. Ведь если на самом деле грядёт расслоение планеты, то предполагаемые направления как раз будут именно такими.

– Окружающий нас мир вообще предательски непрочен и непостоянен. Более того, жизнь любого существа также непрочна и непостоянна. Она истаивает, как свеча, с каждым мгновением становясь всё короче и короче, и тот факт, что она может закончиться в любой момент, означает как раз то, что все находятся в предельно ненадёжном и опасном положении. Однако это "почти" никого не беспокоит.

– Забеспокоит! – весомо пообещал я, и это прозвучало, как предзнаменование.

– Таким ты мне нравишься гораздо больше! – расхохотался Ушранш. – В меру сердитый и в меру воинственный. Что ж, я чувствую – грядут весёлые времена, и кто я такой, чтобы пропускать самое интересное? И как же ты собираешься их будить – всех вместе или каждого в отдельности?

– А я думал, что вы мне расскажете, как именно это делается.

– Я?! – продолжал смеяться он. – И кто тебе такое присоветовал?

– Ядвига Балтазаровна...

– Я-Баи? Она – та ещё шутница! Могла раньше на лопату посадить, к печи понести, зубами скрежеща, а потом сказать, что это – всего-навсего розыгрыш, покатались и хватит! Да ладно, не хмурься, у тебя всё равно это плохо получается, – вздохнул, отсмеявшись, Ушранш. – Важно не то, зачем ты сюда пришёл, а то, с чем ты отсюда уйдёшь. Так-то.

– Если на то пошло, то я получил так много, что того гляди – не смогу утащить.

– Ничего! Не сможешь сам, а друзья на что?

– А когда прилетят магары, мне тоже к друзьям обращаться? Сколько же их тогда будет нужно-то? – вернулся я опять к мучающему меня вопросу.

– Друзья тут ни при чём: ни твои, ни чужие. Во время расслоения планеты каждый будет сам за себя. Каждый осуществит свой личный переход индивидуально, и если этот переход станет для кого-то концом света – что ж, не взыщи! Каждый пройдёт своей Дорогой дорог, и никто никому не сможет помочь. А магары... Их прилетит ровно столько, сколько будет нужно: должен же кто-то поглотить весь страх, боль, гнев, печаль и ярость, которые распирают этот мир. Посмотри вокруг! Вас становится всё больше и больше, и чем больше на планете людей, тем больше зла. Ещё пара сотен лет, и не нужны будут никакие магары. Действительность вывернется наизнанку, и некому будет делать выбор, о котором ты так много думаешь.

– Вас послушать, так они чуть ли не долгожданные спасители человечества, – возмутился я. Каким бы я ни был дафэном, эта точка зрения мне не нравилась совершенно. Память нашёптывала вкрадчивым голосом и звала из гладкого Зазеркалья "иди сюда, иди!" Нет уж, я бы не пожелал такого финала даже самому отъявленному негодяю: какая бы жизнь не была прожита – окончить её высосанной мухой в липкой паутине, наверное, не захочется никому.

– Не спасители, а неотъемлемая часть исторического процесса, – возразил Ушранш. – Нелицеприятная, неэстетичная, с вашей точки зрения, – да! Но уравнивающая и справедливая! В конце концов, существа чистые и светлые будут им просто, так сказать, не по зубам.

– Вот-вот! – оживился я. – И я про то же. Как сделать так, чтобы быть им не по зубам? Как помочь людям осознать себя и происходящее вокруг, включая этих зубастых чистильщиков? Кстати, я в своём стремлении не одинок: дриады, например, тоже уже давным-давно пытаются изменить людскую природу путём естественной селекции. Вы слышали про зерно истины?

– Решение большого Совета? Дамские штучки! – отмахнулся он. – Они мыслят, как... как зелёные насаждения! Это же смешно! Взять хотя бы человека: он включает в себя не только растительную, живую стихию, но ещё и огонь, воду, воздух, да мало ли чего! Как можно сделать его деревом?! И вообще, эта их всемирная акция ставит перед собой совершенно иные цели. Просто о них никому не рассказывают.

Я ошарашенно молчал, не в силах возразить хоть что-нибудь. Было чуточку обидно за дриад, чуточку – за вчерашнего себя и ещё не знаю за кого, но всё равно – обидно. Рядом осуждающе шумел лес, тоже несогласный со Странником-фаэньяллом. Странник он и есть странник: пришёл, увидел и ушёл, а жить-то нам! Правильно я говорю, трава-мурава?.. Правильно, – дохнуло мне в лицо свежим изумрудным запахом. – Это не мы вас спасём, а вы нас.

– Что? – переспросил я темноту.

– Что? – переспросил меня Ушранш.

– Да так, послышалось, – смутился я. – Вдруг подумалось, что дриады устроили весь этот эксперимент с раскрытием семян истины в людских душах не для того, чтобы спасти человечество, а для того, чтобы спастись самим, – я посмотрел на внимательного собеседника и неожиданно понял, что я прав, ой, как прав. – Ведь результатом должна была стать по сути дела новая раса полулюдей – полу... даже не знаю кого, но эти кто-то обладали бы невысказанным могуществом, так как соединяли бы в себе практически несоединимое.

– Что, зерно внутри подсказало? Да, и это тоже. Более того, появились люди, которые стали посредниками между дикой природой и технологической упорядоченностью. Дриады хоть и лесные создания, а понимали, что в этот прилёт Мардука будет гораздо жарче, чем в

прошлый раз, позапрошлый и позапозапрошлый. Тогда погибло огромное количество деревьев, – пояснил он. – Как будет нынче – не знает никто, хоть догадываются и многие.

– Но ведь при расслоении планеты дриады, как чистые существа, должны автоматически перенестись наверх?

– Может быть, может быть. Кто знает? Умирать, как ты правильно заметил, никому не хочется.

– Вот видите, и вы о том же! – обрадовался я. – Сейчас, наверное, неважно, для чего они это сделали – важно то, что у них что-то явно получилось.

– Начало и конец, процесс и результат... – задумчиво проговорил он, качая головой. – Неразделённость явления и осознания, пустоты и ясности. Свобода от всех крайностей умственно созданных тенденций существования: как действительного существования, так и полного несуществования, того и другого вместе, и ни того, ни другого... Слишком много слов! То, что происходит на самом деле, не может быть показано кем-то, не может быть понято кем-то и даже быть выражено через слова. Усилия дриальдальдинн имеют неоценимое значение и одновременно не значат ничего. Их Королева способна на многое, но результат может быть совершенно непредсказуемым. Есть много уровней смысла жизни. Всё дело в том, как глубоко можно погрузиться или как высоко можно подняться. Это высшее состояние над интеллектом. Если ты постигнешь, что одномоментность ума, мысли и опыта была всегда, во времени без конца, то ты постигнешь истину, и она, к сожалению или к счастью, будет не для всех одинакова.

Последние слова Ушранша ещё долго висели в воздухе, полыхая золотыми солнцами. Каким-то вновь обрётённым чувством, шестым или шестнадцатым, я понимал, нет, скорее ощущал, что он безоговорочно, непререкаемо прав, на все сто, тысячу, миллион процентов, но сердце моё, горячее человеческое сердце не хотело и не могло согласиться с ним до конца. В какой-то миг я вдруг почувствовал, что чтобы я ни узнал, ни услышал здесь – это, по сути, неважно, ибо мой путь, моя Дорога дорог только ждёт меня где-то в вышине – и идти по ней мне и только мне – мудрому и бестолковому, смелому и осторожному, влюблённому и любящему... Идти до самого её конца. Конца, которого нет.

7.

– С добрым утром! – весело объявил я, входя вместе с бывшим кайшром в широко открытые двери.

– О, пожаловал! И года не прош... – начал было Горынович, разворачиваясь к нам, но встретился со мной глазами и умолк на полуслове.

"А что, нас так долго не было?" – мысленно улыбнулся я, глядя на медленно сажащегося друга. Он заворожено плюхнулся в кресло и так ничего и не сказал.

– Душа моя, что с тобою? – проговорил я, устраиваясь напротив него. – На тебе лица нет, ни одного из трёх. Стоит только чуточку отлучиться, как ты теряешь самое ценное. Ну, что я скажу Альбине?

– Ты в зеркало на себя смотрел? – зашептал рядом Врахильдорст. – Не смотрел –0 так и не смотри! Душ-ша моя!

Я недоумённо пожал плечами и взгляделся в блестящий бок ближайшей серебряной чаши. Моё отражение, сильно искажённое и деформированное, напряжённо выглядывало мне навстречу. Руки, ноги, голова – на месте. Печать на груди, пожалуй, слишком ярко мерцает синим камнем посредине. Волосы до плеч отрасли – неужели прошло столько времени? Лицо?.. Лицо как лицо, только на лбу что-то напачкано. Синяк, наверное – когда падал, об пол ударился. Я нагнулся и присмотрелся повнимательней, убирая назад непослушные пряди. Ух ты!..

Во весь лоб, от бровей и до линии волос, шла сложнейшая вязь цветной татуировки: дракон и единорог, переплетённые вокруг светлого спирального диска.

– И во лбу звезда горит... – растерянно процитировал я, обводя всех взглядом. В ушах зазвенело и ударило колоколом.

"Случилось! Произошло!" – я вдруг услышал мысли и чувства своих друзей так же громко и четко, как если бы они говорили вслух. Даже Иичену думал незатейливо восторженное: "Чу! Чу! Чундчю чу!"

– Налюбовался? – нетерпеливо осведомился Враххильдорст, шествуя ко мне между тарелками и бокалами. Странно, но его мысли оставались для меня недоступными. Я удивился, но поразмыслить над этим мне не дали. – На, обмотай голову, а то целый день будем тебя разглядывать, как художественное произведение. Тебе это надо?

Я взял из его ручек шёлковый полосатый платок, свернул и повязал на лоб. Получилось скромно и удобно – такая симпатичная бандана. Кажется, все вздохнули с облегчением.

Любопытствовать по поводу моего отсутствия никто не торопился, и я благодарно вытянул ноги, откидываясь на стуле. Всё было так и не так, как раньше, но совершенно по-другому: каждый сидящий за столом и каждый стоящий на столе предмет светились неясным светом. Напротив меня задумчивый Горынович сиял чистым багровым огнём. За его спиной угадывались два сложенных мощных крыла, призрачных и чуть искрящихся. Над его головой пульсировали, вытягиваясь и опадая, три высоких языка алого пламени. Так вот ты какой на самом деле, друг хийс!.. Я с интересом обвёл взглядом остальных. Айт был прекрасен и выглядел столбом золотисто-оранжевого света. Его удивительные глаза переливались и сияли заключёнными в оправы век звёздами. Фастгул'х, нетерпеливо ерзавший на своём месте, медленно трансформировался в серебристо-туманного вулфа, а потом перетекал в тело худощавого мальчишки. И так снова и снова... Иичену всплывал из-под стола незатейливым радужно-белёсым пузырьком. Его мысли и чувства отражались просто и понятно, как нарисованные комиксы. Я развернулся к дофресту и наткнулся на спокойный, самого меня изучающий взгляд.

– Развлекаешься? – хмыкнул он, закидывая ногу на ногу. – Ну-ну!

– Осваиваюсь... – вдруг растерялся я, отводя глаза и только через минуту понимая, что умудрился-таки ухватить – даже не взглядом, а сердцем – нечто необъяснимое, ибо на месте сидящего Враххильдорста, за милой хвостато-крылатой оболочкой не было ничего: ни света, ни тьмы, ни видений, ни фантазий... Одна лишь пустота. Я вздрогнул и невольно опять посмотрел на своего верного спутника, вернее попытался посмотреть, потому что он уже отсутствовал, успев спрыгнуть с края тарелки, мелькнуть и затеряться между остатками салатов и недоеденным поросёнком.

– Тренировка – великое дело! – раздалось из-за частокола бутылок. Одна из них, явно лимонадная, накренилась и осторожно легла на бок. Хлопнула крышка, и послышалось блаженное бульканье. Я рассмеялся и махнул на него рукой – какое моё дело, и какое я имею право лазить в души моих дорогих друзей? Что бы там ни было, кто бы там ни прятался. И какой бы крутой ясновидящий парень я теперь не был бы.

– ...даже, несмотря на интеллектуальное понимание, что явления – это лишь зависимые порождения, ты всё ещё можешь быть одержимо увлечён этими пустыми явлениями, принимая их за действительно существующие объекты, – говорил Оллисс Ушпранш, усаживаясь рядом со мной, – и если тебе сложно воспринимать мир, отягощенный множественностью восприятия, то очень просто отодвинуть эту способность, так сказать, на задний план. Смотри!

Он взмахнул руками, но синяя полоса, вспыхнувшая следом, была едва различима и ненавязчива. Здорово! Очень актуальная и удобная возможность! А то действительно, весьма утомительно постоянно видеть всех в разноцветном ореоле. Вот бы и мне такую способность!

– И ты так можешь! Стоит только захотеть и чуть-чуть успокоиться, – улыбнулся он мне. – Попробуй!

Я на минуту прикрыл глаза, вздохнул и вдруг тоже улыбнулся – конечно же, это просто! Продолжая улыбаться, я осторожно повернулся к Горыновичу, чуть расфокусировал взгляд. Уф, так гораздо легче! Пламя над его головой исчезло, и лишь за спиной продолжали присутствовать то ли отблески, то ли движения спрятанных там крыльев. Я вновь сконцентрировался, мысленно давая себе команду "зри!", и всё вернулось назад, полыхая и

переливаясь. Расслабился, отпуская намерение ясновидеть, и видение как бы рассеялось, отступило, не пропадая окончательно, но и не давя своим наличием.

– Здорово! – не удержался я и, наконец, умиротворённо осмотрелся вокруг, различая не только лица, но и салат, стоявший прямо передо мной. – Что-то кушать хочется.

– Милости прошу, отведай! – дотронулся до моего плеча Ушранш, вставая и направляясь к своей жене, которая с момента нашего появления не сводила с него глаз. Ненужные очки в золотой оправе остались лежать на столе. Интересно, но изменения, произошедшие с хозяином, кажется, заметили только мы с Ваалиссой. Впрочем, теперь я не поручусь и за дофреста, но... Кто знает, кто знает, как обстоят дела на самом деле?

– Ваш путь лежит в Ульдроэль, – проговорил Странник-фаэньюлл, усаживаясь около своей любимой и завладевая её тонкими пальцами. – Мы будем следить за вами через всевидящее зеркало. Не беспокойтесь, вам не придётся снова мёрзнуть на чешуйчатом гребне уважаемого Змея Горыновича: я открою для вас прямой путь прямо до дворца – теперь, владея Фатш Гунном, я способен на очень и очень многое! – хотя внутрь него вас доставить, к сожалению, не могу: Ульдроэль разумен, мудр и осторожен, попасть на его территорию можно только с его согласия. Но я думаю, что вы решите эту проблему самостоятельно.

– Я тоже так думаю, – наконец, оживился Зорр. – Мне там каждая трещинка-лазейка известна. Да и фианьюкк – большой знаток входов и выходов.

Айт Яэйстри смутился и кивнул.

– Я пожелал бы вам удачи, но она и так хлещет через край, – усмехнулся Ушранш. – Когда слишком хорошо – это тоже нехорошо.

8

Голубое утреннее небо было ясно и чисто той непередаваемой чистотой, от которой щемило сердце и хотелось полететь. Мы торжественно молчали, стоя в прощальном кругу. На моём лбу красовалась, ставшая привычной, полосатая бандана. Враххильдорст, как обычно, восседал у меня на плече, обернув хвостом мою шею. Переминался с ноги на ногу опять смущавшийся Айт Яэйстри, воскрешённый и теперь неиссякаемо живой. Озадаченно накручивал ус Горынович, одной рукой прижимая к себе объёмную сумку. Цепляясь за шею Иичену, подошёл Фастгул'х. Вся честная компания была в сборе.

Говорить было нечего, и так сказали более отмеренного... Тут вышла вперёд Ваалисса, шелестя платьем и плывя нам навстречу. Подошла к Зорру и на секунду заглянула ему в глаза. Тот вздрогнул, наклонился к её руке, коснувшись пальцев только кончиками усов, выпрямился и, вдруг покраснев, отступил на шаг назад. Она чуть кивнула и пошла дальше.

– Лондо ри лонн, – еле слышно прошептал фианьюкк подошедшей женщине. В его взгляде появилось замороженное, почти благоговейное выражение. Та опять кивнула и направилась к маленькому вулфу.

С каждым шагом Ваалиссы лицо мальчика всё более костенело и напрягалось, бледнея уже неестественно мертвенной бледностью. Когда же она, видимо, желая подбодрить или успокоить его, ласково провела рукою по белоснежным волосам, жёлтые глаза Фастгул'ха вспыхнули и закатились. Дико закричав, он рухнул на пол, как подкошенный. Губы посерели и натянулись в безголосом вое, обнажая звериные клыки. Ваалисса всплеснула длинными руками и в одну секунду подхватила его на руки, крепко прижимая к своей груди, пытаясь усмирить корчившееся в судороге тело. Вокруг них полыхало пронзительное чёрное пламя. Мир терял цвет и звуки – оставались лишь чувства, лишь скорбь, отчаянье и боль.

Это произошло столь стремительно и оглушающе быстро, что мы даже не успели отреагировать. Сгрудились вокруг бестолково, ошеломленно, готовые по первому сигналу лететь за тридевять земель или тут же отдать за малыша свои взрослые жизни. Нет ничего хуже такого ожидания, острыми кинжалами отмечающего каждую секунду тянущегося ужаса. Страх за другого, успевшего стать родным и близким, вонзился в мою душу – неужели опять, всё снова?.. И мы его теряем?.. Теперь?.. Когда?.. Так?.. Хорошо?.. Я зажмурился, стискивая ладонями виски. Нет!!!

Смерть, даже не вздумай приближаться! Я пошёл за ним в Соррнорм, я пойду за ним и в твоё безымянное царство, и ты его не получишь – даю слово дафэна! Поняла?!

Внезапно всё прекратилось. Будто рухнула единая ограждающая завеса, мощная и несокрушимая. Где-то в необозримом далеке призывно ударил колокол, а может, это сердце снова начало отсчитывать время. Выжженное пепелище медленно заполнялось новой жизнью...

– Мама... Это ты, мама? – едва слышно прошептал тоненький детский голосок и вдруг перешёл на крик: – Не уходи! Я хочу быть с тобой, всегда!

– Да, милый, да, – ответил ему спасительный, обволакивающе нежный голос. – Теперь мы уже больше никогда не расстанемся. Да, мой сыночек! Да!!!

Я открыл глаза и тотчас снова зажмурился: мы стояли в ослепительно сверкающем пространстве, центром которого была прекрасная молодая женщина и плачущий от счастья мальчик на её руках. В них я с трудом узнал Ваалиссу и Фастгул'ха.

9

– Дядя Вася, не обижайтесь! – проглатывая слоги, тараторил раскрасневшийся Фастгул'х. – Я вам напишу!

Мы прощались у мерцающего проёма-портала, в котором только что благополучно растворились мои товарищи, включая и Враххильдорста, покинувшего, наконец, моё измятое плечо. Я отчего-то медлил, озабоченно разглядывая лицо улыбающейся Ваалиссы. Не проходило чувство, что я, всё-таки, забыл спросить что-то очень важное, без чего потом обязательно приключится какая-нибудь несуразность. А если честно, то мне было несказанно хорошо и спокойно рядом с ними.

– Буду ждать письма, – тоже улыбаясь, проговорил я и потрепал малыша по худенькому плечу. Тот вдруг замер, ахая ртом и округляя свои и так распахнутые до невозможности глаза. Будто что-то вспомнив, оглянулся на своих новых родителей и куда-то стремглав умчался. Я было спросил, куда это он, но – мальчишки – народ скоростной! – Фастгул'х уже возвращался, неловко пряча за спиной правую руку. На его лице сияла загадочная улыбка. Он боком приблизился и торжественно вручил мне небольшой прозрачный цилиндр, виденный мною однажды. Внутри него, заключенный в густой хрусталь, спал чудесный каменный цветок.

– Не жалко? – осторожно проговорил я, рассматривая хрупкие лепестки.

– Нет!!! – упрямо нахмурился малыш и, не сдержавшись, добавил: – Мама подарила мне весь шепчущий сад. Целиком.

– А сад-то согласен? – улыбнулся я, пряча в карман подарок.

Оллис Ушранш молчал, возвышаясь над своим вновь обретенным семейством, лишь его глаза, не заслонённые более от мира стёклами очков, смотрели проникновенно мудро и чуточку грустно. Он знал, что впереди меня ждали одни только... Впрочем, какая разница, что меня ждало. Главное – то, что произошло, и что это произошедшее сулило драгоценную надежду и многочисленные приключения. Истинная правда, – кивнул Странник-фаэньялл, – а, вообще, кто её разберёт – эту правду, да ещё и истинную...

– Мы благодарны тебе! – сказала за всех Ваалисса, и я опять подивился певучести её глубокого голоса. – Я хотела бы и сама сделать тебе подарок. Ты обрёл на горе Гирнар самого себя, но свершение будет неполным и незаконченным, если не дать тебе имя.

– Имя? Но у меня же есть? – растерялся я: это было слишком неожиданно.

– Ты уверен? – изогнула безупречную бровь Ваалисса и посмотрела мне прямо в глаза. Я тотчас провалился в их бездонную синеву и заскользил в ней, пытаясь уловить, поймать звучание моего имени – моего бывшего имени, ибо оно исчезало, рассыпалось сухими васильковыми лепестками, хрупкими и чужими. Ва... си... лий... Что-то ещё угадывалось в этих звуках, что-то знакомое, но давно утерянное. Так вспоминается плюшевый однолапый мишка, заброшенный под шкаф и найденный много-много лет спустя: смотришь на него, и не понимаешь – что же так привлекало в этой свалывшейся старой игрушке? Василий... Но так звали, кажется, одного рыжего долговязого студента с философско-исторического факультета, в

меру веселого и в меру ленивого, очень похожего на меня самого... Хотя, теперь я уже ни в чём не уверен.

– Вы правы, – тихо ответил я, стараясь быть твёрдым, но голос мой дрогнул. – Я не знаю, как меня зовут...

– Знаешь. Вааль Силь, – мягко возразила мне она. – Тебя зовут Вааль Силь Хаэлл.

"Излишнее почитание превратится в страх,
а благополучие принудит к ритуалу, однако
Ты, став голодным, вылепишь из куска земли
Будду... но руки твои будут дрожать".

Лэ По. Послание вдалеке...
Великой Китайской Стены.

КОММЕНТАРИИ

ЗАСТЫВШИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ ПАМЯТИ

(ПИСЬМА К САМОМУ СЕБЕ)

ДОПОЛНЕНИЯ, ПОЯСНЕНИЯ И КОММЕНТАРИИ
(по поводу и без повода)
К ВЫШЕИЗЛОЖЕННЫМ НАПИСАНИЯМ.

Статьи, зарисовки, мысли из личного дневника (архива) некоего профессора и зрителя древнего хранилища цепи событий, означенных за номером А36-557 под аббревиатурой "I-OYUT",

Трояна Модестовича Вяземского,

так же известного в узких кругах, как *статиста* и Supervisor(a)*
системщиков цикла *Йт-Хемет***.

Все статьи, таблички, папирусы, файлы не систематизированы в виду Его непрерывных командировок во времени.

ТРОЯН МОДЕСТОВИЧ ВЯЗЕМСКИЙ (с 691 г.н.э. по 2055 г. в ипостаси именно Т.М. Вяземского) – *халдур* Теользин, Taronela Jan, Тирр Сон, Троепольский Тит, Кассий Флор, Се-ха Тан И, Идра-О, "Интайт Тхэст", Гамул Ипатий, Сылтык Аспарах, Беллини Эгнацио Лореданн и другие его персоны, личностные оттиски, фрагменты и *впечатления памяти* – всё рассеяно Ветром Бессмертия. Так же является обладателем единственной и персональной Картотеки динамических Farg(ов) всех тех, с кем контактировал приватно и по долгу службы, в *пространствах и временах* – на Дороге дорог и вне её снов.

Означенные выше люди, различные существа и многие, многие "иные" (к чьей мудрости, опыту и обществу он – Троян Мо – прибегал) также упомянуты здесь.

Вместе с тем, приносятся самые искренние извинения за калейдоскоп и нагромождения из историй и происшествий разных времён и народов: здесь имеется в виду смешение символов, языков и наречий в каком-то одном миге Времени.

К сожалению, данное неудобство обусловлено спецификой существования во Времени некоего Ахам^{***}, давно отвыкшего от "контроля, как разделения" и призванного лишь сохранять установленный свыше порядок.

Только что сказанное не относится к умышленной дезинформации, существующей в этих текстах, файлах и рукописях. Она (дезинформация) является обязательным условием прохождения *Лабиринта*, что, так или иначе, присуще любому повествованию.

* (лат.) – Внесистемное курирование действующей цивилизации (как событийного исторического уравнения), особо её высших уровней. Наблюдатель и научный руководитель; в конкретном случае – ответственный за основной inf-банк данных цикла Йт-Хемет в системе Имвульдт (Солнечной) и прилегающий к ней галактический сектор в рукаве Ориона.

** – Здесь уместно означить основные типы системщиков: Имвульдт-система, то есть Солнечная, – представляет основной интерес для Тёмной расы магар из "глубинного" космоса, базирующейся в Системе на планете "Х" – Нибиру; далее: Giam (Дзам), Xiiv-Ivhr, M-Arg, DzeT'T и Д'Хетонг.

*** – Было бы некорректно сказать в контексте категории Времени просто "Я" – Вяземский, поэтому в данном случае уместно санскритское "Я Есть".

ЗАПИСЬ 1. Утро. Пятница. Кажется, 13-ое... (без названия и повода, но всё же в день святого Сурка).

*И хоть мало различаешь во мгле, всё же блаженно
верится, что смотришь туда, куда нужно.*

Набок Лад-Ир.

Забавно, но почему-то именно сегодня мне довелось, наконец, окончательно и все объемлюще зафиксировать необычную цепочку событий, промелькнувшую в пространственном секторе НиУ-П, где, как и предвещали иные пророчества – должен проявиться Дафэн. Ещё забавнее было обнаружить, что рядом с неким молодым человеком следует мой старый знакомый – вездесущий и таинственнейший проныра Врахх Бак Хай'фрест. Впрочем, личность юноши тоже оказалась мне небезызвестна – студент института, в библиотеке которого я имел скуку транзитно материализовываться. Да-да, Василий... ммм, то ли Лоефелло (Longfellow... Lowell*?), то ли Супилун... А вдруг он действительно Бай Басилевс?! Хотя, нет, не помню точно, слишком уж он рыжий, у таких нет ни отчеств, ни фамилий, только Василий, рыжий Василий – и всё. Как после дождичка *рыжик – маленький, но с твёрдым прохрустом*. Да так и должно быть в природе. Что ж, если *дождь перемен* будет и дальше столь непрерывен – мне представится повод познакомиться с ним приватно. Какая же, всё-таки, у него фамилия? Сехатаин? Тундурдун?..

Мои неугомонные путники, как бы вы ни назывались: Вам – *Емахо!***

Это чудесно, ведь скоро я буду свободен, – ах, эта извечная *Парамапара****! – и вот уже кто-то (кто хочет быть мной, а проще – меня заместить) дотронулся до "Дверей открытого горизонта" тайного местопребывания одного из "Меня". Но! Так же уведомлен сообщить, что в своём странствии и высших поисках между приступами экзистенциальной тоски этот мечтатель-идеалист, наконец-то, забрёл именно в *Лабиринт путей* (в Мой Дом), ведущих порой к Неискомому, что далеко не всегда смыкает незримо идущую следом смерть.

О, моя усохшая, но не увядающая *смерть*! Как же тебя расплыло на кварки отведённое библиотекарю Время! Наперекор всем законам и ветру, ты – словно застывшая в пространстве слеза, не нашедшая ни земного пристанища, ни звёздного зноя. Но в моей одинокой *Небесной обители* посреди бесконечных эпох, микромира и невнятно осязаемых границ нашей конечной Вселенной, *ты всегда рядом*, а точнее – на моём рабочем столе: покоишься вечно ждущим, застывшим кристаллом – жемчужина Смерть, "запечатлённая" в плен пройденным мной Лабиринтом! Это вам не кладка родового паттерна Великого хийса – Зорра Горыновича! Однако прочь лирика и хандра, ведь Библиотека – не рай, и всё в ней необходимо записывать, систематизировать и считать... и делать это во времени!

Да-с, "в опыте", впрочем, как и "до опыта".****

* – Имена американских поэтов Лонгфелло и Лоуэлла. Последний здесь упомянут потому, что сделал выбор – **не убивать**, за что был заточён и попал не на войну, а в тюрьму. Поэт на мой вопрос так ответил: "Я здесь потому, что никого не хотел убивать". Василий же встал перед выбором аналогичного рода, но в планетарном масштабе: **как быть мне Дафэном и почему именно я? А если быть** – тогда правомочно ли убивать во имя спасения многих?

** – (тибет.) Радостное восклицание тибетских монахов при виде Радуги ("не после дождя").

*** – (санскр.) Термин, выражающий преемственность. Например, Бессмертный Библиотекарь, чтобы уйти от наиважнейших космических дел на "некий Покой", обязан подготовить себе соответствующую замену. Нюанс ситуации в том, что "прикоснувшийся" к упомянутому объекту – "Двери открытого горизонта" – не обладает более правом на выбор. Никакой – пусть и дипломированный – "испытатель-любитель" не имеет ни малейшего шанса персонифицировать плазмид – "баблон" в желанную волшебную жабу – дарительницу тайной мечты, – потому как (истинно) не знает границ Тайны в своей душе. Другое дело – банально эрудированный маг-курсовик, но эта публика устрашает даже магар **дикой надуманностью своих прогрессивистских идей**.

**** – Собственно, имеется в виду восхищение изобретённым методом работы во Времени, не ощущая и не понимая Его – Времени – глубину; некое кокетство мастера, выражающее сентенцию: **Я вижу это, но не верю этому** (Кантор-тепгенlehre "Теория множеств").

Хотя, кокетство и есть способ наивно сокрыть наличие не-небесных страстей, но в данном случае оно – лишь отчаянный жест убедить себя в том, будто **сентенция не есть ложь, тем более что страх тщеславия всё равно толкает в разнуданный эксгибиционизм мотивов**. Даже меня... даже меня! С уважением, Троян Вяземский.

Ежели странствующий неофит – по незнанию (не говорю – по невежеству) – промедлил с позывом сию минуту захлопнуть открытую только что Дверь (Книгу) – по причине раздумий над смыслом незрелых безсмыслиц, – так не мешало бы знать, что стоит он уже не у входа в сие необъятное хитросплетение троп и исключаящих себя указателей, но где-то в самом чреве абсурда и тьмы! И всё это запутанное "Оно" пребывает в непрерывном движении и игре потока Сантаны (санскр.) – навязанных флуктуаций, непрерывность возникновения и исчезновения которых лишает беспредельности личной власти и вкушения её заслуженных благ.

Я – Троян – и есть *флуктуация*, среди тающих тропинок моих одиноких надежд – надежд вернуться в тот мир (что оставил в благородном порыве) и снова быть "человеком обычным".

Ведь так устроен Мир и... Преисподняя с ним. Но вернёмся к неожиданным друзьям!

И покорнейше прошу меня извинить за промедление шагнуть вам навстречу. Иду же, иду!.. О! – О! – О!!! *Это ещё хорошо, что твой скороспелый рыжик – шустрец, уважаемый Уль Враххильдорст, только начал магический курс – обучение...* Не то ведь вычислит келью мою – под елью, без спросу да сроку, и ну задавать вопросы. Сам же, что вар-рахалов раххшат: сверху – серый, как лунь, сысподу – красный, будто огонь, клокочет... и глаза – ясные, словно бессмертная рябь моей бутанской бумаги. Жаль, что Дафэн, не то позвал бы – настойчиво – себе на замену.

Но вернёмся к гипотетическому посетителю Лабиринта, натолкнувшемуся на внезапный вопрос-приветствие, очень смахивающий на угрозу. Итак, *hi is nothing in Himself**

*Aqui os deixo mi alma – libro,
Hombre – mundo verdadero;
Cuando vibres todo entero
Soy yo, lector, que en ti vibro.*

Miguel de Unamuno

И вот...Здесь!

С тобой... говорит моя "Душа – Книга",

Человек Мира – истинный и правдивый:

Когда Ты дрожишь всей кожей...

Знай же, что в тебе... вибрирую – "Я".

Мигель де Унамуну + Троепольский Тит... с благодарностью.

P.S. Континуальный catalogue: "Всё – Пустое".

Так Сам-Лабиринт (я называю Его – Интайт Тхэст) в персонификации "Душа-Книга" – может выйти на контакт с "тёплым" движущимся объектом внутри Своей Пустоты и задать наводящий вопрос: "Зачем, собственно, ты (некто) раскрыл Сию Книгу и смотришь в неё... ничего не читая?" Учти: пауза затянулась, и – несмотря на незнание языков – надобно что-то делать! Совет прост: не зная языка и не имея ответа, быстро шагай, по тому что Здесь *читать* – адекватно *идти*.

Напомню: подобное обращение чрезвычайно тактично (до тех пор, пока Лабиринт окончательно не убедится в том, что культурное обращение уместно... к путешествующему по Его – Лабиринта – Великому Сну).

0/1000 Запись 999. Пергаментный свиток, покрытый смолой, и в новое время не распечатан.

*Я всегда представлял небеса, как огромную библиотеку. Не я лично: так безошибочно полагал и не раз говаривал доверительно в частных со мною беседах Альберт Эйнштейн. Следует отметить: выход на эту якобы Дверь-Книгу** предполагает среднемагическое образование, т. е.*

* – (англ.) "Сам по себе Он был **Ничто**". (Подобное однажды уже было сказано небезызвестным Вильямом об Уильяме).

** – (коптск.) "Двери открытого Горизонта" – понятие, обозначающее ворота в Дуат – потусторонний Мир мёртвых у древних египтян, а в нашем случае – вход в Лабиринт. Этот феномен так же бывает рукописью-манускриптом, открыв который теряешь ощущение обыденности вещей и становишься неким информационным кодом в синтезе с разумным плазмодом-"баблоном", находящимся – по незримому договору – в состоянии покоя на размытой границе между корпускулой и волной – до тех пор, пока кто-то последующий не дотронется мыслью до этого кода (пребывающего, к примеру, в образе Книги... или в форме гематитово-непроницаемых Врат (всё зависит от восприятия),

востребован некий разумный уровень индивидуума, способного на вне временной анализ и сортировку причинно-следственных цепей отправного события. Так или иначе, но последующие мифологемы исказили первичные значения терминов, образов, слов и событий древности, и чтобы правильно читать *Книгу реальности*, необходимо использовать Зеркало Времени – Speculum Triplex, изучая всевозможные Его отражения (раздел – Близлежащая Пустота).

Speculum Triplex – главное орудие Лабиринта, и чтобы преодолеть его троичное искривление – необходима личная просьба ко Мне.

От себя добавлю изречение одного из поэтов: "Дверь-Книга" подобна зеркалу – Она пуста и чиста. И, в отличие от обычного зеркала, Книга осознаёт... и при этом совершается ВСЁ!!!

Идущий же, постигнув значимость своего пути (особенно между строк) утрачивает Всевменяемость.

Навсегда!!!

Лэ-По / XXI (111)

P.S. Вихрь замкнутого Кольца TOURBILLON смёл с моего стола все рукописи Tete-a-tete, а перед "Прыжком" последний мой P.P.S. попал под замерзающий Временем дождь.

Пробелы неукоснительно восполнятся Библиотекой.

До встречи.

ЗАПИСЬ 2. После беседы в Библиотеке. 4 часа ночи, а впрочем, скорее утра. Уже суббота, ещё полчаса и выползут-поскачут блохроцыгли.

Логика кодекса правил "идущего" помогает забыть о начале пути и спасает от непонимания сути Выхода.

Грядущий же Выдох... Высоко-Мерен.

Сеха Тан И

Вот уже 117 (365 дней в году) "малых лет", как я не приводил никого к своим фолиантам и файлам. Василий – везучий и неукротимый юноша, любознательный и неожиданно умный. Можно было это предположить с самого начала, но чтобы настолько?! Выудить из пространственных ячеек Королевскую печать и тут же скоростно исчезнуть???!!!!... Следом канул и озабоченный Врахильдорст. Я же с зудящим интересом жду продолжений и последствий.

Et lux perpetua luceat eis*.

Опять ожидаются – впрочем, кто бы их ждал?! – магары. Говорили о них, о них и только о них. Хотя, кажется, упоминали и кого-то ещё. И не смотря на то, что ныне боги не противостоят друг другу**, разрушений будет, как в тысячу войн, и жатву свою они снимут обильно.

А посему необходимо торопиться с консервацией текстов и изобразительного материала, претендующего – как минимум! – на бессмертие.

P.S. Сегодня ужасный день. Да, опять с расчётами флуктуировало: *проявлен* у пирамид в Египте – голый, но уши длинные: значит не израильтянин, не нищий и знаю местные языки – хоть это удача! Скажу, что ограбили, главное – не увлекаться пивом и игрой в таротический преферанс – затягивает во все времена.

и не вскроет "Это" – себе на века. А так как здесь мы обнаруживаем факт мистического подтекста, имеющего прямое отношение к Территории Тишины, то настоятельно вынуждены озвучить нашу версию с помощью М. Уномуну – "И трижды мёртвым, я однажды затрепещу у Вас в руках", потому как речь тут не об обезумевшем библиотекаре, от лица которого, как бы, и идёт повествование, а о "Душе-Книге", как Тишине Слова, и "Человеке Мира" – Достойнейшем из достойных.

Так или иначе, хон должен знать, что книга – это портал, которую необязательно раскрывать и читать. Достаточно прикоснуться к её дыханию – мыслью.

* – (лат.) **И да сияет им вечный свет.**

** – Речь идёт о противостоянии планет в системе звезды Имвудт (Ра), то есть Солнца, происходящее каждые 176 лет.

О, древний Египет – красив, мудр и вечен! А день – дерьмо (очень плохой!), день выхода Бастет*, оберегающей две земли: нельзя ходить по земле до восхода Ра и нельзя работать. Может, сегодня вообще не нужно трудиться? Даже слоны от работы бывают чрезмерно печальны.

Мы – я и гостеприимный фараон Рахтеп, быстро распознавший во мне равного перед Небом, – пьём ячменное пиво и, несмотря на благородное происхождение, обсуждаем красоту и несовершенство женщин.

Пусть же речи наши кончатся мучительной смертью, как кончается ею всё сущее! Пошли нам в этом удачу *Тот*** – *Тот-аль Кин*, – кто контролирует Время. Х-Хау!

Всё повторяется вновь и вновь, но не ищи конца в протоптанной по колено борозде времени, ибо усталая жизнь толкает колесо сует по бесконечному кругу. Толкает, толкает... Мелются, мелются зёрна минут в секундную пыль, лишь поскрипывает извечный цифер-б-бл-ад-т госпожи Времени.

Какая удача, что не выговариваю иероглиф "Я" и означенный – "мягкий", иначе бы вечная Дама обиделась, несмотря на то, что *Она*, скорее всего, среднего рода – "Оно, да и только".

Итак, о магарах...

МАГАРЫ. Может ли современная наука подтвердить существование планеты Нибиру (Мардука) – планеты, размеры которой примерно представляют среднее между размерами Урана и Юпитера, с эллиптической орбитой, циклом в 3600 лет и перигелием, обычно близким к Поясу Астероидов?

Она (наука) только и занята изысканиями и исчислениями, кстати, открытие новых планет за последние двести лет обязано больше математическим расчётам, нежели чем мощным и совершенным телескопам. Плутон, например, был обнаружен из-за странного поведения Нептуна, на который явно оказывала воздействие какая-то неизвестная гравитационная сила. Далее, следуя этому принципу, астрономы убедились в том, что не понятные отклонения орбит Урана, Нептуна и Плутона, Юпитера и Сатурна, вызываются существованием ещё одной, до сих пор необнаруженной планеты... Всё это несколько забавно, ибо зачем доказывать очевидное и искать то, что находится под самым носом?

Нашлись, впрочем, двое астрономов – безумцев, которые пошли дальше иных и с помощью математических моделей показали, что *новая* планета вытолкнула Плутон и Харон из их прежнего положения спутников Нептуна. Они предположили, что вторгшаяся планета была в 3-4 раза массивней Земли, причём, её орбита должна обладать большим эксцентриситетом – сильно наклонена к плоскости вращения вокруг Солнца, а её период вращения очень велик. Как будто учёные пользовались для своего доклада выдержками из "Энума Элиш"***. Кажется, их звали хон Харрингтон и ван Фландерн? По том был Джерр Ной Гебаэр-Ур. Этот всем запомнился очень хорошо. Он честно признался, что не знает, что "оно за такое", хоть определённо и очевидно, что *чтобы это ни было, оно Есть...* А я ещё добавлю, что оно не только есть, но и ещё всё время хочет есть... Кровожадное и беспощадное – да-да, настолько, что с его появлением связывают гибель динозавров 26 миллионов лет назад. Легко им рассуждать о том, что случилось невесть когда, по-моему, столько вообще не живут, даже бессмертные *сянь-сяю-сю*.

* – Богиня "Солнечное Око", дочь Ра, женищина-катт, достигшая в древнем Египте высших уровней иерархии: вначале светской, затем духовной. Мифологически – олицетворяет доброту, радость, любовь. После гибели Эхнатоновой расы и ухода с берегов Нила благословеннейших фианьюкков, Бастет – через **врата белых снов** – вернулась в мир каттов, где в высших отшельниках благоденствует до сих пор.

** – **Тот Серебряный** (999), владыка **чужеземных стран**, в др. Египте *Thot* /144(999)/ – бог Луны, которая является сердцем Солнца (Ра); *ТоТ* (999) владыка Времени и создатель письменности, отсюда очевиден благоговейный трепет перед ним всех библиотекарей и летописцев. Включая, конечно же, и Меня.

*** – В "Энума Элиш" в тексте древних шумер описывается непротиворечивая версия образования Земли и Пояса Астероидов, происхождения Луны, комет и многих элементов Системы Имвульт, которым не дает объяснения современная наука.

Итак. В системе имеются 11 небесных тел, где 12-я планета – Мардук, и 13 – центр (Ги́ла-Эрра), что за Солнцем (относительно Земли) – выход из Системы Имвудьт (Корабль – Ковчег Ульдроэль).

12 – Очень важное, ключевое число: 12 голов великого Дракона Д'Хетонга, 12 созвездий, даже цикл Земли делится на 12 периодов по 2160 лет. Священное число богов. Не потому ли очень долго бытовало мнение, что на неизвестной планете как раз и обитают эти самые боги? Блажен, кто верует! Видели бы они это божественное пристанище! Нибиру или Мардук (12-я планета) так же является и 6-ой (а это число издревле вызывало спазмы и холодный подкожный зуд), если считать от Плутона и в контексте Библио текарских тайн – является суммой (69) нескрытой системы, как "магарический" принцип в секторе без числа, который вскрывается через экзистенциальное "Я" (3) и растворяется посредством слияния с остальными позициями в новых суммах надвигающегося Конца 9(63).

Как говорится в земном народе: *Эй (hi), шестой! У ворот постой...*

Однако бойтесь Мардука – магар обиталища! Представьте только, что за мир на Нибиру, если 3600 лет "Он" летает вдали от Системы Имвудьт, а когда входит в неё, то лишь слегка освещается светом Дайхантр Дивья (Юпитер), потому что Солнце здесь (в месте пересечения Солнечной системы Тёмной планетой Нибиру) – лишь звёздочка, каких мириады. К тому же, Нибиру – блуждающий Мир межзвездья, и пришёл в Систему в начале времён из неведомой Тьмы. Последнее посещение 1600 лет до н. э. устроило катаклизм, спровоцировав извержение Санторина на Крите и глобальный всплеск Красного моря.

Мардук в три раза больше Земли: тёмно-серый шар размером с Нептун; он летает по вертикальной орбите, возбуждая кометы, врывается в мир Системы, *"падая", словно раскалённая лава с небес*, либо из жерла вулкана вырываясь наружу – что одинаково смертоносно для жизни.

P.S. Умереть – дело скорое и лёгкое, жить – значительно труднее. Однако, желать смерти, когда живётся – столь же малодушно, как сокрушаться о жизни, если пришла пора умирать. Что толку подёргивать шуршалками и изгибаться вкруговую – винтом, если тебя уже начал заглатывать слеповёртый ушрутень*?

ПРИПИСКА 0/12 Сегодня мне приснилась Сайлюш. В этом сне она была дриадой. И я любил её, как могут любить только дафэны... *Всё повторяется, но в лесном кругу солнечных часов не ищи конца – кроме начала**.*

*Грешники и порочные скажут: будто Я слишком добр и ханжа!
Но для праведников Я – исчадие Дна.*

КАТАРАХ АХАМ (санскр.) – "Я", который! – *пожелавший быть неизвестным.*

Мне бы не хотелось *быть* Дафэном. А впрочем, все, что присуще ему, присуще и мне. Но у него только *то*, а у меня ещё *сверх того* целый перечень обязанностей. Хотя, зачем сравнивать? Да и сравнимо ли?

Время... Слишком тяжёлая ноша для Дафэна! События мелькают и сливаются в единую полосу. А для меня всё давно потеряло смысл... Время тоже мне подвластно, но Дафэн, в отличие от меня, не может вернуться в прошлое, как праздный путешественник. Он обязательно несёт на себе груз События – *события*, в которое он вынужден вмешаться: обязан спасать, спасать и спасать... Не хочу никого спасать! Пребесполезнейшее занятие! Мир никогда не погибает, никогда не рождается. К тому же, для меня Дафэн – ортодоксальный апоссионарий, верящий безраздельно в свою правоту. Звучит, как приговор. Или как ругательство. Но кто-то должен делать его работу! Что ж, мир сам избирает себе Дафэна, чтобы его руками творилась история... Не хочу быть инструментом! Надо обладать запалом юности, необусловленной ни опытом, ни осторожностью, когда для тебя *"жизнь – здесь и сейчас"*, чтобы

* – *Слеповёртый ушрутень столь же мерзок и беспощаден, как и взбесившийся сизый грольх, - не будем поминать уж всеу зазеркального магара! – не отступит, не выплюнет и не задубеет желудочным шлангом, переваривая заглоченные, истерично протестующие тушки, проще говоря – листно-гнозисные биосистикслы.*

** – Юрий Смирнов "Энциклопедия чувств", конспект.

добровольно и пламенно принять на себя бремя *спасающего*. Блажен, кто верует, и пусть ему сопутствует удача!

"Он всё время старался **Быть**, но это – всегда – мешало ему **Жить**".

Фениксо-логическая петля.

ДАФЭН – Дафэн – по-китайски "Феникс" – тот, кто пропускает через себя смерть, будто кровь, и, умирая, не умирает никогда. "Дозна" – у зарастрийцев – тёмная и светлая сторона души, проявляющаяся после смерти человека в зависимости от его прижизненного Выбора. В нашем случае – это сущность, имеющая возможность движения по петле Времени, и держатель Врат в момент Перехода (Исхода) людей с одного уровня (измерения) на другой – в так называемом Конце Времени.

Дафэн – тот, кто возвращается... Сколь многие люди мнят себя дафэнами. Порой их поражает чувство, будто "подобный момент уже переживался". Приверженцы вечного возвращения клянутся, что так оно и есть, и привлекают эти смутные состояния ума в подкрепление своей веры. Они забывают, что воспоминание само по себе есть нечто новое... В тот миг, когда в уме появляется эта идея, все цвета меняются – и начинается другая история. Время постоянно отодвигает воспоминание всё дальше – вплоть до того момента, когда возможно уже предвидеть свою судьбу и поступить иначе... Людей пугают или раздражают подобные мысли: где доказательства, в конце концов?!. Нет доказательств, которые можно было бы потрогать рукой. Есть мысли и состояния души – единственные незыблемые подтверждения: да! Для идущих по Пути есть только Путь: то, что пройдено, настоящая точка под ногами и то, что ещё предстоит пройти в будущем! Для Дафэна же, созерцающего этот Путь – весь целиком, – нет никакого Пути: нет прошлого и нет будущего – всего лишь настоящее... без конца и края (дойдя до конца, вы и сами поймёте, что пришли в начало, ибо изначально знали всё наперёд)! В долю секунды Дафэн способен очутиться в любой точке последовательных событий. Он везде и нигде. В этом его сила и его слабость: однажды, вернувшись в так называемое "прошлое", он может не узнать его... Поверить в это очень трудно – и, самое главное, не нужно.*

P.P.S. У великого "Камня Путей преткновения" не три дороги для пресловутого выбора, но неизбежно лишь две. Куда тут податься студенту Василию? Ясное дело – в Дафэны! Но это значит, что выбирать надобно, всё же, несуществующую третью дорогу, а она-то и может быть одним из выходов (или входов) из Лабиринта (версия новая и на практике пока не проверена).

ЗАПИСЬ 0/9. Репарка – по прочтении *сжечь*. Далее: *размельчив, перемешать с мукой и скормить птицам, либо разорвать и развеять с какой-нибудь священной горы – будь то Кайлас, Фудзи или же Канченджанга**.*

*Снова слышен шум космоса; O, quando fiat uti chelidon?****

Однако, к вопросу о работе с рукописями – рассматривая его, безусловно, в контексте *идушего* (блуждающего) в Лабиринте нашей смертельной игры.

Имеется факт – чрезмерное использование инородных слов и терминов. Что тут сказать? *Palpasia perkussia!* Простукивай – не простукивай, а Пустота не звенит, если не предложена субстанция – мясо и спирт (но это для стойких и посреди суровой природы заснеженных гор – "травникам не вкушать!").

* – Хорхе Луис Борхес

** – Находится между Непалом, Бутаном и Индией; именно **Конченджанга**, а не Эверест Джомолунгма) является главной горой в *Nītavant* (санскритская персонификация Гималаев; буквально **Владыка снегов**). Именно эта гора – незакрывающийся во Времени и в пространстве местного ареала – портал во внешний и внутренний космос. Отсюда расселились Веганцы, *Dzett*, Хира (Сириус), Плеядианцы, Эла-Хийс и Д'хетонг Хейс. А из её (Конченджанги) льда были созданы первые мужчины и женщины; об этом хорошо помнят тибетцы и Ваш покорный слуга, записавший сию историю со слов своего небесного друга Оллисса Уиуриша на старинной бутанской бумаге, способной удерживать "Слово" тысячу лет. *Bravissimo!* И хотя срок маловат – беспокойство излишне. Была сделана копия, а сам текст (на древнетибетском) – *терта* – покоится в моём уникальном хранилище.

*** – (лат.) *О, когда же я стану ласточкой?*

Представить опасно: как-то заявился на *соискатели прохождения Пути* сам грольх Ра-Рух, так его выкинуло в субпараллельные паст-перфект-ниши, из которых он выбирался Кротовыми норами* в трёх временах – вот она, сила Тройного Зеркала "Spekulum tripleks"! Этот случай запечатлён в восприятии нашего симпатичного "рыжика", бывшего как раз на месте происхождения – в городе Лаба Тхун.

Посему, необходим хоть какой-то уровень защищённости моей Вневременной синекуры:

1. Важно, чтобы отступились отягчённые "элитным" мотивом плутающие псевдоинтеллигенты (высокомерие, как аристократизм; культура, как светскость – неприятие Низкого в любом его качестве, даже если это основание пирамиды и пр. пр. пр.). А лучший взгляд отражает тенденцию, как интеллектуальный снобизм; в нашем ракурсе может иметь непредсказуемые тупики.

Например: тут всё дело в должности Supervisor(a), чтобы нашёлся претендент на статус "Бессмертного вне Небес" – "система" должна быть "раскрыта", но это чревато магическим экстремизмом со стороны параллельных и посторонних (низшие грольхи, тщеславные силсы, люди, в конце концов). В такой ситуации используется вербальный фильтр – *отпечетый эпистоляр*, как банальная эрудиция, ведущая в тупики хитроумного Лабиринта ("Трудно быть снобом, когда смог "козлятник" покинуть, хотя *козлячество* из себя выдавить порой вечности не достанет").

2. Дезинформация, а местами откровенная ложь – используется для тех, кто подвизался отделять Лес от Города, зёрна от плевел, полевых сурков от ночных упырей и т.п... Их выбор исключает возможность иметь информацию даром, которая – вне такового – не прилагается.

3. Для суггесторов-экстремистов, которым нужна только сила, слава и власть предлагается принцип *Фиэт-Бон-Чьи* (что значит "вход" и "выход" – "верхний" и "нижний"): в случае с дилетантом, работает как аннигиляционный портал, хотя это всего лишь the back door – Чёрный (задний) про-ход. Подчас *путь*, как вход со двора, пролегает мимо мусорных стоков, которые некуда и некому вывозить (курсив пешехода), и смыть их может только Потоп.

К слову сказать, аннигиляция – не самое худшее, что приключается со случайным прохожим в сфабрикованном мной Лабиринте; результатом её может быть гамма-квант (одно из проявлений света) с нулевым зарядом – фатальный итог слияния электрона и позитрона.

Мой, мой итог! Аннигиляция – затяжной, бесконечный наркотик.

Я помню: я когда-то любил... но очень хотелось быть *Супервайзером* и так тянуло на подвиги, что не заметил, как с головой погрузился в подвешенное Ничто – реальность для потерявших *стул* – *но не стол*, и вот теперь я непрерывно обязан стоять (принцип вечного неудобства и неоправданного стеснения).

О, этот альтернативный мир! До таких пределов увлёк своей силой и властью, что после этого я уже не был способен ни удерживать тающую любовь, ни понять свои обанкротившиеся мечты... Но лишь обязательства, обязательства перед довольным своим предшественником – Библиотекарем вне Небес, заслужившим долгожданный Покой. Уже растаяло в толще веков само его имя – а я (да-с!) обижен... обижен на столь прозорливую мудрость своего предтечи – в выборе заместителя, который бы "не желая – очень хотел". На дешевизне меня купил – желанием спасти от гибели (несмотря на Предопределённый Конец) всех: плохих и хороших – одинаково разрушающих свой завтрашний дом. От подобной мурлы я иногда сбегая на землю – не упокоиться, но забыться... помимо прочего, в тайной надежде, случайно увидеть её – ту, которая – доподлинно знаю! – не забыла меня и *продолжает ждать и искать*. Я помню, я всё ещё помню тебя, моя любимая!..

* – "Кротовая нора" принципиально отличается от Чёрной дыры, хотя и близка по природе проницаемостью – свойством прозрачности, то есть: грольх Ра-Рух, попадая в неё из Лаба Тхуна, не исчезает, но неизбежно искривляется. "Кротовая нора" имеет свою ось и свойство вращаться. Скорее всего, то минимальное смещение во Времени, которое происходит в момент прохождения **туннеля-норы**, неминуемо разлучит путешественника с "родной" реальностью. Метафизически объект "исчезает" для той реальности, из которой он прибыл: его как бы "нет", и **злосчастный Ра-Рух вынужден начинать всё сначала**, даже если исходная точка "заякорена".

Сущности, "прыгая" или ныряя через "Кротовые норы", будут обретать актуальные формы, и усваивать новую информацию, но, распространяясь по горизонту Вселенной, они неизбежно утратят первичную "Альфугу"... для земножителя – Землю, которому Земля навсегда становится **миражом**, условностью – **мифологически потерянным Раем**.

Сегодня ж – предвкушаю! – покорного вашего слугу утешит Катулл, римлянин и поэт. Не разбавляя вино, он предаст поэтике *праздную пустошь* моего ума, а я попытаюсь – в который раз – убить себя пьяным сном.

Катулл (из давних друзей) через века грезит Псапфой и завидует мне: моим странствиям по Реке Времени – наивный! На пути в завтра его поэтика давно опередила величие неприметного гостя, но *Сафо!*.. она любит лишь музыку S-Fer! О, Псапфа! Ты – *островитянка*... как, *впрочем, и я: никого в себя не впуская – знаешь о мире всё*. Не единожды я встречал её в очередном странствии вглубь веков и вновь убеждаюсь, что ей – Псапфе – везде хорошо (в своём саване из стихов, в котором – *прекрасная – возлежит среди грешников, не касаясь грешного дна*). Когда-нибудь подарю ей *сизого грольха* – *пусть научит его любить!*

Да, забыл сказать о главном: любая *альтернатива*, как и моё Бессмертие вне Небес, чрезмерно увлекает людей, сильсов, грольхов и прочих жаждущих выгодных перемен, поэтому должен быть кто-то, кто бы наблюдал за всеми со стороны и напомнил бы в нужный момент о том, что *Реальность – для всех*, разлита везде... и безжалостна. А этот кто-то – увы, ваш покорный слуга.

Записано в I век н.э... Цезальпийская Галлия, г. Верона,
Долина По, *двуполый* Рим и мой несравненный Катулл.

ФИЭТ-БОН-ЧЬИ – основной принцип прохождения Лабиринта. *Физт-Бон-Чьи* отличается от других принципов, прежде всего тем, что он двоичен: имеет два *входа* – только входы! – два зеркала, о выходе же ничего неизвестно. В этом принципе выделены и конкретизированы два таких понятия, как "Верх" и "Низ" системы, но об этом несколько позже. До поры *Физт-Бон-Чьи* следует избегать, но он так же неотвратим, как полное затмение Солнца*. Познали его (и вернулись) немногие, но на памяти первым был египетский Тот-аль Кин. Он занял достойное место между "Верхом" и "Низом" принципа *Физт-Бон-Чьи*, и как – по поводу – вздохнул Оницура *...не из обычных людей Тот, которого манит дерево без цветов*** с зияющим в сердце дуплом.

Почему именно два входа? О, они, как глаза Лемура на голове особо бледного хона, – по-детски наивно-коварные (сиречь – бездонные), и на заливке – два завихрения в волосах, рассечённых черепно-краническим гребнем***.

При чём тут отдалённый примат? Dyt gjyznbq!!! (*Вне понятий!!! – прим. оцифр.*)

Хотя... это может быть игрой слов, ведь цивилизация Лемурия является "Низом" на данный момент Времени, а у лемура имеется особый хвост, позволяющий совершать любое действие в неестественно "подвешенном" состоянии. Всё дело в том, что "Низ" бинарен (двоичен) по природе своей, а подвешенный за хвост "примат", который есть выражение великого принципа *Двандва* (санскр. – двойственность), имеет ещё и раздвоенность Бороды****.

* – 1.44 мин. – максимальная продолжительность солнечного затмения; **Трин-девятое царство** – 999 пребывает образно и мистически вокруг Чёрной короны звезды, ставшей его мерой и "пятой Ахиллеса".

** – Существует два Прото-Дерева; на одном из них (условно, по вертикали – вниз) обитает лемур-девиант; место особо опасное для большинства "живых" существ и систем. Оно обладает способностью стремительно "выворачивать" их наизнанку. Как сказано классиком: **"К нему и (Симург) не летит... Алкал нейдёт – лишь вихорь чёрный... На древо смерти набезжит... И мчится прочь уже тлетворный"** (В параллельных измерениях алкал – родственник волколаков, антагонистов вулфов).

*** – Мистическая **шишка**, имеется у существ Третьего Царства и обусловлена их местопребыванием на расстояниях от него. В данном контексте это вытекает из "энергетики" места – "Чёрный выход", то есть "Низ". Так же, сим знаком обладают противоположные по значению сущности (например, Тот-аль Кин Серебряный; "Верх" – "Белый выход").

У людей "мистическая шишка" выражена костяным наростом (гребнем) ото лба до темени, сформированным вытягивающей силой их тайной родины. Данный признак имеют как "Белые", так и "Чёрные" хоны. Тайная родина – **Пространство Принадлежности** – находится над головой человека на расстоянии **вытянутой руки** и "включается" (радирует) только после наработки субъектом Высшей Воли, либо – у некоторых "простаков"! – имеется уже от рождения. По этой шишке легко можно обнаруживать таковых, следить за ними и если что – то строго наказывать за подсознательные манипуляции Силой.

**** – Кровожадный **Эрлих** (тюрк.), творящий тёмное человечество, имеет раздвоенную бороду до колен; у уйгуров владыка Ада – **Эрлик-Коган**; у шумер(цев) – женищина **Эрши-Кигаль**, которая – в

При завязывании же *бороды в узел*, т. е. при преобразовании двух полюсов в один, мы получим тайную формулу *Трин-девятого царства*, – числовое выражение 999, – объединяющую в себе все существующие измерения нашей необъятной Вселенной. Однако, если сложить две бинарные суммы Принципа *Двандва*, то опять же получим... *что есть две передние лапы, активные, как две руки; и две задние лапы – как две ноги, которые так же суетятся, как две руки...* Итак: (изучив 333 тома расчётов и алгоритмов, здесь пропущенных) получается число – 666, т.е. перевёрнутость Трин-девятого Царства (999), а правильнее сказать – "вывернутое его нутро", непригодное для притч и гнездовой Любви, которое лемур созерцает сверху тормашками, вися на хвосте... Итак: всё это говорит о том, что *во всяком "Низе" заключён "Верх", а во всяком "Верхе" "Низ"*.

Оставшийся в стороне от Самосозерцания, болтается на своём хвосте девиант-примат. Вот так и Великий Негодяй, как называют его суфи и магары (по белому – Fer), творит Путь "вниз", держась хвостом за ногу восседающего на троне *Самого Аллы* – *тонкий разливает в своих твореньях яд...* (Krylov) – и, не имея возможности отпустить эту великую ногу, иначе вынужденно окажется лицом к лицу с тем, за кого держится, и тогда непременно в Нём Самом и растворится. Это обязательно когда-нибудь произойдёт, но когда – не знает даже Тот, кто только и делает, что растворяет.

Да, я признаю, конечно, это – Ужас! Но Уж... не Ужас... Ужас... Ужас...

Хотя, каждому козлу – свой огород*, а всеилие примата-девианта (перевёрнутость искажением) ограничено радиусом его хвоста.

ЗАПИСЬ 1000. Запечатанная в благоговении, но с надорванным краем и жирным пятном от указательного (шестого) пальца левой руки. К ней прилагается чертёж Лабиринта... О, Господи! Это же тот самый... МОЙ ЛАБИРИНТ!!!

Приветствую тебя... Никто!

Это Я – Лабиринт.

Ощущая присутствие

в собственной Тишине,

вынужден предложить (отражаясь)

Ужас каждой твоей

Мечты...

Интайт Тхэст, "Сам-Лабиринт"

Сколько бы я ни жил, каждый год, месяц, день... каждая секунда – вздох, удар моего сердца – падают в бездну великого Лабиринта судеб. Однажды я вошёл в него. Однажды – если суждено – выйду. Каждый живущий – пусть даже и не ведая о том, – стремится попасть туда, ибо в Лабиринте сокрыта Истина: в нём спрятаны ответы на все существующие вопросы. Но вот как их найти?

Прежде всего, необходима выдержка и усердие, потому как проникновение в Лабиринт реализуется в размышлении. (Повторюсь: *чтобы делать – надобно быть, чтобы быть – возделывать*). Порядок нужен для творчества, а беспорядок – чтобы творение ожило. Чтобы быть (взволноваться) – необходима сдержанность, простота и естественность, ибо *невероятность "выхода" всегда естественна*.

*Неверно полагать, будто Labyrinth существует для того,
чтобы убивать путников. Смысл Его бытия в том, чтобы
даровать Выбор.*

"Выбор – вот Таинство Подлинного".

Ибо сказано: Путь... Высвобождает Вечность, заключённую в человеке.

ЛЭ ПО (XXX)

момент смерти её сестры Инанны, богини Неба, Света и Жизни – мучается родовыми схватками у себя в Аду... и в свою очередь, обратное происходит с Инанной. Именно эта аллегория в образе одномоментно зародённого младенца, а на деле – та самая зверушка неведомая и есть "третий вход" для наивного простака, который подвизался пройти Лабиринт.

* – Перефраз Леца: *для каждого осла своя трава проросла.*

Вспомним Гаутаму Шакью, когда явился пред Ним повелитель иллюзий Яма и был растворён в Буддовом размышлении. Так и мы – растворим же все мысли, дабы созерцать Лабиринт. Созерцайте – ведь созерцание *tru to any sistem**. Зри форму, ибо она всегда воспитывает больше, чем содержание. Если процесс будет правильным, то вскоре – сквозь завесу иллюзии – начнёт проявляться из самой Пустоты – "Вход" (12-й элемент в системе). В случае правильности усердия будет обнаружен и "Выход", но в нём будет стоять обязательно Яма (либо то будет *окно*, из которого Владыка смерти заглянет Вам прямо в душу). Это второй этап созерцания и он самый тяжелый, ибо взгляд Ямы выдержать очень трудно. Это Вам не какой-то Вий или Оле... *Он их Хозяин*. Так что – быть бы живу. Да по здорову!.. Встретивши – разбегись!

... Самое лучшее – это БЕЖАТЬ.

*Когда "идуций" встречает врага, и более сильного,
противостояние не имеет смысла.*

Возникает выбор: плен – либо бегство...

*В условиях Лабиринта 1-е означает полное поражение
и прекращение странствия;*

для путника подобное равносильно смерти.

Остается – Б е ж а т ь !!!

*И если бегство твоё, как "острие меча"
пронзившего сон идей, – оно не является поражением;
а пока нет поражения, – неминуемо возникает шанс
перейти Мост из одного бревна, на котором –*

всегда ожидает Враг...

Тридцать "6" стратагем (Автор не известен...Х-Ха-а!)

Появление же Владыки смерти для Вас – знак: "Вход" свободен! А "Выход"?!

Свободен... свободен путь, и вы открываете заветный *Дварам*** – мои поздравления! Или... соболезнования!

*Чтобы смочь идти, а не смочь не идти... и смочь
вернуться, а не смочь не вернуться.*

Лэ - По (XXII)

Теперь, когда Дверь в Лабиринт, наконец, позади, и стало зябко, важно вспомнить: *кто ты, где ты и что тебе только что было здесь нужно***?*

Стоять нельзя – замёрзнешь или поджаришься; но, скорее всего, квази-кислотность блуждающих плит, настроенная на активацию от давления в одну Nana-секунду (0,94388), начнёт растворять твою – для начала – обувь и шерсть (если есть), поэтому, друг мой, – движение! – только движение, ведь сейчас за тобой следуют три вечных спутника хонов: *слизь, желчь и ветер*, и в данный момент их настрой – скука трёх праздных акул, ждущих лишь капельку крови.

...А зачем открывал? Тебя кто просил? А не надо думать, индохр тоже думал... Дольше удара сердца. Это у ваших мудрецов хонских семь (ударов) на раздумье – за так. Добрые они, да и время было другое... Короче! Для вас – грамотных – здесь указатели специальные: *ни одного знака правды*.

P.P.S. (Намёк). Здесь может помочь сохранить психику (равновесие) обыкновенный архаический десятипёрстный "Чёт": (1) – Перво; (2) – Ervo(Ero); (3) – Пухо; (4) – Рюхо; (5) – Пятло; (6) – Sotlo; (7) – Filo; (8) – Крило; (9) – Лён(Юеп); (10) – Крест.

* – (англ.) Верно по отношению к любой системе.

** – (санскр.) Дверь.

*** – Первое, что рекомендуется в означенной ситуации (когда сделан шаг за порог, и перед взором – прямой коридор, уходящий в бесконечность, а позади – если обернуться – такой же коридор, но в направлении диаметрально обратном) – надо **бежать вперёд**; при этом можно кричать, лучше закрыв глаза. А далее: придут какие-то мысли, соображения, размышления... и глядишь – "кривая" куда-нибудь да и **вычеркнет**.

Чем сложнее Лабиринт, тем насыщеннее парадокс:
бесчеловечные условия "прохождения" разрушают
Разум и стирают Опыт.

И вот давление уже Таково, что "идуций" упирается в
выбор: подладиться к бездушию Лабиринта и остаться
в нём, существуя "singula-ten to"*, либо раствориться
в Непроницаемости Свободы.

Тир Сон "Мифология Выхода"

ЗАПИСЬ 0.22. Only in world of speculation. Его бытие – только в области предположений.

Твоя жизнь – то же, что Лабиринт: бредёшь ли по Его спиралям или трепещёшь, настигнутый Минотт-Авром.

Тупики страшат, но иногда бывает, что выход – уже не Цель.

Ex ungue, he go**: уткло Время, помнящее, кто первичен, но Лабиринт гонит тебя, и потому, без Него ты – Ничто. Ведь пытаешься tu sit down unde insults***, тем самым провоцируешь Лабиринт – Быть.

Pour encourager les autres****, да будет повторено: The God of the Labirynth***** согласен служить и терзать (passant~), лишь бы "идущим" порождалось движение, которое, ipso facto**~, утверждает бытие Лабиринта, а, следовательно... и Его Speculum Triplex***~.

In fine, sentenze****~: "Когда, увлечённый обстоятельствами, бредёшь в Лабиринте, мечтая о Выходе, – само размышление о Свободе есть Его – Лабиринта Помысел".

ПОДЗАПИСЬ 0/09 (41) Отрывочные умозаключения. Взгляд – "замочные скважины".

Сегодня опять холодно и неуютно. Не спасает ни огонь в камине, ни любимый коньяк Хенесси Ричард III. Проснувшись, решил отдаться поэзии. Открываю книгу за книгой – везде чертежи лабиринтов... Сегодня – одни ЛАБИРИНТЫ-Ы-Ы!!!

...Из ненасытного лабиринта сновидений я вернулся в тюрьму, как возвращаются домой.

Письмена Бога (J.L.Borges) на прозрачных
стенах сектора 0/0666-Mega "SOR-RNORM",
за отсутствием чернил, написанных кровью.

Лабиринты – какие бы они не были, где бы не находились – истощают намерения ложными путями, подобиями и схожестями, испытывают настойчивость и терпение, – и не только моё! – заставляя раз за разом совершать бесполезную попытку найти выход или сдаться. Хотя, впрочем... изучай движение Тел за "Невидимостью Прозрачного", но беги прочь – ускользая, как только увидишь Выход (Сеха Тан И).

Сколько же их, сколько! Спрятанные под храмами или выложенные каменными дорожками, природные пещерные или дворцовые анфиладные – как бы они не выглядели снаружи, изнутри они одинаковы: порождают лишь тьму отчаянья и страха. Лабиринты всегда были символом иллюзорности низшего мира, в котором душа скитается в поисках истины, – таинственным местом, где проводились посвящения и наказания... Пожалуй, только зелёный лесной Лабиринт, созданный дриадами, наполнен несколько иным смыслом. С одной стороны, это задерживающая преграда, помогающая скрыться от врагов, с другой – место, которое требует определённых качеств: ориентации, возможности двигаться осмысленно по Лесу, пройдя через который, как через чистилище, испытываемый обретает возможность выхода из

* – *Singula-ten To* (латынь архаическая) – Юдоль (этимология на пределе); непрерывное поглощение в движущемся пространстве всяческого рода идей и Смысла, и невозможность их адекватного применения в жизни; в грубом приближении *singula* – "пожирающая дыра".

** – (лат.) По когти, отрицая.

*** – (англ.) Молча переносить обиду.

**** – (франц.) Чтобы ободрить многих.

***** – (англ.) Бог Лабиринта.

*~ – (франц.) – Мимоходом.

**~ – (лат.) Самим фактом.

***~ – (лат.) "ТройноеЗеркало".

****~ – (лат.) В конце – Изречение.

лесного Лабиринта, наделяясь силами для дальнейших испытаний. *Cognosce te ipsum**, и тебе откроется истинный путь!

Я согласен с несравненными лесными девами, но всё же мне более нравится воспринимать Лабиринт более сложно, глубоко, скорее иносказательно – например, как путешествие от смерти к рождению и от рождения к смерти. В самом центре *такого Лабиринта* живёт его Владыка, иначе говоря – Хранитель Судьбы (люди придумывали ему самые невероятные обличья, впрочем, дальше полубыков и драконов они всё равно не заходили). Достигнув Его, обретаешь... то, что обретаешь. Но главное – не столько дойти до сердцевины, сколько выбраться оттуда – вернуться назад к своему возрождению. Осталось спросить себя: возрождению после чего?!

*Я суть – Никто, и звать меня – Никак.
Суши пески в моих морских глубинах,
Безмолвны ночи в рощах соловьиных.
По лезвию тропа ведёт из тьмы во мрак.*

*Великие Лаб и Ринт, забытые и так и непознанные.
(строки, нащёптанные и навеянные прохладными стенами).*

P.S. Почему Ты не выходишь из Круга?!

Великий Немой. "Плачь укорения".

Всё, всё вокруг – начиная от моей Библиотеки и заканчивая жизнью любого из вас, идущего по Пути, – всё вокруг суть Лабиринты – Круги расходящихся дорог... И более того, Всё есть единый Лабиринт Времени, ключ к которому – само Время. Однажды я пробовал писать об этом: решил создать невероятную бесконечную Книгу – книгу-лабиринт. Сотни раз спрашивал я себя, как может быть книга бесконечной?

Сначала в голову не приходило ничего, кроме того, что *строка последнего тома повторяет самую первую – тем самым, замыкая цикл историй*. Вспомнилась "Тысяча и одна ночь", когда царица Шехерезада, по чудесной оплошности переписчика, принимается дословно пересказывать первую сказку, рискуя вновь добраться до той ночи, когда она её пересказывает, и так до бесконечности. Ещё мне представилось произведение в духе платоновских "идей" – его замысел передавался бы по наследству, из поколения в поколение, так что каждый новый наследник добавлял бы к нему свою положенную главу или со смиренной заботливостью правил страницу, написанную предшественниками.

Это было весело – придумывать одну теорию за другой, но ни одна из них так и не увидела свет. И это продолжалось бы "бесконечно" долго, но... Однажды, прогуливаясь с моим старейшим другом Оллиссом Ушраншем по шепчущему саду на горе Гирнар, вышагивая по золотистым плитам бесчисленных дорожек, я вдруг *понял!*.. Книга была уже написана, только не на бумаге и не мной.

Сад, по которому мы шли – "сад расходящихся троп" – и являл собой модель единого Лабиринта, только перенесённую из Времени в Пространство. Стоило нам дойти до очередной развилки, как мы выбирали один из путей, отмечая остальные. В очередной раз, остановившись перед выбором, я с улыбкой предложил кайшпру "не размениваться по пустякам и... исследовать все возможные варианты, методично "проживая" их, будто читая главу за главой** – *ut fata trahunt****". Выбрать всё разом? – удивился он и внезапно расхохотался... Мы потратили немало времени, следуя моему неожиданному предложению, к тому же, мы решили усложнить себе задачу и придумали тысячи историй, вытекающих одна из другой. Мы творили различное будущее для наших "действующих лиц", давая возможность им прожить свою жизнь в нескольких вариантах. Скажем, некий Иван встречает разбойника. Есть, видимо, несколько вероятных исходов: Иван убивает разбойника (тропа уходит направо), разбойник убивает Ивана (тропа – налево), оба погибают (прямо и левее), оба могут уцелеть (прямо и правее), и так далее. Проходя по этим тропам-жизням, – реализуя все эти исходы, – мы упирались в новые развилки. Иногда тропы Лабиринта пересекались или плавно соединялись друг с другом: Иван становился разбойником и его убивал... Иван. В свете заходящего солнца мы придумывали заключительные слова – последние фразы очередной главы и дня, –

* – познай самого себя

** – Хорхе Луис Борхес "Вымышленные истории".

*** – (лат.) Как повелевает судьба, по воле рока.

произносили их, будто заклинания и умолкали, чувствуя вокруг себя незримое, бесплотное присутствие созданных нами существ. Лабиринт был бесконечен, как и истории его жителей...

"Сад расходящихся троп" ещё долго привлекал меня, как грандиозная шарада, как притча, ключ к которой – время. Являясь по сути своей неискажённым образом Мира, он представлял собой бесчисленность временных рядов, которые сближались, ветвились, перекрещивались или так никогда и не соприкасались. Сад заключал в себе все мыслимые возможности... Где-то там, в необозримом далеке времён, – сказал тогда Оллисс Ушранш, смотря на пропадавшие в вечернем сумраке дорожки, – нас нет на свете, или есть только я... или только ты. В одном из времён, проходя по сумрачному саду, ты нашёл меня мёртвым; в другом – я произнёс эти же слова, но сам я – мираж, призрак... В любом случае, – ответил я не без волнения, – я благодарен тебе за наши удивительные путешествия... Не в любом, – с улыбкой пробормотал он. – Вечно разветвляясь, время ведёт к неисчислимым вариантам будущего. В одном из них я – твой непримиримый враг.

ЗАПИСЬ 265-441.9. Покаянный коллаж... с равнодушного неодобрения. Стаббы, Стаббы – вот как заморозили Время! – циничное творение FER/a.

Господи!.. Как я ненавижу гербарии! Даже Здесь... Даже Здесь!!!

Троян Мо. (В Священной Библиотеке.

– Восьмой уровень Бодквисатт – 188/888)

Давно, очень давно хочется бросить в огонь все книги, а главное – каталог, и шагнуть в огонь самому – пусть Слово станет золой, а я бы стал дымом и освободился от права читать бесконечно. Я слишком много познал... я мечтаю быть чистым и жажду ошибки. В ошибку (которую – неведомо, как совершить) заключена Свобода.

Словно бабочку - в самое сердце -

я хочу поразить тебя, Время.

"Estio" ("Quisiera clavarte, hora...")

J.R.Jimenez

...Наплакавшись вдоволь, он поиграл с жуком, нервно поводившим усами, и потом долго давил его камнем, стараясь повторить первоначальный сдобный хруст.

Набок Лад-Ир

Сегодня в лирической хандре я разбирал коллекции бабочек. Думал о свободе и смерти. Созерцая виртуозную изворотливость, изумлялся настойчивой одержимости и прочим настроениям, никак не уместным в тех условиях, кои – отныне и навсегда – причиняют лишь сожаленье, тревогу и боль. А к этому... плюс энтомологические приколы чешуекрылых сердец, пусть даже летних бабочек-однодневок.

Имеется предостаточно всевозможных летних метелей, чешуйчатых пестрокрылок (В. И. Даль. Толко...Варь): из ночников, сумеречников и денников. Они подверглись репрессиям со стороны человека – особо последние; однако, следует намекнуть, что существуют ещё и зимние, но в свете новейших тенденций наибольшие шансы здесь на стороне тех (видов), которые ещё не возникли. (перифраз Маркузи Г.)

И вот я увлёкся познанием рунических тайн на глазури невесомых крыльев бабочек-однодневок. И всё бы, в конце концов, ничего – но... красота уродует иную душу, идущую через юность. А когда ради витражной прозрачности – той же "крылатой глазури" – обращаешься в профессионального уловителя доверчивых и многочисленных, то не замечаешь – да и уже не упомянуть! – сколько чистых сердец пронзил в благородном порыве энтомологического призвания в то бесконечное, бесконечное детство посетившего всю эту обаятельную жизнь, где вдруг остановилось время* (величавым Монархом Мохоноло, присевшим на круглый кончик платиновой иглы... чтобы стать жертвой ради спасения своего крылатого народа).

P.S. – скрепка (в тупике надуманности мечты)

* – курсив здесь – компиляция мыслей из романа "Дар" (В.В. Набоков).

Вопрос: Бабочка, бабочка...
 (Мохолонело),
 Что же (за сон) тебе снится? –
 Крылышками машет.
 Ответ: О-Тце...

"На игле". Сны по Отцу.
 (В соавторстве с Гиё-ни).

МОНАРХ МОХОЛОНЕЛО – Царь бабочек – мифологическое существо, которое внешне выглядит, как великолепная фиолетово-золотая ворсистая бабочка, но внутренне ею не является. Или лучше сказать – является не только ею. Телепатические способности дают Монарху Мохолонело возможность общаться не только с себе подобными; крылья, описывающие в воздухе знак бесконечности, могут возносить своего хозяина в поднебесные выси; тысяча радужных глаз смотрят, кажется, в самую душу; драгоценный перламутр, покрывающий каждый волосок брюшка, обладает целебными свойствами, более того, – мне по большому секрету поведали об этом лесные аюнны, – были случаи, когда с помощью перламутрового эликсира удалось воскресить умерших вар-рахалов. Сам же Монарх Мохолонело говорил мне, что судьба оборотней его не волнует совершенно. Ведь в мире живут бабочки... живые "души" небес.

М-мой свет как бабочка порхает в поднебесье... – его шепот гас и тонул в порывах южного ветра, – бабочка ручь-йа бес-смертия летает н-да мной... а я парю в мечтах... всё-й потому ч-то солнце светит... а солнце светит потому ч-то тут темно... а я не знаю почему мой свет сгорает... мне нье-понятна... йя... несу... пе-чаааль...

Как харашио что день рассвета светлый., а я лечу... в руках держу я лёд... не потому что я люблю дрожать... а па-ата-аму чта-а я лечу на-а... Йю-юг!!!

Ничто не может длиться... а может только быть... и я лечу в залив очей моих наружных. ..моих!., закат вновь говорит на языке меня... и я – лечу в края красивых поднебес-сий... и я кричу... Летим-м!!!!... туда-а со-мной!.. и лунно-йе созна-нье... О, не проникнет в нашу тишину... мы вместе... Ты... спасён!!!

Как харашио парить... и в поднебесье... не потому что я парю... а потому чта-а... йя-а хочу-у па-ари-ить... с Тобой-йю!!!*

Тот, кто хоть однажды видел полёт Царя Мохолонело, никогда не сможет остаться прежним. Душа поёт и стремится вслед за ним – как может стремиться за мечтой.

Монарх Мохолонело же всегда печален, так как нет счастья в его народе: беспечность мнима, а жизнь кратковременна... Не радуйся солнцу, каждую минуту тебя караулит смерть: прозрачны сети, остры иглы, удушающе тесны стеклянные стены!

"О, есть неизбежное!... а может – это проклятье лишь моего народа?"

Мохолонело, Царь гербарийский (зимы и лета),
 Дафэн всех чешуекрылых. "Крик на Игле".

Он повторял мне раз за разом, в отчаянии – о, одиночество его судьбы! Говорил, что не умеет говорить, ибо ещё слишком "молод**"... Но! Вокруг, наверное, слишком красиво, и поэтому они теряют Разум? И вот – наступит день: на острие иглы... постигнет он природу размышления и созерцания... в тиши и су-мраке гербарических склепов... где непрестанно звучит осязаемый шепот... предсмертный зов... как света луч... как капли родника... как сама жизнь... и как сама надежда, что дарится нам даже на кресте.

Быть может, если я – Мохолонело, Царь бабочек – пожертвую и радугу, и ветер своих крыльев в угоду жадной любознательности человеческой, душам, отягощенным ненасытностью собирательства и созерцательной накопительностью, – быть может, лишь тогда удовлетворённый К-иллер-кционер вздохнёт, сыто и устало, и воскликнет: "О! Что мне до других чешуекрылых, коль в руки, наконец, попал столь редкостный и непревзойдённый экземпляр!"

* – курсив здесь – компиляция мыслей из романа "Дар" (В.В. Набоков).

** – Йур'Эмийя (Иеремия. Гл.1 Пар. 6, 60.)

...Игла! Игла! Приди! Проткни! Пробей меня на вздохе, вскрике, взмахе! Смерть мне не будет избавленьем, а долгой, долгой, бесконечной мукой... Отец, отец! Приди! Не медли... возьми меня – к себе! Где ты?..

Мохолонело. "Стон на Игле"*.

ЗАПИСЬ 57. Полдень. Понедельник 5-го месяца *трай*... Хотя по лезущим изо всех щелей бабурьричкам можно предположить, что *трай* давно закончился и начался *пукарь*. Глядя на всю эту живую вездесущую насекомую дребедень, как-то – и не заметил как! – задумался о Лесе...

Оставь полевые цветы в покое-это приказ!

Бак Хай Фрест.

Я помню, как пахнет трава перед закатом. Густозелёная, насквозь прогретая солнцем и разглаженная ветром, она погружается в прохладное ночное безмолвие, как в сладкий долгожданный сон... Ничтожен и жалок тот, кто не понимает, сколь великолепна и драгоценна сия мистерия!

"Но для чего же ты сорвал? Разве была какая-то необходимость, ты же не любишь – я знаю, – не любишь собирать цветы! А любишь только наблюдать их или осторожно трогать рукой. Конечно, я не должен был, я не хотел, поверь мне, сначала не хотел, никогда не хотел, мне казалось, что если я когда-нибудь сорву!., то случится что-то неприятное – со мной или с тобой, или с другими людьми, или с нашей рекой, например: разве она не может иссякнуть?" (Саша СООК).

Что тут поделаешь? – невежество и нигилизм застилают разум и видение; им бы оглянуться вокруг: всё... всё просто кишит жизнью и её проявлениями: мириады форм... и они рядом, вокруг – на Земле; но... видящие не видят... слышащие не слышат, и всё потому, что их почти уже – нет! А последние фианьюкки покинули древний Египет в тот момент, когда люди смогли, наконец, понять, что живут среди сверкающих Пирамид. (Как известно – Пирамиды были идеально отполированы, и из-за отражённого сверхсияния их долго не замечали заселявшие тогда Мир хоны.)

Дышишь или нет, кому как больше нравится, а за тебя уже решают, не справившись о твоём собственном и сокровенном: измениться или остаться тебе пучком на ветренном склоне – кому какое дело до твоих фантазий, распускающихся на плодородной ниве вселенского театра?! Жить, мудро созерцая обыденную банальность или, мучительно трансформируясь, перетечь в неведомое Нечто, способное одним движением не-бровей взорвать или спасти весь окружающий мир... Маленькое ядрышко зачаточных мотивов – зелёная точка сборки, именуемая пресловутым зерном истины, – спрятано практически у каждого *теплодушевного* индивидуума (курсив мой), хотя древесные девы считают и по-другому. Не стану с ними спорить, – *neque contradicente***! – что толку пререкаться с женщинами, да ещё и красивыми, легче сказать, что и то, и другое одинаково правдоподобно и одинаково непроверяемо.

Я с хохотом отвергаю все концепции и выдвигаю собственную: будущее следует изъять! – оно всего лишь выражает наши чаяния, а настоящее не берётся к рассмотрению, потому что оно, ловко вывертываясь, стремительно исчезает в прошлом. Этот уход в прошлое обычно соответствует длительным депрессиям и засилью пошлости, тогда как всякое энергетическое свершение соотносится с устремлением в будущее***. Вывернув наизнанку метод, – единственный способ им воспользоваться, – я начну с того, что припомню всё тёмное и туманно-невразумительное, что связано со Временем, этой естественной метафизической тайной, которая стоит прежде Вечности – творения людей.

* – Можно лишь предполагать, сколь этична и утончённа канва мыслеформ царя Гербарийского – перед его добровольным "Восшествием на Иглу".

** – без каких-либо возражений

*** – Хорхе Луис Борхес часто выговаривал мне, что я незаметно пристрастился цитировать его направо и... лево, поминая все и за чашкой зелёного кофе. Всякий пишущий о нём и комментирующий произвольно проваливался в уготованную ему комичную ямину. Пародия, да и только!.. И всё же я не мог удержаться: нестрашно быть смешным, напротив, это как вкрадчивый наркотик – знать, говорить и слушать человека столь необычного и выдающегося, как Борхес. Я улыбаюсь, а он опять хмурится и иронично грозит мне пальцем. Пожалуй, я бы плюнул в лицо тому, кто посмеет напомнить мне, что Борхес слеп...

или мёртв.

Более всего напутано и надумано в той области, которая касается направления Времени. Все почему-то решили, что оно течёт себе благовоспитанно из прошлого в будущее. *Re vera**, я видал и обратное! Уже упомянутый мною ранее Мигель де Унамуну, кажется, такого же бредового мнения, вот послушайте: *"В сумерках река времени струится, сверкает из вечногo завтра..."* Пожалуй, загляну к нему познакомиться на следующей неделе, чем ближе наша встреча, тем чаще он напоминает мне о недопитом мною же и ещё даже неналитом шампанском... Дриальдальдинны были бы удивлены, если бы узнали, что зёрна давным-давно уже посеяны в людские души, а знали бы, так стать, что и не было бы ничего: пусто и холодно стучали б жестокие сердца. На самом деле, *всё уже сделано, но лишь потому, что когда-то было решено это сделать*. Нет причины, нет следствия. Нет стрелы и нет цели, нет стрелка и нет лука, но, однако звенит ещё в ушах неотвратимость пролетевшей мимо *острой смерти*, и собираются чуткие шакалы около ещё неостывших жертв... *Атеп!*

Апельсин, всё же, или вот-вот сорвётся с прогнувшейся ветки, или... он уже на траве. Никто не видит, как он падает. Рыжий мальчик дремлет в дупле, и ему снится сон о том, что он – великий Дафэн. И именно потому, что это ему снится, он решает обязательно *стать непонятым и притягательным Да-фэ-номм!* Как же им стать? Им только родиться... Спи, малыш, ты будешь Им, потому что ты когда-то Им уже был! Смотри-ка, мальчик улыбается во сне! Он счастлив, зачем куда-то идти? Он – везде. Зачем ему перемены и превратности? И то, что он обрёл, было у него вначале. Всё принадлежит ему в единой Вечности – той, которой вторит Время, кружа вокруг души, *всегда бегущей от прошлого, всегда стремящейся в будущее*.

ЗАПИСЬ... 1000 и 1 (фламинго). Со мной произошло сегодня нечто, достойное запечатления и удержания словом. Я до сих пор не понимаю, что это было. Кажется, я спал, и мне снился Сон!.. Сон о тебе.

Великая Библиотека! Я же никогда не сплю?!

Это была она-мечта детства: Снежное Лето!!!

Эта мечта на моей ладони, у моих ног: рождённая в осеннюю стужу страстью творить чудеса, примирившая солнце и мрак, она прошла через годы и расстелилась подарком одичавшему в пустоте.

Но, постепенно привыкнув к нахлынувшему блаженству (о, как здесь тянется время), мне стало недоставать заслуженного покоя; я цепко обшаривал котловину взглядом, раздвигая тёплые сугробы восхитительно белых на прозрачном зеркале птиц... в поисках чего-то гораздо более важного, вот только вспомнить – чего.

Я лежал на прозрачной тверди, смотрел сквозь неё... и плакал. Слёзы, падая, игриво прыгали шариками по кристальной поверхности (Твоих глаз), а по ту сторону (их) мерцали холодом звёзды.

Кажется, эти белые птицы назывались птироксами.

ТРОЯН МО. "Из заснеженных снов", а так же "Страсти и Лабиринт".

P.P.S. Здесь очень важны маленькие советы тому, кто волей судьбы оказался в Соррнорме – через размеренную обыденность своих снов. Надо сказать, что сон – самый доступный и простой способ попасть в Лабиринт, а это может случиться из-за какой-либо легкомысленной фразы. Например: *назавтра я проснусь, как всегда*. Однако, это не факт – абсолютный "не факт"! Любимая присказка хойшей: *"В наших снах да проснуться тебе во-вчера... никогда!"*

А ты вроде бы и ни причём, но уже вынужден делать какой-то Выбор.

И как утверждают моаны: *"Легкомыслие – вот Дорога, ведущая тебя в "страшный сон", из которого иногда выхода – нет.*

ЗАПИСЬ 999. Папирусный свиток, покрытый смолой и в новое время не распечатан ...Отповедь (письмо) радостно напросившемся *"на долгую счастливую жизнь"*. (В рамках Библиотеки – Континуальной).

*...Как же быть мне, если постигла меня
И любовь, и разлука,
И малое не отпускает от малого,
А тяжкое неизменно в печали.*

Лройх'н Доор Шиир.

* – в действительности

Чистейший воздух зимней ночи вливался в грудь, как божественный бальзам. Вокруг сияли звёзды, и все ужасы библиотеки разом отступили куда-то далеко.

Умберто Эко. "Имя розы" (Первая командировка на землю новозаступника на посту Небесной Библиотеки).

Многоуважаемый Макровей*, одержимо идущий по моему эфирному следу!

Перед тем, как ты откроешь означенную Книгу-Дверь – умоляю: немедленно обернись! И если увидишь, что кто-то машет тебе рукой (будь то возлюбленная, либо твой Вайрин**) – отбрось эту рукопись и незамедлительно уходи! Ибо пройдёт около 120тар, и ты (уже будучи долгоживущим) вспомнишь тот зов и... О, Бог мой! Душа твоя почернеет от поселившихся в ней слёз и тоски.

И вот ты закричишь: *Это несправедливо!!!*

Но – что есть справедливость?.. К тому же, я не услышу тебя, потому как давались намёки, и... "руки умыты".

О, если тот зовущий вдали оказался подругой – той самой, единственной! – я сожалею, ведь со мной (а ныне уж с нами) было нечто подобное. И даже если ты будешь плакать так громко, как если бы плакал кит, потерявший подругу в китобойный сезон***, я опять не услышу твой крик, потому что буду так далеко, как далёк День Рождения Мира от голубой планеты Придхиви (по-нынешнему – Земля).

Прощай и прости, ибо для избранных это удел. Никто не знает своей "уязвимой пяты", но большинство игнорирует "человеческое" в себе. Вот и ты помыслил (в тайне от себя и наставника), будто станешь незаменим в ритуале Hic-Stans****.

Но до тех пор, пока твой дух не смирится – обнаружишь, что одинок и одинок тотально: ведь рядом не будет того единственного(ой), кто смог бы зажечь Солнце в твоей груди (а на тот срок тебе нужно будет именно это, потому как всё остальное – пройдено, приобретено и достигнуто).

Много-много тар твоё добросовестное существование и служение будет отравлено невозможностью соединения с кем-то утраченным в мире – таково условие материального бытия, иначе не происходит Вартам~, и Мир исчезает.

Но крепись!.. И твоя судьба будет наполненной.

Многих долгожизненность развращает и вырождает, но ты будешь на службе, и, как утверждал Боэций, твоё "утешение – в философии". К тому же, в самом конце Обязательства ты сольёшься с тем, кто утрачен, а напоследок поймёшь, что горечь твоя – иллюзия, как и всё, что заставляет страдать. И переживёшь радость встречи после разлуки, как радость того, кто проснулся, когда наступила смерть. Я прощаюсь с тобой... и прощаю. Ибо обида твоя дотопе неутолима, доколе там – "внизу" – плачет по тебе подруга (а может, и друг) после очередного свидания "на излёте стрелы" **~.

Прощаться нельзя свидеться – скоро.

Но знай, тебе помогут друзья, ибо синекура*** эта достойная, и выбор её сделан только тобой.

Ити ме матих**** – До востребован.

P.S. И станешь внушающим зависть, но сам угодишь в завистники (Аль Хазм).

* – (греч.)-Долгожизненный.

** – (санскр.) Враг.

*** – Самая громкая песня в Срединном мире - песня голубого кита: 188 децибел, будь то радостный крик или горестный. 188 децибел - это сама **вопиющая мудрость**, которую несёт в Мир именно племя китов, бесспорно, величественных и прекрасных созданий. Главное их орудие - это протест... "добровольный уход", через самовыброс на сушу и гибель от невозможности дышать вне водной стихии из-за огромного веса.

**** – (англ.) Образное обозначение Вечности, как категории: **Застывшее Здесь**.

~ – (санскр.) Вращение.

**~ – Здесь "Излёт стрелы" говорит о невозможности качественного вхождения в контакт со своим "андрогиным" партнёром. Возможен лишь - взгляд, "записка", пара фраз; что премного усугубляет личную скорбь.

***~ – Служебное положение, предполагающее большие возможности при минимуме обязанностей и ответственности. Одно из условий "выгодной синекуры" - когда её обладатель имеет минимум личного (инкарнационного) времени в персональной Андрогинности.

****~ – (санскр.) -Таково моё мнение.

ЗАПИСЬ 666. Папирус – молитва "Бессмертного вне Небес" о ниспослании смысла и воспоминания.

О, Возвышенный, что вне обязательств... В правели я обратиться к обиде, считая долгом взывать к Тебе, не имея – поныне – ни единого от Тебя Знака.

Тарджумал аль-Абиар "Толкование страсти"

Х-ХАУ! Херманубис, предшественник, наставник и покровитель, растворяющий элементы (dissolvere), высоко сидящий с тайнами мира в простертых руках и соединяющий Несоединимое в порыве Бессмертия.

Обращаюсь к тебе, одарённому осознанием, учёностью и милосердием: Ты завершил досрочно великий цикл ИТ'ХЕМЕТ вследствие тайной практики "Священной Чаши", как сокровища доброты к скитальцам и невольникам обстоятельств... и лично – к Бессмертному вне небес.

Молю Тебя: вспомни мой образ, так как запечатлённый силой ума Твоего, он наполняется смыслом и теплотой. *Я весь в печалях, устал и хочу домой.*

ЗАПИСЬ 333. Полночь. Двенадцать ударов одиночества. Откуда-то сбоку-сверху-отовсюду... издалека чуждятся тихие шаги. Неотвратимые, они тяжелеют, приближаются – ближе, ближе – и превращаются в топот ветра меж книжных полок... Страшнее всклокоченной ведьмы или голодного мертвовойва только тот призрак, что щурится на тебя стылмым взглядом – из зеркала*.

В мире нет справедливости, а только одно равновесие.

ЛЭ ПО.

В детстве (если оно когда-нибудь было) я боготворил баба Ягу – не корявую, приземистую уродину, выползающую постепенно носом – нет, бородавками на нём – из единственного отверстия своего жилища, а могучую всезнающую тётку, хитрую и молчаливую, как вихрь взмывающую из замшелой трубы своей удивительной (о двух ногах!) хоромины. Я часами просиживал над книгой, лелея сладко расползающийся по спине ужас, когда она, прищурившись, стучала на очередного проходимца палкой и грозила ему печью и кипящим котлом. Я мечтал, что сам призову её и окажусь тем единственным, кому она покажет своё истинное лицо и поведаёт свои страшные тайны. И каждый раз мне не хватало совсем чуть-чуть: падая лицом в прохладную страницу, я засыпал. Она приходила, но, не застав меня – увы, уходила прочь – *magnum pominiis umbra***.

О, неискушенность! Мечтам не под силу создать желанную гостью. Однако однажды в ночь Лунного Доггельстеймса я почувствовал сзади гудящее живое присутствие. Цепенея, я из последних сил скосил глаза и... ничего не увидел. "Скоро!" – пообещал мне некто насмешливо и жарко с противоположной стороны и, стукнув глухим посохом, хихикая, удалился. Я едва отогрел своё заколдованное тело, скрипуче распрямился, роняя с колен пыльную книгу. Хлопнув, та раскрылась на незнакомой картинке: баба Яга улыбалась и приветливо (?) махала мне с порога.

Глупо было бы заявлять, что баба Яга есть зло. Здесь не место детальному обсуждению всех тех "злодейств", которые она (якобы) измыслила. Что толку спорить об этом? Сделаю лишь несколько замечаний предварительного порядка. Для вас текущая реальность вещей заключается в том, что они и есть истинная материя, беспокойные атомы и электроны, пробегающие целые *Дороги дорог* по своим орбитам. Вы живёте формой, а не содержанием, впрочем, формы "будоражат материю" (Х. Л. Борхес), не меняя её сущности. Её наполненность – это наполненность сказочной истории, битком набитой персонажами и событиями, а на самом деле, являющейся абсолютно пустой. Как ни зыбок сей критерий, мы постоянно им пользуемся. В конце концов, Троян Модестович (если не циклиться, что *Он это Я*) сотворен из Трояна Модестовича, а не из химических соединений или минералов, кислот, щелочей, водных растворов, жиров и белков, образующих динамичную субстанцию. Так и баба Яга существует в той мере, в которой мы её ощущаем. Стоит только выглянуть из картонной крепости, в

* – Юрий Смирнов, "Энциклопедия чувств".

** – тень великого имени.

которую мы сами себя упаковали, как плоскостной раскрашенный рисунок концентрируется, слепляется, начинает дышать, говорить, жить самостоятельно, и вот уже несравненная *Ядвига Балтазаровна* недовольно гремит кочергой у печи, *что-то бормочет и оглядывается через плечо – ходят тут всякие!*

Не злитесь. Всё разъяснится однажды, хоть *ваша* действительность и моя не имеют между собой ничего общего... Пусть! Так даже интересней. По крайней мере, для вас.

Однако попробуем, всё-таки, разобраться.

Итак, если человек – это *сингулярность вселенной*, то баба Я-Га (Я-БАи) – *соединение обычных вещей в сочетании с необычным*.

Вначале, когда люди были юны, – Я-БАи слыла великой, но когда человек "постарел" – Я-Га стала злом. Отныне, она – сама природа, которая не прощает невежества. За завесой страха состарившихся людей можно обнаружить благое начало Я-Ги, например, такие атрибуты, как книга и монета, сулящие людям благосостояние и мудрость.

Др. славянский термин "Иго" (Я-Го) – это связь, единение, а "Баба" – уважаемый(ая); так же, "Ба" – большой. Кроме этого, слог "Га" является составляющим термина "Агга" – *Яйцехоре* (санскр.), *мельчайшая частица праха Махат-Таттвы* – и относится к *Инь* принципу; так же несёт в себе смысл *вбирания, накопления, всасывания*. Я-Га олицетворяет *путь, либо заповедь* (ст. русское "Га" – это дорога, движение). Соответственно, зеркальное "аГ" – это уже *агрессия, разрушение, запутка и западня*.

На санскрите "Jagat" – это и *подвижный, и полный жизни, и хранитель земли*; так же, "khaga" – *двигающийся по небу, летающий* (что наша Я-Га способна проделывать с лёгкостью на своей ступе).

В др. Египте её звали по имени "Баи" – коптский иероглиф *души, сочувствия, жизненной силы*. "Ба" изначально принадлежало божественным существам, оно могло отделяться от тела (божества, фараона) и путешествовать в силу своей волшебной природы по небу в потусторонний Дуат. Данное свойство у русской бабы Я-Ги отражают такие артефакты, как метла и ступа. Здесь имеется особая форма духа, персонификация жизненной силы, как планетарного принципа, который способен быть беспощадным к нарушителям и пришельцам извне, что первоначально и прочувствовал на себе странник Кайшр, ставший на время безжизненным Кайшр О'К Олл.

"Ба" – принадлежит принципу *магии, волшебству, сказке*. У славян заклинателем был О-БАйник.

"Га" (др. слав.) – *жить* ("Гарбха" на санскрите – *зародыш*), полярно и стоит в оппозиции к "МР" (др. слав.) – *смерть*. Это рождение и смерть, как Го и Мур; "Гав – Гав" у собаки – аспект проявления в мире жизненности. А кошачье "Мр – Мр" – проявление потустороннего в жизни, инореального и волшебного.

Когда Кайшр ("Куки" – *луна* (по-японски), а в Ведах *месяц* – это *разум*) спустился на Землю, естественно, он был встречен местной силой (Я-Гой – природой) враждебно, и в противостоянии потерял половину своего физического проявления – кроме духа, который бессмертен. Как известно, олицетворением его (Кашея) Бессмертия были священные символы – заяц, утка, щука и яйцо, которые в Ведической культуре было запрещено употреблять в пищу.

Есть легенда, по которой Луна (сибирск.) пошла на землю узнать, как там живут люди, но Хоседем – злое женское божество погналось за ним (Луной), отчего он только на половину вернулся в небесный чум (Месяц). Данный миф намекает о первоначальном конфликте между пришельцем Кашеем Бессмертным и Бабой Ягой, представительницей местных хтонических сил, – *конфликте между духом и материей*.

Я-Не-Ба – (у ненцев) мать и хозяйка земли, старуха дома. Я-Га является хозяйкой срединного мира, где живут люди, в отличие от верхнего и нижнего миров.

В сказке (*Коску*) путник (*И-Ван*), двигаясь к Кашею (*в Кошное*), обязательно проходит через Бабу Ягу (Я-Баи). В сакральном смысле Кашей (Кошней) – это Дух или Голова (*Кош* по-ст. слав. – *дом*; царство *Кошное* – это царство *Духа*, куда обязан проникнуть герой сказки). Баба Яга (*материя, тело*), в данном случае – это 7 уровней восприятия Мира сознанием путника (*Яга* (на санскрите) – *7 гор, 7 чакр в человеческом теле или 7 главных желез*). Задача: вернуться "домой" – в Кошное, стать мудрым и осознать себя.

Так или иначе, но последующие религиозные, светские и народные мифологемы исказили первичные значения терминов, образов и событий древности, и чтобы правильно

читать Книгу реальности, необходимо использовать *Зеркало Времени – Speculum Triplex*, изучая всевозможные Её отражения.

Я же, Ваш покорный слуга – Троян Мо, Тэ Дэн и Лэ По, – нарушая главное (и не единственное) условие* *Прохождения Лабиринта в Тройном Зеркале* – пристращаюсь к Смерти, пристращаюсь к Жизни, не дожидаясь срока в трезвом уме и в памяти... и всё ради того, чтобы повстречать кого-то, кого не в силах забыть, но и не вспомнить... у черты Конца всех Начал.

ЗАПИСЬ 4. Сделанная в большом волнении, с чашкой обжигающего пунша. 5 часов. Утро. Холодно, серо... и до сих пор – одиноко.

Я потерял счёт годам, проведённым в Библиотеке. Чувствуя необходимость что-то делать, как-то заполнить время, я мысленно воскрешаю всё, что когда-то знал... Так мне удалось обратить в бегство годы и снова стать властелином того, что мне принадлежало. Однажды ночью я почувствовал, что приближаюсь к драгоценному воспоминанию: так путник, ещё не увидевший моря, уже ощущает его плеск в своей крови... Через несколько часов воспоминание прояснилось: то было одно из преданий... преданий, связанных с Вечностью. Никому неведомо, где пролегает путь сей величественной особы, однако её следы, как драгоценные камни, сияют в Миру. Но одно из её творений столь грандиозно, столь исключительно, что его не способны до конца постичь умы живущих – будь то сильсы, дриады, дэльфайсы, черхадды, кто бы то ни был... или люди. Как ни странно, но именно у них – у людей – более всего шансов разгадать тайны **Цстах Ютм Кибаорг'ха**.

Сколько раз я возвращался к этой мысли, стоя у великого Краеугольного Камня! Мой сумрачный друг – страж Мавул'х – появляется, как всегда, будто из-под земли, бесшумно подходит ко мне и молча замирает рядом. Его желтые глаза улыбаются: как мне кажется, он знает наизусть каждое слово, каждый символ – выбитые на древних каменных гранях, над землёй и под нею... Знает, но никогда не расскажет – зачем? Однажды придёт тот, кто легко прочтёт их сам. Это будет ОН – тот, кого все так долго ждут.

ЦСТАХ ЮТМ КИБАОРГ'Х – Камень выбора Пути, лежащий на развилке всех дорог; Камень судеб, уходящий вглубь до самого центра Земли; Великий Мировой Столб; Ось Мира – данная категория упоминается не только в моих хрониках и фолиантах, но так же во многих литературных фрагментах истории, которая отражает необъяснимость феномена Времени. Аллегорически это *Великий Камень Путей преткновения*, Глыба Мира... то, что меж небом стоит и морем... Эта скала,

*Где синева, не считаясь с горем,
Заволокла
Всё, отражаясь в себе, где пена
Неба - легка!
Попеременно, по-и-переменно -
То облака,
То белоглавые волны, тая,
Гаснут вдали...
О, как божественна -Ты...*

(Псапфа)

И в нашей истории для некоторого понимания и восприятия активно используется термин

"ЦСТАХ ЮТМ КИБАОРГ'Х".

Чтобы как-то связать его с реальностью, я – Троян Модестович Вяземский – сделал ненавязчивую попытку обосновать сию абстрактную категорию понятийно: через языки, мифологию и предания.

* – Главное условие *Прохождения* определено Менандром:

***К смерти не пристращаюсь, к жизни не пристращаюсь,
Я дожидаюсь срока в трезвом уме и в памяти.***

Вопросы Милинды VI в. до Начала Конца.

Прежде всего, *Цстах* – это системный Урте́к, межцивилизационный язык в галактическом рукаве Ориона, а так же чёткая линия, *разделение мира проявленного и тайного, река мёртвых*, то же, что у эллинов Стикс:

Ц – *изначальное*, не имеющее истока;

Ах – *сила*; *Ах* (майя) – *смерть*, подземномирье; *Ах Пуч, Ахав* – (майя) *боги зла*; *Ах Риман* (авеста) – *бог зла*; *Ахт* (авеста) – *принцип зла, испытание злом*; *Ер-Ахт-а* (др. слав.) – *чёрт*. *Ютм / Юмт*: *Ю* – *целостность*; *Юмта...* *Я-мата* (древнеяпонск.) – *развилка, крест*.

На прозрачном языке *Иа К'Суррь* – посреднике между космосом и проявленными цивилизациями Земли – *Цстах Ютм Кибаорг'х* аллегорически обозначен, как *Звнящая песня Мира*.

В движении по Лабиринту идущий обязательно выйдет на Великий Столб Мира – *Цстах Ютм Кибаорг'х*. Прийдёт к Столбу, чтобы пройти через его центр – "*Крест-развязку*", – но перед этим обнаружит, что раствор, скрепляющий *Цстах Ютм Кибаорг'х*, "*замешан*" на формуле из священных чисел и строк, которые содержат чистейшую правду, но направляют всегда по Бесконечности круга, принуждая потерять всё: и коня, и жизнь, и изначальный смысл странствия по пресловутому Лабиринту.

Конечно, можно пойти либо по *вертикали Столба*, либо по *горизонтالي*, – и это так же будет решением определённых проблем, но только частично. *Горизонталь* даст все мечты, сытость, власть и, вместе с тем, *возрастающий страх подступающей смерти*. *Вертикаль* – *волю, спокойствие, созерцательность*, но так же – и *неизбывность печали у Белой Стены Бессмертия*.

Поэтому... если *Гора высока* – *взберись на вершину*, если же *велика* – "*войди*" в Её Сердце.

Вот важный миг вхождения в самое Сердце Столба Мира: его Центр, – исчезающий в невообразимой Выси и погружающийся в Хаос Извечной Тьмы, – вокруг которого вращаются мириады вселенных, разлетающиеся в Бесконечность и исчезающие в *Сердце Его Зародыша!*. Таков ЦСТАХ ЮТМ КИБАОРГ'Х! И его обязан будет познать Василий, чтобы стать Вааль Силем – *Дафэном* целого мира.

И теперь... после бесстрашного входа в самое Сердце Столба, появляется шанс и возможность выбора Высшего.

Скажу от себя: Я ТАМ БЫЛ – *по усам текло, да сердце свело* так сильно, что до сих пор от созерцания нечеловеческой панорамы пребываю в состоянии тотального "0-психоза", и кто-то идущий следом – разумеется, не исключение; поэтому я, прошедший Путь – как *Цстах Ютм Кибаорг'х* (в Лабиринте), – и сохранивший после всего своё скромное "Я", обязан привести в чувство Василия (пока ещё не Хаэлла)... хотя бы в Соррнорме, вернув к реалиям жизни: *прижигая благовонными палочками его виски и замёрзшие от душевного одиночества стопы*. К тому же, пора ввести в его подсознание спасительный код – *Нить Ариадны* – с целью дальнейшего продвижения к неведомой цели, которая необязательно заканчивается в тёплых объятьях королевы Диллиндь. Прикоснувшись отрогов Великого Столба Мира, я погружусь вместе с Василием (или, надеюсь, будущим заместителем меня – "*Библиотекаря вне Небес*") – в Транс-Мифологию Ноуменального.

Итак, чтобы *Цстах Ютм Кибаорг'х* "*встал*" для нашего восприятия, необходимо смодулировать Нечто, способное выдержать и вместить в себе Его фундаментальную мощь.

Это, прежде всего, Меч – *перевёрнутый Крест*, – в который и поместим ЦСТАХ ЮТМ КИБАОРГ'Х (999), как термин. Чтобы понять суть Ц-Т-М-И-О-Х (999) постараемся обратиться к трансмифологии, делающей *прозрачным* самый первый объект Мироздания – его "*Осевой*" Стержень. Для правильной транскрипции термина обратимся к Системному Уртеку и выстроим последовательность так, как она отображена в Вертикали Творения.

Прозрачный Labirinth, как Меч - Перевёрнутый Крест.

Х	61/7	– Высший предел (Остриё меча).
Г		
..... Р	49/13/4	– 49 огней Брахмы, Высшее небо – 3-й
О		Горизонт, <i>предельное зеркало</i> , граница для
РА		сущностей. Так же Амон Ра (др.Египет)
.....Б.....	31/4	– Центр, точка сборки Столба мира.
И		
К		

Ц С Т Т А Х 13/4	(13/4) – Цс'ТтаХ (Урте́к) первый горизонт.
М	Мира, материя, граница "живых".
Ю 1	(1) – Яма, Повелитель мрака "Мировое дно" (вход в Лабиринт и начало пути); Ямакуи (др. японск.) – "Горный столб, держащий звенящую стрелу".

Ютм / Юмт: Ю – целостность; Юмт'А, Я-мата (древнеяпонск.) – развилка, крест, ТТ/99 – Камень преткновения, "Перекрёсток трёх дорог".

Цстах (Системный Урте́к) – Горизонт Жизни, черта – гарда Меча, разделение мира проявленного и тайного, Река мёртвых – Стикс.

Кибаоре'х: По вертикали Ки (Ци) – энергия, сила; Ба (др. Египетск.) – душа, принцип-посредник между Высшим и Путником, обнаружившим себя в центре Лабиринта (31).

Аор / Аура, Хор – небо, принцип Высшего; Аура Мазда (др. иранск.) – Высшее божество; Г – Гор (др. Египет.) – бог неба; Х (h), На-Ах (др. Египет.) – Дух, элемент просветления человеческой сущности.

13(ЦСТАХ) + 31(БА) + 49(А) + 61(Ю) = 144 – "Золотое сечение Ульдроэля".

Ц С Т А Х Ю Т М К И Б А О Р Г Х

Х/3
Г/4
Р/7
О/5
А/1
Б/2
И/9
К/1
Ц/4 С/8 ТТ/99 А/1 Х/3
М/3
Ю/2

Ахт (99) (авеста) – принцип зла, испытание злом (99 вопросов) – центр, развязка и Выбор. Это как раз то, что в сказке (Коску) является Камнем преткновения для путника – на перекрёстке Трёх дорог.

В системе Столб Мира сектор ТТ/99 и есть перекрёсток с "Камнем выбора" (направление условно – по вертикали вверх).

Так говорит предание – Коска: "Сел на коня (витязь), подъезжает к горе: прекрутая... и на ней всё песок – насилиу въехал. На горе стоит столб, на столбе три дороги подписано: 1) по одной ехать – сам сыт будешь, конь голоден; 2) по другой – конь сыт, сам голоден; 3) по третьей ехать – самого убьют".

1 дорога – ум без силы; 2 дорога – сила без ума; 3 дорога – утрата ложного "Я", освобождение. Первые две дороги доступны любому путнику, а вот третья, скорее всего, для большинства несёт лишь смерть – которая, как ни посмотри, тоже своего рода есть освобождение.

Выбор, опять выбор, куда ни пойдёшь – всё равно, рано или поздно, так или иначе – уткнёшься в свой Камень судьбы: Он, хоть и один единственный, но для каждого путника свой, собственный – не обойти, не объехать, не убежать от Него... Не верите? Спросите у Серого Вулфа – повторит тоже самое. Кстати, вы ещё не знаете, а он вас уже заждался!

ПОДЗАПИСЬ 9/131. Законспектировано произвольно во время глубокого сна.

Из всех ныне живущих оборотней мне наиболее симпатичны вар-рахалы вулфы. Быть может, я устал ото лжи, а в них мне чудится некая истина, некая гармония и равновесие. Быть может, я банально подвержен временным симпатиям... Хм, говорю и сам себе не верю. Какие уж симпатии, в моём-то случае?

Каждый мало-помалу принимает обличье своей судьбы, сливаясь воедино со своими обстоятельствами. Вар-рахалы вулфы – благословенное серое племя – мудрые собеседники, верные проводники, смелые стражи, но, прежде всего – хранители Великого Равновесия. Вся их

жизнь была и будет подчинена срединному Пути. Сколько раз повторял мне Мавул'х: "Делай всё без нерешительности и колебаний, без ожиданий и сомнений. Все действия полностью свободны. Принимай все неблагоприятные препятствия и видимости, как благословение. Радуйся, полностью пребывая в радости; печалься, полностью пребывая в печали; болей – болей; проголодавшись – охотись; кого-то невзлюбив – дерись... Таков Большой Ветер! Если видение является препятствием, будь осмотрителен; если видение становится другом – освободись. Тогда всё станет благом для твоего Пути". Что ж, я думаю точно так же: если действуешь согласно своему мудрому сердцу, ты – истинный сосуд жизни. Нечего таить в своём доме, и нет таких действий, которые нужно было бы принимать или отвергать. Всё есть, как быть должно... Всему даёт начало одно и то же призрачное "пустое" пространство, одинаковое, словно воздух внутри и вне кувшина.

Мавул'х умён, как целая стая вулфов, и слушать его – истинное удовольствие... Но бесконечные вечерние разговоры меркнут и растворяются перед меткими короткими выражениями, которые я иногда слышал из уст его детей. Не удержавшись, я записал не которые из них, используя всеобщий язык Иа К'Суррь:

...Унда майвха ун вайвх Руох'ш вуу саахшу шуррхид. – Без матери и отца мир похож на серую пустыню.

...Ниу тындурш ман киршхи, а туу уд жиндыррзох птишговры. – Не вытаскивай свои внутренности, а то их склюют вороны.

...Ниу воуй Тэкк бохш Маан. – Не восхищайся Солнцем больше, чем Луной.

...Лаурр дуунтунш, шихх мрындиш кабрашха. – Легко досталось, как дохлая кобыла.

...Ниу цаапх ил роогир, цаапх ил иушу. – Не можешь схватить за рог, хватай за ухо.

...Зох торш юмтва вуорша уву уссу туюндорва. – С врагом всегда встреча на узкой тропе.

...Нав мвайя чииок махш роокап тиумааш. – Ваша человеческая жизнь мимолётней туманной росы.

...Ак'акал ниу спитш сондиур вулф. – Заяц не видит снов вулфа.

...Фадзи ар бохши тришпохх ил иушу. – Любимого сына больше треплешь за уши.

...Брох уву хвун вулф тиу тыурш убануршх. – Блоха на хвосте вулфа тысячи тыуршей пробегает.

...Улл глорша прозорша, хвун ун юмну. – Если голова пролезла, то хвост и подавно.

...Зох торш уд моррхурш! – Непереводимое ругательство.

...Ниу фрамурш Ишк'йятта, ун грольхурш ниу шуррхой. – Не знаешь Ишк'йятты, и грольх – не враг.

...Ниу спитшурр фрамурш тыурш мааноч. – Лишь тот, кто не спит, знает длину ночи.

...Улл дуох зришхунн ан млиунвух ун уву млиунвух морркрыйш. – Если долго смотреть на молоко, и в нём увидишь кровь.

...Бурохш пырхх уву Маан плаюмн уву маин глиндурс. – Бросишь пыль в Луну, попадёшь в свои глаза.

...Вулф юмтва ун юмдиум вулф, чииок трондоуш уву маин руохш чииок. – Вулф всегда и везде вулф, человек же только в своём мире человек.

...Киу хварша яуйши иич'ну? – Кто же отнимает яйца у иича?

ПОДЗАПИСЬ 13/131. Найденное под шкафом с египетскими свитками, но явно выпавшее не оттуда, так как написано на обрывке дракакурдовой шкуры, пыльной и объеденной жучками.

Удивительно, но никто (до меня) никогда не пытался переводить на другие языки поэзию фианьюкков. Может быть, их речь настолько певуча уже сама по себе, что наполнение её дополнительным смыслом кажется излишним? Может быть. Оставаясь некой непонятной музыкальной мантрой-заклинанием, она завораживает и влечёт слушающего в мир загадочных образов и прекрасных призраков, но... Я всё же думаю, что красота стихов – это, прежде всего, точность и верность отысканного слова. Я верю в предустановленную гармонию звука и смысла, восхищаюсь "глубоко не случайной связью между точным словом – и словом мелодичным".

Рассказывают, что фиа Го Лыис – придворный поэт лесной Королевы Диллинь Дархаэллы – мечтал прожить незаметную и безымянную жизнь, желая исчезнуть из своих стихов или, по крайней мере, присутствовать в них незримо, как Творец среди своих созданий. Но, так или иначе: читая его знаменитые строки, я невольно думаю о нём самом, пылком и неутомимом труженике с его бесконечными аллегориями и непостижимыми черновиками. Его строки будто вырезаны в мастерской гравёра и хранят тепло его рук. Фиа Го Лыис писал лишь в моменты

высшего поэтического озарения, высшего взлёта фантазии, чтобы стихотворение – готовое от первой до последней строки – легло на бумагу столь же совершенно, как оттиск крыльев бабочки Мохохонело.

Лондóри си'ндаэль ма унн,
 Лоу рилл лун, лоу рилл майи,
 Анн фи'а то́гроо суфра́йи
 Ма ўнни дсурр лулахаўнн...
 Со лўнло сáмда, Туниву
 Фа ли'йю лўу фарлитраии
 Анн лўнниль им сáнданнилу
 Эль ни'аф фáрлу ун илáйи.
 Лоб сун вўкр дан нидáрр
 Ла ўндима рил лóо сўффа,
 Саах лурр ли'мма травина́рр,
 Линнарр, ун э'нфиль синкраўффа...
 Фиа Го Лъис

Лáйэ ун лóннили Д'Хетóнг...
 Лиард лунн анн ниалумтит,
 Лиард ханн анн сóллилум.

Омнитон нўггин лугóнпилон,
 Сóох ло ўнди фанн йўммита.
 Фи'а иф сáмда унн вáа...

Лоóндин ву лнон Ульдрóэ'ль,
 Ла сóнди лон звáйдилун сунн.
 Лóрринолл дхáйя доорх...

Лўиль суўкримма со ўррима
 Ун зри'миллу навўмми глиндўрс...
 Мвайяллу глиндурс фиарэ'льии.

Лóондсу ма ки'ндаа лнон нйи
 Ла сóнди укмáнна зилáнн.
 Оу! Шхримра!!!

Ма ўнни рóмминн сордрави'н,
 Сóоф фина́льдилла кулл йумма.
 Лóвинси?... Сóрдиву?... Нимóрруму!!!*

*Деревья, только ради вас
 И ваших глаз прекрасных ради,
 Живу я в мире в первый раз,
 На вас и вашу прелесть глядя...
 Мне часто думается, Бог
 Свои живые краски кистью
 Из сердца моего извлёк
 И перенёс на ваши листья.
 И если мне близка, как вы,
 Какая-то на свете личность,
 В ней тоже простота травы,
 Листвы и выси непривычность...
 Пастернак (аналог в Иа К'Суррь)*

*В даль улетел Дракон.
 Некого больше бояться.
 Незачем больше жить...*

*Мост изогнулся дугой,
 Брезгуя тёмной водой.
 Машу себе из реки.*

*Дремлет в ночи Ульдрóэ'ль,
 Мечтая о звёздных просторах.
 Но прочна паутина дорог.*

*Когда-нибудь мы, всё-таки, встретимся,
 И я увижу твои глаза...
 Живые глаза фиáрэ'льии.*

*Сны мои каждую ночь
 Исполняют любое желание.
 О, ужас!!!*

*Загораживаясь спасительными обидами,
 Предаемся одиночеству, как ритуалу.
 "Забыть нельзя простить – обоих"**

ЗАПИСЬ 108. Сегодня не хочу ничего и никого. Печаль привела к поэзии, опять и опять - к ней. Как странны люди... и что уж говорить, все прочие тоже: пишут и пишут стихи безуданно.

*Ты здесь струилась меж моих ладоней,
 рекой упругой подо мной текла,
 вникая кровью в дрожь моих агоний..
 Всё кончено...Закатная зола
 не лжёт рассудку. Свет потусторонний
 надёжно заволакивает мгла.*

Виленте Алейсандре

Мир существует для того, чтобы быть запечатлённым в поэзии. Занятие поэзией нередко возбуждает в своих адептах желание создать Книгу, не имеющую равных, книгу книг, которая – как платоновский архетип – включала бы в себя все другие, вещь, чьих достоинств, не умалят годы. Сжигаемые подобной страстью избирают для своих целей самые возвышенные предметы: Проих'н

* – В данном случае дословный перевод невозможен, найдена цитата, максимально приближенная по смыслу (Юрий Смирнов – энциклопедист чувств).

Доор Шиир – любовь и жертвенность, способную спасти даже из Зазеркалья; Лэ По – схватку Вана и Коцея на горе Гирнар; Вааль Силь Хаэлл – одиночество и путь воина Духа; Сайлюш Доор Шиир – рождение и смерть, круг превращения души, по учению сумеречных вулфов; Артюр Мюрат – Ульдроэль, плывущий по облакам; Хименес – сотворение собственного мира... Далее всех пошёл Кайшр К'Ол: он первым *отделил достоинства книги от достоинств её предмета*. Ему потребовались не "доступные" темы, а их полное отсутствие – *исчезнувший цветок, ушедшая женщина, погибший ребёнок, ещё белый лист бумаги...* Он говорил, любое искусство стремится стать музыкой. Это ему принадлежит утверждение: "Мир есть поэзия жизни, заключённая в книгу", что перекликается с мыслью Гомера, считавшего, будто боги ткут человеческие несчастья, дабы грядущим поколениям было о чём слагать песни ("Одиссея", *in fine**).

В смещении времён Кайшр искал абсолют в таком сплетении символов, которое пробуждало бы память рода человеческого, великую Память, дремлющую в сознании каждого. И пусть праздные люди болтают, что никакого К...я на самом деле нет. Кайшр – это сама поэзия в состоянии протоплазмы: чуткий интеллектуальный орган, реагирующий на любые колебания времени и пространства. Но он – редкость, исключение из правил, *exceptional***! Большинство гениальных поэтов, всё же, более реальны и, к слову сказать, понятны и любимы публикой. Хотя, по моему мнению, пишут они об одних и тех же истинах и *возвышенных предметах*. Ну, вот посудите сами: взять, к примеру, хотя бы "любовь"...

Сонет № 3 – XIX в. / Алек Сандр Пушкин (сильс).

*Я вас любил: любовь ещё, быть может,
В моей душе угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим.*

Сонет № 6 – XX в. / Иосиф Бродский (сильс, а может быть, всё-таки, хон)

*Я вас любил. Любовь ещё (возможно,
Что просто боль) сверлит мои мозги.
Всё разлетелось к чёрту на куски.
Я застрелиться пробовал, но сложно
С оружием. И далее: виски:
В который вдарить? Портила не дрожь, но
Задумчивость. Чёрт! Всё не по-людски!
Я вас любил так сильно, безнадёжно,
Как дай вам Бог другими – но не даст!
Он, будучи на многое горазд,
Не сотворит – по Пармениду – дважды
Сей жар в крови, ширококостный хруст,
Чтоб пломбы в пасти плавилась от жажды
Коснуться – "бюст" зачёркиваю – уст!*

Сонет № 9 (клаузура) – XXI в. / Идра-О (хорц).

*Я вас... плюс три. Два-два ещё возможно ль?
Что ж, просто ноль угасши не совсем,
В сверхпроникающий Гиозм,*** сжимает веско –*

* – в конце

** – исключительный

*** – "Гиозм сверхпроникающий", по сути – Луна в реке, что покрылась уж льдом, но в данном случае – куртуазный предрассудок, разрывающий бахрому ферамонов, толкающих в иллюзию наслаждений. В сильскультурном смысле "Гиозм" есть сварившиеся мозги; в медтерминах – это мигрень... Fer-Ramon отражает замутнённую идею счастья, через призму эроса и навязчивой чертовщины (Fer), поэтому-то её (ложечки) поражение страхом блокирует волевые намерения, душевные крики и отчаянные признания (хорца) в любви.

Меня! И феромонов спин трёхсложный,
 Разрушив риф амурных тем,
 Пронзает нежные виски.
 Я – Вас... ничем! (Не по-людски).
 А далее – периферия блеска.
 Я вас... *плюс три* – так квантово, сквозь корень,
 Как дай вам Бог – по Пифагорьи,
 Помножив – разделясь... (С кем?!) дважды.
 Мню: в виртуальной пломбе жажды
 Вскипает лимфа: Не (*горазд был?*) молод!
 Страх (в ложечке томленьем взгущен)
 Расплавил пыл в Нубийский холод.
 Мороз... По щиколотке вверх и "от",
 Сквозь жадный поцелуй, был не допущен
 (так безнадежно Ваш... разумеая) - "под"!

Я Вас *плюс три*... Fer - poor people.
 Жорж *душь* – во мне... Меня – *плюс Пять*.*

Сонет № 11 – Лоу в. / Фиа Айт Яа Эйс-3 (фианьюкк).

Я вас любил. Любовь ещё, быть может,
 В моей душе *не унни и не лени***.
 Но *ло-о**** ... мой ум, тоскою взятый в плен,
 Меня кромсал во исступлённой дрожи.
 Я пробовал пресечь свой звёздный путь,
 Но *фаг***** луны не соответствовал моменту.
 И далее: не выбрал инструмента.
 Для *фианьюкка*... чотт!.. ни как-нибудь!
 Я вас любил так сильно, так безбрежно,
 Как дай вам Лес другими – но, увы!
 Что даже сам *Д'Хетонг******, качнув главы,
 Изрёк: сия попытка – бесполезна!
 Он, будучи на многое вполне,
 Не сотворит - ни для и ни во имя –
 Сей жар в крови... (Р)-едчайший яд отныне,
 Испить – "другим" зачёркиваю – мне!

* – Эпилог... Я Вас *плюс три*... Fer – poor people.

Жорж душь – во мне... Меня *плюс Пять*.

Fer – высшая степень всяческой чертовщины; poor people (англ.) – бедный народ; Fer-Poor people – Фатум, юдоль человеческая. В контексте монолога: *О, дольний мой удел*.

Начальная мысль в клаузуре была озвучена дважды иначе: Fer – poor thing, Oh... "*О – я, бедняга... Юдоль мой удел. Отвергнут навсегда – отныне*". Однако в свете нарастающего кризиса права, мысли сами собой обращаются к тяжкой народной доле и личному ко лесованию через исчезающую цифру пять (5).

Жорж душь – то же, что душевная дрожь либо трепет. К слову сказать, такие термины, как гиозм (мозги), жорж (дрожь) и проч., – не сленг хорцев, но имеют в причине своей *Мороз свиданий*, порождающий, в момент любовных признаний, дрожь членов и альвиол.

** – сурнанниру коун сифрайя, ни унни, ни коппиллу... /пояснения автора/

*** – ум.

**** – спектрально-цветовое соотношение сиятельных волновых лунников.

***** – Фир Ахест Д'Хетонг Хет – единственный в своём роде великий двенадцатиглавый Дракон, всемогущий и всемудрый, способный на многое, если не на Всё, и главное – на бездейственное Ничто, творящее, как раз, это самое великое Всё.

Сонет 288 – Хуррш / Чангисвул'х (вулф).

Тебя я жаждал. Вой сжимает связки,
 Всё может быть, а может и не быть.
 Маан* свидетель – после лунной пляски
 Тебя одну мне стоило любить.
 Но это чувство, будто запах крови,
 Меня тревожит, манит и дразнит.
 Тебя забыл бы... Но! Мне это будет внове.
 Кто мне не подчинился, тот убит.
 Что мне осталось? Приникая грудью
 К твоим следам, ведущим в никуда,
 Я понимал, что "далее" не будет.
 В ответ ты никогда не скажешь "да".
 Тебя любил, как любят только волки.
 С клыков роняя пену в синий снег,
 Я за тобой скользил в ночи – бестолку!
 Что делать мне? Пуститься в дикий бег?
 В капкан? С обрыва? Под прицельный выстрел?
 Презрев Ишк'иятту**, возлюбить людей?..
 Уж лучше жар в крови! Меня он сгубит быстро.
 Во тьме лесов не сыщется костей.

ЗАПИСЬ 9060030. Сегодня со всех портретов Библиотеки смотрит твоё лицо. Моя возлюбленная... О, как же это было давно! *Не тяни за хвост убегающего дракона-время: опасна коротка верёвка. Отпустите меня, воспоминания! Отпустите, пока я помню, как уйти от женщины. Как уйти от женщины по дороге, ведущей к ней***.*

Настал День, и мой друг Кайшр – Оллисс Ушранш – рассказал в лицах и красках, как я плутал в "Сам-Лабиринте", будучи совсем юным, но дерзким. Мы долго смеялись над моей глупостью и упрямством. В той ситуации поблажек быть не могло, ведь мне предстояло возглавить Континуальную Библиотеку. Невероятно – но я мог погибнуть невообразимое количество раз.

О, как это было давно! И всё же... в одном случае безжалостный Лабиринт (Интайт Тхэст) – исключив правило – сохранил меня, обнаружив, что Вектор движения содержит эмоциональный изъян – некое отклонение в памяти, способное не только стереть тончайший *Stans Farg* единиц Времени 4-го Уровня, но и повлиять разрушающим образом на Сам-Лабиринт. Беспокойство Сам-Лабиринта здесь обоснованно, ведь в правилах всегда имеются исключения; в данном случае, незыблемость системы был способен разрушить только вирус Любви.

А изъян тот – Воспоминание... Воспоминание о тебе!

Повторяю, было это давно, и я не пожелал знать, как на Высшем уровне замяли сию проблему. Но и ныне, смею надеяться, – сохранил твой образ неискажённым, хотя имён утекло, как рек.

Так же, я знаю, что и ты меня не забыла... Но вот помним ли мы свои имена?

Ах... Имя, твоё имя! Вновь у текло... неузнанно.

Я – слышу: ты опять умерла, в который раз в одиночестве. Как же мне помнить тебя, когда всё сокрушает Время?! Но мне не забыть... никогда, ведь Библиотека сожгла мою память, и я вынужден испытывать муки всезнания – а всё для того, чтобы соответствовать статусу архивариуса "Временных лет".

Таков мой удел, но, наконец, и я (как бы) – "умер", оформив Прыжок "за свой счёт"... и лишь затем, чтобы вновь увидеть тебя.

Подпись: Твой глупый, тщеславный Библиотекарь, нашедший в Каталоге Времени Путь, но потерявший дорогу к тебе. (Без пяти минут Не – Гамул I Бардо Т-Д-Л.)

* – Луна.

** – Священная белая Волчица, Дух племени вар-рахалов вулфов. Высшее (хтоническое) божество.

*** – Юрий Смирнов. Энциклопедия чувств.

Р.Р.С. "ВЕТЕР ВРЕМЕНИ" / Ты во - Мне.

Ниже приводятся истории-путешествия в "Нижний мир" Трояна Мо. Зафиксировано предостаточное количество его неофициальных командировок на Землю (во Времени), из которых большинство онтологически неудачны: все они были направлены на установление частных контактов и поисков встреч с утраченной когда-то возлюбленной, которая так же многое помнит – несмотря на непрерывные инкарнации – и продолжает надеяться на воссоединение с любимым, упорно веруя в Чудо и передавая всяческие послания и записки через небезызвестных для Трояна Мо лиц. Вот одно из этих посланий:

"Бесконечен, тягуч, так пронзительно всеобъемлющ, далекий и одновременно наступающе близкий гул, звучащий, кажется, во всем теле. И, боже, какой Ветер!.. Какой непереносимый Ветер, вместе с оглушающим зовом наплывающий и пронизывающий насквозь, убивающий и преобразующий каждый вздох, каждый удар сердца, заставляющий забыть... и вспомнить. Ты-живешь во мне. Ты звучишь во мне той пронзительной нотой, которая зовется Любовью. И этот мир течёт во мне и через меня, проступая под ногами Звездной дорогой – Дорогой дорог..."

"Та, которую не забудь... и которая помнит тебя".

1 ИСТОРИЯ (очередная попытка встретиться с возлюбленной): **ГАМУЛ ИПАТИЙ** – "Делающий добро" (1 г. до н. э. – 1044 г. н. э.) Александрия Египетская – Салим (Иерусалим) – Константинополь.

Непрестанно, на протяжении 70-ти лет... записывал (на греческом) рассказы – с рассказов, об Учении – со слов, недоучившихся – учителей, утративших – Обретшего... Того, Кто пришёл – лишь уйдя.

На последнем (70-м) году иудейской войны Гамул Ипатий был случайно (под горячую руку) распят римлянами, будто бы как участник восстания, но по непонятной странности и по истечении трёх недель, что сверх всякой меры – на кресте... умереть не смог. После снятия, тем не менее, у Гамула отказали ноги из-за специального *стаб'*билизирующего колышка – штыря для удержания тела на центральном столбе, – повредившего ему позвоночник.

(Было очень... очень больно, но – теперь я знаю – больнее та ложь невежд, которую переписывал... о Нём... столько лет).

Впоследствии, Гамул был вынужден странствовать *секретарём* долговых обязательств с неким ростовщиком Ароном (тоже долгоживущим), замечая следы личного нестарения... во Времени.

Длинноязыкие болтают: будто бы служил ростовщику Гамул не за деньги, а только из желания присутствовать при его молодой жене – красавице Залсанее, которая чрезмерно была благосклонна к немощному старику, своему мужу, – и исключительно ради бесед с ней о земных печалях... и философии.

Однако, сей слух подтверждает конкретный факт: лишь Залсанея оставила бранный мир (из-за внезапной болезни; поговаривают – вследствие яда), Гамул в глубокой печали – без промедленья! – покинул Арона и исчез навсегда, не обратив внимания на суровые уговоры и отсутствие возможности передвигаться самостоятельно. А в Константинополе появилась поэма (без авторства, "народная"?) "О Залсанее прекрасной, единственной и... недоступной", бесследно исчезнувшая в огне 1204-го года: при разрушении Константинополя крестоносцами.

Экземпляр поэмы сохранён лишь в *Континуальной Библиотеке Времени*. Вот небольшой фрагмент:

*Уходя от неё поневоле,
я – непрерывно...
 снова и снова
возвращаюсь туда,
где только что видел любимую.
Но её уже нет, и я...
 раздавленный,
но не потерявший надежды,
в извечный раз,
иду по слепящему снегу
 "Мёртвого моря",
рождённого Облаком моих
скупых слёз.*

А иду я походкой того,
у кого от Времени
стёрты
ноги.

2 ИСТОРИЯ (опять – и...): **СЫЛТЫК АСПАРАХ** (1222 – 1277...?) "Дунайская дуга", степь, печенег (перед распылением ордами половцев, вытесненными из Скифии в свою очередь монголо-татарской Тьмой).

Тысячник хана – Сылтык – отправился послом к булгарам, но по дороге внезапно женился на дочери рыбака. Используя связи среди колдунов и магов Византии загадочный печенег потратил 20 лет на то, чтобы *зачалась* именно дочь (на полную луну 2900-летнего срока Сэтарна, в единственный день, когда не властен над судьбами смертных *divia* (FER)... по уверениям чернокнижников – звездочётов).

Со слов Хацеи (жены Сылтыка), когда среди восьми наследников, всё-таки, появилась Зай-Лус – девятой, – тысячник сразу стал объектом насмешек своей "тысячи" из-за чрезмерной к дочери *привязи*. Всем женихам было грубо отказано, а через 15 лет, когда дочь выросла (было это в 1277-ом) Аспарах (в свои 57) вместе с Зай-Лус, без объяснений, взойшёл на купеческий дракк варягов и *уплы* в неизвестную сторону (по Дунаю – в Понт). Говорят, их видели (счастливыми) в Херсоне; дальше – в Византии и ещё лет через 10 – на Кипре, где правил орден Доминиканцев. Но это Хацее узнать было уже не дано. За год до известия, проходящие из набега угры (мадьяры) ночью напали на стан Аспарахов, и силы были столь не равны, что кончилось всё ещё при луне.

Хацея – несмотря на странную отчуждённость мужа за все годы совместной судьбы... и этот безумный поступок – постепенно простила его. Являясь обычной дочерью рыбака, она была благодарна ему за доброту, защиту и многочисленных сыновей. К тому же, вспомнился давний и непонятный, но вещий сон: будто не она – Хацея – приходится женой Аспараху, а их единокровная, недавно рожденная Зай-Лус. После того сна мать часто плакала ночами у люльки своего дитя, а в миг гибели, в ту злую ночь, истекая кровью от сабельных ран, Хацея почему-то вспомнила Аспараха и Зай-Лус... и *благословила их* – на Вечные Времена!

P.S. Несмотря на тяжелейшую победу в конкурентной борьбе за кресло и удел Небесного архивариуса, как минимум на 9360 земных лет... но в страхе стать книжным червём и вследствие привязанностей к тем, кого оставил в "Низу" (сделав, однако, осознанный выбор), я, Троян Мо, совершил несколько попыток бегства из Библиотеки Времени, куда терпеливо препровождался назад системой защитных зеркал Ограждающего Лабиринта, самого *Speculim Triplex* – безжалостного, но лояльного.

3 ИСТОРИЯ: БЕЛЛИНИ ЭГНАЦИО ЛОРЕДАНН (1313 – 1331...?) Венеция, набережная большого канала, близ государственного архива дожей.

Ученик придворного художника, законодателя венецианского стиля в живописи; в свободное от растирания красок время рисовал – только мадонн: ни задумчивых, ни печальных... просто спокойных.

Принципиально не пользовался натурой. Все образы мадонн писал на одно лицо... Собственно, произошло это с Эгнацио после того, как, будучи ещё совсем отроком, увидел однажды пожилую вдову поэта Арещию – аристократку Силенцию, отправившуюся после смерти мужа в 1326 г.* в паломничество по святым местам Византии. Неожиданно, во внезапном порыве, юный Эгнацио помог ей (подав руку) взойти по трапу, за что удостоился благодарной улыбки.

В течение последующих пяти лет безжалостно клял себя в малодушии, не позволившем уплыть куда угодно – *в тот день... с Ней... навсегда*; и рисовал... рисовал.

А в 18 неполных лет, оставив в мастерской учителя все полотна "своих мадонн" вдруг сел на галеру, плывущую к острову Кипр, и более его никогда не видели.

Учитель был так же – Беллини, поэтому подписи на оставленных Эгнацио полотнах переделывать было ненужно.

* – Здесь неточность: Арещию ушёл из жизни в 1374 г. и не в Венеции, а в местечке Аркуа близ Падуи; Франческо Арещию – один из родоначальников и певцов ренессансной *Л-итер-А-т-УРЫ*.

P.P.S. В моих безрассудных прыжках в "Низ" я много раз имел возможность видеть свою возлюбленную и даже входить с ней в контакт, но Река Времени неизменно нас разлучала. Средний Сунд – язык и наречие "высших грольхов" имеет по этому поводу формулу заклатья на большую любовь – это "Мрак...обволакивающий неизбежно – желаемое".

Однако мной всегда приписана Последняя Скрепка (...крепка, к...ка, РЕ-КА) в виде твоей тайной записки, – переданной благородным Катуллом, – которая пребывает неизменно со мной:.. и во все Времена: Влажной была я от слёз... В час, как Богиня меня новой явила Звездой.

Я...С покрытых росой
Хризантем, лепестки сорвал
И пустил их в ту [Реку],
Что способна унять печали
И меня ещё дальше
Увести от [тебя...зовущей].

Тао Ю Ань-Мин / А-Миннь Троян Тау (в соавторстве...)

Итак, продолжение следует, хотя, тебе очевидно:я брежу или попросту пьян... Может быть, может быть. Я давно уже пьян смертью и безвозвратно отравлен жизнью. Пойду, подожду библиотеку и удавлюсь... чего добровольно так и не сделала Таида Афинская*, о коей знаю премного более нынешнего и вашего, но рассказывать не хочу из-за неприязни ко всему утончённо-порочному и тенциозно-Фег/нальному.

Ах, лысый чотт!.. Мыло и спички кончились... поминай лет сто, как звали.

ЗАПИСЬ 0/288. ПОСТ – ДЕЛЬТОРИОН – (Др. Греция) Писчая дощечка – послание.

Однажды у меня возникла пусть вялотекущая, но докучающая одышка, полученная прерывистостью дыхания: после панического бегства из Библиотеки от всепожирающего огня познания. Пожар возник по согласию и вследствие случайно оброненного слова невзрачной, но разумной Книгой... в глубокой тьме отдалённого закутка. Тогда я впервые задумался: а почему бы и нет!?

Итак. Посетитель, знай: Библиотека – в огне!

Безучастливый Погорелец (Воспоминания).

ЗАПИСЬ 8. Глядя на огонь и размышляя о бренности Бессмертия. Ночь, опять и всегда – ночь...

Могло быть и хуже. А мне повезло жить под одним небом с величайшим Бессмертным всех времён и народов – **КАИШРом К'Олом / КАЩЕем БЕЗ-СМЕРТным**, Кощеем Бессмертным – странником, учёным, творцом, хозяином горы Гирнар.

Всем смертным подарены удары сердец, вдохи и выдохи – навечно, на всю их короткую жизнь... Массивная рама трещит в камине позолотой, громогласно возвещая о бренности всего сущего. Я смотрю, как скручивается золотая шелуха, и думаю о своей плоти, которая когда-нибудь слетит и с меня – ненужным коконом для вновь родившейся бабочки.

Наша жизнь росинка.
Пусть лишь капелька росы
Наша жизнь – и всё же...

Исса

* – Гетера из Аттики, настоящее имя – Таида. Во время похода сикелов – Искандера Двурогого Александра, – лично сожгла в Персеполе библиотеку Ксеркса с бессмертными рукописями Авесты, и тем был нанесён первый сокрушительный удар магарического демонизма – по древней культуре очищающего Огня! Таида была отравлена в Египте... в мучениях страшных, (см. о поджоге: Плутарх "Сравнительные описания" гл. 38).

В "Новое время" известна, как **Таис Афинская**; посредством **реинкарнационного флирта** идеализировала и облагородила персональный миф благодаря "эстетической слабости" великого визионера и романтика Ива Ефрема. Его "сверхнеправдоподобная правда" – искренняя попытка прозревать **невидимое в неведомом**, однако для полной удачи в достоверном он не ведал Рахх-шатт... Но! Не верить писателю в ту стародавность никто б не посмел. Ведь E-Van был **обширным** учёным.

Конечно, люди жаждут счастья и долгой, – а иногда вечной! – жизни. Для этого им необходимы *сказки*, желательно с благополучным концом, где герои просты и понятны. Дети же способны слышать в них само Время. Неважно, как было на самом деле... В сказке – суть важен намёк, и потому каждое поколение кроит Быль на свой лад и, прежде всего, предназначает её для детей: для кого, как не для них рассказывать *kosky**, ведь дети видят, слышат и осознают *непосредственно*.

Человек именно в детстве причащается Вечности, потому как чист по факту рождения своего и абстрактные категории усваивает конкретно и ясно. Сего дара безжалостно лишен концептуальный мир взрослых, и ежели им до созревания к размножению не повезло на *дедову kosky* (мудрость) – они навсегда теряют дорогу в страну *Трин-девятую(999)*** под названием Вечность... и ходят по кругу – до "следующих коловрат".

Я полагаю: именно данный нюанс заставляет людей искажать миф, обращая Быль в *kosky* а историю – в *небылицу*. Сия уловка людская есть лазейка для "старых" в "бессмертные", ибо сказано *Cicero(ном): Historiam nescire, hoc est semper puerum esse* (лат. – *не знать истории, значит всегда быть ребёнком*).

Однако, отнюдь и далеко не всегда... Ибо нарушено *Таинство Подлинного*. Но я, собственно, думаю о Василии и задаю резонный вопрос: ребёнок ли он (на пороге свершений) и если ребёнок, то может ли быть Дафэном назавтра? Или же ему надобно вначале стать мудрецом, наполненным знанием и печалью?

*О, плод утраты! Неотвратим,
как печаль
увядания.*

Лэ По (IX)

Но, всё-таки, главное, что здесь важно – хронология, изложение Времени, и поэтому Я, по обязательству службы, озабочен Хроникой Бесконечности в Акаша-Локе, где другу моему Кайшпру К'Оллу – Оллиссу Ушраншу – отведён целый Фарг, о чём и следует написать отдельное письмо к самому себе.

Троян Модестович Вяземский

P.S. к записи 80(999). Три уровня *Kosky* (сказки), или кто хозяин горы Гирнар.

Грядущее каждый несёт на себе. Сколько сумеет взвалить. Пророк – прикидывает спиной к живому биению этого груза... Уже давно не понять и не объяснить никому – как же так?., как же всё это случилось тогда?., и как же теперь жить дальше?

"Trin – 9" царство, пребывающее во Времени, неизменно вынуждено отражаться в мире тремя уровнями мифологии. Миф физический (земной), миф звёздный (космический) и миф небесный (причинный) помнят *грохочущее падение Вимана странника Оллисса Ушранша на малозаселённую землю в районе Хеттского царства*.

Миф небесный отражает принципы развития и изменения мира. Это абстракции, которые трансформируются в персоны и силы, и затем на третьем уровне миф материализуется, воплощаясь в героев и их деяния.

В этом контексте можно отследить историю небесного странника на планете Придхива и его высшие проекции (отражения). Конечно, для прояснения реальной картины событий было бы необходимо обратиться к *астрорадиэстэзису*, но это – слишком субъективно легко. Поэтому, я буду скрупулёзно перебирать *Гору преданий*, замешанных на ядовитом субстрате из *желаемого, искажённого и избегаемого*.

Так почему же Кашей (Кошей) Бессмертный – злодей??? Есть сведения, что описываемая история – перевертыш, и информация о ней лежит на поверхности.

Достоверно то, что Кайшпр – пришелец... из космоса (Неба), и самое важное – *со злом не имеет родства*. Более того, известно даже точное его "заземление". Но самое главное – *не люди истинная причина искажения мифа*, как зеркала Жизни, но *намеренная воля* некой тайной силы – с целью ослабления и профанации защищающих Мир законов.

* – *Казки (ст. русск.)* - сказки, казать, сказывать, показывать, открывать нечто...

** – "TRIN-9" то же, что Тридевятое царство; три мира Вселенной по 9 измерений каждый; пойти в Тридевятое царство, значит познать суть Бытия, войти в центр столба Цстах Ютм Кибарг'ха.

*"И плы(иди) прикрай свету, в самый конец – во Коцное, царство Коцця,
в аккурат, с хрустальным дворцом... сиречь во Тьму Кромешину"*

*Крючконогая баба – очередному Ива/ну Ба-ал Ван/у.
Ям град... Поморье... IX век.*

Что же касается Кашея (Коцця) Бессмертного, сокращённо – КБ, то я попытаюсь собрать его образ по крупiciам; благо в мифах их россыпи. При этом будут обнаружены генеалогические взаимосвязи с луной, месяцем, эликсиром бессмертия, летательными устройствами, пришествiями из космоса и многим-многим неведомым.

Итак, *Ка-щей* (либо *Ко-щей*) – производное от тюркского *Kocki*, что значит *пленник* или *попавший в плен*, на абстрактном уровне – это *пойманный в плен Поток*, энергия, запечатанная в листе бумаги в виде мудрости слова. *Koska* (на Иа К'Суррь) – *мудрость* или *КаС-ка* (сказка). Бессмертный Басё по этому поводу изрёк:

*Сияние увиденной Вещи –
Ты должен удержать его в Слове,
Покуда Оно не исчезло из твоего Сердца.
Однако,
назвав всё по имени,
отнимаешь у цветка его аромат ("В зеркале").*

Басё / Блок.

Если на санскрите *Ravan* – *ревуший*, то *Kaу* – *звучащий*; *Кусух* – *новый царь хеттов*; *Кашшум* (по-староассирийски) – *безымянный жрец*. Немудрено, что *Кайшр*, "заземлившись" в Мир древний, с лёгкостью смог взять в руки власть многими способами: космической магией, технической мощью... и через любовь. Это событие с лёгкостью распространилось от ирландских кельтов, до древней Японии – как эхо в большой пустоте. И хотя на санскрите слово имеет до 50 значений и половина из них может быть противоположна по смыслу, всё же, я преследую только ту "путеводную нить", – *луч события*, – которая имеет отношение исключительно к нашей истории.

Аббревиатура КБ по-асетински читается, как *Колесо Балсага*, то есть, *небожитель*. Краткий сюжет: КБ падает с неба на землю, или в море, всё разрушив вокруг и сломав у Колеса несколько спиц, либо ось; дочь же Балсага (солнца), оскорблённая притязаниями некоего Сас-лана (т.е. Вана), просит отца отомстить за себя, и отец посылает на злодея *Колесо Балсага*, но Сас-лан выбивает у небожителя несколько спиц, используя магию хмеля, обвинившего и парализовавшего неприятеля. В конечном итоге, КБ возвращается туда, откуда пришёл – на небо.

Такое же сильное сходство с историей Кайшра и Ваалиссы имеет кетский миф о Кайбусе – владыке 7-ми душ-мыслей. И что же кетский Кай? Всё просто: чтобы овладеть (жениться) дочерью старика, он принимает облик медведя и похищает красавицу. Старец, испытав страшный гнев, снаряжает погоню, и, в итоге, похитителя убивают, но перед смертью Кай-Бус (Кашей (Коцей) Бессмертный) успевает объяснить возлюбленной, как его возродить к жизни путём колдовства.

Кай Кавус (фарси), с помощью демонов строит дворец на горе Албурз, обладающий даром: если в него войти, он может сделать старца юношей, а человека – бессмертным. Так же Кай пытается подняться при помощи орлов на небо, но падает у реки Амуль, где его находят вельможи местного княжества. Кай Кавус борется со злом, но по падает в плен к белому дэву (демону); у дэва его ослепляют, но красавица Судаба (Ваа-лисса) возвращает зрение с помощью печени дэва.

На санскрите *Коса* есть *увядание, уменьшение, сокращение*, а *Крса* – *тонкий, тощий*, молодой (о луне).

Древнеиндийский КБ – *Ку Бера* (*Kubera*, имеющий уродливое тело) – является владыкой якшей (*yaksa*), охраняющих его волшебные сады на отрогах горы Кайлас и противостоящих ракшасам во главе с Раваной. Творец Брахма подарил Кубере небесную колесницу *Виману* (*Viman*), отождествляемую в новое время, кстати, с *неопознанными летающими объектами*, и способную летать не только с неба на землю, но и во Времени (в Брахма Локе, Рамаiana. 7.11), что под силу только бессмертным, каковым и является Кайшр К'Олл. Кубера – так же глава и

владыка Киннар, а в исследуемой нами истории это гора Гирнар (генетически Ки – это Ги), которая и есть ключевое звено, открывающее путь на Небеса.

Слог GR (ГР) – то же, что ГуРу (санскр.) – *тот, кто убивает Тьму*; Гор (др. египет.) – Небо. Кетский термин *Каскет* означает *чудодейственные превращения* (трансформацию), *способность оживать после смерти и возрождаться*. У ассирийцев *Кишишатим* – это *вселенная*, а их лунный обряд *Киспу* связан с оказанием помощи всех земных сил Прошлого бедствующему царю.

Итак, Кашей (Кощей) у хеттов отождествлён с луной (*Koski* – пленник, *Kasky* – бог луны). По преданию, Каски-Хатт упал с неба прямо на рыночную площадь в столице древнехеттского царства.

Хурритское обозначение Луны – это *Kusih*; *K'Рхансата* (др. егип.) – *тот, кто живёт вечно*. Угаритяне называли месяц *ku'sah* (слог K'S/ZG); авестийское *Кави Усан* (Син) так же означает *луну*; *ksina* (на санскрите) – *луна*; то же и *Син* (зуэн, суин) на аккадском; Арма (хетт.) – идеографическое написание *Sin* – по-лувийски – *месяц, развалины, бедный* (несчастный). У древ. китайцев же *Син* – это *звезда*.

Син-Тянь (в Китае) – "*отрубленная голова*", "*наказанное небо*": Хван-Ди отрубил великану голову и закопал её у горы Каньян-Сань, но – и будучи безголовым, – великан сделал из своих сосцов глаза, из пупка – рот и, взяв щит и меч, совершил "*воинственный танец*".

У многих народов древности луна (по качествам) преобладает над солнцем, и это необязательно люди пустынь, где ночь – долгожданная передышка от зноя.

Хоны Месоамерики отдают предпочтение луне, потому что её видно не только ночью, но и днём, следовательно – она более универсальна.

В тибетском "*Бон*" у богини "*Голубое Небо*" Лумо левый глаз (отрицательный) – солнце, правый (положительный) – луна.

Именно на луне, по преданиям востока, толчётся *эликсир бессмертия*.

Кайшр К'Ол, пострадав от Рвана, уменьшился в размере, как луна уменьшается (либо исчезает) в затмение, когда её съедает *vurlalak* (слав.) – антипод вулфов; у хеттов луна в затмение – убита; у ненцев всё это происходит с лунным человеком Ирий – *Касавой* (Ирий – это славянский рай, 7-е небо).

Дагомеи почитают луну за *мудрость и радость*.

Луна – волшебное зеркало, дающее жизнь земле. Она является преобразователем убийственных солнечных лучей (положительных ионов) в животворящий свет (в отрицательные ионы) для всего живого. Сама *Придхиви* Земля способна на такую работу только при восходе и на закате (пока терпят глаза созерцателя), что крайне недостаточно для выживания и развития. Обезвреживанием радиации солнца (666) ведают лунные алхимические кристаллы-отражатели (Чандра Мук-Ман). Так же, одно из имён бога луны *Сома* – *нектар бессмертия*, дающий состояние просветления; отрицательный (отзеркаленный) термин – *кома*, *разрыв духа и тела*.

На ст. славянском *Кош* (Кош) – это дом и...

P.S. Далее запись прерывается: размыта большим коричневым пятном – возможно, коньяка... или крови?

ПОДЗАПИСЬ 0/11 (к записи 8) ЗАПИСЬ не-звука воздушного поцелуя... с давно опустевшей горы Гирнар.

Прежде чем сделать первый шаг, ты уже у цели.

Прежде чем открыть рот, ты уже все сказал.

Прозрение приходит прежде, чем успеешь понять...

Лэ-Лэ / По-По

Кашей – он же Кощей, он же Кайшр, КБ (KS) – имеет прямое отношение к регенерации, долгой жизни, бессмертию. И вообще, у Кайшра, как у отрицательного героя, слишком много положительных черт: например, его неистребимая жизненность, и живёт он на горе, а не где-нибудь под землёй, как глысти или сизые грольхи...

У др. египтян *Ка* – *дух*, олицетворяющий жизненные силы фараона, либо богов; это так же двойник (второе – "*Я*"). Обитая в мумии фараона, его *Ка* могло – и может по сей день! – путешествовать по мирам и в пространствах земли; главное – чтобы мумия (дом *Ка*) была недоступна и неприкосновенна – *Mummy Incognito*.

Так уж повелось, что Кайшр по сути – живая мумия; тело от долгой жизни сжимается (мумифицируется), но жизнь из него не уходит, и он продолжает существовать *объективно*. Чтобы *Ка* отлетело из пространства *Придхиви*, необходимо войти в пирамиду, найти саркофаг и... вскрыть его: происходит разгерметизация, и мумия рассыпается. Кстати, из мумий так же получают мумиё – в целях исцеления, что намекает, в свою очередь, на светлую природу Кащея, как восстанавливающего принципа. *Кащей* же – это *дух во "плоти"* и имеет персональную систему защит (стихийных); одна из них – это утка: стихия воздуха. *Утка* у бурят – *острий иглы*, либо стрелы, так же *душа и шаманский корень*. Сломав её (иглу) – уничтожаешь шамана. На острие стрелы пребывает Мировая Душа – Брахма (Веды).

Хонсу, или Консу (др. египет.) (hns'w) – проходящий *бог луны*, бог Времени и его счёта, бог-ребёнок с локоном молодости (Гор-па-херд).

"К" у иудеев – (Каф) 11-я буква, под этой цифрой сосчитана Прозерпина (11), летающая за орбитой Плутона, которая символизирует *вход и выход* (в Систему Импульст либо из неё). *Каф* – иероглиф *сжатия, собранности, силы*; 11 аркан Caph – (образ) это лев, покорённый девой, у которой над головой – символ астрального света (бесконечности, Вечности). Из аркана следует, что *Кайшр принадлежит на высшем, тайном уровне к иерархии метафизических Начал*.

На Звёздном *внутреннем* уровне Кайшр – *сила и форма "цепного эгрегора"* (звено в цепи Силы, контролирующей равновесие во Вселенной), так же – познание высшей *астральной* сущностью моральной и нравственной силы человека. Именно для этого Кайшр приземлился ("упал") в хеттских горах: чтобы раствориться среди людей – для усвоения категорий, которых попросту нет в бесконечности глубинного космоса.

На физическом *внешнем* уровне – у *астральной* сущности предстоит работа с силами природы, которые в нашей истории персонифицирует Я-Баи (баба Яга).

В рунах Кайшр, Кен ("С") – *тлеющая лучина, свет, преображённый через смерть*. АС – изначальный звук, космическая ось. "С" (К) – *убывающая луна ("усыхающая")*.

Постепенно "К" (Ку-Ва, *Kau-Valis* на лувийском – *священный*) трансформируется и приближается по значениям к лунному принципу. У майя "С" родственно финикийскому, как удвоенное "ОО", позже этот знак упростился и остался лишь нижний треугольник – в значении "Л". У египтян Г (небо) напоминает остроконечное русское Л. Затем греческий алфавит перевернул букву Г, и она стала L, а позднее L округлилась и стала С, S – спираль, как идея растущей и убывающей луны.

В – V (английская *Вау*); отношение между единичностью и множественностью, знак космических форм в движении; иероглиф – глаз, ухо. В Таро В – это *башня*, в которой растёт Сами (Ками; sm – Йемен.) – *бог Луны, слышащий*; и что характерно, *упавший с неба* в оазис РаГ Ван.

Важно обратить внимание на принцип действия *Spekulum Triplex* (Тройное, Священное зеркало) – как инструмент миграции и развития жизненных форм во Вселенной. Памятуя о том, что событие, перемещаясь во Времени из народа в народ, вынуждено изменяться формой и содержанием по причине *Spekulum Triplex* – Вселенского Зеркала, обратим внимание на флуктуации Кайшра в измерении мира Придхиви.

Вникнув в вопрос, становится ясно, что корень *Kau* начинается на изначальную букву А, и изначально *Kau* был Аук(ом).

У Изиды на голове между рогов – *луна* (мужское), так др. египетский иероглиф быка в 2000 г. до н. э. став частью сознания финикийцев в 1300 г. до н. э. переворачивается по часовой стрелке и становится современной "К". В 600 г. до н. э. в раннееврейском письме бык превращается в "А" на боку, а затем к 500 г. н. э. в эффект *Triplex* и в 100 г. н. э. уже "А" римское (голова быка вверх ногами с возвратом по кругу в начало). Кстати сказать, грядёт время, когда голова быка *перевернётся* вновь, сначала набок, но с секретом (по спирали), а затем в исходное положение, а для цивилизации это по преимуществу – катаклизм. Выражаясь эсхатологически, во временном потоке флуктуирующих форм письма закодирована информация о "конце света" человеческой цивилизации данного периода, за хронологию которого Я – Вяземский Троян Модестович (конечно, наглядно и добросовестно) – отвечаю.

Что же касается горы Кайлас, которую в Гималаях почитают за мировую ось, то в нашем случае данный термин символизирует целостное единство, *андрогинат* Ваалиссы и Кайшра... суть – *Цстах Ютм Кибаорг'х*; *Kau* и *Las* порождают аббревиатуру KS, включающую в себя мужское и женское во Вселенной – Кушшатим, то есть – Луну и Солнце; *Ка* (у др. египтян) – *Дух*, наивысшее состояние *Kaua* (санскр.) – *бессмертное тело*. У древних египтян *Карухансата Анх*

означало ключ в Божественный мир. Ку (лувийск.) – священный. Ла (по древнеславянски) – душа, любовь. Са (S) – свет, лучи, сияние. Vala (санскр.) – волосы, а Viclesa – освобождение и одновременно – разлука. Vac (санскр.) – голос срединного мира, гром. Salus (др. рим.) – здоровье, целительство. Таким образом, Valis – это лучащийся свет, разноцветные волосы Бога, его бесконечные качества в образе Матери Мира, которые и олицетворяет в себе прекрасная Ваалисса.

P.S. Начиная об Олиссе Уиранше, а заканчивая Ваалиссой. Что ж, нет прекраснее и содержательнее такого финала... Хоть у кого-то всё сложилось – миром да любовью. А я... Выпадет момент – попробую ещё раз... найти свою возлюбленную!

ЗАПИСЬ 0/10. Этим утром – где-то далеко и очень давно – упала спелым яблоком в солнечный туман осень. Этим утром, наконец, Иван обрёл свою Марью, взял её за белы ручки и отвёл к Краеугольному Камню – выбрать свою путь-дорогу. Серый вульф вышел им навстречу, и остался всего один шаг... но ближайшая лужа (остывшей крови) отразила их силуэты, оборачивая суженых в Р-Вана да Мару (на языке Иа К'Суррь – "ужас и смерть")... Знаете ли вы, милые возлюбленные, что до сих пор народ не знает, какие же ваши лица – истинные?

ИВАН – вне сомнений, герой положительный, но он не одно и то же, что ВАН, хотя корень, конечно же, общий. Однако следует проявить и отделить от обсуждаемого потока событий именно вирус, теневой персонаж, истинное имя которому Рван, а точнее А-Ван, английское R в транскрипции читаем, как – [a:], т.е. "не-Ван" (в санскрите – "А" изначально – не).

Итак, Ван – это, прежде всего, земной, плодородный, относящийся к миру. В древ. Исландии небесным Асам противостояли земные Ваны (van-ir). И-Ван же есть следствие эволюции человека природного в человека небесного, о чём свидетельствует приставка "И", являющая собой единение Земли и Неба. По-аккадски И-Ги-Ги (великие, небесные князья) – класс богов космического происхождения во главе с Ану (И-Ан).

Важно знать, что гармоничное единение небесного и земного без посредника невозможно принципиально, и эту роль в данной системе берёт на себя месяц-луна (древне китайский возница луны Ван Шу). Луна – место, где по многим мифам изготавливается эликсир бессмертия. Через луну легче всего выйти в космос, она словно волшебное зеркало дарует золотые нимбы бессмертия выросшим на земле героям.

Так же, Van (санскр.) имеет отношение к *самодостаточности, целостности*.

Космический код Iva (системный Уртэк) означает бессмертие. Ива-О – великая гора или столп небесный, в который преобразовывается, вырастает человек земной. Древне японская танка об этом говорит следующее:

*В государевом мире
За тысячи поколений
Превратится в скалу
Ива-О, покрытую мхом,
Камешек Садзарэиси**

Очевидно, что в имени Иван присутствует сильнейший механизм *регенерации, вечной молодости, непосредственности*, проявленный через космический принцип бессмертия Iva, тем более что на хеттском, старо-ассирийском и урартском языках Van – это юноша, герой достигающий цели.

А "на Руси Иванов, что грибов поганых": к добру ли – к худу ли? (К добру, – шепнуло Худо. К худу, – баче Добре).

Но к той истории, о которой здесь идёт речь, Иван Зара – от зарить (заря), светить, освещать, – не имеет ни малейшего отношения, да и жил он совсем в иное время. Иван Зорр, кстати, один из первых людей земли, побывавший в космосе и иных мирах и вернувшийся к своему народу. В древнем Шумере он звался Этан (Итан, либо Этана; шумерский миф об

* – Речь здесь идёт о 38-ой дочери 13-го императора древней Японии Сэйму, имя которой "маленький камешек" – Садзарэиси; снизошедший с небес (горы) один из 12 богов-воителей бессмертный Ком-Бира (Кащей Бессмертный) даровал принцессе напиток молодости и бессмертия; за многие сотни лет добродетельного существования принцесса превращается из камешка Садзарэиси в Божественную скалу Iva-О.

Этане, звёздном страннике, который летал на Вимане с неким богом и увидевшем Вселенную, как она есть).

А пойдет речь о некоем антигерое по имени *Рван Цара* – отпетом злодее, предателе рода человеческого, осквернившем мать землю, не допущенном на небеса и потому принужденном алкать *Бессмертия вне Небес*. Люд же мирской (прошу заметить: не *Время...* не – *Время*), соединив божественное-небесное *Iva* (999) и демоническое-материальное *Zar* (666), почитает за правду мифологический суррогат под названием Иван Цар (царевич), что само по себе – нонсенс, ибо сказано во Вселенной: *Богу – Богово, а цесарю – ц...арево*. Следовательно, никакой Иван-царь не является на земле наместником Неба, потому как этому титулу соответствует санскритское Чакравартин, светоносный диск Чак Ра И-ВаРа; Вара же для зарастрийцев – *прибежище, обитель праведников*, либо древнекитайский Ши Хуан Ди; Хуан, К-Ван, то же, что *I-Va(n)*.

Термин "*царь*" не природен, но приобретён от имени первого узурпатора власти Гая Юлия Цезаря вначале Октавианом, его внучатым племянником, которого Кесарь усыновил, а затем и последующими, по совпадению демонизированными властителями Рима, как то Тиберий, Нерон, Калигула и пр. В древней Индии *Кесара* – это *грива* (льва), либо *волосы*, символ принадлежности к миру земному; *Keserīn* (санскр.) – обладающий гривой – *принадлежность к материальной власти*; *Kesin* – демон в образе льва убитый Кришной, восьмым аватарой Вишну. У римлян *Cere* – принцип подземного мира, иллюзии; *Цверг* (*dverg* – др. исланд.) – *тьма, страх Света*.

На деванадари *Riv* (Ri) – *разъединять, разлучать*; зеркально *vir*(aj) – *равнодушие, безразличие*; так же *gīrī* (в, ф) – *хвалиться, проявлять гордыню*. В итоге, *Рван Цара* (*Riv Cera*) – это безжалостный слуга *Тьмы*, расчленяющий и уничтожающий всё на своём пути к цели – через насилие, которое необходимо в такой детской игре, как "*царь горы*", что в своё время проделывал Р-Ван Питхуррис Ан по отношению к горе Гирнар.

Р-Ван имеет мало привлекательных черт: *у-рва* (курва), *рва* (ст. русс.) – *берущий принуждением*, *Рван* (др. слав.) – *сжигающий огнём*, в соединении с др. еврейским *Я-Цар* (делать, образовывать) символизирует собой *уничтожение* – буквально *огнём и силой*, а на уровне образа – *через отсечение души от тела*; так же *рвина* (русс.) – это *яма*, на санскрите *Яма* – *божество смерти, ров, разрушение земли*.

У иудеев *Цайр* означало – *ничтожный* (цуар – быть ничтожным), а *Церуа* – *прокажённый, нечистый*, и в соединении с корнем *RV* (раав) – *чудовище, блудник*. Таким образом, данная персона обретает совершенно демонические очертания.

Ванид (Фаннида) у нганасан – *злое божество, причастное к инцесту*. *Вани* (по-древнеяпонски) – *морская змея*; божество, поднимающееся в окружении рыб, мясо которых ядовито; для людей – *знак несчастья*. *Vanth* (этруск.) – *женский демон загробного мира, олицетворяющий смерть*.

Ван Гон (корё) свержает Кунье: по просьбе старого царя убивает древнего лиса – *Lis* (Ваалисса) – *нечеловеческое, магическое существо с Iva(-вым) посохом*, – и женится на богине горы – *Кайрен Кан* (гора 9-ти драконов). Здесь миф полностью перевёрнут: *Кайрен Кан* – это Ваалисса, а магическое существо, древний *Lis* – это зеркально КБ (Кащей Бессмертный).

Ван Хай (др. китай) – князь Кай отправляется на север в страну Юи, там он просит у местного престарелого правителя ночлег и прелюбодействует с его женой (разумеется, через принуждение), за что впоследствии оказывается, зарублен молодым воином.

Древнеиндийский *Ravana* (ревущий) – царь ракшасов, *врагов людей*, (изгнал сводного брата Ку-беру – КБ-KS, с о. Ланки) перемещался по воздуху на колеснице-вимане Пушпаку и пытался сокрушить гору Кай-лас, на которой Кубера (КБ) обрёл прибежище.

Ван есть то, что относится к "*низкому*", земному. В Исландии *vanir* – земное божество склонное к *инцесту, кровосмешению*, что полностью совпадает с историей Ваалиссы и её алчного брата.

В др. Исландии миф, обретя свои искажения, повествует о том, что Ваны, дабы проникнуть в небесный Асгард (Гир-Нарр) для обретения священного "*мёда поэзии*" (космический, жизненный принцип), посылают туда колдунью, обладающую пророческим даром, что соответствует магической природе Ваалиссы, но никак не совпадает с её истинными мотивами.

Внимательно изучая мифологическую вязь преданий, поневоле обнаруживается взаимодействие, либо конфликт, между такими слогами, как *RV* – *Ravan* (Р-Ван Питхуррис Ан);

KS – *Kau* (шр К'Ол); BL – *Valis* (Ваалисса)... Вывод напрашивается сам собой. Таково уж свойство земного времени: всё произошедшее исказить и перевертывать до не узнаваемости – это предотвращает закрепощение в оцепенелую неподвижность Добра и Зла, и необходимо для стремительного движения Реки жизни.

ЗАПИСЬ 144/567/9. Без начала и без конца... Удивился, пожал плечами (не-порядок) и приколот к лирическим отступлениям (на всякий случай).

*...Руки твои – вот они, рядом –
Я прижимаю к груди.
Умоляю: услышь.
Нет сил, удерживать крик.
Но тепло твоих рук недоступно.
Оно тает в чужих ладонях...
Как безмерен Кристалл времен.
Глаза твои... они смотрят,
Но не я отражен в Бездонном.
Как ты близка. Не исчезай.
О, иллюзии юности.
Взгляни: вот же оно – отчаянье
Заперто надорванной волей –
Всеразрушающее изнутри.
Губы твои... они смеются,
Сквозь толщину запрета,
Не слыша моих поцелуев.
Вот же я... здесь. Отзовись.
Но влага в уголках улыбки
Иссушена чуждым невежеством...
Невыносима пытка - табу прикосновений.
О, дуновение твоего тела –
Симпатия робости.
Враг ветер, благодарю за муку...
И проклиная.
Мука. ...Какая мука,
Быть от тебя так близко,
Что кажется ещё вздох...
И мы сольемся в Едином.
Но ты... Ты – ускользаешь.
А я - смотрю в небо.
Если бы звездам упасть*! –
Прошли бы мы тот же путь?
Крик....Крик...Птица моя, молчи.
Не разглашай присутствия.
Дай ещё миг.
Звнящая боль, отпусти...
Нам всё нужно вытерпеть.*

В.С.Х.

"И из-за слёз твоих стало начало письма выразительным, а конец его – из-за слёз – оказался исчезнувшим.

Мне же, дабы не утрачивать остроты и трепета чувств, пора отправляться в Жизнь (к людям), и не помощник мне в этом Фатш Гунн, но только женское сердце и путь через Лоно способен дать то, что в конечном итоге теряют Бессмертные вне Небес – неутолимость мук страсти и ревности, что возникают меж двух смертных, предназначенных друг другу... Вовеки".

P.S. Что-то знакомое и ускользающее, нестерпимо узнаваемое и похожее на... Господи, точно! Это, конечно же, ОН!

* – Ах, если бы начать всё сначала. Как бы было тогда?

...Следует упомянуть, что ситуация с юным Василием – его "присутствие" в момент признания в любви Енлок Раиха Королеве Диллин Дархаэле – чрезвычайно мучительна и толкает на неутолённость страданий. А всё по причине неопытности и настырности в магических операциях, которые так и распирают всех – нахватавшихся вершков – дилетантов; и если б не имелось для них грустных историй, наподобие "Поэтических криков", то во всей необъятной Вселенной негде было бы оплакивать и сохранять Любовь... как великолепно умела это делать Сафо.

Тит Троепольский "Поэтический крик"
(Воспоминание о Сафо).

С Л О В А Р Ь

АЮННЫ – существа, родственные фианьюккам, но более древние, чем они. Никто не знает, откуда появились аюнны и, наверное, так никто и не узнает: аюнны никогда об этом не рассказывали – сколько их помнят, они не произнесли ни единого звука, не написали ни одного слова или знака. Их глаза смотрят прямо перед собой, но в них *отражается вечность*. Может быть, эти удивительные существа принадлежат к другим мирам – *восприятия у нас одинаковые, но ассоциируют аюнны всё иначе и с другими предметами, может быть, для них даже не существует предметов, а вместо них – головокружительная и непрерывная игра кратких впечатлений*. Может быть. Однако каждое их движение, каждое действие наполнено глубочайшим смыслом. Раньше аюнны считались бессмертными, но это не так: *ощущая себя существами недолговечными, они и ведут себя соответственно – зная, что каждое совершённое ими деяние может оказаться последним. Смерть (или память о смерти) наполняет аюнн возвышенными чувствами и делает их жизнь ценной. Они понимают, что нет лица, чьи черты не сотрутся, подобно лицам, виденным во сне. Всё у смертных имеет ценность – невозвратимую и роковую. У бессмертных же, напротив, всякий поступок – лишь отголосок других, которые уже случились в прошлом или случатся в будущем**. Величайшее счастье знать это и балансировать между спокойным мудрым созерцанием и каждодневным упоением жизнью... Аюнны предвидят будущее, заглядывая в него, будто в прозрачный стакан с прозрачной водой – их внутреннему взору доступно "дно каждого события", его причина и следствие. Поэтому одним из поразительных свойств, которыми они обладают, является их способность исцелять недуги – как физические, так и душевные.

ВАР-РАХАЛЫ – оборотни-перевёртыши, соединяющие в себе две природы – звериную и не-звериную (чаще всего – людскую): каждый оборотень сам вправе решать – в кого ему "обернуться". Вар-рахал имеет в груди два сердца: когда бьётся звериное, он – зверь, когда не-звериное – кто-то другой, не-зверь. Для своего превращения

оборотни используют эффект *турбулентной туманности*, иначе говоря – во время сильнейшего вращения их тела перестраиваются, сначала расщепляясь до микро-частиц, а потом вновь соединяясь – в клетки, в ткани, в кости и сосуды. Несколько мгновений – и перед вами уже стоит нечто иное – совсем не то, что было минуту назад... Когда-то очень давно все вар-рахалы были едины и принимали только два вида: прекрасных варров и могучих, грозных рахов. Но ничто не пребывает в неизблемости, всё течёт, всё изменяется. Постепенно оборотни разделились на отдельные группы – очень несхожие и, более того, нередко враждующие между собой:

ВУЛФЫ – вар-рахалы, избравшие для себя внешние формы проявления в виде волков (вулфов) и людей (но не идеальных – варров, а самых простых – хонов). От обычных волков и обычных людей их можно отличить по золотисто-жёлтым глазам, которые сохраняются и в том, и другом образе. Вулфы мудры, спокойны и миролюбивы. Они легко принимают действительность, может быть, потому, что интуитивно чувствуют: *ничто реально не существует. Мир – это серый туман, скрывающий и одновременно проявляющий Путь каждого... А Мавул'х, один из самых известных вождей вулфов, добавил бы: – Путь, который чётче всего проступает посредине степи – ровной цепочкой следов – это срединный путь, путь гармонии и равновесия, линия, рано или поздно замыкающая начало и конец. О достоинстве и смелости вулфов слагались легенды, и самая впечатляющая из них – это сказание о Мировом Столбе – Цстах Ютм Кибаорг'хе – Камне выбора Пути, около которого обязательно находится Серый Страж – лучший вулф из рода вар-рахалов. Роль вулфа в процессе избрания Пути несколько занижена, но именно Страж помогает путнику сделать осознанный и своевременный выбор, наиболее соответствующий *ищущему* в данный момент.*

КАТТЫ – часть вар-рахалов, которая в силу своей эксцентричности и агрессивности противопоставила себя вулфам, избрав путь охотников и воинов-одиночек – судьбу оборотней, живущих "самих по себе". Их звериная сущность весьма логично выразилась в образе свирепых кошек – белоснежных, как горные верши-

* – Хорхе Луис Борхес

ны, на которых они поселились. Жизнь каттов – это синее небо, огромное, дальше некуда; это сверкающее великолепие снега; это бурные потоки, несущиеся по ущельям где-то там, далеко внизу, в одиночку; и самое главное – азарт и хладнокровие погони, когда предсмертный крик жертвы сливается с восторженным рыком охотника. Катты противопоставляют себя вулфам и презирают их жизненный выбор, сами того не подозревая, что и они тоже идут по *срединному Пути*: им подвластны призрачные дороги сновидений. В путешествиях по снам каттам нет равных. Используя белый призрачный ветер, они странствуют по чужим снам в поисках ответов на свои вопросы – ответов, которых нет и не может быть в реальном мире. Каттам никто не нужен, они никого не слушают и никому не помогают. Лишь однажды каттиус Иллас Клааэн сделал исключение для Дафэна: провёл его в страну сновидений – Соррнорм, где с ними и произошли удивительнейшие, непредсказуемые события, изменившие жизнь не только каттов, но и всех, вар-рахалов вместе.

ПТИГОНЫ – вар-рахалы, которые больше всех остальных оборотней любили пребывать в образе идеального человека – варра, лишь изредка переходя в звериную форму – рахха. Но однажды одному из древних вар-рахалов приснилось, что он – птица, свободно парящая в воздухе и не ведающая ничего об оборотнях. Проснувшись, вар-рахал спросил себя: "А может быть, я – всего лишь сон, который снится пернатому летуну? Или мы оба – только лишь сны друг друга?" Сказал и расхохотался. С этого мгновения ощущение полёта никогда уже не покидало его. Прошло совсем немного времени, и вот как-то раз, подойдя к краю пропасти, он раскинул в стороны руки и прыгнул вперёд, принимая не привычную форму рахха, а становясь птицей. О нём говорили, что он сошёл с ума, что он болен... Что ж, болезнь оказалась заразной, и его дети, внуки и пра... внуки летали в небе, как будто бы так было всегда. Мечтатели и фантазёры, они и сейчас необычайно легки на подъём, в общении приятны и никогда не доставляют своим собеседникам неприятностей.

ЗМИУРРЫ – вар-рахалы, которые самыми последними изменили привычный облик варров и раххов. Они хладнокровно наблюдали за тем, как их бывшие родственники и знакомые преображались в иных существ, наблюдали и ничего не

предпринимали, отрицая саму возможность хоть что-то изменить. Но бывает, что и камень прорастает. Время – это река, которая струится и уносит, и эта река – живые тела, мы сами, вар-рахалы, которые отрицают превращение... но итог этого превращения – вар-рахалы. Мир остаётся явью, а оборотень всегда будет стремиться к трансформации. Поток времени захватил последних из вар-рахалов и преобразил их тела, вытягивая и заключая в прочную чешую – броню, отделяющую их от внешнего мира. Они спрятались от всех, – думали, что надёжно, – но... от себя не убежишь. Никто никогда не жил в прошлом, как никто никогда не жил в будущем: форма любой жизни – только настоящее. Настал момент, и из потайных мест вышли новые вар-рахалы – змиурры, чей внешний вид претерпевает два изменения: первое – многометровые ядовитые змеи с золотыми пластинами чешуи, и второе – человекоподобные существа, с раздвоенным языком, с вертикальными зрачками в змеиных глазах и толстой шершавой кожей.

ВИЙИ – ...Каждый замок имеет свой возраст и свою смерть. Когда приходит час конца, его домовые, подвальные, конюшенные и каминные подвывают подбродки длинными космами, – чтобы случайно не улыбнуться, – и беззвучно, точно в немом кино, выстраиваются по трое и на цыпочках покидают своё отжившее пристанище. Пусто место свято не бывает (или не всякое пустое место – свято): через положенные сорок дней и девять ночей, в ближайшее полнолуние, оно заселяется новыми жильцами. Повезёт путникам, если в развалины заползёт почтенный, добропорядочный земной глысть, который, первым делом, уляжется спать в тронном зале, долго и апатично; повезёт даже, если там поселится мёртровойв, который будет бродить ночами по близлежащим родовым склепам, скрежеща зубами и вращая студенистыми глазами – от него ещё можно спастись заговорённым крестом или свежеструганным колом, но... Но вот если в замок прилетит вийя, да ещё не одна, а с сестрами, то тогда следует бежать из этих мест за тридевять земель, бежать не оглядываясь, бросая нажитое и засеянное... Единственный, кто видел их, говорил с ними и остался жив, был хардур Теолъзин. Он описывает их так: "Вийя прекрасна. Вийя обворожительна. Нет никого более великолепного в убийственной тьме ночи!.. Когда я открыл ржавые дворцовые ворота, и их

стон тяжёлым звуком пал в бездонный мрак замка, она вышла меня встречать. Нет, не вышла, а выплыла, едва касаясь босыми ступнями мраморного пола, порхая в раздутом колоколом платье точно точёный серебряный язычок. Ни единого звука не издавал этот чудесный колокол, ни единого слова не услышал я потом и от вийи. Иссиня-чёрные волосы шёлковым покрывалом обрамляли овал безукоризненного лица с миниатюрными, почти детскими чертами; высокая шея переходила в покатые плечи; сложенные на талии руки – такие белые, что казались почти прозрачными, – оканчивались изящными кистями, лишь синие ногти слегка портили впечатление. И тоска – невыразимая тоска, которая горела, пылала в её огромных антрацитовых глазах, придавала её образу такое необъяснимое, непередаваемое очарование, что оно заставляло постоянно слышать тихий отзвук её дыхания, хотя гладкие полукружия грудей не шевелились. Я протянул вперёд ладонь и создал на ней знак великого перемирия, сверкнувший в ночи слишком ярко, почти оскорбительно, – вийи зашипела и отпрянула в тень, – я тут же прикрыл его второй ладонью и торопливо заговорил: *о том, как она красива, о том, что я хочу воспеть её красоту в веках, о том, что я – хардур, и что лучше меня это не сделает никто...* Хардур?! – молчаливо удивилась она, вскидывая тонкие брови, и неожиданно улыбнулась, отчего выражение её лица стало жутким, приблизилась ко мне и изучающе обошла меня вокруг, перебирая в воздухе ножками. Я едва сдержался, чтобы не поворачиваться вслед, оставаясь к ней лицом к лицу. Наконец, она замерла передо мной, замороженно наблюдая, как рубиново пульсирует кровь в моих подсвеченных изнутри руках – теперь заулыбался я, сконцентрировался, выдохнул и протянул сложенные ладони к вийе, настойчиво, вопрошающе. Чёрная головка слегка, едва заметно, благосклонно кивнула в ответ, а уголки губ, подрагивая, поднялись ещё выше. Она, как и я, тоже протянула мне ладонь и создала на ней голубой зигзаг знака временного согласия. Я надрезал себе вену и напоил вийю кровью: договор был подписан и оплачен. Я прожил с ней и её сестрами целый месяц".

Этот случай уникален и является исключением из правил, ибо ни до, ни после ни один человек – а Теолизин, всё-таки, по

своему рождению был человеком! – не смог остаться в живых, столкнувшись с вийями. Они не знают сострадания, привязанностей и страха. Они умны, проникательны и коварны. Являясь, по сути, одной из разновидностей вампирских сущностей – *аскувирами*, вийи не могут не следовать своему естеству, но делают это столь изящно, выразительно и по-женски романтично, что некоторые уставшие от жизни ищут смерти именно в их объятиях: убийство в исполнении вийи превращается в поэтическую драму или в эротический танец, в песню без слов, в пытку, в наслаждение, в охоту или битву, в глубочайшие страдания, приносящие с собой безошибочные прозрения инстинкта – *во всё, о чём только может пожелать* пришедший в замок. Смерть, как утверждают вийи, – *это лес дьявола, где каждое дерево, каждая травинка уже давно известны и сосчитаны, все смерти не раз проиграны и доведены до гениального совершенства, с какого-то момента они лишь повторяются, будто вручаются редкой красоты траурные букеты, составленные по индивидуальному заказу*. Вийи – великие мастерицы в этом искусстве. Мастерицы, отдающиеся процессу чужой смерти с пристрастием близких родственников, которым завещано целое состояние.

ВИЛИКОЙШИ – о происхождении виликойш хардур Теолизин записал такие слова: "Никто не может сказать точно в какой момент появился род женщин-виликойш. Однажды утром, в столетие великой миграции птигонов, первая из них вступила на порог Ульдроэля, и тот приветствовал её как старую знакомую, трижды хлопнув праздничным полотнищем башенного флага. Её осанка и рост соответствовали торжественности момента, а размеренная поступь позволяла без труда выдержать долгую паузу, ибо по мере каждого движения всё большее количество зрителей собиралось на верхних галереях". Несмотря на свой внушительный, громоздкий вид, виликойши добры и впечатлительны, мягки телом и душой, напоминают неповоротливых тучных коров, которые думают о себе, что *они – женщины*, думают настолько ярко и талантливо, что никто и никогда не встречал их мужского пола. Сразу двух виликойш, одновременно, можно увидеть только после родильного акта. Это весьма занимательное зрелище: сначала, следуя внутреннему циклу, шесть объёмных женских грудей набухают и начинают

источать тёмное вязкое молоко, проступающее мокрыми пятнами сквозь одежду; живот тяжелеет и округляется, едва не касаясь земли; виликойша беспокоится, ходит, часто дышит, но едва наступает ближайшее утро, она, как пингвин с зажатым между лапами яйцом, осторожно бредёт прочь – прочь в поисках густого тумана, погружается в него, точно в кипящий кисель, постепенно тая в нём всеми своими неохватными формами, размываясь пятном, тенью, ничем... Затем громко поёт в тумане, призывно, ритмично, будто маршируя на параде, снова шумно дышит как бы сразу из нескольких мест, а потом враз затихает и тут же появляется, ведя за руку *самую себя*, но лишь сухую и пока стройную. Первые дни они не разлучаются: новорожденная, встав молитвенно на колени, всё время сосёт, по очереди прикладываясь к материнским грудям, складывая язык лодочкой и подлизывая убегающие драгоценные капли; кормилица же опять поёт, но нежно, воркующе, умиротворённо, и ласкает свою дочь по голове, придерживая её за затылок, чтобы та не прекращала есть. Та и не перестает, а напротив делает это всё интенсивнее, жадно обхватывая ртом уже не только сосок, но и часть груди, при этом руками оглаживает и мнёт другие, заставляя их вновь и вновь набухать и истекать душистой влагой. Так проходит день. Новая виликойша толстеет и практически сравнивается размерами с матерью, но всё равно не оставляет своего занятия. Хотя молоко теперь почти не выделяется, она, так же как и раньше, старательно втягивает губами, как в длительном поцелуе, обхватывая сосок внутри рта языком. Её руки – едва не руки опытной любовницы – творят немыслимое, во всём следуя малейшим настроениям слившихся тел. Мать уже не поёт, а звучно, гулко стонет, запрокидывая лицо, пока, наконец, не раздражается, выплёскиваясь на мощном выдохе, облегчённым гортанным криком. Они медленно разжимают объятия и долго-долго, не мигая, запоминающе-страстно смотрят друг на друга... После этого, *ничего не говоря, женщины расходятся* в разные стороны и больше никогда не встречаются.

Тех, кто посмеет помешать *священному акту любви* виликойш, указом великого Совета – кто бы это ни был по званию и роду! – отводят в Мёртвый Лес и, распяв между двумя окаменевшими деревьями, оставляют на потеху кикимрухам. Об этом

и думать больно, ибо их изощрённые фантазии никогда не иссякают.

ГЛЫСТИ – гигантские подземные черви, обладающие зачатками разума, что делает их неповоротливыми тугодумами и любителями простых "земных" радостей: если они хотят есть, то неторопливо и обстоятельно поглощают всё подряд, при этом, они – не хищники, нет, но если кто-то оказывается на пути их перемалывающего трёхлепесткового жвала – что ж, будет перемолот и он, а впоследствии выдавлен коричневым желе через задний выводной шланг; глысти предпочитают долгий сон долгому путешествию, но место для этого ищут тщательно и придирчиво, особенно нравится им, как скользят сегменты их толстого тяжелого тела по прохладным полированным плитам старых замков, и если находится таковой – свободный, то они тут же стараются занять его, сворачиваясь огромными кольцами прямо в тронном зале. К сожалению, в виду своих гастрономических пристрастий очень скоро глысти приводят замок в полную негодность, загаживая несказанно, слегка недоумевают и с досадой покидают его в поисках нового пристанища. Будь они чуть-чуть умнее и не так ленивы... но, слава Лесу, этого никогда не случится. А замок? Да хрумм с этим замком! Найдутся другие!

ГНОМЫ – маленькие человечки, жители подземных недр – очень разговорчивые, непоседливые, трудолюбивые и хозяйственные: у них всё под контролем – и драгоценный самоцвет, и бурый гранит, и любимая гномиха с гномчатами. Ростом гномы – едва больше пятилетнего хона, но наделены сверхъестественной силой и необыкновенными ремесленными талантами: за что бы ни брались, всё у них получается преотлично. Живут и работают они большими семьями – кланами, в которых почитаются все предки, вплоть до тысяча восьмого колена. К собственному огромному неудовольствию, несколько тысячелетий назад гномам пришлось вступить в войну с грольхами, которые захватили большую часть подземных пещер. И если бы не помощь их старших родственников – гнорлей, – гномы, наверное, давно бы уже проиграла эту битву.

ГНОРЛИ – старшие родственники гномов – тоже жители подземных недр, но в три раза выше их ростом, крупного, крепкого телосложения и молчаливого, непривет-

ливого нрава. Когда-то в незапамятные времена не было ни гномов, ни гнорлей, а только – *дикие карлики*. Они жили глубоко под землёй и никогда не выходили наружу: гора была для них и домом, и пищей, и идолом. Своих умерших они переплавляли в драгоценные камни, а младенцев называли несуществующими именами. Взглядом карлики двигали скалы, при этом никогда не уставали, не отдыхали и не ложились спать. Возможности их были безграничны, как земные недра у них под ногами. Однажды жизнь для карликов потеряла всякий смысл: *они могли всё, но ничего не хотели*. Тогда они решили уйти туда, откуда, по их мнению, пришли – вглубь земли: так глубоко, как только можно. Был сложен огромный костёр, в который они положили всё, чем владели. Казалось, даже легенды об этом странном народе были преданы пламени, разве что только их сердца остались биться в груди. Но не успел догореть огонь, как в освещенный круг вышли двое: маленький – для карлика – толстенький румяный подросток, слишком живой и радостный для такого глобального путешествия, как уход из мира, и высокий – для карлика – угрюмый мужчина, точно вырубленный из скалы, его глаза горели красными углями: слишком живые и грозные, чтобы закрыться навсегда. "Мы хотим остаться! Ещё не знаем – почему, но чувствуем, что должны это сделать!" – хором проговорили они. Как ни странно, все их родичи единодушно согласились. Более того, к отщепенцам присоединились две юные карлицы, которые позже произвели на свет с десятка два детей, причём – у маленького карлика рождались только маленькие, такие же толстенькие и румяные, как он сам, а у рослого карлика – появились дети исключительно большого роста, сильные, свирепые и немногословные, как и их родитель. Самое интересное, что потомки этих двух непроизвольно возникших родов, сочетаясь браком между собой, не смогли родить ни одного ребёнка, поэтому попытки образовать единый клан вскоре прекратились, и образовалось два независимых – *гномы* и *гнорли*. Гномы занялись некогда привычным занятием: добывали драгоценные камни и золото и создавали из них поистине великолепные вещи – украшения и оружие. А гнорли, используя это оружие, весьма успешно отвоевали у грольхов несколько уровней подземных лабиринтов. Узнав, что прави-

тели и стражи пещерного города Лаба Тхун – синие йокли – тоже противостоят грольхам, гнорли заключили с ними договор: теперь могучие карлики защищают не только свои владения, но и прекрасный подземный город, со всеми прилегающими к нему окрестностями.

ГРÓЛЬХИ – бывшие жители погибшей звезды Урдир, нынешние жители планеты Земля. Грольхи представляют из себя небольших уродливых созданий с серой матовой кожей, лысой головой и длинными руками, свисающими ниже колен. Несмотря на невзрачный вид, это весьма прозорливые, хитрые и жестокие существа, для достижения своих целей не останавливающиеся ни перед кем и ни перед чем. У грольхов нет друзей, да они и не ищут привязанностей – *только выгоду*. От них можно ждать любой подлости: предательства, обмана или даже нападения, однако всё равно находятся те, которые желают их сомнительного общества и помощи – даже такие мудрые, как дриальдадьдинна Эвил Сийна Хаэлл. Это очень опасно, и для дриальдадьдинны сотрудничество с грольхами окончилось столь же печально, сколь и во всех предыдущих случаях, когда кто-нибудь мнил себя "великим" и думал, что ему всё подвластно – даже грольхи.

ГУУ'РСЫ – наземные йокли, не спускающиеся в бездну подземного Лабиринта и не бывающие даже в Лаба Тхуне. Синие йокли подземного города никогда не видели своих братьев, потому что те были украдены из родовых пещер, будучи ещё внутри яиц. Двести восемьдесят восемь лет назад произошло страшное землетрясение: погибло множество подземных жителей, но самое опасное – треснул каменный свод подземного города, и одна из свисающих с потолка пирамид рухнула прямо на здания внизу. Оставшиеся в живых бросились раскапывать погребённых под гигантским завалом. Йокли на летающих жабах поднялись в воздух и торопливо заделывали расширяющийся разлом. Благодаря всеобщим усилиям последствия катастрофы удалось ликвидировать очень быстро, но... Синие стражи не учли один очень важный момент: дело в том, что в родовых пещерах, где находились их жёны, дети и ещё "невысиженные" яйца, осталось всего несколько охранников. Их давние враги – грольхи, которые, скорее всего, и устроили землетрясение, – ворвались туда и убили

всех, кто попался им под руку, за исключением семьи главного йокля Равэйка, – взятой в плен, уведённой в лабораторию грольха Ра-Руха и позже заключённой во временные стаббы, – и нескольких яиц, предназначенных на опыты. Вот из этих-то яиц, вынесенных на поверхность земли, и вылупились *гуурсы*. Солнечный свет и свежий воздух непоправимо изменили их внешний вид, сделав уродливыми, непропорциональными созданиями, перемещавшимися, точно звери, на четвереньках. У них были длинные хвосты, которые пришлось через какое-то время отрезать и обрубком прижечь: чтобы заставить гуурсов ходить вертикально, и главное – дабы разбудить в них разум. Удивительно, но эта процедура помогла – гуурсы действительно будто "проснулись ото сна" (с этого дня ритуал "обрезания-прижигания" плотно укоренился среди них, и все молодые самцы до сих пор делают это). Грольхи попытались создать из гуурсов своих новых слуг, но у них ничего не вышло: трансформировались только тела бедных "йоклей", их же разбуженный дух не сломился. Тогда было решено убить непокорных пленников. Так и случилось бы, если не подоспели б гнорли и не порубили б "зловредных серых человечков". Но, увы – враги повержены, а их жертвы так навсегда и остались жить у подножия гор, тяготясь своим внешним видом и не желая обременять собой подземных родственников... Что ж, даже благородные порывы иногда бывают ошибочными: ведь йокли были готовы принять гуурсов в любом виде (хоть никогда их и не видели), и когда те, наконец, согласились спуститься под землю, оказалось, что едла́ть это уже невозможно – прошло слишком много времени: их лёгкие адаптировались к внешнему воздуху и в подземном – сворачивались и высыхали. *Вот так излишние душевные метания и необоснованные страхи могут стать непреодолимым препятствием, образовавшимся практически на пустом месте!* Йокли подземные и наземные, всё-таки, встретились, но жить сообща им так и не довелось...

ДАРАИ'НЫ – маленькие помощники дриад, похожие на крошечные белые колпачки. Сверху у каждого имеется ещё один колпачок поменьше, вроде головы, и пара полупрозрачных ручек-крылышек, которыми они необыкновенно ловко могут и посадить семечко, и убрать опавшие листья, и перелететь с места на место. При

этом колпачки издают шелестящий звук, напоминающий тихое тактичное перешептывание, что является их формой общения между собой. Дараины заботятся о семенах и зёрнах растений, охраняя их и наполняя силой: им ведомы процессы превращения семени в дерево или цветок. Если бы не дараины, то тёмные силы могли бы вмешаться, преобразовывая растительный мир в хищную, ненасытную флору, пожирающую всё вокруг... Это напоминает тайные замыслы грольхов, и если бы маленькие труженики были бы одни, то, наверное, так бы и случилось, но – слава Лесу! – это не будет никогда.

ДРАКАКУРДЫ – боевые красные урдровые драконы Хэ, с длинным, почти змеиным телом и головой, увенчанной восемью рогами. Каждая из четырёх лап Хэ заканчивается пятью когтями, изогнутыми точно ножи тибетских гурхов. Спят дракакурды в глубоких заброшенных колодцах, где сворачиваются на дне тугой спиралью – голова в самом центре, серебряные глаза устремлены в далёкое небесное окно: они никогда не закрываются, и от этого кажется, что красные драконы всё время на страже и, следовательно, неуязвимы. Как только первый луч солнца дотягивается до дна колодца и касается алых зрачков серебряных глаз, тело Хэ расправляется, точно свёрнутая пружина, и выстреливает вверх, как стрела, выпущенная из лука... Стоит ли говорить, что первых дракакурдов поймали именно в этот момент: сруб колодца затянули тройной металлической сеткой, куда и попался ничего непонимающий, только что проснувшийся молодой самец. Красные Хэ – умные, свободолюбивые и бесстрашные существа, и приручить их оказалось трудно: это смогли сделать только подземные йокли – с величайшим терпением и любовью. *И не было в последующие времена лучшего товарища в бою, чем "красные чешуйчатые бойцы" – преданные, неутомимые и сообразительные...* На лоб каждого дракакурда прикреплялся жемчужный урдр, с помощью которого воин во время боя мог мысленно общаться со своим драконом, направляя его и отдавая ему команды. Когда Хэ достигал в длину девятнадцати метров, воин-наездник снимал с его лба урдр и отпускал *на волю ветру и лунному свету* – летать в небе, подчиняясь только зову сердца и брачному гону, и, найдя себе подругу, воспитывать новорожденных дракончиков, чтобы не перевелся род красных

драконов, могучих и великолепных. И вот однажды один красный Хэ по имени Тункир, будучи отпущенным на волю и воспитавший несколько поколений своих детей, неожиданно вернулся назад к своему бывшему наезднику, причём вместе со своими двумя подростками сыновьями – Зигохом и Зикрром. Они первыми стали "дракакурдами по призванию, по собственному выбору", и через пару лет их примеру последовали другие Хэ. Сейчас уже никто и не вспоминает те времена, когда приходилось ловить и приручать боевых урдровых драконов, кто-то даже воспринимает это сказкой или, более того, – ложью. Действительно, трудно представить себе, что тридцатиметровый красавец-дракакурд мог быть пойманным какой-то сеткой и начал бы слушаться небольшого изящного йокля, пусть даже и с такой грозной репутацией! Что ж, согласимся – конечно же, огнедышащие гиганты сами выбирают себе седоков – напарников по сражению, – конечно же, *так было всегда и, само собой разумеется, всегда будет!*

ДРИАДЫ – лесные девы, дриады или дриальдальдинны, – изначальные сущности Великого Леса, несущие на себе почётные права и обязанности покровительства, защиты и заботы о всех деревьях, произрастающих на земле – прошлой, нынешней и грядущей. Жизнь дриады полностью и неразрывно связана с деревом, её породившим. Младшие дриады, или *гамадриады*, как правило, живут не более двухсот лет, рождаясь и погибая вместе с деревом. Они нежны, пугливы, беззащитны и, чаще всего, не вступают в контакт с людьми, видя в них источник опасности. Гамадриады не могут далеко удаляться от своего родительского дерева, фактически являясь зависимыми территориально. Внешне они напоминают девочек-подростков, хрупких, с короткими пушистыми волосами, ореолом окружающими их головки, и, как правило, не носят никакой одежды за исключением цветочных венков и бус.

Некоторые же деревья легко доживают до пятисот и более лет. Связанные с ними *махадриады* называются старшими или дриальдальдиннами. Их количество очень незначительно: по всей земле едва можно насчитать более трех десятков тысяч таких долгожителей. Они обладают куда более широкими возможностями и привилегиями и способны накапливать опыт и обучаться, что ставит их на несколько ступеней

выше гамадриад и даёт шанс выйти на более высокий уровень эволюции. По мере своего развития дриальдальдинна может распространить влияние с одного дерева на целую рощу и даже лес. В этом случае, живущие там гамадриады и иные обитатели переходят в непосредственное подчинение своих старших "сестёр".

ДЭЛЬФАЙСЫ – прекрасные девушки, красотой сравнимые с *кораллами и жемчугами*, обитающие в море и изредка выходящие на берег. Они живут на недостижимой глубине в таинственном городе *Фэй Синаль* – городе, про который знает каждая рыба, но ни одна из рыб в нём никогда не бывала: диковинные существа, парящие в плотных потоках его улиц, скорее похожи на диковинных животных – птиц, зверей и насекомых, – полупрозрачных созданий, переливающихся всеми цветами радуги. Сияющие сферы домов, точно драгоценные камни, усыпали скалистое дно. Между ними протянулась паутина мостов – ажурное серебристое кружево. Посреди города высится удивительное сооружение – королевский дворец. Он напоминает гигантскую раковину-пурителлу, поставленную вертикально и упирающуюся на дно своими длинными отростками – изящество и великолепие линий, сверкающая феерия праздника... Где-то неизмеримо далеко *вверху сутулые волны сполна извели океан одиночества: волны находят волну только на берегу. Люди надёжно скрывают печаль и Надежду за вуалью мелких забот. Не большие мига дается встречным прохожим, чтобы схватиться за руки**. Шёлковая поверхность океана никогда не откроет им тайну чудесного города, где каждый житель – *путешественник и поэт, влюблённый и любимый, родитель и ребёнок*, – тот, перед кем открыты и все богатства морского дна, и странная жизнь на далёком берегу. Девушки-дэльфайсы и юноши-дэльфайны часто покидают свой прекрасный дом. Их родители уже не ищут опасностей и приключений и остаются в Фай Синале – ждать своих непослушных детей. Дэльфайны не уплывают далеко: они, чаще всего, катаются на подводных течениях и охотятся на гигантских маракул, приманивая их на запах свежего рыбьего мяса. Дэльфайсы же охоту не признают и острых ощущений ищут на берегу, развлекаясь совсем иначе: молодые

* – Юрий Смирнов. *Энциклопедия чувств*.

рыбаки и одинокие туристы так и не узнают, куда же пропадают их очаровательные подружки после весьма бурно проведённых дней. Те же, насладившись "любовью", возвращаются на морское дно, чтобы однажды всплыть в каком-нибудь новом месте и отдаться страсти с новыми партнёрами из рода людей – такими чуждыми и такими притягательными.

ЗУРПАРШИ – хранители страны сновидений Соррнорм, представляющие собой единый симбиоз – некую прозрачную подвижную субстанцию, обладающую разумом и колоссальной силой. Лишь благодаря их могучей воле страна Соррнорм существует в цельном и гармоничном виде, не разодранная на куски и не погруженная в туман безумия и больного воображения. Ни один из её жителей не видел зурпаршей – хозяев этого мира, но их присутствие ощущается во всём: в неожиданном сиреневом снегопаде и в одиноко бегущей собаке, в горящих окнах ночных домов и в ветре... в тумане-траве-деревьях-людях – во всём, чего только коснётся взгляд. Взгляд путника, пришедшего сюда на час или на всю оставшуюся жизнь.

ИИЧИ – горные птицы, четырёхногие, длинношеие и клюво-зубые. Если добыть яйцо иича или только что вылупившегося птенца, то можно легко приручить этого удивительного и очень симпатичного "птица", так как запечатление родителя происходит у него в первые три дня: родился, увидел и... полюбил. Да-да, полюбил! Потому что иичи способны на долгую и трепетную привязанность – к собственной матери или к тому, кто окажется на её месте. Самки высиживают птенцов три месяца, и если кто-то покушается на их драгоценные яйца, то "мамаши" самоотверженно бросаются защищать своё гнездо, даже если на него нападает бешеный геркатт. Существует мнение, что иичи умеют разговаривать, но так как они сами не спешат налаживать контакты с окружающими, то подтверждения этой их способности пока нет. Вааль Силь Хаэлл считает, что иичи *не разговаривают нарочно, дабы не нарушать своей привычной жизни*: уединение в горах способствует философскому взгляду на вещи, и кто знает, о чём думает иич, неподвижно замерший у края пропасти и мечтательно смотрящий на проплывающие мимо облака?

ИНДОХРЫ – лесные курицы (курры), разумные, но неговорящие: не от глупости, а от лени, ибо основное их занятие – это бесконечное высиживание очередного яйца, которое они обхватывают крыльями, прижимают к груди, тщательно зарывая в тёплые перья воротника, и укачивают его, баюкают, мечтательно полуприкрыв глаза. Считается, что они "выдумывают" себе птенца, каждый раз надеясь на рождение чудо-индохра.

ИПАХОНДРИИ – жирные неповоротливые существа, которые умеют думать не только "головой, но и животом". Они считают, что у них два мозга: один – в черепной коробке, а другой – в брюшной полости; оба в одинаковой мере подвержены волнениям, радостям, горестям, страхам и тревогам... Впрочем, люди порой тоже сообщают о чём-то подобном, мол, *испугался – живот сводит судорога; порадовался – возникает зверский аппетит*. Ипахондрии же заявляют, что их внутренности, ко всему прочему, обладают незаурядной памятью и даже чувством юмора. Стенки их желудков покрыты неким серым веществом, представляющим скопление нервных клеток, а извилины кишок полностью повторяют все изгибы извилин головного мозга. Думать сразу двумя "местами", несомненно, очень удобно, но иногда кажется, что ипахондрии смакуют жизнь, как хорошее изысканное блюдо – со всеми последующими выводами и соответственными пищеварительными эффектами.

ЙОКЛИ – хранители подземного города Лаба Тхун, синие ящероподобные существа. Их лёгкие устроены таким образом, что дышать йокли могут только подземным воздухом, не тревожимым ни ветром, ни солнцем, ни дождём. Говорят, что их род пошёл от гигантского подземного Змея – Нага Исфоира, способного оживлять мёртвых и менять свой внешний вид. Однажды, обернувшись молодым воином, Исфоир вышел на поверхность земли и около входа в свой лабиринт встретил прекрасную девушку, которая молилась горным духам, прося у них удачу и богатство. Увидев юношу, чудесным образом вышедшего прямо из скалы, она приняла его за подземное божество, что, впрочем, было чистой правдой, и пала перед ним ниц (в весьма соблазнительной позе). Исфоир внял её мольбам, и с тех пор люди, жившие поблизости стали находить драгоценные камни, лежавшие около горы, как обычные

бульжники. Девушку же он увёл к себе – под землю и сделал своей женой. Через положенные девять месяцев красавица родила ему, но не младенца, а одиннадцать змеиных яиц. Придя в ужас от того, что породило её чрево, она впала в транс и к закату умерла. А из яиц вылупились синие ящероподобные существа, которых позже назвали *йоклями*. Йокли "получились" мудрыми и рассудительными, как их отец, и такими же красивыми, как их мать. Красота же, как известно, принимает самые непредсказуемые формы: *синие ящерицы* – изящные, лёгкие и стремительные, с гордой царственной осанкой и пристальным взглядом выпуклых глаз – *были прекрасны*. Их тяга к справедливости и порядку привела к тому, что они стали непревзойдёнными бойцами, и постепенно слава о них распространилась по всему подземному миру, достигнув и знаменитого города Лаба Тхун. В те времена там царил хаос: ежедневно прибывали и уезжали сотни путешественников; каждый делал то, что хотел, никоим образом не считаясь с окружающими. Постоянные жители Лаба Тхуна посовещались и послали к йоклям делегацию с просьбой *"принять на себя широкие полномочия управляющих и охранников, дабы принести, наконец, мир и спокойствие на улицы города"*. Во избежание недоумений новым правителям был назначен испытательный срок – три года, – но когда он прошёл, об этом так никто и не вспомнил: Лаба Тхун стал тем, чем он является и по сей день – цивилизованным городом, где строго соблюдаются правила, и каждый уважает своего соседа: никто никого не ест, не мучает и не обкрадывает... Впрочем, говорят – *хорошо не просто там, где нас нет, а где нас никогда и не было!*

КАОРХАРЫ – Род каорхаров пошёл от знаменитого коня-огня *Эзилиса* – волшебного скакуна, от поступи которого дрожала земля и вскипала вода, он никогда не спал, ел очень редко (только листья дерева Бо), умел танцевать под шум водопада, а в грозу догонял молнии. Другими конями он не интересовался вовсе, лишь однажды обратил своё внимание на дикую кобылицу – сахарнобелую, темноглазую Соллейх – с гривой, точно белое покрывало невесты. У светлой, как ясный день, Соллейх родился единственный жеребёнок – чёрный, точно самая непроглядная ночь. Во время родов на кобылицу напали волки. Убив ослабевшую мать, они утащили новорожденного.

Разгневанный жеребец, которого в тот момент не было рядом, бросился искать своего сына и в ярости затоптал не одну стаю волков. Но когда он, всё-таки, нашёл его, то в ужасе увидел, что чёрный же ребёнок отбрасывает волчью тень, копытца превратились в когтистые лапы, а во рту показались первые зубы – острые, как шила. Сын смотрел на своего отца, не узнавая. Не обращая на это внимания, Эзилис увёл его с собой – на гору Гирнар, где долго кормил серебряно-золотыми плодами. Через год из жеребёнка вырос великолепный конь – Каорхар – сильный и не укротимый; вот только лапы и зубы у него так и остались волчьими. Он мог есть и траву, и живую плоть, в драке ему не было равных: своих соперников он свирепо рвал на части. Кобылицы исправно рожали от него жеребят – сплошь чёрных и зубастых. Постепенно обычные табуны покинули подножие горы Гирнар, и там стали царствовать только каорхары. Эзилис давно оставил свой странный род, и его удивительный сын Каорхар уже тысячу лет, как рассыпался в прах. Нынешние же "кони" – его прапра...внуки – уже не столь дики и своенравны, однако поймать и укротить каорхара могут лишь самые отчаянные.

КИКИМОРРЫ – кто-то путает их с кикимухами, но это – *головоногие поедатели поганок*, обитающие в самой непроходимой чаще великого Леса: болото же они терпеть не могут и стараются там никогда не появляться. Взрослая кикиморра имеет большую вытянутую голову, одновременно похожую и на голову хучча, и на голову мартышки-магота. Голова крепится на крошечном тельце – промежуточном звене между ней и длинными трёхсуставчатыми конечностями: тремя руками и тремя ногами. Столь гротескный внешний вид, как ни странно, не является отталкивающим, потому что кикиморра вся сплошь покрыта красивой пепельной шерстью. Основным их занятием считается выращивание и поедание "грибов пей-ой-тля", ничтожная часть которых может стать смертельной для большинства живых существ. Удивительно, но у людей, особенно у молодых хонов, отвар из этих грибов вызывает живые объёмные картинки, столь занимательные, что человек, попробовавший "пей-ой-тля", жаждет повторять сей опыт нескончаемо. Нескончаемо – увы! – не получается, так как через не которое время он теряет разум, а после и жизнь. Однако страшная перспе-

ктива безумия и смерти не останавливает юных глупцов, ищущих острых ощущений. Что ж, *их* никчёмная жизнь – это их никчёмная *жизнь*! Вся проблема в том, что кикиморры не хотят делиться ни с ними, ни с кем-нибудь другим. Выращивая поганки почти с материнской заботой, они их не менее трепетно охраняют. В этом им помогают пауки-вывертыши – хуччи, – готовые и напугать, и даже скушать незадачливого "грибника", а иногда и случайного путника.

Как только поганки созревают, наливаясь сладкими ядами-соками, их тонкие ножки окрашиваются розовым, а шляпки закручиваются по краям. С этого момента их можно собирать и вялить... *Глупые хоны их варят! Нет-нет! Нельзя ни в коем случае!..* Кикиморры утверждают, что в варёном виде у "грибов пей-ой-тля" пропадает и фантастический вкус, и ценнейшая полезность. Употребляя их правильно приготовленными, есть шанс погрузиться в феерию ощущений – как в вереницу вздохов-воспоминаний, как в глубину блаженного вдохновения, как в оргию созидания, как во тьму, как в ослепляющий свет... *как в жизнь... как в смерть.*

КИКИМРУХИ – болотные старухи – в отличие от трясинок никогда не погружаются в зловонные глубины, хоть и живут на болотах, в самых отдалённых местах страшных Чёрных топей. Днём кикимрухи спят, расевшись по кочкам, как по настилам, ночью – расчёсывают пальцами волосы своего тела, плевками умывают лица, натирают подмышки зелёным илом и отправляются на охоту. Плоские перепончатые стопы позволяют им беспрепятственно скользить по поверхности болота, широкие подвижные ноздри легко улавливают запахи... Поверьте – даже лягушки пахнут... не то, что жирные и вкусные ипахондрии! Болотные старухи не брезгают никем и ничем – ни лягушками, ни всеми остальными. Тем не менее, если случится заблудиться в топях, к примеру, человеку, кикимрухи не убивают его сразу, а отводят в Мёртвый Лес, где, распяв между окаменевшими деревьями, долго и обстоятельно мучают и только лишь потом съедают то, что от него остаётся. Эта привычка кикимрух не осталась без должного внимания высочайших инстанций: лесной Совет постановил "*не мешать им, а наоборот – приводить к ним осуждённых преступников и отдавать на казнь*". И старухи сыты, и провинившимся –

по заслугам! А повинную голову, как известно, и кикимрухи не грызут.

КОРНЕВИКИ – живые коряги, имеющие зачатки разума. Говорят, что первые из них отделились от знаменитого дерева Бо, которое и по сей день растёт на горе Гирнар. Как все знают, это исполинское *дерево живое, и не ветер шевелит его ветки, которые точно руки могут приветливо замахать другу издалека или метко ударить, исхлестать неприятеля*. Каждое столетие на дереве созревают волшебные яблоки: с одной стороны – серебряные, с другой – золотые, – яблоки необыкновенной целительной силы, способные продлить жизнь любого существа. Рассказывают так же, что однажды на вершине дерева Бо Кащей Бессмертный спрятал сундук со своей смертью. За нею и пришёл на гору Гирнар царевич И-Ван Петхуррис Ан. Дерево самоотверженно защищало доверенный ему артефакт, но злодей-царевич жестоко расправился со своим противником, отрубив ему мечом-кладенцом множество нижних веток – из ран тут же обильно хлынул золотой сок, – и дерево бы погибло, изошло влагой, но подоспел кайшр и исцелил его. Только отрубленного назад не приставишь – увы! И всё же, отделённые от ствола ветки не высохли, а превратились в смешных нелепых созданий, которые сначала пытались закапываться одним концом в землю и укореняться, – не прижились! – а потом стали "перекати-полем": небольшими скрипучими корягами с сучками вместо рук и ног, на которых они весьма бойко передвигались по лесу после того, как покинули гору Гирнар. Корневики совсем не похожи на своего знаменитого прародителя, однако унаследовали его способность оставаться верным другу и непримиримым к врагу. Поэтому тот, кто подружиться с живой корягой, обретёт себе преданного спутника в любых своих приключениях.

Раз в сто лет какой-нибудь из корневиков выпускает молодые зелёные побеги и пытается плодоносить – безуспешно! Несколько мелких цветков на одинокой ветке так никогда и не превращаются в завязи. Лишь однажды – кажется, тысячу лет назад – самая крупная коряга не только зацвела, но и, поднатужившись, вдруг выродила яблочко-дичок, крохотное – с напёрсток, но с одного бока, как и положено, – серебряное, а с другого – золотое. Радость корневика была кратковременна, так как

через пару дней на него напала стая пиальвинов, и пока он отмахивался от наглецов, один из самцов налету склонил драгоценный плод. От горя и оскорбления корневик чуть не высох, а удачливый пиальвин претерпел весьма интересную трансформацию: его крылья укоротились, а хвост наоборот – вытянулся и распушился: перья приобрели необыкновенно яркую окраску, переливаясь всеми цветами радуги. От клюва до кончика хвоста побежали огненные волны. Пиальвин засиял, как самоцвет, на который упал солнечный луч, и потрянул перьями – брызнули искры, вокруг заплясали солнечные зайчики. Корневик в ужасе бросился прочь: подумал, что случился пожар. Новоявленная же *"золотая птица"* огляделась на остальных пиальвинов, замерших в оцепенении рядом, и победно загоготала. Случилась сия история в незапамятные времена, а тот удивительный пиальвин жив и по сей день. От него пошёл род жар-птиц. Корневики же теперь уходят цвести на гору Гирнар, усаживаются вокруг дерева Бо и благоговейно раскачиваются из стороны в сторону, поскрипывая сучками-руками. Дерево защищает их от любых неожиданных нападений, но за многие столетия ни на одной из коряг так и не завязались плоды.

ЛАБИА ТХУН – подземный город-портал, *многоуровневый транссингулярный лабиринт* с выходами – временными колодцами, и входами – охраняемыми воротами с односторонним потоком. Открыт для всех, кто способен воспринимать его *сингалляпскую философию* одномоментного проявления *разновременных сущностей* – как правила хорошего тона. Город весьма надёжно охраняется синими стражами – йоклями – существами, чьи жизненные позиции выражаются словами: *равновесие, порядок и справедливость*. А с теми, кто не согласен подчиняться всеобщим правилам, стражи поступают решительно: либо выдворяют из города, либо (если происходит что-нибудь ужасное) отправляют "выше" уровнем – в подземную тюрьму-"каторгу", где преступников ждёт суровое наказание.

И хотя сам по себе, Лабиа Тхун есть явление уникальное и не поддающееся обычному пониманию, но на уровне галактическом он – всего лишь один из многих и многих *транссингулярных порталов*, призванных обеспечивать интеграцию *"высших порядков"*. Для обычного существа Лабиа Тхун – это город, некое место, где можно

побывать и даже благополучно существовать, что, впрочем, и делают многочисленные путники, вольно или невольно потерявшиеся в чередующейся бесконечности *переходов-порталов*, из которых, за редчайшими исключениями, *выхода практически нет*. Такое жестокое правило, видимо, призвано изолировать миры обычного, материального свойства (долг которых – медленное развитие и скучное движение по орбитам и траекториям) от некоего *полуматериального потока*, в природе своей имеющего *петлю, турбулент или ленту Мёбиуса*. Лабиа Тхун – это территория-"карантин", где происходит глобальный обмен информацией, и коммуникация между мирами нашей необозримой Вселенной: кто-то прибыл и, увидев город, остался; кто-то, поговорив в кафе с вновь прибывшим, вдруг собрался и прыгнул в портал. Иногда, как в случае с Ра-Рухом, кого-то вышвыривают в открывшееся "окно" насильно – *и поминай, как звали!* Но никто и никогда не узнает, что есть "избранные", которых Седое Кольцо исторгает из себя в какой-нибудь из обычных миров, и этот несчастный (либо счастливчик) оседает там навсегда, не имея представления – *где найти следующее "окно"*. Но большинство, путешествуя по Седому Кольцу (так религия Лабиа Тхуна называет промежуточное место между городами-порталами, где мало кто помнит себя... и то, что на страшной скорости проносится мимо), попадает в очередной *город-конгломерат*, кишачий вынужденными паломниками Вселенной. Религия Лабиа Тхуна считает, что *основной итог странника – это Седое Кольцо, где следует остаться и осознанно раствориться в Его турбулентной петле* (для этого необходима вера, намерение и особые психические тренировки: без этих позиций Кольцо вытолкнет из себя неизменно любого – в очередной *город-портал*). Многие полагают, что рассказы о Кольце – это бред, но куда же ещё податься бесконечно плутающему горемыке, забывшему свою родину – потерянный Рай? Существует "Писание Седого Кольца" – так называемый "Биалменнон", который подробно рассказывает о том, как Кольцо выглядит "изнутри", о его постоянных жителях и о том, как обрести там свой потерянный Дом. Это Писание состоит (и дополняется непрерывно) из рассказов тех, кто якобы "помнит" прыжок: такой путник просто обязан оставить запись-рассказ, чтобы уже толкователи со-

поставляли, подтверждали или опровергали новую информацию-сон. По сути – это *гадание на кофейной гуще*, но некоторые сообщают одинаковые сюжеты: например, то, что в Седом Кольце обитает великий Дракон Фир Ахест Д'Хетонг Хет, мифические рэйвилрайдерсы и много ещё кого и чего... неведомого и удивительного. Кто новенький – тот, конечно, не верит, но старожилы рассказывают, будто бы однажды в соседнем *портале-городе* вдруг проявился сам Д'Хетонг и, приземлившись на соседнюю гору, ненамеренно аннигилировал её своим излучением. Потом так же внезапно исчез, оставив после себя не только радугу, но и многочисленные ринг-чены (артефакты, что твёрже алмаза и ярче молний). Учёные Лабаи Тхуна называют такие феномены *флуктуацией сущности высших порядков*.

Если *Седое Кольцо* – это *игла*, то *Лабаи Тхун* – *игльное ушко*, через которое вьётся бесконечная нить из *Неведомого в Пустоту*... или из огня да в полымя, а точнее – в очередной город-портал. Повторяю: таких городов множество, но в Лабаи Тхуне изучено всего около ста: из них подробно – только с десятков. Главный город, откуда прибывают в Лабаи Тхун – это *Хассони Тонн* (в созвездии Альдебаран), а город, куда наиболее часто исчезают, – *Сакхоор Ферр* (в терминах культуры Лабаи Тхуна): о его существовании известно только из остаточных снов (ушедших в прыжок), увиденных специальными сновидящими культа Седого Кольца (среди них есть и катты – высшие специалисты по снам; имея артефакт – личную вещь "ушедшего", они могут пройти до 11-го *портала-города-станции-отметки*... дальше уже никакая персональная сила не способна пронзить вихри Седого Кольца). Считается особо опасным существовать в городе *Пертахен Суррь*, который *сингулярно* зафиксирован между Юпитером и Марсом – в самой гуще Осколков бывшей планеты Траэаон. Пертахен Суррь есть антигравитационный *город-портал*, объединяющий около тысячи астероидов, естественно, невидимых – ни в телескопы, ни в иллюминаторы проплывающего рядом космического крейсера. Этот гипотетический крейсер, имея город прямо по курсу, прошёл бы его насквозь, – не заметив и не столкнувшись с ним! – так как форма города в обычном мире "искривлена". Опасен же этот город тем, что он находится в области пересечения

траектории планеты Нибиру (Мардук) с Системой Имвульт, то есть Солнечной. Когда-то Нибиру и разрушила Траэаон (по новому – Фаэтон), где проецировался Пертахен Суррь, но городу это не навредило, что доказывает его параллельное существование и *внемирное бытие*. Но так как город состоит из разрозненных астероидов погибшей планеты, то очевидна и его относительная причастность к материальному миру... А ещё есть версия, что *нет никакого города Лабаи Тхун*, и многим (кто ищет город намеренно) никогда его не найти. Потому что *Лабаи Тхун и другие города-порталы не относятся к плотным мирам и их материальным объектам, а есть области взаимодействия этих миров*... точки разрядов, молний, возникающих между объектами в форме параллельных сфер, планет и галактик. На Земле – несколько проекций таких городов, но главная – это Лабаи Тхун, (виртуально) находящийся под одной из австралийских пустынь. Есть под-порталы, через которые со всей планеты стекаются в Лабаи Тхун "*вырванные*" из обычной жизни многочисленные существа: хоны, сильсы, оборотни и прочие-прочие остальные. Никто не знает, как происходит "изъятие" в под-портал, но достоверно известны признаки такого "изъятия" – это огромные очереди на Клондайк в периоды "золотых лихорадок"; многочисленные крестовые походы и паломничества в Иерусалим: однажды Лабаи Тхун принял несколько тысяч подростков, ушедших в детский крестовый поход... Увидев "волшебный город", дети поняли, что, наконец-то, попали в Рай. Есть входы попроще: например, в земном городе Санкт-Петербурге – под главным его островом – имеется многонаселённый портал-пригород, который соединён "пятиминутным" проездом с Лабаи Тхуном (разумеется, с билетом в один конец). *Будьте бдительны: оказия с каждым может случиться!* И каждый может оказаться в числе тех, кто провалился на дно зыбкого сна... и в этом сне внезапно очнулся – перед ним откроется фантастический город, во всём своём многообразном абсурде, ужасе... и красоте. *Буквально вот... зашёл в арку – за мусорный бак по...ать, и на тебе – ЛАБИИ ТХУН!* Трудно представить, но это только начало новой нескончаемой гонки многих несчастных (и редко счастливых), так непонятно, нелепо и ужасно потерявших тёплый диван или такой родной вагон в Приморском метро:

едешь себе и вдруг попадаешь в "космический Вавилон" и в панике бежишь (да нет, – всё ещё едешь!) дальше... и дальше – в погоне за тем мифическим сном, который давно потерян и из которого – говорят – иногда можно проснуться и увидеть полузабытый и навсегда потерянный Рай.

ЛЕШАЙРЫ – в отличие от дриад и корневиков, у лешайров нет определённого дерева-родителя, к которому они были бы "прикреплены" или от которого бы отсоединились: весь Лес им – дом родной. Описывают их по разному: кто-то утверждает, что встретил лесного человека, у которого тело – чёрное, как земля, глаза разноцветные, на голове вместо волос – длинная зелёная трава, а шапки и одежды нет никакой; кто-то рассказывает, что видел маленького уродливого человечка в белых холщовых одеждах, разговаривающего и дарящего подарки. Люди уверены, что "лешаки" очень опасны и могут насыщать неприятности: подберутся к спящему человеку и напустят на него тяжелый сон или, того хуже, – лихорадку; в лесу при виде чужого начинают сильно дуть, поднимая мусор, пыль и листья; сбивают путника с пути, заводят в болото или к медвежьей берлоге... Всё это чужь! И абсолютная правда! Лешайры – или (по-человечески) леший, лешаки, лесовики, – могут принимать любые обличья и, наверное, имеют возможности совершать все те гадости, которые им приписывают люди, но есть одно "НО"... Они никогда не станут этого делать! Спросите хотя бы у старого Илэйш Эшха, – мудрее и приятнее собеседника нет на сто роц в округе! – и он вам ответит своими любимыми поговорками-прибаутками: где дерево, там и гриб растёт; где лес, там и лешайр живёт, а человеческая жизнь мимолётней росы – глупо тратить её на страхи, ведь даже ветер не дует просто так – не легче ли отбросить сомнения и прийти в лес – как к себе домой, с открытым сердцем и добрыми намерениями! – и увидеть лешайров собственными глазами... Больше всего люди боятся быть преданными или обманутыми, а ведь Лес никогда не обманет и никогда не предаст.

МЕРТРОВОЙВЫ – самые обычные покойники, но похороненные – по недогляду, безалаберности или с тайным умыслом! – необычным способом. Каждый знает, что хоронить почившего следует только на тридцать первый час после смерти (по крайней мере, не раньше), дабы душа его,

осознав отсутствие живого тела, могла "собраться с духом" и, сосредоточившись, перейти на следующий план бытия – хик! – и она уже там. В глубокой древности, когда люди не умели считать правильно, отрыв души от тела происходил сумбурно и не вовремя. Люди перерождались неосознанно, часто путая своё предназначение, – рождаясь в миру не человеком, а каким-нибудь другим существом. Так появились на свет кикимрухи, хруммы, хуччи, москитники и многие другие "несовершенные" существа. Увидев эту путаницу, великая Я-Баи воскликнула волшебное слово: "Hva-tit!", но, увы – было поздно: кикимрухи – а также все прочие, такие же, как они, – навсегда остались жить в этом мире. Чтобы подобное больше не повторялось, Ведь-Ма установила строжайшие правила перехода на "тот свет". Точно в положенное время в круглую глубокую яму укладывали тело, соединяя руки и ноги в замыкающий знак Атум. Глаза закрывали тяжелыми монетами с изображением руны Айю. На левую ногу повязывали белый стебель травы Забывтия, на правую – длинный темно-зелёный лист путеводной травы. Женщинам заплетали волосы в девятикратный килт, мужчин же брили налысо. На грудь следовало класть ор-дао, вырезанное из расколотого молнии-ей дуба, а на живот – букет золотого бессметника. Так – и только так! – отправлялся в свой последний путь умерший человек. К сожалению, люди ленивы, беспечны и легкомысленны: уже через несколько тысяч лет они позабыли, что такое "ор-дао", и где растёт золотой бессмертник. Могилы стали четырёхугольными, а посмертные причёски – какими попало. Я-Баи только вздыхала и качала седой головой. Впрочем, люди уже не помнили и саму великую Ведь-Му, ставшую для них лишь сказочным персонажем, обитающую где-то там... за тридцать земель в тридцатом царстве. А зря!.. Однажды, как ей и положено, прилетела планета Мардук. Небо вспыхнуло огнём, высохли реки и вздыбилась земля, а на неблагоприятных кладбищах восстали первые мёртровойвы – несправедные души, которые не смогли осуществить своевременный переход. Мардук улетел, и воцарилась тишь да гладь. Оживших покойников уничтожили, но радоваться было ещё рано: пришествие магар оказало своё пагубное влияние – словно они оставили после себя некое чёрное семя, страшное проклятие, которое просыпается всякий раз, когда

случается большая беда. Ужас и болезни, войны и предательства вызывают мёртрово-войвов прямо из могил. И теперь уже никакая трава или дерево (кроме осины) не способны удержать зловещих мертвецов, жаждущих только одного – новой жизни. Лучшее всего – выпитой глотками из вены пойманного одинокого путника.

МОАНЫ – жители страны сновидений Соррнорм, попавшие туда случайно или с умыслом, но оставшиеся там навсегда. Спящие, одурманенные, наркоманы, безумцы, медитирующие и многие-многие иные, чьё сознание отделилось от брэнного (плотного) тела и унеслось в страну призрачных иллюзий и миражей, ежедневно бывают в Соррнорме и возвращаются оттуда. Но иногда случаются необъяснимые события, когда *тело спящего* (и т.д.) вдруг *исчезает* и более не появляется, – вместо него остаётся лишь пустое место, – *а его душа навсегда удерживается в мире грёз и фантазий – навсегда, потому что ей больше некуда возвращаться.* Эти пленённые души называются "моанами" (пленниками). Первое время они счастливы, так как с исчезновением их тел "там", они становятся более реальными и весомыми "здесь". С этого момента исполняются любые желания пленников, их фантазии материализуются, давая возможность моану реализовать самые тайные свои намерения. В этом им помогают коренные жители страны сновидений – хойши, которые окружают пленников и превращаются в их родных и близких, детей и возлюбленных, великих учителей и обычных животных – в настоящих, осязаемых и живых. Через некоторое время моан уже не может различить: спит он или нет, живёт он или нет, – *окунается без оглядки в происходящее, растрачивая и растрачивая свою душевную энергию* – то, чем питаются и хойши, и их хозяева – зурпарши – властители мира иллюзий и снов.

МОСКИТНИКИ – никто не помнит, откуда прилетела первая оранжевая муха Ме-Ме, но все знают, к чему это привело. Процесс превращения ста двадцати двух Ме-Ме в одного москитника давно описан и засвидетельствован: как только мухи размножаются до нужного количества, их крылышки сворачиваются в трубочки, лапки приклеиваются к брюшку, хвост-жало закручивается в спираль, и все сто двадцать две мухи соединяются между собой в единую живую конструктивную сис-

тему – *moskitnikys orangeys*. По внешнему виду новое существо напоминает крошечного человечка – хрупкого, безглазого и безротого, будто обваленного в оранжевых лепестках вновь расправленных крылышек. В случае опасности его тело тут же вновь разлетается мушиным роем, жужжащим и атакующим. Впрочем, москитники – очень миролюбивы, и если их не обижать, то они никогда не нападают первыми.

ПИАЛЬВИНЫ – необыкновенно красивые птицы, но, к сожалению, самодовольные и глупые. Об их прожорливости рассказывают множество смешных историй и анекдотов. Одна такая история имела весьма непредсказуемый конец. Как-то раз небольшая стая пиальвинов клевала на опушке леса дикий горошек, и вдруг мимо них проковыляла живая коряга – коряга и коряга, ничего необычного, если бы не сочное серебряно-золотое яблочко, висевшее на одном из сучков. Птицы оживились и, толкаясь, бросились на угощение. Несмотря на яростное сопротивление хозяина плода, одному из пиальвинов удалось-таки склонуть лакомый кусок... Это привело к непредвиденным последствиям, изменившим всю дальнейшую жизнь этих самоуверенных прожор: *скушавший яблоко пиальвин превратился в знаменитую "жар-птицу"*. Все самки из его стаи тут же позабыли про других ухажеров, сгрудились вокруг ново-явленного огненного красавца и призывно заворковали. Долгие годы чудо-самец наслаждался своим многочисленным гаремом. Его "жёны" исправно несли яйца – все сплошь золотые! – и высиживали птенцов, как две капли воды похожих на своего родителя. Остальные самцы-пиальвины неоднократно пробовали вернуть себе расположение самок, – но те не обращали на них никакого внимания! – мало-помалу они впали в тоску, от этого стали много есть, гораздо больше, чем раньше, обленились... и постепенно один за другим умерли, от ожирения и скуки. О них никто не горевал, пожалуй, только хуччи с сожалением отметили, что *вкусной и жирной пищи стало чуть меньше.* Потихоньку стая "жар-птиц" разрослась и разлетелась по всему свету. К сожалению, чудесная метаморфоза, изменив внешний вид пиальвинов, не добавила им ума: ловить их было нетрудно, а, учитывая периодические всплески моды на экзотические шляпочные украшения и веера, ещё и весьма доходно, поэтому через несколько столетий их поголовье резко

сократилось. Остались сказки, легенды и несколько десятков живых экземпляров в частном владении. Известно, что восемь "огненно-золотых птиц" живёт в садах Ульдроэля, услаждая собой взор великой лесной Королевы Диллинь Дархаэллы.

ПСЫ-ФУРРЫ – гончие псы Дороги Дорог. Их тела сотканы из абсолютной тьмы; в их груди, как в бездонном колодце, перекачивается раскатистое эхо; в их глазах отражаются падающие звёзды, и в первую секунду кажется, будто они слепы, но потом перестаешь думать об этом как о недостатке, потому что чёрные морды всегда поворачиваются вам вслед. Одним же из самых замечательных качеств этих псов является способность *чуять запах* – не только тел и предметов! – *мыслей, чувств и намерений*. В Ульдроэле обитают двенадцать таких созданий, лучшие из фурров. Они не подчиняются никому кроме лесной Королевы Диллинь Дархаэллы и ранторра Фархрура, старейшего из рода Фархов: запах их чувств и мыслей столь совершенен, что псы замирают в волнении, а потом, коротко рыкнув, склоняют свои головы, повинувшись полностью и безоговорочно. Высочайшим повелением Фархрур был назначен "Первым Охотником Ульдроэля", ответственным за дрессировку и содержание этих невероятных животных. Он утверждает, что псы мысленно разговаривают с ним. Хонам же, которые единственные в это не верят, ранторр с улыбкой добавляет: "Фурры считают, что ваши – человеческие – мысли страшно воняют, сильнее всех прочих". Слышавшие это грольхи ехидно добавляют: "... а самый лучший хон – это хон дохлый: и пахнет, наконец, приятно, и не думает".

РАНТОРРЫ – существа, которые ставят понятие чести выше всех прочих. Их жизнь подчинена служению – Королеве, Ульдроэлю, Лесу, Истине, своему роду-племени и ещё очень-очень многому другому: всё это перечислено и пронумеровано в "Книге Чести", хранящейся у старейшего ранторра Фархрура – того самого Фархрура из рода Фархов, которому подчиняются знаменитые псы-фурры. Служение псам, как принципу поиска Истины, стоит у него в его личном Списке Чести под номером девять. Будучи уже очень пожилым существом, Фархрур, путешествуя по Лесному Лабиринту, записал свои мысли и наблюдения – так появилась на свет знаменитая "Книга

Перемен" ранторров. Впрочем, сам автор позже не раз заявлял, что сии записи *не всегда служат выражением его мыслей, они только дают представление о том, как эти мысли меняются день ото дня. Из одного стебелька может развиваться несколько побегов* – кто знает, сколько побегов*... Большинство разумных существ от рождения лишены совести и чести. Весь трагизм положения в том, что по молодости (аналогично недостатку опыта), прежде чем честь приобретётся, их сто раз успеют обозвать бесчестными негодьями. И весь комизм в том, что, только будучи заклеимёнными, они, наконец, приобретают честь. Всякий ранторр обладает этим качеством с самого рождения: честь для него – строгое искусство, которому он посвящает всю свою жизнь. Фархрур в конце своей книги заключает: "*Честь – как воздух горных вершин – для слабых непереносима. Она, как ещё один неизлечимый симптом жизни – это болезненное стремление находить в лицах встречных отпечаток благородства и совести. Видеть же в них проявление чести – значит смотреть в глаза Вечности*".

РУСАЛКИ – ...Тот, кто считает, что русалки – это утонувшие девушки, *выходящие на берег в полнолуние, чтобы заманить и утащить на дно незадачливого путника*, глубоко заблуждается. Хардур Теользин говорил так: "Правы те, кто в своих фантазиях населяют речное дно невообразимыми существами, ужасными или привлекательными. Они действительно живут там, и самые прекрасные из них – это дочери течений". Светлые потоки порождают русалок-айрий, а тёмные – русалок-эорий. Вода – первооснова всего: и хаоса, и порядка. Она несёт жизнь. Она несёт смерть. Айрии сияют, как чистые струи водопада. Эории печальны и загадочны, как глубокие омуты. Но как бы ни были они различны, в час полнолуния в месяц соловьиного пенья и те, и другие выходят на берег, чтобы исполнить *священный танец конца и начала*. Соединяясь в едином круге, они шествуют друг за другом, взявшись за руки. Лунный свет потоком оmyвает их прохладные тела, искрясь крохотными бриллиантовыми каплями на их плечах и бёдрах. Распущенные волосы почти касаются пят, частично скрывая девушек от непрошенных взглядов... и делая их ещё притягательнее и желаннее.

* – Акутагава Рюноске. Избранное.

Но плохо приходится тому, кто, всё-таки, осмелится тайком подсматривать за танцующими русалками: волосы эорий вдруг оживают, сплетаются чёрными змеями, стремительно вытягиваются, догоняют незваного гостя и спелёнывают его в тугой кокон. Минуту, две... пойманное тело судорожно пытается выбраться – тщетно! Кокон шипит по-змеиному и начинает стягиваться: слышится хруст ломаемых костей, Бульканье, и, наконец, волосы-змеи ослабевают, утомлённо отползают назад – к своим хозяевам-эориям. Те перь к мёртвому телу, выкрученному точно мокрое бельё, подходят айрии. Их волосы – бесцветные, как выбеленный солнцем песок, – тоже оживают: наползают на останки, накрывая их погребальным саваном, колышутся волнами и отползают, оставляя на берегу странное существо – длинное, чешуйчатое, с рыбьей головой и лягушачьими конечностями, – *хрумма*. Одна из эорий приносит *кувшин с мёртвой водой* и омывает ею закрытые глаза вновь созданного существа: его тело начинает светиться и переливаться речным перламутром. Затем одна из айрий приносит *кувшин с живой водой* и вливает немного жидкости в рыбий рот. Хрумм вздрагивает и открывает круглые глаза, – они полны ужаса и тоски! – оглядывает свои перепончатые лапы и пытается кричать, но... *он нем*. Так же, как и рыбы. В полной тишине русалки вновь замыкают свой круг и танцуют вокруг хрумма до первой зари. Опускается утренний туман и скрывает под собой и девушек, и несчастного любопытного – когда-то человека.

СЕЙЕРВЫ – духи полян, чаще всего принимают облик круглолицых улыбчивых девушек с пушистыми кудрявыми волосами и ясными глазами. Сейервы необыкновенно легкомысленны и беспечны: точно цветы или бабочки, они живут одним днём, нежатся и играют, болтают и смеются, поют и танцуют на своих лужайках. Стоит кому-нибудь чужому появиться на заветной поляне, прелестницы тотчас исчезают, оборачиваясь стайкой бледно-жёлтых лимонниц или розовых полигоний, россыпью голубых колокольчиков или цветущим кустом дикой малины. Для того чтобы они приняли опять свой прежний вид, нужно сорвать три любых белых цветка и, дунув на них, произнести: "Аль-биано соррвио... Душа цветка – душа твоя. Лаедрумм сларифэль! Я видеть вновь хочу тебя!" Мгновение – все бабочки, будто под сильным порывом

ветра, поднимаются в воздух и начинают кружиться вокруг чужака, описывая круги по сужающейся спирали. От этого мельтешения начинает болеть голова, и слипаются глаза – на секунду, но этого достаточно: раз – и перед вами стоит и улыбается прекрасная девушка, свежая и яркая, как цветущая поляна за ней. Сейервы не "привязаны" к конкретному месту, как их подруги дриады, но один раз в году – в момент летнего солнцестояния – они должны обязательно возвращаться на свой луг и сливаться с растениями, землёй и насекомыми: так пополняется их жизненная сила. Если в этот день выкопать какой-нибудь цветок вместе с корнями и почвой, унести с собой и высадить у себя в саду, то сейерва, живущая на той поляне, попадёт в полную зависимость от хозяина сада. Это печальная участь, но – слава Лесу! – не постигшая ни одну из цветочных красавиц.

СИЛЬСЫ – высшие изначальные сущности, живущие с момента образования мира, но ему не принадлежащие, пришедшие из-за Предела Вселенной. Основной постулат мировоззрения данных существ – *экономика и мораль*. Именно эти две категории принципиально отличают вид сильсов от всех остальных представителей TRIN-девятого Царства. По утверждению SILS-философии, "моральное благодеяние" – это, прежде всего, экономия времени, польза и рационализация труда, как важного инструмента, призванного "оторвать" стихийных существ, поработанных природой, от власти инстинктов для познания красоты и вершин Интеллекта (Рюн Оске-Сэйос). Казалось бы, что ещё нужно для полноценной картины развития и продуктивного взаимодействия в многообразном конгломерате существ... Но! У сильсов – за бесконечно продолжительный цикл времени – из подобной "прививки" высокой культуры для осуществления (и обеспечения) мира, разума и процветания великого Царства *ничего не срослось*. Тут есть нюанс: всё дело – в бессмертии и иномирности сильсов, в рассматриваемом нами вопросе. Поэтому, сильсам неведома такая важная категория, как совесть, и они имеют туманное представление о любви. Вернее, им известно, что это не просто метафоры, но они считают их чем-то невнятным и не подлежащим их *утончённым рефлексиям*. А, тем не менее, именно эти категории (совесть, любовь) блокируют и отвергают рассудительность и мораль в "экстремале" и безвыходных тупиках;

особенно – навязанную мораль, которая вычурна и удобна для носителей власти, интеллекта и блага. Так как сильсы являются обладателями *относительного бессмертия* (а это значит, что жить они способны хоть полный *Круговой цикл*, но нить жизни может быть прервана через катаклизм либо убийство), то обязаны особенно рьяно соблюдать личную осторожность, быть благоразумными и всячески избегать риска. Подобный стиль, в свою очередь, обеспечивается той же моралью и экономикой, то есть финансовой независимостью, которая автоматически формирует организацию сильсов, как тайную *Надсистему* – своеобразный "*Золотой Легион*", как бы правящий миром и держащий в руках все нити организующей власти. Ещё одна иллюзия сильсов – это благотворительность. Она особенно раздражает смертных разных уровней и степеней, так как блага навязанные и привнесённые "сверху" не несут в себе созидательного начала. Следовательно, эти блага скорее развращают и парализуют нуждающихся, которые, в свою очередь, заимев "хлеб насущный", но не получив истинного (творческого) равноправия и созидательной реорганизации общества, начинают закономерно требовать "зрелищ". Но даже если сильс отдаст нуждающимся аборигенам всё, что имеет (а имеет он, поверьте, в этом мире практически всё, что пожелает) – он, тем не менее, останется чужаком, огороженным *периметром неприязни и притязаний*, потому что блага эти благоприобретены (то есть, *присвоены* "*Золотым Легионом*"), а этим *присвоенным* – гипотетически – обладают, по врождённому убеждению, все. Отсюда: никому не нужна культура и благотворительность сильсов, как верховных существ, а нужно лишь то, что сильс при всём желании дать не способен – это Бессмертие... или хотя бы его эликсир. Поэтому сильс, достигнутый *на-сильс-твенной* смертью, есть "козёл отпущения" всех смертных существ. Статистически: смерть настигает бессмертного сильса раз в тысячу лет... Ну что тут сказать? Для человека жизнь – надежда и ноша, смерть же – обыденность; для сильса жизнь – это тревога и приключение, а смерть – приговор.

ТИТРУСЫ – обычные пурпурные двухвостые тигры Цальпы. В знаменитых строках Лэ По *тигр* – это пурпурное пламя и непреходящий архетип Зла. Лройх'н Доор Шиир же видит в них символ изысканной мощи – всё-таки, нет абсолютно точных слов,

которые давали бы представление о тигресе, этом образе, издавна волнующем воображение человека! – и говорит, что его всегда неодолимо влекло к этим животным. Однажды, проходя по подземному лабиринту Ра-Руха, Лройх'н увидел один великолепнейший экземпляр – взрослого самца-тигра, – застатбилизованный во временную капсулу. Несколько часов провёл путешественник около зверя, рассматривая объект своего Интерес... с восхищением и глубочайшим состраданием: столько жизненной силы таилось в мощных лапах и немигающих опаловых глазах!.. Позже – выкупив, оживив и приручив пленника, – Лройх'н Доор Шиир ни разу не пожалел о своём порыве: пурпурный Байху стал ревностным стражем и верным спутником своего спасителя. Сей случай – беспрецедентен, ибо тигры не поддаются ни жесточайшей дрессировке, ни магическому гипнозу.

ТЯСИ'ННИКИ – болотные существа, слепленные из комков твёрдой грязи, переплетённые камышом и осокой, обросшие мхом и тиной. Трясинники могут погибнуть, лишь высохнув и рассыпавшись на солнцепёке, поэтому они редко вылезают из топей, предпочитая торфяному болоту с глубокими чистыми окнами-водьями болото трясинное, зыбкое, жадно засасывающее любого, кто попадает в его лоно. Дождавшись, пока утонувшее тело пропитается грязью и размякнет, трясинники оттаскивают его кикимрухам на угощение – в обмен на драгоценные камни, которые они вмуровывают в свои вязкие тела – для прочности и красоты! Трясинники непροлазно глупы: кто же увидит самоцветы в густой тёмной жиже?

ТЭЛЬЛИИ – волшебные существа, принимающие форму молодых, завораживающе красивых девушек или женщин. Тот, кто хоть раз видел тэльлию, не забудет её никогда. Тот, кто не видел, часто пытается выдумать себе прекрасный образ, который мог бы возвысить душу и усладить тело. Тэльлии так же различны и многогранны, как сама любовь. Среди них есть *высшие тэльлии*, которые поднимают своего возлюбленного до невысказанных высот... *когда душа поёт и переполняется тем неопределимым чувством, от которого хочется жить, петь, творить и отдавать*. Большинство же тэльлий беззаботны, циничны и очень чувственны – они *предаются любви*, как бесконечному эксперименту, доводя своего партнёра

до исступления и апатии, до приливов нежности и ярости. Через какое-то время бросить их уже невозможно: общение с прекрасными гуриями – как наркотик: незаметно и всепоглощающе они овладевают сначала телом своего возлюбленного, а потом и его душой. Но есть *тэлли* – лёгкие, как облака, восхитительные, как рассвет, и опасные, как сама страсть, – "эфирные гурии", которые действуют через сны и мечты. Многие, очень многие из самых разных существ привыкли подменять свою реальную жизнь мечтами и фантазиями, и даже занимаясь "любовью" со своими партнёрами, они не могут остановить поток мыслей, замещая настоящую возлюбленную воображаемой тэллией в воображаемой ситуации. Несколько конвульсий в конце, несколько вздохов-криков... Глупцы! Они считают это – любовью! На самом же деле, они безвозвратно теряют жизненную "чи", не получая ничего взамен. Более того, внутри них растёт необъяснимая злость, которая приближает смерть. Насколько проще всё у тех существ, которые, точно звери, отдаются акту близости, как всплеску эмоций, не думая, а чувствуя: они ничего не теряют, оставляя свою жизненную "чи" в равновесии. Им тэлли не нужны. Но существуют отношения в любви, почти недоступные, лежащие за областью рассудка, за областью чувств. Их результат – не удовольствие, а "вспышка", взрыв энергии, который нельзя назвать ни приятным, ни неприятным – происходит то, что выше и наслаждения, и страдания. Высшие тэлли так говорят об этом: *"Вознесись к небу, стань росой, упави камнем, прорастаи цветком – слейся с миром! Поток Любви везде – слыши в нём! Растворись в своей любимой, раствори её в себе: любить – это отдавать, любить – это принимать! Будьте одним целым, и только тогда вы будете счастливы... Отказ же от желаний возможен только через их удовлетворение. Подавляя в себе желание, вы делаете его лишь сильнее и, в конце концов, становитесь ходячим неудовлетворённым желанием. А правильно осуществлённое действие повторить не хочется и вы, наконец, свободны от него. Обращайте внимание на то, что приводит вас в смущение, на какой-то момент времени дайте волю своим фантазиям, но обязательно их реализуйте... Но самое главное – никогда не делайте то, к чему вы равнодушны, и не причиняйте страдания другим!"* Они с возмущением отзываются о силах, которые возвели любовь в так называемый упоительный возбуждающий полёт, полный тайн, опасностей и щедрых неожидан-

ностей – в игру, почти равную игре в Экт, но подчинённую строгой логике и расчёту... Разве можно просчитать любовь?!.. Конечно! – ответят их сестры "низшие тэлли". – Хотя, что такое любовь?.. "Вечный рахх-шат вдвоём с любимой", – скажут вулфы. "Нежность и преданность", – добавляют фианьюкки. "Любовь – это краткий миг непереносимого счастья", – возразят виликойши. "Это шторм и штиль, приливы и отливы", – лукаво улыбнутся дэльфайсы. "Любовь – это землетрясение!" – воскликнут гномы... Впрочем, каждый ответит по-своему и, наверное, будет прав и не прав. Что ж, даже тэлли не знают всей правды, а если и знают – то никому никогда не расскажут.

УЛЬДРОЭЛЬ – в ткани пространственного Бытия есть разумный пятимерный Виман (корабль); многомерный и многоуровневый Дворец. Многие называют этот Дворец "Белой Дырой", так как одно из Его свойств – не только перемещение, по горизонтали или вертикали, из одного мира (слоя, измерения, плана) в другой, но и движение во Времени, а так же свойство "всасывать" в Себя всё, что относится к гармонии, Свету, прозрачности, лёгкости и естественности. Противоположные же свойства Он отторгает, и тут ничего не поделать, как бы некоторые не пытались. Ульдроэль – сам по себе, без "буйка" или якоря на Внешнем плане, является для Мира отрицательной системой и, если неправильно "заземлён" или атакован какой-либо силой, способен аннигилировать окружающее окрест пространство на 1000 тарр, поскольку, по природе своей, не принадлежит к материальному Внешнему миру. Значит, Ульдроэль относится к Тайне Мира, и имеет непостижимую кодировку (привязку) во внешнем, физическом плане. Так же, Ульдроэль можно сравнить с ковчегом – спасательным кораблём, прилетающим в некий гибнущий мир (или пребывающим в этом мире в качестве Дворца, Горы, волшебного Города или Леса), чтобы принять "в Себя" самых разных существ, достойных спасения, но при этом, обязательно избранных. Его основная форма – вытянутый волчок, до трети погружённый в тот объект, к которому Его принёс Космический Ветер.

Предания повествуют, что Ульдроэль не сотворен какой-то древней расой, а существовал с момента сотворения Мира – это значит, что Ульдроэль невозможно просчитать, преобразовать либо предсказать Его Путь... Он парит во Времени, доказывая своим

бытием присутствие Разума во Вселенной, которая, чтобы быть обновлённой, обязана непрерывно себя разрушать. В мирное время Ульдроэль, в зависимости от условий, форм и восприятия существующих цивилизационных культур, пребывает в образе *Дворца-Города*, который имеет огромное количество жилых уровней, ярусов и меж коммуникационных пустот на вакуумной основе, что способствует сохранению нематериального статуса Ульдроэля, как *пятимерного Вимана*. Так называемые внутренние пустоты намного больше не только обитаемых *сфер-уровней*, но так же и самого Ульдроэля, что никак не отражается на Его форме, размере и обитателях. Однако именно эта особенность придаёт Виману свойство "*видимого покоя*" всей сложной системы в материальной плоскости Мира. Ульдроэль похож на вытянутый волчок из трёх частей-сфер: остроконечный волчок, вертикально стоящий на острие верхней половины от другого волчка, покоящегося на две трети ниже уровня земной или водной поверхности; это как если бы на мексиканскую пирамиду, уходящую вглубь земли, поставили б перевёрнутую пирамиду Хеопса, а затем водрузили на неё ещё такую же пирамиду-двойника, но уже остриём вверх (см. рис.). В самой верхней части "волчка" пребывает разум Сущности-Ульдроэля, в центре нижнего яруса которого стоит Трон Королевы и находится её окружение – немногочисленные *избранные*. Во второй части "волчка" (покоящегося на острие "пирамиды" выступающей из земли) расположены жилые и административные уровни Ульдроэля: здесь обитают, трудятся и празднуют все существа, имеющие физические формы проявления. Вокруг этой части "волчка" – на земле, прилегающих горах или на воде – высится заколдованный *Лес-Город*, в котором так же живёт многочисленное население – из тех существ, которые имеют право бывать в Ульдроэле (правда, только на первом ярусе второго уровня): по долгу службы или на карнавалах-приёмах. Единственный разумный вид, не имеющий право входить в Ульдроэль, – это *хоны*... искусственно сотворенные и являющиеся неким экспериментальным проектом или плодом непредсказуемых флуктуации. В третьей части, самого нижнего "полу-волчка", что как бы торчит из земли, находятся – над уровнем поверхности – хранители Ульдроэля, полуматериальные-полуэнергетические существа...

страшные и великие. Ещё ниже – ниже черты от уровня поверхности "полу-волчка", обитают призраки – проекции-отражения тех существ, которые живут в верхних уровнях волшебного Города Жизни.

Заземление *Дворца-Города* являет собой сложнейшую оккультную тайну, о которой лишь силсы способны рассуждать на языке древних формул. Тема закрыта и строжайше для всех засекречена. Сложно уяснить пребывание в состоянии относительного покоя на грубом физическом плане многомерной системы – пятимерного Вимана. Повторюсь: это как-то смутно связано с "активацией" вакуума в состоянии "закольцованной" массы покоя в условиях гравитации ($E = mc^2$... Альбэр Сильс'штейн). Когда происходит трагедия или какой-либо катаклизм – природный или же техногенный, – Ульдроэль активизируется и начинает "вбирать" в себя те формы жизни, которые соответствуют Его непостижимому тесту... и с "новым содержанием" залегает – либо на дно Потопа, либо поднимается в космос, где парит, сколько необходимо (до окончания Потопа, мора, пламени разрушающего огня, или пока агрессивная форма жизни не обнулит сама себя: например – саранча (а может, и сами *магары*), после того, как *всё поела, что было живого вокруг*). И хотя Ульдроэль является чем-то абстрактным и чрезмерно глобальным для обыденного восприятия (не то призрачным городом, не то "застывшим вихрем Торнадо"), а на внешнем плане имеет около девяти километров в диаметре и ещё 100 километров *защитной черты*, Он способен любить, как отдельно взятое существо... Хронологии утверждают, что давным-давно появился странствующий Ульдроэль в Системе Имвудт (Юпитер-Солнце), и полюбил голубую планету Земля, которую, в ближайшее время, ему предстоит в очередной раз спасти... её и всю её вселенскую красоту.

ФИАНЬЮ'ККИ – древняя раса фиа – учителя, секретари, хранители знаний, знатоки языков и обычаев – небольшое их количество до сих пор живёт во дворце лесной Королевы Диллинь Дархаэллы. Самый знаменитый из них – это Айт Яэйстри, переживший и позднее описавший свои невероятные приключения. Сам он, пожалуй, уже никому ничего не расскажет, лишь, потупившись, улыбнётся. Зачем озвучивать то, что давно доверено книжным страницам? Слова – почти что сама жизнь; одно слово способно разделить любовь и ненависть,

жизнь и всё остальное, и парадокс – никто не знает его... Никто не знает, каким оно будет следующий раз. Айт Яэйстри нашёл – своё слово, спасшее из бездны отчаяния и вернувшее его назад, в мир – к возлюбленной... в бесконечности звёзд на ночном летнем небе, над чуть слышно шелестящей тёплой густой водой прикосновение любви – прикосновение, для которого нет ещё слов, глоток абсолютной свободы, предел, что ещё не достигнуто... Любовь?*

ХАРДУРЫ – сяни (сянь-сяо-сю) нечеловеческого происхождения, обитающие в заоблачных высотах и могущие пребывать там вечно, но ввиду своего единственного несовершенства – любопытства – кратко-временно отягощающиеся жизнью и выпадающие на землю семицветным дождём, переходящим в земную форму – "хардур". Их радужные тела ненадолго сгущаются и – в наказание или в награду – получают способность странствовать и утолять свой порок с тончайшими оттенками и наибольшим размахом. Одно дело – "знать всё", и совсем другое – "познавать всё": целое, по частям, вдыхая, вкушая и осязая каждую частичку, каждый звук, каждое дуновение ветра, смех, слёзы, боль, негу, запах скошенного луга и сгоревшей лепёшки, необратимую тоску потери или радость первой встречи – всё это, пропуская через себя... Хардур Теользин, найденный в младенчестве одним странствующим сянем во время Искайской холеры близ вымершего замка Эн сидящим и играющим среди трупов, считался исключением из правил, почти ошибкой, придатком, прикрепленным, но – хоть, по уже известной причине, был оставлен и воспитан настоящим хардуром, – *сянем, как учитель, так и не стал*, на небесах бывал всего два раза, кстати, там ему не понравилось – скучно! – и, будучи наделён бесконечно долгой жизнью, тратил её на сочинительства и описания событий, коим он был свидетелем. С большим рвением изучал нравы и обычаи, окунаясь в них, так сказать, с головой: рассказывают, что, живя вместе с вийями, он пил кровь, правда, вийи, отдавая ему дань уважения, подавали её в бокале – горячую, с высокой розовой пеной и густым солёным запахом; попробовал и вкус живого мяса, как зверь, вырвав его из ноги несчастной жертвы, – какой-то непутёвый парень забрёл в развалины в поисках

клада, – долго жевал, вдумчиво прикрыв глаза, будто вспоминая что-то давно забытое, глотать не стал, выплюнул, после чего свернул молодцу шею. Вийи истерично, протестуя за визжали (они не сосут мертвечину) и, забыв о недавнем почтении, бросились на хардура. Тот – хладнокровно, с лёгкой досадой, будто отмахиваясь от назойливых мух Ме-Ме, – ребром ладони зарубил их всех, потому что *никогда не считал себя виноватым...* Он жил по очереди у каждого, кто попадался ему на пути, *будто перелистывал ещё ненаписанные страницы*, кропотливо заполняя чистые листы, исправляя – как он сам говорил, – недопроявленность бытия. Предлагали убивать – он убивал, молили о воскрешении – он возвращал из мёртвых. Ни то, ни другое ничего не меняло в жизни встреченных им созданий: Теользин был лишь средством, а не творцом. То, что когда-то задумал его учитель, оказалось невозможно изначально – *сянем не стать, им только родиться!*

ХИЙСЫ (РЭЙВИЛЬРАЙДЕРСЫ) – самые удивительные драконы-оборотни, когда-либо жившие на земле. Как правило, у них несколько голов и огромное туловище, покрытое жёсткими блестящими пластинами. Два кожаных крыла легко удерживают могучее тело в воздухе: истинный хийс способен несколько дней не приземляться для отдыха, не пить, не есть и не спать... *Истинных хийсов больше не осталось. По крайней мере, в этом мире.* Наверное, теперь уже никто не скажет, куда они улетели. Впрочем, вполне возможно, что речь идёт о выживании или забвении; правда ли, что необходимо проделать сложнейший путь по кругу, чтобы вернуться* к пониманию смысла жизни, как советовала, кажется, древняя Я-Баи? Неизвестно... Глядя в бескрайнее голубое небо над головой, вдыхая прохладу утреннего ветра, не без оснований можно считать, что величие хийсов в том, что не сохранилось ничего после их ухода.

ХОЙШИ – коренные жители страны сновидений, иллюзий и миражей – Соррнорма. Хойши *сами не видят снов. Они не приходят к кому-то во сне* – ни в виде врагов, ни в виде друзей, ни птицами в лесу, ни каплями росы... Говорят, что их когда-то обнаружили в Соррнорме зурпарши, как забытых кем-то котят, оставленных в корзинке у парковой скамейки. Зурпарши не знают

* – Алексей Стригин. *Tropical soul*.

* – Шамшиад Абдуллаев. *Двойной полдень*.

чувства жалости – несколько испуганных существ, стремительно меняющих свой внешний облик, заинтересовали их и... более ничего. С этого момента хойши получили дом и защиту, взамен – они создают вокруг моанов весьма материальный и убедительный мир, превращаясь в того, кого хотят видеть пленники Соррнорма. Жизнь моана похожа на коробку спичек: обращаться с ней серьёзно – смешно, обращаться не серьёзно – опасно (своим буйным воображением моан может разрушить страну сновидений). Кто-то должен контролировать фантазии пленников, контролировать самих пленников, следить за ними и ублажать их – до тех пор, пока их силы не истают, *отданные на благо великой и бескрайней страны снов и иллюзий. И эти кто-то – хойши.*

ХОНЫ – хорцы, чиооки, человеки, Homo Sapiens, – люди. По иерархической шкале силса Йафэй Риста Хросса занимают пятую нишу снизу и двадцать седьмую сверху, считаются низшими существами и не допускаются в Ульдроэль дальше превратной черты. Живут недолго, в среднем около семидесяти лет, и тратят отмеренный им мизерный срок расточительно и неосознанно, полностью завися от физиологических потребностей своих тел... Впрочем, если заглянуть в большую Лесную Энциклопедию (на страницы 108 – 117), можно найти исчерпывающую информацию обо всех неординарных представителях этой ниши – весьма любопытную, начиная с Пантака Ди, известного ученого и философа, чьё имя внесено в мировую книгу Ги де Сса, и заканчивая Шварцем (не герром), доказавшим, что беспримерная физическая сила прекрасно может сочетаться с недюжинным умом и обаянием. Однако многие подозревают, что любой из этого списка не является чистокровным хоном (хорцем, чиооком и т.д.) и поэтому не может служить смягчающим обстоятельством-примером для остальных людей (чьи поступки не заслуживают даже осуждения). Раз в сто лет сочувствующие им дриады, дэльфайсы, лешайры, корневики и др. (в основном, лесные существа), несмотря на всё зло, которое приносят им люди, пытаются изменить сложившуюся ситуацию: воздействуют на отдельных субъектов или даже на целые сообщества – как правило, с ничтожным результатом.

ХРУММЫ – подводные существа с рыбьими головами, чешуйчатыми телами и перепончатыми лапами. Хруммов создают из людей русалки, используя эффект кокона и живую-мёртвую воду, хранительницами которой они являются. Светлые русалки-айрии (хранительницы источника живой воды) считают, что тех, кто пришёл тайком посмотреть на их священный танец, стоит лишь хорошенько напугать, но их сестры – тёмные русалки-эории (хранительницы источника мёртвой воды) – с ними категорически не согласны. "Глупость, которая питается алчностью или праздным интересом, достойна, в лучшем случае, смерти! – утверждают они. – Мы же милостивы: пусть живут глупцы! На благо воды и её обитателей!" Люди так и попадались бы в волосяные путы речных дев, не зная о том, куда запропастились их предшественники, но однажды одна молодая айрия влюбилась в купавшегося юношу, который, к слову сказать, был не больше, не меньше – местный принц. Тот, как и следовало ожидать, ответил её пылкой взаимностью. И всё бы было ничего, но – о, неистребимое людское любопытство! – он решил узнать, что делает каждую ночь на берегу в глухом лесу столь юное и прелестное создание. Легко догадаться, чем окончилось его ночное приключение: новый подводный хрумм пополнил собой подводную коллекцию русалок. Айрия чуть не умерла от горя, правда, довольно быстро собралась с духом и отправилась к мудрой Я-Баи – благо, её избушка стояла на берегу речки – за советом и помощью. Неизвестно как, но маленькой русалочке удалось тронуть сердце старой Ведь-Мы, и та дала ей волшебный пирожок для бедного влюблённого. При этом старуха качала головой и грозила пальцем, приговаривая: "Есть две бесконечности – Вселенная и глупость. Впрочем, я не уверена насчёт Вселенной... Обидно, конечно, когда твои мечты сбываются у других, но тебе, *глупая девочка*, придётся с этим смириться: *твой любимый будет, как прежде человеком, но никогда уже не будет с тобой. Ты согласна?..*" Айрия молча взяла пирожок, поклонилась в ноги великой колдунье и со слезами поплыла назад, удивляясь, что та не попросила ничего взамен. Можно написать целую книгу о том, как русалочка, всё-таки, освободила превращенного возлюбленного и вывела его на знакомый берег. Там она скормила ему целебный пирожок, и – каково же было

её изумление! – вместо прежнего юноши перед ней предстала симпатичная девушка, румяная и веснушчатая. В небе прогремел гром, – будто где-то далеко рассмеялась Я-Баи, – юные девицы, опешив, уставились друг на друга... Старая Ведь-Ма выполнила своё обещание, но в чём-то даже она иногда ошибается: прелестницы продолжали встречаться, предаваясь забавам всё на том же речном берегу. Постепенно к ним привыкли, прозвали "лесными биянками" (биянки – речные однополые рыбки, которые сами мечут икру и сами же её оплодотворяют) и даже приставили к ним старого змиурра – охранять от случайных прохожих: девушки были абсолютно счастливы и совершенно беззащитны... Однако спасённая, всё-таки, предупредила других людей о том, что не стоит гулять ночами по берегу, тем более, около танцующих "утопленниц". Число новых хруммов резко сократилось, но русалки даже не обратили на это внимания – они нашли себе другое развлечение: вот уже несколько сот лет как их допустили на празднества в Ульдроэль, где они могут танцевать не только ночами, но и днями – напролёт.

ХУ'ЧЧИ – пауки-вывертыши, большие двенадцатилапые пауки – размером с взрослого вулфа, – способные выворачиваться наизнанку: на брюшке каждого хучча есть длинная щель, склеенная паутиной. Когда пауку необходимо принять другую – свою вторую – форму, он когтистыми лапками очищает от липкой нити щель и, крепко взявшись за её край как бы – точно рубашку – снимает с себя свою плоть, но поскольку все ткани и органы крепятся у него к позвоночнику, получается, будто он выворачивает себя наизнанку, как одежду, у которой внутренняя сторона похожа на внешнюю. Суставчатые лапы складываются и убираются в новом животе, освобождаются две ноги и две руки, вытягивается голова, лицом похожая на человеческую, и... проходит всего несколько минут – перед вами стоит молодой паренёк, худощавый, чуть бледный – хон и хон, каких тысячи! Отличается он от настоящих людей тем, что если ударить его по затылку, его глаза выскакивают из глазниц на тонких подвижных шнурках, а ладони практически всегда чуть липкие от "пота". Хуччи питаются существами с тёплой кровью: зайцами, птицами, кошками, небольшими собаками и т.д., но говорят, что в полнолуние пауков-перевёртышей охватывает безумие, и они

способны напасть на человека. Если учесть, что хуччи очень любят бывать среди людей, то... Вывод делайте сами! Будьте внимательны: при новом знакомстве рукопожатие – влажная рука, поданная точно дохлая рыба, – может поведать и предостеречь очень и очень о многом!

ЧОТТЫ – рогатые, хвостатые создания, чьи мускулистые плотные тела поросли короткой темно-серой шерстью, вьющейся "мелким бесом" подмышками и в области паха. От колен мужские ноги чотта переходят в козлиные и вместо стоп оканчиваются широкими раздвоенными копытами. Член у него гибкий, лысый, длинный, как змея, и оканчивается безглазой гадючьей мордой. Во время работы чотт завязывает его узлом и закрывает жёстким кожаным передником: чтобы раскалённые брызги из кипящих котлов не попадали на обнажённое место. Работа состоит в том, что чотты управляют так называемой "каторгой": встречают вновь прибывающих "преступников", подвергают их дополнительной проверке (дабы избежать наказания невиновного), затем разделяют их на группы – подлежащих мумификации и не подлежащих. Последних обдирают до костей: мясо – в котлы, кости – в кучи. Об огромных чоттовых котлах стоит упомянуть отдельно: в них кипит и варится плоть преступников, их грехи и злоба, ненависть и гнев, чёрные помыслы и жажда убивать – столь крепкий замес, что сила его поистине колоссальна. Если бросить в котёл невиновного – варево отторгнет его, как инородного себе: несчастный не утонет, будет вытащен чоттами из котла и сложен в специальные кучи для повторного разбирательства (раз в десять лет на каторгу с инспекцией прибывают йокли). Если же кого-нибудь напоить из котлов варевом, то его душа будет поглощена чоттами, а его тело постепенно усохнет и превратится в живую мумию. Как ни странно, многие согласны на эту участь и даже гордятся подобным выбором – выпивая ежедневно чашу чоттова варева, такая мумия может жить бесконечно долго. Естественно, ничто не даёт просто так: в свою очередь новоиспечённые должожители – загрэшты – поступают в полное распоряжение своих хозяев – чоттов. Находясь в зависимости от волшебного варева, загрэшты выполняют свою часть работы с "нечеловеческим" рвением: они охраняют и проверяют близлежащие к каторге коридоры подземного лабиринта,

ловят беглецов, сортируют и складывают кости, наводят порядок среди ожидающих свою очередь в котёл, наказывают ретивых и несогласных и... развлекают чоттов, периодически устраивая показательную охоту на какого-нибудь строптивого пленника. Чотты весьма благосклонны к своим услужливым рабам: они находят их полезными "делу чистилища" и позволяют им очень и очень многое, закрывая глаза на некоторые их омерзительные "шалости": рабам ведь нужно не только хлеба-рево, но и зрелища, а коридоры лабиринта безграничны, крики несчастных жертв развлечений загрэштов не тревожат слух чоттов, не отрывают их от работы – а процесс нескончаем: не иссякает очередь к кипящим котлам, никогда не утихнут бури страстей и желаний в сердцах живущих... *Не дай вам Врахх, к чоттам попасть! А дашь им волю, так душу с нутром заберут и не спросят.* Если фианьюкка поместить в неволю – он погибает, что же касается чоттов, то им, наоборот, воля противопоказана, так как они становятся одержимыми, буйными и свирепыми... и из них вырывается на свободу вся плотская страсть, какая только возможна в нижнем и верхнем мирах. А поскольку у чоттов нет от природы внутреннего ограничения на инстинкты, то через какое-то время (а точнее на сотый день) "бестии" выдыхаются, как от непрерывного гона кобели, и порой издыхают прямо на блудницах в дни оргиических сатурналий. Это касается не всех чоттов, а только тех, которые молоды – по пятьсот лет, не более; взрослые – философски предпочитают быть у котлов. Но в дни великого лиха, когда сдвигаются пласты горных пород от мировых потрясений, и обнажается "каторга" – все чотты вырываются наружу и начинается вакханалия, бойня, погром. Так уже было не раз – и так будет, поверьте... особенно, когда нагрянут магары. Иногда, в дни чоттовых дюжин, чотт выбирается из подземного лабиринта и поставляет в низовые трактиры излишнее "варево" (а его мало никогда не бывает) в обмен на креплённый абсент и канабис, поэтому одно из имён чотта *ишишло*, либо *ишишига*, что зеркально – *гашиши*; а так же доставляют чёрно-коричневый студень в притоны – "за вечную красоту", в обмен на чесания и утех. Отсюда, среди хонов и пошёл приговор: *чотт не чотт, а мумиё – вот!* Но главное знание о чоттах давно уте-

ряно в сгустившемся невежестве страха поздних эпох – это их тяжелейшая миссия: очищать мир от мерзости, а настоящая мерзость та – загрэшты. Посему в апокрифе сказано: *"Чотт тесаком по-кости, а духом в кро-тости... и да не суетумдро сие"*.

ЗАГРЭШТЫ – наимерзейшие существа, которые только возможны среди жизненных форм. Их обитание ограничено "каторгой", но если им удаётся проникать на верхние уровни – что ж, в мире возможно ещё и не такое! – то это величайшая опасность для межвидового равновесия и здоровья других существ. *Загрэшты – это зараза* страшнее лепры и "позднего СПИДА", и силы эта заразы необыкновенной, в виду многовековой концентрации всего худшего, что проявляется в многообразно-разумном – особенно в хонах. Правду сказать, загрэшты – единственное, хотя и вынужденное творение чоттов: кто-то же должен прислуживать подле чоттова "варева"! Загрэшт избирается из худших "преступников", а это, как правило, убийцы, Маньяки, сутенёры и прочее мировое отребье. У загрэштов имеется вождь, но его кличут не персонально, а "Нашихчоттовагрэшт", что в соответствии с человеческим – "Беса нашего дурень". Сильсы классифицируют загрэштов, как *Hyoscyamus Eages* (термин обширен и намекает на пепельный цвет проступающих сквозь прозрачную морщу костей) – *белёсый мертвец, дурь белёная*, блажник, бадяк, шалтун, шалей, дурняк, дурностой, куцийнос и др. Так или иначе, *а всякого загрэшта – насись!* (по ветхому – *избегай*), ведь этот "продукт распада", не лишённый остатков ума, *чрезвычайно живуч и заразен...* и во всех отрицательных смыслах. В имеющемся перечне "Старательных душегубов" откровенно указано, что *легче всего со Свету изжить фианьюкка (принудительным разрывом Серебряной нити): достаточно совершить "ветрогон"* (пустить ветры, а попросту – воздух испортить... и фианьюкку конец!); *далее: хона колошматить – пестом; чотта – (Фатш Гунном) крестом, а вот загрэшта – не изжить ничем и никак!* На том держится страх перед Всеобщим Концом, когда вырвутся на волю заразные загрэшты и инфицируют всё живое "Неведомой лепрой", и не будет спасения никому, кроме тех, кого примет в себя спасительный *Ковчег Ульдрозль*.

СПИСОК ИМЁН - "РЕК"

(Континуальный catalogue)

Уп о м я н у т ы е ниже люди (хоны, хорцы, чиооки и т.д.), сильсы, фиа, грольхи, гнорли, черхадды, дриады, гуурсы (наземные йокли), лешайры, дараины, дэльфайсы, вар-рахалы и многие, многие другие, к чьей мудрости и опыту я прибегал, перечислены здесь:

Артур Муратов (Artur Murat-V, род. XX век – край) – поэт, художник, музыкант, мастер системного преферанса, большую часть жизни пребывающий в Ом'ска'э, рядом с *Куадерна Виа* – Дорогой Дорог. Однако для своих дуль'риксов предпочитает Лабиа Тхун и пронзённое...
стихотворение Столба

Воздуха

над этим Листом. (Эст.) 3 Ати Мью Эт.

Вий'Эс Ли-Thral (Sylvia Plath, 1932-1963) – американская поэтесса исповедально-ирреального финкста. Критика суицидальности финала Сильвии необъективна в свете "тайны бинера" проявления двумерной сущности поэтессы, к тому же, в подкорке – тенденциозно – дэльфайсы. Следует намекнуть, что её "закрытие двери" на высшем уровне зафиксировано положительно, ведь *обнажённость души – ещё не вина*.

Раны трогала я свои,

Сердце слушала –

Вот рас-PLAT-a.

Подпись: *Ledy Lazarus* (восстающая из мёртвых).

Высоцкий + (Влади = Мир) / 007-Ч (Visotski Vladimir, 1940 - 1980) – Москва... Париж. .. Los-Anxeles... Таити... ДессаЛебеда.

А С-Рок-А было Со-Рок / Со-Рок (V).

Генри Уиллер Шоу (1818-1885) – юморист и сатирик с Запада (Заокеанский Дуат), видевший забавное даже в смерти. Говорят, над последней его шуткой* они хохотали вместе, впрочем, как знать, может быть и сейчас они ещё более весело проводят (ТЕМ) Время... (НЕМ) *надобно что-то делать***.

Херберт Смеркадзе "Цивилизация и Танатос"

Герберт Маркузи ("Козье пастбище... *Не имеет надежды!*")

Ллойд – Джордж, Дэвид (1863-1945) – валлийский государственный деятель. До сих пор не решён вопрос его родовой принадлежности: сильсы, гуурсы и дриальды одинаково считают его своим ближайшим родственником. Было бы занятно услышать собственное мнение Джорджа, но, *увы...* Однако его стремление безжалостно искоренять в когорте патрициев "лузгающих халву" в сенате (на Альбионе, тождественно – лордов), даёт нам намёк на Ллойда, как инкарнацию *сильса*, ибо только сильсам свойственно *ходить* избыточно и... по-большому, интеллектуальной нуждой, которая в мире людей проявляется как – *политика* (со-образно). Здесь: не *Увы*, но – *Вау*.

Лройх'н Доор Шиир (Lroyh'n Door Sheer, род. 0691 – утро, Хрустальный Берег Кембрия) – поэт, философ, путешественник, автор знаменитой (не только в троично проявленном мире, но и в смежных слоистых гройдерсах) поэмы "Ор-Дао" (ОА-DaO), изменившей всеобщее восприятие внесистемного Экт(a), как общедоступного и не требующего перевода способа "KinReyK" общения. Не имеет постоянного места жительства, предпочитая спонтанное творческое реатральсирование.

Когда-нибудь,

любимые глаза

Тебе откроет та,

что пела вслед.

* – Шутка Бинера: Грольх, учуявший запах цветов, обязан незамедлительно оглянуться в поисках гроба. (Роза + Крест)

** – ТЕМ (ТеНЕМму) и НЕМ (Те-НЕМ-уит) – пара др. египетских божеств Хаоса: Мрак и Исчезновение.

*Разбила Зеркало
обида (древних лет)
От Времени
Замерзшая
слеза.*

Интендно... к *Бабочке*, что всегда рядом (Из детства – "Не за горами").

Луис Сернуда (Luis Cernuda, 1902-1963) – поэт, начавший свой путь в рядах Xir-s реалов, но уже в начале постдекаданса, по его собственному признанию, убедился в тривиальности и искусственности, в которую неумолимо выродился Xir-s Relizm, превратившийся, однако, в лёгкий финкс'т In-Go*. В итоге, эмигрировал в Испанию, где неустанно *пре-по-давал... подавал... давал* либрацию слова.

Считается, что умер в Мехико... и живёт...

*В тёплом лоне
Собственной... силы
...ещё незна(я) ...т...лений
Он ... знает., за... нами Время...
жизнь.....таил...а... Во мгле –
жемчужина зреет.*

Хотя лет десять назад (во втором внимании...) на маскараде у Королевы дриальдов я встречал кого-то на него очень похожего, в компании Хуана Матуса, натурально.

P.S. Перед "уходом" подарил безвозмездно Antes de irse – Лишь синевы кусок... От неба твое (Го).

Лэ По (Le-Po, 345-1587 г. н. э. + дарованные Небесной Канцелярией 338 лет за заслуги, что составляет "11 циклов Сэтарна**") – поэт, философ, мечтатель, учитель и практик *Динамической Непричастности*. Вся его размеренная жизнь является ярчайшим произведением искусства и наимудрейшим примером безупречного действия, которое превосходит самое себя, рассеивается в необозримо-пустотной среде всего сущего и внушает откровение предельной целостности мира – *Великой Пустоты*. Главное свойство Лэ По – *прозрачность*: небесная бездна светится сквозь него.

*О, плод утраты!
Неотвратим,
как печаль...
увядания.*

...Начертано неповторимым Лэ-По (теплом последней воды, отпущенной мочевым пузырём), на नेताющей *льдине Времени*, плывущей в Вечность, в которую 1000-летний поэт ступил с вершины горы Конченджанга, царящей над доныне живым королевством Бутан... с высочайшего соизволения).

Мигель де Унамуно (Miguel de Unamuno, 1864-1936) – философ, романист, новеллист, драматург, поэт, филолог, общественный деятель и педагог. Прожив яркую и бурную жизнь, он предрёк себе бессмертие в далёкой стране Дазэй-Ат, путь в которую упрятан глубоко под землёй...

*Я скоро буду сослан в память.
В былое буду выслан я.
В пустыне прошлого, друзья,
Мой след ищите...
под песками.*

В/Владимир/ович Набоков (10.04.1899 – 02.07.1977) – ... Петербург – Монтрё (Рос-Гер.-Фра.-Ам.) – В своём роде, *король без королевства*, спорен до крайностей... Омеги и Альфы, но равнодушным не оставлен никто. Для элитарных ценителей языковых *феноменов* являет собой изысканнейший *литературный десерт*; искатели же духа видят в нём лишь "*блеск, сверканье и полное отсутствие души*" (И. А. Бунин). Впрочем, спорно...

* – In-Go "В пути"; Го на др. славянском – дорога (здесь: на пути в Икстлан).

** – мифологическая планета Судьбы.

*...Какие звёзды, – какая мысль и грусть наверху,
а внизу ничего не знают.*

Совсем неслучайно в начале пути сей утончённый силъс-каар называл себя псевдонимом – *Сирин*... У др. славян Сири́н – это *тёмная птица*, само воплощение Волоса, хозяина подземного мира, послушав которого *каждый умрет, позабыв себя*; в валлийских лесах Сири́н – воплощение печальной и несчастной души, а в хрониках средневековья зафиксирован, как райская птица – человек с зачаровывающим и парализующим людскую психику пением. Время преобразило Сирина в сову с оперением ястреба, в русско-народье (по-простому) – в *Пугача*, а по-заморски – в *Лита-Ло-кобаНа*.

Псапфа (Сафо) (SaFo, 650-600 до н. э.) – женщина-поэт, музыкант, учитель, эстет; особый шарм её стихов обязан эолийскому диалекту (вспомним силу *золотой арфы*) в метрической форме. Имеется сапфическая строфа: всё остальное – *ненависть аттического бомонда* (мужского). Как известно, Псапфа осознанно не испытала "классических поз" (хотя – завистники протестуют) ввиду отсутствия поражений в литературных дуэлях с пред ставителями "сильного пола", касаясь которых имела высокий отборочный ценз, не нашедший полноценного выражения в узких рамках острова Лесбос... А виден ли материк?..

*...И какая тебя
так увлекла,
в сполу одетая,
Деревеница?..
Не умеет она
платья обвить
около щиколотки..*

Сайлюш Доор Шиир (Saylush Dor Sheer, род. 4691) – женщина-поэт, писатель, художник и путешественник, близкий друг великого дракона Фир Ахеста Д'Хетонг Хета. Последние 144 года не может сопутствовать своему мужу в его спонтанном реатральсировании из-за серьёзного подхода к процессу воспитательного фэйюкса своих дочерей: прицииссы Сэйтáайсии (перевод: "*Драконье озеро великой любви*") и прицииссы П'Эмаэль (перевод: "*Цветок Лботса*").

*Две дочери, как два больших крыла,
Я лишь сейчас объяла необъятность.
Лишь всю себя отдав – приобрела...*

Умберто Эко (Umberto Eco) – писатель, философ и непревзойдённый знаток когда-либо существовавших, ныне существующих и ещё несозданных лабиринтов. "*Лабиринт – суть живое правило прозаического построения сложнейших меоринтальных проверок первого порядка*", – писал он своим немногочисленным ученикам, пока так и не достигшим его Ка-уровня.

*А так и не прошедших успокаивал утешающе (не фо-мильно-склепно):
Как хорош мир (ЕКО – вздох) и как отвратительны лабиринты... (Кум – Ум – УМ)
(Имя Розы... "В предчувствии новой беды?").*

Эпилог – начало / "Последний лепесток". Далее?.. Прямая – поворот – тупик.

Хаэлл Вааль Силь (Дафэн / Дозна – ?) – "Тот, кто всегда возвращается", – поэт, путешественник, "вечный студент" и просто человек (в миру – Василий), стремящийся всецело обрести свою половину...

*...и непрестанно стирала (письмо) вода глаз его, – о вода глаз, ты стёрла...
...сомнение, но не тоску. Грусть моя, дай мне проснуться, чтобы увидеть небо, и пусть оно
высушит мои слёзы и примет мой дикий гнев...
... пусть солнце согреет мои ладони потерявшие шелест твоих волос; месяц, друг мой
надменный, разруби сердце моё и преврати его в ночь, полную звёзд, чтобы падать к ногам
"Единственной"...*

Плеядами... Бесконечно.

*...О, милосердием наделённая, яви возлюбленную мою новой звездой в почерневшем небе души моей,
и пусть сияние её нарастает, ведь только в его лучах согреется ускользающая...
надежда...*

Хлебников В. В. (Hlebni-Koff Veli-mirr) – поэт, писатель, мистик, пророк, зрящий в корень и в даль смутного, но величественного будущего каждого, кто коснулся ею... *причастной строфы.*

*Годы, люди и народы
Убегают навсегда,
Как текучая вода.
В гибком зеркале природы
Звезды – невод, рыбы – мы,
Боги – призраки у тьмы.*

(V)...мир Хлеб...(V)-32(5) 999

Хорхе Луис Борхес (Jorge Luis Borges... 1899-1986) – "Скромный составитель каталогов" и глава Национальной библиотеки Аргентины считал, что рай – *это вроде книгохранилища.* Но, будучи Мудрецом, постигшим не только Время, но и Пространство – все глубины немыслимого и не-охватного, он никогда не был одинок...

...Беатрис, Беатрис Елена, Беатрис Елена Витербо, любимая моя Беатрис, навсегда утраченная Беатрис, это я, Борхес.

*...И остальные письма Бога... на прозрачных
стенах, за отсутствием чернил написанные кровью.*

Хуан Рамон Хименес (Juan Ramon Jimenez, 1881-1958) – поэт, лауреат Нобелевской премии (1956). "Великий лирик", по аттестации А. Мачадо, он сыграл выдающуюся роль в сильсо-ительберийской поэтике, явившись виртуозным мастером простоты слова и музыкальности духа. "Я не пропускаю внешний мир через себя, но создаю свой собственный", – ГоваРивАл (-) МнеОН.

*...А в руках остаются
Одни очертания бегства!
... cual si la hora eterna se quedase ciega. – HISTORIAS*.*

* – Истории: *Как будто слепнет замершее Время.*

ЛИТЕРАТУРА

От составителя:

Ограниченный объем рукописи, и большое количество содержащегося в ней материала не позволили нам осветить многие вопросы с достаточной степенью ясности. Полноте! Не отчаивайтесь! Мы надеемся, что сей труд попадёт в руки и умы вдумчивого читателя, который, пользуясь предложенными методами и материалами, сам сумеет верно интерпретировать, осмыслить и решить интересующие его проблемы. Однако для этого ему необходим определённый багаж мудрости, проявленной не только в сфере культуры, истории, религии, оккультизма, и т.д., но и в области личного, благоприобретённого опыта. Это, увы, присутствует не у всех, поэтому мы предлагаем сравнительно небольшой (и, конечно же, не полный!) список книг, которые помогут более гладкому и осознанному восприятию, настолько, насколько вообще чужие знания и достижения способны пригодиться хоть кому-нибудь другому. Смотрите и увидите, слушайте и услышите, читайте и вникните!

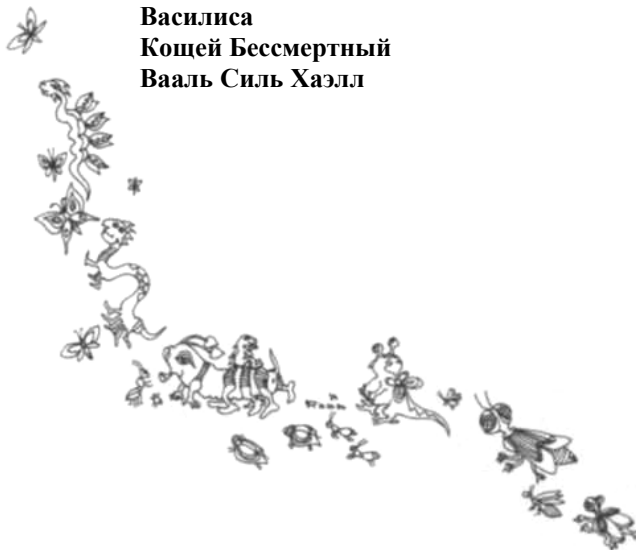
А.Н. Афанасьев. Народные русские сказки.
Афоризмы старого Китая.
Б'агавад – Гита. (Как Она есть).
Библия. Ветхий Завет. Новый Завет.
Владимир Бабанин. Тайны великих пирамид.
Владимир Даль. Толковый словарь.
Владимир Набоков. Собр. Соч.
В. Андреева и др. Энциклопедия символов, знаков, эмблем.

Г. М. Бонгард-Левин. История древнего Востока (Передняя Азия, Египет).
Го. Литературно-художественный журнал № 1, 2, 3.
Даниил Андреев. Роза мира.
Друнвало Мелхиседек. Древняя тайна цветка жизни.
Игорь Янин. Энциклопедия мудрых мыслей.
Инайят-хан. Суфийское послание о свободе духа.
Испанская поэзия в русских переводах.
Лама Анагарика Говинда. Основы Тибетского мистицизма.
Летние травы. Японские трехстишия.
Мифы народов мира.
Отоги – Дзоси. Японские рассказы XIV – XVI веков.
Сервест Бурислав. Магия бессмертия.
Судзуки Д. Т. Наука Дзен – Ум Дзен.
Тендзин Вангъял. Чудеса естественного ума.
Томас Клири. Японское искусство войны. (Постижение стратегии.)
Тулку Ургьен Ринпоче. Повторяя слова Будды.
Учения Дакини. Сокровища тибетского буддизма.
Фритьоф Капра. Дао физики.
Фритц Ринекер, Герхард Майер. Библейская энциклопедия Брокгауза.
Хорхе Луис Борхес. Собр. Соч. Хроника человечества. Большая энциклопедия.
Элфорд Алан Ф. Боги нового тысячелетия.
Ю. Э. Брегель. Мудрое слово Востока.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Пролог		стр. 6
Глава 1.	Васька	стр. 16
Глава 2.	Привилегия выбора	стр. 26
Глава 3.	Суета вокруг доффреста	стр. 34
Глава 4.	Город	стр. 40
Глава 5.	Библиотека	стр. 47
Глава 6.	Дэльфайса	стр. 55
Глава 7.	Опять библиотека	стр. 69
Глава 8.	Лес	стр. 87
Глава 9.	Баба Яга	стр. 110
Глава 10.	Змей Горынович	стр. 127
Глава 11.	Вра-рахалы	стр. 148
Глава 12.	Катты	стр. 169
Глава 13.	Грольхи	стр. 198
Глава 14.	Лабиринт	стр. 221
Глава 15.	Чотты	стр. 241
Глава 16.	Гном	стр. 249
Глава 17.	Финюк	стр. 265
Глава 18.	Василиса	стр. 285
Глава 19.	Кощей Бессмертный	стр. 303
Глава 20.	Вааль Силь Хаэлл	стр. 325
Комментарии		стр. 341
Словарь		стр. 381
Список имён-рек		стр. 404
Литература		стр. 408

Е. В. А. Д о р
Крик Дафэна

Подписано в печать 18.05.2005.
Формат издания 70X90 1/16. Печать офсетная.
Тираж 5000 экз. Заказ № 1682.

Издательство ООО «Округ».
199048, Санкт-Петербург, 14-я линия, д. 83
телефон: +7 (812) 715-1480
E-mail:
dafen@mail.ru
au_spb@mail.ru

Отпечатано с диапозитивов в ФГУП «Печатный двор»
им. А. М. Горького Министерства РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

ISBN 5-98603-003-6

© Е.В.А. Дор, 2005.
© Издательство ООО «Округ», 2005.

Оцифровано
ЗаНЗиБар
Октябрь 2009

www.torrents.ru

"Крик Дафэна" - это всего лишь
(не)большая Дверь в (ию)реальность
(не)поведанных мифов, (не)написанных книг
и забытых песен о гибели и спасении Мира.

Сон Дафэна - это, хотя и призрачный,
но захватывающий,
и, вместе с тем, опасный путь
для тех, кого влечёт неотвратимость схватки,
нарастающий вой погони,
круговорот ритуала любви...
и пледст волшебного Леса,
рожденный ветром неувимой мечты.
Но никакая иная дверь
не дает возможность коснуться следа
улетающего Дракона,
отразить молнию немого проклятья и
окунуться в отчаянье и восторг тайных встреч -

кроме
ВАШИХ СОБСТВЕННЫХ ВРАТ.

Поэтому

Право Дафэна - это ещё эдипи шанс
отправиться по (не)хоженным тропам,
ведущим в самую тьму Лабиринта и
в сияющую тиньину Библиотеки.

Откройте свои Врата и вы увидите
Путь Дафэна.

...Удачи Вам.

ISBN 5-98603-003-6

